

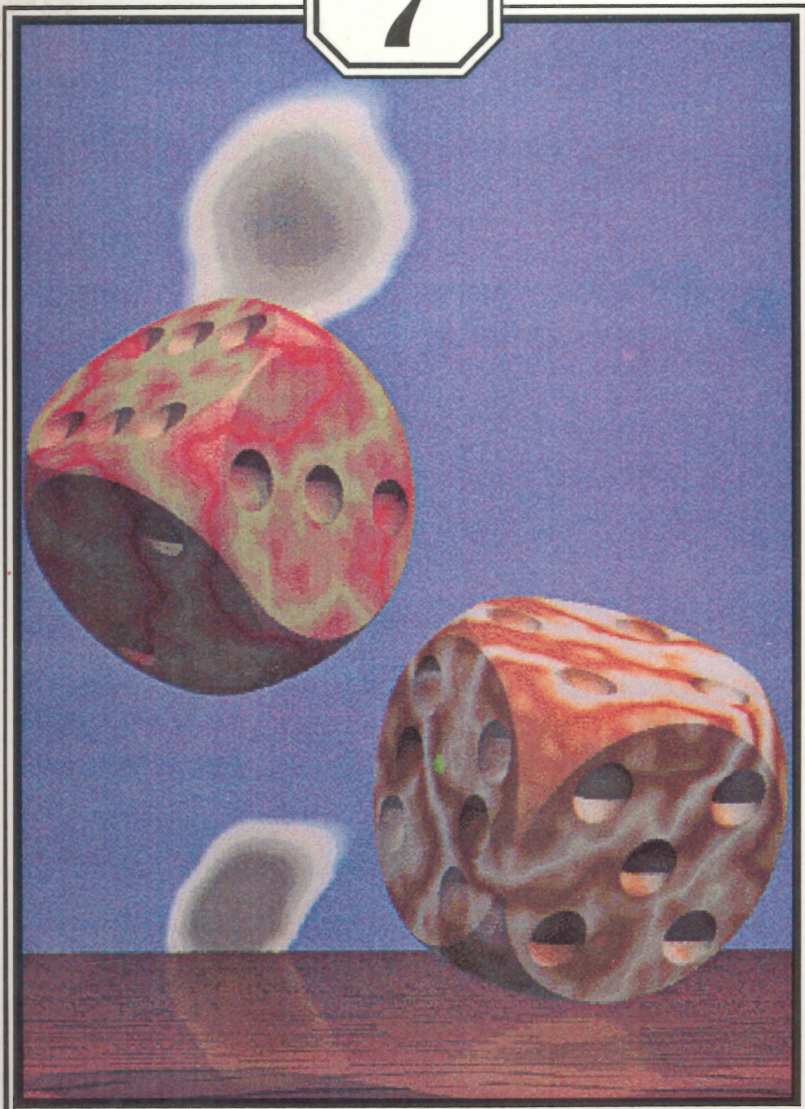
МФФ

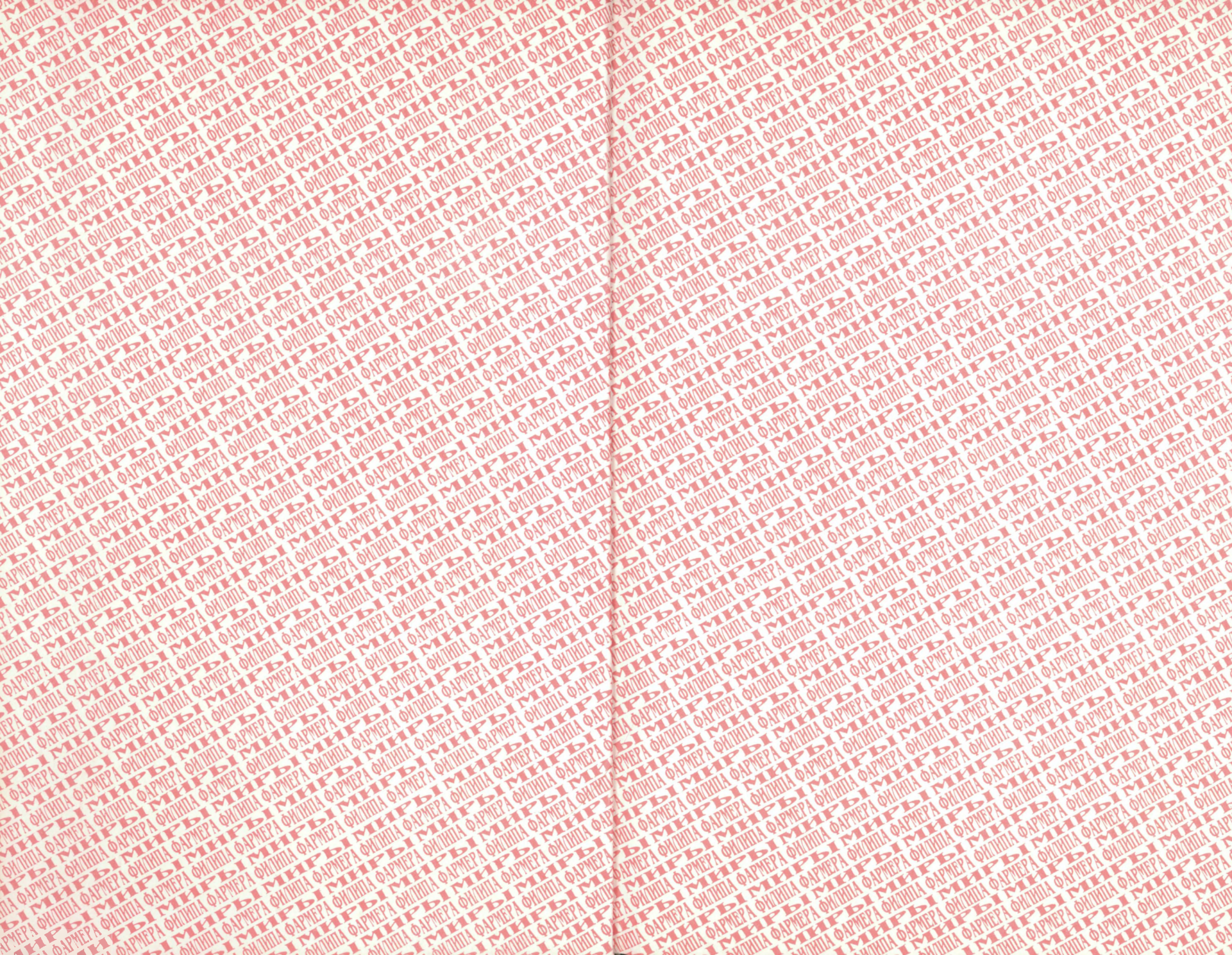
МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

7

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

7

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

RIVERWORLD

THE DARK DESIGN

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИР РЕКИ

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 7 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 415 с.

Составляющий эту книгу роман «Темные замыслы» продолжает эпическую сагу о Море Реки. Ее герои стремятся отыскать истину, скрытую от них экспериментаторами-этиками, но сами оказываются вовлечены в их темные замыслы.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-157-X

The Dark Design
Copyright © 1977 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В седьмом томе собрания сочинений Филипа Хосе Фармера продолжается титаническая сага о Море Реки.

Составляющий этот том роман «Темные замыслы» первоначально планировался автором как часть завершающего тома трилогии, начатой романами «В тела свои разбросанные вернитесь» и «Сказочный пароход». Однако объем книги оказался так велик, что автор вынужден был вначале разбить его на два — «Темные замыслы» и «Магический лабиринт», с которым читатель встретится в следующем томе, а затем и дописать завершающий роман — «Боги Мира Реки».

«Темные замыслы» продолжают и развивают сюжетные линии, начатые в первых двух романах, неторопливо сплетая их вместе. Поодиночке и группами Избранные приближаются к обиталищу этических — Туманной Башне, что стоит посреди Полярного моря, являющегося одновременно истоком и устьем Реки.

Но на пути их встают препятствия. И не только внешние — хотя в романе с лихвой достанет и дуэлей на мечах, и воздушных сражений на дирижаблях. Противником каждого становится прежде всего он сам. От жажды мести мутится рассудок Сэмюэля Клеменса, готового на все, чтобы отомстить укравшему его корабль королю Иоанну Безземельному. Питера Фрайгейта так занимают личности его попутчиков с очень прозрачными псевдонимами (прозрачными для американца — если узнать в Мартине Фаррингтоне Джека Лондона еще можно, то киноактера Тома Микса в Томе Райдере — весьма затруднительно), что первоначальная цель плавания становится почти неуловимой. Ричарда Бёртона мучит самая страшная пытка — пытка неизвестностью.

В этом романе, как и в следующих, Фармер отдал щедрую дань своему увлечению суфизмом. Это мистическое учение, родившееся в недрах ислама, связывает человека с Богом через любовь, находит Бога во всем сущем. Союз и противопоставление суфизма с западным мировосприятием служит философской основой завершающих

книг «Мира Реки». Не случайно попутчиком Фрайгейта и Джека Лондона становится один из основателей этого учения Нурэддин эль-Музафир.

И, по суфистским канонам, реальность Реки оказывается предательски зыбкой. Противоречия накапливаются. Что-то из того, что говорили людям всемогущие этики, — ложь, но что именно? Почему прекратились воскрешения? Почему в Мира Реки так мало людей из конца XX века? Почему эти люди лишены загадочных меток на лбу и носят в мозгу черные шарики? Почему... почему... почему?..

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Хотя некоторые имена в сериале «Мир Реки» и вымышлены, но их прообразы (в прошлом или настоящем) вполне реальны. Вы в нем, может, и не упомянуты, но все равно вы — там.

*Сэму Лонгу и моему крестнику, Дэвиду —
сыну доктора Доктера*

А Ткач все гоняет проклятый уток
Сынам человечьим на горе;
Но замысел темный никто бы не смог
Узреть в полоумном узоре.

Деяния Хаджи Абд-эль-Ядзи

— Пусть выносят приговор!
А виновен он или нет — потом разберемся!
Алиса в Стране чудес

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которая у вас в руках, — это третий том из серии «Мир Реки». Первоначально она должна была стать заключительной частью трилогии. Однако ее объем оказался слишком большим — свыше 400 000 слов. Если б ее напечатать под одной обложкой, она стала бы слишком неудобной для читателя и громоздкой.

Поэтому издатель и я решили разбить ее на два тома. Четвертый том будет называться «Магический лабиринт» и выйдет вскоре после этой книги. Он будет завершать серию на данном этапе и раскроет все тайны, которые появились в первых трех томах, связав все сюжетные линии в единый узел — может, гордиев, а может — и нет.

Любые романы о Мире Реки, которые могут появиться после четвертого тома, не должны рассматриваться как составная часть главного русла повествования. Это уж скорее «притоки», напрямую не связанные ни с главной загадкой, ни с поисками ее решения, что является содержанием первых трех томов. Мое намерение написать эти дополнительные тома основано на убеждении (и не только моем), что концепция Мира Реки слишком грандиозна, чтобы ее спрессовать в четыре книги. В конце-то концов, перед нами целая планета с единственной Рекой (или с узким морем) протяженностью 16 090 тысяч километров, или 10 миллионов миль. Больше 36 миллиардов человек обитает на ее берегах; и все это люди, жившие на Земле, начиная с раннего каменного века и кончая первыми годами электронного.

В первых четырех томах просто не хватило места, чтобы описать множество событий, которые, возможно, будут интересны читателю. Например, воскресшие распределены по долине Реки отнюдь не в согласии с той последовательностью, в которой они рождались на Земле. Тут имеет место неслыханное смешение рас и национальностей, относящихся к различным столетиям. Возьмем, к примеру, один из многих тысяч «блоков», на которые подразделяется речная долина. На этой полоске побережья, длиной

в 10 километров, население на 60% состоит из китайцев — жителей III века н. э., на 39% — из русских XVII века н. э., а 1% — это мужчины и женщины, выходцы из самых разных стран и времен. Как будут эти люди поднимать устойчивое государственное образование из волн анархии? Удастся ли им достигнуть успеха, или их попытки создать человеческую общность, способную противостоять враждебным государствам, с треском провалятся? Какие проблемы при этом возникнут?

В книге, лежащей перед вами, Джек Лондон, Том Микс, Нур-эддин эль-Музафир и Питер Джейрус Фрайгейт плывут на корабле «Пирушка-2» вверх по Реке. Что касается Фрайгейта и Нура, то они неплохо обрисованы в третьем и четвертом томах, а вот на характеристику остальных там места не хватило. По сей причине рассказы «притоки» дадут мне возможность эту прореху залатать.

В этих рассказах будет также повествоваться о том, как команда «Пирушки» встречалась с важными и с менее значительными представителями различных сфер человеческой деятельности. Среди них будут Да Винчи, Руссо, Карл Маркс, Рамзес Второй, Ницше, Бакунин, Алкивиад, Эдди, Бен Джонсон, Ли Бо, Нихирен Дайсёнин, Ашока, некая пещерохозяйка времен ледникового периода, Жанна д'Арк, Гильгамеш, Эдвин Бут, Фауст и другие.

Кое для кого уже стало очевидным, что Питер Джейрус Фрайгейт удивительно схож с автором. И я в самом деле являюсь прототипом этого действующего лица, но Фрайгейт лишь приблизительно сходен со мной, подобно тому как Дэвид Копперфильд только относительно похож на Чарльза Диккенса. Физические и психологические черты автора — лишь трамплин для перенесения реальности в парареальность, то есть в литературу вымысла.

И еще я должен извиниться перед читателями за сенсационно закрученные концовки трех первых романов. Структура сериала такова, что я не смог избежать подражания азимовской «Академии». Каждый из этих томов, как кажется читателю, содержит окончательное решение, и тайна, по-видимому, раскрывается до конца, но это сделано лишь для того, чтобы в следующем томе обнаружить обманной характер приведенного раньше решения.

Я надеюсь завершить всю серию — от первого до пятого (а может, и до шестого) тома, прежде чем придет мой черед лечь и отдыхать в ожидании права подняться на борт Корабля, плывущего по Реке.

ГЛАВА 1

Тревожат сны Мир Реки.

Сон — эта Пандора Ночи — куда более щедра тут, чем на Земле. Там вы получаете один сон для себя, а ваш сосед — другой. Завтра же вам достанется соседское сновидение, а ему — ваше.

Здесь же — в этой бесконечной долине, заключенной в рамку столь же бесконечно тянущихся берегов, Пандора разом опусто-

шила свой ларец, осыпав всех своими дарами: ужасом и наслаждением, воспоминанием о прошлом и предвидением будущего, тайнами и их разоблачением.

Миллиарды людей вздрагивают, бормочут, стонут, плачут, смеются, вопят, всплывают к пробуждению и снова погружаются в глубины сна.

Мощные стенобитные машины крушат стены сознания, и сквозь проделанные дыры проникают странные существа. Нередко им не хочется уходить, и они остаются — фантомы, отказывающиеся растаять даже при утреннем крике петуха.

А еще, по каким-то неизвестным причинам, одни и те же сны повторяются здесь снова и снова куда чаще, нежели на планетематери. Актеры Ночного Театра Абсурда настаивают на повторных ангажементах и на представлениях, которыми руководят они сами, а вовсе не продюсеры. Зрители же не могут ни аплодировать, ни освистывать, ни швырять на сцену тухлые яйца или капустные кочерыжки, ни уходить, ни болтать с соседями, ни впасть в забытие.

Среди этой порабощенной аудитории был и Ричард Фрэнсис Бёртон*...

ГЛАВА 2

Сценой и одновременно задником был туман — серый и клубящийся. Бёртон стоял в партере за креслами, подобно зрителю елизаветинских времен, слишком бедному, чтобы заплатить за кресло. Над ним висели тринадцать фигур, расположенных в креслах, которые плавали в волнах тумана. Одна из фигур сидела лицом к остальным, которые образовывали обращенный к ней лицами полукруг. Этим человеком — главным героем представления — был он сам — Бёртон.

Присутствовал там и еще некто четырнадцатый, но он скрывался в кулисах и был виден только Бёртону, который стоял в партере. Это был черный, внушавший страх силуэт, который время от времени разражался гулким смехом.

Несколько отличная от сегодняшней сцена имела место раньше, не только в действительности, но и в снах, хотя кто бы мог тут сказать — где реальность, а где — сны. Вон там сидит он сам — человек, умиравший уже семьсот семьдесят раз в тщетных попытках избавиться от своих преследователей. И там же сидят двенадцать тех, кто зовут себя этиками.

Шесть мужчин, шесть женщин. За исключением двух, у всех кожа то ли сильно загорела, то ли обязана своим темным цветом

* Ричард Фрэнсис Бёртон (1821—1890) — знаменитый английский исследователь Африки (открыл озеро Танганьика), лингвист, один из первых переводчиков «Тысячи и одной ночи» на английский язык. (Здесь и далее *примеч. пер.*)

природе; волосы или черные, или темно-каштановые. Веки двух мужчин и одной женщины имеют слабо выраженную складку эпикантуса*, что заставило Бёртона принять их за евразийцев. Разумеется, в том случае, если они вообще происходят с Земли.

Только двое — Лога и Танабар — назвали свои имена во время предшествовавшего краткого допроса. Ни одно из этих двух имен не показалось Бёртону относящимся к известным ему языкам, а их он знал больше сотни. Однако языки меняются и, возможно, эти люди пришли из пятьдесят второго столетия нашей эры. Сказал же ему один из их агентов, что он происходит именно из этого времени. Но ведь Спрюсу тогда угрожала пытка, и очень вероятно, что он просто врал.

Лога был одним из немногих обладателей сравнительно светлой кожи. Поскольку он сидел, а здесь (как и прежде) отсутствовал какой-либо материальный предмет для сравнения масштабов, то его рост было трудно определить — он с равным успехом мог оказаться и высоким и низким. Тело казалось плотным и мускулистым, а грудь поросла густым рыжим волосом. На голове волосы тоже были ярко-рыжие. Черты лица неправильные, но сильные — выдающийся вперед подбородок с глубокой ямкой; массивные челюсти; крупный орлиный нос; густые светло-желтые брови; широкие, полные губы и темно-зеленые глаза.

Другой светлокосый мужчина — Танабар — определенно был лидером. Сложением и чертами лица он походил на Логу, и они вполне могли бы оказаться родными братьями. Однако волосы у него были гораздо темнее. Один глаз зеленый, причем редкого, похожего на цвет листьев оттенка.

Другой глаз прямо сразил Бёртона, как только Танабар впервые повернулся к нему лицом. Вместо второго зеленого глаза, увидеть который он ожидал, на него смотрел драгоценный камень. Выглядел он как невероятно крупный голубой бриллиант, как сверкающая множеством граней драгоценность, вставленная прямо в глазницу.

Каждый раз, когда камень обращался на него, Бёртон ощущал какую-то растерянность. К чему это приспособление? Не видит ли он в Бёртоне чего-то такого, чего нельзя различить обыкновенными глазами?

Из двенадцати пока высказались лишь трое: Лога, Танабар и тоненькая, но обладающая отлично развитым бюстом женщина с большими голубыми глазами. Из того, как с ней разговаривал Лога, Бёртон сделал вывод, что они, должно быть, супруги.

Глядя на них из партера, Бёртон заметил, что над головой каждого из сидящих, включая и его собственное второе «я», низко нависали странные сферы. Они быстро вращались, непрерывно меняя тона, и время от времени выбрасывали из себя яркие

* Складка у внутреннего угла глаза, характерная для представителей монголоидной расы и некоторых групп негроидной.

шестигранные отростки — зеленые, голубые, черные и ослепительно белые. Потом эти «руки» снова втягивались в сферы, но только для того, чтобы сейчас же появиться вновь.

Бёртон попытался было установить связь между вращением сфер и изменением цвета их отростков с личностями тех трех и себя самого, с их внешностью, тональностью голосов, смыслом произносимых слов и испытываемыми эмоциями. Однако никаких таких связей он не обнаружил.

В тот раз когда эта сцена происходила в реальности, Бёртон не мог видеть собственной ауры.

Реплики сегодня были не совсем такими, как в тот раз, когда события происходили в действительности. Похоже, Повелитель Снов на этот раз переписал сценарий заново.

Лога — рыжеволосый мужчина — произнес:

— Мы поручили группе своих агентов разыскать вас. Их было очень мало, особенно если учесть, что на берегах Реки в настоящее время обитают тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч сто тридцать семь кандидатов.

— Кандидатов *на что?* — спросил тот Бёртон, что сидел на сцене. В первый раз он этой реплики не подавал.

— А это уж наше дело знать, а ваше — выяснить, — отозвался Лога. Его нечеловечески белые зубы сверкнули в широкой усмешке. Он продолжал: — Нам не приходила в голову мысль, что вы будете ускользать от нас, совершая частые повторные самоубийства. Шли годы. У нас были другие важные дела, и мы отозвали агентов, занятых в деле Бёртона, как мы его называли, за исключением немногих, занявших позиции на обоих концах Реки. Потом каким-то образом вам удалось получить сведения о Полярной Башне. Позже мы узнали — каким именно.

Бёртон-зритель подумал: *но узнали вы это, конечно, не от Икса!*

Он попытался подобраться поближе к актерам, чтобы лучше их рассмотреть. Кто же из них этот этик, который разбудил его в предвоскресительной камере? Который пришел к нему в ту ливневую, пронизанную зигзагами молний ночь? Который предложил ему помощь? Который был предателем и которого Бёртон знал лишь под кличкой Икс?

Он вступил в борьбу с влажным холодным туманом, таким неощутимым и в то же время таким же необоримым, как магические узы, сковывающие чудовищного волка Фенрира* до наступления Рагнарока — времени гибели богов.

Лога продолжал:

— Мы все равно нашли бы вас — так или этак. Видите ли, каждая капсула в восстановительной камере — так называется это

* Персонаж скандинавской мифологии. Сын Локи. Скованный богами волк Фенрир должен вырваться на свободу, и с этого события начнется гибель богов.

место, где вы неожиданно для нас пробудились во время фазы, предшествующей воскрешению, — снабжена автоматическим счетчиком. Любой кандидат, у которого число смертей намного превышает среднее, рано или поздно становится объектом исследования. Обычно это случается скорее поздно, так как у нас не хватает рабочих рук.

Мы не имели представления, что именно вы являетесь тем, кто набрал такое неимоверное число смертей — семьсот семьдесят семь. Ваша капсула была пуста, когда мы осматривали ее во время нашего статистического исследования. Два техника, которые видели вас проснувшимся в предвоскресительной камере, опознали вас по вашей фотографии.

Мы настроили капсулу так, чтобы в следующий раз, когда ваше тело окажется в ней, прозвучал бы сигнал предупреждения, и мы могли бы забрать вас оттуда и доставить сюда.

Но Бёртон больше не умирал. Каким-то образом они обнаружили его в то время, когда он находился в числе живых. И хотя он снова бежал, его все же удалось изловить. А может, не так? Может, когда он мчался сквозь ночную бурю, он был убит молнией? А они уже ждали его возле предвоскресительной капсулы? В той огромной камере, которая, как он предполагал, находится где-то глубоко под поверхностью планеты или в Полярной Башне?

Лога продолжал:

— Мы провели детальное изучение вашего тела и исследовали каждый компонент вашего... психоморфа, или ауры, если вы предпочитаете этот термин.

Он указал на сверкающий вращающийся шар над тем Бёртоном, что сидел в кресле и глядел прямо на него.

А затем этик сделал странную вещь. Он повернулся, взгляделся в туман и указал на Бёртона-зрителя.

— Мы не обнаружили ровным счетом ничего.

Темная фигура в кулисах громко хохотнула.

Тот Бёртон, что стоял в партере, крикнул:

— Вы думаете, вас только двенадцать! А вас тринадцать! Несчастливое для вас число!

— Не число важно, а качество, — буркнуло существо за кулисами.

— Вы все равно забудете обо всем, что происходило тут, сразу же, как только снова окажетесь в долине Реки, — сказал Лога.

Бёртон в кресле ответил, причем этих слов он не говорил во время допроса, имевшего место в реальности.

— А как вы заставите меня позабыть?

— Мы записали то, что содержит ваша память, точно так же, как записывают на пленку голос, — вмешался Танабар. Он говорил так, будто читал лекцию. А может, он таким образом предупреждал Бёртона, ибо был на самом деле Иксом?

— Конечно, на то, чтобы «проиграть» вашу память за все те семь лет, которые вы тут пробыли, ушло немало времени. И потребовалось огромное количество энергии и различных материа-

лов. Но компьютер, с которым работал Лога, был настроен так, чтобы «проигрывать» вашу память на огромной скорости, и останавливался лишь тогда, когда вас посещал этот грязный предатель. Поэтому нам известно все, что тогда произошло. Эти сведения дошли до нас точно в том виде, как вы их запомнили. Мы видели все, что видели вы, слышали то, что вы слышали, ощущали то, что вы ощущали, и обоняли то, что обоняли вы. Мы сопереживали ваши эмоции.

К сожалению, тот визит произошел ночью, а сам предатель принял эффективные меры, чтобы изменить свой облик. Даже голос он пропустил через приспособление, меняющее его тембр, и это помешало компьютеру проанализировать его... или ее... голосовые отпечатки. Я сказал «ее» потому, что вы видели лишь бледный силуэт без отчетливо узнаваемых черт — сексуальных или иных. Голос показался нам мужским, но и женщина могла бы воспользоваться таким приборчиком, чтобы произвести впечатление мужчины.

И запах тела тоже был изменен. Компьютер его проанализировал и установил со всей очевидностью, что какое-то химическое вещество его изменило.

Короче, Бёртон, мы не имеем представления, кто из нас ренегат, и абсолютно ничего не можем сказать о причинах, заставивших его или ее работать против нас. Просто невозможно поверить, что кто-нибудь, кому известна Истина, задумал нас предать. Единственное объяснение, что этот человек безумен. Но и в это также поверить невозможно.

Бёртон, сидевший в партере, каким-то образом знал, что Танабар не произносил этих слов во время первого и реального представления, когда шла, так сказать, настоящая драма. Он знал и то, что сейчас видит сон, что иногда он сам вкладывает в уста Танабара произносимые тем слова. Речь этого человека была составлена на основе мыслей самого Бёртона, его размышлений, фантазий, которые появились у него гораздо позже.

Однако Бёртон, сидевший в кресле, высказал кое-что из этих мыслей вслух:

— Если вы можете читать мысли... и даже записывать их... почему вы не читаете в мозгу друг друга? Вы же наверняка сделали это? И тогда вы безусловно уже давно выявили бы своего предателя?

Лога выглядел так, будто вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

— Мы согласились на прочтение мыслей, конечно, но... — Он пожал плечами и беспомощно развел руками.

Теперь в разговор вмешался Танабар:

— Так что личность, которую вы звали Иксом, должно быть, вас обманула. Он вовсе не один из нас, а просто один из более низких чинов — агент. Мы их тоже отозвали сюда для проведения сканирования памяти. Однако на это нужно время. У нас его сколько угодно. Ренегат будет схвачен.

Тот Бёртон, что в кресле, спросил:

— Ну а если *ни один* из агентов не окажется виновным?

— Не говорите ерунды, — сказал Лога. — Во всяком случае, ваша память в части, касающейся того, как вы проснулись в предвосстановительной капсуле, будет стерта. Воспоминания о визите предателя и все события, которые последовали за этим, тоже уничтожатся. Нам крайне неприятно прибегать к таким насильственным действиям, но они необходимы, и мы надеемся, что недалеко то время, когда мы сможем все вернуть в прежнее состояние.

Бёртон, что сидел в кресле, сказал:

— Но... у меня останутся воспоминания о предвосстановительной камере. Вы забыли, что я очень часто думал об этом месте во времена между пробуждением на берегах Реки и визитом Икса. Кроме того, я рассказывал об этом многим людям.

Танабар ответил:

— Ах, да разве они вам поверили? А если и поверили, то что они могут сделать? Нет, мы не сочли нужным стирать всю вашу память о пребывании в Мире Реки. Это причинило бы вам массу неудобств; лишило бы вас ваших друзей. И... — здесь Танабар остановился, — могло бы замедлить ваш личный прогресс.

— Прогресс?

— У вас будет время, чтобы выяснить значение этого слова. Безумец, который соблазнял вас своей помощью, использует вас для достижения собственных целей. Он ведь не сказал вам, что вы отбросили прочь возможность достижения вечной жизни тем, что согласились содействовать его планам. Он или она — кто бы ни был предатель — он — Зло. Зло! Зло!

— Ну-ну, — сказал Лога, — нас всех это очень тревожит, но не следует забываться... Этот... неизвестный... он, вероятно, болен.

Человек с глазом из драгоценного камня ответил:

— Быть больным — в известном смысле значит творить Зло.

Бёртон в кресле откинул голову и расхохотался громко и продолжительно:

— Значит, вы, ублюдки, ничего не знаете?

Он вскочил, и серый туман поддержал его, будто это была какая-то твердая субстанция. А Бёртон орал:

— Вы не хотите допустить меня к верховьям Реки! Но почему? Почему не хотите?

— Au revoir*. Простите нас за насилие, — сказал Лога.

Одна из женщин направила на Бёртона, стоявшего на сцене, тонкий голубоватый цилиндр, и тот упал ничком. Еще два человека вышли из тумана; оба были одеты в одни белые килты. Они подняли бесчувственное тело и унесли его в туман.

Бёртон сделал еще одну попытку добраться до людей на сцене. Ему это не удалось, и он погрозил им кулаком, крича:

— Я вам никогда не достанусь, проклятые чудовища!

* Прощайте! (фр.)

Черная фигура за кулисами аплодировала, но ее ладони хлопали беззвучно.

Бёртон ожидал, что его отправят туда же, где он был подобран этиками, но очнувшись он в Телеме — крошечном государстве, которое он сам когда-то основал.

Самым неожиданным было то, что его память ничуть не пострадала. Он помнил все; даже допрос двенадцати.

Каким-то образом Иксу и тут удалось одурачить остальных.

Позднее Бёртон предположил, что этики просто лгали ему, на самом деле вовсе не собираясь валять дурака с его памятью. Смысла в этом вроде бы не было, но он же вообще не имел понятия об их истинных намерениях.

Когда-то Бёртону приходилось играть две шахматные партии одновременно и к тому же с завязанными глазами. Но это требовало просто определенного умения, знания правил и знакомства с доской и фигурами. А правил теперешней игры он не знал, как не знал силы своих противников. Темный замысел терялся в бессмысленных узорах.

ГЛАВА 3

Застонав, Бёртон наполовину проснулся.

Какое-то время он никак не мог сообразить, где находится. Его окружала тьма, тьма столь же непроницаемая, как та, что заполняла, как ему казалось, все его существо.

Однако знакомые звуки тут же привели его в чувство. Корабль терся о стенки дока, и вода тяжко накатывала на его корпус. Рядом с Бёртоном раздавалось ровное дыхание Алисы. Сверху доносились легкие шаги — это Питер Фрайгейт нес ночную вахту. Возможно, он уже готовился будить своего капитана. Бёртон не имел представления, который сейчас час.

Были слышны и другие привычные звуки. Сквозь деревянную переборку проникал мощный храп Казза и булькающий — его женщины Бесст. Из следующей за ними каюты донесся голос Моната. Он что-то говорил на своем родном языке, но Бёртон отсюда не мог разобрать ни единого слова.

Наверняка Монату снился его родной далекий мир — Атаклу. Планета с «диким колдовским климатом», которая вращается вокруг оранжевого гиганта — звезды Арктур*.

Бёртон полежал еще немного, напряженный, точно окоченелый труп, продолжая думать обычное: *«Вот я лежу тут — мужчина в возрасте ста одного года, обладающий телом двадцатипятилетнего...»*

Этики размягчили отвердевшие артерии кандидатов. Но им не удалось ничего сделать со склерозом души. Ремонт души, очевидно, был отдан на откуп самим кандидатам.

* В первом романе сериала Монат назван тау-китянином. (Примеч. ред.)

Сны уходили все дальше и дальше в глубь его истории. Вот только что ему снился допрос у этиков. Теперь же Бёртону грезилось, будто он снова переживает тот сон, который снился ему как раз перед тем, как он проснулся по зову Труб Страшного Суда. Однако на этот раз он видел во сне и себя самого, то есть был одновременно и участником сна и сторонним зрителем.

Бог стоял над ним — лежащим на траве Бёртоном, бессильным, как новорожденный ребенок. На этот раз у Бога не было длинной черной раздвоенной бороды, и Он вовсе не был одет так, как то подобает английскому джентльмену на пятьдесят третьем году правления королевы Виктории. Единственная его одежда состояла из голубого полотенца, обернутого вокруг чресел. Фигура была пониже, чем в том — первом сне, куда короче, шире и мускулистее. Волосы на груди густые, курчавые и рыжие.

В тот первый раз Бёртон, взглянув в лицо Бога, увидел там *свое собственное*. Бог тогда имел такие же, как у Бёртона, черные прямые волосы; то же арабское лицо с глубоко сидящими темными глазами, похожими на блестящие наконечники копий, торчащие из глубины пещеры; те же высокие скулы, полные губы и выдвинутый вперед, почти раздвоенный подбородок. Однако лицо Бога не несло шрамов, оставленных сомалийским дротиком, пронзившим щеку Бёртона, выбившим ему зубы и скользнувшим по языку так, что конец наконечника вышел из другой щеки.

Теперь же лицо Бога выглядело знакомым, хотя Бёртон никак не мог определить, кому именно оно принадлежит. Только ясно, что не Ричарду Фрэнсису Бёртону.

В руках Бог, как и ранее, держал стальную трость. В данный момент Он тыкал ею Бёртона под ребра.

— Ты опоздал. Уже давно, знаешь ли, прошло время, отведенное для уплаты твоего долга.

— Какого еще долга? — спросил человек на траве.

— Ты должен мне за плоть и за Дух, которые, впрочем, есть одно и то же.

Человек на траве попытался встать на ноги. Задышавшись, он произнес:

— Так еще не бывало, чтобы кто-то ударил меня и ушел без хорошей взбучки.

Кто-то тихонько фыркнул, и стоявший Бёртон обнаружил высокую неясную фигуру, которая вырисовывалась в тумане заднего плана.

Бог произнес:

— Платите, сэр. Иначе мне придется прибегнуть к удержанию имущества.

— Проклятый ростовщик! — воскликнул человек на траве. — Я встречал таких подонков в Дамаске.

— А это и есть *дорога* в Дамаск. Во всяком случае, должна ею быть.

Темная фигура опять фыркнула. Затем туман поглотил их всех. Бёртон проснулся весь в поту, в ушах его еще звенел собственный плач.

Алиса повернулась к нему лицом и сонно спросила:

— У тебя опять кошмары, Дик?

— Все в порядке. Постарайся уснуть.

— В последнее время тебе часто снятся кошмары.

— Не чаще, чем на Земле.

— Хочешь поболтать?

— Я достаточно разговариваю и во сне.

— Но ведь только сам с собой!

— А кто знает меня лучше, чем я сам? — Он тихонько засмеялся.

— И кто другой может обмануть тебя лучше, чем ты сам? — заметила она с легкой обидой.

Бёртон промолчал. Прошло лишь несколько секунд, и она уже снова дышала спокойно и тихо, будто ее ничто не тревожило. Он надеялся, что утро не принесет им новой ссоры.

Впрочем, Бёртон любил выяснять отношения; это давало ему возможность выпускать пары. Однако последнее время стычки оставляли их неудовлетворенными и готовыми тут же затеять новую свару.

Было почти невозможно обрушиваться на Алису без того, чтоб об этом сразу же не узнали все обитатели крошечного суденышка. За годы жизни с Бёртоном Алиса сильно изменилась, но у нее сохранилось от прежних лет отвращение к тому, что она называла «полосканием грязного белья на людях». Зная это, он наваливался на нее изо всех сил, орал, вопил, получая наслаждение от унижения Алисы. Потом-то ему становилось стыдно за себя, за то, что он пользовался слабостью жены, за то, что так унижил ее.

А это еще сильнее возбуждало в нем злобу.

На палубе по-прежнему слышались шаги Фрайгейта. Бёртон подумал, не сменить ли ему Питера пораньше. Он же все равно не сможет уснуть. Он страдал бессонницей большую часть своих зрелых лет на Земле, да и тут тоже. Фрайгейт же обрадуется возможности завалиться в койку. Ему было очень трудно воздерживаться от сна, выстаивая ночные вахты.

Бёртон опять закрыл глаза. И сразу же тьму сменило нечто серое. Он увидел себя опять в том же колоссальном помещении без стен, потолка и пола. Голый, он плавал в горизонтальном положении в этой бездне. Как будто подвешенный к невидимому и неосязаемому стержню, он медленно вращался вокруг своей продольной оси. Вращаясь, он видел множество других нагих тел над собой, по бокам и под собой. Так же как и у него, их головы и гениталии были выбриты. Некоторые тела были сильно искалечены. У мужчины слева с правой руки от локтя и ниже была содрана кожа. Повернувшись, Бёртон увидел другое тело, у которого вообще не было ни кожи, ни мышц на лице.

Еще дальше от Бёртона плавал скелет, внутри которого виднелась куча перемешанных кишок и других органов.

Все тела были прикреплены головами и ногами к шестам, сделанным из какого-то красного металла. Шесты поднимались от скрытого в потрясающих воображение глубинах пола и тянулись к невидимому потолку. Шесты стояли бесконечными рядами, и вертикальное пространство между каждой их парой кишело вращающимися по продольной оси телами — ряды спящих уходили в бесконечность — вверх, вниз, в стороны — куда только достигал взгляд.

Тела образовывали вертикальные и горизонтальные ряды, скрывающиеся в серой дымке бесконечности.

На этот раз Бёртон, наблюдая, снова ощутил, хоть и чуть слабее, чем раньше, тот же страх и то же удивление, которые охватили его в ту первую минуту пробуждения.

Он — капитан сэр Ричард Фрэнсис Бёртон, консул Ее Величества в городе Триесте, что в Австро-Венгерской Империи, — умер в воскресенье 19 октября 1890 года.

А теперь он — живой! — находился в таком-то месте, которое никак не походило ни на тот рай, ни на тот ад, о которых ему доводилось слышать.

Из всех миллионов тел, которые он мог видеть, он был единственным живым. Или бодрствующим.

Вращающийся Бёртон, должно быть, удивлялся, на каком основании его избрали для столь высокой и непрошенной чести.

Бёртон-зритель теперь знал — почему.

Тот этик, которого он называет Иксом и который совершенно не известен ему ни по облику, ни по преследуемым целям, разбудил Бёртона. Тот самый предатель!

Но вот подвешенный в пространстве человек коснулся одного из шестов. Это движение разорвало какую-то сеть проводников, и все тела между шестами стали падать; вместе с ними падал и сам Бёртон.

И снова Бёртон-зритель ощутил тот же ужас, что охватил его, когда все это происходило в действительности. Да, это один из самых Изначальных Снов — свойственный всему человечеству сон о Падении. Без сомнения, он ведет происхождение от самого первого человека — полуобезьяны-полумыслящего существа, для которого падение стало жуткой реальностью, а вовсе не ночным кошмаром. Эта полуобезьяна прыгала с ветки на ветку, воображая, что сможет преодолеть любое расстояние между ними. И сорвалась вниз из-за гордыни, победившей в ней разум.

Не то ли случилось и с Люцифером, падение которого тоже было порождено гордыней?

Теперь тот — другой — Бёртон ухватился за шест и повис на нем, тогда как все остальные тела, продолжая медленно вращаться, проносились мимо него водопадом плоти.

Видимо, сейчас его лицо было обращено вверх, так как он увидел летательную машину, похожую на зеленоватое каное, кото-

рая спускалась между ближайшими к нему шестами. Машина не имела ни крыльев, ни пропеллера и приводилась в действие каким-то приспособлением, неизвестным науке эпохи Бёртона.

Ее носовую часть украшал символ — белая спираль, конец которой загибался вбок, и из него били белые лучи.

Два человека наклонились над бортом летательной машины. А затем внезапно водопад летящих вниз тел замедлился, и невидимая сила схватила Бёртона и оторвала от шеста. Все еще продолжая вращаться, он всплывал вверх, миновал машину и остановился чуть выше ее. Один из сидевших в «каноз» людей направил на него металлический предмет, похожий на карандаш.

Голосом, срывающимся от ярости, ненависти и разочарования, тот Бёртон взвизгнул:

— Я убью! Убью! Я прикончу вас!!!

Угроза была пустой. Пустой была и тьма, охватившая его и обуздавшая нахлынувшее бешенство.

Теперь на него глядело только одно лицо, свесившееся через борт машины. Хотя он не мог разобрать его черты, оно все же казалось ему знакомым. Как бы оно ни выглядело, оно безусловно принадлежало Иксу.

Этик насмешливо хохотнул.

ГЛАВА 4

Бёртон рывком вскочил и вцепился в глотку Икса.

— Ради Бога, Дик! Это ж я — Пит.

Бёртон разомкнул пальцы, сжимавшие шею Фрайгейта. Свет звезд, такой яркий, какой бывает на Земле лишь в ночь полнолуния, лился сквозь распахнутую дверь каюты, отчетливо высвечивая силуэт Фрайгейта.

— Твоя вахта, Дик.

— Пожалуйста, не шумите, — пробормотала Алиса.

Бёртон скатился с койки и потянулся за одеждой, висевшей на крюке. Хотя пот лил с него ручьем, он весь дрожал. Крошечная каютка, где еще недавно было жарко от двух горячих тел, отдававших ей тепло всю ночь, теперь быстро остывала. В открытую дверь сочился холодный туман.

Алиса сказала «б-р-р-р», и тут же раздался шорох, говорящий, что она натягивает на себя толстые покрывала. Бёртон успел краем глаза увидеть белое обнаженное тело, прежде чем оно скрылось под покрывалами. Он бросил взгляд на Фрайгейта, но американец успел отвернуться и уже поднимался по трапу. Каковы бы ни были недостатки Фрайгейта, среди них отсутствовала страсть подглядывать сквозь замочную скважину. Впрочем, говоря по чести, вряд ли можно было поставить парню в вину, если б он ненароком что и увидел. Ведь он немного влюблен в Алису. Хоть Фрайгейт сам об этом не говорил, но и Бёртону, и Алисе, и Логу — подружке Фрайгейта — все было ясно давным-давно.

Если уж кто и виноват, так это сама Алиса. Она уже давно утратила свою викторианскую стыдливость. Надо думать, она станет отпираться, но вообще-то с нее вполне станется поддразнить Фрайгейта видом своей белой плоти; может, отчасти даже и бессознательно.

Бёртон решил, однако, оставить это дело без последствий. Правда, он был зол и на Фрайгейта, и на Алису, но наверняка попал бы в дурацкое положение, заговорив об этом вслух. Алиса, как и все остальные, купалась в Реке голышом и намеренно демонстрировала безразличие к прохожим. Фрайгейт видел ее без одежды сотни раз.

Костюм для ночной вахты состоял из нескольких толстых полотнищ, скрепленных магнитными застежками, пришитыми с изнанки. Бёртон распахнул его и изменил положение полотнищ так, чтобы получилась одежда с капюшоном, прикрывавшая все тело и ноги. Потом затянул пояс из шкуры «рогатой рыбы», на котором висели ножны для кремневого ножа, топора из кремневого сланца и деревянного меча. Лезвие последнего было утыкано по краям острыми осколками кремня, а кончалось острым рыбьим рогом. С подставки Бёртон взял тяжелое ясеневое копьё, наконечником которого также служил рыбий рог, и затопал по трапу.

Выйдя на палубу, Бёртон обнаружил, что его голова поднимается над пеленой тумана. Фрайгейт был того же роста, и его голова, казалось, бестелесно плавала над колышущейся ватой тумана. Небо было светлое, хотя Мир Реки не имел лун. Зато оно сверкало множеством звезд и огромными облаками светящегося газа. Фрайгейт считал, что эта планета расположена близко к центру той Галактики, в которую входит Земля. Но вообще-то, с точки зрения местных жителей, она с тем же успехом могла быть и в какой угодно галактике.

Бёртон и его ближайшие друзья построили корабль и отплыли на нем из Телема. «Хаджи-2», в отличие от своего предшественника, представлял собой одномачтовый катер с палубами в носовой и кормовой частях. На борту находились Бёртон, Алиса Харгривз, Фрайгейт, Логу, Казз, Бесст, Монат Грраутут и Оунан. Это была женщина из древней, еще догреческой Пеласгии, которая отнюдь не стала возражать против того, чтобы разделить койку с пришельцем с Арктура. Со своей странной командой (Бёртону отнюдь не всегда удавалось проявить талант при комплектовании своей весьма разношерстной банды соратников) он поплыл вверх по Реке и странствовал по ней уже двадцать пять лет. Один из тех, с кем он пережил немало приключений в прошлом, — Лев Руах — на этот раз решил остаться в Телеме.

«Хаджи-2» плыл куда медленнее, чем предполагал вначале Бёртон. Поскольку корабль был мал и тесен, члены его команды пребывали в постоянном, излишне близком общении друг с другом. Поэтому возникла необходимость делать частые и длительные остановки, чтобы матросы могли избавиться от, так сказать, «каютной лихорадки».

Бёртон решил, что сейчас как раз пришло время для такого длительного отдыха на берегу. Это решение он принял сразу же, как только они вышли к этому участку побережья. Был тот редкий случай, когда Река расширялась, превращаясь в озеро длиной в 20 миль (32 километра) и шириной 6 миль (9,6 километра). В своем западном конце озеро сужалось, переходя в пролив шириной до четверти мили (321 метр). Течение тут было стремительное, но, к счастью, преобладающие ветры дули в корму корабля, плывущего вверх по течению. Если бы «Хаджи-2» пришлось плыть против ветра, ему в проливе не хватило бы места для маневра.

Осмотрев пролив, Бёртон решил, что через него можно пройти, правда, не без труда. Однако перед этим всем следовало хорошенько отдохнуть. Вместо того чтобы пристать к одному из берегов, он причалил корабль к одной из дюжины скал, торчавших на середине озера. Это были высокие острые скалы с небольшими ровными площадками у основания. На некоторых из них были даже питающие камни, вокруг которых грудились немногочисленные хижины.

Остров-шипиль, ближайший к проливу, имел несколько плавучих доков. Они были бы весьма удобны, располагаясь они ниже по течению, но, поскольку дело обстояло совсем иначе, корабль пришлось пришвартовать просто рядом с одним из доков. Его укрепили с помощью столбов и веревок, а в качестве кранцев воспользовались мешками, изготовленными из прочных шкур рыбоаллигаторов, набитых травой. Островитяне сначала подходили к прибывшим с опаской. Бёртон, однако, быстро уверил их в своем миролюбии и вежливо попросил разрешения экипажу воспользоваться местным питающим камнем.

На острове было всего двадцать жителей — малорослые люди с темной кожей, чей родной язык был незнаком Бёртону. Но они говорили и на испорченном эсперанто, так что языковой барьер оказался не таким уж непреодолимым.

Питающий камень представлял собой массивную, сделанную в форме гриба структуру из серого с красными вкраплениями гранита. Верх шляпки гриба находился на высоте груди Бёртона; в нем было сделано семьсот круглых углублений, расположенных концентрическими кругами.

Незадолго до захода солнца каждый человек ставил в мелкое углубление свой высокий цилиндрический сосуд — «чашу» из сероватого металла.

Англоязычное население именovalo эти сосуды «граалями», «пандорами» (в сокращении «дора»), «коробками сластей», «ленчевыми коробками», «щедрыми ведерками» и так далее. Самое популярное название было дано им миссионерами Церкви Второго Шанса. Они ввели в обиход слово из эсперанто — «randogo». Хотя серый металл был тонок, как лист газетной бумаги (за исключением дна), согнуть, сломать или разрушить «чаши» было невозможно.

Владельцы питающего камня отступили шагов на пятьдесят и ждали. Затем ослепительное голубое пламя с ревом вырвалось из вершины камня, поднявшись футов на двадцать, или на шесть с

небольшим метров. Одновременно каждый из таких же «грибов», обрамлявших берега «озера», выплюнул столб пламени, сопровождая это сильным грохотом.

Минутой позже несколько маленьких смуглых островитян взобрались на камень и принялись передавать граали владельцам. Все уселись под бамбуковым навесом у костра, разожженного из выловленных в воде сучьев и бамбуковых стволов, и сняли крышки со своих сосудов. Внутри находились полочки, поддерживающие чашки и глубокие блюда, наполненные алкоголем, пищей, гранулами растворимого кофе или чая, сигаретами и сигарами.

Грааль Бёртона содержал словенские и итальянские блюда. Впервые Бёртон воскрес в области, населенной преимущественно людьми, умершими в окрестностях Триеста, граали которых доставляли обычно еду, к которой они привыкли на Земле. Но, как правило, через каждые десять дней граали выдавали нечто совершенно иное. Иногда это были блюда английской кухни, французской, китайской, русской, персидской или еще сотни других национальных кухонь. Иногда они предлагали пищу, вкус которой был отвратителен, — мясо кенгуру, поджаренное сверху и снизу, но сырое внутри, или живых личинок крупных жуков. Бёртону дважды пришлось довольствоваться этой пищей австралийских аборигенов.

Сегодня алкогольный напиток был представлен пивом. Бёртон ненавидел пиво и обменял его на вино у Фрайгейта.

Граали туземцев содержали пищу, напомнившую Бёртону о мексиканских рестораниках. Однако и тортильи мирно уживались с олениной, а не с говядиной.

Пока они ели и болтали, Бёртон расспрашивал местных жителей. На основе их слов он сделал вывод, что это — индейцы доколумбовой эры, которые обитали в широкой долине где-то на юго-западе Северной Америки. Они принадлежали к двум разным племенам, говорящим на близких, но взаимно непонимаемых языках. Несмотря на это обстоятельство, обе группы мирно уживались и даже создали новую культуру, в которой сохранились лишь незначительные различия в племенных обычаях.

Он решил, что это были люди, которых современные ему индейцы пима называли хохокамами — древними. Их культура когда-то процветала в области, которую потом белые поселенцы назвали Солнечной долиной. Именно там возникло в свое время аризонское поселение Феникс, поселение, которое, как ему сказали, превратилось в конце XX века в город с миллионным населением.

Сами же островитяне называли себя ганопо. В свои земные времена они копали длинные ирригационные каналы с помощью кремневых и деревянных орудий и превратили пустыню в цветущий сад. А потом внезапно исчезли, оставив загадку «почему?» на долю американских археологов. По этому поводу были выдвинуты разные теории. Самая распространенная предполагала, что их всех поголовно уничтожили воинственные пришельцы с севера, хотя прямых доказательств эта теория не имела.

Надежды Бёртона, что он решит эту загадку, развеялись очень быстро. Эти индейцы жили и умерли на Земле задолго до того, как их племенная община перестала существовать.

Все сидели до поздней ночи, куря и попивая алкогольный напиток, сделанный из лишайника, который покрывал весь гранитный столб острова. Они рассказывали байки, главным образом скабрезные и абсурдные, катаясь по земле от хохота. Бёртон, когда пересказывал им арабские сказки, считал ненужным пользоваться незнакомыми им терминами или разъяснять их значение, если смысл можно было понять и без того. Но они с легкостью схватывали содержание сказок об Аладдине и его волшебной лампе или о том, как Абу Хасан пустил ветры.

Эту сказку обожали бедуины. Бёртону частенько приходилось посиживать у костра, в котором горел сухой верблюжий навоз, заставляя слушателей корчиться в конвульсиях от смеха, хотя все они слышали эту историю сотни и сотни раз.

Абу Хасан тоже был бедуином, но он бросил кочевую жизнь, чтобы стать купцом в йеменском городе Каукабана. Он разбогател, и, после того как его жена умерла, друзья уговорили его снова жениться. После недолгого сопротивления он сдался и сделал предложение очаровательной молодой женщине. Последовал праздничный ужин, состоявший из блюд, приготовленных из риса нескольких разных сортов, шербетов стольких же разновидностей, козленка, фаршированного орехами и миндалем, и верблюжонка, зажаренного целиком.

Наконец жениха позвали в комнату, где его ждала невеста, одетая в пышные и богатые одежды. Он медленно и с достоинством поднялся с дивана, но, увы... его живот был полон мяса и вина, и когда он направился в комнату к невесте, то... Слушайте и внимайте!.. Он пустил ветры, невероятно громкие и ужасные.

Услышав это, гости обменялись смущенными взглядами и громко заговорили, притворяясь, что не заметили этого осуждаемого обществом греха. Но Абу Хасан почувствовал себя униженным, а потому, сделав вид, что подчиняется зову природы, вышел в конюшню, оседлал коня и ускакал, бросив богатство, дом, друзей и невесту.

Затем он сел на корабль, идущий в Индию, где он стал капитаном королевской гвардии. После десяти лет жизни в Индии его охватила тоска по дому, да еще с такой силой, что он чуть не умер от нее. И тогда он отправился на родину, переодевшись бедным факиром. После долгого и опасного путешествия он прибыл к своему городу и с высоты окружающих холмов оглядел его стены и башни глазами, полными слез. Тем не менее он не осмелился войти в город, решив сначала убедиться, что и он, и его позор давно забыты. В течение семи дней и ночей он бродил по предместьям, прислушиваясь к разговорам на улицах и базарах.

К концу этих скитаний ему случилось присесть у дверей хижины, чтоб обдумать, не пора ли ему перенести свои поиски в самый город. И вдруг Абу Хасан услышал, как молодая девушка

говорит своей матери: «О моя мать, назови мне день, в который я родилась, ибо это знание нужно одной из моих подруг, чтобы предсказать мне будущее».

И мать ответила ей: «Ты родилась, о дочь моя, в тот самый день, когда Абу Хасан пукнул».

И как только Абу Хасан услышал эти слова, он вскочил со скамьи и убежал, повторяя про себя: «Вот уж поистине мои ветры превратились в столбовой знак, который будет стоять вечно».

И он снова пустился в путь и скитался по суше и по морям до тех пор, пока вновь не попал в Индию, где жил в добровольном изгнании, пока не умер, да будет к нему милосерден Господь!

Рассказ имел огромный успех, но, прежде чем приступить к нему, Бёртон сделал короткое пояснение, что бедуины того времени считали пускание ветров на людях серьезным нарушением приличий. Поэтому полагалось, чтобы все, находившиеся в пределах слышимости, делали вид, что ничего такого не произошло, ибо человек, навлекший на себя позор, был вправе убить того, кто привлек бы внимание к подобному происшествию.

Бёртон сидел перед огнем, подобрав под себя скрещенные ноги; он заметил, что даже Алиса, по-видимому, с удовольствием слушала его байку. Она была воспитана в строгих правилах середины викторианской эпохи и росла в глубоко религиозной семье последователей англиканской церкви; ее отец был епископом, братом барона и потомком Джона Гонта, сына короля Иоанна, а ее мать приходилась внучкой графу. Однако жизнь на Реке и долгие интимные отношения с Бёртоном наложили на нее свой отпечаток и разрушили многие из былых предрассудков.

Затем Бёртон перешел к истории Синдбада-Морехода, хотя ее пришлось довольно сильно переделать, чтобы приспособить к жизненному опыту ганопо. Они никогда не видели моря, поэтому море в рассказе превратилось в реку, а птица Рух, унесшая Синдбада, стала гигантским золотым орлом.

Ганопо, в свою очередь, пересказали им свои мифы о сотворении мира и о весьма скабрёзных похождениях народного героя — Хитрюги Старика Койота.

Бёртон расспрашивал их о том, как согласуется их религия с реальностью этого мира.

— О Бёртон, — ответил вождь, — этот мир не совсем похож на тот, в который мы должны были попасть, согласно нашим представлениям о нем. Здесь нет земли, на которой за один день вырастает маис, скрывающий человека с головой; нет оленей и кроликов, обещающих хорошую охоту и сражаемых без промаха нашими копьями. Да и с нашими женами и детьми, родителями и прародителями мы не встретились. И Великие Духи гор и рек, камней и кустарников не бродят среди нас и не беседуют с нами о наших делах.

Но мы не ропщем. Больше того, нам тут лучше, чем в Мире, который мы покинули. Здесь больше пищи, эта пища вкуснее, чем

была у нас там, и нам не надо трудиться, чтобы получить ее, хотя нам и приходилось сражаться за нее в былые дни, когда мы здесь только что появились. У нас больше, чем надо, воды, мы можем ловить рыбу для удовольствия, нам неизвестны болезни, которые убивали и калечили нас, мы не знаем и тягот старости и присущего ей бессилия.

ГЛАВА 5

Тут вождь нахмурился, и его следующие слова стерли улыбки с лица слушателей, на которые опустилась мрачная тень.

— Скажите мне, о странники, не слыхали ли вы чего-нибудь о возвращении Смерти? Я имею в виду Вечную Смерть. Мы постоянно живем на этом крошечном островке и по этой причине не видим приезжих. Но от тех немногих, которые у нас побывали, а также от тех, с которыми нам удалось поговорить, когда мы сами высаживались на берег, мы слышали странные и тревожные вести.

Нам говорили, что в течение некоторого времени ни один из тех, кто умер, не был возрожден заново. Когда кого-нибудь убивают, то он или она уже не просыпается на следующий день с зажившими ранами, рядом со своим граалем на берегу Реки, далеко от того места, где он умер. Скажите мне, это правда или одна из баек, которые рассказывают люди, просто чтоб попугать других?

— Не знаю, — ответил Бёртон. — Правда, мы проехали несколько тысяч километров... я хочу сказать, что мы миновали на своем пути неисчислимое множество питающих камней. И вот в последний год мы стали замечать то, о чем ты говорил.

Он замолчал, обдумывая сказанное. Прямо со второго дня после массового воскрешения нередко имели место повторные воскрешения или, как тут говорили, «пересылки». Людей убивали, или они кончали самоубийством, или с ними происходили несчастные случаи, но на восходе следующего дня они оказывались снова живыми. Однако они никогда не воскресали на месте своей смерти. Оживали они, как правило, где-то далеко, часто совсем в другой климатической зоне. Многие относили это за счет сверхъестественных сил. Еще больше было таких (и среди них Бёртон), которые вообще не верили в сверхъестественные силы и видели причину в далеко продвинувшейся науке. А называть ее сверхъестественной просто не было причин. «Нам признаки ни к чему — если цитировать бессмертного Шерлока Холмса, — раз дело может быть объяснено физическими причинами».

По собственному и, видимо, уникальному опыту Бёртон знал, что тело погибшего может быть дублировано. Это он видел в том непостижимо огромном месте, где когда-то очнулся на краткий миг. Каким-то образом тела восстанавливаются с помощью некоей «записи», их раны заживают, больная плоть регенерирует, члены

восстанавливаются, ущерб, нанесенный старостью, исчезает, восстанавливается юность.

Где-то под корой этой планеты находится гигантский конвертер, преобразующий энергию в материю. Возможно, источником энергии служит тепло железоникелевого ядра планеты. Техника управляет и комплексом питающих камней, корни которых уходят глубоко в тело планеты, образуя столь сложную сеть, что ум не в состоянии ее представить.

Может быть, запись информации из клеток умерших делалась чем-то, что находится в самих «грибах»? Или в этом участвовали, как считал Фрайгейт, невидимые орбитальные спутники, которые следили за каждым живым существом примерно так, как, по мнению верующих, должен следить за ними Бог, замечающий даже гибель крохотного воробышка?

Этого никто не знает, а если знает, то никому не проронит ни словечка.

Преобразование энергии в материю через систему питающих камней объясняло и снабжение даровой едой всех граждан Мира Реки, которые получали ее трижды в день. Дно каждого металлического цилиндра, должно быть, содержало крохотный конвертер и электронное меню. Энергия передавалась через комплекс питающих камней прямо в цилиндры, и электричество преобразовывалось в сложные виды материи: говядину, хлеб, салат и так далее, и даже в предметы роскоши — табак, марихуану, выпивку, ножицы, гребни, зажигалки, губную помаду, мечтательную резинку.

Похожая на полотенца ткань также распределялась через систему каменных грибов, но не через граали. Она появлялась в виде аккуратных стопок рядом с вновь воскресшим телом и граалем.

Вероятно, должен был существовать какой-то механизм, помещавшийся внутри подземных корней комплекса этих каменных структур. Он каким-то образом передавал через многометровую толщу земли сложнейшие конфигурации сочетаний молекул человеческих тел, граалей, тканей на высоту, составляющую ровно один сантиметр от поверхности почвы.

И люди, и вещи создавались буквально из воздуха.

Бёртон иногда раздумывал — а что случится, если «пересылка» будет сделана на место, уже занятое другим объектом? Фрайгейт считал, что тогда произойдет колоссальный взрыв. Но этого никогда еще не случалось, во всяком случае по сведениям Бёртона. По-видимому, механизм должен был откуда-то «знать», как избежать взаимопроникновения молекул.

Однако, как указал Фрайгейт, существовала еще проблема того объема воздуха, который должен быть вытеснен при появлении вновь созданного тела. Как предохранить молекулы воздуха от фатального столкновения с молекулами тела?

Этого не знал никто. Но механизм должен был каким-то способом удалять воздух, образуя вакуум, в котором появлялись тела, граали и материя. Это должен был быть абсолютный вакуум — то

есть нечто такое, что наука последних десяти столетий так и не сумела создать.

И все происходило в тишине, без взрыва массы, внезапно замесившей вытесненный объем воздуха.

Вопрос о «записи» информации о телах тоже до сих пор не получил четкого ответа. Много лет назад захваченный в плен агент этиков — человек, назвавшийся Спрюсом, — сказал что-то насчет хроноскопа — инструмента, который мог проникать в прошлое, записывая «информацию клеток человеческих существ». Любого человека, который жил на Земле примерно с двух миллионов лет до нашей эры и до 2008 года нашей эры.

Бёртон в это не верил. Ему казалось невозможным в какой угодно форме — зрительно или физически — вернуться в прошлое. Фрайгейт тоже выразил свое неверие, сказав, что Спрюс, вероятно, использовал термин «хроноскоп» в качестве метафоры. А может, и вообще врал.

Но какова бы ни была истина, а Воскрешение и пища граалей могли быть объяснены научно или физически.

— В чем дело, Бёртон? — вежливо спросил вождь. — На тебя снизошел Дух?

Бёртон улыбнулся и ответил:

— Нет. Я просто думал. Мы тоже разговаривали со многими, кто верил, будто никто из этих мест не был перенесен и возрожден в других районах примерно в течение последнего года. Конечно, может случиться, что области, через которые мы проплывали, вообще не имели никаких «пересылок». Вполне возможно, что эти «пересылки» попадали в какой-то другой район. В конце концов, Река может...

Он замолк. Как ему изложить концепцию Реки длиной, возможно, в десять миллионов километров и более людям, не умеющим считать дальше двадцати?

— Она может быть такой длинной, что человеку, чтоб проплыть от одного конца Реки до другого, потребуется столько лет, сколько твой дед, отец и ты сам, вместе взятые, прожили на Земле.

Так что, хотя здесь может быть столько смертей, сколько листьев травы растет между двумя питающими камнями, это число очень мало в сравнении с длиной всей Реки. Поэтому на ней может существовать множество мест, где повторно воскрешенные все же появились.

Кроме того, сейчас умирает гораздо меньше людей, чем в первые двадцать лет. Создано множество мелких, но устойчивых государств, и среди них теперь очень немного рабовладельческих. Люди создали общественные формации, которые поддерживают порядок среди собственных граждан и защищают их от других стран. Прохиндеев, жаждущих власти, еды и товаров, почти всех поубивали. Верно, конечно, что они повыскакивали в других местах, но там у них уже не было поддержки подхалимов. В общем, жизнь налаживается, хотя, конечно, еще бывают несчастные

случаи, главным образом во время рыбной ловли; иногда случаются убийства, преимущественно из ревности и тому подобное.

Короче, сейчас умирает меньше народу. И, возможно, что в тех местах, мимо которых мы плыли, просто случайно не оказалось повторно воскресших.

— Ты и в самом деле веришь в это? — спросил вождь. — Или говоришь с целью утешить нас?

Бёртон снова улыбнулся:

— Сам не знаю.

— Возможно, — сказал вождь, — здесь происходит то, о чем проповедуют шаманы из Церкви Второго Шанса. Они уверяют, что этот мир есть лишь ступенька, пересадочная станция на пути в другой Мир. В Мир даже лучший, чем этот. Шаманы говорят, что, когда человек становится тут лучше, гораздо лучше, чем был на Земле, он отправляется в Мир, где живут Могучие Духи. Правда, шаманы настаивают, что есть только один такой Дух. Этому я не могу поверить, ибо каждому хорошо известно, что существует множество Духов — больших и маленьких.

— Да, они так утверждают, — ответил Бёртон. — Но откуда они могут знать больше, чем знаем ты или я?

— Они утверждают, что один из Духов, сотворивших этот Мир, явился человеку, основавшему их Церковь. Этот Дух рассказал ему, как обстоят дела.

— Возможно, что человек, осмелившийся на подобные утверждения, просто сумасшедший или лжец, — ответил Бёртон.

Впрочем, сам он в это не верил. А если верил, то почему же так настойчиво рвался к верховьям Реки и к тому морю, что лежит за горами, окружая Северный полюс, к тому морю, из которого, как говорят, вздымается гигантская Башня, а в ней живут Творцы и Правители этого Мира?

Вождь продолжал:

— Не обижайся, Бёртон, но я один из тех, кто наделен искусством видеть истинную сущность человека. Ты смеешься и рассказываешь смешные байки, но ты встревожен. Ты яростен. Почему бы тебе не перестать бродяжничать на этом крошечном кораблике и не осесть на одном месте? У тебя есть хорошая женщина, а это, по правде говоря, все, в чем нуждается мужчина. У нас тут хорошие места. Здесь всегда мир, воры тут неизвестны, разве что среди редких побродяжников со стороны. Драк тоже немного. Ну конечно, иногда они случаются между мужчинами, которые хотят доказать, как они сильны, или между мужем и женой, если те не могут больше выносить друг друга. Любой разумный человек радовался бы таким местам.

— Я не в обиде, — отозвался Бёртон. — Однако, если б ты захотел лучше понять меня, тебе пришлось бы выслушать всю историю моей жизни — и тут, и на Земле. Но и тогда бы ты, вероятно, не все понял. Да и как можешь понять ты, если я сам себя не понимаю?

Бёртон замолк, вспоминая другого вождя примитивного племени, который говорил ему по сути то же самое. Это случилось в 1863 году, когда Бёртон в качестве консула Ее Величества на западноафриканском острове Фернандо-По и в Биафре посетил Гелеле — короля Дагомеи. Миссия Бёртона заключалась в том, чтобы уговорить короля прекратить ежегодные кровавые человеческие жертвоприношения и работорговлю. Миссия его провалилась, но он набрал достаточно данных, чтобы написать потом двухтомное сочинение.

Пьяный, злобный, распутный король обращался с ним вначале покровительственно, тогда как при посещении Бёртоном Бенина тамошний король в его честь даже распял человека. И все же они, с учетом сложности ситуации, умудрились сохранить приличные отношения. Больше того, в предыдущий визит Бёртон был назначен почетным капитаном королевской гвардии амазонок.

Гелеле высказался в том смысле, что Бёртон человек неплохой, но сильно яростный.

Примитивные люди хорошо разбираются в характерах. А иначе им не выжить.

Монат-арктурианец, почуяв, что внезапная замкнутость Бёртона начинает вредить дружескому духу вечеринки, начал рассказывать истории из жизни своей родной планеты. Сначала Монат вызывал у островитян недобрые чувства из-за его явно негуманного происхождения. Однако ему без труда удалось их расшевелить, поскольку он прекрасно знал способы, с помощью которых можно заставить людей чувствовать себя легко и свободно. Еще бы ему не знать! Ему приходилось применять их ежедневно, начиная с первого же дня появления в Мире Реки.

Немного погодя Бёртон встал и сказал, что его команде пора отправляться спать. Он поблагодарил ганопо за гостеприимство, но в то же время сообщил, что изменил свое намерение остаться тут на несколько дней. Его первоначальные замыслы насчет отдыха подверглись пересмотру.

— Мы бы очень хотели, чтобы ты остался, — сказал вождь. — На дни или на годы. Как тебе захочется.

— Благодарю тебя за эти слова, — ответил Бёртон. И процитировал фразу одного из персонажей «Тысячи и одной ночи»: — «Аллах наградил меня страстью к путешествиям».

А потом процитировал себя самого: «Путешественники, подобно поэтам, — народ яростный».

Это вызвало у него смех, и он ушел на корабль куда менее мрачным. Прежде чем лечь спать, он распределил вахты. Фрайгейт запротестовал, сказав, что на этом изолированном острове вахтенные не нужны, тем более что немногочисленные островитяне кажутся честными ребятами. Однако ему пришлось подчиниться, что вообще-то не было для Фрайгейта в новинку. Он хорошо знал, что Бёртон считает жажду стяжательства главной пружиной, определяющей человеческие поступки.

ГЛАВА 6

Бёртон продолжал вспоминать эти и другие события нынешней ночи, включая и свои сны. Он стоял на палубе, покуривая сигару, вместе с Фрайгейтом, который еще не ушел спать. Скопление тесно спрессованных звезд и тонких вуалей светящихся газов успело заметно побледнеть за это время. Через полчаса должен был наступить рассвет. Его первые лучи смоют с неба большую часть видимых сейчас светил и еще долго будут разгораться, пока наконец солнце не вылезет из-за северной стены гор.

Им хорошо был виден туман, подобно лохматому шерстяному одеялу укрывавший Реку и равнины обоих берегов. Он накатывался на поросшие деревьями склоны холмов, где светились редкие огоньки. А за холмами долины высились горы, нижние склоны которых поднимались под углом 45° до высоты 1000 футов (305 метров) или около того, а затем склоны шли совершенно отвесно вверх — ровные как зеркала — до уровня десяти тысяч футов, или 3048 метров.

В первые годы пребывания на этой планете Бёртон оценивал высоту гор в двадцать тысяч футов (6096 метров). Он был не одинок в этой ошибке в те времена, когда глаза были единственным прибором для измерения расстояний. Но, после того как ему удалось соорудить несколько примитивных измерительных инструментов, он установил, что горная стена, как правило, поднимается на вдвое меньшую высоту, чем ему казалось. Иссиня-серый или черный цвет камня порождал эту зрительную иллюзию. Возможно, действовало еще и то, что долина была узка, а горные стены заставляли местных обитателей чувствовать себя совершенными пигмеями.

Это был мир иллюзий, физических, метафизических и психологических. Как на Земле, так было и тут. В этом отношении между этим Миром и Землей разницы практически не было.

Фрайгейт закурил сигарету. Чуть ли не целый год он не курил, но теперь, по его выражению, снова «согрешил». Он был почти так же высок, как Бёртон. Глаза — карие. Волосы черные, совсем как у Бёртона, хотя на солнечном свете они имели отчетливый красноватый отлив. Черты лица неправильные: выступающие надбровные дуги, прямой нос средних размеров, но с крупными ноздрями, полные губы, причем верхняя нависала над нижней, и раздвоенный подбородок. Последний казался даже несколько дегенеративным из-за слабого развития челюстей.

На Земле, среди прочих достоинств, Фрайгейт отличался принадлежностью к той редкой и славной породе, которая коллекционирует множество разнообразнейших книг, что было весьма немаловажно для Бёртона. Кроме того, Фрайгейт в свое время написал биографию последнего, но потом переделал ее в роман под названием «Крутой рыцарь королевы».

Встретившись с Фрайгейтом впервые, Бёртон был поражен, когда тот представился как автор научно-фантастических книг...

— Ради самого дьявола, это еще что за штука?

— Не просите меня дать точное определение научной фантастики, — ответил Фрайгейт — Пока еще никому не удалось дать дефиницию, которая удовлетворяла бы всех. Это есть... был... литературный жанр, в котором местом действия является придуманное будущее. Научной фантастикой он называется потому, что, как подразумевалось, наука должна была играть там большую роль. Вернее, развитие науки в будущем. Сама наука отнюдь не сводилась к химии или физике, но включала в себя экстраполяцию развития социологии и психологии того времени, когда жили эти писатели.

Фактически же любой рассказ, действие которого происходит в будущем, считался научной фантастикой. Даже рассказ, написанный, скажем, в 1960 году с проекцией на 1984 год, в том самом 1984 году рассматривался тоже как научная фантастика.

Больше того, научно-фантастическое произведение могло иметь местом действия и прошлое, и даже настоящее время. В этом случае предполагалось, что описываемые события возможны, ибо они основываются на достижениях науки нынешнего века, и автор лишь экстраполирует с большей или меньшей степенью достоверности то, что могла совершить наука.

К сожалению, эта дефиниция позволила называть научно-фантастическим произведением и такие, где науки не было вообще, или те, в которых сказалось полное авторское невежество в научной области.

Однако (в научно-фантастической литературе множество таких «однако») в жанре есть множество произведений, в которых описываются вещи, которых просто не может быть, ибо для их существования научных предпосылок нет. Ну, вроде путешествий во времени, параллельных миров, сверхсветовых двигателей, живых планет, богов, посещающих Землю во плоти, насекомых крупнее домов, всемирных потоков, порабощений с помощью телепатии... словом, имя им легион.

— А почему же все это названо научной фантастикой?

— Ну... фактически этот термин, изобретенный неким Хьюго Гернсбеком, появился гораздо позднее самого жанра. Ты, вероятно, читал романы Жюль Верна или «Франкенштейна» Мэри Шелли, верно? Их тоже можно классифицировать как научную фантастику.

— А мне кажется, что это просто выдумка, — сказал Бёртон.

— Да, но ведь любая литература отчасти тоже выдумка. Разница между приземленной выдумкой, которую мы называем главным направлением художественной литературы, и научной фантастикой заключается в том, что повествование в первой ведется о вещах, которые вполне могли произойти. Больше того, действие в них всегда происходит либо в прошлом, либо в настоящем.

Научная же фантастика говорила о вещах, которые либо вообще не могли произойти, или же возможность возникновения этих событий была совсем ничтожной. Кое-кто даже называл это направление спекулятивной литературой, но термин не привился.

Бёртон так и не понял по-настоящему, что такое научная фантастика, но вообще ему это не так уж мешало жить. Фрайгейту объяснить ему понятно так и не удалось, хотя он и приводил множество примеров.

— Фактически, — говорил Фрайгейт, — научная фантастика принадлежит к числу тех вещей, которые не существуют, хотя и имеют название. Давай-ка поговорим о чем-нибудь другом.

Однако Бёртон не хотел менять тему.

— Значит, у тебя была профессия, которая на самом деле не существует?

— Нет, профессия писателя-фантаста существует. Дело другое, что не существует как таковая сама научная фантастика. Впрочем, наш разговор становится все более похожим на диалоги из «Алисы в Стране чудес».

— А деньги, которые ты зарабатывал, они тоже не существуют?

— Почти что. Ладно. Это преувеличение. Я не подыхал с голоду в мансарде, но и не разъезжал в золотом «кадиллаке».

— А что такое «кадиллак»?

Вспоминая об этом разговоре сейчас, Бёртон подумал о том, как странно, что женщина, с которой он спит, — это та самая Алиса, которая стала вдохновительницей обеих гениальных книг Льюиса Кэрролла.

Внезапно Фрайгейт шепнул:

— Что это?

Бёртон посмотрел на восток — туда, где был пролив. В отличие от местностей ниже и выше его, пролив не имел отлогих берегов. Высокие холмы поднимались прямо из воды на всем его протяжении — холмы с гладкими полированными стенами. От пролива что-то... нет... какие-то два объекта направились прямо к ним; они казались плывущими *над* туманом.

Бёртон вскарабкался по веревочной лестнице, чтобы получше рассмотреть, что там такое. Нет, эти предметы не висели в воздухе. Их нижние части были просто скрыты туманом. Ближайший к ним был явно сделан из дерева, на нем виднелось нечто, напоминающее человеческую фигуру. Второй, расположенный гораздо дальше, был чем-то большим, круглым и черным.

Бёртон крикнул вниз:

— Пит! Мне кажется, это плот! И очень большой! Его несет течением, и он движется прямо на нас! Там есть вышка, на которой находится рулевой. Он неподвижен — просто стоит, и все. Уверен...

Ни в чем он не был уверен. Человек на вышке не двигался. Если бы он бодрствовал, он бы обязательно заметил, что плоту грозит столкновение.

Бёртон сгибом руки уцепился за веревку, поднес сложенные рупором ладони ко рту и взревел. Фигура, прислонившаяся к бортовому ограждению, даже не шевельнулась. Бёртон перестал пытаться докричаться до нее.

— Буди всех! — проревел он Фрайгейту. — Быстрее! Надо освободить ему дорогу!

Бёртон стремительно спустился вниз и прямо через борт перескочил на опалубку дока. Здесь, когда его голова перестала возвышаться над пеленой тумана, он почти ничего не мог различить. Однако, касаясь борта корабля, он сумел нащупать дорогу к причальным кнехтам; к тому моменту когда он отвязал два каната, он уже слышал топот остальной команды на палубе над своей головой. Он крикнул, чтоб Монат и Казз перелезли на другую сторону дока и отдали бы там швартовые концы.

В спешке Бёртон наскочил на кнехт и несколько секунд прыгал на месте, придерживая рукой ушибленное колено. Затем снова принялся за работу.

Закончив свою долю возни с канатами, он ошупью вернулся к кораблю. Кто-то уже сбросил сходни, и Бёртон взлетел вверх, придерживаясь за поручни, и оказался на палубе. Теперь ему были видны макушки голов женщин и лицо американца.

— Что у вас стряслось? — спросила Алиса.

— Ты приготовил шесты? — крикнул он Фрайгейту.

— Ага.

Бёртон снова вскарабкался по лесенке наверх. Оба предмета все еще шли курсом, который должен был привести их прямо к доку. Человек на рулевой вышке так и не пошевелился.

Но теперь они слышали голоса островитян. Ганопо проснулись и громкими голосами спрашивали, что случилось.

Голова Моната и его плечи возникли из серой массы тумана. Он казался монстром, неслышно выползающим из тумана, как это описывается в «готических» романах. Череп арктурианца еще напоминал человеческий, но мясистое лицо явно могло принадлежать лишь получеловеку. Широкие черные брови изгибались вниз к выступающим вперед скулам и отчасти скрывали их. Тонкая пленка мембраны шевелилась при каждом движении головы и свисала от нижней части ноздрей. Утолщенный хрящ на конце носа пересекала глубокая впадина. Губы — как у собаки: тонкие, темные, кожистые. Уши без мочек, закрученные на манер морских раковин.

Откуда-то совсем рядом с Монатом заорал Казз. Его Бёртон видеть не мог, так как тот по росту был вторым от конца — всего пять футов, или полтора метра. Когда он подошел ближе, Бёртон смог смутно различить его почти квадратную фигуру.

— Хватайте шесты и выводите корабль из дока! — вопил Бёртон.

— Да где они, эти чертовы шесты? — кричала Бесст.

— Я вытащил их из стойки. Они на палубе, — откликнулся Фрайгейт где-то совсем рядом с ней.

— За мной! — крикнул Бёртон. И тут же грубо выругался, споткнувшись обо что-то и ничком шлепнувшись на палубу. Он сейчас же вскочил, но только для того, чтоб опять с кем-то столкнуться. По крупным формам он определил, что это Бесст.

После недолгой неразберихи шесты нашлись, и члены команды, держа их в руках, выстроились вдоль бортов. По команде Бёртона они уперлись концами шестов в верхние бревна дока, так как между бортом корабля и стенками дока не оставалось зазора, в который можно было бы засунуть шесты, чтобы упереться в каменное дно шельфа. Поскольку им приходилось преодолевать силу течения, которое было особенно мощным на середине озера, то вывести корабль из дока оказалось делом нелегким. Выйдя из него, они опустили шесты в воду и принялись отталкиваться от твердого дна. Но здесь шесты скользили по ровной и гладкой поверхности скалы.

Бёртон приказал развернуть нос корабля к чистой воде. Когда это было сделано, шесты с левого борта перешли на правый, чтоб помочь товарищам удерживать корабль от бортового дрейфа, сносившего их прямо к скалистому шпилью. В этой точке и пляж, и шельф внезапно как обрезало. Теперь надо было держать шесты горизонтально, отталкиваясь от скользкой стены самого острова.

Бёртон, услышав чей-то незнакомый голос, обернулся. Темная фигура на вышке теперь ожила и что-то вопила в густом тумане. Другие голоса, менее громкие, чем голос впередсмотрящего, с трудом пробивались сквозь туман.

Большой круглый темный предмет стал теперь еще больше. В свете звезд он выглядел как голова какого-то гиганта. Бёртон прикинул, что расстояние между вышкой и этим объектом составляло около ста метров. А это означало, что надвигавшийся на них плот имел огромные размеры. Бёртон не знал его ширины и надеялся избежать знакомства с этим обстоятельством на практике до тех пор, пока корабль благополучно не обогнет остров.

Как раз в тот момент когда Бёртон снова вернулся к своим делам, он заметил, что на вышке появился еще один человек. Человек бешено размахивал руками, а его пронзительный голос заглушал голос впередсмотрящего.

— Берегись! — закричал Фрайгейт.

Бёртон не винил его за панику, прозвучавшую в этом возгласе. Он и сам был как в лихорадке. Вся эта масса с ее колоссальной инерцией — сотни, а может, тысячи бревен — шла прямо на «Хаджи-2».

— Толкайте изо всех сил! — орал он. — Нас раздавит, если мы не уберемся с дороги!

К тому времени бушприт — большое бревно, торчащее на носу корабля, — уже вышел из-под прикрытия скалы. Еще несколько рывков, и корабль обогнул бы угол скалы, течение подхватило бы «Хаджи-2» и унесло его прочь от скалы и от опасности.

Крики с плота приближались и становились все громче. Бёртону все же удалось бросить взгляд на вышку. Теперь она была всего

лишь футах в 400-х, или в 122 метрах. Больше того, боковая поверхность вышки предстала под другим углом. Бёртон яростно выругался — ведь это означало, что плот развернулся или разворачивается, что он меняет курс, чтоб не налететь на остров прямо в лоб. К сожалению, он поворачивал влево, а не вправо.

— Навались!!! — орал Бёртон.

А любопытно, где эта вышка? На самом носу или отступя от него? Если последнее, то тогда перед ней торчит еще здоровенная часть плота. А это означает, что под прикрытием тумана эта передняя часть уже совсем вплотную подобралась к его кораблю.

Во всяком случае, плоту скалу не миновать. И Бёртону наплевать на это, если только при столкновении не пострадает и «Хаджи-2».

Человек на вышке выкрикивал команды на неизвестном языке, глухо звучащие в тумане.

Теперь уже и нос «Хаджи» миновал скалу. Но тут же сильное боковое течение прижало корабль к скалистой стене, и шесты соскользнули с нее, так как скала тут была еще более гладкой.

— Толкайте, сучьи дети, толкайте! — гремел Бёртон.

Раздался рев, палуба подпрыгнула вверх и наклонилась к стене. Бёртона швырнуло на сверкающую твердь, которая превратила его в нечто аморфное и незрячее. Он смутно ощутил, что падает обратно на палубу, что лежит на спине и пытается подняться в этой загустелой серой жиже. Кругом слышались вопли. Эти вопли, да еще треск ломающихся шпангоутов и громкий взрывной звук — результат удара плота о скалу, были последними звуками, которые успел услышать Бёртон.

ГЛАВА 7

Туман ослепил Джилл Галбирру.

Только держась вплотную к правому берегу Реки, она могла разобрать смутные очертания питающих камней. Они казались зловещими, как чудовищные мухоморы, разбросанные по безжизненной пустыне.

Следующий питающий камень будет концом ее одиссеи. Она пересчитывала все, мимо которых проплывала; считала всю ночь напролет.

А сейчас — призрак в призрачном каноэ — она продолжала работать веслом. Ветер умер, но она сама слегка оживила его, вернее, породила псевдоветер, направляя свое каноэ против течения. Теплый, насыщенный влагой воздух легко касался ее лица, подобно завесе из эктоплазмы*.

Теперь она уже видела огонек у того камня, который был целью ее путешествия. Крошечная, еле заметная искорка. Но растет,

* Эктоплазма — эманация, истекающая из тела медиума при материализации духов.

разгорается во тьме призрак огня, и уже слышны голоса людей. Бестелесные голоса.

Она сама, подумала Джилл, должна походить на призрак монахини. Белые одежды, скрепленные невидимыми магнитными скрепками, почти полностью скрывали ее тело. Одно из полотнищ образовывало капюшон, так что кто-нибудь, наблюдавший за ней из тумана, мог увидеть вместо ее лица только темный провал в серой полутьме.

Ее жалкие пожитки валяются на дне каноэ. В этой влажной, сумрачной, как бы шерстистой духоте они были как два маленьких зверька — белый и серый. Рядом с ней стоял высокий металлический цилиндр — ее «коробка для сладостей». Подальше — белый узелок из материи, в котором лежали всякие мелочи. Бамбуковая флейта. Кольцо из дуба, с вделанным в него нефритом — подарок любовника; любовника, расставшегося с ней и, насколько она знала, мертвого в полном смысле этого слова. Мешочек из кожи «речного дракона», набитый всякой мишурой и воспоминаниями. К узлу был привязан невидимый в темноте чехол с тисовым луком и колчан со стрелами.

Под скамейкой лежало еще копье — бамбуковый ствол с накопечником из рыбьего рога. Рядом с ним — два тяжелых боевых бумеранга и мешок с двумя кожаными пращами и сорока булыжниками.

По мере того как пламя разгоралось, голоса становились слышнее. Кто они? Стража? Пьяные дебоширы? Рабы, рассчитывающие на поимку таких, как она? Ранние черви, надеющиеся поймать птичку?*

Она мрачно усмехнулась. Если они любят насилие, что ж, они его получают.

И все же скорее всего пьяницы. Если то, что она слыхала в низовьях, — правда, она находится на мирной территории. Ни Пароландо, ни его соседи не практиковали «граального рабства». Согласно ее информации, она смело могла бы путешествовать и днем. Ее приняли бы, она могла бы свободной уйти или остаться. Более того, говорили, что эти пароландцы строят гигантский воздушный корабль.

Но недоверие, можно сказать, было неотъемлемой чертой ее характера, хотя поставить ей в вину это было нельзя. Если учесть ее ужасный опыт. Поэтому она и решила затаиться во тьме. Это требовало больше труда и влекло за собой множество неудобств; эффективность путешествия тоже могла оказаться низкой. Приходится делать выбор между выживанием и эффективностью, но в дальнейшей перспективе выживание можно было рассматривать как наивысшую эффективность, независимо от того, сколько времени и труда на это уйдет.

* Инверсия пословицы «Ранняя птичка находит червя».

Смерть теперь уже не была временным явлением в долине Реки. Воскрешения, по-видимому, почти прекратились, а с их исчезновением вернулся и древний страх перед гибелью.

Теперь огонь пылал уже так ярко, что можно было хорошо рассмотреть огромный каменный гриб. Четыре фигуры — четыре черных абриса — то и дело мелькали на фоне костра. До Джилл уже доносился запах горящего бамбука и сосновых веток и еще то, что показалось ей сигарным дымом. И почему такой омерзительный продукт распространяется таинственными дарителями?

Разговор у костра шел на слегка испорченном английском. Либо они были пьяны, либо английский не был их родным языком. Впрочем, нет! Голос, глухо доносившийся сквозь пелену тумана, явно принадлежал американцу.

— Нет! — ревел он. — Клянусь священными пылающими кольцами Сатурна, нет! И дело тут вовсе не в чьем-то дурацком самолюбии или в чьей-то вонючей гордыне! Я хочу построить самый большой корабль, больше всех, которые когда-либо создавались, — сказочный корабль, истинного короля небес, колосса, левиафана! Огромнее, чем Земля или Мир Реки когда-нибудь видели или смогут увидеть в будущем! Такой корабль, чтоб у всех глаза полезли на лоб, чтоб они гордились тем, что они люди-человеки! Красавца! Потрясающее воздушное чудище! Уникум! Не похожий ни на что, что было до него! Что такое? Не мешай мне, Дейв! Я взлечу и буду летать высоко там до тех пор, пока мы не доберемся куда надо! А потом еще дальше!

— Но, Милт!..

— Ты на меня не нокай! Нам нужен самый большой, самый огромный, самый лучший, и все это по чисто логичным научно проверенным соображениям! Бог мой, парень, нам придется подняться гораздо выше и дальше, чем когда-либо летал дирижабль! Нам придется преодолеть расстояние, может быть, в 16 900 километров, в зависимости от того, где будет находиться пароход. И один Бог знает, напор каких ветров нам придется преодолеть на этом пути! И надо помнить, что эта дорога с движением только в одну сторону! Вы слышали меня, Дейв, Зейк, Сирано? Только в одну сторону!

Сердце Джилл учащенно забилося. Дейв говорил с немецким акцентом. Должно быть, это были те самые люди, которых она разыскивала. Какое везенье! Нет, не везенье, она ведь заранее знала, сколько километров ей придется проплыть, и определяла пройденный и остающийся путь по цепи питающих камней, протянувшихся вдоль берега, пока не добралась до места назначения. И ей сказали совершенно определенно, где находится штаб-квартира Милтона Фаербрасса. И она знала, что Давид Шварц — инженер-австриец — был одним из лейтенантов Фаербрасса.

— На это потребуется слишком много времени и слишком много материалов, — громко сказал один из мужчин. Его выговор явно принадлежал уроженцу Мэна. Было в этом голосе нечто — (впрочем, это мог быть плод ее слишком живого воображения) —

от воя ветра в оснастке, от потрескивания канатов и корабельных переборок ныряющего в волнах корабля, от рева прибоя и громкого хлопанья парусов. Да нет, все это просто ее воображение!

«Брось, Джилл!» — сказала она себе. Если бы Фаербрасс не назвал его Зейк, она наверняка не стала бы придумывать при звуке этого голоса всякие аксессуары, относящиеся к парусникам дальнего плавания. А ведь это мог быть и Эзикиел Харди — капитан Нью-Бэдфордского китобойного судна, убитый кашалотом недалеко от берегов Японии... в 1833-м? Тот, что сумел убедить Фаербрасса в том, что из него получится роскошный рулевой или даже штурман на дирижабле. Разумеется, после соответствующего обучения. Фаербрасса, должно быть, здорово допекала проблема набора команды, если он взял этого шкипера-китобойца, родившегося в самом начале XIX века. Этот парень наверняка и воздушного-то шара в жизни не видел, а то, пожалуй, и речного парохода.

Ходили слухи, что Фаербрасс пока не добился почти никакого прогресса в поисках опытных воздухоплателей. Еще бы — ему, видите ли, одни мужики нужны! Поэтому он принимает к себе кандидатов, которых можно, как ему кажется, натренировать побыстрее. Авиапилотов. Любителей полетов на воздушных шарах. Моряков. И по всей Реке, вверх и вниз на расстояние 60 тысяч километров, а может быть, и всех 100 тысяч, разносится весть, что Фаербрассу нужны специалисты по воздушным кораблям легче воздуха. Мужчины. И только мужчины.

Но что знал сам Фаербрасс о строительстве и управлении дирижаблем? Он, может, и летал на Марс и Ганимед, крутился на орбитах Юпитера и Сатурна, но какое отношение все это имеет к дирижаблям? Давид Шварц, правда, изобрел и построил самый первый дирижабль с твердой оболочкой. Он одновременно был и первым, изготовившим каркас и оболочку полностью из алюминия. Это случилось в 1893 году, за 60 лет до того, как родилась Джилл. Затем он начал строить еще лучшую модель — в Берлине в 1895 году, но работа прекратилась, когда Шварц умер... Кажется, в январе 1897 года?

В точности этих данных она, конечно, теперь не уверена. Тридцать один год, проведенный на Реке, заставил сильно потускнеть ее воспоминания о земной жизни.

Интересно, думала она, а известно ли Шварцу, что произошло после его смерти? Возможно, и нет, разве что ему довелось повстречать кого-нибудь чокнутого на проблемах воздухоплавания, вроде этого невежды — Зефана... Жена Шварца продолжала его дело, но ни одна книга, известная Джилл, не удосужилась упомянуть даже ее имя или девичью фамилию. Она так и осталась навечно «фрау Шварц». Ей все-таки удалось осуществить постройку второго корабля, несмотря на то что она была всего лишь женщиной. А эти болваны-мужики, что повели алюминиевый корабль в полет (корабль походил внешним видом скорее на термос, чем на что-либо другое), запаниковали и угробили машину.

Все, что осталось от мечты Шварца и беззаветной преданности его жены, — это безобразная куча скрученного серебристого металла. Вот так бывает с мечтой, если у руля становятся огромный фаллос, лилипутский мозг и мышинная отвага. Ну а если бы на месте этого болвана оказалась женщина, уж ее-то имя наверняка попало бы в Историю. Вот смотрите, что получается, если баба вылезает из своей кухни!.. Если бы Бог намеревался...

Джилл вздрогнула, горячая боль пронзила сердце. Возьми себя в руки, сказала она себе. Хорошо, еще сейчас воздух прохладен, а то так и взорваться недолго.

Она очнулась от своих грез. Пока она тут воображала чувства, обуревавшие фрау Шварц, ее собственное каноэ течением уже отнесло назад. Огонь стал меньше, голоса доносились глуше, а она ничего не заметила. Надо, черт возьми, быть повнимательней, выругалась она. Следует всегда быть настороже, иначе ты никогда не докажешь будущему начальству, что обладаешь достаточной квалификацией, чтобы стать членом команды корабля. А может, и капитаном?

— Времени нам хватит! — гремел между тем Фаербрасс. — Это вам не какой-нибудь долбаный правительственный контракт — вечно недофинансируемый и подгоняемый в хвост и в гриву проект! Пройдет тридцать семь или даже больше лет, пока Сэм доберется до конца Реки! А нам потребуется только два, ну, может, три года, чтобы закончить свою зверюгу. А пока для тренировок будем пользоваться аппаратами с мягкой оболочкой! А затем мы — ого-го! — стартуем к диковинным голубым небесам, к Туманному морю Северного полюса, где живет не какой-нибудь вшивый Санта-Клаус, а Некто, принесший нам такие подарочки, которые делают святого Николая чуть ли не самым распоследним скупердяем в мире! Вперед же — к Туманной Башне, вперед к всамделишному Святому Граалю!

Тут в разговор вступил четвертый. Говорил он приятным баритоном, причем сразу было заметно, что английский ему не родной язык. Что же в нем такое? Звучит вроде как французский акцент, но... Да, конечно! Это же, должно быть, Савиньен Сирано де Бержерак, если верить слухам, дошедшим до нее через сотни уст! Ей показалось просто невероятным, что скоро она будет вот так запросто разговаривать с ним! А может, и не придется — на Реке ошивается множество всякого рода самозванцев.

На мгновение наступила тишина. Тишина, возможная только на Реке, когда мужики наконец затыкают свои глотки. Тут ведь нет ни птиц, ни животных (в частности, вечно лающих собак), никаких механических чудовищ, ревущих, воющих, жужжащих, лязгающих, нет вопящих гудков, нет рыдающих и стонущих сирен, нет визга тормозов, нет радио и галдящих громкоговорителей. Только плеск воды, набегающей на берег, да редкие шлепки рыб, выскакивающих в воздух и шлепающихся обратно в привычную им стихию. И еще потрескивание сучьев в костре.

— Ах! — воскликнул Фаербрасс. — Какой покой! Это лучше всего, что было у меня на Земле. Свобода! Свобода! Но когда же они появятся здесь, эти воздухоплаватели?! Мне нужны люди с опытом, нужны настоящие специалисты по этим пузырям, наполненным газом!

Шварц смачно пошлепал губами — Джилл видела поднятую к губам бутылку — и ответил:

— Вот оно как! Значит, у тебя все же кое-что свербит?

Каное коснулось берега, и Джилл выскользнула из него, даже не зачерпнув в лодку воды. Вода в этом месте достигала ей до пояса, но одежда с магнитными скрепками не промокла, и тело осталось сухим. Она прошла к берегу, подняла нос длинного и тяжелого каное, а затем медленно повела его за собой, пока не ступила на сушу. Нос каное опустился, и Джилл потащила лодку по песку, пока она не вышла из воды целиком. Сам пляж выступал всего лишь сантиметров на тридцать над поверхностью Реки. Джилл постояла, обдумывая, что ей делать дальше, и все-таки решила идти без оружия.

— О, я их рано или поздно все равно получу, — заговорил между тем Фаербрасс.

Джилл подошла совсем близко, бесшумно ступая по короткой траве.

— А вот и то, что вы ищете, — сказала она громко.

Все четверо стремительно обернулись, один чуть не упал и ухватился за другого. Они таращились, их рты и глаза на светлом фоне лица смотрелись как черные провалы. Подобно ей, они были закутаны в ткани, только последние отличались очень яркой раскраской. Будь она врагом, то успела бы проткнуть стрелой каждого, прежде чем они схватились бы за оружие, если допустить, что оно у них было. Потом-то она разглядела, что у них имелись пистолеты, положенные на шляпку «гриба».

Пистолеты! Металлические! Значит, все-таки это правда!

И вдруг в руке самого высокого из четверых она увидела рапиру — длинный стальной клинок с остро заточенным концом. Другой рукой он откинул капюшон, показав продолговатое смуглое лицо с огромным носом. Точно! Это *должен* был быть легендарный Сирано де Бержерак!

Сирано от неожиданности перешел на французский семнадцатого века, из которого она с трудом поняла всего лишь несколько слов.

Фаербрасс тоже откинул капюшон.

— Я чуть не наложил в штаны! Почему ты не предупредил нас о прибытии?

Она опустила капюшон еще ниже.

Фаербрасс подошел к ней и оглядел внимательно.

— Это баба!

— Тем не менее я ваша! — ответила Джилл.

— Чего-чего?

— Вы что, английского не понимаете, что ли? — бросила она с сердцем.

Ее гнев относился в первую очередь к ней самой. Она была так взволнована, хотя и хотела казаться спокойной, что даже заговорила на диалекте тувумба. С тем же успехом она могла бы воспользоваться и чистым английским Шекспира — они все равно не поняли бы ни черта. Она повторила сказанное на стандартном среднезападном американском, который она выучила с большим трудом.

— Тем не менее я ваша. Между прочим, меня зовут Джилл Галбирра.

Фаербрасс представил ей себя и своих друзей, а потом произнес:

— Мне надо выпить!

— Я и сама охотно выпью, — сказала Джилл. — Это глупость, будто алкоголь согревает, но зато он заставляет вас думать, что вы согрелись.

Фаербрасс наклонился и взял бутылку — первое стекло, которое Джилл видела за многие годы. Он протянул бутылку Джилл, и она глотнула скотч из горла, даже не обтерев его. В конце-то концов на Реке нет болезнетворных микробов! И у нее отсутствовали предрассудки насчет питья из бутылки, из которой только что пил метис. Разве ее бабушка не была аборигенкой? Конечно, або — это вам не негры. Это белые с очень темной кожей.

И с чего это ей в голову лезет такое?

Сирано, выставив голову вперед и согнув спину, медленно подошел к ней. Он оглядел ее с головы до ног, покачал головой и сказал:

— Mordieux*, у нее волосы короче моих! И никакой косметики! Вы уверены, что это действительно женщина?

Джилл прополоскала рот виски и проглотила жгучую жидкость. Виски было прекрасно, и оно быстро согрело ее.

— Посмотрим, — сказал француз. Он положил ладонь на ее левую грудь и тихонько сжал.

Джилл с силой двинула его кулаком в твердый живот. Сирано согнулся вдвое, и Джилл нанесла ему удар коленом в подбородок. Сирано рухнул как бревно.

Фаербрасс сказал:

— Это что еще за шутки? — И уставился на нее в полном недоумении.

— А как бы ты повел себя, если б он ухватил тебя за член, чтобы проверить, мужчина ли ты?

— Просто обалдел бы, милочка! — сказал Фаербрасс. Он оглушительно захохотал и принялся отплясывать, тогда как двое друзей глядели на него с таким видом, будто считали, что он спятил.

Сирано с помощью рук встал на колени, а потом с трудом поднялся на ноги. Лицо его покраснелось, рот свирепо ощерился. Джилл хотела отступить назад, особенно после того как он поднял рапиру. Но она даже не шевельнулась и голос ее не дрожал, когда она сказала:

* Черт поberi! (фр.)

— Вы всегда так грубо фамильярны с незнакомыми женщинами? По телу Сирано прошла дрожь. Краска сошла с лица, зубной оскал превратился в смущенную улыбку.

Он поклонился:

— Нет, мадам, и примите мои извинения за столь возмутительные манеры. Обычно я не пью, поскольку не люблю туманить себе мозги и пробуждать в себе зверя. Но сегодня мы отмечали годовщину отплытия корабля.

— Ладно, забудем, — ответила Джилл. — Только пусть такое больше не повторится.

Джилл улыбалась, но была жутко зла на себя за то, что плохо начала знакомство с человеком, которым всегда восхищалась. Конечно, это была не ее вина, но вряд ли теперь можно ожидать, что он быстро забудет, как был повержен на землю столь легко, да еще перед свидетелями. Самолюбие мужиков не способно перенести такое.

ГЛАВА 8

Туманная дымка истончилась. Теперь уже не было необходимости в огне костра, чтобы разглядеть лица друг друга. Однако ниже пояса серо-белая вата тумана была еще довольно плотна. Небо уже светлело, хотя до того, как солнце вылезет из-за пиков восточных гор, оставались еще часы. Белые простыни светящихся газов, закрывавшие почти шестую часть неба, теперь как бы выцвели, да и звезд стало куда меньше. Тысячи гигантов еще продолжали полыхать красным, зеленым, белым, голубым, но интенсивность их свечения падала, подобно тому как с расстоянием бледнеют выхлопные полосы, тянущиеся за реактивным самолетом.

На западе из тумана поднималось около дюжины высоких строевых зданий. Глаза Джилл широко распахнулись, хотя она знала о них по слухам, доходившим до нее, и по передачам барабанного телеграфа. Некоторые здания поднимались в высоту четырех- и пятиэтажных домов и казались изготовленными из стальных и алюминиевых листов. Должно быть, фабрики. Но самым огромным было алюминиевое здание ангара.

— Самый большой из всех, что мне приходилось видеть, — прошептала она.

— Ты еще ничего не видела, — ответил Фаербрасс. Потом помолчал и добавил с удивлением: — Ты что — приехала, чтоб записаться в нашу команду?

— А тебе что — мало того, что было сказано?

Конечно, он был настоящий мужик. Он мог принять ее, мог и выкинуть. И все равно ей, как и всегда, не удалось скрыть свое раздражение тем, что она считала глупостью. Талдычить одно и то же — пустая трата времени, а следовательно — глупость. Вот тут стоит человек, имеющий степень доктора астрофизики и магистра по электронике. А Соединенные Штаты дураков в космос не посы-

лали, хотя, конечно, и там могли попасться не слишком блестящие умы. Может быть, это алкоголь заставил их так поглупеть? Он ведь всегда оказывает подобное действие на мужиков. И на женщин, поспешила она напомнить самой себе. Надо же быть справедливой.

Он стоял рядом, дыша парами виски ей прямо в лицо. На голову ниже ее, широкие плечи, мускулистые руки и выпуклая грудь, находившаяся в забавном контрасте со стройными и даже тощими ногами. Карие большие глаза, белки налиты кровью. Голова крупная, лоб выпуклый, а бронзовые волосы так курчавы, что стоят как на пружинах. Считалось, что он мулат, но, видимо, кавказские и ошондагские* гены доминируют. Вполне мог бы сойти за провансальца или каталонца. Или за любого другого выходца из Южной Европы.

Он оглядел ее с головы до ног. Может быть, этот нагловатый взгляд был вызовом — не попытается ли она сбить его с ног, как только что сбила Сирано?

Джилл спросила:

— О чем ты думаешь? О том, достаточна ли моя квалификация, чтоб стать офицером корабля? Или о том, какое тело скрывает это мешковатое тряпье?

Фаербрасс снова громко расхохотался. Когда же успокоился, то ответил:

— И о том и о другом.

Шварц был явно шокирован. Он был мал ростом и худощав, голубоглаз и обладал довольно темной шевелюрой. Джилл сердито глянула на него, и он тут же отвел глаза. Эзикиел Харди, как и Сирано, был почти одинакового роста с Джилл. У капитана узкое лицо, высокие скулы и черные волосы. Харди не сводил с нее твердых бледно-голубых глаз.

— Я повторю, потому что все должно быть предельно ясным, — сказала Джилл. — Я ничем не хуже любого мужика и могу это доказать в любую минуту. И я — для вас Божий дар. У меня ученая степень по машиностроению, и я могу спроектировать воздушный корабль от «А» до «Z». Имею 8342 часа летного времени на четырех типах летательных аппаратов. Могу справиться с любым постом, включая пост капитана.

— А какие у вас доказательства? — спросил Харди. — Могли ведь все придумать, верно?

— А где *ваши* документы? — ответила Джилл. — И если вы даже и в самом деле капитан китобойного корабля, так что? Какими вы обладаете данными, чтоб стать членом команды дирижабля?

— Ну-ну, — успокаивающе сказал Фаербрасс, — давайте не будем надирать кишки таким ором. Я верю тебе, Галбирра. Не

* Одно из племен североамериканских индейцев.

думаю, что ты из числа самозванцев, с ними мне уже приходилось иметь дело.

Но одно должно быть тебе ясно до конца. У тебя, конечно, квалификация черт знает на сколько выше моей, если говорить о состоянии на данную минуту, так что претендовать на пост капитана ты можешь. И тем не менее капитан — я, босс — я, и большая головка сыра — это тоже я! Все представление — моя заслуга, от начала и до конца! На Земле и вон там — на небесах. Я не стал бы отказываться от поста главного инженера на пароходе Клеменса ради того, чтобы стать пешкой в этом Проекте.

Я — капитан Фаербрасс и прошу ни на минуту не забывать об этом. Если это о'кей, если это подписано и прихлопнуто печатью, тогда я готов прыгать до потолка от восторга, приветствуя тебя на борту. Ты можешь даже стать моим первым помощником, причем без всяких сексуальных обязанностей, хотя, правда, пока ничего определенного обещать не могу. Список команды еще далеко не заполнен.

Он умолк, задрал голову еще выше и поглядел на нее прищуренными глазами:

— Итак, первый пункт с плеч долой. Теперь тебе предстоит еще поклясться собственной честью и Богом (если ты в него веришь), что будешь повиноваться законам Пароландо. Без всяких там «если», «но», «и» и так далее.

Галбирра колебалась. Облизала губы, ощущая, что во рту все пересохло. Она хотела... нет, нет, она жаждала стать членом команды дирижабля. Она просто видела его в эту минуту своим внутренним зрением. Он висел над ними, бросая огромную тень на нее, Фаербрасса, отливая серебром там, где лучи воображаемого солнца лились на его поверхность.

— Я не могу приносить в жертву свои принципы, — сказала она наконец. Сказала так громко, что мужчины даже вздрогнули. — А может, у вас тут существует неравенство между мужчинами и женщинами? Может, у вас есть дискриминация по половым, расовым, национальным и тому подобным признакам? И особенно по половым?

— Нет, — ответил Фаербрасс. — Во всяком случае, теоретически и по закону. Фактически же, то есть в персональном аспекте, разумеется, есть. Существует, как существовала всегда и повсюду, дискриминация, основанная на компетентности. У нас тут очень высокая планка стандарта. Если ты одна из тех, что думают, будто человеку надо давать работу потому, что он или она принадлежат к группе, которую раньше подвергали дискриминации, тогда забудь об этом. Или уноси отсюда свою задницу.

Джилл думала. Мужчины глядели на нее, видимо, понимая, какая борьба идет в это время в ее душе.

Фаербрасс снова широко улыбнулся.

— Не тебя одну раздрают противоречия, — сказал он. — Ты мне ужасно нужна, наверняка почти так же, как тебе хочется стать

членом нашей команды. Но и у меня есть принципы, совсем как у тебя.

Он ткнул большим пальцем в сторону Харди и Шварца.

— Ты глянй на них. Оба из девятнадцатого века. Один австриец, другой из Новой Англии. Но они не только согласились считать меня капитаном, они стали моими близкими друзьями. Может, они все еще считают — там, в самой глубине души, — что я нахальный ниггер, но они изувечат любого, кто так меня обзовет. Верно, ребята?

Оба кивнули.

— Тридцать один год жизни в Мире Реки меняет человека. Если, конечно, он способен меняться. Ну, так что ты скажешь? Хочешь услышать Конституцию Пароландо?

— Конечно. Я не приму решения, пока не узнаю, на что иду.

— Она сформулирована великим Сэмом Клеменсом, который уехал на своем пароходе «Марк Твен» почти год назад.

— Тот самый Марк Твен? Мне кажется, это отдает бахвальством, а?

— Имя кораблю присвоено всеобщим голосованием. Сэм протестовал, правда, не так чтобы очень сильно. Ладно, ты меня прервала. А у нас неписаное правило — капитана не перебивают. Так вот: *«Мы, народ Пароландо, сим объявляем...»*

Насколько она могла судить, в этом длинном монологе не было ни оговорок, ни задержек. Почти полное отсутствие письменности заставляло грамотное население полагаться только на свою память. Искусство, которое раньше процветало только среди людей, живших еще до изобретения письменности, да среди актеров, теперь стало всеобщим делом.

Пока слова уходили к облакам, само небо становилось все светлее. Туман теперь держался на уровне колен. Дно долины издали все еще казалось укрытым снежной пеленой. Подножия холмов, начинавшихся сразу за равниной, виднелись совсем четко. Высокие горные травы, кустарники, «железные» деревья, дубы, сосны, ивы и бамбук теперь смотрелись не как на японских акварелях — в дымке, нереальные и далекие. Огромные цветы, свисавшие с толстых лоз, обвивающих ветви «железных» деревьев, уже начинали набирать краски. Когда на них упадут первые солнечные лучи, они запылают ярко-красным, ярко-зеленым, голубым, черным, белым, желтым, загорятся полосами и многоугольниками разнообразных цветосочетаний.

Западные кручи отливали черно-голубым; скалы пестрели колоссальными пятнами голубовато-зеленых лишайников. Здесь и там узкие водопады стекали тускло светящимися нитями по боковинам черных кряжей.

Все это было давным-давно знакомо Джилл Галбирре. Но каждый день, проснувшись поутру, она ощущала все то же удивление и все тот же восторг. Кто создал эту Речную Долину протяженностью в миллионы километров? И зачем? И как и почему она —

Галбирра — вместе с тридцатью четырьмя—тридцатью шестью миллиардами других людей оказалась воскрешенной на этой планете? Все, кто жил на Земле между 2000 годом до нашей эры и 2008 годом нашей эры, по-видимому, восстали тут из мертвых. Исключением были лишь дети моложе пяти лет да умственно отсталые. А также, возможно, безнадежные идиоты, хотя, конечно, термин «безнадежный» весьма спорен.

Кто эти люди, способные совершить такое? И зачем они это сделали?

Разумеется, ходили разные слухи и сказки — странно тревожащие и доводящие до безумия — о людях, которые появлялись среди этих лазарей*. Ненадолго. Под покровом тайны. Их звали по-разному, в том числе этиками.

— Ты слушаешь? — спросил Фаербрасс. Джилл вдруг обнаружила, что все глядят на нее во все глаза.

— Я могу пересказать почти дословно все, что ты продекларировал мне до сих пор, — сказала она.

Это, конечно, не было чистой правдой, но она была натренирована — как держать одно ухо настроенным вроде антенны на прием волн определенных частот, то есть в данном случае того, что она считала важным.

Люди уже начали выходить из хижин; потягивались, покашливая, закуривая сигареты, они направлялись к окруженным бамбуковыми изгородями отхожим местам или к Реке, держа в руках свои граали. Некоторые имели только полотенца вокруг чресел, но большинство — закутаны с ног до головы. Бедуины Мира Реки. Фантомы в мираже.

Фаербрасс сказал:

— О'кей. Готова принести клятву? Или у тебя есть какие-то возражения на моральной почве?

— У меня таких никогда не было, — ответила она. — А у тебя есть? В отношении меня лично?

— Если бы и были, то не имели бы значения. — Он снова усмехнулся. — Клятва имеет предварительный характер. В течение трех месяцев ты будешь находиться на испытании, а потом народ будет голосовать. Но я могу наложить на их решение вето. Все равно тебе придется принести новую клятву, если ты пройдешь испытания. О'кей?

Все это ей не очень-то нравилось, но что было делать? Уходить отсюда она не собиралась. Кроме того, хоть они об этом и не знали, она сама определила им всем испытательный срок.

Воздух уже немного согрелся. Восточная часть неба еще больше посветлела, гася все звезды, кроме нескольких гигантов. Запели горны. Ближайший горнист стоял на вершине шестизэтажной бамбуковой башни, расположенной на середине приречной низменной

* По имени умершего, воскрешенного Христом.

полосы, — это был высокий тощий негр с ярко-красным полотенцем вокруг чресел.

— Настоящая бронза, — сказал Фаербрасс. — Тут немного выше по течению оказались месторождения цинка и меди. Мы могли бы отобрать их у людей, которым они принадлежат, но решили, что торговать — лучше. Сэм никогда бы не разрешил нам прибегнуть к силе, разве что при крайней необходимости.

Тут южнее раньше находился Душевный Город с очень большими залежами криолита и боксита. Народ Душевного Города не пожелал выполнить свои договорные обязательства — мы меняли оружие на руду, — так что нам пришлось пойти на них войной и взять город. Короче, — он обвел рукой горизонт, — Пароландо теперь простирается на 64 километра вдоль обоих берегов Реки.

Мужчины снимали все полотнища, кроме тех, что прикрывали чресла. Джилл оставила себе зеленый с белыми полосками килт и тонкую, почти прозрачную ткань на груди. Еще недавно пароландцы выглядели как арабы пустыни, теперь — как полинезийцы.

Обитатели равнины и подножий холмов собирались у Реки. Многие сбрасывали одежду и кидались в воду, вскрикивая, когда холодное течение обжигало их, и со смехом окатывая друг друга брызгами.

Джилл колебалась недолго. Весь вчерашний день она обливалась потом, а всю ночь работала веслом. Ей нужно было испугаться, и рано или поздно ей все равно придется раздеться догола. Она сбросила свои покрывала, подбежала к берегу и очертя голову кинулась в воду. Поплавав, она одолжила кусок мыла у какой-то женщины и хорошенько намылила верхнюю часть тела. Из воды вылезла дрожа и энергично растерлась какой-то деталью своего костюма.

Мужчины откровенно рассматривали ее. Перед ними была очень высокая женщина, с тонкой талией, длинными ногами, маленькой грудью, широкими бедрами и бронзовой кожей. У нее были короткие, прямые, желтовато-коричневые волосы и большие, того же цвета глаза. Ее лицо, и она это знала, не было из тех, что называются незабываемыми. В общем-то ничего плохого, если не считать выдающихся вперед зубов и носа — слишком длинного и ястребиного. Зубы были наследием от чернокожей бабки. С ними уж ничего не поделаешь. Да, честно говоря, она и не стала бы с ними возиться, даже если б это было возможно.

Глаза Харди приковались к ее лобку — волосы на нем были странно длинные, густые и почти янтарного цвета. Ладно, переживет, подумала она, хотя он, если говорить по правде, явно нуждался в помощи, чтобы пережить такое потрясение.

Фаербрасс отошел к питающему камню и вернулся назад, держа в руке копье. Чуть ниже стального наконечника к древку была прикреплена большая позвоночная кость «рогатой рыбы». Он с силой воткнул копье в землю возле каное Джилл.

— Кость означает, что копьё — мое, оно капитанское, — сказал он. — Я воткнул его в землю возле каное как знак, что из лодки ничего нельзя брать без разрешения. Тебе еще предстоит встретиться со множеством вещей подобного рода, они тебе пока неизвестны. А сейчас Шварц покажет тебе твоё жильё и проведет тебя по разным местам — увидишь, что тут и как. Явишься ко мне ровно в полдень вон к тому «железному» дереву.

Он указал на дерево, стоявшее метрах в девяносто к западу; оно возвышалось метров на триста, кора толстая, серая и в трещинах, а десятки огромных ветвей вытягивались метров на девяносто по горизонтали. Ветви были усыпаны колоссальными листьями, похожими на слоновьи уши, разрисованные красными и зелеными полосами. Надо думать, корни дерева уходили по меньшей мере метров на сто двадцать в глубину, а древесина, почти не поддающаяся огню, была так тверда, что даже стальные пилы перед ней пасовали.

— Мы зовем это дерево «Вождь». Встретимся под ним.

Снова заиграли горны. Неорганизованная толпа сразу рассыпалась на несколько военизированных подразделений, подчиняющихся командам офицеров. Фаербрасс поднялся на верхушку питающего камня. Он стоял неподвижно, наблюдая, как проходит переключка. Капралы рапортовали сержантам, сержанты — лейтенантам, а те — адъютанту. Затем Харди передавал донесения Фаербрассу. Минута — и отряды распались. Однако толпа не расходилась. Фаербрасс слез с камня, и его место заняли капралы. Они ставили граали в углубления на шляпке каменного гриба.

Шварц обнаружился возле Джилл. Он прочистил горло:

— Галбирра? Давайте я займусь вашим граалем.

Она взяла свой цилиндр из каное и отдала его Шварцу.

Цилиндр был сделан из серого металла, имел 45,72 сантиметра в диаметре, 76,20 сантиметра в высоту и весил в пустом виде 0,55 килограмма.

Крышка цилиндра могла быть поднята только его владельцем. Она была снабжена изогнутой ручкой. Привязанный к ручке веревкой из бамбукового волокна маленький глиняный дирижаблик служил как бы личным удостоверением Джилл. На обоих боках дирижаблика были выгравированы ее инициалы.

Шварц приказал кому-то поставить грааль Джилл в углубление на шляпке гриба. Тот быстро справился с этим делом, все время бросая тревожные взгляды на пики восточных гор. Однако еще минутами двумя он, видно, располагал. Когда они истекли, солнце, подобно огромному воздушному шару, всплыло над вершинами гор. Еще несколько секунд, и каменный гриб выбросил на высоту девяти метров огромные языки голубого пламени. Рев электрических разрядов слился с грохотом всех остальных питающих камней, тянувшихся по обоим берегам Реки насколько хватал глаз. Все эти годы так и не приучили Джилл ни к этому зрелищу, ни к этому грохоту. Хоть она и ожидала их, но непроизвольно вздрогнула и

даже подпрыгнула на месте. Эхо докатилось до рефлектора гор и было отброшено обратно к берегам, снова откатилось туда, чтобы наконец умереть с мрачным недовольным ворчанием.

Свой завтрак получили все.

ГЛАВА 9

Они находились у подножия холмов. Высокую, похожую на эспарто траву недавно скосили до полуторасантиметровой высоты.

— У нас для этого есть машины, но большая часть работы пока делается серпами, — сказал Давид Шварц. — Из травы выют веревки.

— Там, откуда я пришла, машин вообще нет, — отозвалась Джилл, — мы пользуемся кремневыми серпами. И веревки вьем тоже, разумеется.

Здесь было тенисто и прохладно. Ветви «железного» дерева распростерлись над маленьким поселком — его квадратные и круглые бамбуковые хижины были разбросаны на больших расстояниях друг от друга. У некоторых были крыши из малиново-зеленых листьев «железного» дерева. С самой нижней ветви этого колосса свисала веревочная лестница, уходя на высоту примерно тридцати трех метров. Она кончалась у платформы, разместившейся на развилке ветвей, где приютилась небольшая хижина. Были видны и другие лестницы, другие платформы и другие воздушные хижины.

— Возможно, вам отведут одну из них после того, как пройдет испытательный срок, — сказал Шварц. — А пока ваш дом тут.

Джилл вошла в указанную ей дверь. Хорошо еще, что нагибаться тут не пришлось. Здесь ведь полно народу куда меньше ростом, чем она, и многие двери были низковаты.

Она положила свой грааль и узелки прямо на пол. Шварц вошел вслед за ней.

— Эта комната принадлежала супружеской паре, убитой «речным драконом». Он выпрыгнул из воды так, будто им выстрелили из пушки. Целиком отгрыз конец рыболовного плота. К сожалению, именно на том конце стояла эта пара, так что рыба проглотила их вместе с бревнами.

Еще хуже, что это произошло после прекращения воскрешений. Так что, думаю, эти ребята вряд ли объявятся когда-нибудь еще. Вы ничего не слыхали о новых лазарях, а? Недавних, конечно.

— Нет, не слыхала, — ответила она. — Во всяком случае, ничего определенного.

— А как вы думаете, почему воскрешения прекратились? После всех этих долгих лет?

— Откуда ж мне знать? — ответила она резко. Разговор на эту тему удовольствия ей не доставлял. В самом деле, почему дар бессмертия был отнят у них так внезапно?

— Ну и черт с ним, — произнесла она вслух. Огляделась. Пол не виден из-за травы, достигавшей ей чуть ли не до промежности.

Острые листья травы едва не врезались ей в икры. Придется срезать траву почти до пола, а потом притащить земли и засыпать жнивье. Но и тогда трава может не умереть. Ее корни уходят так глубоко и так переплетаются, что трава может отлично процветать и без солнечного света. Очевидно, она питается от корней тех растений, которые находятся на свету.

Стальной серп висел на вешалке, прибитой к стене. Сталь тут была так распространена, что на это орудие, считавшееся повсюду драгоценностью, здесь никто даже не позарился.

Она медленно ходила по комнате, чтобы острые края листьев не резали кожу на ногах. Нашла пару глиняных ночных горшков, валявшихся в густых зарослях. Кувшин для питьевой воды стоял на бамбуковом столике, который пока еще сопротивлялся давлению тянувшихся вверх стеблей. С другого крючка свисало женское ожерелье из рыбьих позвонков. Два бамбуковых лежака; подушки и матрасы, сделанные из снабженных магнитными скрепками тканей и набитые листьями, лишь наполовину высывались из травы. Возле них лежала арфа, сделанная из панциря рыбы-черепахи и рыбьих кишок.

— Что ж, небогато, — сказала она. — А впрочем, богатства тут ни у кого не бывает, верно?

— Зато комната большая, — отозвался Шварц. — Хватит места для тебя и твоего партнера, когда ты его найдешь.

Джилл сняла с гвоздя серп и прошла им по траве. Трава полегла, будто скошенные мечом головы.

— Ха! — выдохнула она.

Шварц смотрел на нее так, будто боялся, что после травы она примется за него.

— А почему вы думаете, что мне нужен любовник?

— Почему, почему, почему... все... Так сказать, всем он нужен.

— И вовсе не всем, — сказала она. И повесила серп на крюк. — Ну и каков же будет дальше наш тур, мистер Кук*?

Она была готова к тому, что, когда они окажутся в хижине, он предложит ей отправиться в койку. Все мужчины хотят этого. Теперь стало очевидным, что хоть он этого и хочет, но у него кишка тонка попросить. Джилл ощутила облегчение, смешанное с легким презрением. Тогда она сказала себе, что чувство это дурацкое и слишком уж противоречивое. Почему надо смотреть на человека с презрением, если он ведет себя так, как ей и хочется?

Возможно, все же она испытывала некоторое разочарование. Когда мужик становился излишне агрессивным, несмотря на ее предупреждение, она тут же рубила его ребром ладони, начинала выкручивать ему мошонку и била ногой в живот, пока он корчился на земле от боли. И неважно, каким крупным или сильным был мужчина, она всегда умудрялась захватить его врасплох. Все они

* Намек на знаменитое туристическое агентство Кука.

оказывались беспомощными, во всяком случае, до тех пор, пока не проходила боль в мошонке.

Потом... Что ж, большинство оставляли ее в покое. Кое-кто пытался ее убить, но к этому она была подготовлена. Они не знали, как ловко она обращается с ножом... или любым другим видом оружия.

Давид Шварц так и не узнал, как близко он был к тому, чтобы стать калекой и обладателем глубокой раны на самолюбии.

— Вы можете без опаски оставить тут свое имущество. У нас еще не было ни одного случая воровства.

— Грааль я возьму с собой. Нервничаю, если не вижу его рядом.

Он пожал плечами, вынул сигару из кожаного портсигара, висевшего у него через плечо. Один из утренних даров его грааля.

— Только не здесь, — сказала она совсем тихо. — Это мой дом, а я не хочу, чтоб в нем воняло.

Он казался удивленным, но опять пожал плечами. Однако, как только они вышли на воздух, тут же закурил. И пошел слева от нее с наветренной стороны, дымя как пароход и выпуская клубы дыма в ее сторону.

Джилл с трудом удержалась от шпильки, которую ей очень хотелось ему отпустить. Но было глупо оскорблять его слишком сильно и дать ему повод внести ее в черный список. В конце концов, у нее был испытательный срок; и она — женщина; не следует умышленно восстанавливать против себя человека, занимающего высокое положение, к тому же друга Фаербрасса. Но больше она не позволит испытывать ни свои принципы, ни гибкость своей шеи.

Или позволит? Ей ведь пришлось испытать немало унижений на Земле, чтобы стать офицером воздушного корабля. И она улыбалась, а потом шла домой, чтоб колотить там посуду и керамику и писать похабщину на стенах.

Детские выходки, но они успокаивали. И вот теперь она снова в аналогичной ситуации, которая ей не снилась уже давно и начала сниться снова лишь в последние годы. Ей некуда было идти, кроме как сюда — никаких других «кроме» просто не существовало. Именно здесь строили единственный в мире воздушный корабль. И он предназначается для одного-единственного рейса — только в одну сторону.

Шварц остановился на холме. Он указал на авеню, образованную стволами длиннохвойной сосны. В конце авеню, на полпути к другому холму, находился большой сарай.

— Отхожее место вашей общины, — сказал он. — Первое, что надо делать по утрам, — это тащить сюда свои горшки и опоражнивать их. Мочу — в одну дыру, а экскременты — в другую, рядом.

Он помолчал, улыбнулся и продолжил:

— Проходящим испытательный срок обычно поручают чистить сарай через день. Они отвозят бочки на пороховую фабрику вон

туда — к горам. Экскременты скормливаются пороховым червям. Конечный продукт их пищеварения — азотистый калий и...

— Я знаю, — ответила она, цедя слова сквозь крепко сжатые зубы. — Я не самозванка. Во всяком случае, этот процесс возможен лишь при наличии серы.

Шварц покачался на каблуках, довольно попыхивая сигарой, задранной к небу. Были бы у него подтяжки, он бы с наслаждением щелкнул ими.

— Большинство проходящих испытания почти месяц отработывают на этой фабрике. Неприятно, но хорошо укрепляет дисциплину. Помогает выполоть тех, кто не имеет призвания.

— «Non carborundum illegitimus», — сказала она.

— Что такое? — бросил он углом рта.

— Поговорка янки. Кухонная латынь. Перевод: «Не позволяя подонкам стереть тебя в порошок». Я могу стерпеть любое унижение, если дело того стоит. Но потом приходит моя очередь.

— А ты крутая баба!

— Это уж точно. Приходится, если хочешь выжить в мире мужиков. Я-то думала, что хоть тут будет немного иначе. Пока это не так, но будет обязательно.

— Все мы меняемся, — сказал он медленно и немного печально. — Но не всегда к лучшему. Если б вы мне сказали в 1893 году, что я буду выслушивать от женщины, женщины высшего класса, не шлюхи и не фабричной работницы, заметьте, похабщину, подрывающую основы дисциплины...

— Вместо раболепствования, хотите вы сказать, — резко бросила она.

— Уж разрешите мне закончить. Подрывная суфражистская чушь. И если бы вы тогда сказали мне, что это меня не особенно заденет, я ответил бы, что вы гнусная лгунья. Но век живи, век учись. Или в нашем случае — сдохни, но научись.

Он помолчал и поглядел на нее. Правый уголок рта слегка дрогнул, а ее глаза сузились.

— Я могла бы послать вас подальше, — сказала она, — но нам придется вместе работать. Однако хамства я больше выносить не намерена.

— Вы не поняли того, что я сказал, — ответил он. — Я сказал, что теперь это меня не задевает. Я сказал — живи и учись. Я не тот Давид Шварц, каким был в 1893 году. Я надеюсь, что и вы не Галбирра из... кстати, когда вы умерли?

— В 1983-м.

Вниз по склону они шли молча, Джилл несла свой грааль на конце копья, которое положила на плечо. Шварц остановился только раз, чтобы показать ей ручей, бежавший с холма. Его истоком был горный водопад. Затем они вышли к озерку в западине меж двух холмов. Какой-то человек сидел в лодке на середине озера с бамбуковой удочкой в руках. Поплавок медленно относил

течением к кусту, свисающему с берега. Джилл показалось, что человек похож на японца.

Шварц пробормотал:

— Ваш сосед. Его настоящее имя Охара, но ему больше нравится, когда его зовут Пискатором. Спятил на почве преклонения перед Айзеком Уолтоном*, которого читает наизусть вдоль и поперек. Говорит, что человеку в этом мире нужно только одно имя, и он выбрал Пискатора. Это рыбак по-латыни. Зациклился на рыбной ловле, как видите. По этой причине его поставили заведовать уничтожением «речных драконов» в Пароландо. Но сегодня у него выходной.

— Любопытно, — сказала Джилл. Она была уверена, что Шварц подводит к чему-то очень неприятному для нее. В его легкой улыбке явно сквозило нечто садистское.

— Он, весьма возможно, будет первым помощником на корабле, — сказал Шварц. — Он был японским морским офицером, и в начале первой мировой войны его приписали к британскому флоту в качестве наблюдателя и стажера на дирижаблях. Позже он был наблюдателем-стажером на итальянском военно-морском дирижабле, который бомбил австрийские базы. Так что, видите, у него достаточно опыта, чтобы встать весьма высоко в списке команды.

— К тому же он мужчина, — она улыбнулась, внутренне закипая, — и, хотя моя квалификация куда выше его, все же он мужчина.

Шварц попытался от нее.

— Я уверен, Фаербрасс будет назначать офицеров исключительно исходя из их заслуг.

Она ничего не ответила.

Шварц помахал человеку в лодке, тот встал с банки и, улыбаясь, отвесил поклон. Потом снова сел, но не раньше, чем бросил на Джилл взгляд, который, как ей показалось, ощупал ее не хуже метафизического радара, определив навсегда ее место в мире и всю ее внутреннюю структуру.

Воображение, конечно. Но она подумала, что Шварц был прав, когда сказал:

— Удивительный человек этот Пискатор.

Черные глаза японца, казалось, сверлили ей спину, когда они уходили от озера.

ГЛАВА 10

Тьма снаружи. И ночь внутри, ночь, корчащаяся в кольцах змееподобных бледных молний, изгибающихся и шипящих. А чуть позже, в том месте, где время уже не существовало, где-то впереди

* Айзек Уолтон (1593—1683) — английский писатель, автор трактата о рыбной ловле.

вспыхнул луч такой интенсивности, будто он пролетел сквозь объектив кинопроектора. Этот свет казался шепотом в воздухе, но в ее черепной коробке он был как пронзительный выкрик. Фильм демонстрировался на катодном лучевом осциллографе; он состоял из серий букв, отдельных и неоконченных слов, знаков и символов — обрывков нерасшифрованного кода. А возможно, и вообще непригодного для дешифрирования.

Еще хуже то, что лента, казалось, бежит в обратном направлении, перематываясь от конца к началу. Совсем как документальный фильм, снятый для телевидения — для кретинского (окретиненного) экрана долбаного телика. Показ задом наперед — отличный технический прием. Изображения вдруг вспыхивают, вызывают ассоциации, отражают что-то, звучат далеким эхом, пробуждая отклики, одно изображение накладывается на другое, и все это с быстротой, на которую способен только электронный компьютер. Как будто с неизъяснимой быстротой листаешь страницы иллюстрированной книги от конца к началу. Но текст? Где же текст? И о чем она думает сейчас, когда вспоминает, что думала раньше, глядя на эти изображения? Нет изображений. Нет сюжета. Нет, сюжет был, но его надо заново складывать из множества крошечных кусочков. Ах, из какого множества! Вот, кажется, ей это почти удалось, но снова все куда-то ускользает.

Джилл пробудилась со стоном. Открыла глаза и прислушалась к дождю, стучавшему по крытой травой крыше.

Теперь она вспомнила первую часть своего сна. Это был сон о сне, о том, что она считала сном, но в чем не была уверена. Шел дождь, и она наполовину проснулась, или ей показалось, что она лежит в полудреме. Та хижина была в двадцати тысячах километрах от этой, но они почти неотличимы друг от друга. И мир за стенами этой хижины, видимый ей при редких вспышках молний, тоже вряд ли сильно отличался от того мира. Она повернулась, но ее рука не коснулась плоти, которую ожидала там найти.

Она села и огляделась. Блеснула молния, да так близко, что она вздрогнула; молния высветила, что Джека в хижине нет.

Тогда она вскочила и зажгла светильник, где горел рыбий жир. Не было не только Джека, не было его одежды, его оружия, его грааля.

Она выскочила под ночной ливень. Чтоб искать.

Не нашла. Он ушел. И никто не знал — почему и куда.

Единственный человек, кто мог бы поведать об этом, точно так же тайком исчез той же ночью. Он тоже бросил свою подружку в хижине, не сказав ни слова о своих планах. Джилл было ясно, что эти двое бежали вместе. И все же, насколько она знала, они были лишь случайными знакомыми.

Почему же Джек бросил ее так бессердечно и безмолвно?

Чем она ему не угодила?

Возможно, Джек просто решил, что не стоит путаться с женщиной, которая не желает играть вторую скрипку в их отношениях? Или жажда странствий снова взяла его за глоток? Если же объеди-

нились обе эти силы, он был способен просто встать и выйти, чтобы прошвырнуться, если воспользоваться его собственным вульгарным американизмом.

В чем бы ни лежала истина, теперь она жила без мужчины и никогда больше не станет иметь с ними дела. Джек был самым лучшим, он был последним и лучшим по определению, но все же и он оказался недостаточно хорош.

Джилл все еще была в депрессии, когда повстречалась с Фатимой — маленькой турчанкой с похожими на чернослив глазами. Фатима была одной из сотен наложниц Мохамеда Четвертого (правил Турцией с 1648 по 1687 год). Она так никогда и не сподобилась попасть к нему в постель. Однако страдать от недостатка сексуального удовлетворения ей не приходилось. В серале хватало подруг по заточению, которые предпочитали любовников своего же пола либо по врожденной склонности, либо по приобретенной здесь же привычке.

Фатима стала фавориткой Коземы — бабки Мохамеда, причем в их отношениях не было ничего сексуального.

Однако мать Мохамеда — Тюрхан — стремилась вырвать контроль над правительством из рук Коземы, в силу чего Козема была схвачена группой наемных убийц и задушена шнурками, сорванными с полога ее собственного ложа. Фатиме не повезло — она прислуживала Коземе, когда все это случилось, и ей пришлось разделить судьбу старухи.

Джилл взяла весьма сексапильную турчанку в свою хижину после того, как та поссорилась со своей любовницей — французской балериной (умерла в 1873 году). Джилл вовсе не была влюблена в Фатиму, но та отличалась высокой сексуальной привлекательностью, и скоро Джилл к ней привыкла. Но Фатима была к тому же женщиной крайне невежественной и, больше того, ничему не хотела учиться. Ей была свойственна страшная эгоистичность, которая ей самой отнюдь не мешала, а также инфантильность, что ее тоже устраивало. Не прошло и года, как Джилл от нее смертельно устала. Но даже и тогда на нее страшно подействовало, что Фатиму изнасиловали и забили до смерти три пьяных сикеля (родились где-то за тысячу лет до нашей эры). Печаль Джилл усугубилась пониманием, что Фатима погибла навеки. Воскрешения практически прекратились. Умершие больше никогда не будут возрождаться на восходе следующего дня где-нибудь далеко-далеко от места своей гибели.

Прежде чем отдаться горю, Джилл всадила по стреле в каждого из убийц Фатимы. Им тоже воскрешение больше не светило.

Несколько лет спустя до Джилл дошли слухи об огромном дирижабле, который строится выше по течению Реки. Ей не было известно, правда это или нет, однако имелся лишь один путь, чтоб выяснить это.

И вот она здесь, невзирая на то что, чтоб добраться сюда, у нее ушло так много времени.

ГЛАВА 11

Из «Ежедневной сплетницы» — пятистраничной газеты. Владелец и издатель: государство Пароландо. Редактор С. К. Багг В верхнем левом углу, прямо под заголовком — всегдашнее извещение:

CAVEAT LECTOR*:

Согласно правилам, читатель обязан положить эту газету по прочтении, не позже чем на следующий день после получения, в государственный мусорный ящик для последующей вторичной переработки. В случае неотложной нужды газета может быть использована в качестве туалетной бумаги. Для этой цели мы рекомендуем страницу «Письма к издателям» как наиболее подходящую. За первое нарушение этого правила — публичный выговор, за второе — конфискация всего алкоголя, табака и мечтательной резинки в течение недели. За третье — изгнание навсегда.

В разделе «Новоприбывшие» наиболее видное место занимает

Д Ж И Л Л Г А Л Б И Р Р А

Мы рекомендуем, невзирая на возражения многих, нашего последнего кандидата женского пола для получения гражданства. Только в прошлое воскресенье этот глоток свежей воды появился в предутреннем тумане и стал клеиться к четырем ведущим столпам нашего общества. Несмотря на состояние некоторого опьянения, а возможно, и на нечистые помыслы — два обстоятельства, нередко ведущие к помутнению сознания, — данный квартет в конце концов сообразил, что их нежданная гостья пропутешествовала примерно 32 180 километров (или 20 тысяч миль, для малограмотных и тупиц). Этот путь она проделала в каноэ и одиночестве (не будучи ни разу изнасилована или утоплена), причем вся ее одиссея была предпринята исключительно ради того, дабы убедиться, что наш проект строительства дирижабля движется в правильном направлении.

Хотя и не потребовав, в прямом смысле этого слова, назначения на пост командира корабля, когда он будет готов, она намекнула, что для всеобщего блага было бы здорово, если б именно она заняла этот пост.

После нескольких глотков благословенного продукта Каледонии** квартет частично опомнился от такого напора. (Один из свидетелей так описывает ее появление: «Амазонка с манерами, говорящими о наличии медных нервов и стального желудка, редко присущих женщинам, достойным этого названия».)

* Предупреждение читателю (лат.).

** Т. е. шотландского виски.

Знаменитая четверка потребовала предъявления документов. Джилл предъявила их, и таковые оказались в целом действительно впечатляющими. Один выдающийся гражданин, проинтервьюированный по данному вопросу нашим неустрашимым репортером Роджером «Нелли» Блаем, утверждает, что она действительно та, кем представлялась. Хотя он никогда не встречал ее во времена земного существования, но читал о ней в различных периодических изданиях и однажды видел по телевизору (такое изобретение середины XX века, которого ваш издатель по молодости лет не удостоился узнать, и, по всей видимости, мало чего потерял).

По-видимому, эта женщина обладает удивительным внешним сходством с настоящей Джилл Галбиррой, а не является одной из многочисленных самозванок, которые наводняют нашу Речную Долину уже весьма продолжительное время.

Офис Жизненной (многие говорят «Посмертной») статистики снабдил нас следующей информацией. Галбирра Джилл (среднего имени нет). Пол женский. Имя, данное при рождении: Жаннетта Жоржетта Редд. Родилась 12 февраля 1953 года в Тувумбе, Квинсленд, Австралия. Отец Джон Джордж Редд. Мать — Мэри Бронз Редд. Происхождение: шотландско-ирландское, французское (еврейское), а также австрало-аборигенное. На Земле замужем не была. Школьное образование — Сидней и Мельбурн. Окончила в 1973 году Массачусетский технологический институт, магистерская степень по аэронавтике. Имеет лицензию на вождение четырехмоторных воздушных кораблей. Лицензию на полеты на безмоторных воздушных шарах. Инженер-навигатор на западногерманском грузовом дирижабле, работавшем на нигерийское правительство в 1977—1978 годах. Пилот воздушного шара на юбилейных торжествах в США, 1979 год. Пилот воздушного шара у шейха Кувейта, 1980—1981-й, инструктор воздухоплавания для Бритиш Эйруэй, 1982-й. В 1983 году была единственной женщиной-капитаном воздушного корабля в западном мире. Налетала 8342 часа полетного времени.

Погибла 1 апреля 1983 года в автомобильной катастрофе вблизи Хоудена, Англия, как раз перед тем, как принять командование только что вошедшим в строй цельнометаллическим дирижаблем «Уиллоус-Гуднесс».

Профессия: вытекает из предыдущего.

Увлечения: игра на флейте, стрельба из лука, фехтование, кендо, бой на дубинках, «искусство боя», похабная брань.

Весьма неплохо работает и голыми руками, поскольку свалила нашего почтенного согражданина Сирано «Schnozzolla»* де Берже-рака ударом в брюхо, за которым последовал удар в подбородок коленом, сделавший его hors de combat** и бездыханным. Этот

* Носач (ит.).

** Вышедший из строя (фр.).

феномен случился по той причине, что упомянутый гражданин возложил руку (не испросив разрешения) на ее грудь. В нормальных условиях вспыльчивый француз вызвал бы любого, посмеявшегося обойтись с ним столь грубо, на дуэль (разумеется, за границами Пароландо, поскольку дуэли в нашем прекрасном государстве запрещены). Но он оказался столь старомоден, что, как он выразился, «*comme un imbécile*»*, если бы ввязался в драку с женщиной. Более того, он считает, что вообще допустил ошибку, принявшись ухаживать без приглашения на то «словом» или «жестом».

Час спустя после ужина ваш Неустрасимый появился у дверей хижины Галбирры и постучался в нее.

Раздалось кряхтенье, после чего довольно сварливый голос крикнул: «Какого дьявола тебе надо?» По-видимому, будущая интервьюируемая совершенно не интересовалась личностью своего визитера.

— Мисс Галбирра, я — Роджер Блай, репортер «Ежедневной сплетницы». Хотел бы взять у вас интервью.

— Что ж, придется тебе обождать. Я сижу на горшке.

Ваш журналист закурил сигару, чтоб убить время. Он намеревался также использовать окурки для очистки воздуха в хижине. Спустя некоторое время раздался плеск воды в тазу и он услышал:

— Входите. Дверь оставьте открытой.

— С радостью, — ответил репортер.

Он обнаружил собеседницу, сидящей на стуле возле стола и потягивающей марихуану. Из-за сигары, плюс марихуаны, плюс острого запаха недавнего занятия хозяйки, плюс вони от нескольких свечей из рыбьего жира ни видимость, ни благообразие воздуха в хижине не находились на оптимальном уровне.

— Мисс Галбирра?

— Нет. Миз**.

— Что означает этот титул?

— Вы спрашиваете для того, чтобы узнать мое мнение, или в самом деле не знаете? Тут ведь уйма народу из прежних времен. Наверняка вам встречалось слово «миз».

Ваш репортер поклялся в своем невежестве.

Вместо того чтобы просветить мистера Блая, объект интервью сказала:

— Каково положение женщин в Пароландо?

— Ночью или днем? — спросил мистер Блай.

— Не смей мне хамить! — воскликнула миз Галбирра. — Разрешите мне выразиться так просто, чтоб ваш умишко мог усвоить то, о чем я говорю. Легально, то есть теоретически, женщины тут имеют равные права. Но практически, в реальности, каково отношение мужчин к женщинам?

* Был бы сукиным сыном (фр.).

** Миз (Miz) — принятое в англоязычных странах обращение к женщинам, чья семейная принадлежность (замужем или нет) неизвестна.

— Боюсь, в основном развратное, — ответил ваш Неустрашимый.

— Даю тебе еще один шанс, — сказала она. — А затем все будет зависеть от силы тяготения и случая — что прежде упадет на траву за дверями хижины — твоя задница или твоя вонючая сигара.

— Приношу свои извинения, — ответил Неустрашимый. — Но, в конце концов, это я пришел брать интервью у вас, а не vice versa*. Почему бы вам не побеседовать с нашими горожанками-женщинами о том, что они думают об отношении к ним мужчин? И зачем все же вы заявились сюда — чтоб затеять суфражистский крестовый поход или строить и командовать (извиняюсь за выражение) будущим кораблем?

— Вы что, надо мной потешаетесь?

— Ничто не может быть дальше от моих намерений, — воскликнул торопливо Неустрашимый. — Мы тут достаточно современны, даже несмотря на то что выходцы из конца XX столетия составляют всего лишь небольшую часть населения. Государство решило построить воздушный корабль. Ради этой цели в рабочие часы здесь соблюдается железная дисциплина. Но все граждане свободны делать все, что им заблагорассудится, в свободное время, если они не калечат при этом кого-нибудь другого. А потому займемся делом. Что такое *миз*, чтоб в другой раз не путать это с мизером?

— Вы не вешаете мне лапшу на уши?

— Поклянусь на стопке библий, если таковые тут найдутся.

— Кратко — это титул, который члены женского освободительного движения изобрели в 60-х годах. «Мисс» или «миссис» были слишком связаны с сексуальными устремлениями мужчин. Быть «мисс» означало быть незамужней, что автоматически пробуждало презрение — сознательно или подсознательно со стороны мужчин, если мисс перешла через возраст вступления в брак. Оно означало, что в данной женщине чего-то недостает, а также, что эта мисс просто помирает от желания превратиться в миссис. Таким образом, без учета состояния ее личности, женщина рассматривалась как придаток к мужу, как второсортный член общества. Какого дьявола, в самом деле, мисс следовало именоваться по фамилии отца? Почему не по фамилии матери?

— В таком случае, — ответил ваш Неустрашимый, — эта фамилия была бы все равно мужской — фамилией отца ее матери.

— Точно. Вот почему я изменила имя с Жаннетты Жоржетты Редд — заметьте, мои так называемые христианские имена были всего лишь переделкой под женский род мужских имен — и стала называться Джилл Галбирра. Мой папа устроил грандиозный скандал, и даже матушка запротестовала весьма решительно. Она тоже — типичная тетушка Дора — с промытыми мозговыми извилинами.

* Наоборот (лат.).

— Любопытно, — сказал Блай. — Галбирра? А что это за имя? Славянское? И почему вы его выбрали?

— Нет, это от австралийских аборигенов, идиот. Галбирра — это кенгуру, который ловит собак и пожирает их.

— Хищное кенгуру? Я думал, они все вегетарианцы.

— Ладно. Фактически таких нет. Но аборигены уверены, что где-нибудь они существуют. Хотя и мифология, но какая разница? Важен символ — вот что!

— Значит, вы себя идентифицируете с галбиррой? Тогда я и сам могу представить, кого именно символизируют собаки.

При этих словах миз Галбирра усмехнулась столь устрашающе, что ваш корреспондент почувствовал необходимость тяпнуть глоток «Голландской Отваги», которую он всегда носит в своем заплечном мешке.

— И вовсе не потому я выбрала это имя, что идентифицирую себя с... или симпатизирую культуре чернокожих, — сказала миз, — я на четверть або, ну и что? Все равно их культура тоже пропитана мужским шовинизмом. Женщины — просто предметы, они рабыни, они делают всю тяжелую работу, и нередко мужья и отцы их избивают. Кучка белых сопливых слюнтяев распускает нюни из-за уничтожения культуры аборигенов, но лично я считаю это добрым делом. Конечно, я сожалею о страданиях, которые несет в себе этот процесс.

— Сожаления, в отличие от лишения невинности, обычно не сопровождаются болью, — сказал мистер Блай.

— Невинность! Еще один мужской миф, изобретенный исключительно чтобы удовлетворить мужское «эго» и навязать обществу мужское мнение насчет права собственности, — с горечью сказала миз Галбирра. — К счастью, отношение к этой проблеме сильно изменилось еще при моей жизни. Но все же пока еще хватает свиней, «ископаемых хряков», как я их зову, которые...

— Все это очень интересно, — осмелился прервать ее ваш Неустрашимый, — но вы должны приберечь ваши взгляды для страницы «Письма издателю». Мистер Баг напечатает все, что вы скажете, как бы непристойно это ни было. А пока нашим читателям хотелось бы узнать, каковы ваши профессиональные планы. Какой вы видите вашу роль в проекте «Воздушный корабль», как его зовут официально. Какое место, как вам кажется, вы займете в иерархии руководства этим проектом?

К этому времени тяжелый мерзкий запах марихуаны заглушил все остальные. Дикий яростный огонь вспыхнул в расширенных наркотиками зрачках миз. Ваш корреспондент почел за лучшее укрепить свое быстро исчезающее бесстрашие с помощью еще одного глотка из божественной бутылки.

— По логике и по праву более высоких знаний, опыта и способностей, — сказала она медленно и отчетливо, — я должна была бы возглавить Проект и стать капитаном этого воздушного корабля!

Я проверила квалификацию каждого, и нет сомнения в том, что мои качества и знания превосходят всех остальных.

Почему же тогда я не стою во главе строительства? Почему меня даже не рассматривают как кандидатуру на пост капитана? Почему?

— Не говорите мне, — ответил Неустрашимый. Возможно, он уже стал излишне отважен благодаря жидкой лаве, бежавшей по его артериям и затуманившей его обычно очень ясное сознание. — Не говорите мне!

Дайте мне самому высказать догадку! Возможно ли — и помните, я всего лишь ищу правдоподобное объяснение, — возможно ли, что вас оттеснили в задние ряды только потому, что вы всего лишь женщина?

Интервьюируемая уставилась на вашего корреспондента, сделала еще затяжку, втянула дым глубоко в легкие, что заставило ее небольшие груди слегка приподняться, и, наконец, с лицом, пылающим от нехватки кислорода, выпустила густые струи дыма сквозь ноздри. Ваш Неустрашимый вспомнил тут изображения огнедышащих драконов, которые он видел во время своего пребывания на Земле. Он, однако, припомнил, что молчание — золото, и воздержался от намеков на подобное сходство.

— Вы отгадали, — сказала она. — Может, вы и не такой уж болван, в конце концов!

Затем, ухватившись за край стола так, будто хотела выжать воду из дерева, она вдруг села, выпрямившись.

— Но что ты имел в виду, говоря «всего лишь женщина»?

— О, это я своими словами выразил смысл ваших мыслей, — торопливо ответил журналист. — Это я процитировал, или если угодно...

— Если бы я была мужчиной, — сказала миз, — кем, благодарение Богу, я не являюсь, меня бы тут же сделали по меньшей мере первым помощником. И ты бы тут не сидел, щерясь на меня...

— О, вы ошибаетесь насчет этого, — ответил ваш Неустрашимый. — Я вовсе не щерюсь на вас. Однако тут есть один момент, который, вероятно, не удостоился вашего внимания. Весьма возможно, что вопрос половой принадлежности не имеет значения; даже если бы у вас были самые большие яйца в радиусе сорока тысяч километров, вас все равно могли бы не назначить командующим.

Задолго до того как был построен речной пароход, второй, хочу я сказать, а не тот, который спер король Иоанн, было решено, что Фаербрасс будет начальником проекта «Воздушный корабль». Это внесено даже в Конституцию Пароландо, каковую вы должны знать, ибо он самолично процитировал вам соответствующую главу и параграф. Вы знали об этом и, принеся клятву верности, приняли это. Так что, будьте добры, объясните, откуда такая сучья склонность?

— Значит, ты ничего не понял! Не понял, шут! — воскликнула она. — Дело в том, что этот закон, это наглое имперское право никогда не должно было быть принято!

Ваш корреспондент потянул еще немного того снадобья, которое храбрит и оглупляет, и сказал:

— Но все дело в том, что оно принято. И если сюда придет мужик с квалификацией вдвое более высокой, чем у вас, он тоже должен будет принять как факт, что он никогда не поднимется выше, чем на второе место. Он будет главным помощником капитана Фаербрасса на строительстве и первым его помощником на корабле. Вот и все.

— На свете нет человека с вдвое лучшей квалификацией, чем у меня, — ответила она, — разве что появится офицер с самого «Графа Цепелина». Слушай, мне это все обрыдло.

— Тут очень дымно и жарко, — сказал ваш корреспондент, вытирая пот со лба. — Однако я хотел бы побольше узнать о вашем прошлом, детали вашей жизни на Земле. Знаете, это та чепуха, которая больше всего интересует людей. И еще историю о том, что произошло с вами сразу после Дня Воскрешения. И...

— Вы что, надеетесь, что я вывернусь наизнанку, накурившись травки, и поддамся вашим победительным чарам и жизнелюбию? Уж не собираетесь ли вы ухаживать за мной?

— Ни Боже мой! — сказал я. — Этот визит чисто профессиональный. Кроме того...

— Кроме того, — продолжала она, оскалив зубы, — ты же меня боишься, верно? Все вы таковские! Вы хотите доминировать, хотите командовать! Если вам попадется женщина, у которой побольше мозгов, такая, которая может оттрепать вас в драке, которая действительно выше вас, то пар сразу со свистом начинает выходить из вас, как из проткнутого воздушного шарика. Ах ты, шарик с фаллосом!

— Ну-ну, миз Галбирра, потише, — сказал ваш Неустрасимый, чувствуя, что его лицо покрывается краской.

— Отваливай, малыш, — сказала интервьюируемая.

Ваш корреспондент решил, что будет разумней повиноваться этому приказу. Интервью, хоть и не вполне законченное с нашей точки зрения, завершилось окончательно.

ГЛАВА 12

На следующее утро Джилл взяла «Сплетницу» с лотка около здания редакции. Кое-кто из тех, кто, по-видимому, уже прочел газету, косились на нее или откровенно ухмылялись. Она открыла газету на листе «Новоприбывшие», подозревая, что она там обнаружит, и обозленная еще до того, как начала читать.

Листы шуршали в ее трясущихся пальцах. Интервью было ужасное, хотя ей следовало бы знать, что издатель конца XIX века, вроде Багга, с удовольствием напечатает такую чушь. Да кто он

такой, этот издатель маленькой, грязной, желтой газетенки в каком-то задрипанном городишке в Территории Аризона? Да, вот именно! В Томбстауне!* Фаербрасс ей что-то о нем говорил такое.

Но что ее особенно разозлило, так это фотография. Она о ней и не подозревала, но кто-то из толпы, встретившей ее в утро прибытия, щелкнул ее. Вот она стоит, схваченная в какой-то идиотской, почти похабной позе. Голая, низко перегнувшаяся в талии, груди висят как у дойной коровы, один конец полотенца заведен куда-то назад, а другой находится спереди, как будто ее поймали в ту минуту, когда она протирает в шагу. Смотрит она куда-то вперед и вверх, рот раскрыт, и все лицо состоит будто только из носа и передних зубов.

Уверена, фотограф сделал и другие снимки. Но Багг выбрал именно этот, чтобы сделать из нее всеобщее посмешище.

Джилл была в таком бешенстве, что чуть-чуть не забыла свой грааль. Вращая его на веревке одной рукой и представляя, как вышибет им мозги у Багга, со скомканной газетой в другой, собираясь засунуть ее Баггу в одно место, она бурей ринулась в здание редакции. Но, добежав до двери, она остановилась.

— Постой, Джилл, — сказала она себе. — Ты действуешь так, как он и рассчитывал, как они все надеются. Действуй хладнокровнее, не будь психопаткой с обостренным коленным рефлексом.

Конечно, заехать ему по роже в его собственном офисе было бы огромным удовольствием. Но это может все погубить. Тебе приходилось выносить и худшее, и все же ты добралась до самого верха.

И Джилл медленно отправилась домой, а петля с граалем свободно свисала с ее руки. В сумеречном свете она прочла газету до конца. Она была не единственной, кого Багг оклеветал, опорочил, оболгал и осмеял.

Сам Фаербрасс, хотя с ним обошлись очень осторожно в статье о ней, резко критиковался в других статейках, и не только Баггом. Страница «Vox pop»** содержала несколько подписанных писем от граждан, очень недовольных политикой Фаербрасса.

Когда она покинула равнину и пошла дорогой, ведущей через холмы, кто-то ее тихонько окликнул. Повернувшись, она увидела Пискатора. Он улыбнулся, идя ей навстречу, и сказал со своим оксфордским акцентом:

— Добрый вечер, гражданка. Смею ли я проводить вас? Может, нам обоим будет вместе лучше, чем в одиночестве? Или нет?

Джилл пришлось тоже улыбнуться. Он говорил так серьезно, почти так, как говорили где-нибудь в семнадцатом веке. Это впечатление усугублялось его шляпой — высоким цилиндром, несколько скошенным к верхушке и с широкими круглыми полями. Он чем-то напоминал ей шляпы новоанглийских пилигримов. Цилиндр был

* Могильник (англ.).

** Испорченное латинское выражение vox populi — «глас народа».

изготовлен из красно-коричневой кожи, содранной с бесчешуйчатой красной рыбы. Несколько алюминиевых блесен приколоты к полям шляпы. На плечи накинута полотнище черной ткани, заколотое у горла. Еще одно полотнище темно-зеленого цвета служило килтом, а сандалии были сшиты из той же красной кожи.

На плече он нес бамбуковое удилище, в другой руке держал свой грааль. Под локтем была зажата смятая газета, а с плеча на веревке свисала плетеная корзина.

Он был высоковат для японца — макушка его головы достигала носа Джилл. Черты лица весьма привлекательны. В них слабо ощущалось его монголоидное происхождение.

— Предполагаю, вы прочли газету? — спросила она.

— К сожалению, почти всю, — ответил он, — но не печальтесь. Как говорит Соломон о зубоскалах в притче XXIV, 9, «мерзок он человеку»*.

— Я предпочла бы слово «человечеству».

Он казался удивленным.

— Но какая?.. Ах, понимаю, вы возражаете против мужского рода... Но слово «человек» включает в данной форме и женщину, и ребенка.

— Это-то я знаю, — сказала она так, будто повторяла одно и то же в тысячный раз, что было, в общем, близко к истине. — Это я знаю. Но мужской род подготавливает и говорящего, и слушателя к тому, что слово «человек» ассоциируется только с мужчиной. Использование же слова «человечество» заставляет думать людей о гомо сапиенс как о комплексе обоих полов.

Пискатор со свистом втянул воздух сквозь зубы. Она считала, что он скажет: «Ах так!» Но он не сделал ничего подобного. Вместо этого он произнес:

— В этой корзинке у меня три штуки вкуснейших линей, если их можно так назвать. Как мне кажется, они удивительно похожи и внешним видом, и вкусом на земную рыбу этого наименования. Они, конечно, не так изумительны по вкусу, как хариусы, если я осмелюсь их так назвать, которых можно поймать здесь в горных ручьях. Но их интересно ловить — это жадная и хитрая рыбка.

Джилл подумала, что он изучал английский по «Энциклопедии рыбака».

— Не будет ли вам благоугодно разделить эту рыбу со мной сегодня вечером? Она будет запечена ровно к шестнадцати ноль ноль по водяным часам. Я подготовлю также обильный запас «черепного цвета».

Таково было местное название алкоголя, который гнали из лишайников, добытых на горных склонах. Их смешивали с водой в пропорции 1:3, затем брали цветы «железного» дерева, сушили, размалывали и смешивали с алкоголем. Когда лепестки окраши-

* Цитата не вполне точна: «Помысел глупости — грех, и кощунник — мерзость для людей»

вали напиток в пурпурный цвет и придавали ему аромат, похожий на запах роз, напиток считался готовым к употреблению.

Джилл несколько секунд колебалась. Одиночество ее не тяготило почти никогда. В отличие от своих сограждан она не приходила в отчаяние, не паниковала, если оказывалась предоставленной самой себе. Но сейчас она была одна слишком долго. Путь вверх по течению Реки занял у нее 420 дней, и почти все эти дни были похожи один на другой.

Только по ночам она иногда ела и разговаривала с незнакомцами. По ее расчетам, она миновала 501 020 000 людей и не встретила ни одного лица, которое ей было бы знакомо по Земле или Миру Реки. Ни единого.

Правда, она очень редко днем подходила к берегам столь близко, чтобы можно было разглядеть черты лица. А ночные общения с людьми были ограничены их небольшим числом. Но что было причиной особенно острой душевной боли, или, вернее, что могло бы стать таковой, опустись она до таких эмоций, так это мысль, что она, может быть, проплывает сейчас мимо людей, которых любила на Земле или, по крайней мере, хорошо знала. Ведь были же люди, которых ей хотелось бы встретить.

Возможно, больше всего ей хотелось бы поговорить с Мари. Что почувствовала Мари, когда узнала, что именно ее бессмысленная ревность стала причиной гибели ее любовницы — Джилл Галбир-ры? Может быть, она сходила с ума от горя, а может быть, даже покончила с собой, не вынеся острого чувства вины? В конце концов, Мари вообще страдала склонностью к самоубийству. Или, уж если быть точной, она была склонна глотать именно столько таблеток, сколько нужно, чтобы оказаться на краю гибели, но в то же время оставить достаточно шансов на получение медицинской помощи, которая успела бы спасти ее жизнь. Мари, насколько знала Джилл, трижды подвергала свою жизнь такой опасности. И каждый раз не смертельной.

Нет, скорее всего Мари погрузилась бы в тоску и самобичевание по меньшей мере дня на три, затем проглотила бы штук двадцать таблеток фенobarбитала и вызвала бы к себе ближайшую подругу, возможно, и любовницу, думала Джилл, сердце которой испытывало невыносимую боль — сука!

А любовница позвонила бы в больницу, после чего последовало бы промывание желудка, антибиотики и долгое-долгое ожидание в приемной, а потом утомительное дежурство у постели Мари; та же в это время несла бы нечто, вроде бы бессмысленное, как можно ожидать от сознания, затуманенного наркотиком, но одновременно тщательно рассчитанное на дерганье нервов своей любовницы. Мари умышленно постаралась бы возбудить в той отнюдь не только чувства жалости и симпатии. Маленькая сучка-садистка обязательно бросила бы своей любовнице несколько намеков, в которых просвечивала бы острая неприязнь и даже отвращение к той. В дальнейшем Мари, конечно, будет клясться, что ничего подобного не помнит.

А потом любовница отвезет Мари в свою квартиру и сколько-то времени будет нежно ухаживать за ней, а *затем*... Джилл не могла вынести мысли о том, что последует «затем».

В такие минуты ей хотелось смеяться над собой, но в этом смехе звучала бы немалая доза издевки. Ведь прошел уже 31 год с тех пор, как она бурей вылетела из того дома и умчалась на бешеной скорости, чувствуя, как визжат покрышки, как горит резина, как машина трижды пролетает на красный свет, а затем... Затем ослепительный свет и оглушительный рев сигнала огромного грузовика, отчаянный поворот руля, чтобы выправить «мерседес-бенц», внезапный холод в животе, предчувствие Джаггернаута и...

Она очнулась вместе с бессчетным числом других, нагая, ее тело тридцатидвухлетней женщины превратилось в двадцатипятилетнее, напрочь исчезли кое-какие благоприобретенные шрамы и другие дефекты. Так она очутилась на берегу Реки. В этом кошмаре в раю. Или там, где мог бы быть рай, если б такое огромное число людей не настаивало на том, чтобы превратить его в ад.

Тридцать один год назад. Время так и не залечило ее раны, во всяком случае эту. Казалось, без следа должна была бы исчезнуть память о рвущем душу бешенстве и о тупой тоске. Этим чувствам следовало давно уйти за горизонт повседневных интересов и нужд. Никакие эмоции, связанные с Мари, просто не могли уцелеть. И все же уцелели.

Джилл вдруг очнулась и увидела, что японец продолжает серьезно смотреть на нее. Он, очевидно, ждал все еще ответной реплики на только что сказанную фразу.

— Извините, — пробормотала она, — иногда мои мысли теряются где-то в прошлом.

— Я вам сочувствую, — ответил он. — Иногда... особенно если прибегнуть к мечтательной резинке, чтобы сразу отделаться от ранящих и терзающих нас воспоминаний или выйти из нежелательного психического состояния, а вместо этого... вдруг ощущаешь себя потерянным.

— Нет, — сказала она, стараясь не допустить, чтобы в голос проник бушевавший ее гнев. — Все дело в том, что в последнее время мне слишком долго пришлось переносить одиночество. Появилась привычка погружаться в грезы. Знаете, когда я плыла вверх по Реке на своем каноэ, я зачастую гребла чисто автоматически. Иногда внезапно обнаруживала, что прошла не меньше десятка километров и даже не заметила этого. Я хочу сказать, что не сохранила в памяти того, что происходило вокруг меня в эти часы.

Но теперь, когда я здесь, когда у меня есть работа, которая требует напряженного внимания, вы увидите, что я буду столь же внимательна, как и любой другой человек.

Она добавила это потому, что знала — Пискатор мог доложить об этом разговоре Фаербрассу. А забывчивость вряд ли входит в число простительных недостатков у офицера воздушного корабля.

— Уверен в этом, — откликнулся Пискатор. Он помолчал, улыбнулся и вдруг сказал: — Между прочим, вам не стоит опасаться конкуренции с моей стороны. Я не честолюбив. Я вполне удовлетворюсь любым званием или должностью, которую мне дадут, ибо знаю, что она будет соответствовать моим силам и моему опыту. Фаербрасс справедлив.

Меня прежде всего притягивает сама наша цель — так называемая Туманная Башня, или Великий Грааль, известная еще под дюжиной других названий. Больше того, я жажду принять участие в этой экспедиции, в первую очередь потому, что хочу побывать там, где заключена главная тайна этого мира. Я жажду, но не собираюсь суесться из-за этого, если вам понятна моя мысль. Я с готовностью признаю, что не имею вашей квалификации, и поэтому вполне расположен принять пост ниже вашего...

Джилл Галбирра сначала никак не отреагировала на эти слова. Ее спутник принадлежал к народу, который фактически обратил своих женщин в рабство. Во всяком случае, в его время (1886—1965 годы) дела в Японии обстояли именно так. Правда, сразу после первой мировой войны женщины там получили кое-какие свободы. И все же теоретически Пискатор был обязан сохранить в отношении женщин взгляды старомодного японца. С другой стороны, Мир Реки действительно в чем-то изменил людей. Некоторых.

— Вы и в самом деле не возражали бы? — спросила она. — А может быть, где-то в глубине души?..

— Я редко лгу, — ответил он. — И то, только чтобы не обидеть кого-нибудь или чтоб не терять времени на спор с дураком. Думаю, я знаю, что вас тревожит. Может, вам станет полегче, когда вы узнаете, что одним из моих гуру в Афганистане была женщина? Я провел там десять лет в качестве ее ученика, прежде чем она решила, что я уже не так глуп, как был, когда пришел к ней, и теперь достоин отправиться к новому шейху

— А что вы там делали?

— Я был бы очень рад обсудить это с вами как-нибудь в другой раз. А сейчас разрешите мне заверить вас, что я не испытываю предубеждения против женщин или против неапонцев. Когда-то я был таким, но эта глупость слетела с меня много лет назад. Например, одно время, спустя несколько лет после первой мировой войны, я был монахом дзен. Но сначала спрошу, вам что-нибудь говорит сам термин «дзен»*?

— О нем было написано много книг после 1960 года или что-то в этом духе, — сказала Джилл. — Несколько из них я прочла.

— Понятно. Узнали ли вы из этих книг что-нибудь, чего не знали до этого?

— Очень мало.

— Вы откровенны. Как я уже говорил, я удалился от мира после того, как ушел в отставку из военного флота, и поступил

* Дзен — распространенное в Японии направление буддизма.

в монастырь на острове Рюкю. На третий год белый человек — венгр — пришел в монастырь в качестве скромного послушника. Когда я увидел, как к нему относятся, я внезапно уяснил то, что подсознательно знал и раньше, но стыдился вынести на свет. А суть заключалась в том, что многие годы изучения дзен-буддизма отнюдь не способствовали тому, что ученики и даже учителя — вообще никто в монастыре, кроме меня, — не смогли преодолеть свои расовые предрассудки. Национальные предрассудки, следовало бы сказать, поскольку они проявляли враждебность и даже презрение и к китайцам, и к индокитайцам, то есть к близким им монголоидам.

После того как мне впервые удалось стать откровенным с самим собой, я должен был признать, что практика дзен поистине не дает ничего существенного и важного ни для меня, ни для других людей. Поставить перед собой цель — значит никогда ее не достигнуть. Это противоречие? Да, безусловно.

И вообще следует признать полной ерундой попытку *опустошить* себя. Может быть, состояние отрешенности и не чушь, но методы, которыми оно достигается, насколько я понимаю, никуда не годятся. И поэтому в одно прекрасное утро я вышел из монастыря и сел на паром, идущий в Китай. С этого начались мои долгие годы странствий, как будто какой-то неслышный голос звал меня все дальше и дальше в глубины Центральной Азии. А оттуда... Впрочем, пока достаточно об этом. Я могу рассказать о дальнейшем потом, если вам будет угодно.

Я вижу, мы уже подошли к нашим домам. Позволю себе откланяться до вечера. Я поставлю два фонаря, которые вы сможете увидеть из своего окна, чтобы объявить о том, что к нашей маленькой вечеринке все готово.

— Но я же не обещала прийти.

— И тем не менее вы приняли мое предложение, — сказал он, — разве не так?

— Так, но каким образом вы это узнали?

— Это не телепатия, — снова улыбнулся Пискатор. — Изменение позы, сокращение мышц, сужение зрачка, тембр голоса — все это, незаметное для многих, кроме тех, кто прошел специальную тренировку, подсказало мне, что вам очень хочется прийти на нашу встречу.

Джилл ничего не ответила. Она и сама не знала, рада ли приглашению. Даже и сейчас она не была уверена, так ли это. Неужели Пискатор разыгрывает ее?

ГЛАВА 13

«Железное» дерево росло на вершине холма примерно в двухстах метрах от хижины Джилл. Хижина Пискатора находилась почти на самой вершине холма, примостившись между двумя наполовину вылезшими из земли корнями дерева. Ее задняя стенка прочно

стояла на земле, а передняя удерживалась с помощью бамбуковых пилонов от сползания по крутому склону.

Джилл взобралась вверх по склону, оставив внизу воспоминания о Джеке, хотя, думала она, Джековой дури и наверху будет предостаточно. Она прошла под домиком и поднялась по бамбуковой лестнице, которая выходила в комнату прямо через пол где-то на середине своей длины.

Дом был куда больше, чем большинство строений в поселке, — три комнаты в бельэтаже и две наверху. Кто-то говорил Джилл, что раньше в нем жила целая община. Подобно всем нерелигиозным организациям, созданным выходцами с Запада, община довольно быстро развалилась. Вот тогда-то туда и вселился Пискатор, которого Джилл никак не могла понять: зачем одинокому мужчине понадобился такой большой дом? Может, это был символ престижа? Но Пискатор вовсе не казался человеком, способным гордиться за такими пустяками.

Вдоль ограды хижины размещались яркие ацетиленовые лампы, перед которыми стояли белые, зеленые и малиновые экраны, сделанные из рыбьих плавательных пузырей. Пискатор стоял на верхней ступеньке лестницы, улыбаясь и кланяясь Джилл. Одеждой ему служило нечто, похожее на кимоно из ярко окрашенных полотнищ. В руке он держал букет огромных цветов, сорванных с лиан, обвивавших верхние ветви «железного» дерева.

— Привет вам, Джилл Галбирра!

Она поблагодарила его, глубоко вдыхая сильный аромат цветов, напоминающий запах жимолости, к которому примешивался слабый запах старинной кожи. Странное, но приятное сочетание.

Дойдя до конца лестницы, она оказалась в самой большой комнате дома. Потолок находился на высоте в три человеческих роста; с него свисало около дюжины японских светильников. Бамбуковый пол, разбросанные там и сям циновки, сделанные из бамбуковых волокон; мебель тоже бамбуковая, легкие простые формы сидений смягчались брошенными на них подушками. Ручки кресел, ножки стола, а также столбы, поддерживающие потолок, сделаны из дуба и тиса. Головы животных, демонов, местных рыб и людей были вырезаны из той же древесины. Ничто не говорило, что маски вырезаны японцем. Возможно, они остались от прежних обитателей.

Высокие, с осиной талией и колокольчатой горловиной вазы стояли прямо на полу. Такие же, только пониже, возвышались на круглых століках с журавлиными ножками. Вазы были изготовлены на гончарном круге, обожжены, покрыты глазурью или разрисованы. Некоторые украшал геометрический рисунок, на других изображались морские сцены Земли. Суда были римские, моряки — арабы. Голубые дельфины выпрыгивали из сине-зеленого моря; какое-то чудовище разевало пасть, готовясь проглотить корабль. Однако, поскольку в Реке водились рыбы, которых здесь тоже называли дельфинами, а колоссальные «речные драконы» имели

отдаленное сходство с нарисованным чудовищем, можно было допустить, что художник изобразил жителей Мира Реки.

Двери в соседние комнаты были завешены нитями с нанизанными на них белыми и красными позвонками «рогатой рыбы»; когда до них дотрагивались, они чуть слышно звенели. Циновки из волокон лиан, росших на «железных» деревьях, украшали стены, а прозрачные плавательные пузыри «речных драконов», натянутые на бамбуковые рамы, висели над каждым окном.

В общем, хотя тут и были такие вещи, как ацетиленовые лампы, которые трудно встретить где-нибудь еще, сама обстановка комнаты представляла собой вариант того, что многие называли Прибрежной культурой, а другие — Речной полинезийской.

Свет ламп тщетно пытался пробиться сквозь тяжелые клубы табачного дыма и марихуаны. С маленького подиума в углу комнаты доносились тихие звуки оркестра. Услуги оркестрантов оплачивались выпивкой и удовольствием, которое извлекали музыканты из сознания, что они проделали полезную и приятную работу.

Музыканты били в барабаны, играли на бамбуковой флейте и глиняной окарине; перебирали струны арфы, сделанной из щита рыбы-черепахи и рыбьих кишок, пиликали на скрипке, изготовленной из рыбьих внутренностей и похожего на английский тис дерева, тисовым же луком, с натянутыми на него нитями из напоминающих конский волос «усов» голубого дельфина; постукивали по ксилофону; гудели на саксофоне и трубе.

Что за музыка, Джилл, во всяком случае, не сумела определить. Но почему-то ей показалось, что мелодии заимствованы у индейцев Центральной и Южной Америки.

— Если б это был *tête à tête**, а не большая вечеринка, я бы предложил вам чай, моя дорогая, — сказал Пискатор. — Но сейчас это невозможно. Мой грааль не каждый день балует меня чаем, а лишь одним маленьким пакетиком в неделю.

Значит, Пискатор не настолько изменился, чтобы не сожалеть о чайной церемонии, столь любезной сердцам всех японцев. Джилл тоже жалела о скудном снабжении чаем. Как и большинство ее сородичей, она ощущала, что пропустит нечто жизненно важное, если не получит чашки горячего чая в положенное для чаепития время.

Пискатор опустил стакан в большой стеклянный сосуд, полный «черепного цвета», и вручил его Джилл. Она отпивала маленькими глотками, пока Пискатор изливал свой восторг по поводу ее прихода. Звучало это так, будто он совершенно искренен. У Джилл появилось к нему теплое чувство, хотя она тут же напомнила себе, что Пискатор принадлежит к той культуре, которая воспитывает в мужчинах взгляд на женщину лишь как на рабочую силу и источник чувственных удовольствий. И тут же осадил себя, ибо в

* Вечер на двоих (фр.).

десятитысячный раз сказала себе, что стыдно подражать предрассудкам других. Сначала собери факты, а потом уж суди.

Хозяин повел ее по комнате, представляя присутствующим. Фаербрасс приветственно помахал ей рукой из одного угла. Тонко усмехнулся и отвесил поклон Сирано. Они уже неоднократно встречались в течение дня, но оба были холодны, хотя и вежливы. Ей такие отношения были не очень приятны. В конце-то концов, он же извинился, а ей в этом пламенном французе семнадцатого века все казалось любопытным.

Они обменялись приветствиями с Эзикиелом Харди и Давидом Шварцем, которого она видела ежедневно в его кабинете внутри ангара и на прилегающих к ангару фабриках. Харди и Шварц были довольно дружелюбны; к этому времени они уже знали, что в своей профессиональной сфере она обладает глубокими знаниями. Да и в других областях — тоже. Она сдерживала свое нетерпение и гнев по поводу их невежества, а также их предполагаемого чувства превосходства. Такое поведение окупалось, хотя она и не была уверена, как долго ей удастся себя сдерживать.

— Расслабься! — сказала она себе. — Отрешишь, раскройся.

Сколько же раз она делала это или пыталась делать? Нередко казалось, что это ей удалось, но далеко не всегда. Однако здесь был этот японец — Охара, который почему-то называл себя таким смешным и странным именем — Пискатор — и который сказал ей, что дзен — чушь. Ну, не то чтобы чушь... но уж точно дал ей понять, что эту религию явно переоценивают. Слышать это ей было неприятно. Будто ее самолюбие получило удар ниже пояса; вроде бы ранило, что ли. А почему? Ее же это никак не касалось. Надо было просто посмеяться над ним, хотя бы в глубине души. Но он казался таким уверенным в себе.

ГЛАВА 14

Одна из женщин, которым ее представили, звалась Жанной Юган. Пискатор упомянул, что в своей родной Франции она была прислугой, но потом стала одной из самых влиятельных основательниц римско-католического религиозного ордена Сестричек Бедняков, созданного в 1839 году в Бретани.

— Я послушница, — сказала Юган, кивнув на Пискатора.

Брови Джилл поползли вверх.

— О! — но шанса продолжить разговор она тут же лишилась — Пискатор повел ее дальше, слегка прикоснувшись к локтю:

— Вы сможете поговорить с ней попозже.

Джилл было любопытно, к какой же религии, секте или философскому направлению принадлежит Пискатор. Он не был членом Церкви Второго Шанса. Ее прихожане всегда носили на шее спиральный позвонок «рогатой рыбы» или его копию, сделанную из дерева.

Однако следующий человек, с которым ее познакомили, такую эмблему носил; вернее, он носил их целых три, что означало сан епископа. Самуэло — низенький, очень смуглый, с ястребиным лицом — родился где-то в середине второго столетия нашей эры. Он был рабби в еврейской общине в Нехардеа в Вавилоне. Если верить Пискатору, Самуэло был довольно известен в свое время благодаря знанию обычного права и некоторым научным достижениям. Одним из его хобби было составление еврейского календаря. Однако главной своей заслугой он считал попытку согласовывать иудейские законы с законами страны, в которой проживала иудейская диаспора.

Его принципом было: *«Закон государства — главный закон»*, сказал Пискатор.

Самуэло представил свою жену — Рахело. Она была еще ниже, но посветлее мужа, отличалась необычайно широкими бедрами и толстыми ногами, а ее лицо выражало неожиданную в такой женщине чувственность.

Отвечая на вопрос Джилл, она сказала, что родилась в краковском гетто в XIV столетии нашей эры. Пискатор позже рассказал Джилл, что Рахело была похищена польским аристократом и целый год просидела в заточении в его замке. Когда же она ему надоела, он вышвырнул ее за дверь, но все же наградил туго набитым кошельком с золотыми монетами. Муж убил ее за то, что у нее не хватило мужества покончить самоубийством, чтоб избавиться от позора.

Самуэло несколько раз гонял жену зачерпнуть питья из сосуда, наполненного безалкогольным цветочным соком. Жестом указывал ей, когда надо зажечь ему сигару. Рахело повиновалась с необыкновенной готовностью, а затем снова занимала место за его спиной.

Джилл с наслаждением дала бы пинка Рахело за ее добровольное подчинение древнему игу, приводящему к подобной деградации, а Самуэло — за его не менее древние самодовольство и самовлюбленность. Она вполне могла вообразить его молящимся и возносящим хвалу Богу за то, что не родился женщиной.

Позже Пискатор сказал ей:

— Вы страшно обозлились на епископа и его жену.

Джилл даже не спросила, как он узнал об этом. Она просто ответила:

— Должно быть, он получил чертовский удар, когда очнулся здесь и узнал, что он отнюдь не один из избранников своего Господа. Что все кто попало — идолопоклонники, каннибалы, поедатели свинины, необрезанные псы неверные — все они дети Господа и все избраны...

— Все мы испытали шок, — сказал Пискатор. — И ужас. Разве с вами было иначе?

Некоторое время она глядела на него молча, а затем расхохоталась и ответила:

— Конечно, точно так же. Я была атеисткой, да и сейчас остаюсь ею. Была уверена, что я всего лишь плоть, а потому после

смерти сразу стану шепоткой праха. Вот и все. Я была ужасно испугана, когда очнулась здесь. Но в то же время, ну, не в самом начале, а немного позже, я почувствовала какое-то облегчение. И так, подумала я, вечная жизнь все же существует. Затем еще позже я увидела такие страшные вещи, и мы оказались в таком странном месте, что, знаете ли, все это никак не походило ни на рай, ни на ад...

— Я знаю, — ответил он улыбаясь. — А любопытно все-таки, о чем подумал Самуэло, когда увидел, что необрезанные goim* Земли были воскрешены без крайней плоти? Наверняка это сильно удивило его, равно как и факт, что мужчины тут не могут отращивать бороды. С одной стороны, Бог сотворил brises** на членах всех язычников, которые в этом нуждались, следовательно, это явно был иудейский Бог. С другой стороны, мужчина не мог больше обзавестись настоящей бородой, как того требовал Бог, но тогда Он никак не мог быть иудейским Богом.

Всегда были и существуют такие вещи, которые изменяли и будут изменять наш образ мышления, — закончил Пискатор.

Он подошел к ней ближе, глядя на нее своими темно-кариими глазами, прикрытыми тяжелыми веками.

— Приверженцы Церкви Второго Шанса разработали несколько великолепных идей по вопросу о том, почему мы были воскрешены из мертвых и кто все это сотворил. К тому же они не так уж ошибаются и по вопросу о том, каким образом или какими способами можно достигнуть поставленной перед нами цели. Цели, к которой человечеству следует стремиться, и тех Врат, которые наши неизвестные благодетели распахнули для нас. Но точность — это Истина. Неточно мыслящая церковь ушла с главной дороги, или, лучше сказать, с *единственной* дороги. Что вовсе не означает, однако, что никаких других дорог вообще не существует.

— О чем вы говорите? — воскликнула Джилл. — Ваши слова столь же невняты, как и высказывания этих поклонников Второго Шанса.

— Посмотрим... если, конечно, вы захотите посмотреть, — отозвался он. Потом Пискатор извинился и отошел к большому столу, где вступил в разговор с человеком, который только что пришел.

Джилл неторопливо направилась к Жанне Юган, намереваясь расспросить ее, что она имела в виду, называя себя послушницей Пискатора. Однако дорогу ей преградил де Бержерак. Теперь он широко улыбался.

— Ах, миз Галбирра! Я еще раз должен испросить у вас прощения за тот печальный инцидент. Виножник моего непростительного поведения — алкоголь. Я надеюсь, оно все же не совсем уж непростительное, но зато весьма вульгарное! Я редко выпиваю больше одной-двух унций, поскольку крайне отрицательно отношусь к

* Язычники (*идиш*);

** Обрезание (*идиш*)

состоянию, когда мой ум становится тупым. Алкоголь превращает меня в свинью, а мне не нравятся эти животные с копытами, хотя я обожаю их в нарезанном виде и жареных либо на сковороде, либо на вертеле. Но в ту ночь мы рыбачили...

— Я не видела никакого рыболовного снаряжения, — сказала Джилл.

— Оно лежало по другую сторону питающего камня. А туман был так плотен, вы же помните, мадемуазель?

— Миз.

— И мы принялись болтать о Земле, о разных странах, о людях, которых мы знали там, о друзьях, погибших или плохо кончивших, о детях, которые умерли, о том, как наши родители плохо нас понимали, о врагах, и о том, почему мы оказались здесь, ну и так далее, понимаете? Я очень разволновался, вспоминая, как там на Земле вообще, и особенно о своей кузине Маделине, и о том, как бы я поступил, будь я более зрелым и не таким наивным, как в те времена. И тогда...

— И тогда вы напились, — сказала она, стараясь сохранить на лице выражение спокойствия.

— И оскорбил вас, миз, хотя клянусь, я не был уверен, что вы женщина. Этот туман, эти мешковатые одежды плюс помрачение моего ума...

— Забудем, — сказала она. — Только... Я уверила себя, что вы никогда не простите меня, поскольку вы как бы потеряли лицо, раз женщина сбила вас с ног. Ваше самолюбие...

— Не надо жить стереотипами! — воскликнул Сирано.

— И вы совершенно правы, — сказала она. — Я ненавижу падение и тем не менее постоянно спотыкаюсь. И так часто... Ладно, большинство людей — это просто ожившие стереотипы, не так ли?

Они стояли и говорили довольно долго. Джилл попивала пурпурный напиток, чувствуя, как внутри ее все постепенно согревается. Дым марихуаны становился все гуще, и Джилл внесла в эти клубы дыма свой вклад, время от времени затягиваясь сигаретой, зажатой между пальцев. Голоса становились все громче, и все чаще звучал дружный смех. Какие-то пары танцевали, обнимая друг друга за шею и преувеличенно шаркая подошвами.

Только Пискатор и Юган, по-видимому, ничего не пили. Пискатор курил сигарету — первую, как показалось Джилл, с того времени, как она пришла.

Комбинация алкоголя и наркотика дала ей приятное ощущение отрешенности. Ей казалось, что из ее плоти исходит красноватый свет. Клубы дыма приобретали почти осязаемые формы. Иногда уголком глаза она улавливала отчетливые контуры — дракона, рыбы, а однажды — дирижабля. Но когда она повернула лицо в ту сторону, то увидела лишь аморфные пласты дыма.

Однако, увидев плывущий по воздуху металлический чан, она поняла — хватит! Больше ни капли спиртного, ни одной затяжки

«травки» весь вечер. Причина появления чана была очевидна — Сирано рассказывал ей о преступлениях и видах наказания во Франции его времени. Фальшивомонетчик, например, растягивался на огромном колесе. Палач ломал ноги и руки железным ломом, иногда превращая их просто в месиво. Казненные преступники висели в цепях на торговых площадях и гнили там, пока тела не вываливались из цепей. Кишки других бросали в чаны, выставленные для всеобщего обозрения, чтобы напомнить добрым гражданам о том, что им грозит в случае нарушения порядка.

— А улицы были завалены отбросами, миз Галбирра. Неудивительно, что те, у кого были деньги, чуть ли не купались в духах.

— А я думала, что это от того, что вы редко принимали ванну.

— Верно, — сказал француз. — Я хочу сказать — правда, что мы редко купались. Тогда считалось, что купаться нездорово и не по-христиански. Но вообще-то к запаху немытых тел привыкнуть можно. Я частенько его не замечал, поскольку привык к нему, как рыба к воде. Но, *helas**, там, где одежд мало, а текучей воды хоть залейся, и где то и дело встречаешь людей, которые не выносят запаха долго не мытых человеческих тел, там приходится приобретать новые навыки. Я сам, к примеру, должен сознаться, что не видел никакого резона быть столь привередливым, но по прошествии нескольких лет я встретил женщину, которую полюбил почти столь же страстно, как любил свою кузину. Она звалась Оливия Лэнгдон...

— Не может быть, чтоб вы имели в виду жену Сэма Клеменса?

— Но естественно! Конечно, это имя Клеменс решительно ничего мне не говорило, когда я впервые с ней встретился, да и теперь не говорит. Я понял, что Клеменс великий писатель Нового Света, — она рассказывала мне о том, что произошло после моей смерти на Земле, но я об этом не слишком задумывался. А потом мы с Оливией вместе странствовали по Реке и внезапно оказались в классической ситуации, которой так боятся некоторые люди. Мы встретили земного супруга моей подружки по хижине.

К тому времени, хотя я все еще любил ее, моя страсть заметно поохладела. Каждый из нас совершал множество поступков, которые сердили или даже приводили в бешенство другого. Почему бы и нет? Разве это не самое обычное дело тут, где мужчины и женщины могут принадлежать не только к разным расам, но и разным эпохам? Как может мужчина из XVII века долго ужиться с женщиной, которая происходит из века XIX? Что ж, иногда подобный мезальянс, конечно, может преобразоваться в нечто постоянное. Однако добавьте временные различия к тем, которые и без того существуют между индивидуальностями, и что вы получите? Чаще всего безнадежный случай!

* Увы! (фр.)

Ливи и я уже поднялись далеко вверх по Реке, когда я узнал, что где-то строится пароход. Я слышал о метеорите, который упал в этих краях, но я не имел представления, что метеорит захватил именно Сэм Клеменс. Я хотел стать членом команды, но особенно сильно жаждал снова ощутить в своих руках сталь рапиры.

Итак, моя дорогая миз Галбирра, мы прибыли сюда. Шок для Сэма был просто убийствен. Мне его было очень жаль какое-то время, и я даже сожалел, что способствовал этому воссоединению, которое оказалось вовсе не воссоединением. Оливия не высказала ни малейшей склонности оставить меня ради Клеменса, даже несмотря на то что наша страсть была уже далеко не такова, как прежде. Она чувствовала себя виноватой, что больше не ощущает любви к Сэму. Все это было тем более странно, что они нежно и глубоко любили друг друга на Земле.

Но появились трения, появилась глубоко спрятанная враждебность. Ливи сказала, что во время своей предсмертной болезни она не хотела его даже видеть. Это нанесло ему глубокую рану, но что она могла поделать? А почему, спросил я ее, она не хотела допустить его к своему одру болезни? Ливи ответила, что не знает. Возможно, это было потому, что их единственный сын умер из-за небрежности Сэма. Преступной небрежности, говорила она, хотя никогда не пользовалась на Земле этим словом и даже не думала о нем.

Я сказал, что это было давным-давно и на другой планете. Почему же она все еще теплит это яростное горе в своей груди? Разве это имеет какое-нибудь значение? Разве этот малыш... забыл его имя...

— Лэнгдон, — сказала Джилл.

— ...не восстал теперь из мертвых? А она сказала, да, но она никогда его не увидит. Он умер в два года, а никто моложе 5 лет в момент смерти не был воскрешен. Во всяком случае, на этой планете. Может быть, в другом мире — да. Но даже если бы он восстал из мертвых в этом мире, то какие шансы у нее встретиться с ним? А если бы они и встретились? Он был бы совсем взрослым и никогда бы не вспомнил ее. Она была бы ему чужой. И вообще, одному Богу известно, какой из него получился бы человек. Он мог бы воскреснуть среди каннибалов или индейцев-диггеров и даже мог не знать английского языка или того, как надо вести себя за столом.

Джилл усмехнулась и сказала:

— Похоже, будто последняя фраза принадлежит скорее Марку Твену, нежели его жене.

Сирано улыбнулся в ответ и продолжал:

— Так она и не говорила. Это придумал я, подражая ее речи. Конечно, было еще и много другого, что мешало ей, кроме случайной смерти ее ребенка. Фактически я ни в чем не могу обвинить Клеменса. Будучи писателем, он становился очень рассеянным, когда обдумывал очередной рассказ. Я и сам таков.

Он не заметил, что одеяльце соскользнуло с ребенка и ледяной ветер дует прямо на ничем не прикрытого младенца. В это время он погонял лошадь, тащившую сани по снежным завалам, а его ум был занят событиями совсем другого рода, происходившими в другом мире — в мире его фантазии.

Однако Оливия была уверена, что он вовсе не так забывчив, как ему это казалось. Она настаивала, что так быть не могло, что какая-то часть его мозга наверняка наблюдала издали за этой ситуацией. На самом же деле он вообще не хотел иметь сына. В отличие от большинства мужчин он предпочитал дочерей. Кроме того, ребенок был с рождения болен... в общем, сплошное беспокойство. Для Сэма, я имею в виду.

— Единственная вещь в его пользу, — сказала Джилл. — Я говорю о его предпочтении девочек. Впрочем, предполагаю, чтоб быть справедливой, что предпочтение, отдаваемое девочкам, вызвано таким же психозом, как и предпочтение, оказываемое мальчикам. И все же у Клеменса не было этого мужского шовинизма...

Сирано продолжал:

— Вы должны усвоить, что Оливия во время своего земного существования ничего этого разумом не понимала. Во всяком случае, она так утверждала, хотя подозреваю, мысли подобного рода у нее были, но она стыдилась их и прятала далеко-далеко, в самые темные глубины души. Но здесь — в этой долине, когда она научилась жевать *soi-disant** мечтательную резинку, она поняла свои истинные чувства.

И поэтому, все еще сохраняя любовь к Клеменсу, она в некотором смысле еще сильнее возненавидела его.

— Она прекратила употреблять резинку?

— Да. Та слишком сильно действовала на нее. Однако время от времени у Ливи возникали экстатические или фантастические видения — ей пришлось испытать страшные вещи.

— Надо было продолжить употреблять резинку, — сказала Джилл. — Но только под наблюдением. Впрочем...

— Да?

Джилл было сжала губы, но потом все же сказала:

— Возможно, я не имею права быть такой чертовски самоуверенной. У меня была гуру — очаровательная женщина, самая лучшая и умная из всех, кого я знаю, но и она не смогла удержать меня от того, что я очертя голову... это было так... такое смятение... нет, действительно нечто ужасающее. Короче, я струсила. Поэтому и не имею права критиковать других, не должна, во всяком случае. Я даже рассматривала возможность опять вернуться к наркотикам, но я не смогла поверить секте Второго Шанса, которая будто бы пользуется резинкой и претендует на знание какой-то отличной и совершенно безопасной методики приема. Я не могу верить до конца людям, у которых *такие* религиозные взгляды.

* Так называемая (фр.).

— Я свободомыслящий, *libertin**, как мы когда-то величали друг друга, — ответил Сирано. — Но теперь... не знаю. Может, в конце концов, Бог есть. Иначе как можно объяснить существование *такого* мира?

— Есть десятки теорий, — сказала Джилл. — И, без сомнения, вы с ними со всеми знакомы.

— Со многими, во всяком случае, — сказал Сирано. — Но я надеялся услышать от вас что-нибудь новенькое.

ГЛАВА 15

В эту минуту в их разговор вмешалось сразу несколько человек. Джилл отошла от этой группы и принялась бродить по комнате, надеясь найти другую компанию, не очень увлеченную друг другом, чтобы примкнуть к ней. В Мире Реки, как и на Земле, все приемы с коктейлем и вообще вечеринки были очень похожи друг на друга. Разговоры — коротки, вам приходилось перекрикивать шум голосов и музыку, потом вы меняли собеседников или группы беседующих, пока, наконец, не совершали полного круга по комнате. Если вы были кем-то увлечены или просто в ком-то заинтересованы, приходилось договариваться с ним или с ней о встрече в другое время и в другом месте, где вы могли бы надеяться на спокойную и никем не прерываемую беседу.

В прежние времена, давным-давно, когда она была молода душой и телом, Джилл на таких сборищах часто встречала мужчин и женщин, которыми искренне увлекалась. Но тогда она либо накачивалась спиртным, либо накуривалась наркотиков, либо была под мухой от того и другого, а потому душа у нее была нараспашку. Было так просто влюбиться — либо в ум, либо во внешность, либо в то и другое сразу. Ну а отрезвление обычно сопровождалось и пробуждением разума, а значит, и разочарованием. Не всегда. Но чаще всего.

Здесь же собрались только люди с телами двадцатипятилетних. Хронологически же ей был 61 год. Некоторым гостям можно было дать 132 или даже больше. Самыми молодыми могли быть лишь достигшие 32 лет. Казалось, можно было бы ожидать очень высокого индекса интеллектуальности, если согласиться, что возраст увеличивает мудрость. Однако Джилл не обнаружила, что это верно, если говорить о тех, с кем она общалась на Земле. Конечно, накопление опыта — это такая штука, которой совсем не избежишь, хотя многим удавалось свести его запасы к минимуму. Но опыт ни в коем случае не приводил к мудрости, и, поняв этот закон, вы проникали в суть одного из базовых механизмов, управляющих человечеством. Большинство стариков, которых она знала, подчинялись тем же условным рефлексам, которые управляли ими в девятнадцать лет.

* Распутник (*фр.*)

Поэтому следовало ожидать, что люди и здесь не очень-то много приобретают в результате накопления опыта. Однако удары молотов Смерти и Воскрешения у многих сбили цепи, сковывавшие их мозги.

Во-первых, абсолютно никто из них не ожидал, что жизнь после смерти (если все, что с ними происходило, можно было назвать этим термином) будет такой. Ни одна из религий не говорила ни о таком месте, ни о таких событиях. Хотя, говоря по правде, те религии, которые обещали рай и ад, были удивительно немногословны в описаниях этих мест. Что не так уж и странно, поскольку таких, кто мог похвалиться лицезрением мира после смерти, было исключительно мало.

Да и ничего уж такого сверхъестественного не было ни в этом месте, ни в самом воскрешении. Все... ну, не все, но почти все могло быть объяснено физическими, а не метафизическими причинами. Однако это не удержало людей от создания новых религиозных теорий или переформулирования старых.

Те же религии, которые не содержали в себе эсхатологии воскрешения или бессмертия в западном понимании — буддизм, индуизм, конфуцианство, таоизм, — были просто дискредитированы. Но и те, что опирались на эти понятия — иудаизм, ислам, христианство, — тоже оказались дискредитированы. Как и на Земле, гибель главной религии здесь дала толчок к появлению новой. Но было, конечно, и меньшинство, которое упрямо отказывалось, несмотря на разнообразные доказательства, признать, что их вера оскандалилась.

Джилл оказалась рядом с Самуэло — бывшим рабби, а ныне епископом Церкви Второго Шанса; ее очень интересовало, какова была реакция его на этот новый мир в первый год жизни в нем. Там не оказалось мессии, чтоб прийти и спасти избранный народ, да не было и самого избранного народа, того, что жил в Иерусалиме — там, на Земле. Ни Иерусалима, ни Земли. По-видимому, однако, расшатанная вера не пошатнула его самого. Каким-то образом он оказался способен воспринять мысль, что ошибался. Несмотря на то что он был суперортодоксальным рабби древних времен, ум у него был гибкий.

В это время Жанна Юган, игравшая роль хозяйки, предложила Самуэло и Рахело блюдо бамбуковых ростков и филе какой-то рыбы. Самуэло поглядел на рыбу и спросил:

— Что за рыба?

— Рыба-лягуха, — ответила Жанна.

Самуэло поджал губы и отрицательно покачал головой. Жанна поглядела с удивлением, так как епископ был явно голоден, а его пальцы уже почти коснулись молодых ростков бамбука. Они, насколько знала Джилл, согласно законам Моисея отнюдь не являлись табу. Но в то же время ростки лежали на одном блюде с запрещенной бесчешуйчатой рыбой, а потому они были «заражены».

Она улыбнулась. Человеку гораздо проще сменить религию, чем его или ее гастрономические привычки. Истинный иудей или мусульманин мог отказаться от своей веры, и все равно его затошнило бы, положи ему на тарелку порцию свинины. Индуист, которого знала Джилл, стал в Мире Реки атеистом, но он все еще отвергал мясо. Джилл, хоть и сама по рождению происходила от чернокожих, не могла себя заставить есть червей, несмотря на сделанную однажды попытку. Генетическое происхождение не имело ничего общего с проблемами питания; оно детерминировалось скорее общественным положением и происхождением. Хоть и не всегда.

Некоторые люди легко адаптируются. А кроме того, существует и такая штука, как индивидуальный вкус. Джилл, например, перестала есть баранину с той минуты, как покинула родительский дом. Она ненавидела ее. А гамбургеры предпочитает ростбифу.

«Весь смысл этих размышлений, — решила она, выходя из задумчивости и выныривая из нее, как выныривает пловец из волны, — сводится к тому, что мы — это то, что мы едим. А едим мы то, что мы едим, поэтому мы таковы, каковы есть. А почему мы таковы, определяется частично средой обитания и частично генетической структурой. Вся моя семья, кроме меня, обожала баранину. И только одна из сестер разделяла со мной равнодушие к ростбифу и любовь к гамбургерам.

Все мои братья и сестры, насколько я знаю, гетеросексуальны. Только я — бисексуальна. Но я этого не хотела. Я хочу быть либо такой, либо другой; я хочу, чтоб моя калитка была заперта, а не болталась то туда, то сюда, в зависимости от того, откуда дует ветер, мой внутренний ветер, который дует то с востока на запад, то *vice versa**, поворачивая флюгер то туда, то сюда».

Но если по совести, то ей не надо ни так ни этак, но, уж если б дали право выбора (а почему бы и нет?), она стала бы женщиной — любительницей женщин.

Женщина — любитель женщин. Почему бы не признаться себе самой — лесбиянка? Английский язык — величайший язык в мире, но у него есть свои пробелы. Часто он слишком уклончив, допускает различные толкования. Любитель женщин означает и мужчину, любящего женщину, и мужчину или женщину, которые любят женщин, или даже женщину, которая играет роль любовника.

Вот она и сказала это слово — *лесбиянка*. И она не ощущает даже никакого стыда. А как насчет Джека? Она ведь любила его? А как насчет... Она вынырнула из своих грез только для того, чтобы нырнуть в них еще глубже.

В другом конце комнаты Фаербрасс разговаривает с кем-то, искоса поглядывая на нее. Заметил ли он ее способность время от времени впадать в транс, останавливаться, слегка склонив голову влево, опустив веки и немного закатив глаза? А если заметил, то

* Наоборот (лат.).

наверняка решил, что она в дурном настроении, а потому не слишком надежна.

И вдруг ей почему-то стало страшно. О Господи, а что, если он отвергнет ее в качестве кандидата из-за того, что на нее временами накатывает меланхолия? Ведь на работе она совсем другая! Со всем! Но как убедить в этом Фаербрасса?

Ей следует всегда быть настороже, действовать так, будто она, чуть что случится, всегда на подхвате, всегда насторожена, готова, надежна. Совсем как девочка-скаут!

Она подошла к кружку гостей, центром которого был епископ Самуэло. Маленький смуглый человечек что-то рассказывал о Ла Виро. Джилл слышала немало таких рассказов, поскольку в свое время посещала собрания Церкви Второго Шанса и беседовала с их миссионерами. На эсперанто — официальном языке Церкви — Ла Виро означает «тот человек». Его иногда называют еще Ла Фондинто — «Основатель». По-видимому, никто не знал его земного имени, а может быть, в Церкви Второго Шанса этому просто не придавали значения.

История Самуэло касалась Незнакомца, который пришел к Ла Виро бурной ливневой ночью в его пещеру высоко в горах. Незнакомец открыл ему, что он происходит из того народа, который преобразовал эту планету в одну огромную речную долину и воскресил людей Земли.

Неизвестный повелел Ла Виро основать Церковь Второго Шанса. Ему были даны определенные догматы, которые Ла Виро должен был проповедовать, и сказано, что после того, как вера распространится по всей Долине от истоков Реки до низовья, он получит новые Откровения. Насколько было известно Джилл, эта «новая правда» пока еще оставалась не врученной по принадлежности.

Зато Церковь действительно распространилась повсюду. Ее миссионеры путешествуют пешком и на лодках. Кое-кто, как говорят, даже летал на воздушных шарах. Но быстрейшим способом транспортировки были смерть и последующее воскрешение. Так что фактически тот, кто убивал служителя Церкви, делал ей большое одолжение. Именно подобные случаи гарантировали столь быстрое распространение веры по Миру Реки.

Мученичество было весьма удобным способом путешествий, подумала Джилл. Но теперь для того чтобы умереть за свою религию, требовалось гораздо большее мужество, ибо сейчас *тот, кто умирал, умирал навсегда*. Она слышала, что численность приверженцев Церкви Второго Шанса сильно сокращается в последнее время. Было ли это связано с тем, что смерть стала вечной, или просто это движение теряло силу, она не знала.

В том кружке стоял и человек, которому она еще не была представлена. Пискатор, однако, показал на него через всю комнату и сказал:

— Джон де Грейсток. Он жил в английском королевстве во времена Эдуарда Первого. Тринадцатый, кажется, век? Я крепко

подзабыл британскую историю, хотя во времена, когда я служил кадетом на флоте, мне пришлось ею заниматься немало.

— Эдуард правил, мне кажется, примерно с 1270 до начала 1300 года, — сказала Джилл. — Я помню, что он правил 35 лет и умер, имея 68 лет от роду. Помню потому, что в те времена редко кто достигал такого возраста, особенно среди англичан. Все из-за этих холодных, пронизываемых сквозняками замков, знаете ли.

— Грейсток получил от Эдуарда титул барона и сопровождал его в Гасконскую и Шотландскую кампании, — продолжал Пискатор. — Я вообще-то мало о нем знаю. Кроме того, что он был губернатором Civito de la Animoу — по-английски Душевного Города — маленького государства в 41 километре отсюда вниз по Реке. Он прибыл сюда раньше меня, незадолго до того, как король Иоанн свистнул пароход Клеменса. Записался в армию Пароландо, быстро продвинулся по службе и отличился во время вторжения в Душевный Город...

Душевный Город предательски напал на Пароландо. Он стремился захватить контроль над нашими ресурсами метеоритного железа и над «Внаем не сдается»* тоже. Им это почти удалось. Но Клеменс и еще несколько человек взорвали большую дамбу. Она была построена для накопления воды горной речки и строительства гидростанции. Взрыв дамбы высвободил много миллионов литров воды. Захватчики были уничтожены вместе с тысячами жителей Пароландо. Волна смыла в Реку также алюминиевый и сталелитейный заводы и несколько фабрик. Пароход тоже смыло, но его удалось спасти без особых повреждений.

Клеменсу пришлось все начинать заново, почти с нуля. В это тяжелое для нас время жители Душевного Города заключили союз с несколькими другими государствами и снова нас атаковали. Они были отбиты, но с большими потерями для нас. Пароландцам были необходимы бокситы, криолит, платина и киноварь. Их месторождения известны на Реке лишь в одном месте. Бокситы и криолит нужны для производства алюминия. Киноварь — руда, из которой добывают ртуть, а платина требуется для производства электрических контактов в различных приборах, а кроме того, она важный катализатор во многих химических процессах.

— Мне это известно, — сказала Джилл сухо.

— Извините меня, — ответил Пискатор с легкой улыбкой. — После неудачного нападения жителей Душевного Города Грейсток стал полковником, а после нашего успешного вторжения в Душевный Город его назначили губернатором этого города. Клеменсу был нужен крутой и беспощадный человек, а, подобно большинству феодальных лордов, Грейсток именно таков.

* Название первого парохода, построенного Клеменсом и украденного королем Иоанном.

Однако несколько недель тому назад Душевный Город добровольно стал одним из штатов Соединенных Штатов Пароландо, полностью равноправным с материнским государством.

— Конечно, — тут Пискатор криво усмехнулся, — к этому времени месторождения минералов в Душевном Городе почти истощились. Проект «Воздушный Корабль» больше в Душевном Городе не нуждается. Кроме того, благодаря процессу, который Грейсток именует *смещением*, а это, боюсь, очень многозначительный эвфемизм, первоначальный расовый состав населения города весьма сильно изменился. Изначально там преобладали американские негры середины двадцатого столетия плюс меньшинство из средневековых арабов — преимущественно фанатичных ваххабитов, а также дравидов из древней Индии. Вследствие войн и сурового губернаторского правления Грейстока население Душевного Города теперь наполовину белое.

— Прямо какой-то дикарь, — сказала она. — Боюсь только, что настоящие дикари приняли бы мои слова за оскорбление.

— При нем там произошло несколько восстаний, которые пришлось жестоко подавить. Никого, знаете ли, в Душевном Городе не удерживали. Клеменс не разрешил бы рабовладения. Всем была дана возможность уйти, уйти с миром и даже со своими мирскими пожитками, куда глаза глядят. Многие, однако, остались, дали клятву верности Пароландо, но занялись подрывной деятельностью.

— Партизанские вылазки?

— Наверяд ли, — ответил Пискатор. — Вы же знаете, что топография здешней местности мало подходит для партизанских действий. Нет. По-видимому, многие граждане Душевного Города решили, что саботаж должен принять форму отдыха.

— Отдыха?

— Ну, с одной стороны, они при этом что-то зарабатывали, а с другой, так было все же лучше, чем отправляться вниз по Реке. Кроме того, многие мечтали о мести.

Надо отдать должное Грейстоку, обычно он всего лишь пинками выгонял саботажников из пределов города. Правда, при этом он вышвыривал их прямо в Реку. Впрочем, все это уже история, и к тому же имевшая место до моего прибытия сюда. А Грейсток приехал сейчас потому, что хочет стать членом команды корабля.

— Но у него же нет нужных знаний!

— Верно... но лишь с одной стороны. Он, конечно, не происходит из цивилизации с высокой технологией, мягко говоря. Зато умен, любознателен и быстро обучается. И хотя когда-то был английским бароном и губернатором Душевного Города, вполне готов удовлетвориться должностью рядового члена экипажа. Его увлекает сама идея полета. Для него — это что-то вроде магии. Фаербрасс обещал, что Грейсток полетит, если не окажется излишка людей с более высокой квалификацией. Имеется в виду, если случайно откуда-то вдруг не подвернется кто-то из членов экипажа «Графа Цеппелина» или «Шенандоа».

Пискатор улыбнулся.

У Грейстока рост был метр восемьдесят сантиметров, что для средних веков считалось очень высоким. Волосы черные, длинные и прямые; глаза большие серые; брови густые; нос, слегка напоминающий орлиный. Все эти черты весьма гармонично складывались в грубовато-красивое лицо. Плечи широкие, в талии узок. Ноги толстые, мускулистые, но длинные.

В это время он беседовал с Самуэло, причем его усмешка и тон казались весьма саркастичными. Пискатор сказал, что Грейсток ненавидит священников, несмотря на то что во время жизни на Земле отличался глубокой религиозностью. По-видимому, он так и не простил священнослужителям их нахальных претензий на знание правды о загробной жизни.

Пользуясь эсперанто, Грейсток говорил:

— Но ведь вы-то должны иметь хоть какое-то представление о том, кто такой этот ваш Ла Виро и кем он был на Земле? К какой расе принадлежал? Какова его национальность? Когда родился, когда умер? Был ли он из доисторических времен, античных, средних веков, или из тех, которые люди более поздних времен именуют современными? Кем он был на Земле — верующим, агностиком или даже атеистом? Какова была его профессия и занятие? Был ли женат? Имел ли детей? А может, он был гомосексуалистом?

Был ли чем-то известен в свое время? А может, он вообще *Христос*? И именно поэтому остался анонимным, зная, что никто тут не поверит в его брехню во второй раз?

Самуэло угрюмо поморщился, но все же ответил:

— Я очень мало знаю о Христе; только то, что мне рассказывали о нем, а это не так уж много. Все, что я знаю о Ла Виро, это то, что передавалось из уст в уста. Говорят, что он высокого роста, белокожий, но смуглый, и кое-кто думает, что он выходец из Персии.

Но все это мелочи. Важны не его физический облик и не его прежняя история. Значение имеет лишь его *послание*.

— Которое я слышал от священников вашей Церкви много раз, — отозвался Грейсток. — И в которое я верю не больше, чем в вонючую брехню вонючих же попов, которую мне сбывали в мое время как чистую божественную истину!

— Это ваше дело, хотя и не ваше право, — сказал Самуэло.

Грейсток, казалось, удивился. Джилл тоже не поняла смысла сказанного.

Грейсток громко заявил:

— Все вы, попы, несете дикую хренятину! — и отошел с мрачной миной.

Пискатор, наблюдавший за ним, улыбнулся:

— Опасный человек. Но интересный. Вам следовало бы послушать его рассказ о путешествии с арктурианцем.

Брови Джилл поднялись на лоб.

— Да, он был знаком с существом, которое прибыло на Землю с планеты звезды Арктур. По-видимому, это существо прибыло вместе с другими такими же на космическом корабле в 2002 году нашей эры*, и ему пришлось уничтожить все человечество. Хотя он и сам умер. Страшная история, но правдивая. Фаербрасс может сообщить вам некоторые детали. Он жил на Земле, как раз когда это произошло.

ГЛАВА 16

Желая познакомиться с Грейстоком, Джилл начала пробираться к нему сквозь толпу. Но, прежде чем она добралась до англичанина, ее остановил Фаербрасс.

— Курьер только что сообщил мне, что установлен радиоконтакт с «Марком Твенон». Хочешь поучаствовать в нашем пау-вау**? Может быть, тебе повезет и ты поговоришь лично со знаменитым Сэмом Клеменсом.

— Неужели же нет! — воскликнула она. — И большое спасибо за приглашение.

Джилл последовала за Фаербрассом к его «джипу», который стоял у подножия лестницы. Он был изготовлен из стали и алюминия и снабжен пневматическими нейлоновыми шинами. Его шестнадцатилитровый двигатель работал на спирту, произведенном из древесины.

Всего собралось пять пассажиров: Фаербрасс, Галбирра, де Бержерак, Шварц и Харди. «Джип» ходко рванулся с места и пошел нырять по узким ложбинам между холмов. Его яркие фары вырывали из темноты траву, нарезанную машинами, разбросанные здесь и там хижины, заросли невероятно быстро растущего бамбука, достигающего до 31 метра, или 100 футов, в высоту. Оставив холмы позади, они помчались по равнине, полого спускавшейся к Реке.

Мимо Джилл проносились освещенное здание алюминиевого завода, сталелитейный завод, винокуренный, сварочная мастерская, арсенал, оружейный и цементный заводы, а также здание правительства. В последнем находились и редакция газеты, радиостанция и там же — кабинеты высших чиновников.

Колоссальный ангар располагался ниже по течению, с подветренной стороны от других зданий. Выше — до гор, что лежали к западу, тоже тянулись цепочки огней. Там строилась плотина, которая должна была заменить ту, которую взорвал Клеменс.

«Джип» миновал ангар. Паровой локомотив, работавший на спирту, профыркал мимо, таща за собой три платформы с наваленным на них алюминиевым прокатом. Он въехал в ярко освещенные

* В первой книге — в 2012 г. (Примеч. ред.)

** Беседа, совещание, церемония (амер. жаргон).

ворота ангара, остановился, и огромный крюк крана опустился к задней платформе. Вокруг толпились рабочие, готовясь прицепить крюк к стальным канатам, связывающим балки.

«Сити-холл» располагался в северном конце улицы. «Джип» остановился у подъезда, пассажиры выбрались из машины и прошли между двумя массивными колоннами. Джилл подумала, что здание на редкость безвкусно, если судить с точки зрения архитектуры. Да и в ландшафт оно никак не вписывалось. Издали этот район выглядел как гибрид между Парфеноном и Руром, телепортированным на задворки Гаити.

Комплекс офисов Фаербрасса был расположен слева от входа в огромный холл. Шесть стражей охраняли дверь, каждый был вооружен однозарядной винтовкой, стрелявшей восьмидесятикалиберными пластиковыми пулями. На поясах у них висели палаши и кинжалы. Радиорубкой служила большая комната рядом с конференц-залом и святая святых — личными покоями Фаербрасса. Они вошли в рубку и увидели несколько человек, собравшихся вокруг радиста. Тот подкручивал рукоятки приборов, вставленных в большую панель, перед которой он сидел. Услышав, как хлопнула дверь, открытая могучим толчком его главного начальника, радист поднял глаза.

— Я разговаривал с Сэмом, — сказал он. — Но секунд тридцать назад контакт прервался. Погодите-ка! Кажется, я снова его поймал.

Из динамика раздалась целая серия тресков и визгов. Внезапно помехи ослабли и, перекрывая шум, раздался голос. Оператор снова подкрутил верньер настройки и уступил свой стул Фаербрассу.

— Говорит Фаербрасс. Это ты, Сэм?

— Нет. Подождите минуточку.

— Это Сэм, — сказал приятный низкий голос. — Это ты, Милт?

— Он самый. Как вы там, Сэм? Как идут дела?

— На сегодняшний день, Милт, электронный измеритель показывает, что мы прошли 792 014 миль. Если хочешь, можешь перевести их в километры. Я предпочитаю старую систему измерений, а поэтому мы... Ладно, все это тебе известно. Неплохо для трехлетнего плавания, а? Но чертовски утомительно. Улитка, и та добралась бы до Северного полюса быстрее, чем мы, если бы она могла ползти по прямой. Ох, извини, по дуге большого круга. А потом у нее хватило бы еще времени построить для нас огромный отель и заработать колоссальные деньги, сдавая комнаты моржам, которые ожидали бы нашего прибытия. Даже если б улитка проползала только милю за каждые 24 часа, а мы делали бы в среднем 800 миль в сутки.

Что же касается небольших затруднений... (фыркание, треск).

Фаербрасс дождался, пока передача улучшилась, а затем прокричал:

— Все остальное в порядке, Сэм?

— Роскошно, — ответил Сэм. — Ничего неожиданного не произошло. Это значит, что у нас постоянные чрезвычайные ситуации, постоянные затруднения, не хватает лишь мятежей экипажа, а ссор много. Мне пришлось кое-кого даже вышвырнуть за борт. Если так будет продолжаться, то ко времени прохождения миллионной отметки я буду единственным человеком на борту из тех, кто отплыл со мной из Пароландо.

Снова треск. А потом Джилл услышала голос — такой низкий, что можно было подумать, что он раздается со дна глубокого колодца. Она почувствовала, как по ее шее побежали холодные мурашки.

Сэм сказал:

— Чего тебе? Ох, ну конечно! Про тебя-то я и забыл, хотя это и нелегко, когда ты дышишь мне прямо в затылок самогоном.. Джо говорит, что он тоже будет на палубе. Он хочет сказать тебе «привет». Джо, скажи ему «привет».

— Привет, Милт.

Словно гром, грохочущий в бочке.

— Как идут делишки?

— Здорово, я надеюсь. Зэм, он вроде бы зазвучал из-за шлюхи, которая збежала от него. И еще он опять видел плохие зны назчет этого Эрика Кразнобороного. Я велел ему воздержаться от замогону, и взе будет о'кей. У него нету зпирта, чтоб напиваться, а перед ним вечно этою я как пример трезвоти.

Джилл взглянула на Харди и начала:

— Что за...

Харди широко улыбнулся:

— Да, он гундосит. Джо Миллер по размерам больше двух Голиафов, вместе взятых, но он гундосит. Джо принадлежит к расе недочеловеков, которую Сэм называет *Titanthropus clemenci**, хотя, как мне кажется, Джо просто гигантский вариант *homo sapiens*. Но в любом случае они вымерли на Земле этак 50—100 тысяч лет назад. Он и Сэм встретились много лет назад, и с тех пор неразлучные друзья. Дамон и Пифий. Роланд и Оливье.

— Скорее уж как Матт и Джефф или Лорел и Харди**, — пробормотал кто-то.

— Харди? — спросил Харди.

— Заткнитесь, — сказал Фаербрасс. — Ладно, Сэм. У нас все на орбите. У нас отличный новый кандидат, по-настоящему первоклассный офицерский материал. Австралийка по имени Джилл Галбирра. Налетала больше восьмисот часов, имеет опыт полетов на дирижабле и степень по машиностроению. Как тебе это понравится?

Треск. Затем:

— Женщина?

* Титантроп Клеменса.

** Заимствованные из литературы и фольклора примеры крепкой мужской дружбы.

— Ага, Сэм. Я знаю, что в твои времена на речных пароходах не бывало женщин-лоцманов, а на железных дорогах — машинистов. Но в мои — женщины были и летчиками, и жокеями, и даже астронавтами!

Джилл почувствовала, что оттаивает, и наклонилась к нему.

— Дайте мне поговорить с ним, — выдавила она, — я скажу этому сукиному сыну...

— Да он не возражает. Он просто удивился, — сказал Фаербрасс, поднимая взгляд. — Успокойся. Что тебя кусает? Он отличный парень. А если б он даже не был таким, то все равно не смог бы ничего изменить. Тут я — Nумего Упо*. Сэм, она говорит, что рада познакомиться с тобой.

— Я ее слышал, — ответил Сэм и хмыкнул. — Слушай... (треск, шипение, шум)... а когда?

— Статические разряды глушат все к чертовой матери! — кричал Фаербрасс. — И ты куда-то исчезаешь. Думаю, нам дольше не удастся держать контакт. Поэтому буду краток. У меня набрана далеко не вся команда, но до окончания строительства большого корабля пройдет еще не меньше года. К этому времени у меня, возможно, будет полный состав. Если же нет, то какого черта? Авиационных пилотов и механиков тут на пятак дюжина, а обучить их воздухоплаванию — пара пустяков.

— Слушай... — Он замолчал, оглянулся вокруг, хотя Джилл не могла понять почему, и спросил: — Что-нибудь было от Икса? Ты...

Разряды обрушились на его голос, скомкали его, и было ясно, что даже обрывки слов не долетают до слушателя. Попробовав в течение еще нескольких минут снова связаться с Клеменсом, Фаербрасс окончательно отступился.

Джилл спросила у Харди:

— А что это там такое насчет Икса?

— Не знаю, — ответил янки, — Фаербрасс говорит, что у них с Сэмом просто такая шутка.

Фаербрасс выключил радио и встал со стула.

— Ладно, время уже позднее, а завтра у нас хлопот полон рот. Ты не хочешь, чтоб Вилли отвез тебя домой, Джилл?

— Мне не нужно никакого эскорта, — отчеканила она. — И я с удовольствием пройду пешком. Нет, спасибо.

Одетая в свои скрепленные магнитными скрепками полотнища, Джилл не торопясь шла по равнине. Еще до того как она подошла к первому холму, она обратила внимание, что по сверкающему небу быстро несутся рваные ошметки облаков. Она вынула из наплечной сумочки палочку мечтательной резинки, отломилась половину и сунула ее в рот. Ей казалось, что прошли целые годы с тех пор, как она последний раз жевала ее.

* Номер первый (исп.).

Теперь, ворочая языком отдающий кофе кусочек резинки, она сама не могла понять, почему так внезапно, почти бессознательно решила снова прибегнуть к резинке. Какой тайный мотив был у нее для этого? Это было фактически почти неосознанное действие. Если бы у нее не выработалась привычка анализировать все свои поступки и мысли, она вообще могла не заметить того, что сделала.

На севере сверкнула молния. А затем обрушился дождь — как песок, сыплющийся из вспоротого балластного мешка. Джилл накинула на голову капюшон и ссутулилась. По голым ногам стекали струйки воды, но ткань одежды была водоотталкивающей.

Джилл отодвинула засов на двери хижины. Войдя, она сняла с плеча сумку, открыла ее и достала тяжелую металлическую зажигалку из тех, что дважды в год выдавались граалем. Ошупью она добралась до стола, на котором стояла спиртовая лампа — подарок Фаербрасса. Гроза приближалась, и при ярких вспышках молний она смогла различить очертания лампы.

Что-то коснулось ее плеча.

Джилл вскрикнула и круто обернулась, уронив зажигалку на пол. Сделала рефлекторный выпад правой рукой, сжатой в кулак. Чья-то рука перехватила ее запястье. Она нанесла удар коленом, целясь туда, где, как она надеялась, должен находиться низ живота противника. Колено скользнуло по его бедру, и другая рука цепко сжала запястье второй руки. Джилл обмякла, и это обмануло нападающего. Он хихикнул и крепко прижал ее к себе. Теперь Джилл смутно могла различить его, так как вспышки молний все еще слегка рассеивали мрак хижины. Его нос оказался прямо перед лицом Джилл — совсем близко, но чуть ниже ее собственного носа, так как противник был не очень высок.

Она быстро наклонила голову и, вцепившись зубами в кончик его носа, с силой откинула голову назад. Мужчина взревел от боли и отпустил Джилл. Прикрывая руками лицо, он отступил на несколько шагов. Она последовала за ним, и на этот раз ее нога с силой нанесла удар вверх, попав прямо в цель. Хотя на Джилл не было сапог, удар ее твердых пальцев заставил насильника рухнуть на пол, корчась и зажимая руками ушибленные гениталии.

Джилл подскочила к лежавшему и несколько раз прыгнула на него. Ломаясь под ее тяжестью, его ребра громко хрустели. Соскочив с врага, она наклонилась и схватила его за уши. Он попытался было дотянуться до нее, но Джилл с силой рванула уши к себе. Они оторвались с омерзительным треском.

Мужчина, не обращая внимания на страшную боль от ушибленных гениталий и сломанных ребер, все же умудрился подняться с пола. Джилл тут же нанесла ему рубящий удар по шее краем ладони. Он снова упал, а она отошла к столу и зажгла лампу, еле удерживая зажигалку в прыгающих пальцах. Фитиль занялся, и, когда пламя охватило его, Джилл повернула рычажок, помещавшийся на боку корпуса лампы. Наладив освещение, она повернулась и снова дико закричала.

Мужчина уже стоял на ногах; больше того, он успел вырвать из зажимов висевшее на стене копьё и теперь готовился нанести Джилл решающий удар.

Лампа вылетела у нее из рук — реакция была мгновенной и убийственной для противника. Лампа попала ему прямо в лицо, разбилась вдребезги, и спирт струей побежал по лицу и груди нападавшего.

Звзились языки пламени. Мужчина страшно вскрикнул и слепо — из глазных провалов рвалось пламя — кинулся к ней. Только теперь она поняла, кто он такой.

Джилл пронзительно выкрикнула «Джек!», но он уже набросился на нее, обхватил пылающими ручищами, сшиб с ног, так что она рухнула на спину и воздух со свистом вырвался у нее из легких. Не в силах вздохнуть, но обуреваемая стремлением любой ценой вырваться из его горящих рук, она с нечеловеческой силой оттолкнула Джека и откатилась в сторону. Несгораемая ткань одежды пока спасала Джилл от ожогов.

Но прежде чем Джилл успела вскочить на ноги, Джек схватил ее за подол и рванул к себе. Магнитные скрепки не выдержали. Обнаженная, она поднялась с пола и кинулась к копьё, валявшемуся там, где его уронил Джек. Джилл наклонилась, чтобы поднять копьё, но Джек уже навалился на нее сзади, его пышущие пламенем ладони сжали обнаженные груди, а раскаленный добела член скользнул в глубины ее естества.

Пронзительные вопли сражающихся бились о стенки хижины, и каждый раз эхо, казалось, придавало им еще большую силу. Джилл чувствовала, что она поджаривается, горит, что последние капли влаги покидают ее тело. Она ощущала это и нутром, и грудью, ягодицами, и даже ушами, как будто эхо, бившееся о стены, тоже пылало.

Джек уже вставал, опираясь на подгибающиеся руки и колени. Его волосы сгорели дотла, голый черный череп проступал в черных рубцах и складках, местами эта корка лопалась, открывая свернувшуюся красно-черную кровь и черно-серую кость. Единственным освещением хижины служило пламя, все еще пожиравшее лицо Джека, его грудь, живот и пенис — маленький, сморщенный, будто после оргазма слияния страсти и ненависти. Время от времени в хижине светлело — это молнии били в землю снаружи.

Теперь Джилл была уже на ногах; она бросилась к двери, чтоб вырваться туда, где благословенный дождь погасит огонь и утишит боль ее поверхностных ожогов. И все же Джеку каким-то образом удалось ухватить ее за колено. Она снова тяжело упала, вновь потеряв способность дышать. И опять Джек набросился на нее, издавая странные каркающие звуки... Может быть, его язык тоже выгорел?.. И снова обоих обволокло полотнище огня.

Джилл катилась вниз по крутому воплю животной агонии, туда, где глубоко-глубоко внизу затаилась пропасть, горловина которой ширилась, чтобы проглотить ее в тот момент, когда Джилл рухнет к центру того мира, где тяжело билось сердце всего сущего.

ГЛАВА 17

Лицо Джека нависало над ней. Оно казалось независимым от тела и медленно колыхалось в воздухе, как воздушный шар. Короткие рыжеватые волосы, широкое красивое лицо, блестящие синие глаза, сильный подбородок и полные улыбающиеся губы...

— Джек, — пробормотала она, но лицо тут же растворилось и превратилось в другое, к тому же приделанное к телу.

Лицо тоже было широкое и красивое, с высокими скулами, черными глазами с косыми складками век и волосами прямыми и черными.

— Пискатор?

— Я услышал ваши крики. — Он наклонился и взял ее руки в свои. — Вы в состоянии встать?

— Думаю, да, — ответила она дрожащим голосом. Впрочем, с его помощью она поднялась довольно легко. Обнаружила, что ни грома, ни молний больше нет. Да и дождь прекратился, хотя капли воды все еще продолжали стекать с листьев. Дверь хижины была распахнута, снаружи царила непроглядная тьма. Только облака еще не исчезли. Нет, вон там, чуть дальше, внезапно возник силуэт холма. А за ним — разрыв облака и бледное сияние газового покрова, в который вставлены тысячи гигантских звезд.

Джилл вдруг осознала, что она полностью обнажена. Онаглянула вниз и увидела, что ее груди покраснели, будто находилисьслишком близко к огню. Пока она рассматривала свое тело, краснота исчезла.

Пискатор заметил:

— Я было подумал, что вы слегка обгорели. Ваши груди и лобок воспалились, распухли, покраснели. Но никаких следов пожара здесь нет.

— Пламя было не снаружи, а внутри меня, — сказала Джилл. — Мечтательная резинка.

Его брови поднялись.

— Ах вот как!

Она расхохоталась.

Он помог ей добраться до лежака, и она легла с тяжелым вздохом. Легкий жар внутри влагалища теперь почти исчез. Пискатор суетился, укрывая ее полотнищами, давая ей напиток из дождевой воды, которую зачерпнул из бамбукового бочонка, стоявшего за дверью. Она выпила воду, держа чашу с водой в одной руке и опираясь на локоть другой.

— Спасибо, — сказала она. — Надо было быть поумнее и не накидываться на резинку. Но я была в депрессии, а когда я в таком настроении, резинка дает странные результаты. Все кажется таким ужасным и таким реальным. Мне бы и в голову не пришло усомниться в реальности видения, хотя оно явно было совершенно невероятным.

Он ответил:

— Последователи Второго Шанса пользуются мечтательной резинкой в своей терапии, но делают это под строгим контролем. Похоже, что это действительно дает благотворные результаты. Но мы к этому средству не прибегаем, кроме как на начальной стадии обучения и только в индивидуальном порядке.

— Мы?

— *Эль-Ахл-Эль-Хагг*, последователи культа Реальности. То, что вы — люди Запада — называете суфизмом*.

— Я так и думала.

— И должны были понять после того разговора, который у нас был.

Она с трудом перевела дух и спросила:

— Когда это было?

— Этим утром.

— Должно быть, это все резинка, — пробормотала она. — Я с ней покончила навсегда. Никогда больше не прикоснусь к этой проклятой дряни! — Она села и сказала: — Вы ведь не расскажете Фаербассу об этом, правда?

Теперь Пискатор уже не улыбался.

— Вы перенесли сильнейший психический шок. Он вызвал ожоги, появление стигматов на теле, имеющих чисто психическое происхождение... ну...

— Я больше не стану употреблять резинку. Вы же знаете, не в моем обычае давать пустые обещания. Я не наркоманка. Умственно я вполне устойчива.

— Вы очень встревожены, — сказал он. — Будьте честны со мной, Джилл. Я ведь могу вас так называть, верно? У вас уже были приступы такого рода? Сколько и как сильны они были? Иначе говоря, как долго они длились? И как много времени потребовалось на то, чтобы оправиться после них?

— Ни одного приступа в последнее время, если использовать вашу терминологию, — ответила она.

— Очень хорошо. Я никому не скажу ни слова. То есть в том случае, если повторения не последует. Вы будете честны со мной и скажете мне, если с вами произойдет снова что-либо подобное? Договорились? Вы же не захотите подвергать опасности наш корабль только потому, что вам отчаянно хочется стать членом его команды?

— Нет, ни в коем случае, — сказала она. Но эти слова дались ей с большим трудом.

— Тогда пока оставим все как было.

Джилл снова приподнялась на локте, не замечая, что полотнище соскользнуло и обнажило ее грудь.

* Суфизм — мистическое течение в исламе. Возникло в VIII—IX вв. н. э. Характерно сочетание идеалистической метафизики с аскетической практикой, учение о постоянном приближении через мистическую любовь к познанию Бога и слиянию с ним.

— Слушайте, Пискатор. Будьте честны и вы со мной. Если бы вы получили пост ниже, чем я, к чему, кажется, идет дело, если Фаербрасс действительно делает назначения, исходя из опыта, вам было бы неприятно служить под моим началом?

— Ни в малейшей степени, — ответил он улыбаясь.

Она снова легла, натянув на себя покрывало.

— Вы ведь выходец из общества, где женщин держат в приниженном положении. Ваши женщины практически находятся на положении тяглового скота. Они...

— Все это в прошлом, давно ушло, умерло и осталось далеко позади, — ответил он. — Да и я не типичный мужчина — японский, другой ли. Вам следует избегать стереотипов. В конце концов, это именно то, что вы ненавидите, против чего сражались всю жизнь, ведь так? Против мышления стереотипами?

— Вы правы, — призналась она. — Но это условный рефлекс.

— Мне кажется, я уже говорил с вами об этом. Однако повторение — мать учения. Вам следует научиться думать по-другому, не так, как раньше.

— И как это сделать?

Он поколебался и ответил:

— Вы узнаете, когда подойдет время для такой попытки. И узнаете того, к кому следует обратиться за помощью.

Джилл знала, что он ждет, чтоб она попросила его принять ее в качестве ученицы. Но она не собиралась этого делать. Она просто не верила в организованную религию. Правда, суфизм не был религией, но тем не менее его адепты были религиозны. Такой штуки, как суфий-атеист, просто не могло быть на свете.

Она же — атеистка. И, несмотря на воскрешение, она не верила в Творца. Во всяком случае в такого, который лично интересуется ее судьбой или судьбой какого бы то ни было другого существа. Люди, почитающие Божество, рассматривающее человеческие существа в качестве Его детей... кстати, а почему Дух всегда *он*? Разве не логичней, поскольку Бог не имеет пола, называть его *она*?.. Так вот, люди, верящие в Бога, были обмануты. Эти люди могли обладать интеллектом, но умственно они все равно были ограничены. Видимо, тормоза той части мозга, которая ведает религиозными взглядами, у них поставлены в неправильное положение и крутились впустую. Или же цепь религиозности была отключена от главной системы интеллекта.

Неудачная аналогия. Люди пользуются интеллектом, чтоб оправдать существование чего-то неинтеллектуального, некоего феномена, основанного только на эмоциях и называемого религией. И часто делают это с блеском! Но, с ее точки зрения, не принося никому ни грамма пользы.

Пискатор сказал:

— Вы хотите уснуть. Отлично. Если я вам понадобится, то не стесняйтесь позвать меня.

— Вы же не врач, — возразила она, — зачем же вы...

— Вы обладаете потенциалом. И, хотя нередко действуете глупо, вы все же не дура. Правда, время от времени вы склонны обманывать себя и делаете это даже в данную минуту. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он быстро поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. Она хотела было окликнуть его, но что-то ее остановило. Она хотела спросить, что он делал возле ее хижины, когда услышал ее крики. Ведь было уже совсем поздно. Впрочем, разве это важно? И все же... Что он тут делал? Хотел соблазнить ее? Попытка изнасилования, разумеется, отпадала. Она была куда крупнее его, и хотя он, надо думать, был мастером боевых искусств, но ведь она и тут не уступала ему. Больше того, его позиция как офицера корабля серьезно пострадала бы, если бы она выдвинула против него обвинения.

Нет, он тут был не для того, чтобы соблазнить ее или изнасиловать. Он не был похож на тех мужчин, что способны на это. А с другой стороны, как бы мягко он ни действовал, разве не все мужчины одинаковы? Нет, в нем было что-то такое... она не любила пользоваться таким неточным и научно необоснованным термином, как *вибрация*, но тут он был вполне уместен. Впрочем, он явно не излучал волн той частоты, которые классифицировались как «дурные флюиды».

И только тогда она вспомнила, что он не попросил ее описать свои ощущения. Если он и был любопытен, то ему удалось это ловко скрыть. Возможно, он ощущал, что, если бы она хотела поделиться с ним деталями своих сновидений, она бы сделала это сама, без его просьбы. Он очень тонко чувствующий человек, хорошо понимающий других людей.

Что же означало это страшное нападение Джека? Что она боится его или мужчин вообще? Боится мужского секса? Или того секса, в котором она играет роль мужчины? Этому она поверить не могла. Но эти иллюзии? Мании? Явления? Они же явно символизируют чувство ненависти и стремления к разрушению. И не только по отношению к мужчинам вообще, но к самому Джеку в частности. Она подожгла его, но одновременно она жгла и насиловала себя — в определенном смысле. Правда, никакого смысла в этом не было. Уж она-то даже подсознательно не стремилась к тому, чтобы быть изнасилованной. Ведь только умственно неполноценная женщина может пожелать такого.

Может, она ненавидит себя? Ответ был — да, временами. Но кто же не ненавидит себя иногда?

Через некоторое время она забылась беспокойным сном. Ей снился Сирано де Бержерак. Они фехтовали на ере́ес*. Описывающий сверкающие круги конец его клинка слепил ее, а затем ее оружие было выбито из рук, а клинок Сирано скользнул к ней и вонзился прямо в пупок. Она ошеломленно глядела вниз на клинок

* Эспадроны (фр.).

и на то, как он выходит из ее тела, но кровь из пупка не шла... Вместо этого он вспух, раздался, и затем из опухоли показалось тонкое жало стилета.

ГЛАВА 18

Соприкосновение с холодной водой привело Бёртона в сознание. Наверное, не меньше минуты он провел под водой и теперь в этой темноте никак не мог понять, где тут верх, а где низ.

Была лишь одна возможность выяснить это. Сделав пять гребков, он почувствовал, что давление на его барабанные перепонки растет. Изменив положение тела, он поплыл в том направлении, которое, как надеялся, можно было назвать противоположным. Насколько Бёртон мог судить, с тем же успехом могло оказаться, что он движется по горизонтали. Однако давление воды явно падало, и как раз в то мгновение, когда, казалось, он уже больше не сможет оставаться без воздуха, он всплыл на поверхность.

И тут что-то крепко двинуло его по голове, снова погрузив в полубессознательное состояние. Слабеющая рука Бёртона ударилась о какой-то предмет и ухватилась за него. Он ничего не видел в этом тумане, но на ощупь все же определил, что это за штука, которая держит его на плаву. Оказалось — здоровенное бревно.

Вокруг царил настоящий бедлам — крики, вопли, кто-то совсем рядом звал на помощь. Как только он снова обрел способность думать, он отпустил бревно и поплыл в направлении женщины, звавшей на помощь. Когда Бёртон подплыл ближе, оказалось, что это голос Логу. Еще несколько гребков приблизили его к ней вплотную, настолько близко, что он смог смутно различить черты ее лица.

— Успокойся! — сказал он. — Это я — Дик.

Логу ухватилась за его плечи, и они оба тут же пошли ко дну. Он боролся с ней, оттолкнул от себя, а затем обхватил ее со спины. Логу что-то пробормотала на своем родном тохарском языке. Он ответил ей на нем же:

— Не паникуй. Мы в безопасности.

Логу, задышавшись, прошептала:

— Я за что-то ухватилась. Так что теперь не утону.

Бёртон отпустил ее и вытянул руку. Еще одно бревно. Столкновение, должно быть, оторвало несколько бревен от носовой части плота. Но где же его корабль и где этот проклятый плот? И где находятся они — Логу и он?

Вернее всего, они провалились в щель, образовавшуюся, когда удар плота оторвал от него несколько бревен. Но ведь в этом случае течение должно было наверняка бросить основную часть плота, оставшуюся целой, прямо на скалу, разможив всех, кто оказался бы между плотом и скалой. Но, может, их отнесло течением за выступ острова, и теперь оно уносит их куда-то дальше?

Если так, то они оказались в мешанине свободно плавающих бревен и обломков корабля. Не они ли и напирают со всех сторон на него и Логу?

Логу застонала и пожаловалась:

— Мне кажется, у меня сломаны ноги, Дик. Очень уж болят.

Бревно, за которое они уцепились, было толстое и длинное, такое, что его концы терялись в туманной мгле. Им приходилось изо всех сил хвататься слабеющими пальцами за грубую кору. Еще немного, и хватка непременно ослабнет.

Неожиданно сквозь серый туман донесся голос Моната:

— Дик! Логу! Вы здесь?

Бёртон крикнул в ответ, и минуту спустя что-то с силой ударило о бревно. Эта штука больно стукнула Бёртона по пальцам, заставив его вскрикнуть и опять соскользнуть в воду. Он с трудом вскарабкался обратно, но тут конец шеста стремительно вылетел из тумана подобно змее, кидающейся на добычу из засады. Чуть-чуть правее, и шест оглушил бы его, а может, и проломил бы ему череп.

Он ухватился за шест и прокричал Монату, когда тот уже подтягивал его куда-то:

— Логу тоже здесь! Поосторожней с этим шестом!

Монат подтянул Бёртона к тому, что было краем плота, и Казз одним рывком вытянул его на бревно. Монат снова сунул шест в туман. Через минуту он вытащил и Логу. Она находилась в полубессознательном состоянии.

— Достаньте одежду и заверните ее. Ей надо согреться, — приказал Бёртон Каззу.

— Будет сделано, Бёртон-нак, — ответил неандерталец. Он повернулся и пропал в волнах тумана.

Бёртон сел на мокрую гладкую поверхность плота.

— Где остальные? Алиса жива?

— Они тут все, кроме Оунан, — ответил Монат. — У Алисы, по-видимому, сломано несколько ребер. Фрайгейт поранил колено. Что касается корабля, то его больше нет.

Бёртон еще не успел оправиться от шока, когда увидел свет нескольких факелов. Огни приближались, давая достаточно света, чтоб он мог разглядеть самих факельщиков. Их было около дюжины — низкие, смуглые, явно белой расы, с большими крючковатыми носами, одетые с головы до ног в полосатые и разноцветные одежды. Вооружены они были только ножами, покоившимися сейчас в ножнах.

Один из них заговорил на языке, который Бёртон определил как принадлежащий к группе семитских. Если так, то он, должно быть, относится к древнейшим языкам этой группы. И все же Бёртону удалось понять несколько отдельных слов. Он ответил на эсперанто, и говоривший тут же перешел на него.

Последовал быстрый диалог. По-видимому, человек, стоявший на вышке, заснул, напившись спирта. Он выжил после падения,

когда плот налетел на остров, и их вместе с человеком, которого Бёртон видел взбирающимся вверх по лестнице, сбросило вниз.

Этому второму повезло меньше. Он сломал себе шею и умер. Что же касается удачи лодмана, то она тоже была сомнительной. Разъяренные товарищи швырнули его за борт.

Те громкие скрежещащие звуки, которые Бёртон услышал перед тем, как его собственный корабль содрогнулся от удара, были результатом столкновения носа плота, имевшего форму буквы «V», сначала с доком, а потом и с самой скалой. В этот момент часть носовой структуры откололась, и многие из связок, сделанных из рыбьей кожи, лопнули. Именно эта заостренная носовая структура и приняла на себя большую часть инерции удара; иначе плот наверняка раскололся бы на несколько частей.

Правда, кусок правого «борта» все же оторвался, но его увлекла за собой главная часть плота. Именно это беспорядочное месиво толстых бревен и врезалось в «Хаджи-2», сокрушив у ватерлинии кормовую часть судна. Оторванная носовая часть погрузилась в воду, а задняя, разломанная на куски могучим ударом бревен, затонула, провалившись сквозь сито плавающих на поверхности бревен.

Бёртона швырнуло вперед, когда корабль ударило о скалу, потом он опять упал на палубу, а позже скатился по ее наклону и свалился в воду.

Команде невероятно повезло — никто не был убит и даже ранен. Правда, судьба Оунан пока была неизвестна.

Вообще дел навалилось немало. В первую очередь надо было заняться ранеными. Бёртон пошел туда, где в круге света трех факелов лежали остальные члены его команды. Алиса протянула к нему руки и вскрикнула, когда он обнял ее.

— Не жми, — простонала она, — у меня бок прямо горит.

К Бёртону подошел кто-то, сказавший, что ему велели помочь раненым. Обеих женщин унесли плотовщики, тогда как Фрайгейт, поддерживаемый Каззом и громко стеля, сам с трудом прохромал по палубе плота. К этому времени уже начало светать, и они могли видеть больше. Пройдя метров 60, то есть около двухсот футов, они остановились перед большой бамбуковой хижинкой с крышей, сделанной из огромных листьев «железного» дерева. Хижина была укреплена на плоту с помощью веревок, сплетенных из кожи, привязанных к кольям, вбитым в дыры, просверленные прямо в бревнах плота.

Внутри хижины находилась сложенная из камней платформа, на которой горел небольшой костер. Раненых положили поближе к огню на бамбуковые лежаки. К этому времени туман стал редеть. Светлело, и тут все вздрогнули, когда раздался грохот, будто тысячи оружейных снарядов взорвались одновременно. И хоть каждый слышал этот звук ежедневно, все подскочили. Это питающие камни высвободили свою энергию.

— Вот мы и остались без завтрака, — сказал Бёртон.

И вдруг он резко поднял голову.

— А граали? Хоть кто-нибудь из вас спас свой грааль?

Монат ответил:

— Нет, они все потонули вместе с кораблем! — Его лицо перекосилось от горя, и он зарыдал. — Наверно, и Оунан тоже утонула!

В дрожащем свете факелов они безмолвно смотрели друг на друга. Их лица еще были бледны от перенесенных испытаний, но теперь они побелели, если это было возможно, еще сильнее. Кто-то застонал. Бёртон выругался. Ему тоже было жаль Оунан, но теперь он и его друзья стали нищими, зависящими от милости чужих. Лучше было умереть, чем жить без граалей, и в былые дни те, кто терял граали, могли совершить (и часто совершали) самоубийство. Ведь на следующий день они просыпались где-то вдали от своих друзей, но зато с собственным источником еды и кое-каких предметов роскоши.

— Что ж, — сказал Фрайгейт, — мы можем питаться рыбой и желудевым хлебом.

— До конца своих дней? — огрызнулся Бёртон, скаля зубы. — А они, насколько мы знаем, могут длиться бесконечно.

— Я просто попытался посмотреть на вещи с солнечной стороны, — ответил американец. — Хотя и она, признаться, весьма мрачновата.

— А почему бы нам не заняться проблемами по мере их возникновения? — спросила Алиса. — В данный момент я бы предпочла, чтобы вы осмотрели мои ребра, и, я уверена, бедная Логу тоже хотела бы, чтобы ей вправили кость и наложили повязку.

Тот человек, который привел их в хижину, занялся лечением больных. Покончив с этим и облегчив страдания пациентов с помощью небольших кусочков мечтательной резинки, он вышел из хижины. Бёртон, Казз и Монат последовали за ним. К этому времени солнце уже почти выжгло туман. Через несколько минут он должен был полностью исчезнуть.

Вид был впечатляющий. Весь нос плота, имевший заостренную форму, отломился, когда он вылез на берег и сломался о камень рифа. Причалы и лодки ганопо превратились в щепки, скрывшиеся под грудой бревен, громоздившейся на берегу. Главная часть плота тоже выскочила на берег метров на 13. Несколько сотен плотовщиков стояли возле обломков кораблекрушения, оживленно разговаривая, но явно ничего конструктивного не предпринимая.

Слева бревна прижимало течением прямо к отвесной части острова. Нигде не было и следа ни «Хаджи-2», ни Оунан. Надежды Бёртона, что ему удастся как-нибудь раздобыть хоть несколько граалей, оказались развеяны.

Бёртон оглядел плот. Тот, хоть и потерял свою переднюю часть, все еще был колоссален. В длину он имел по меньшей мере 660 футов, или 201 метр, а в самой широкой части достигал 122 метров. Его корма, так же как и нос, имела V-образную форму.

В центре плота стоял огромный округлый черный объект, который Бёртон видел плывущим над пологом тумана. Этим предметом

оказалась голова громадного идола, высотой футов в 30, то есть около 9 метров. Черный, толстый и безобразный идол как бы придавливал все, что его окружало. Он сидел скрестив ноги; спину его усеивали кресты, похожие на извивающихся ящериц. Голова была головой демона. Синие глаза сверкали, широкий оскаленный рот обнажал множество острых белых больших зубов, похожих на акулы.

Они, как потом понял Бёртон, были вырваны у «речного дракона» и вставлены в окрашенные красной краской десны.

В самом центре отвисшего брюха идола виднелось круглое отверстие. Внутри его находился каменный очаг, в котором теплилось пламя. Дым поднимался куда-то вверх, выходя наружу из похожих на крылья летучих мышей ушных раковин идола.

Впереди, почти на самом носу плота, валялась на боку смотровая вышка; ее подпорки подломились в самом низу в момент столкновения плота с островом. Возле вышки все еще лежал труп.

Еще на плоту виднелось несколько больших строений, меж которыми там и сям были разбросаны более мелкие. Несколько небольших хижин обрушилось, а одна из высоких конструкций как-то нелепо перекосилась.

Бёртон насчитал десять высоких мачт с квадратными парусами и двадцать более низких, несших кормовое и носовое парусное вооружение. Все паруса были убраны.

Вдоль бортовых краев плота были установлены специальные подставки с закрепленными на них лодками разных размеров.

Позади идола возвышалось самое большое из зданий. Возможно, это было жилище вождя, а возможно — святилище. Или то и другое сразу.

Вдруг заревели деревянные трубы и громко загрели барабаны. Увидев, как люди бегут к этой большой постройке, Бёртон решил к ним присоединиться. Толпа собралась на части плота между идолом и строением.

Бёртон держался позади толпы, в том месте, откуда он мог все хорошо слышать, но одновременно поближе к статуе, которая его очень интересовала. Маленькая незаметная царапина, которую он сделал своим кремневым ножом, показала, что статую изготовлена из глины, покрытой черной краской. Любопытно, подумал Бёртон, откуда взялись краски для тела, глаз и десен идола? Красящие вещества в этом мире были очень редки, что чрезвычайно огорчало художников.

Вождь (или главный жрец) был выше всех своих соплеменников, хотя и на полголовы ниже Бёртона. Он носил накидку, килт с голубыми, красными и черными полосами и деревянную корону с шестью зубцами. В правой руке вождь держал длинный дубовый пастуший посох. Вождь ораторствовал, стоя на платформе, сооруженной у входа в его жилище. Нередко вождь жестикулировал своим посохом; глаза его пылали, а из уст лился поток слов, из которых Бёртон не мог узнать ни одного. Примерно через полчаса вождь слез с платформы, а толпа начала разбиваться на рабочие группы.

Часть людей отправилась на остров, чтобы собрать бревна, оторванные от носа плота, и сложить их в кучу. Другие ушли на корму, туда, где V-образная часть соединялась с главным телом плота. Они приталили огромные весла и стали вставлять их в уключины. Затем, подобно смене галерных рабов, начали работать веслами в ритме, заданном глухим уханьем барабанов.

По-видимому, они решили развернуть корму так, чтобы течение подхватило ее, а затем сдвинуло бы и весь плот. Как только значительная часть кормы попадет на стремнину, плот сможет развернуться целиком и таким образом навсегда распрощается с островом.

Теория была неплоха, но практика ее не оправдала. Скоро стало ясно, что сначала необходимо каким-то образом освободить застрявшие на берегу бревна, а потом с помощью рычага поднять нос так, чтоб его можно было спихнуть с берега.

Бёртон хотел было поговорить с местным главноначальствующим, но тот сначала распростерся перед идолом, потом принялся низко и часто кланяться последнему и петь ему гимны. И хотя еще никому не удалось пока измерить глубину знаний Бёртона, но одно он знал твердо: прерывать религиозную церемонию — штука весьма опасная.

Бёртон походил взад и вперед, останавливаясь, чтобы осмотреть долбленки, каноэ и маленькие парусные суденышки, стоявшие на подставках или на катках, тянувшихся вдоль бортов плота. Затем он стал слоняться вблизи самых крупных построек. У большинства были двери, запиравшиеся снаружи. Убедившись, что за ним никто не следит, Бёртон быстренько оглядел некоторые из них изнутри.

Два строения оказались складами вяленой рыбы и желудевого хлеба. Еще одно — битком набито оружием. Четвертое являлось лодочной мастерской: в нем находились две наполовину законченные долбленки и сосновый остов каноэ. В пятом здании хранились различные изделия: ящики дубовых колец для меновой торговли, спиралевидные позвонки «рогатой рыбы» и ее же рога, похожие на рога нарвала, кучи рыбьих и человеческих кож, барабаны, бамбуковые флейты, арфы со струнами из рыбьих кишок, черепа, переделанные в кубки, веревки из растительных волокон и рыбьей кожи, кучи высушенных внутренностей «речных драконов», годившиеся на паруса, каменные лампы для рыбьего жира, коробки с парфюмерией, марихуаной, сигарами, сигаретами, зажигалками (видно, все запасено для торговли или даров), около пятидесяти ритуальных масок и многое-многое другое.

Когда Бёртон вошел в шестое здание, он чуть не рассмеялся от радости. Это было место, где хранились граали. Высокие серые цилиндры стояли рядами на деревянных полках, ожидая появления своих владельцев. Бёртон насчитал их 350 штук. По одному граалю на каждого из примерно 310 плотовщиков; а это означало, что не меньше 30 граалей — лишние.

Беглое обследование выявило, что все граали, кроме тридцати, имеют на себе метки. На них были веревочки, привязанные к

ручкам на крышках; к другим концам бечевки были прикреплены обожженные глиняные таблички с нанесенными на них клинообразными значками. Вероятно, это были имена владельцев. Бёртон поглядел на некоторые из табличек; знаки были похожи на те, которые он видел на фотографиях вавилонских и ассирийских писем.

Бёртон попробовал поднять крышки на нескольких сосудах с привязанными табличками, но в этом, конечно, не преуспел. Видимо, существовал какой-то механизм, не позволявший никому, кроме собственника, открывать крышку грааля. На этот счет бытовало несколько теорий, одна из которых гласила, что чувствительный приборчик внутри грааля настроен на электрический потенциал кожи владельца и активизирует механизм, открывающий крышку.

Совсем другое дело граали без «номерков»; их некоторые англоязычные обитатели прозвали «дармовщинками».

Когда свыше 36 миллиардов умерших на Земле разом проснулись в целости и сохранности, да еще молодыми, в огромной речной долине, то каждый из них обнаружил подле себя свой грааль. В то же время оказалось, что каждый питающий камень имеет наверху углубления, в одном из которых уже находился такой грааль. Это было сделано Воскресителями, чтобы показать новым гражданам Мира Реки, как им следует пользоваться граалями.

Каждый питающий камень выплюнул грохот и огонь, после чего любопытные люди вскарабкались на шляпки грибов и заглянули в оставленные там граали. О чудо из чудес! О бесконечная радость! Крышки граалей были откинuty, внутри на съемных полочках стояли тарелки и чашки, полные еды и всяких вкусностей.

В следующий раз, когда грибовидные камни разрядились, в них уже были вставлены индивидуальные граали, и они тут же обеспечили своих владельцев всем, в чем те нуждались, и даже сверх того, хотя человеческая природа такова, что кое-кто стал тут же жаловаться на недостаток разнообразия.

«Дармовщинки» приобрели огромную ценность. Люди отнимали их силой у других, воровали, убивали, дабы разжиться ими. Если человек имел личный грааль и «дармовшинку», то он или она получали еды и предметов роскоши вдвое больше, чем им полагалось.

У Бёртона никогда не было «дармовшинки», а тут на полках их стояло целых тридцать штук!

Теперь проблема потерянных граалей была решена, если ему удастся уговорить вождя расстаться с ними. В конце концов, именно его плот виноват в гибели корабля и граалей экипажа. Он в долгу перед командой «Хаджи-2».

Пока с Бёртоном и его экипажем обращались честно. Он мог бы припомнить немало других групп, которые не дали бы им ничего — разве что вышвырнули бы их за борт, сначала подвергнув массовому изнасилованию женщин, а вполне возможно, что и мужчин.

Однако у гостеприимства плотовщиков мог оказаться предел. Свободные граали ни в коем случае не были пустыми безделицами.

Вполне возможно, племя где-то украло их. Но как бы оно их ни получило, оно будет беречь их на случай острой необходимости, например, для возмещения потерянных или в качестве даров, если они встретятся с особенно враждебными или сильными племенами.

Бёртон покинул хранилище, запер за собой дверь и стал прохаживаться в глубокой задумчивости. Если он попросит вождя дать ему семь граалей, ему могут отказать. Подобная просьба могла возбудить в вожде подозрительность, и он распорядился бы поставить у дверей стражу. Не говоря уже о том, что он мог спохватиться, что у него тут появились потенциальные воры, и попросить их — публично или тайно — убраться поскорее восвояси.

Проходя мимо идола, Бёртон увидел, что вождь уже перестал молиться и направился на остров. Видимо, он решил взять на себя руководство работами по освобождению плота.

Бёртон вознамерился все же спросить его насчет граалей. Какой смысл откладывать дело в долгий ящик. Ведь этот парень держит под своей задницей целое сокровище!

ГЛАВА 19

Муту-Ша-Или — таково было его имя на родном языке, обозначающее «Любимец Бога», но для тех, кто говорил на эсперанто, он был просто Метузаэль, по-английски же — Мафусаил.

На одно безумное мгновение Бёртон подумал, уж не встретился ли ему прообраз патриарха-долгожителя из Ветхого Завета. Но это было не так. Метузаэль оказался выходцем из Вавилона и слыхом не слыхал об иудеях до тех пор, пока не очутился в Мире Реки. На Земле он занимал должность инспектора зернохранилищ, а здесь стал основателем и главой новой религии, а также капитаном огромного плота.

— Однажды ночью, много лет назад, когда снаружи бушевал шторм, я крепко спал. И во сне мне явился бог, бог по имени Рашбуб. Мне о таком боге раньше слышать не приходилось, но он сказал, что когда-то был могущественным божеством моих предков. Их потомки, однако, отшатнулись от него, и в годы моей жизни на Земле только жители одной-единственной крохотной деревушки на самом краю нашего царства все еще поклонялись ему.

Но боги бессмертны, хотя и могут принимать другие обличья и новые имена и даже становиться безымянными, и он продолжал жить в снах множества людей во множестве поколений. Теперь он решил, что для него пришло время покинуть мир сновидений. И тогда он приказал мне встать ото сна и ходить по миру, проповедуя веру в Рашбуба. Я должен собрать группу верных, построить гигантский плот и на нем отправиться с моим народом в низовья Реки.

Проплавав много лет, может, в течение жизни нескольких поколений, как мы считали их на Земле, мы доберемся до конца

Реки, где она исчезает в дыре у подножия гор, которые кольцом окружают вершину этого Мира.

Там мы, пройдя сквозь подземный мир, через огромную темную пещеру, выйдем в светлое море, окружающее страну, где мы будем пребывать во веки веков в мире и счастье вместе с богами и богинями.

Но прежде чем спускать плот на воду, мы должны воздвигнуть статую Рашбуба, установить ее на плоту и молиться ей как символу самого Рашбуба. Поэтому не называйте нас, как это делали многие, идолопоклонниками, которые принимают простой физический символ за тело самого бога.

Бёртон подумал, что этот человек просто спятил, но все же обнаружил достаточно осторожности, чтобы не высказать ему свою точку зрения. Он и его экипаж попали в руки явных фанатиков. К счастью, бог строго наказал Метузаэлю и прочим своим почитателям никого не обижать, разве что в случае самозащиты. Однако из своего богатого опыта Бёртон знал, что смысл слова «самозащита» зависит от того, что захочет вложить в него отдельный человек или группа людей.

— Рашбуб лично повелел мне, чтоб перед тем, как мы войдем в подземный мир, мы разломали бы идола на мелкие кусочки и бросили в Реку. Правда, он не объяснил, зачем надо это сделать. Он просто сказал, что, к тому времени как мы достигнем пещеры, мы и сами все поймем.

— Что ж, все это, может, и хорошо для вас, — заявил Бёртон, — но вы несете ответственность за гибель нашего корабля. А кроме того, из-за вас мы лишились своих граалей.

— Глубоко об этом сожалею, но мало что могу для вас сделать. То, что случилось с вами, произошло по воле Рашбуба.

Бёртон был очень близок к тому, чтобы врезать этому типу по физиономии. Обуздав гнев, он сказал:

— Трое из моих людей пострадали слишком сильно, чтобы уйти с плота на своих ногах. Не можешь ли ты, на худой конец, дать нам хотя бы лодку, чтобы свезти их на берег Реки?

Метузаэль сверкнул на Бёртона бешеными черными глазами и показал рукой на остров.

— Вот тебе земля, а вот тебе пищевой столб. Я присмотрю за тем, чтобы твои раненные были отнесены поближе к нему; а еще мы дадим вам вяленой рыбы и желудевого хлеба. А ты будь добр и не приставай ко мне с дурацкими просьбами. У меня полно работы. Нам предстоит спустить наш плот обратно в Реку. Рашбуб сказал мне, что никакие обстоятельства не должны задерживать наше плавание.

Если мы затянем его, то можем оказаться перед навеки захлопнувшимися воротами, что ведут в страну Богов. И тогда нам останется только стенать под воротами, вотще проклиная себя за слабость веры и воли.

Тогда-то Бёртон и решил, что любые его действия против вождя будут морально оправданы. Эти люди были его должниками, а он не задолжал им ни крошки.

Метузаэль уже уходил. Вдруг он остановился и указал на Моната, который только что вышел из хижины.

— Это кто такой?

Бёртон подошел к нему и ответил:

— Это человек из другого мира. Он и еще несколько таких же прибыли на Землю с далекой-далекой звезды. Это событие произошло лет через сто после моей смерти и, возможно, через четыре тысячи после твоей. Он пришел с миром, но люди Земли узнали, что у него есть... хм... лекарство, которое спасает людей от старости. Они потребовали, чтоб он выдал им секрет изготовления лекарства, а он им отказал. Он сказал, что у землян и без того хватает проблем, связанных с перенаселенностью их планеты. Кроме того, никому не следует давать право на вечную жизнь, за исключением тех, кто того достоин.

— Он ошибался, — прервал Бёртона Метузаэль, — Боги дали нам шанс жить вечно.

— Да, в каком-то смысле. Хотя, согласно твоей религии, только ничтожная кучка людей, а именно те, что находятся на этом плоту, станут по-настоящему бессмертными. Я прав?

— Да, со стороны это, пожалуй, кажется несправедливым, — отозвался Метузаэль, — но это неизбежно, а кто мы такие, чтобы подвергать сомнению мотивы и сами действия Богов?

— Но разве не факт, что о желаниях Богов мы узнаем лишь от людей, которые вещают от их имени? А я еще не встречал такого человека, чьи мотивы и действия я не хотел бы подвергнуть проверке.

— Ну, так, значит, ты просто дурак.

— Кроме того, — продолжал Бёртон, улыбаясь, чтоб скрыть свой гнев, — вот этот арктурианец — Монат — и его соплеменники были атакованы землянами. Их всех убили, но, прежде чем умереть, Монат уничтожил почти все население Земли.

Бёртон умолк. Как объяснить этому дикарю, что арктурианцы оставили свой главный корабль на орбите Земли? И что Монат передал по радио сигнал этой орбитальной станции и тот направил на Землю энергетический луч такой частоты, что почти все население планеты погибло?

Бёртон и сам-то это понимал с трудом, ибо в его время еще не существовало таких вещей, как радио или космические корабли.

Теперь настала очередь Метузаэля смотреть во все глаза. Уставясь на Моната, он спросил:

— Неужто он такой могучий чародей? Он убил всех этих людей своей силой?

Бёртон подумал, а не воспользоваться ли несуществующими магическими силами Моната в качестве рычага для оказания давления на вождя? Может быть, ему удастся выторговать лодку и

«дармовые» граали у этого дикаря, ежели его немножко припугнуть? Но хоть Метузаэль и невежествен и, возможно, даже сумасшедший, но он отнюдь не глуп. Он тут же спросит, почему Монат не защитил «Хаджи-2» от крушения, а своих компаньонов — от ран и увечий. Он может даже спросить, зачем Бёртону лодка, если Монат наверняка может наградить их способностью летать по воздуху.

— Да, он убил их, — сказал Бёртон. — И тоже проснулся на этих берегах, не зная, ни как, ни почему. Его магические инструменты, конечно, остались там — на Земле. Однако он утверждает, что если когда-нибудь найдет нужные ему материалы, то вновь обретет былую силу и станет опять так же могуч и опасен, как был когда-то. И тогда те, кто обижал его и смеялся над ним, получат вескую причину для беспокойства.

Пусть Метузаэль как следует прожует эту приманку.

Метузаэль улыбнулся и ответил:

— А к этому времени...

Бёртон понял. К этому времени плот давно исчезнет отсюда.

— А кроме того, Рашбуб защитит своих сынов. Бог сильнее человека, сильнее даже демона со звезд.

— Тогда почему же Рашбуб не предотвратил крушения плота? — спросил Бёртон.

— Не знаю, но уверен, что он придет ко мне во сне и скажет почему. Ничего не случится с народом Рашбуба без его соизволения.

Метузаэль ушел. Бёртон вернулся в хижину, чтоб проверить состояние своих людей. Казз выходил из хижины, как раз когда Бёртон собирался войти внутрь. Казз снял все свои одежды, кроме килта, обнажив волосатое приземистое тело с могучей мускулатурой. Его голова сидела на слегка наклоненной вперед бычьей шее. Лоб низкий и сильно скошенный, череп длинный и узкий, лицо широкое. Надбровные дуги мощные, костистые, под ними в глубине горят хитрые темные глаза. Нос расплющенный, но с вывороченными ноздрями. Челюсти тоже мощные, выпирающие; рот с тонкими губами. Массивные руки выглядят так, будто могут стереть в порошок камень.

Несмотря на такую пугающую внешность, он вряд ли заслуживал бы где-нибудь в Ист-Энде во времена Бёртона большего, чем случайный взгляд; разумеется, если б он был одет как положено.

Его полное имя звучало так: Каззинтуитруаабемсс, что означало на его родном языке «Человек-Который-Убил-Белозубого».

— В чем дело, Бёртон-нак?

— Ты и Монат идите со мной.

Оказавшись в хижине, Бёртон прежде всего справился о самочувствии остальных. Алиса и Фрайгейт сказали, что смогли бы ходить, а вот бегать — никак. Положение Логу было очевидно. Боли она не чувствовала, так как получила порцию мечтательной резинки, но ее здоровье вряд ли могло восстановиться раньше чем через четыре-пять дней. Такой срок требовался для срастания

костей. Фантастическая скорость заживления ран в Мире Реки зависела от неизвестных факторов, возможно, даже от состава пищи.

Какова бы ни была причина, кости срастались, зубы и глаза регенерировали, разорванные мышцы и обожженная плоть восстанавливались с такой быстротой, которая поначалу бесконечно удивляла жителей Долины. Теперь же они смотрели на это как на дело вполне обычное.

Не успел еще Бёртон разъяснить своим людям ситуацию, как в хижине появились двенадцать вооруженных мужчин. Их командир объявил, что у него есть приказ высадить их всех на остров. Два человека положили Логу на носилки и вынесли наружу. Фрайгейт при поддержке Казза и Моната захромал вслед. Они с трудом пробрались через завалы бревен и спустились на берег. Здесь их встретили туземцы-ганопо — рассерженные, но бессильные что-либо предпринять.

Логу унесли в хижину, и стражи удалились после того, как командир предупредил Бёртона и его команду, что им следует держаться подальше от плота.

— А если мы не захотим? — громко спросил Бёртон.

— Тогда вас швырнут в Реку. И, возможно, с камнем, привязанным к ногам. Всемогущий Рашбуб повелел нам не проливать крови, за исключением случаев самообороны. Но он нисколько не возражал против того, чтобы топить наших врагов в воде.

Незаметно до дневной разрядки питающих камней Бёртону доставили запас вяленой рыбы и желудевого хлеба.

— Метузаэль говорит, что это спасет вас от голодной смерти, пока вы не научитесь сами ловить рыбу и печь хлеба.

— Свою благодарность приберегу, чтоб вручить ему лично, — сказал Бёртон командиру, — хотя, возможно, ему может не понравиться форма вручения.

— Это пустая угроза, — спросил Монат, — или ты планируешь действительно отомстить ему?

— Месть не входит в число моих любимых занятий, — ответил Бёртон, — однако я позабочусь, чтоб мы не остались без граалей.

Прошло два дня. Передняя часть плота все еще лежала на берегу. Завал бревен был расчищен, и плот на несколько метров сдвинулся к воде. Это была тяжелая и нудная работа. Все обитатели плота, за исключением вождя, толкали нос плота с помощью тонких бревен, игравших роль рычагов. С восхода до заката солнца из сотен глоток рвались вавилонские слова, означавшие: «А ну, взяли! Раз, два, три, взяли!»

Каждое массовое усилие давало лишь ничтожную подвижку неизменно тяжелого плота к воде — возможно, на миллиметр или около того всего лишь. Часто камни, просунутые между скальным основанием пляжа и головными бревнами плота, начинали скользить, и тогда плот под воздействием течения снова наползал на берег. Несколько раз клинья выскальзывали, и все достигнутое шло насмарку.

Поскольку ветер дул с низовьев, паруса на мачтах были развернуты. Метузаэль надеялся, что ветер, дующий против течения, создаст некоторые преимущества для его плотовщиков. Эта теория наверняка сработала бы, если б не то, что высокая гора острова загромождала плот от бриза.

К утру третьего дня плот удалось сдвинуть примерно на метр. При таких темпах плотовщикам нужно было еще дней семь, чтобы освободить его окончательно.

Между тем ганопо тоже не сидели сложа руки. Поскольку им не удалось выпросить лодку у Метузаэля, они послали на берег Реки четырех самых лучших пловцов. Тем удалось добраться до правого берега, где они объяснили ситуацию и получили во временное пользование небольшую парусную лодку. Вернулись же они с целым флотом из двадцати судов, в которых сидели вождь местного племени и его лучшие воины. Главный вождь — высокий индеец-шауни — огляделся и приступил к совещанию с ганопо. Бёртон и Монат тоже присутствовали на этой конференции.

Разговор был долгий, ганопо жаловались, давались многочисленные советы; Бёртон тоже произнес речь. Он рассказал о большом складе различных товаров на плоту, но намеренно не упомянул о «дармовых» граалях, ограничившись лишь предположением, что вавилоняне, возможно, согласятся расстаться с частью своих богатств, если местные жители выделяют им в помощь достаточно людей, чтобы скорее спустить плот на воду. Шауни решил, что мысль неплоха. Он поговорил с Метузаэлем, который был вежлив, но ответил, что в помощи не нуждается. Весьма недовольный шауни вернулся на остров.

— Эти горбоносые — без всякого понятия, — сказал он. — Неужели они не понимают, что мы можем отобрать у них все, чем они владеют, не дав ничего взамен? Они поломали лодки и причалы ганопо и не предложили им в возмещение ни шиша. Они потопили корабль приезжих, который строился целый год и обошелся в неимоверное количество табака и огненной воды, ибо за дерево, из которого он был построен, пришлось платить. Они стали причиной смерти одного из членов команды, а также потери граалей приезжих. А ведь человек без грааля — все равно что мертвый человек.

И что они предлагают в уплату? Ничего! Они издеваются над ганопо и приезжими. Они недобрые люди и как таковые достойны сурового наказания.

— Не говоря уж о тех драгоценных товарах, которые достанутся вождю и его приятелям, — пробормотал Бёртон Монату по-английски.

— Что ты сказал? — спросил вождь.

— Я сказал своему другу — человеку со звезд, — что ты обладаешь мудростью и знаешь, что хорошо и что плохо. И то, что ты сделаешь с горбоносыми, верно и справедливо, и Великий Дух улыбнется тебе.

— На твоём языке можно сказать многое в немногих словах.

— Язык моего племени не раздвоен.

Хотя шауни и не сказал, что он намерен сделать, но Бёртону было ясно, что он планирует вооруженный набег. И, возможно, этой же ночью.

Бёртон созвал своих людей в хижину, в которой жил.

— Не стоит впадать в уныние. Я думаю, мы в конце концов получим граали и перестанем быть нищими. Однако сегодня ночью нам придется потрудиться. Как вы насчет этого — Логу, Пит, Алиса? Чувствуете ли вы себя достаточно хорошо, чтоб принять участие в нашей акции? Возможно, весьма боевой акции?

Все трое ответили, что ходить они смогут... Однако бегать пока не в состоянии.

— Ладно. Вот что нам предстоит сделать, если с вашей стороны не будет возражений. Если вы пойдете на это, мы добьемся успеха.

ГЛАВА 20

Они съели свой жалкий ужин — рыбу и хлеб, от которых их затошнило еще до того, как был проглочен первый кусок. Ганопо, однако, были настолько добры, что подарили им несколько сигарет и дали столько самогонки из лишайников, сколько они могли выпить. Прежде чем уйти в свою хижину и предаться, как можно было предположить, сну, Бёртон прогулялся по берегу. Вавилоняне либо скрылись в хижинах, либо сидели небольшими группами на пороге хижин и болтали. Они безумно устали от трехдневного тяжелого, изнуряющего труда и вскоре тоже должны были отправиться спать. Кроме, разумеется, стражей, стоявших на краю плота. Эти зажгут свои смолистые сосновые факелы, пропитанные рыбьим жиром, и будут ходить взад и вперед под этой иллюминацией, ожидая смены караула.

Самые большие группы собрались на носовой части плота. Метузаэль поместил их там, опасаясь, что люди Бёртона попробуют проникнуть на борт и украсть их товары. Маленькие смуглые люди внимательно наблюдали за Бёртоном, когда он вразвалочку проходил мимо. Он улыбнулся и помахал им рукой. Ни один не ответил на его приветствие.

Проверив обстановку, Бёртон вернулся в свою хижину. По пути он набрел на вождя ганопо, сидевшего на пороге своего жилища и курившего табак из маленького бриара, которые граали дарили раз в год.

Бёртон присел возле него на корточки.

— Я подумал, о вождь, что сегодняшней ночью плотовщиков может ожидать большой сюрприз.

Вождь вынул изо рта трубку и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Вполне возможно, что вождь племени, живущего на северном берегу, намечает напасть на них. Ты ничего не слыхал об этом?

— Ни словечка. Великий вождь Шааунивааки мне не доверился. Однако я не удивился бы, если б и он, и его воины возмутились теми бедами и оскорблениями, которые мы — ганопо, находящиеся под его покровительством, понесли от этих горбоносых.

— А если бы они и в самом деле затеяли этот рейд, о котором мы говорим, то в какое время они скорее всего могут его осуществить?

— В старинные времена, когда Шааунивааки воевал против людей на южном берегу, он обычно пересекал Реку перед рассветом. В это время туман еще очень густой и приближение воинов остается незамеченным. Зато вскоре после высадки солнце восходило и туман сгорал в его лучах. Тогда Шааунивааки мог хорошо видеть место, куда следует нанести удар.

— Вот и я так думаю, — сказал Бёртон. — Меня, однако, сильно беспокоит одна вещь. Пересечь Реку или даже небольшое озеро в тумане и найти другой берег — дело нетрудное. А этот остров мал, и его в тумане разыскать нелегко. Правда, вершина пика поднимается очень высоко, но участники-то нападения будут в тумане и все равно не смогут ее увидеть.

Вождь положил в свою трубку уголек и сказал:

— Это не мои проблемы.

— На вершине есть небольшая площадка, — продолжал Бёртон, — она обращена к северному берегу Реки, но выступы скалы мешают плотовщикам видеть ее. Эти же выступы прикроют от них огонь костра. Костра, свет которого даже сквозь туман сможет увидеть любой человек, находящийся на Реке к северу от острова. Может быть, именно поэтому несколько мужчин из племени ганопо целый день таскали охапки бамбука и сосновых веток на эту площадку?

Вождь широко ухмыльнулся:

— Ты любопытен, как горный кот, и зорек, как ястреб. Однако я пообещал вождю Шааунивааки никому не говорить ни слова об этих делах.

Бёртон встал.

— Я понял. Спасибо за гостеприимство, вождь, неважно, увижу я тебя еще раз или нет.

— Если не в этом мире, то в другом мы обязательно встретимся. Заснуть этой ночью было очень трудно. Провертевшись несколько часов с боку на бок, Бёртон с удивлением вдруг обнаружил, что его будит Монат. Бёртон освободил плечо от четырехпалой кисти арктурианца и вскочил. Монат, который тоже происходил с планеты с двадцатичетырехчасовым периодом обращения вокруг своей оси, обладал биологическим хронометром, и Бёртон доверил ему разбудить себя и других в нужное время.

Люди Бёртона уже встали и, тихонько переговариваясь, готовили растворимый кофе. Кристаллики кофе — дар островитян, — растворяясь в воде, одновременно доводили ее до кипения.

Повторив еще раз детали своего плана, они вышли наружу и прежде всего облегчились. Хижина была такой высоты, что крыша поднималась над пеленой тумана, что позволило им различить слабый красноватый отблеск на вершине пика. Шааунивааки, даже находясь в тумане, сможет увидеть его как слабое сияние. А этого ему будет вполне достаточно.

Фрайгейт и Бёртон были единственными, кто в момент гибели «Хаджи-2» был полностью одет. На остальных сейчас были покрывала, одолженные у ганпо. Закутанные в них с ног до головы, моряки Бёртона скрылись в густом тумане. Впереди шел Бёртон; он держал Алису за руку, Алиса — Фрайгейта и так далее — до последнего. Руководствуясь своим необыкновенным чувством направления, Бёртон вывел их к кромке воды. Теперь им стал виден тусклый огонь факелов в серой вате тумана.

Бёртон вытащил свой кремневый нож. У Казза была дубина, сделанная из соснового сука с помощью ножа, одолженного у кого-то из ганпо. Нож Фрайгейта отдали неандерталке Бесст. Остальные были безоружны.

Бёртон осторожно пробирался вперед, пока не очутился у края плота. Между факелами, расположенными вдоль этого края, были довольно большие промежутки, позволившие ему проскользнуть на плот необнаруженным стражей. Он продолжал ползти, пока не оказался за пределами видимости и слышимости стражников. Там он и ждал, пока к нему по одному не присоединятся остальные.

— Это была самая легкая часть дела, — шепнул он. — С этой минуты мы сами будем как слепые, пока не доберемся до какого-нибудь факела. Я помню наизусть расположение построек и лодок, но в этом тумане... а, да ладно, следуйте за мной.

Несмотря на его заверения, ему пришлось довольно долго блуждать в тумане. Затем перед ним внезапно возникла фигура черного идола с костром, горящим в пустотелом брюхе. Бёртон постоял с минуту, определяя приблизительное число шагов от статуи до здания, где хранились граали.

— Я вижу какой-то свет справа от меня, — сказал Казз.

Стараясь держаться правее факелов, Бёртон повел свою команду дальше, пока не увидел наконец квадратные стены и коническую крышу склада. От фасада здания доносились голоса стражей, говорящих тихо и время от времени, чтоб согреться, постукивающих по доскам палубы ногами. Подойдя к зданию с тыла, для чего Бёртону пришлось идти, касаясь пальцами стен, отряд там и остановился.

Из складок одежды Бёртон вынул свернутую в кольца кожаную веревку, которую одолжил у вождя ганпо (тот, к счастью, даже не поинтересовался, для какой такой надобности она нужна). Монат и Фрайгейт несли такие же веревки. Бёртон связал концы всех трех кусков, чтобы получить одну — длинную. Алиса взялась за один конец, а Бёртон с Фрайгейтом, Монатом, Логу и Каззом исчезли в темноте. Бёртон помнил, что у борта плота, прямо напротив склада,

находится стойка для лодок. На этот раз он уверенно вышел прямо к цели.

Дав знак своим спутникам двигаться медленно и бесшумно, он сумел снять с подставки большое каноэ. Оно могло вместить около десятка человек и, хоть было сделано из легкой сосны и рыбьей кожи, весило немало.

После того как каноэ спустили на воду и в него погрузили весла, все вернулись назад, кроме Логу. Ее обязанность состояла в том, чтоб не дать течению унести каноэ.

Держась за веревку, они быстро вернулись к складу.

И в ту же минуту Казз покряхтел и сказал:

— Идут чужие!

Огни факелов приближались.

— Это смена караула, — шепнул Бёртон.

Теперь им снова пришлось перейти на другую сторону здания, так как четыре вооруженных человека шли прямо на них.

Бёртон взглянул вверх. Это его воображение, или же туман сверху действительно стал чуть посветлее?

Пришлось ждать. Кое-кто из них даже покрылся потом, несмотря на влажный холодный воздух. Часовые обменялись десятком фраз, часть которых наверняка представляла собой грубые солдатские шуточки, судя по смешкам, а затем сменившиеся с поста попрощались и ушли. По факелам было видно, что двое пошли к хижинам на носу, а двое двинулись в противоположном направлении, заставив затаившихся десантников быстро отступить.

Бёртон, выглянув за угол, шепнул:

— Эти двое разделились. Казз, тебе не кажется, что ты мог бы справиться с одним из них?

— О чем говорить, Бёртон-нак, — ответил Казз и тут же скрылся.

Оба факела уже почти исчезли из виду, когда Бёртон увидел, что один из них упал. Мгновение спустя его подняли, и теперь он разгорался по мере приближения к Бёртону и его группе.

К этому времени Бёртон уже перешел вместе со своими людьми от боковой стенки к задней стене склада. Он не хотел, чтоб часовой, зайдя за угол, увидел там горящий факел.

Казз откинул свой капюшон. Его большие, похожие на костяшки домино зубы сверкнули в свете факела. В одной руке он держал тяжелое дубовое копьё с насаженным на конец рогом «рогатой рыбы»; копьё он отобрал у часового. На поясе Казза висел кремневый нож, насаженный на тяжелую деревянную рукоятку, и топор из сланца. Это оружие он передал Алисе и Фрайгейту. Дубина неандертальца перешла к Монату.

— Надеюсь, ты не убил его? — шепнул Монат.

— Все зависит от толщины его черепа, — ответил Казз.

Монат поморщился. Он страдал почти патологическим отвращением к насилию, хотя в случае самозащиты становился беспощадным бойцом.

— Нога тебе не помешает? — спросил Бёртон. — Как думаешь, ты сумеешь бросать топор с той же меткостью, что и прежде?

— Думаю, смогу, — ответил Фрайгейт. Его трясло, хотя, если бы начался бой, он сразу же почувствовал бы себя уверенней. Подобно артурианцу, он очень не любил рукопашные схватки.

Бёртон объяснил, что надо делать, а затем повел Казза и Алису вдоль боковой стены по направлению ко входу. Все остальные собрались у противоположного угла.

Бёртон выглянул из-за угла. Четыре стража стояли кучкой, лицом друг к другу, и разговаривали. Спустя минуту из-за угла показался свет факела. Стражи не замечали его до тех пор, пока факел не оказался почти рядом с ними. Как только Бёртон увидел, что они обернулись в ту сторону, и услышал их оклик, он начал действовать.

Казз, чье лицо было скрыто капюшоном, оказался вплотную к стражам раньше, чем они приказали ему остановиться. Возможно, часовые думали, что он из числа только что смененных, который почему-то решил вернуться.

К тому времени когда ошибка обнаружилась, для них все уже кончилось. Казз перехватил свое копьё чуть повыше наконечника и, используя его как дубину, ударил древком одного из солдат по шее.

Бёртон, держа нож в левой руке, врезал ребром правой ладони по шее другому часовому. Он не хотел убивать, потому и кровожадному Каззу приказал по мере возможности не пользоваться острием копьё.

Из серой тьмы вылетел топор Фрайгейта и попал прямо в грудь третьего стража. То ли топор был брошен неточно, то ли Фрайгейт хотел избежать убийства. Если последнее, то бросок был просто великолепен. Топор попал в часового не лезвием, а обухом, и тот рухнул на бревна, лишившись на время способности дышать. Прежде чем он ее обрел снова, он опять упал на пол от страшного пинка Бёртона, пришедшегося ему прямо в висок.

Одновременно со всеми остальными свой удар нанес и Монат — четвертый страж рухнул от удара в голову.

На мгновение все смолкли, прислушиваясь, не проснулся ли кто-нибудь от шума битвы. Затем подняли с пола факелы, и Бёртон отодвинул дверной засов.

Тела стражников втащили внутрь, где Монат бегло осмотрел их.

— Все хорошо. Будут жить.

— Кое-кто из них может оправиться раньше чем надо, — отозвался Бёртон. — Приглядывай за ними, Казз.

От поднял факел, осветив полку с граалями и «дармовщинами».

— Мы теперь больше не нищие.

Бёртон колебался. Надо ли взять только семь граалей? А почему бы не все тридцать? Лишние могут пригодиться, чтобы получить бревна и паруса для строительства нового корабля. «Честь, а не

почести» — это был его девиз, но ведь сейчас речь шла не о воровстве, а о возмещении нанесенного ущерба.

Он отдал приказ, и каждый взял по пять граалей. Один грааль ручкой цеплялся за шею, так что свисал на спину, а по два надевались, тоже ручками, на каждую руку. Затем они покинули склад, закрыли дверь и, держась за кожаную веревку, вышли к каноэ. Факел они бросили у дверей склада.

Логу спросила:

— А разве время индейской атаки еще не наступило?

— Оно давно прошло, — ответил Монат.

Нагрузив каноэ, они принялись грести, чтоб уйти подальше от плота. Их путь лежал к южному берегу, вдоль которого они намеревались до самого рассвета плыть вверх по течению. Бёртона беспокоили лишние граали. Если местные власти их обнаружат, то вполне могут конфисковать. И даже если они этого не сделают, то разные ворюги запросто могут попытаться спереть такую ценность.

Была лишь одна возможность спрятать граали. Лишние граали наполнили водой, разрезали веревку на части и привязали к каждой рукоятке по куску. Другой же конец веревки был привязан к шпангоутам каноэ, для чего веревки пропустили через отверстия в коже лодки.

Вес каноэ, конечно, увеличился, но, к счастью, они были уже вблизи берега. Остановку сделали вблизи нескольких причалов, расположенных неподалеку от питающего камня; каноэ привязали к одному из столбов, на которых держался док.

Все уселись под грибом и стали ждать. Восход наступил, а вместе с ним появились и сотни местных жителей. Экипаж Бёртона представился и попросил разрешения воспользоваться питающим камнем. Просьба была с радостью удовлетворена, поскольку местные жители были народом мирным. Больше того, странникам они обрадовались как источнику сплетен и новостей.

Туман исчезал под лучами солнца. Бёртон поднялся на верхушку гриба и поглядел в сторону островного пика. Остров лежал примерно в двух с половиной морских милях, а с учетом высоты, на которой стоял Бёртон, горизонт раздвинулся до четырех миль. Бёртон прекрасно видел большие строения и идола, но ожидаемых языков пламени под зданиями и идолом не наблюдалось. Возможно, Шааунивааки все же не поджег их. Вполне возможно, что индейцы решили сохранить плот в целости, пока не вытащат его целиком на берег и не демонтируют. Дерево тут стоит дорого.

Вместо того чтобы отплыть в тот же день, Бёртон решил дать всем отдых. И как раз в полдень на берегу появился отряд ганопо и среди них сам вождь. Бёртон расспросил его.

Вождь долго хохотал.

— Эти черепахоголовые шааунивааки каким-то образом умудрились проплыть мимо плота. Огней они так и не увидели, хотя почему, понять невозможно. Во всяком случае, они плавали вокруг да около несколько часов напролет, и когда туман ушел, то

обнаружили, что течение уволокло их к пятой скале вниз по течению от острова. Вот уж поистине куча болванов!

— А вавилоняне сказали вам что-нибудь насчет пропавшего каноэ? Не говоря уже о часовых, с которыми мы поступили не слишком вежливо:

Бёртон решил, что будет лучше не упоминать про граали. Вождь опять рассмеялся.

— Да, они в бешенстве выскочили на берег еще до того, как питающий камень запылал. Ужасно обозленные, хоть и не сказали нам почему. Они немножко поколотили нас, но ни синяки, ни оскорбления нас не огорчили, ибо мы были счастливы, что вам удалось выставить их дураками. Они тщательно обыскали остров, но, разумеется, вас не нашли. Зато они нашли пепел от костра и стали расспрашивать о нем. Я сказал, что это церемониальный огонь.

Они мне не поверили. Думаю, догадались о настоящей причине. Тебе не следует волноваться, что они пошлют за вами погоню. Все они, включая Метузаэля, напряженно ищат, чтоб снять плот с камней. Ведь им приходится опасаться сегодняшней ночной атаки.

Бёртон спросил вождя о причинах того, что шааунивааки не атаквали плот при свете дня. Они же легко могли разбить вавилонян.

— Это потому, что между племенами в этом районе существует соглашение защищать чужестранцев. До сих пор соглашение соблюдалось, и по очень серьезной причине. Все прочие племена обязаны идти войной на агрессора. Однако шааунивааки надеялись, что их нападение останется тайной. А если б их и обнаружили в качестве виновников, они могли бы ответить, что во всем вина плотовщиков, которые отказались выплатить компенсацию за нанесенный нам ущерб.

Не знаю. Вполне вероятно, что шааунивааки вообще откажутся от своего намерения. Хотя среди них немало таких, которые охотно примут участие в рейде просто ради забавы.

Бёртон так и не узнал, что случилось с вавилонянами. Он решил, что его собственной группе лучше отплыть в тот же день. Когда каноэ отправилось в путь, граали были вытащены из Реки, вода из них вылита, а сами цилиндры спрятаны на дне лодки.

ГЛАВА 21

Проплыв около 200 километров, Бёртон нашел наконец место, пригодное для закладки корабля. И дело тут было даже не в наличии строительного леса, ибо и сосны, и дуба, и тиса, и бамбука повсюду хватало. Главная трудность в эти времена заключалась в том, чтобы отыскать хорошие залежи кремня и кремневого сланца для изготовления орудий, нужных для рубки и обработки дерева. Даже в первые годы после воскрешения эти горные породы можно было найти лишь в немногих местах, одни из которых отличались

очень богатыми залежами, а другие были относительно бедны; на большинстве же территорий таких залежей вообще не было. Войны из-за месторождений кремней в прежние годы были довольно частым явлением.

Теперь этих минералов стало куда меньше. Несмотря на их твердость, кремневые орудия быстро снашивались, а об открытии новых месторождений никто и не слыхивал. В результате конец 32 года П. В. (после воскрешения) оказался практически концом строительства больших кораблей. Во всяком случае, так обстояло дело в странах, мимо которых проплывал Бёртон, и он предполагал, что и в других положение такое же.

Место, где он остановился, было одним из немногих, где еще сохранились значительные запасы нужных ему минералов. Местные жители — в большинстве индейцы-алгонкины* доколумбовой эпохи, тогда как меньшинство составляли пикты доримских времен, — были отлично осведомлены о ценности их залежей камня. Их вождь — меномини по прозвищу Оскас, яростно торговался с Бёртоном. В конце концов он заявил, что его окончательная и не подлежащая обсуждению цена составляет 7000 сигарет из табака, 500 из марихуаны, 2500 сигар, 40 коробок трубчатого табака и 8000 чашек спиртного. И еще он высказал пожелание трахаться вон с той блондинкой — Логу — через каждые пять суток или около того. На самом деле он хотел, чтобы это происходило каждую ночь, но боялся, что его остальные три жены будут недовольны таким оборотом дел.

Бёртону потребовалось время, чтобы оправиться от такого удара. Он сказал:

— Ну, это ее дело. Не думаю, чтобы она или ее мужчина согласились на подобную комбинацию. Да и в любом случае ты запросил чрезмерную цену. Это значит, что никто из моей команды не получит ни выпивки, ни табака в течение целого года.

Оскас пожал плечами:

— Что ж, если для вас это дорого...

Бёртон созвал совещание и изложил требования Оскаса. Казз возражал больше всех.

— Бёртон-нак, я прожил на Земле всю свою жизнь — сорок пять лет — без виски и без наркотиков. Но здесь я попался на этот крючок, и в тот день, когда я не получу ни того ни другого, я готов, по твоему выражению, полезть на стенку. Ты знаешь, что я пытался победить эту привычку несколько раз, но не успевала истечь неделя, как я начинал сожалеть, что не откусил свой язык раньше, чем произнес такое дурацкое обещание. Я делаюсь бешеным как пещерный медведь, занозивший лапу.

— Я этого не забыла, — сказала Бесст.

* Группа североамериканских индейских племен, связанных единством языка; меномини — одно из этих племен.

— Но, если у нас нет альтернативы, нам придется пойти на это, — возразил Бёртон. — Или мы сговоримся, или корабля не будет. Впрочем, у нас есть лишние граали.

Он вернулся к Оскасу и, после того как они выкурили по трубке, приступил к делу.

— Женщина с желтыми волосами и голубыми глазами говорит, что единственная часть ее тела, которая всегда к твоим услугам, это ее нога, которую тебе придется с большим трудом вытаскивать из своей задницы.

Оскас заржал и в восторге хлопнул себя по ляжке. Вытерев наконец слезы, он сказал:

— Плохо. Я люблю женщин с огоньком, но предпочитаю, чтобы огня было не чрезмерно много.

— Случилось так, что некоторое время назад мне достался «дармовой» грааль. Я готов обменять его на место, где смогу построить корабль, и на материалы, которые для него нужны.

Оскас не спросил, каким образом достался Бёртону, хотя, совершенно очевидно, полагал, что тот его где-то спер.

— Ну, если так, — ответил он, широко улыбаясь, — то считай, что мы договорились! — Он вскочил. — Я позабочусь, чтоб все было подготовлено немедленно. А ты уверен, что та блондинка не набивает себе цену?

Вождь отнес грааль в блокгауз Совета и добавил его к двадцати одному «дармовому» граалю, которые уже хранились там. Их собирали в течение многих лет для блага самого вождя и его приближенных.

В этом мире, как и повсюду, выдающиеся люди заботились о том, чтоб получать выдающиеся привилегии.

На строительство одномачтового парусного куттера ушел целый год. Когда он был готов наполовину, Бёртон решил не называть его именем обоих предшественников — «Хаджи-1» и «Хаджи-2». Оба плохо кончили, а Бёртон, хотя и отрицал это, был суеверен. После обсуждения вопроса с командой было решено, что лучше всего подходит имя «Снарк».

Алисе это название понравилось потому, что напоминало ей о дружбе с Льюисом Кэрроллом, и она полностью согласилась с Фрайгейтом, что оно лучше всего подходит к ситуации. Улыбаясь, она процитировала отрывок из «Охоты на Снарка»:

Он с собою взял в плавание карту морей,
На которой земли — ни следа;
И команда, с восторгом склонившись над ней,
Дружным хором воскликнула: «Да!»

Для чего в самом деле полюса, параллели,
Зоны, тропики и зодиаки?
И команда в ответ: «В жизни этого нет,
Это чисто условные знаки!»

На обыденных картах — слова, острова,
Все сплелось, перепуталось — жуть!
А на нашей, как в море, одна синева,
Вот так карта — приятно взглянуть!»*

Бёртон расхохотался, но в глубине души затаил сомнение — уж не подсмеивается ли Алиса над его капитанскими способностями? В последнее время они все чаще ссорились друг с другом.

— Будем надеяться, что наше плавание на новом корабле не превратится в еще одну агонию в восьми воплях!** — воскликнула Алиса.

— Что ж, — ответил ей Бёртон, оскалив зубы в жесткой ухмылке, — во всяком случае, ваш Балабон разбирается в деле достаточно туго, чтобы не смешивать бушприт с румпелем***. А кроме того, — продолжал он, — существует сорок второе правило в Морском кодексе: *«Запрещается кому бы то ни было мешать болтовней рулевому»*.

— Что, — ответила Алиса уже без всякой улыбки, — придумано самим Балабоном, ибо *«и рулевой не имеет права болтать ни с кем»*.

Все почувствовали себя неловко. Они давно уже ощущали напряженность в отношениях Бёртона и Алисы и с опаской ожидали, не последует ли за этим взрыв эмоций со стороны их страшно вспыльчивого капитана.

Монат, желавший сгладить неловкость, засмеялся и воскликнул:

— Я хорошо помню эту поэму. Меня особенно поразил Вoplex шестой — «Сон Барабанщика».

Ах да, там судили козу за то, что она осквернила воду в реке, и Снарк, одетый в мантию, парик и прочие регалии, ее защищал.

Снарк (защитник) в конце выступления взмок —
Говорил он четыре часа;
Но никто из собравшихся так и не смог
Догадаться, при чем тут коза.

Монат остановился на секунду, закрыл глаза и воскликнул:

* Льюис Кэрролл. «Охота на Снарка». Пер. с англ. Г. Кружкова.

** Полное название поэмы — «Охота на Снарка. Агония в восьми воплях».

*** Бёртон намекает на строфу поэмы, которая в русском переводе Г. Кружкова звучит так:

И когда иногда, вдохновеньем бурля,
Он кричал: «Заворачивай носом!
Носом влево, а корпусом — право руля!»
Что прикажете делать матросам?

— Вспомнил! Вот оно четверостишие, которое меня особенно поразило:

Но тюремщик, роняя слезу на паркет,
Поуменьшил восторженность их,
Сообщив, что козы уже несколько лет,
К сожалению, нету в живых.

Все громко рассмеялись, а Монат заметил:

— Каким-то образом это четверостишие представляет квинт-эссенцию земного правосудия, так сказать, его букву, а не Дух.

— Извини, — сказал Бёртон, — но как за такое короткое пребывание на Земле ты умудрился не только так много прочесть, но еще и запомнить?

— «Охота на Снарка» — поэма. А я верю в то, что понять человеческую натуру можно скорее через поэзию и художественную литературу, нежели через так называемую «литературу факта». Вот почему я взял на себя труд запомнить эту поэму наизусть.

Кстати, мне ее дал один друг-землянин. Он сказал, что она — одно из величайших творений метафизики, которыми может похвалиться человечество. Он спросил, есть ли у арктурианцев что-либо достойное сравнения с ней.

— Наверняка он подшутил над тобой, — вмешалась Алиса.

— Не думаю.

Бёртон покачал головой. Он был страстным читателем, а память имел просто фотографическую. Но он прожил на Земле 69 лет, тогда как арктурианец всего лишь с 2002 по 2008 год. И все же за те годы, которые они провели в совместных плаваниях, Монат проявил объем знаний, который ни один землянин не мог бы приобрести и за столетие.

Разговор кончился, ибо наступило время работать — строить корабль. Бёртон, однако, не забыл того, что он счел подпущенной ему Алисой шпилькой. Он поднял этот вопрос сразу же, как только они стали ложиться спать.

Алиса смотрела на него большими темными глазами, глазами, которые казались погруженными в какой-то совсем иной мир. Она уже почти целиком ушла в него, когда Бёртон накинулся на нее с упреками, причем видимая отключенность Алисы от реальности довела гнев Бёртона до белого каления.

— Нет, Дик, поверь, я вовсе не хотела тебя обидеть. Во всяком случае, сознательно.

— Значит, ты делала это подсознательно, не так ли? Это тебя никак не оправдывает! Не наберешься же ты нахальства, чтоб заявить, что не умеешь контролировать эту часть своей души! То, о чем думает твое подсознание, — такая же часть тебя самой, как и твое сознание. Хуже того! Ты можешь отогнать свои осознанные мысли, но все равно будешь верить именно тому, во что верит твое «я», глубоко запрятанное в глубинах души.

Бёртон расхаживал взад и вперед по каюте, его лицо в слабом свете маленького каменного очага казалось лицом демона из преисподней.

— Изабель обожала меня, но она не боялась вступать со мной в самые жаркие споры, когда она считала, что я делаю что-то не то. Но ты... ты прячешь протест в себе до тех пор, пока он не превращает тебя в злобную суку, и все же не находишь в себе мужества выложить эти мысли. И этим только ухудшаешь дело.

Нет ничего плохого в доброй ссоре, пусть с криками, пусть с оскорблениями. Она похожа на грозу — страшную, пока длится, зато, когда она уходит — воздух чист и дышится легко.

Твое несчастье в том, что тебя воспитывали, чтобы сделать настоящей леди. В гневе ты никогда не повысишь голос, ты всегда должна быть спокойной, выдержанной и собранной. Но та потаенная суть, то подсознание, которое ты унаследовала от обезьяньих предков, оно пытается вырваться за решетку своей клетки. И время от времени оно принимается терзать тебя. Но ты не желаешь признаваться в этом.

Алиса вдруг утратила свой сонный взгляд и закричала:

— Лжец! И нечего совать мне под нос своих жен! Мы договорились, что никогда не станем сравнивать друг с другом своих прежних супругов и супруг, а ты это делаешь каждый раз, когда на тебя нападает охота разозлить меня! Это неправда, что во мне мало страсти! И уж кому, как не тебе, знать это... и я говорю не только о постельных делах!

Но я не собираюсь приходить в бешенство из-за каждого неловкого слова или ерундового тривиального эпизода. Когда я бешусь, то, значит, того требует ситуация! Значит, она такова, что из-за нее следует разозлиться! А ты... ты находишься в состоянии постоянного бешенства.

— Это ложь!

— Я никогда не лгу!

— Давай вернемся к началу разговора, — крикнул он. — Что тебе не по душе в моих действиях как капитана и руководителя?

Алиса закусил губу, а потом сказала:

— Во всяком случае не то, как ты ведешь корабль или как обращаешься со своей командой. Это дело очевидное — ты выполняешь свои обязанности превосходно. Нет, меня беспокоит контроль, вернее, его отсутствие над самим собой.

Бёртон сел и сказал:

— Выкладывай! Растолкуй мне, о чем ты говоришь.

Она наклонилась на стуле так, что ее лицо оказалось почти вровень с его лицом.

— Во-первых, ты не можешь заставить себя побыть на одном месте больше недели. Не успеют истечь первые три дня, как тебя уже трясет лихорадка. На седьмой день ты уже мечешься взад и вперед, как тигр в своей клетке; и как лев, кидаешься на прутья.

— Будь добра, оставь свои зоологические аналогии, — сказал он. — А кроме того, как тебе известно, на этом месте я нахожусь уже почти год.

— Да, пока ты строил корабль. Пока ты был занят проектом, который даст тебе возможность путешествовать быстрее, чем можно идти пешком. Но и в этом случае ты все время совершал короткие походы. А нас бросал тут строить корабль.

Тебе надо было видеть и это и то, надо было выяснить, есть ли правда в каких-то слухах, познакомиться со странными обычаями, изучить неизвестный тебе язык. Причины не столь важны. Тебе важно было иметь лишь повод для отъезда.

У тебя ржавеет душа, Дик. Мне кажется, именно это слово правильно передает твоё состояние. Ты не можешь долго сидеть на одном месте. И вовсе не место повинно в этом. Дело в тебе самом, ты не можешь выносить именно себя. Ты должен бежать, чтобы убежать подальше от себя самого.

Бёртон вскочил и снова стал прохаживаться взад и вперед.

— Ты говоришь, что я не могу выносить себя самого. Ах, какой я несчастный человек! Я не люблю себя, и это значит, что и меня никто вообще не может полюбить.

— Чушь!

— Да, именно так. Все, что ты говоришь, — полная мусть!

— Нет, мусть не в том, что я говорю, она — в тебе!

— Но если ты не выносишь меня, то почему бы тебе тогда не расстаться со мной навсегда?

По её щекам покатались слезы, и она шепнула:

— Я люблю тебя, Дик.

— Но не настолько, чтобы выносить кое-какие мои пустяковые странности? Верно?

Она вскинула руки.

— *Пустяковые?!*

— Да, у меня лихорадка странствий. Ну и что? Разве ты бы стала надо мной насмехаться, если б у меня действительно была какая-нибудь болячка, ну, скажем, сыпь или что?

Алиса чуть заметно усмехнулась:

— Нет. Я бы сказала тебе, как от нее избавиться. Но это не просто лихорадка, Дик. Это что-то такое, что сильнее тебя.

Она встала и закурила сигарету. И сунула ее Бёртону прямо под нос.

— Погляди-ка на нее. В годы моего пребывания на Земле я никогда не осмелилась бы закурить или даже подумать о куреве. Леди не полагается делать такие вещи. Особенно леди, чей муж происходит из поместного дворянства, а отец — епископ англиканской церкви. И такая леди никогда не пьет крепких алкогольных напитков и не бранится. И уж никогда бы ей не пришла мысль искупаться голышом.

Но вот я здесь — Алиса Плэзнс Лидделл Харгривз из поместья Каффнеллз — самая настоящая викторианская аристократка, кото-

рая делает все перечисленное выше и даже больше того. Под этим «больше»... я... имею в виду те маленькие фокусы, которыми я занимаюсь в постели и на которые французские романы — любимое чтение моего мужа — не осмелились бы даже намекнуть!

Я изменилась. Почему же не можешь измениться и ты?

Сказать по правде, Дик, мне ужасно опротивело путешествовать, надоело все время двигаться куда-то, обрыдло ютиться на крошечном кораблике, никогда не зная, что принесет завтрашний день. Я не трусиха — ты знаешь это. Но я жажду оказаться в таком месте, где говорят по-английски, где живут люди моего круга, где царит мир, где я могу поселиться, пустить корни. Я *так устала* от бесконечных странствий.

Бёртона растрогали ее слезы. Он обнял ее за плечи и сказал:

— Что же мы можем поделать? Я должен идти вперед. Моя...

— Твоя Изабель? Я не Изабель. Я — Алиса. Я действительно люблю тебя, Дик, но я не могу быть твоей тенью, сопровождая тебя повсюду, куда идешь ты, присутствуя там, где есть свет, и исчезая, когда наступает вечер, не могу быть твоим придатком.

Алиса встала, чтобы положить наполовину выкуренную сигарету в пепельницу из обожженной глины. Повернувшись к Бёртону, она произнесла:

— Но есть и еще кое-что! Есть еще нечто, что страшно тревожит меня. Мне больно, что ты не полностью доверяешь мне. У тебя есть тайна, Дик, тайна, спрятанная где-то глубоко-глубоко, очень мрачная тайна...

— Тогда, может, это ты расскажешь мне о ней — мне-то ведь нечего сказать тебе по этому поводу.

— Не лги! Я слышала, как ты говорил во сне. Это что-то связанное с этиками, верно? Что-то случилось с тобой, что-то, о чем ты никому не рассказал за все годы нашей с тобой разлуки.

Я слышала, как ты бормотал что-то о каких-то пузырях, о самоубийстве, повторенном 777 раз. И слышала имена, которые ты ни разу не упомянул днем. Лога. Танабар. И ты говорил об Иксе и Таинственном Незнакомце. Кто эти люди?

— Только тот, кто спит в одиночестве, может хранить секреты, — отозвался Бёртон.

— Но почему ты не можешь мне рассказать об этом? Неужели ты не веришь мне? После всех этих лет?

— Сказал бы, если б мог. Но это было бы слишком опасно для тебя. Поверь мне, Алиса, я не говорил тебе ничего только потому, что не могу этого сделать. И в первую очередь ради тебя самой же. И не будем спорить. Я не отступлю, и разозлюсь, если ты будешь продолжать выпытывать у меня.

— Ладно, будь по-твоему. Но тогда держи свои лапы от меня подальше сегодня ночью.

Бёртон долго не мог уснуть. Ночью он проснулся от звука собственного голоса. Алиса сидела, не отводя глаз от его лица.

ГЛАВА 22

Оскас, как всегда полупьяный, посетил Бёртона как раз в час ленча. Бёртон против визита ничего не имел, особенно потому, что вождь вручил ему мех, содержащий по меньшей мере два литра бурбона.

— Ты слышал разговоры о большой белой лодке, которая, как говорят, поднимается с низовьев? — спросил индеец.

— Только глухой не слышал, — ответил Бёртон и сделал добрый глоток виски. У виски был винный запах, и шло оно легко, так что разбавлять не требовалось. Граали, как известно, всегда доставляли продукты только высшего качества.

— Ух ты! — выдохнул Бёртон и продолжал: — Я этим рассказням не слишком верю! Судя по описанию, этот корабль движется с помощью гребных колес. А это должно означать, что машины у него железные. Лично я сомневаюсь, чтобы кому-то удалось собрать столько железа, чтобы изготовить машины таких размеров. А еще я слышал, что и корпус у судна металлический. На всей планете не наберется достаточное количество металла, чтобы построить такую махину. Если, конечно, она действительно так велика, как об этом болтают.

— Уж больно много у тебя сомнений, — сказал Оскас. — А это вредно для печени. Однако если эти рассказы верны, то большая лодка должна пришлепать сюда довольно скоро. Хотелось бы мне заполучить такую лодку.

— И тебе, и миллионам других. Но если такая лодка может быть построена, то ее создатель должен иметь и железное оружие, возможно, даже огнестрельное. Ты ведь такого никогда не видел, хотя у тебя имеется несколько пороховых бомб. Огнестрельное оружие — это такие металлические трубки, из которых можно стрелять металлическими же снарядами на большие расстояния. Некоторые из них могут стрелять так часто, что ты не успеешь даже выпустить стрелу, как тебя прострелят насквозь раз десять. А еще бывают пушки. Это такие громадные трубки, которые могут дошвырнуть большие бомбы вон до тех гор.

Так что прими к сведению, те, кто уже пытался отобрать эту лодку у ее хозяев, померли раньше, чем подошли на расстояние выстрела из лука. А кроме того, что бы ты стал с ней делать, если бы получил? Для вождения такой штуки нужны очень умелые и тренированные люди.

— Ну, таких можно найти, — сказал Оскас. — Вот ты, например, ты бы смог ею управлять?

— Возможно.

— Так, может, ты заинтересуешься и поможешь мне захватить ее? Я тебе щедро заплачу. Ты станешь самым первым из моих помощников.

— Я, знаешь ли, не любитель войны, — ответил Бёртон. — Да и не очень жаден. Однако просто так, для поддержания разговора,

давай предположим, что я заинтересовался. Тогда я сделал бы вот что.

Оскас был в восторге от сложнейшего и фантастического плана, предложенного Бёртоном. Уходя, он сказал, что пришлет Бёртону еще виски и они должны обязательно поговорить об этих делах еще раз. Широко ухмыляясь и пошатываясь, Оскас удалился.

Бёртон решил, что вождь чересчур доверчив. Но, пожалуй, он не возражал бы поводить его за нос еще некоторое время. Хотя бы просто ради забавы.

Дело было в том, что Бёртон сам имел кое-какие планы насчет корабля.

Если рассказы верны, то этот корабль является средством передвижения куда более быстрым, чем парусник. Так или иначе Бёртон собрался попасть на это судно. Не силой, так хитростью. Главная трудность состояла в том, что пока у него не было ни малейшего представления о том, как он этого добьется.

Во-первых, судно могло (и, вероятно, так и произойдет) не остановиться в этом селении. Во-вторых, там могло не оказаться места для людей Бёртона. А в-третьих, за каким чертом капитану могли понадобиться Бёртон и его люди?

Весь остальной день Бёртон был молчалив и погружен в свои думы.

Когда он отправился спать, то очень долго лежал, анализируя каждую возможную ситуацию в отдельности. Одним из возможных вариантов было воспользоваться планом Оскаса. В последнюю минуту Оскаса можно будет предать. Это, вероятно, произведет на капитана в высшей степени благоприятное впечатление, и Бёртон заслужит его благодарность.

Впрочем, этот план Бёртон тут же отверг. Во-первых, даже хотя Оскас был мерзок и жуликоват, он — Бёртон — почувствовал бы себя обесчещенным, если бы обманул Оскаса. Во-вторых, много людей Оскаса будут убиты и ранены. А Бёртон вовсе не желал взваливать на себя такое бремя.

Нет, должен быть какой-то другой путь.

Наконец Бёртон его отыскал. Успех плана зависел от того, остановится ли здесь корабль или, на худой конец, удастся ли ему привлечь внимание тех, кто находится на борту.

Улыбаясь, Бёртон уснул.

Прошло еще два месяца. Через неделю «Снарк» будет спущен на воду. Сведения в отношении приближающегося колесного парохода приходили все чаще. Их доставлял барабанный телеграф, дымы костров и сигналы, передаваемые зеркалом из слюды. Складывая всю полученную информацию, Бёртон наконец получил целостное впечатление о корабле. Пожалуй, он был больше тех пароходов, которые ходили по Миссисипи в его время. Бесспорно, он металлический и обладает скоростью 15 миль в час, то есть примерно 24 километра в час. Иногда он развивал скорость и вдвое большую. Расчеты были очень грубые, конечно, поскольку ни у кого из наблюдателей не было хронометра. Но можно было

сосчитать, за сколько секунд он проходит расстояние между двумя питающими камнями.

Из более ранних сведений Бёртон составил впечатление, что это пароход. Однако последние известия говорили, что топливо корабль грузит редко. Вероятно, котел нагревался, только что бы подогреть воду для душевых и для получения пара, приводившего в действие пулеметы. Бёртон не понимал, как это пар будет направлять пули. Монат предположил, что это оружие использовало систему синхронного введения патрона в ствол, сквозь который пар направлялся под значительным давлением, выстреливая снаряды через регулярные промежутки времени.

Моторы же корабля работали на электричестве, которое поступало от разрядки питающих камней.

— Значит, у них есть не только сталь, но еще и медь для производства обмотки электромагнитов, — сказал Бёртон. — Где же они набрали весь этот металл?

— Корабль может быть построен преимущественно из алюминия, — ответил Фрайгейт, — и алюминий мог быть использован при изготовлении обмотки сердечников, хотя он и не так эффективен, как медь.

Пришли еще данные. Корабль имел на обоих бортах название, написанное большими латинскими буквами: «*Rex Grandissimus*», что по-латыни означало «Величайший король», то есть величайший по манере держаться или по стилю жизни. Его командир, по донесениям очевидцев, был не кто иной, как сын Генриха Второго Английского и Элеоноры, разведенной жены Людовика Седьмого Французского, дочери герцога Аквитанского. Король Иоанн, по прозвищу Безземельный, был капитаном. После того как его знаменитый брат — Ричард Львиное Сердце — умер, Иоанн стал *Ioannes Rex Angliae et Dominus Hiberniae** и так далее. Он приобрел столь плохую репутацию, что среди королей Британии сложилось неписаное правило — ни один наследник трона не должен именоваться Иоанном.

Когда Бёртон впервые узнал имя капитана, он отправился к Алисе.

— Один из твоих предков командует колесным пароходом. Возможно, нам удастся апеллировать к его родственным чувствам, чтобы он взял нас на борт. Хотя, если верить тому, что говорит история, у него любовь к родичам довольно слаба. Он поднял мятеж против отца, и говорят, что он же прикончил и племянника — Артура, которого Ричард назначил наследником короны.

— Ну, он был не хуже любых королей того времени, — сказала Алиса, — и он сделал кое-что доброе, невзирая на то что о нем обычно говорят. Он реформировал монетную систему, поддерживал строительство военного флота, делал все возможное для развития торговли, а также содействовал завершению строительства

* Иоанн, король Англии и повелитель Ирландии.

Лондонского моста. Кроме того, он отличался от монархов своего времени тем, что был безусловно интеллектуалом. Он читал по-латыни и в оригинале французские книги и куда бы ни ехал, всегда брал с собой свою библиотеку.

Что касается борьбы против Великой Хартии*, то эти события в значительной степени неправильно трактуются. Баронский мятеж был вовсе не в интересах всего народа, так что движение само по себе трудно считать особо демократическим. Бароны хотели больших привилегий для себя лично. Свобода, за которую они воевали, была свободой эксплуатировать своих вассалов без вмешательства самого короля.

Король Иоанн жестоко воевал против баронов и стремился силой удержать за английской короной французские провинции. Но выбраться из этой каши он не смог — он унаследовал старые конфликты от своего отца и брата.

— Хватит! — воскликнул Бёртон. — В твоей редакции он выглядит чуть ли не святым.

— Ну, от этого он был очень далек. И все же он был куда больше заинтересован в самой Англии и в благоденствии ее населения, чем любой другой предшествующий англо-нормандский король.

— Наверно, ты много читала и думала о нем. Твое мнение противоречит всему, что я читал о нем в свое время.

— У меня было много времени для чтения, пока я жила в Каффнеллзе. И я обо всем старалась составить собственное мнение.

— Молодчина! Тем не менее факт остался фактом — этот средневековый монарх каким-то образом заполучил контроль над величайшим произведением человеческого гения — самым великолепным кораблем этого мира. Я попробую договориться с ним, если к нему попаду. Проблема в том, как мне это сделать.

— Ты хочешь сказать, как *нам* сделать это?

— Верно. Приношу извинения. Ладно, будем посмотреть.

Двумя днями позже «Снарка» на катках спустили в Реку, затем последовало торжество и большая пьянка. Бёртон, однако, был не так уж счастлив, как того следовало бы ожидать. Он потерял интерес к своему детищу.

Во время праздника Оскас отвел его в сторону.

— Ты же не собираешься уезжать отсюда, я надеюсь. Я рассчитываю на твою помощь, когда мы захватим эту большую лодку.

Бёртону очень хотелось послать его ко всем чертям. Это было бы, однако, очень недипломатично, поскольку вождь мог конфисковать «Снарк» в свою пользу. Хуже того, он мог перестать противиться желанию заполучить в свою постель Логу. В течение всего года он доставлял ей немало неприятностей, хотя и воздерживался

* Хартия, принятая в 1215 г. Содержит перечень прав и свобод, полученных английскими баронами от короля Иоанна.

от применения силы. Когда он напивался сильнее обычного, что бывало частенько, он совершенно открыто добивался, чтобы она пошла с ним потрахаться.

Было несколько весьма неприятных случаев, когда казалось, что он собирается взять ее силой. Фрайгейт, чей характер было трудно назвать воинственным, намеревался вызвать вождя на дуэль, хотя и считал это довольно глупым способом решения споров. Но честь того требовала, мужество тоже, и ничего не оставалось, разве что потихоньку сбежать с Логу в какую-нибудь прекрасную ночь. Однако ему вовсе не хотелось уходить от людей, с которыми он столько лет провел вместе.

Логу сказала ему:

— Нет, ты не будешь убит, но и не убьешь этого дикаря, так как его люди разозлятся и убьют тебя самого. Лучше предоставь это дело мне.

После чего Логу поразила всех, а больше всего самого Оскаса, вызвав того на смертный бой.

Оправившись от шока, Оскас ржал чуть ли не до умопомрачения.

— Что? Чтоб я дрался с женщиной? Я луплю своих баб, когда они меня разозлят, но мне и в голову не придет сражаться с ними. Если б я это сделал, то, без сомнения, запросто уколошил бы тебя. Но после этого надо мной бы все издевались. Я уже не был бы Оскасом-Большой-Лапой, я стал бы Мужчиной-Который-Дрался-С-Бабой.

— Ну, так как же у нас с тобой будет? — спросила Логу. — Томагавк? Копье? Нож? Или голые кулаки? Ты видал меня на состязаниях. И знаешь, насколько хорошо я владею любым оружием. Правда, ты крупнее меня и сильнее, но я знаю такие приемчики, о которых ты и представления не имеешь. У меня были лучшие в мире учителя.

О чем она ничего не сказала, так это о том, что он постоянно пьян, очень жирен и вообще в плохой форме.

Если б с ним так разговаривал мужчина, Оскас тут же бросился бы на него. Хотя он и был пьян, но все же понимал, что попал в ловушку. Если он убьет эту женщину, то станет всеобщим посмешищем. Если не примет вызова, то все будут говорить, что он испугался.

Тогда, улыбаясь, вперед вышел Монат.

— Вождь, Логу — мой очень близкий друг. Но и я твой друг. Давайте оставим все это без последствий. В конце концов, в тебе сейчас говорит выпивка, а вовсе не ты сам — Оскас — вождь, самый могучий воитель на Земле и Реке. Никто не осудит тебя, если ты откажешься драться с женщиной.

Однако ты поступаешь неправильно, беспокоя женщину другого мужчины. И ты бы не сделал этого, если б не налил полное брюхо виски. Поэтому я бы предложил, чтоб с сегодняшнего дня ты относился к этой женщине исключительно с тем почтением, которого требуешь от других мужчин в отношении твоих женщин.

Ты знаешь, ведь тебе говорил Бёртон, — я когда-то был великим чародеем. У меня и сейчас остались кое-какие силы, и я ни на минуту не задумуюсь использовать их, если ты обидишь Логу. Я сделаю это неохотно, ибо уважаю тебя. Но сделаю, если буду к этому вынужден.

Оскар побледнел, несмотря на свою темную кожу и красноту, вызванную приливом крови от избытка виски. Он сказал:

— Да, должно быть, это все от пьянки. Никто не может обвинить меня за то, что сделано в пьяном виде.

Этим вечером больше ничего не было сказано, а на следующий день Оскар заявил, что был так пьян, что вообще ничего не помнит, как не помнит и о вчерашней вечеринке.

В течение нескольких месяцев он был подчеркнуто холоден, но вежлив к Логу. Потом снова стал отпускать свои шуточки, но ее не трогал. Возможно, потому, что Логу сказала ему в частном разговоре — чтобы он не потерял лица, — что вспорет ему брюхо, если он хоть раз попробует дотронуться до нее. А затем просто раздавит ему мошонку.

Она рассказывала, что Оскар лишь расхохотался. Но, несмотря на это, он прекрасно понял, что если дать ей шанс, то она полностью выполнит свои угрозы. И все же Оскар питал к ней незатающую страсть. Теперь, когда приближалось время отъезда, он снова стал ее преследовать.

Бёртон, разговаривая с ним, этого не забывал. Не следует давать Оскасу повод думать, что у него осталось совсем мало времени, чтобы затащить Логу в свою постель.

— Нет, мы еще не отплываем. Мы постараемся осуществить тот план, который я для тебя придумал. И я, и мои люди пойдем в авангарде тех, кто будет брать корабль.

Однако, как тебе известно, важно, чтоб мы взяли его в тот момент, когда он будет забирать молнии из питающего камня. Если он будет в движении, у нас ничего не выйдет. Я рассчитал примерно, где находится то ближайшее от нас место, в котором он остановится вернее всего. Я не могу указать его точно. Но примерный район протяженностью в 4—5 питающих камней его вечерней остановки я знаю.

Наш корабль нуждается в пробном рейсе. Я хочу его сделать завтра. Я отправлюсь к тому месту, где большая лодка должна по моим расчетам остановиться, и осмотрю, какова там ситуация. Мы должны точно знать, как выглядит тамошняя береговая линия, если собираемся атаковать могучий корабль и иметь шансы на успех. Хочешь поехать с нами?

— Конечно, поеду. Я же не собираюсь слепо лезть в драку.

Это сняло невысказанные подозрения Оскаса, что «Снарк» может не вернуться из своего плавания. Но и в этом случае он поставил в близлежащей хижине караул из четырех воинов, чтоб они не спускали глаз с корабля, хотя «забыл» предупредить об этом Бёртона. В ту ночь вся команда «Снарка» в тумане тихонько ушла

в холмы. Там они выкопали «дармовые» граали из ямы у подножия горы, перенесли их на борт и спрятали в заранее подготовленном месте, которое выглядело как прочная солидная перегородка.

На следующий день Оскас после завтрака явился на борт с семью своими лучшими воинами, что здорово стеснило команду. Но Бёртон не стал возражать. Он щедро раздавал алкоголь из лишайников, приправленный размолотыми листьями «железного» дерева. Команде же был отдан приказ воздержаться от выпивки. Во второй половине дня вождь и его люди уже превратились в компанию орущих и хохочущих пьяниц. Даже ленч и тот был не в силах их протрезвить хотя бы в самой ничтожной степени. Бёртон продолжал накачивать своих гостей самогоном. Примерно за час до того как «Снарк» должен был пристать к берегу для ужина, индейцы или бродили, спотыкаясь, по палубе, или валялись в тяжелом забытии.

Было очень нетрудно столкнуть в воду тех, кто еще сохранял сознание, а вслед им швырнуть тех, кто был без сознания. К счастью, шок от соприкосновения с холодной водой сразу пробудил последних. Иначе Бёртон почувствовал бы себя обязанным подобрать их и доставить на берег.

Оскас, бултыхаясь в воде, потрясал кулаками и проклинал Бёртона на миномини и эсперанто. Хохоча, Бёртон прижал к ладони большой палец и все остальные, кроме среднего, и поднял руку вверх. Затем вытянул другую руку с распрямленными первым и четвертым пальцами — древний знак «дурного глаза», тот самый, что в наши более поздние дни стал означать «дерьмо собачье».

Изложение Оскасом тех способов, которыми он собирался отомстить обидчикам, стало еще более красочным и злобным.

Казз с широкой ухмылкой швырнул вождю его грааль так, что тот точно стукнул его по башке. Воинам пришлось долго нырять, чтобы достать вождя со дна. Когда они вытащили Оскаса на берег, то двоим воинам пришлось его поддерживать, пока он наконец не пришел в себя.

Казз был уверен, что шишка на голове Оскаса — великолепная заключительная шутка. Впрочем, с его точки зрения, было бы еще забавнее, если б вождь вообще утонул. А ведь среди товарищей по плаванию Казз был самым общительным, внимательным и славным компаньоном, какого только можно пожелать. Конечно, он был примитивом, а все примитивы — цивилизованные или еще из дописменных обществ — народ, необычайно высоко ставящий интересы своего племени. Племя Казза состояло из людей, и только с ними и следовало обращаться соответственно. Все, кто вне племени, хоть кое-кто из них может даже рассматриваться как друг, — это не совсем люди. Поэтому с ними вовсе не обязательно обращаться так, как с настоящими людьми.

Хотя неандерталец потерял свое племя на Земле, он обрел его в команде «Снарк». Это было его племя, его семья.

ГЛАВА 23

«Снарк» не остановился там, где, по словам Бёртона, сказанным Оскасу, им следовало ждать появления колесного парохода. Говорить ему правду было бы по меньшей мере глупо. Оскас мог добраться до своих владений очень быстро, одолжив или украв лодку. А затем вернулся бы с большим войском еще до прихода «Рекса грандиссимуса».

«Снарк» проплыл мимо намеченной остановки и продолжал плыть вниз по течению целых два дня. Все это время экипаж видел и слышал послания, отправленные Оскасом с помощью гелиографа, костров, дымовых сигналов и барабанов. Вождь объявил, что отряд Бёртона украл у него сигареты и выпивку, а потом попытался похитить самого Оскаса. Оскас предлагал награду каждому, кто схватит и задержит преступников, пока он сам не прибудет и не заберет их под свою юрисдикцию.

Бёртону следовало действовать быстро, чтобы поломать эти планы, хотя было весьма сомнительно, что власти всех этих многочисленных мелких государств попробуют арестовать команду «Снарка». Оскас вообще не пользовался хорошей репутацией из-за тех неприятностей, которые он доставил округе за эти годы. Тем не менее отдельные авантюристы вполне могли организовать своего рода каперскую* кампанию.

Бёртон вышел на берег с ящиком табака и спирта и с несколькими дубовыми кольцами. Этим товаром он заплатил главе местного отделения компании сигнальщиков за отправку собственного послания. В нем говорилось, что Оскас лжец и что правда состоит в том, что вождь намеревался силой похитить женщину — члена их команды, а потому эта женщина и ее сотоварищи были вынуждены бежать от насильника. Оскас преследовал их, но его боевое каноэ было потоплено во время попытки взять «Снарка» на абордаж.

Бёртон добавил, что вождь и его советники обладают огромным сокровищем, пряча в тайниках по меньшей мере сотню «дармовых» граалей.

Это была явная ложь, поскольку Оскас, будучи сильно под мухой, признался Бёртону, что у него их только двадцать. Однако Бёртон без всякого зазрения совести несколько отклонился от истины. Теперь уж наверняка внимание с него переключится на самого вождя. Его собственное племя услышит об этом богатстве и поднимет настоящий скандал. Без сомнения, они потребуют, чтоб «излишек» «дармовых» граалей передали в общественное хранилище. Кроме того, у Оскаса возникнет проблема охраны своих сокровищ от воров. А они будут отнюдь не обязательно из его собственного

* Каперы — суда, принадлежавшие частным лицам или компаниям, которые во время войн XVII—XVIII вв. вели операции против кораблей воюющих сторон.

племени — множество людей из соседних государств начнут думать, как бы украсть у него граали.

Так что в ближайшее время Оскас будет слишком занят, чтобы думать о мести.

Бёртон довольно посмеивался, воображая все это. «Снарк» прибыл в места, где течение Реки замедлилось. Корабль уже не раз встречался с таким явлением — Река теряла силу и не могла больше течь. На Земле это означало бы, что Река растечется по равнине, образовав озеро, затопляющее долину.

Однако, проплыв по участку Реки с почти неощутимым течением, «Снарк» оказался опять там, где оно набирало силу. Снова Река стремилась к своему далекому устью, к той легендарной пещере, которая ведет в Северное полярное море. Этому феномену существовало много объяснений, но ни одно из них не могло похвастаться достоверностью.

Одно из них заключалось в том, что на планете имеют место изменения силы тяжести, которые позволяют Реке преодолевать препятствия, возникающие из-за слишком незначительного уклона поверхности. Те, кто придерживался этой теории, говорили, что неизвестные создатели этого мира могли установить под землей такие механизмы, которые в определенных точках понижали или повышали гравитационное поле.

Другие же считали, что вода накачивается под большим давлением из труб, которые расположены глубоко под Рекой.

Третья школа мыслителей утверждала, что безостановочное течение создается комбинацией мощных насосов и генераторов, создающих «легкую гравитацию».

Четвертая же полагала, что в свое время Бог повелел воде течь в гору, а потому нет никаких причин удивляться этому феномену.

Что же касается большинства населения, то оно не считало нужным даже задумываться над такими вопросами.

Какова бы ни была причина, но Река никогда не прекращала своего течения на протяжении многих миллионов километров пути.

В конце второго дня «Снарк» остановился у причала в тех местах, где по расчетам должен был остановиться и огромный железный корабль. Здесь их ожидали новости, что «Рекс» сделал остановку на несколько дней. Его команда получила недолгий отпуск на берег.

— Великолепно, — сказал Бёртон. — Мы можем добраться туда завтра, и у нас будет целый день на то, чтобы уговорить капитана Иоанна принять нас к себе.

Хотя Бёртон и казался уверенным, сам себя он уверенным не чувствовал. Если его план не сработает, ему придется вести «Снарк» через район, занимаемый племенем Оскаса, да еще днем, так как ночи тут безветренные. Предупрежденный сигнальной системой, что корабль приближается, вождь будет ожидать его со всем войском. Бёртон чувствовал, что ему лучше было бы повернуть обратно вверх по течению после того, как он разделается с вождем и его конвоем, и оставить их владения за спиной. Правда, в этом

случае колесный пароход мог пройти мимо «Снарка», и Бёртон потерял бы шанс побеседовать с его капитаном.

А пока не будем заботиться о дне завтрашнем, ибо планы человеческие на будущее надежны не более, чем планы мыши. Пусть завтрашний день сам заботится о своем*. Но, невзирая на эти утешительные соображения, Бёртон очень беспокоился.

Большинство местного населения составляли голландцы XVII столетия, тогда как меньшинство — древние фракийцы плюс небольшой процент людей из разных мест и разных эпох. Бёртон встретил, например, некоего Флемминга, который будто знал Бена Джонса и Шекспира среди прочих знаменитостей. Они как раз беседовали, когда некий незнакомец присоединился к их обществу, собравшемуся вокруг костра. Это был белокожий человек среднего роста, худощавый, черноволосый и голубоглазый. С минуту он постоял, внимательно всматриваясь во Фрайгейта. Затем улыбнулся во всю ширь и подбежал к нему.

— Пит! — заорал он по-английски. — Пит! Ради Бога, Пит! Это я — Билл Оуэн. Пит Фрайгейт, клянусь Богом! Это ж ты, в самом деле ты, Пит!

Фрайгейт страшно удивился.

— Да? — сказал он. — Но вы, вы же... как, вы сказали, вас зовут?

— Билл Оуэн! Ради Бога, ты же не мог забыть меня — Билла Оуэна, старого друга! Ты, конечно, выглядишь немного иначе, Пит. Я и то сначала глазам не поверил. Ты не такой, каким я тебя помню!

— Билл Оуэн! Я тебя тоже сначала не признал, ведь сколько прошло времени!

После этого они кинулись в объятия друг друга и стали беспорядочно болтать, мешая слова со смехом. Когда они наконец перестали обниматься, Фрайгейт представил Оуэна:

— Это мой школьный приятель. Мы знакомы друг с другом начиная с четвертого класса начальной школы. Вместе ходили в Центральную Высшую школу города Пеории, да и потом еще несколько лет дружили. Когда я наконец осел в Пеории после мотания по стране, мы, бывало, нередко встречались с ним то тут, то там, но не слишком часто, поскольку у каждого была своя жизнь, и мы вращались, можно сказать, в разных кругах.

— Оно, конечно, так, — сказал Оуэн, — но я все равно в толк не возьму, как это ты меня не узнал сразу. Впрочем, и я как-то не был уверен, что это ты. Я помню тебя немного другим. Нос у тебя стал подлиннее, глаза зеленее, рот не такой широкий, а подбородок будто покрупнее. Да и голос... ты же помнишь, как все дразнили тебя, что он у тебя точная копия голоса Гэри Купера? А теперь он звучит совсем иначе, чем мне помнится. Ну и память у меня стала, а?

* Неточная цитата из Евангелия от Матфея (6:34): «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем; довольно для каждого дня своей заботы»

— Да черт с ней, с памятью. Ты ж знаешь, Билл, у меня-то она никогда не блистала. Кроме того, мы друг друга помним людьми среднего возраста и пожилыми, а теперь мы такие, какими были в свои 25. Кроме того, на нас нет тех костюмов, которые мы носили раньше, а тут еще шок — это ж настоящий шок — наткнулся на кого-то, кого знал раньше. Я так прямо обалдел!

— Да и я тоже! Я глазам не поверил! Слушай, ты же первый человек из наших времен, которого я тут встретил!

— А ты у меня второй, — сказал Фрайгейт. — Но то было уже 32 года тому назад, да и парень, которого я тогда повстречал, не из тех, с кем приятно увидаться!

Это, подумал Бёртон, должно быть, был тип по имени Шаркко. Чикагский издатель научной фантастики в твердых переплетах. Он надул Фрайгейта в какой-то довольно сложной сделке. Дело тянулось несколько лет, и в результате писательская карьера Фрайгейта была почти что погублена. И вот одним из первых людей, с которыми Фрайгейт встретился после воскрешения, оказался этот Шаркко. Бёртон не был свидетелем встречи, но Фрайгейт не раз рассказывал, как он отомстил за себя, расквасив этому парню морду.

Сам Бёртон встретил только одного знакомого по Земле, хотя знакомых у него там было множество, к тому же разбросанных по всему миру. Без этой встречи он тоже мог обойтись. Тот человек был одним из носильщиков в экспедиции Бёртона, направлявшейся на поиски истоков Нила. На пути к озеру Танганьика (Бёртон и его спутник Слик были первыми европейцами, которым предстояло это озеро увидеть) носильщик купил себе рабыню — девочку тринадцати лет. Она была слишком слаба, чтобы продолжать путешествие, поэтому носильщик отрубил ей голову, не желая, чтобы кто-нибудь другой владел ею.

Бёртон в это время отсутствовал и не мог предотвратить убийство, да и вообще не имел права наказать убийцу. Тот мог делать со своей рабыней все что угодно, по праву. Зато Бёртон мог наказать его за другие поступки, например, за лень, за воровство, за потерю груза, и он порол носильщика бичом каждый раз, когда такая возможность ему представлялась.

Оуэн и Фрайгейт уселись у костра и, попивая самогон из лишайника, принялись вспоминать былые времена. Бёртон заметил, что Оуэн, по-видимому, помнит события и имена друзей лучше, чем Фрайгейт. Это было удивительно, так как память у Фрайгейта была отличная.

— Помнишь, как мы, бывало, ходили на сеансы в киношки «Принцесса», «Колумбия», «Аполло»? — спросил Оуэн. — Помнишь ту субботу, когда мы решили выяснить, сколько картин мы сможем высидеть за один день? Мы отсидели двойной сеанс в «Принцессе», потом двойной в «Колумбии», тройной в «Аполло» и еще ночной в «Мэдисоне».

Фрайгейт улыбнулся и кивнул. Но выражение его лица говорило, что он ничего этого не помнит.

— А еще было время, когда мы смотрелись в Сент-Луис с Элом Эверхардом, Джеком Диркманом и Дэном Дубиным. Кузен Эла приготовил нам несколько девочек... все это были сестрички-медички, помнишь? Мы отправились к кладбищу... как же оно называлось?

— Будь я проклят, если помню, — ответил Пит.

— Да, но ты не забыл, как ты и та сестричка разделись и ты гонял ее по всему кладбищу, а потом прыгнул через плиту, упал, запутался в венках и сильно поцарапался об эти шипы и розы. Ручаюсь, что уж этого-то ты не забыл!

Фрайгейт смущенно улыбнулся:

— Разве такое забудешь?

— Н-да... это полностью выдуло ветер из твоих парусов! Да и все прочее тоже. Ха-ха!

Воспоминаний было много. Потом разговор вернулся к их первым ощущениям после воскрешения на берегах Реки. К ним присоединились и остальные, поскольку это была излюбленная тема воспоминаний. Тот день был столь грозен, внушал такое благоговение и был столь страшен и непонятен, что никто не мог его позабыть. Ужас, паника, стыд — все это до сих пор не выветрилось из их душ. Бёртон иногда думал, не говорят ли люди об этом испытании так много потому, что повторение служит для них своего рода терапии. Они надеялись избавиться от травмы путем словесной разрядки.

Все сходились на том, что каждый в этот день вел себя довольно глупо.

— Помню, какой напыщенной и надутой я была, — сказала Алиса. — Но я, разумеется, была в этом не одинока. Большинство находилось на грани истерики. Все мы испытали тогда ужасный шок. Еще удивительно, что никто не умер от инфаркта. Серьезно, мне казалось, что одного пробуждения в этом непонятном месте, после того как вы умерли, вполне достаточно, чтобы убить вас вторично — и моментально!

— Возможно, — ответил Монат, — что как раз перед самым нашим пробуждением неведомые благодетели дали нам какой-то наркотик, который понизил воздействие шока. А мечтательная резинка, которую мы нашли в наших граалях, вероятно, тоже действовала как нечто вроде послеоперационной анестезии. Хотя должен сказать, ее воздействие проявлялось в совершенно диких формах поведения.

Алиса искоса глянула на Бёртона. Даже спустя все эти годы она все еще краснела при воспоминании о том вечере. Все их социальные запреты были сорваны с них на несколько часов, и они действовали так, будто были норками, обожравшимися шпанскими мушками. Или людьми, которыми внезапно овладели самые постыдные и потаенные фантазии.

Затем разговор целиком перешел на арктуруианца. До этого, несмотря на его приятные манеры, он, как всегда бывало при первой встрече с посторонними, сталкивался с явным желанием

держат его на определенной дистанции. Его бесспорно нечеловеческое происхождение заставляло незнакомых с ним людей ощущать отвращение или какую-то неловкость.

Теперь же они расспрашивали его о жизни на его родной планете и о приключениях на Земле. Кое-кто слышал разговоры о том, что арктурианцы были вынуждены уничтожить почти все человечество на Земле. Никто из присутствующих, кроме Фрайгейта, не жил в те времена, когда арктурианский корабль прибыл на Землю.

— Вы знаете, — сказал Бёртон, — хоть это все и удивительно, но мне кажется, что этого следовало ожидать. Согласно Питу, на Земле тогда — в 2008 году — жило 8 миллиардов людей. И тем не менее, кроме Фрайгейта и Моната и еще одного человека, я никогда не видел никого из тех, кто жил в те времена. А как вы?

Никто таких людей не встречал. Больше того, единственными местными обитателями, которые жили в 70-е годы XX века, были Оуэн и еще одна женщина. Она умерла в 1982 году, он — в 1981-м.

Бёртон покачал головой:

— На Реке живет, вероятно, по меньшей мере 36 миллиардов человек. Наиболее многочисленную группу должны составить те, кто жил на Земле между 1983 годом (я беру эту дату потому, что встретил только трех человек, которые жили позже) и 2008-м. Так где же они?

— Возможно, у следующего питающего камня, — отозвался Фрайгейт. — В конце концов, Дик, здесь никто не проводил переписи. Больше того, никто и не проведет ее. Мы проезжаем ежедневно мимо сотен тысяч людей, а со сколькими ты встречаешься, чтобы поболтать? С несколькими десятками в день. Но рано или поздно ты встретишься с тем, с кем хочешь.

Разговор еще некоторое время крутился вокруг того, как и почему они были воскрешены и кто это сделал. Спорили о том, почему здесь не растут волосы на лице мужчин, почему все мужчины очнулись лишенными крайней плоти, а у женщин была восстановлена девственная плева. Если учесть, что не надо бриться, то одна половина мужчин считала отсутствие бород благим делом, тогда как другая половина возмущалась невозможностью отрастить усы и бороду.

Выражалось удивление, что граали как мужчин, так и женщин время от времени вдруг выдавали губную помаду и другие виды косметики.

Фрайгейт сказал, что, по его мнению, их благодетели, вероятно, сами не любили бриться и что у них оба пола раскрашивали себе лицо. Это, как он считал, единственное разумное объяснение.

Затем Алиса заговорила о воспоминаниях Бёртона касательно предвосстановительной капсулы. Это привлекло всеобщее внимание, но он сказал, что все случившееся с ним позабыл. Он перенес удар по голове, который стер у него все воспоминания об этом деле.

Как всегда, когда он лгал, Бёртон уловил легкую улыбку Моната, явно имевшую отношение к нему. Бёртон подозревал, что

арктурианец догадался, что он просто уклонился от разговора. Однако и на этот раз он снова промолчал. Монат явно уважал причины, по которым Бёртон скрывал свои мысли, даже если и не понимал, что это за причины.

Фрайгейт и Алиса повторили рассказ Бёртона в том виде, как запомнили его. Они допустили несколько ошибок, которые он, разумеется, не стал поправлять.

— Если это так, — сказал кто-то, — тогда воскрешение не является сверхъестественным феноменом. Оно сделано средствами науки. Поразительно!

— Да, это так, — ответила Алиса, — но почему мы больше не воскресаем? Почему смерть, вечная смерть снова вернулась?

Мрачная печаль, казалось, окутала всех присутствующих.

Молчание прервал Казз, сказав:

— Есть одна вещь, которую Бёртон-нак не забыл. Это история со Спрюсом. С тем агентом этиков.

Это вызвало лавину новых вопросов.

— Кто такие этики?

Бёртон сделал большой глоток виски и принялся за рассказ. Однажды, говорил он, он сам и его отряд был захвачен рабовладельцами. Смысла разъяснять это понятие не было. Все присутствующие имели тот или иной опыт общения с такими людьми.

Бёртон рассказал им, как был атакован его корабль и как все они были согнаны в загон для рабов. Потом они покидали загон только для выполнения тяжелых работ под очень строгой охраной. Весь табак, марихуана, мечтательная резинка и алкоголь у них отбирались захватчиками. Больше того, последние удерживали у них половину пищи, оставляя им самый минимум. Через несколько месяцев Бёртон и человек по имени Таргофф возглавили успешное восстание против рабовладельцев.

ГЛАВА 24

— Через несколько дней после того, как мы завоевали свободу, Фрайгейт, Монат и Казз пришли ко мне. Они поздоровались, и Казз взволнованно сказал:

— Много времени назад, еще до того, как я научился говорить по-английски, я кое-что заметил. Я пытался тебе рассказать об этом, но ты меня не понял. Я видел человека, который не имел вот *этого* на лбу.

И мой друг, присутствующий здесь, мой «нак», как он называет себя на своем языке, дотронулся до своего лба и лба всех присутствующих.

Затем Казз сказал: «Я знаю, что ты этого не видишь. Пит и Монат тоже не видят. Никто из вас не может. Но я вижу это на лбах у всех. За исключением одного человека, которого я пытался поймать много лет назад. Кроме того, однажды я видел женщину, у

которой не было такого знака, но тебе об этом ничего не сказал. А теперь увидел третьего, у которого знака тоже нет».

Я все еще ничего не понимал, но Монат мне объяснил: «Он хочет сказать, что может видеть некие символы в виде букв на лбу каждого из нас. Видит их он лишь при ярком свете, падающем под определенным углом. Но такие символы имеют *все* люди, за исключением тех трех, которых он упомянул».

Фрайгейт добавил, что Казз вообще почему-то видит в той невидимой части спектра, где не-неандертальцы ничего не видят. Речь идет об ультрафиолетовой части, так как знаки, которые он видит, имеют голубоватый оттенок. Во всяком случае, так описал их Казз. Все люди, кроме редких исключений, по-видимому, имеют такие знаки. Будто мы скот с выжженным тавром. С того времени Казз и его женщина Бесст всегда следят за наличием этих знаков на лбах людей, разумеется, когда условия освещения это позволяют.

Эта новость вызвала удивление, возмущение и даже своего рода шок. Бёртон подождал, пока галдеж кончится, и продолжил рассказ:

— Те из вас, кто жил в конце двадцатого столетия, могли, вероятно, слышать, что так называемые неандертальцы подверглись переклассификации. Антропологи решили, что это был не особый вид существ, а просто вариант гомо сапиенс.

— Я не неандерталец, а всего лишь неандерталка, но я тоже обладаю этим свойством, — вмешалась Бесст.

Бёртон усмехнулся и ответил:

— Женская страсть к равноправию с мужчинами уходит корнями еще в каменный век. Однако разрешите мне сказать, что развитие событий показывает, что те, кто создали этот мир и согноли нас сюда с, извините за выражение, клеймом зверя, не знали, что гомо неандерталис имел такую особенность. Это означает, что те «кто-то», о которых идет речь, отнюдь не всеведущи.

Однако продолжу. Я спросил, кто тот человек, у которого на лбу нет символов. Фрайгейт ответил, что это Роберт Спрюс.

Спрюс тоже находился среди рабов. Говорил, будто он англичанин, родившийся в 1945 году. Вот, пожалуй, и все, что я о нем знал.

Я отдал распоряжение, чтоб его задержали для допроса. Фрайгейт ответил, что для этого придется сначала изловить Спрюса, так как тот, видимо, скрылся. Кажется, Казз сообщил ему, что не видит на его лбу «клейма». Спрюс побледнел и через несколько минут куда-то поспешно вышел. Фрайгейт и Монат послали за ним погоню, а сами в это время поспешили ко мне, чтобы известить о происшествии и о том, что Спрюс исчез.

Мне показалось, что сам факт бегства служит достаточным подтверждением его вины, хотя я и не знал, в чем она заключалась. Через несколько часов Спрюса задержали как раз в то время, когда он уже собирался скрыться в холмах. Он предстал перед только что сформированным Советом недавно созданного государства. Спрюс был бледен и дрожал, хотя в глаза нам смотрел прямо и даже, пожалуй, вызывающе.

Я дал ему понять, что мы подозреваем в нем агента этиков, если не одного из них самих. И еще сказал, что мы готовы применить к нему самые крайние средства, включая пытку, чтобы добиться от него правды. Это, конечно, была ложь, ибо мы в этом случае стали бы не лучше тех, кто в свое время поработил нас. Спрюз этого, однако, не знал.

— Вы наверняка потеряете свой шанс на вечную жизнь, если начнете меня пытать. Во всяком случае, в вашем странствии это отбросит вас далеко назад и надолго задержит прибытие к конечной цели, — ответил мне Спрюз.

— Я спросил, какова эта конечная цель, но он не ответил. Вместо этого он сказал: «Мы не выносим боли. Мы слишком чувствительны к ней».

Последовал обмен еще несколькими фразами, но Спрюз наотрез отказался отвечать на наши вопросы. Затем один из советников внес предложение, чтоб Спрюза подвесили над огнем. Тогда вмешался Монат. Он сказал, что происходит из культуры значительно более развитой, чем земная. Он полагает, что обладает более надежными средствами для извлечения правды, чем остальные здесь присутствующие, и никто из нас не стал этого опровергать. Монат сказал, что очень хотел бы избавить Спрюза от боли и ожогов, а также от той боли, которую вызывает у него сам факт предательства тех, кто возложил на Спрюза его задачу. Может быть, он — Монат — попробует сформулировать некоторые выводы в отношении этиков и их агентов, а Спрюз только подтвердит или опровергнет эти выводы? Таким образом, Спрюз не совершит прямого предательства по отношению к пославшим его, кто бы они ни были.

— Весьма необычное предложение, — сказал Билл Оуэн.

— Верно. Но Монат надеялся разговорить его. Видите ли, мы вовсе не собирались применять жестокие методы допроса. Если бы нам не удалось запугать Спрюза, мы решили прибегнуть к гипнозу. И Монат, и я — искусные месмеристы. Но, как оказалось, в этих приготовлениях нужды не было.

Монат ему сказал: «Моя теория заключается в том, что все вы земляне. Вы явились из времени хронологически далекого от 2008 года. Фактически вы потомки тех немногих, кто пережил гибель человечества от луча смерти, направленного с нашего корабля, находившегося на орбите». Монат решил, что технология и энергия, необходимые для того, чтобы превратить эту планету в одну речную долину, должны быть очень продвинутыми. Он предположил, что Спрюз родился в пятидесятом столетии нашей эры.

Спрюз ответил, что ему следовало бы добавить еще две тысячи лет. Тогда Монат высказал мнение, что далеко не все земляне были воскрешены. Для всех тут не хватило бы места. Известно, что тут отсутствовали дети, которые умерли в возрасте менее 5 лет. И хотя невозможно доказать, похоже на то, что ни идиоты, ни сумасшедшие тоже не были воскрешены. А также никто из тех, кто жил после 2008 года, за исключением самого Спрюза.

— А где же находились эти люди?

Спрюз ответил, что где-то в другом месте, и это все, что он может сказать по этому поводу. Затем Монат спросил его, как были «записаны» земляне. Иначе говоря, каким механизмом пользовались этики, чтобы записать информацию, почерпнутую из наших тел. Поскольку было очевидно, что средства, использованные для нашего воскрешения, относились к сфере науки, а не к сверхъестественным силам, это означало, что каждый живущий от каменного века до 2008 года был каким-то образом обследован и структура каждой его клеточки записана, а сама запись где-то спрятана, чтобы быть использованной впоследствии для воскрешения тела.

Монат сказал, что запись, должно быть, помещается в конвертер, превращающий энергию в материю и таким образом дублирующий наши тела. Такие вещи, как переломы костей, раны и болезни, вызвавшие смерть, каким-то образом устраняются. Ампутированные органы и члены восстанавливаются. Я сам наблюдал процесс регенерации, когда очнулся в предвоскресительной камере. Кроме того, все умершие в возрасте старше 25 лет были омоложены.

Далее Монат постулировал, что тела в предвоскресительных капсулах уничтожались после того, как регенерационный процесс был завершен. С восстановленных тел делалась новая запись, и она использовалась на окончательной стадии — на стадии Великого Воскрешения, когда мы все вместе оказались здесь в Тот-Никогда-Не-Забываемый-День.

Монат также предположил, что воскрешение было совершено с помощью системы питающих камней. Иначе говоря, все эти камни глубоко под землей соединены какой-то сложной электрической сетью, и энергия поступает в нее от раскаленного железоникелевого ядра этой планеты.

И тогда Монат спросил: «Но главный вопрос вот в чем — **ЗАЧЕМ?**»

И тут Спрюз ответил:

— Если б ты сам обладал возможностью осуществить подобный проект, неужели же ты не почел бы это своим моральным долгом?

Монат ответил, что, вероятно, да. Но он вернул бы к жизни только тех, кто заслуживает второй жизни.

И тут Спрюз страшно разозлился. Он закричал, что Монат ставит себя на одну доску с Богом. Все люди, независимо от того, насколько они глупы, эгоистичны, мелочны, жестоки и так далее, должны получить еще один шанс переделать себя и стать *достойными*. Это не должно быть сделано *за них*; они сами каким-то образом должны поднять себя, так сказать, за собственные ботиночные шнурки.

Монат спросил Спрюза, сколько времени потребует такой процесс. Тысячу лет? Две? Миллион?

Спрюз опять рассердился и крикнул: «Вы останетесь здесь столько времени, сколько понадобится для процесса выздоровления! А затем...»

Он замолчал, глядя на нас так, будто ненавидел каждого в отдельности, а потом закончил:

— Продолжительный контакт с вами заставляет даже самых крепких из нас перенимать кое-какие черты ваших характеров. Нам после этого приходится проходить через процесс реабилитации. Я сам чувствую себя уже нечистым...

Один из советников, желая надавить на него сильнее, посоветовал подвергнуть его пытке огнем, чтобы развязать ему язык окончательно.

Спрюз крикнул:

— Вы не посмеете! Я должен был сделать это раньше! Кто знает, что...

Бёртон сделал драматическую паузу.

— А затем Спрюз умер.

Раздались изумленные возгласы, кто-то сказал: «Mein Gott!»*.

— Да, но это еще не конец истории. Тело Спрюса было унесено для вскрытия. Всем показалось, что вряд ли возможно такое совпадение, чтоб у него случился инфаркт именно в тот момент. Совпадение было не только слишком благоприятно для него, но и неслыханно вообще.

Пока тело вскрывали, мы обсуждали случившееся. Кое-кто из нас считал, что Спрюз солгал. Или, скорее, сообщил нам полуправду. Все мы сошлись на том, что в Долине есть люди, являющиеся агентурой этиков, а может быть, и самими этиками. Эти люди не имеют на лбах клейма.

Но похоже, что теперь мы больше не в состоянии выявить их, используя особенности зрения Казза. Спрюз будет возрожден где-то в штаб-квартире этиков, где бы она ни находилась. Он расскажет своим друзьям, что мы теперь осведомлены насчет символов. И, конечно, они будут ставить такие же клейма на лоб своих агентов.

Это займет какое-то время, а пока Каззу, возможно, удастся найти еще кого-нибудь из них. Но этого не произошло. Ни он, ни Бесст не встречали больше никого, кто бы не имел клейма. Впрочем, тут тоже нет ничего удивительного. Ведь неандертальцам нужно рассмотреть людей при совершенно особых условиях и с очень близкого расстояния.

Часа через три врач, делавший вскрытие, явился для доклада. Он не обнаружил ничего особенного при анатомировании Спрюса. Ничего, что отличало бы его от других представителей рода гомо сапиенс.

И снова Бёртон сделал паузу.

— За исключением одной мелочи. Этой мелочью был крошечный черный шарик! Доктор нашел его на поверхности лобной части мозга. Шарик был соединен с церебральными волокнами тончайшими

* Мой Бог! (нем.)

проволочками. Мы решили, что Спрюз в буквальном смысле этого слова пожелал себе смерти.

Каким-то образом шарик был связан с мыслительным процессом так, что Спрюз мог мысленно убить себя. Возможно, для этого был необходим какой-то код, мысленное повторение которого освобождало яд, поступавший прямо в мозг. Доктор не нашел никаких доказательств этого, но ведь он не располагал нужными химикатами, чтобы проделать точные анализы.

Во всяком случае, в теле Спрюза не было обнаружено никаких других изъянов. Что-то остановило его сердце, но доктор не знал, что именно.

— Значит, такие люди могут быть и среди нас? Вот здесь, у костра, в этой группе? — спросила какая-то женщина.

Бёртон кивнул, и все тут же оживленно заговорили. После минут пятнадцати галдежа Бёртон встал и напомнил своей команде, что уже время идти спать. По дороге к кораблю Казз задержал Бёртона.

— Бёртон-нак, когда ты упомянул, что Монат и ты гипнотизеры, это... ну... заставило меня подумать кое о чем. Я никогда не думал об этом раньше... и вообще, может, тут ничего такого и нет... но если...

— Ну?

— Да ерунда! Я уверен — ерунда. Только все-таки как-то странно. Понимаешь, я сказал тогда Спрюсу, что вижу, будто у него нет знака на лбу. Он несколько минут спустя ушел, но я ноздрями ощутил запах его страха. В это время тут были и другие — ели свой завтрак. Таргофф, доктор Штейнбург, Монат, Пит и еще кое-кто. Таргофф сказал, что надо собрать Совет, хотя это произошло уже после того, как Спрюз ушел. Монат и Пит поддерживали его. Но сказали, что хотели бы расспросить меня еще раз. «Ты, — сказали они, — знаешь, как выглядят эти знаки. Они похожи друг на друга или различаются?»

Я сказал — различаются. Большинство из них... как сказать? Сходны. Именно так. Но каждый... Какого черта! Ты ж знаешь, как они выглядят, я же рисовал тебе картинки!

— Кроме того, что они похожи на китайские иероглифы, они больше ничего мне не напоминают, — сказал Бёртон. — Я думаю, что это символы, изображающие какую-то систему цифр.

— Ага, я помню, что ты сказал. Но дело в том, что Монат и Фрайгейт отвели меня в сторону еще до того, как мы отправились в твою хижину, чтобы рассказать, что случилось. По правде говоря, мы зашли в хижину Моната.

Казз помолчал.

— Ну? — нетерпеливо бросил Бёртон.

— Я стараюсь вспомнить и не могу. Я зашел в хижину, и это все!

— Что ты хочешь сказать этим «и это все»?

— Бёртон-нак, я хочу сказать, что это все. Я не помню ничего, что случилось после того, как мы вошли в хижину. Помню, я

взглянул сквозь дверной проем. А потом помню только, что мы с Монатом, Питом и другими советниками идем к твоей хижине.

Бёртон почувствовал силу нанесенного удара, но еще не понимал, что это за удар и откуда он пришел.

— Ты хочешь сказать, что не помнишь ничего от момента, когда ты вошел в хижину, и до того, как вышел из нее?

— Нет, я не помню, и как выходил из нее. Я внезапно оказался в сотне шагов от хижины Моната, я шел и разговаривал с ним о чем-то.

Бёртон нахмурился. Алиса и Бесст стояли на причале, оглядываясь и удивляясь, что задержало их мужей.

— Очень странная история, Казз. Почему ты не рассказывал мне об этом раньше? Ведь столько лет прошло после этого случая, ты что — раньше об этом не думал? Так, что ли?

— Нет, не думал. Странно, правда? Ни единой, самой мимолетной мысли. Я и теперь не вспомнил бы даже о том, как входил в хижину, если б Логу не заговорила об этом вчера. Она видела, как я вхожу туда, но так как ее потом не было среди нас, то она и не знала, что у нас тогда случилось.

Дело в том, что она стояла у входа в их общую с Фрайгейтом хижину. Фрайгейт, Монат и я собирались войти в нее. Но когда увидели, что там Логу, мы пошли к Монату. Совершенно случайно она упомянула об этом вчера. Мы вспоминали о том времени, когда были рабами, и кто-то назвал Спрюса. Тут она и спросила меня, о чем тогда разговаривали мы с Монатом и Питом. Она сказала, что часто думала о том, зачем им понадобилось говорить со мной наедине.

Раньше она никогда об этом не заговаривала, так как считала сущим пустяком. Да все это действительно было пустяком, хоть ей и было любопытно, в чем там дело, а поскольку сейчас вдруг вспомнили об этом времени, то она решила спросить меня. Ты же знаешь — бабы народ любопытный.

— Женщины любопытны, как кошки, — сказал Бёртон и хмыкнул. — А мужчины — как обезьяны.

— Что? Что ты хочешь этим сказать?

— Сам не знаю, но звучит недурно. Я подумаю насчет объяснения попозже. Значит, именно слова Логу заставили тебя вспомнить события, предшествовавшие тому, как ты вошел в хижину Моната, и последовавшие за уходом из нее?

— Нет. Не сразу, Бёртон-нак. Я просто удивился тому, что она сказала. Начал напрягать память. Просто слышал, как скрипят мои мозговые извилины. Наконец вспомнил, будто в тумане, как мы собирались войти в хижину Пита. Затем вроде бы вспомнил, что там была Логу и как Монат говорил, что придется воспользоваться его хижинкой. А еще потом... Я с трудом припомнил, что вхожу в нее.

— А пока ты с ней разговаривал, ты не заметил, что я сижу у огня и мрачно смотрю в сторону, как будто на лице у меня собираются грозные тучи?

— Нет, я подумал, что ты просто, как обычно, слишком много съел и выпил.

— Это верно. Но дело было не в том, что у меня бурлили газы в животе. Главное — это газы в мозгу. А ты, часом, припомнив все это, ничего не сказал Монату и Фрайгейту?

— Нет.

— Вот и дальше не говори.

Может, у Казза низковат лоб, но глупым его никак не назовешь.

— Ты думаешь, что с этими двумя что-то неладно?

— Я не знаю, — ответил Бёртон. — Мне отвратительно даже подумать такое! После всех этих лет... и они же отличные ребята... Во всяком случае...

— Мне это кажется невозможным, — сказал Казз. Его голос звучал так, будто сердце готово разорваться.

— Что невозможно?

— Не знаю что. Но что-то *плохое*.

— Не знаю, — ответил Бёртон, — вполне могут быть другие объяснения, кроме того, о котором я сейчас думаю. Но в любом случае никому не говори ни слова.

— Не буду. Только... Слушай, у них же у обоих на лбу есть эти знаки. И всегда были. Поэтому если агенты этиков в те времена еще не носили подобных знаков, то ни Пит, ни Монат агентами быть никак не могут!

Бёртон улыбнулся. Мысли Казза были одновременно и его мыслями. И тем не менее дело явно требовало расследования. Но как провести его, не насторожив тех двоих? Правда, вполне возможно, что им вовсе нечего прятать.

— Да. Я знаю это. Не забывай, что и Бесст тоже видела их знаки. Так что у нас есть двойное подтверждение, хотя в общем-то оно нам и не особенно нужно. И все же — молчок, пока я не подам тебе сигнал.

И они двинулись к «Снарку».

— Не понимаю я, — бурчал Казз, — но уверен, что у меня возникли дурные предчувствия. Эх, видно, надо было покрепче держать язык за зубами. Логу обязательно могла что-то вякнуть по этому поводу...

ГЛАВА 25

Бёртон прохаживался взад и вперед по тонущей в тумане палубе. Хотя тело Бёртона благодаря окутывающим его покрывалам и не ощущало холода, зато лицо прямо заledenело. Откуда-то в эти места пришел необычайно холодный воздух, и клубы тумана громоздились чуть ли не до половины высоты мачты. Дальше вытянутой руки Бёртон ничего перед собой не видел.

Насколько он знал, сейчас на борту спали все, за исключением его самого. Компанию ему составляли только собственные мысли. А они, как назло, разбегались в разные стороны, подобно стаду

овец, пасущихся на склоне холма. Бёртону пришлось немало потрудиться, чтобы собрать их вместе, привести хоть в какой-то порядок и помешать им снова удрать на пастбище. А каково это пастбище? Что-то горчит его трава!

Ему пришлось перелистать все тридцать три года пребывания в Долине, отбирая при этом из памяти все, что так или иначе касалось Моната и Фрайгейта. Какие их действия и слова можно было счесть подозрительными? Какие кусочки ложились в эту мрачную головоломку, с которой ему приходилось сейчас возиться?

В тот страшный и в то же время счастливый день, день, когда он восстал из мертвых, первым, кого он встретил, был арктурианец. Из всех, с кем он столкнулся в тот день, Монат действовал наиболее разумно и спокойно. Он понял суть ситуации на удивление быстро, оценил сложившуюся обстановку и мгновенно осознал назначение граалей.

Вторым, на кого Бёртон обратил особое внимание, был неандерталец Казз. Тот, однако, сначала даже не пытался заговорить с Бёртоном. Казз просто бродил за ним по пятам. Питер же Фрайгейт был вторым *человеком*, заговорившим в этот день с Бёртоном. И, как теперь вспомнил Бёртон, Фрайгейт показался ему парнем легким и многое не принимающим близко к сердцу. Это было странно, особенно если учесть, что Фрайгейт сам говорил, что сильно испуган и близок к истерике.

Последовавшие события вроде бы подтверждали это. Однако постепенно и особенно за последние двадцать лет Фрайгейт умудрился преодолеть свои недостатки. Что это значило — что он воспитал в себе уверенность или просто вышел из роли и перестал ее играть?

Конечно, могло быть полнейшей случайностью, что второй по счету встреченный человек оказался тем, кто на Земле написал биографию Бёртона. Как много на свете исследователей его биографии? Десять? Двенадцать? А какова вероятность, что один из них будет воскрешен в нескольких метрах от него самого? Двенадцать шансов на тридцать шесть миллиардов.

И все же это не противоречило вероятности; не было чем-то абсолютно невозможным.

Затем к тем, кто собрался вокруг Бёртона, присоединился Казз. Потом Алиса, затем Лев Руах.

Сегодня, когда Казз стоял на руле, Бёртон подошел к нему и с ним заговорил. Разговаривал ли Казз с Монатом или Фрайгейтом в День Воскрешения, когда Бёртона с ним не было рядом? Не может ли Казз вспомнить что-либо подозрительное в их поведении?

Казз покачал своей толстолобой башкой:

— Я несколько раз оставался с ними наедине, когда тебя не было видно. Но я не помню ничего странного. Вернее, Бёртон-нак, я не заметил ничего, что было бы более странным, чем то, что диктовалось самой странностью обстановки. В тот день ведь все было странным.

— В тот день ты замечал знаки на лбу людей?

— Да. Иногда. Особенно когда солнце стояло высоко.

— А что ты скажешь о Монате и Фрайгейте?

— Я не помню, чтоб тогда видел у них эти знаки. Но ведь я не помню и того, что я видел их у тебя. Свет должен был падать под определенным углом.

Бёртон вытащил из висевшей у него через плечо сумочки сверток бумаги, изготовленной из бамбука, заостренную рыбью кость и деревянную бутылку с чернилами. Он взял на себя штурвал, пока Казз пытался изобразить знаки, которые он видел на лбах арктурианца и американца. У обоих они представляли три параллельные линии, перечеркнутые тремя тоже параллельными вертикалями; рядом стоял крест, заключенный в круг.

Линии были одинаковой длины и толщины и лишь немного утолщались на кончиках. У Моната линии становились толще вправо, а у Фрайгейта — влево.

— А у меня какие знаки на лбу? — спросил Бёртон.

Казз изобразил четыре волнистые параллельные горизонталы и рядом с ними значок, похожий на английское «&». Ниже значка шла короткая, тонкая и прямая горизонтальная черточка.

— У Моната и Фрайгейта знаки удивительно схожи, — заметил Бёртон. По его просьбе Казз нарисовал знаки каждого члена их команды. Никакого сходства между ними не было.

— А ты не помнишь знака Льва Руаха?

Казз кивнул и минуту спустя вручил Бёртону рисунок. Бёртон был разочарован, хотя особых причин для этого вроде не было. Символ Руаха был совсем не похож на символы обоих подозреваемых.

И вот теперь, шагая по палубе, Бёртон задумался над тем, почему он ожидал, что символы на лбу Руаха будут схожи с символами этих двоих? Что-то, казалось, стучалось ему в мозг, какое-то подозрение, суть которого он никак не мог нащупать. Была между этими тремя людьми какая-то связь, но она ускользала от него каждый раз, когда ему начинало казаться, что он уже поймал ее.

Хватит ему размышлять. Пора дело делать.

Большой белый тук, лежащий у стенки каюты, оказался неандертальцем, закутанным в белые покрывала. Ориентируясь на звук громкого храпа, Бёртон подошел к нему и тряхнул за плечо. Вскрапнув в последний раз, Казз проснулся.

— Время?

— Время!

Сначала, однако, Каззу приспичило облегчиться прямо через борт. Бёртон зажег фонарь с рыбьим жиром, и они спустились по сходням на причал. Отсюда они вышли на берег, а потом направились к своей цели — к маленькой пустой хижине, расположенной в двух сотнях шагов от причала. Сначала они сбились с пути, и им пришлось поплутать в тумане, прежде чем они наткнулись на нее. Войдя внутрь, Бёртон притворил дверь. Казз еще вечером бросил охапку дров и стружек в каменный очаг. Вскоре затеплился слабый огонек. Казз уселся в бамбуковую качалку, стоявшую перед огнем,

и тут же закашлялся от дыма, который легкий сквозняк выдувал из трубы в комнату.

Погрузить Казза в гипнотический сон оказалось совсем нетрудно. Он постоянно служил медиумом Бёртону все эти годы в тех случаях, когда Бёртон решал позабавить местную публику, демонстрируя свои способности гипнотизера.

Теперь Бёртон припомнил, что Монат и Фрайгейт всегда присутствовали при этих представлениях. Нервничали они тогда или нет? Если да, то очень умело скрывали беспокойство.

Бёртон велел Каззу вернуться к тому времени, когда он в присутствии нескольких завтракавших приятелей упомянул, что у Спрюса на лбу нет «клеяма». Мало-помалу продвигаясь дальше, он подвел Казза к тому моменту, когда неандерталец вошел в хижину Моната. Вот тут-то он и наткнулся на первое сопротивление.

— Ты уже в хижине?

Казз, глядя перед собой, но явно видя лишь прошлое, ответил:

— Я у двери.

— Входи внутрь, Казз.

Казз сделал усилие и задрожал.

— Не могу, Бёртон-нак.

— Почему не можешь?

— Не знаю.

— Может быть, в хижине есть что-то страшное?

— Не знаю.

— Может, кто-нибудь сказал тебе, что в хижине есть что-то плохое?

— Нет.

— Тогда тебе нечего бояться. Казз, ты отважный человек, не так ли?

— Я знаю, что я такой и есть, Бёртон-нак.

— Так почему же ты неходишь внутрь?

Казз потряс головой:

— Не знаю, что-то...

— Что-то? А что именно?

— Что-то говорит мне... говорит мне... не могу вспомнить.

Бёртон прикусил нижнюю губу. Горящие сучья трещали и шипели.

— Кто говорит тебе? Монат? Фрайгейт?

— Не знаю.

— Думай!

Лоб Казза избородили морщины. Снова затрещало пламя. Услышав его, Бёртон улыбнулся:

— Казз!

— Да?

— Казз! В этой хижине находится Бесст. Она кричит! Неужели ты не слышишь ее воплей?

Казз распрямился и огляделся по сторонам; его глаза широко раскрылись, ноздри вздрагивали, зубы ощерились.

— Я слышу ее. Что там случилось?

— Казз! В хижине спрятался медведь. Он напал на Бесст. Бери копьё и убей медведя, Казз! Спасай Бесст!

Казз вскочил, его рука сжала воображаемое копьё; он прыгнул вперед. Бёртону пришлось отшатнуться в сторону, чтобы освободить Каззу дорогу. Казз споткнулся о стул и рухнул лицом вниз.

Бёртон поморщился. А вдруг удар выведет Казза из транса? Нет, Казз уже вскочил на ноги и готовился к следующему прыжку.

— Казз! Ты уже в хижине! Вот он медведь! Коли его! Убей медведя!

Оскалив зубы, Казз схватил воображаемое копьё обеими руками и всадил его во врага.

— Эй-й! Эй-й! — последовал поток похожих на рычание слов. Бёртон, который выучил кое-что из родного языка Казза, понял их.

— Я — Человек-Который-Убил-Белозубого! Умри же, Волосатый-Который-Спит-Всю-Зиму! Умри, но сначала прости меня! Я должен это сделать! Умри! Умри же!

— Казз! Он убежал прочь, — крикнул Бёртон. — Медведь выскользнул из хижины! Бесст спасена!

Казз перестал разить копьём. Теперь он стоял прямо, недоуменно оглядываясь по сторонам.

— Казз! Уже прошло несколько минут. Казз! Бесст ушла. Ты теперь стоишь в хижине! *Внутри* ее! Тебе нечего бояться. Ты вошел в хижину, и тебе нечего опасаться. Но кто там сейчас с тобой?

Казз! Ты находишься в хижине спустя несколько минут после того, как увидел, что у Спрюса на лбу отсутствуют знаки. Кто тут в хижине, кроме тебя?

Неандерталец утратил свирепое выражение лица. Он тупо смотрел на Бёртона.

— Кто? Ну, как же — Монат и Пит.

— Отлично, Казз. Теперь... кто первым заговорил с тобой?

— Монат.

— Скажи мне, о чем он говорил? Скажи мне также, что говорил Фрайгейт.

— Фрайгейт не говорил ни слова. Говорил один Монат.

— Скажи мне, что он говорил... что он говорит сейчас?

— Монат говорит: «Теперь, Казз, ты позабудешь все, что происходило в этой хижине. Мы поговорим минуту, а потом уйдем. После того как ты выйдешь отсюда, ты не вспомнишь, ни как входил в хижину, ни как вышел из нее. Все, что было между этими событиями, ты забудешь. Если кто-нибудь спросит тебя об этом времени, ты скажешь, что ничего не помнишь. И это не будет ложью, потому что ты действительно все позабудешь. Верно ведь, Казз?»

Неандерталец кивнул.

— «А еще, Казз, просто для того, чтобы не сомневаться... Ты в первую очередь должен забыть то, как я повелел тебе выбросить из

памяти случай, когда ты сказал мне и Фрайгейту, что у нас на лбу нет знаков. Ты сейчас помнишь тот случай, Казз?»

Казз покачал головой:

— «Нет, Монат».

И он тяжело вздохнул.

— Кто это вздохнул? — спросил Бёртон.

— Фрайгейт.

Видимо, это был вздох облегчения.

— Что еще говорит Монат? Говори и то, что ты ему отвечал.

— «Казз, когда я говорил с тобой в тот первый раз, сразу же после того как ты сказал нам с Фрайгейтом, что у нас на лбу нет знаков, я тебя попросил сказать, что Бёртон рассказывал о своей встрече с Таинственным Незнакомцем. Я подразумевал того, кто мог назваться этиком».

— А-а-а! — воскликнул Бёртон.

— «Ты помнишь это, Казз?»

— «Нет».

— «Конечно, нет. Я велел тебе все позабыть. Но теперь я прошу тебя вспомнить. Ты помнишь тот разговор, Казз?»

Последовало молчание, длившееся секунд двадцать. Затем неандерталец произнес:

— «Да. Теперь я помню».

— «Очень хорошо, Казз. Говорил ли тебе Бёртон что-нибудь об этом этике? Или о ком-нибудь, все равно, о мужчине или женщине, кто бы заявил, что является одним из тех, кто воскресил нас из мертвых?»

— «Нет, Бёртон-нак никогда не говорил мне ничего подобного»

— «Но на будущее помни, что, если он когда-либо скажет нечто похожее, ты сразу же придешь ко мне и расскажешь».

Ты сделаешь это, однако, когда никого рядом с нами не будет. Где никто нас не подслушает. Ты понял?»

— «Да, я понял».

— «А если меня по какой-то причине не будет, если ты не сможешь отыскать меня, потому что я умер или путешествую, ты обратишься к Питеру Фрайгейту или Льву Руаху вместо меня. Понял?»

— Значит, и Руах тоже! — тихо сказал Бёртон.

— «Да, я понял. Я скажу Питеру Фрайгейту или Льву Руаху, если тебя не будет».

— «И ты расскажешь им об этом, только если рядом никого не будет, где не может быть подслушивающих. Ты понял?»

— «Да, я понял».

— «Отлично, Казз. Все очень хорошо. А теперь мы уйдем. И когда я дважды щелкну пальцами, ты забудешь и это, и тот первый раз».

— «Да, я это понял».

— «Казз, ты еще... ой, ой! Кто-то нас зовет! А времени на придумывание объяснений у нас нет! Пошли!»

Бёртону оставалось только додумать, в чем смысл последней неоконченной фразы. Монат, должно быть, хотел сказать Каззу, что тому следует говорить, если кто-нибудь спросит, о чем был разговор. Это было удачей для Бёртона. Если бы у Казза было хоть сколько-нибудь надежное прикрытие, то Бёртон так и не заметил бы ничего подозрительного.

ГЛАВА 26

— Садись, Казз, — сказал Бёртон. — Устраивайся поудобнее. Посиди тут немножко. А я сейчас уйду. Через некоторое время сюда придет Монат, и он будет говорить с тобой.

— Я понимаю.

Бёртон вышел из хижины и с минуту постоял неподвижно. Он мог бы выдать себя за Моната и в самом начале этого спектакля. Вероятно, это помогло бы быстрее преодолеть сопротивление Казза, и Бёртону не пришлось бы прибегать к этому трюку с Бесст и медведем.

Он снова вошел в хижину и сказал:

— Привет, Казз, как живешь?

— Отлично, Монат. А твои как дела?

— Прекрасно. Ладно, Казз. Я начну с того места, на котором твой друг Бёртон остановился. Мы вернемся к тому первому разу, когда я говорил с тобой сразу после того, как ты заметил, что ни у меня, ни у Фрайгейта нет знаков на лбу. Ты ведь сейчас помнишь этот случай, так как я — Монат — велел тебе припомнить его.

Вернись к тому моменту, как ты сказал об этом Монату. Помнишь?

— Да, я помню.

— Где были ты, Монат и Фрайгейт?

— Мы были у питающего камня.

— В какой день или какую ночь это было?

— Я не понимаю.

— Я хочу сказать, сколько дней спустя после Дня Воскрешения это случилось?

— Через три дня.

— Расскажи, что случилось после того, как ты им сказал об отсутствии у них знаков.

Казз, говоря монотонным голосом, описал события, которые последовали сразу за этим. Монат сказал, что он и Фрайгейт хотели бы поговорить с ним наедине. Они пересекли равнину и вышли к холмам. Там под гигантским «железным» деревом Монат пристально поглядел в глаза Каззу. Он не прибегал ни к каким механическим приспособлениям и даже не сказал Каззу, что он хочет делать. Монат просто загипнотизировал его.

— Мне показалось, будто что-то темное надвигалось от него. Что-то темное и очень могучее.

Бёртон кивнул. Он видел, как Монат демонстрирует свою силу. Этот «животный магнетизм», как он назывался во времена Бёртона. Монат куда более сильный гипнотизер, чем Бёртон, и именно по этой причине последний никогда не позволял арктурианцу гипнотизировать его. Больше того, Бёртон предпринимал предосторожности, которые помешали бы Монату захватить его врасплох. Прибегнув к очень тонкому самогипнозу, Бёртон внушил себе самому, что он никогда не должен разрешать себе подчиняться гипнозу Моната. Однако Монат мог оказаться обладателем такой силы, которая сняла бы эту команду, а потому Бёртон соблюдал железное правило — никогда не оставаться с Монатом наедине.

Эти предосторожности основывались на страхе, что Монат может случайно наткнуться на тот эпизод, когда Бёртона посетил этик. А это была сокровенная тайна Бёртона, которую он не хотел выдавать никому. Принимая эти предосторожности, Бёртон, конечно, и не подозревал, что Монат может оказаться сам одним из этиков.

Интересно было бы узнать, не является ли и Фрайгейт экспертом-гипнотизером? Этот парень никогда даже не намекнул, что он обладает этим даром. Но в свое время он категорически отказался от предложения Бёртона загипнотизировать его. В качестве причины он сослался на то, что не может вынести даже мысли о том, что потеряет контроль над собой.

Казз вспомнил, как во время этой встречи Монат бросил Фрайгейту несколько слов насчет способности неандертальца видеть символы на лбах других людей.

— Мы об этом ничего не знали. Надо сообщить в ШК сразу же, как появится такая возможность.

Итак, подумал Бёртон, Монат и Фрайгейт время от времени могут связываться с этиками. Как они это устраивают? Может быть, в качестве одного из способов связи у них есть договоренность о приземлении в заранее условленных местах летающих машин, одну из которых Бёртон видел мельком. Тех машин, что вдруг возникают и тут же исчезают из поля зрения во время полета?

Надо думать, эти двое не спускали с него глаз. Это и было одной из причин того, что таинственный незнакомец посетил его ночью и именно во время бури. Этот этик мог знать, что Фрайгейт и Монат входят в состав группы Бёртона. Однако он ни разу не упомянул о них и даже не предупредил Бёртона о такой опасности.

Больше того, Монат сказал тогда Каззу, что начиная с этой минуты тот будет видеть знаки на его лбу и лбах его двух товарищей.

Но почему он не дал Каззу установку видеть такие знаки на всех, кто на самом деле их не имел?

Может, он подумал, что в этом нет необходимости? Ведь шанс наткнуться на другого неандертальца, которые вообще очень многочисленны, был очень мал. И все же такая установка полностью снимала бы опасность разоблачения других агентов.

Объяснение, вероятно, очень простое. Монату пришлось бы описать знаки каждого агента, шныряющего по Долине. А их могли быть сотни и даже тысячи, насколько мог судить Бёртон. Так что попытка выйти из затруднения таким образом была просто неосуществима.

Монат не очень ошибался, думая, что неандертальцы попадаются очень редко. За все время путешествия Бёртон насчитал их не больше сотни. И всех их, кроме Казза и Бесст, он видел мельком, на большом расстоянии и в течение лишь одного-единственного дня.

И все же они встретились с Бесст.

Бёртон постарался припомнить точные обстоятельства, при которых они встретились. Это было три года назад, когда они вышли вечером на берег. Тот район был населен преимущественно китайцами из XIV века нашей эры и древними славянами. Бесст жила с китайцем, но с самого начала она дала понять, что хочет уйти на судно вместе с Каззом. Было темно, и поэтому она могла и не заметить чего-то странного во Фрайгейте и Монате (не считая, конечно, того обстоятельства, что последний вообще не человек).

Казз и Бесст увлеклись друг другом и разговаривали до поздней ночи. Когда ее сожитель приказал ей следовать за ним, Бесст начисто отказалась. Наступил довольно сложный момент, когда всем показалось, что китаец собирается броситься на Казза. Однако разум все же победил. Тот понял, что хоть он и выше неандертальца, но куда слабее. Казз был ростом невысок, но его массивный костяк и мощные мышцы делали его куда более сильным, чем современные люди. А страшное свирепое лицо могло напугать кого угодно.

Парочка отправилась на судно, чтобы провести ночь вместе. Видимо, заснули они где-то перед самым восходом. Мог ли Монат в это время подобраться к Бесст? Возможно. Хотя Бёртон не понимал, как тот мог этого добиться. Однако Бесст никогда и словечка не проронила насчет знаков на лбах Фрайгейта и Моната.

Казз кончил свое повествование о той встрече. Он был краток и подтверждал все то, что априори предполагал Бёртон.

Он отправил Казза за Бесст, приказав ему быть очень осторожным. Через несколько минут тот вернулся с женой. Бёртон сказал, что ее любопытство он удовлетворит потом, а пока — не разрешит ли она загипнотизировать себя? Бесст была совсем сонная и легко согласилась. Она села в то же кресло, где раньше сидел Казз.

Назвавшись Монатом, Бёртон приказал ей вернуться к тому времени, когда Монат загипнотизировал ее. Как он и думал, это произошло после того, как она и Казз легли спать. Монат просто описал ей те знаки, видение которых на лбах трех агентов он внушил ее приятелю. Затем он приказал ей в дальнейшем видеть эти знаки и наяву. Вся операция была осуществлена быстро и без всякого шума.

Монату и его друзьям сильно повезло. До того как Казз встречал Спрюса, он видел только еще двух людей без знаков.

И первый такой случай имел место в День Воскрешения. Он окликнул этого человека, спрашивая, почему у того нет знаков. Человек убежал, причем, возможно, не потому, что понял Казза, а потому, что неправильно интерпретировал его намерения.

Позднее, уже после встречи с Бёртоном, Казз пробовал рассказывать ему то, чему был свидетелем, но в те времена ни тот ни другой не имели общего языка. А потом Казз просто позабыл об этом случае, ведь все силы уходят на то, чтобы выжить.

Вторым человеком, у которого не было знаков на лбу, была женщина-монголка. Это случилось в полдень. Женщина только что вышла из Реки, где она купалась. Казз попробовал заговорить с ней, но ее мужчина, у которого такой знак имелся, увел женщину с собой. Видимо, он ее приревновал, так что, как и в первый раз, намерения Казза были истолкованы неверно.

Пока Бёртон и другие вели переговоры в Доме Совета с главой поселения, Казз оставался снаружи сторожить корабль. Когда женщина ушла, к Каззу подошли несколько местных и предложили выпить вместе самогона из лишайников, чтобы познакомиться и поболтать. Эти люди никогда не видели неандертальцев, и спирт должен был послужить средством разговорить его. Казз легко соблазнился бесплатной выпивкой и к тому времени, когда его товарищи по плаванию вернулись, был здорово пьян. Бёртон обошелся с ним сурово, чтоб Казз закаялся пить, находясь на посту.

А о женщине Казз позабыл напрочь.

После того как Бёртон вывел Бесст из транса, он долго сидел, погруженный в свои думы. Бесст и Казз нетерпеливо ерзали, бросая друг на друга недоумевающие взгляды. Наконец Бёртон принял решение. Не к чему было держать их в неведении. Да и Алису теперь он уже не имел права исключать из числа посвященных. Тому незнакомцу он ничем не был обязан, а поскольку тот не появлялся, то Бёртон больше не был связан обещанием держать язык за зубами. Кроме того, хоть Бёртон и был скрытным человеком, но сейчас испытывал настоятельную необходимость поделиться с кем-нибудь своими открытиями. Ситуацию он обрисовал лишь в самых общих чертах, но даже на это ушло больше часа.

Бесст и Казз были поражены и забросали его вопросами. Бёртон поднял руки, требуя тишины.

— Потом! Потом! А сейчас нам придется подвергнуть их допросу. Арктурианец крепкий орешек, поэтому начнем с Фрайгейта. И он изложил свой план действий.

— А не лучше ли нам сшибить Моната с ног и связать? Что, если он проснется, пока мы будем брать Фрайгейта?

— Мне не нужен шум, если его можно избежать. Ведь если нас услышат Логу и Алиса, то будет такой тарарам...

— Что будет?

— Галдеж. Пошли.

И все трое двинулись сквозь туман. Бёртон думал о тех вопросах, которые он задаст Фрайгейту. Например, знали ли Монат,

Фрайгейт и Руах, что Спрюс является агентом? У них было множество случаев поговорить с ним, пока все они находились в граальном рабстве. И у Моната была возможность после успешного восстания рабов загипнотизировать Казза, чтоб тот вообразил, будто видит знак на лбу Спрюса. Тогда почему он этого не сделал?

Если у Моната не было случая загипнотизировать Казза после восстания, то он мог просто посоветовать Спрюсу быстренько покинуть эти места. Или, на худой конец, обматывать голову тканью в тех случаях, когда условия благоприятствовали «проявлению» знаков.

А может быть, Спрюс не знал, что Монат и Фрайгейт являются его сотоварищами-агентами? Возможно, агенты столь многочисленны, что каждый из них знал только немногих? Хотя уж о Монате наверняка должны были знать все.

Бёртон остановился и с трудом перевел дыхание.

Таинственный Незнакомец никогда ничего не говорил о существовании собственной агентурной сети. И все же он был предателем и мог завербовать нескольких надежных людей. Так не мог ли именно Спрюс быть одним из них? Не мог ли Монат каким-либо способом выяснить это? И отделаться от Спрюса, не рассказав ему о необыкновенных особенностях зрения Казза?

Все эти догадки не казались такими уж вероятными. Если Монат узнал, что Спрюс работает на Незнакомца, а в это само по себе трудно поверить, то почему он тогда не загипнотизировал Спрюса? Это позволило бы ему установить личность Незнакомца, если, конечно, допустить, что Спрюс это знал.

Была и еще одна возможность. Монат знал, что Спрюс способен покончить самоубийством с помощью шарика в лобной части мозга. В этом случае он мог не беспокоиться, что Спрюса вообще заставят силой выдать какую-нибудь информацию.

А еще он мог использовать Спрюса как гонца. Мог дать Спрюсу какие-то сведения, которые тот передаст после возрождения в ШК, если ШК означает штаб-квартиру.

Монат принимал участие в допросе Спрюса. Надо думать, он извлек из этого немало удовольствия. Ведь именно Монат задавал Спрюсу наводящие вопросы.

А не был ли Спрюс подготовлен Монатом заранее, какие именно давать ответы? Не были ли они все лживы?

А если да, то зачем надо было лгать? Зачем надо держать всех воскрешенных в неведении?

Вполне возможно, что Спрюс, действуя по приказу Моната, умственно вел себя так, чтобы Казз его засек.

Едва Бёртон успел прийти к этим выводам, как троича взойшла на борт «Снарка». Неандертальцы остались на палубе. Бёртон же, спустившись ощупью в каюту по трапу и пересчитав двери в «закутки», остановился у двери закутка Фрайгейта и Логу. Он еле слышно открыл дверь и ступил в комнату. Это была крошечная каморка, в которой еле хватало места для двух коек, прибитых к перегородке, и места, чтоб с них слезать на пол. Такие вот закутки

с койками и были единственным местом на корабле, которые хоть как-то обеспечивали частную жизнь. Даже кишечники опорожнялись тут же — в бамбуковые горшки, стоявшие рядом на полке.

Фрайгейт обычно спал на верхней койке. Бёртон неслышно сделал шаг вперед с протянутой рукой. Он хотел тихонько разбудить Фрайгейта, шепнуть ему, что пришел его черед выходить на вахту, а затем вместе с ним подняться на палубу. Там Казз мог свалить Фрайгейта одним ударом, и его отнесли бы в хижину.

Поскольку удержать Фрайгейта от самоубийства, когда он находится в полном сознании, было невозможно, Бёртон решил попытаться загипнотизировать его сразу же, как только тот очнется от шока. Это была процедура, связанная с различными сложностями, но Бёртон решил все же прибегнуть к ней. Фрайгейт, в отличие от Спрюса, мог и не отважиться на самоубийство теперь, когда воскresший больше не было.

Впрочем, Бёртон не был уверен, что агенты этиков тоже умирают по-настоящему.

Его пальцы скользили по гладкой деревянной стенке койки. Потом они передвинулись на ткань, служившую матрасом. И замерли.

Фрайгейта в койке не было.

Бёртон перевернул белье, хотя и знал, что койка пуста. Она еще хранила тепло тела Питера. Бёртон постоял, раздумывая, что делать дальше. Может, Фрайгейт вышел на палубу, чтобы облегчиться, так как не хотел будить Логу? Или он рано проснулся и решил поговорить с капитаном еще до вступления в обязанности вахтенного?

Или он... Бёртон ощутил прилив бешенства. Может, он выскользнул из своей постели и теперь лежит с Алисой?

Устыдившись такого предположения, Бёртон тут же отбросил эту возможность. Алиса честна. Она его никогда не предаст. Если бы ей понадобился другой любовник, она бы так и сказала. Она все рассказала бы Бёртону и сейчас же ушла бы от него. Да и в то, что Фрайгейт может позволить себе нанести оскорбление Бёртону, он тоже не верил, хотя в воображении тот, возможно, и прелюбодействовал с Алисой.

Бёртон наклонился и протянул руку, коснувшись ткани простынь. Его пальцы скользнули дальше, нащупав округлость — грудь Логу под тканью. Он попятился и выбрался из каюты.

Тихо, с сердцем, бьющимся так сильно, что ему казалось, будто звук биения слышен по всему кораблю, Бёртон двинулся к закутку Моната. Прижав ухо к двери, он вслушался. Тишина. Он выпрямился, открыл дверь и ощупал верхнюю койку. Моната там не было; впрочем, он мог быть и на нижней. Если так, то дыхания можно было и не услышать.

Рука Бёртона коснулась легкой ткани.

Тихонько выругавшись, он ощупью вышел на палубу. Казз выступил из тумана с поднятым над головой кулаком.

— Улла! В чем дело?

— Оба бежали.

— Но... но как это могло случиться?

— Не знаю. Может быть, Монат почувствовал что-то неладное. Он ведь самое чуткое существо из всех, кого я видел; он умеет читать по малейшим изменениям в выражении лица, ощущать ничтожные перемены в звучании голоса. А может, он услышал, как ты будишь Бесст, прислушался и заподозрил неладное. Я даже допускаю, что он подслушал наши разговоры у двери хижины.

— Ни Бесст, ни я шума не производили. Мы были бесшумны, как хорек, отслеживающий кролика.

— Я знаю. Погляди-ка кругом. Наш ялик цел?

Казз вернулся с другой стороны, противоположной той, куда он ушел.

— Все лодки тут.

ГЛАВА 27

Бёртон разбудил Логу и Алису. Пока все пили горячий кофе, он рассказал им все, что произошло у него с этиками. Они казались ошеломленными, но хранили молчание до конца рассказа. А затем на него обрушился шквал вопросов, но Бёртон заявил, что ответит на них позже. Скоро наступит рассвет, а это значит, что придется идти со своими граалями и ставить их на питающий камень, чтобы получить завтрак.

Только Алиса не сказала ни слова. Но по ее сузившимся глазам и крепко сжатым губам было видно, что она вне себя.

— Мне очень жаль, что все это пришлось скрывать от тебя, — сказал Бёртон. — Но надеюсь, ты понимаешь, насколько это было необходимо? Ведь если бы я рассказал тебе все, этики схватили бы тебя так же, как схватили меня. Они прочли бы твои мысли и узнали бы, что ошибались в своих предположениях, будто стерли из моей памяти все важные сведения.

— Они этого не сделали бы, — сказала Алиса. — И такая мысль вряд ли могла взбрести им в голову.

— Откуда ты знаешь, что они этого не сделали бы? — спросил Бёртон. — Ты же все равно потом ничего не смогла бы вспомнить.

Эта мысль ее потрясла. Но все равно до самого завтрака Алиса не сказала Бёртону ни слова.

Все события происходили при совершенно непривычных погодных условиях. Обычно солнце быстро прогоняло туман. Весь день в тропической зоне небо безоблачно, а в умеренных зонах — вплоть до второй половины дня. После обеда, как правило, в умеренных зонах быстро набегали облака, минут 15 шел дождь, а потом облака расходились.

Но в это утро черные массы туч заволокли все пространство между солнцем и поверхностью планеты. Сверкали молнии, будто осколки ясного неба, простиравшегося над тучами, проваливались сквозь них. Гром бормотал где-то подобно гиганту, спрятавшемуся за горами. Свет приобрел странную мертвенную коричневатую-жел-

тую окраску. Лица людей, собравшихся вокруг питающего камня, выглядели так, будто их покрыла ржавчина.

Казз и Бесст согнулись над едой и искоса бросали взгляды по сторонам, будто ожидая появления нежеланного гостя. Казз проормотал на своем родном языке:

— Медведь-Что-Собирает-Бедствия уже грядет...

Бесст только что не стонала:

— Надо найти хижину, чтобы спрятаться. Нельзя оставаться у воды, когда слышен грохот его шагов.

Все остальные тоже выглядели так, будто были готовы искать убежище. Бёртон встал и громко сказал:

— Минуту внимания! Я хотел бы узнать, не пропала ли у кого-нибудь из вас лодка?

— А в чем дело?

— Двое из моей команды вчера дезертировали, так что, возможно, они украли лодку, чтоб бежать отсюда.

Забыв о приближающейся буре, толпа разбежалась, чтобы осмотреть берег. Через минуту какой-то мужчина явился и сообщил, что его долбленка исчезла.

— Ну, теперь они успели уйти далеко, — сказал Казз. — Но куда же они ушли — вниз или вверх по течению?

— Если тут действует сигнальная система, — ответил Бёртон, — то мы могли бы выяснить это очень скоро, разумеется, при условии, что они не вылезли на берег и не спрятались в холмах.

— Что же мы будем делать, Дик? — спросила Алиса. — Если мы останемся здесь и будем их искать, мы не сможем попасть на «Рекс».

Бёртон с трудом сдержал себя, чтоб не ткнуть ее носом в желательность воздерживаться от повторения всем очевидных замечаний. Алиса все еще кипела, и не было смысла доводить ее до взрыва.

— Монат и Фрайгейт сегодня могут забиться в какую-нибудь дыру, а ночью выползти из нее и украсть другую лодку. Глупо даже пытаться изловить их. Нет, мы лучше попытаемся попасть на борт колесного корабля. А те двое когда-нибудь обязательно попадутся нам на дороге, и если это случится...

— Мы разорвем их на кусочки? — спросил Казз.

Бёртон пожал плечами и развел руками:

— Не знаю. У них есть выбор. Или они упадут мертвыми, или начнут врать. И пока мы не достигнем Башни...

И тут вмешалась Алиса, с глазами, затуманенными давней мечтой:

Велели мне вступить на ложный путь,
Ведущий вниз по дикому ущелью,
Чтоб Черный Замок, мне служивший целью,
Я потерял. Но гордость не дала мне повернуть
Туда коня. Он поскакал левей, где лишь светился чуть
Огонь надежды, хоть смерть корячилась за каждой черной елью.

Ведь я так долго странствовал по свету,
Что поиск мой — потеха для невежд —
Уже и мне не предрекал успехов, удач, добычи и надежд.
Еще вчера, мне мнилось, пересечь лишь эту
Холодную грядку, и в тот же миг обманчиво прельстительное лето
Передо мной предстанет без одежд.

Теперь враги стоят и ждут упорно,
Чтоб конь мой рухнул, выбившись из сил,
А я — коленопреклоненный — у них пощады жалкой попросил.
Я ж им кричу, что гибель не заторна,
И что рассудку вопреки, Роланд примчался все же к Башне Темной
И в мощный рог победно протрубил.

Бёртон усмехнулся:

— Браунинг признал бы... должен был бы признать... что обстановка на этой планете куда удивительнее, нежели в его фантастической поэме. Мне понятны твои чувства, даже если Браунинг и высказал их раньше тебя, Алиса. Отлично, итак, мы идем к Темной Башне.

— Я не понял, о чем говорила Алиса, — сказал Казз. — А вообще-то, каким образом мы попадем на борт того корабля?

— Если у короля Иоанна найдется для нас место, я предложу ему драгоценный подарок — наши «дармовые» граали. Такой дар способен соблазнить даже самое бескорыстное сердце.

— А если мест у него нет?

Бёртон замолчал надолго. То, что стучалось в его мозг — чувство, будто он пропустил наличие тесной связи между агентами, — снова вернулось к нему в те минуты, когда Алиса читала стихи. А теперь он видел, или ему казалось, что видит ту вещь, которая так долго беспокоила его: цепь, связывающую всех агентов воедино.

Как они опознают друг друга? Ну, с Монатом проблемы нет, он не нуждается в особых знаках для идентификации. Но какой же тайный сигнал могли скорее всего использовать для идентификации другие люди-агенты?

Если б они обладали способностью неандертальца, то могли разработать негативный сигнал — отсутствие знаков на лбах своих коллег. Однако предположим, что у них такой способности нет. Спрюз очень удивился, когда узнал об оптическом таланте Казза. Хоть прямо не высказался, но по манере поведения можно было понять, что он в жизни не слышал о такой штуке. По-видимому, для того чтобы определить или расшифровать эти символы, придавая им неизвестное Бёртону значение, использовались машины. Вероятно, это делалось в предвоскресительной капсуле или там, где находится их штаб-квартира.

Значит, раз они не видят символы невооруженным глазом, у них должны быть другие способы опознавания.

Предположим... Ну, просто предположим, ради удобства, что таким сигналом является дата смерти. Тот период времени, в который никакие земляне не воскрешались, во всяком случае на этой планете... Согласно Монату, Фрайгейту, Руаху и Спрюсу, такой датой является 2008 год.

А что, если дата неверна? Что, если она относится к несколько более раннему периоду времени, чем 2008 год?

У Бёртона не было ни малейшего представления о том, какова эта истинная дата, хотя он никогда не встречал никого, кроме самих агентов, кто сказал бы, что он жил после 1983 года. Теперь он будет спрашивать каждого человека из конца XX века, с которыми встретится. И если 1983 год действительно последний, когда кто-то умер, значит, он может быть полностью уверен, что все, указывающие более поздний срок смерти, и есть агенты.

Тогда... возможно, что этики придумали легенду, которая позволяет им узнавать друг друга почти немедленно. Эта легенда, что они жили в 2008 году. И, конечно, у них наверняка подготовлена детальная фальшивая версия событий между 1983 или какой-то другой более поздней датой и 2008 годом.

А это может означать, что рассказы арктурианца об уничтожении почти всего населения Земли в тот год — ложь. Вернее всего, этой ужасной бойни попросту не было. Все, что Бёртон слышал о событиях 1983—2008 годов, вероятно, чистая выдумка. Да, но Монат-то существует! Ведь всем ясно, что его происхождение внеземное. И нет никаких причин не верить, что он прибыл с одной из планет Страха Медведицы.

В настоящее время данных, которые объясняли бы иначе его присутствие в Мире Реки, нет. А вот у Бёртона теперь есть целых два инструмента, чтоб отлавливать этиков. Один — Казз, другой — дата смерти.

Однако человечество живет не в предполагаемом, а во вполне «реальном» мире, и поэтому вполне возможно, что агентов рекрутируют из времени и после 1983 года. Так что их истории могут быть правдивы.

Какое множество различных вероятностей! Например, откуда ему знать, что Монат, Фрайгейт и Руах рассказывали ему правду о том, что случилось с ними, когда он — Бёртон — отсутствовал? Был же тот инцидент, когда Фрайгейт рассказывал о встрече со своим издателем, который надул его на Земле. Фрайгейт говорил, что наконец-то осуществил мечту о мести, разбив обидчику нос.

Фрайгейт даже похвалялся синяками и ссадинами, которые, по его словам, он получил во время потасовки с Шаркко и его бандой. Но ведь с тем же успехом он мог их получить и в драке с совсем другими людьми. Характер Фрайгейта был таков, что он боялся всякого насилия, как физического, так и морального. Он вполне мог изобретать в уме любые виды мести, но вряд ли сумел бы воплотить их в жизнь.

Предположим... ну, только предположим, что агенты приобретали внешность и другие черты, взятые из реальной жизни каких-то

других землян. Что, если на этой планете где-нибудь и сейчас существует настоящий Питер Джейрус Фрайгейт? Тогда псевдо-Фрайгейт вполне мог играть роль человека, который имеет такой глубокий интерес к жизни Бёртона. Это помогло ему сблизиться с Бёртоном, придало уверенность, что и сам Бёртон пойдет ему в этом навстречу. В конце концов, как можно не проникнуться симпатией к своему биографу, к человеку, который, по всей видимости, его прямо-таки обожает?

И все же, зачем агенту обзаводиться такой маскировкой? Почему не использовать настоящего Фрайгейта? Возможно, в этом не было нужды, так было проще и удобней. А возможность встречи с человеком, за которого агент выдает себя, крайне маловероятна.

Столько возможностей, столько вопросов, на которые пока нет ответов.

— Дик! Что с тобой? — воскликнула Алиса.

Он рывком разорвал паутину своих мыслей. Все, кроме его экипажа и человека, у которого украли лодку, уже разбежались по домам. Владелец лодки выглядел так, как будто рассчитывал на вознаграждение, но боялся предъявить свои претензии, так как рядом не было никого, кто мог бы его поддержать.

Ветер вздымал волны на Реке и шумел в листьях, покрывавших крыши. Бился о кранцы причала «Снарк». Свет из желто-коричневого превратился в светло-серый, что делало лица людей еще более жуткими. За Рекой молния сверкнула огненным зубом, а гром взревел, как медведь в пещере. Казз и Бесст явно ждали приказа Бёртона искать место, где можно было бы найти укрытие от бури. Остальные выглядели разве что чуточку спокойней.

— Я задумался, — сказал Бёртон. — Вы спрашиваете, что будет, если у короля Иоанна не найдется для нас места? Что ж, у монархов всегда есть средства, чтобы уменьшить давку, когда им это понадобится. А если он откажется применять такое средство, то я все равно найду способ оказаться на борту. Я не позволю кому-то или чему-то встать мне поперек дороги!

Молния ударила рядом с таким треском, будто всему миру переломили хребет. Казз и Бесст первыми кинулись в близлежащую хижину.

Бёртон, стоя под буйным дождем, который начался одновременно с ударом молнии, хохотал, глядя на них.

— Вперед к Темной Башне! — вскричал он во всю силу своих легких.

ГЛАВА 28

Питер Джейрус Фрайгейт продирался во сне сквозь густой туман. Он был гол: кто-то свистнул у него одежду. Ему надо было попасть домой до того, как взойдет солнце и разгонит туман, выставив тем самым голого Фрайгейта на обозрение всего мира.

Трава была мокрой и жесткой. Через некоторое время, устав идти по обочине дороги, он вступил прямо на асфальтовое покрытие. То и дело, по мере того как он продвигался вперед, туман чуть редел, и Фрайгейт видел стволы деревьев справа от себя.

Откуда-то ему было известно, что он находится в сельской местности. Дом был еще далеко. Но если он пойдет быстрее, то сможет попасть домой еще до восхода солнца. И тогда придется входить туда так, чтобы не разбудить родителей. Двери и окна будут закрыты, а значит, надо будет швырять камушки в окно второго этажа с тыльной стороны дома. Их стук, возможно, разбудит его брата Рузвельта.

Но этот братишка, которому только что исполнилось восемнадцать, уже был законченным пьянчужгой, бабником и гонял на своем ревущем мотоцикле вместе с друзьями, украшенными бачками и затянутыми в кожу бездельниками с хирамовского спиртзавода. Это было воскресное утро, и потому Рузвельт, должно быть, храпит во все носовые завертки, наполняя маленькую комнатенку, которую он делил с Питером, вонючими парами виски.

Рузвельтом он назван в честь Теодора, а не Франклина Делано*, которого отец просто ненавидел. Джеймс Фрайгейт на дух не переносил «Человека из Белого Дома» и уважал «Чикаго трибюн», которую к его порогу доставляли каждое воскресенье. Его старший сын терпеть не мог передовицы и весь тон этой газетенки, а вот ее комиксы очень даже уважал. С тех пор как он научился читать, он с нетерпением дожидался наступления воскресного утра с его какао, блинчиками, беконом и яйцами, после которых начинались приключения Честера Гэмпса и его друзей, искавших Город Золота; Муна Муллинса, Маленькой Сиротки Энни, Большого Дэдди Уорбукса и его приятелей — колоссального чародея Пенджаба — страшного Осу и мистера Эм, который выглядел совсем как Санта-Клаус, был древнее самой Земли и умел путешествовать во времени. А еще там были Барни Гугл и Улыбчатый Джек, и Терри, и Пираты. Восторг и упоение!

Но почему он вспомнил этих знаменитых героев комиксов сейчас, разгуливая голышом по сельской дороге в густых, влажных и зловещих клубах тумана? Впрочем, так ли уж трудно понять почему? Они давали ему ощущение тепла и безопасности и даже счастья, его желудок будто снова наполнялся стряпней матери, тихонько играло радио, а отец, сидя в лучшем кресле гостиной, читал вслух мнения «Полковника Блимпа». Питер же в это время валялся на полу гостиной с разложенной перед ним страницей комиксов. Мать хлопотала на кухне, кормя завтраком его младших братишек и совсем малюсенькую сестричку. Крошка Жаннетта, которую он так любил и которой предстояло вырасти и пройти

* Теодор Рузвельт (1858—1919) — 26-й президент США (1901—1919); Франклин Делано Рузвельт (1882—1945) — 32-й президент США (с 1933 по 1945).

через три брака и бесконечное число любовных связей, через тысячи порций виски — проклятия всех Фрайгейтов.

Но все это было впереди и постепенно ушло из его памяти, высосанное туманом. А сейчас он лежал в парадной комнате, такой счастливым... Нет, и это воспоминание куда-то ушло... И он стоял уже возле дома, на заднем дворе, голый и дрожащий, простуженный и смертельно боящийся, что его обнаружат без одежды и заставят давать по этому поводу объяснения. Он швырял гравий в окошко, надеясь, что шум не разбудит его маленьких братишек и сестренку, которые спали в крохотной спальне на первом этаже, но на той же стороне, что и его чердачная спальня.

Этот дом когда-то был одноэтажным школьным зданием на окраине городка Пеории, расположенного почти в самом центре Иллинойса. Но город рос, дома в нем высипали подобно грибам повсюду, и теперь городская граница проходила уже на полмили к северу от дома. Второй этаж, внутренний водопровод, ванны и туалет были добавлены позже — когда сюда пришли дома городского типа. Это был первый дом Фрайгейта, в котором был теплый сортир. А теперь этот когда-то сельский дом каким-то образом превратился вдруг в ферму вблизи города Мехико, что в штате Миссури. Здесь Фрайгейт в возрасте четырех лет жил со своей матерью, отцом, младшим братом и семьей фермера, которая снимала у Фрайгейтов две комнаты.

Его отец — гражданский инженер-электротехник (один год обучения в Политехническом институте Роуза в Терре-Хоте, Индиана, и диплом Международного заочного училища) уже около года работал на электростанции Мехико. Именно на заднем дворе этого дома Питер до смерти перепугался, узнав, что цыплята поедают маленьких живых червячков, а он сам ест этих цыплят с червяками внутри. Так впервые Фрайгейт понял, что мир основан на каннибализме.

Это неправильно, думал он. Ведь каннибал — это существо, которое жрет себе подобных. Фрайгейт перевернулся и снова вернулся в сон, лишь смутно понимая, что передвигается между разными обрывками одного и того же сна, путаясь в одном обрывке, чтобы немедленно попасть в другой. А может, ему просто вторично снился один и тот же сон по нескольку раз. А иногда один и тот же сон виделся в течение нескольких лет.

Подобные серийные видения были своего рода специальностью Фрайгейта — и в снах, и в фантастике. Одно время в течение своей писательской карьеры он намеревался написать 21 серию книг. Закончил он 10 серий. Другие все еще ожидали своей очереди, все с захватывающим сюжетом, и все они ждали, когда же Великий Издатель там, на небесах, закончит их по своему вкусу.

Как в жизни, так и в смерти. Он никогда не мог... никогда? Ладно, очень редко мог закончить начатое. Великий Неоканчиватель. Об этом он узнал впервые, когда в дни своей нелегкой юности вылил ушат своих страданий и тревог на курсового воспитателя в

колледже, который случайно оказался и преподавателем-психологом.

Профессор... как его звали? О'Брайен? Это был маленький худенький юноша, очень вспыльчивый и с совершенно огненной шевелюрой. А еще он всегда носил галстук-бабочку.

А сейчас Питер Джейрус Фрайгейт опять брел в тумане, в котором царила абсолютная тишина, если исключить отдаленное уханье филина. Внезапно раздался рев мотора, и прямо перед ним слабо вспыхнули два огня, потом они стали ярче, и мотор взревел так же громко, как закричал Фрайгейт.

Он нырнул в одну сторону, медленно-медленно колыхаясь в волнах тумана, пока огромная черная машина двигалась ему наперерез. Когда Фрайгейт летел сквозь туман, отчаянно размахивая руками, ему удалось повернуться лицом к автомобилю. Теперь он, ослепленный светом фар, все же разобрал, что это «Дузенберг» — длинный низкий высокочлассный спортивный автомобиль, за рулем которого в свое время сидел в картине «Молодчага» Гэри Грант; эту картину Фрайгейт видел только на прошлой неделе. Теперь же за рулем сидела какая-то бесформенная туша, у которой различимы были лишь глаза. Это были светло-голубые глаза его родной бабки — матери его матери — немки Вильгельмины Кайзер.

И тогда он завопил изо всех сил, ибо машина, резко свернув в сторону, рванулась прямо к нему, и теперь у него не осталось ни единого шанса избежать столкновения.

Фрайгейт со стоном проснулся. Ева сонно пробормотала — «тебе приснился плохой...» — и тут же погрузилась в негромкое посапывание и тихий шепот.

Питер выбрался из постели — странной коротконогой конструкции, состоявшей из бамбуковой рамы и веревочной плетенки, поддерживающей матрас, набитый сухими листьями и скрепленный магнитными держалками. Земляной пол устилали циновки. Окна затянуты полупрозрачным плавательным пузырем «рогатой рыбы». Квадраты окон слабо светились, отражая яркий свет звезд ночного неба.

Фрайгейт, спотыкаясь, пробрался к двери, открыл ее и вышел наружу. Капли дождя все еще стекали с крыши. Сквозь проход между двумя холмами Фрайгейт видел огонь, пылавший под крышей сторожевой вышки. Огонь освещал фигуру часового, опершегося на перила и глядящего на Реку. Пламя бросало отсвет на мачты и паруса судна, которого Фрайгейт раньше никогда не видел. Второго часового на вышке не было, что означало, что он спустился к этому кораблю. В его обязанности входило опросить капитана. Должно быть, все было в порядке — барабаны не били тревогу.

Забравшись в постель, Фрайгейт тут же припомнил свой сон. Хронологически события в нем были перепутаны, как это часто бывает со снами. Скажем, в 1937 году его брату Рузвельту было только шестнадцать лет. Мотоцикл, работа на спиртовом заводе и пергидрольные блондинки появились двумя годами позже. А в те

времена семья уже не жила в том доме. Она переселилась в другой — новый и большой дом в нескольких кварталах от первого.

А та зловещая туша в машине, с глазами его бабки? Что она означает? Не в первый уже раз его пугает это скрывшееся под черным клубком существо с бесцветными глазами бабки Кайзер. И не в первый раз он пытается понять, почему она является ему в таком леденящем душу виде.

Он знал, что она приехала из Галены в штате Канзас в Терре-Хоте помочь его матери ухаживать за ним сразу же после его рождения. Мать говорила, что бабушка ухаживала за ним и тогда, и потом, когда ему исполнилось пять лет. Он, однако, не помнил, чтобы видел ее до той поры, когда ему было лет двенадцать — тогда она снова приехала к ним погостить. Но он был уверен, что она когда-то сделала с ним что-то ужасное — в те времена, когда он был малышом. Или что-то, что *показалось* ему ужасным. Вообще же это была добрая старая леди, хотя и с явной склонностью к истерии. К тому же она не пользовалась ни малейшим авторитетом у всех детей ее дочери, когда их вверяли ее попечению.

Где она теперь? Она умерла семидесяти семи лет после долгой и мучительной болезни — рака желудка. Но ему приходилось видеть ее фотографию, снятую в двадцать лет. Миниатюрная блондинка, чьи глаза были ярко-голубыми, вовсе не похожими на те выцветшие с красными прожилками гляделки, которые ему запомнились. Губы были тонковаты и стянуты в ниточку, но ведь у всех взрослых в его семье рты были угрюмые. Эти коричневатые фотографии изображали лица такими, будто их обладатели перенесли тяжелое время, но никогда не согнутся ни перед какими трудностями.

Викторианцы, если судить по фото, были народом с крепкими носами и негнушимся позвоночником. Семья его бабки — немки — была сделана из такого же крепкого материала. Преследуемые своими соседями — лютеранами и властями из-за того, что они перешли в баптизм, Кайзеры покинули Оберлин в Тюрингии ради Земли Обетованной. (Семья Питера с обеих сторон всегда стояла за права религиозных меньшинств, предпочтительно тех, у кого поехала крыша. Может, все они были искателями неприятностей?)

После многих лет скитаний с места на место, в течение которых им так и не удалось найти дорогу, выложенную золотом, после многих лет тяжелого труда, сушащей душу бедности и смерти многих детей, а также дедов, бабок и родителей Кайзеры наконец добились своего. Они стали зажиточными фермерами вблизи Канзас-Сити и владельцами машиностроительного завода в нем самом.

Окупилось ли это? Те, кто выжили, говорят — да.

Вильгельмина была хорошенькой голубоглазой блондинкой 10 лет, когда приехала в Америку. В восемнадцать она вышла за канзасца лет на 20 старше ее, надо думать, для того, чтобы избавиться от нищеты. Говорят, старый Билл Гриффитс имел примесь крови индейцев чероки и принадлежал к партизанам

Квантрилла, но насчет родичей Пита с обеих сторон вообще ходило немало баек. Им всегда хотелось казаться лучше, чем они были на самом деле. Каково бы ни было прошлое Старого Билла, мать Питера никогда не желала говорить о нем. Вполне возможно, он был просто конокрадом.

Где же теперь Вильгельмина? Теперь у нее нет морщин, она уже не та старая согбенная женщина, которую он помнил. Теперь она должна быть красивой грудастой девкой, хотя все с теми же пустыми голубыми глазами, и все еще говорить по-английски с сильным немецким акцентом. Если бы он встретился с ней, узнал ли бы он ее? Вряд ли. А если б и узнал, то какие сведения он мог бы извлечь у нее насчет травмы, которую она нанесла своему внуочку? Никаких. Она, конечно, не вспомнила бы того, что было для нее всего лишь незначительным случаем. А если б и вспомнила, то уж, конечно, не призналась бы, что как-то обидела его. Если и в самом деле она провинилась перед ним в чем-то скверном.

Во время краткого курса психоанализа Питер попытался пробиться сквозь густую завесу угасшей памяти к той былой драме, в которой его бабка сыграла столь важную роль. Однако из этого ничего не получилось.

Более серьезные попытки с применением дианетики и сайентологии* дали чистый пшик. Он как бы проскользнул мимо травмировавшего его эпизода, мимо рождения прямо в свое предыдущее существование подобно обезьяне, карабкающейся по намазанному жиром столбу.

После того как он побыл женщиной, рожающей в средневековом замке, динозавром, беспозвоночным существом в постпервобытном океане и пассажиром в карете XVIII века, едущей сквозь Шварцвальд, Питер оставил сайентологию в покое.

Фантазии были интересны, они раскрывали какие-то черты его характера. Но бабка явно избегала его.

Здесь, в Мире Реки, он попробовал воспользоваться мечтательной резинкой, чтобы заглянуть за густые тени. Под руководством гуру он сжевал половину палочки, сбросил с себя груз и нырнул за жемчужиной, скрытой в глубине его подсознания. Когда он очнулся от каких-то ужасных видений, то обнаружил, что его гуру, избитый и окровавленный, валяется без сознания на полу хижины. Сомнений в том, кто все это натворил, быть не могло.

Питер сразу покинул те места, убедившись сначала, что его учитель будет жить без особо серьезных последствий для здоровья. Он не мог оставаться здесь, где при встрече со своим гуру будет всегда ощущать вину и стыд. Этот гуру был очень добрым и всепрощающим человеком и даже предлагал продлить уроки — при условии, что Питера будут крепко связывать на их время.

* Дианетика — одно из новых (научно неоднозначных) направлений психологии. Сайентология — учение, предполагающее возможность перемещения сознания человека при его последовательных перерождениях.

Питер не выносил насилия, которое, как он ощущал, живет в глубине его сознания. Именно этот страх насилия, сидевший в нем, заставлял его бояться насилия в других.

Ошибка, дорогой Брут, заложена не в звездах, а в наших поганных генах. Или в неумении индивидуума установить контроль над самим собой.

Ошибка, дорогой Брут, заложена в нашей боязни узнать собственную природу.

Следующая, почти неизбежная сцена в этой драме воспоминаний была сцена совращения Вильгельмины. Как легко рисовать эту фантазию в качестве потенциально реальной, поскольку возможность встречи с бабкой все же существовала! После взаимных вопросов и ответов они вдруг узнали бы, что являются бабушкой и внуком. Затем последовал бы длинный разговор, в котором она узнала бы о том, что случилось с ее дочкой и ее мужем (отцом Питера) и ее внуком, правнуком и праправнуками. Ужаснулась бы она, узнав, что правнучка вышла замуж за еврея? Бесспорно! Любой из сельских жителей, родившихся в 1880-х годах, наверняка имел предрассудки подобного рода. А если сказать ей, что его сестра вышла замуж за японца? А брат и кузен женились на католичках? Или что ее правнук стал буддистом?

С другой стороны, Мир Реки мог изменить ее взгляды, как он это сделал со многими. Однако еще большее число людей психологически остаются теми же ископаемыми, какими были на Земле.

Но вернемся к фантазиям...

После нескольких порций выпивки и разговора — в койку?

По здравому смыслу тут никто не мог бы возражать против кровосмешения. Детей-то быть не может!

Но когда это люди думали с позиций здравого смысла? В каких таких ситуациях?

Нет, пожалуй, правильно будет ни слова не говорить ей об их родстве, пока они не переспят.

Но тогда рушится вся предыдущая конструкция. И вообще, если она узнает правду, это может вызвать у нее шок от стыда. Это было бы слишком жестоко. И как бы он ни хотел отомстить ей, такого горя он причинить ей не мог. Да и никому другому. Кроме того, это была месть за поступок, который имел место, возможно, лишь в его воображении. А если он даже и был, то, весьма вероятно, явился чем-то, что лишь ребенок может счесть ужасным. Или чем-то, что его детское сознание интерпретировало не так. Или чем-то, что она, будучи продуктом своего времени, считала делом совершенно естественным.

Ах, как возбуждает мысль, что ты спишь со своей бабушкой! Но в действительности такого быть не может. Сексуально его привлекают только интеллигентные женщины, а его бабка была невежественной крестьянкой. Да еще и вульгарной, хотя и не в похабном или антирелигиозном смысле. Он помнил, как все они сидели за праздничным столом в День Благодарения. Она чихнула, и сопли

вылетели у нее прямо на блузку. Она смахнула их рукой, которую тут же отерла об юбку. Отец Фрайгейта расхохотался, мать еще долго выглядела смущенной, а Питер напрочь потерял аппетит.

Вот и погибла мечта, растворившись в чувстве брезгливости!

И все же... разве не могла она измениться?

Да черт с ней, сказал он про себя, повернулся на бок и крепко уснул.

ГЛАВА 29

Барабаны грохотали, ревели деревянные трубы. Питер Фрайгейт проснулся в самый разгар нового сна. Дело происходило спустя три месяца после нападения на Пёрл-Харбор, и он был авиационным кадетом в Рэндольф-Филдз, кадетом, которым в данный момент закусывал его инструктор по полетам.

Лейтенант — высокий молодой человек с тонкими усиками и огромными ступнями — почти столь же легко поддавался истерике, как сама бабуля Кайзер.

— В следующий раз, когда ты сделаешь разворот влево, после того как я скомандую сделать его вправо, Фрайгейт, я тут же отдам приказ идти на посадку, отменю этот долбанный полет и откажусь летать с тобой! Можешь искать себе инструктора, которому плевать на то, угробит его кретин-ученик или нет! Господи Боже мой, Фрайгейт, ты же мог уконтроупить сегодня нас обоих! Неужто ты не видел самолета слева от себя? Ты что — маньяк-самоубийца, что ли? Так это хрен с тобой, но зачем же тащить на тот свет меня да еще парочку других?! Нет уж, выбирай иное место и время, а не тут на нашем летном поле и, пожалуйста, без порчи государственной собственности! Какой хрен с тобой происходит, Фрайгейт? Ты, может, часом, *ненавидишь* меня?

— Я вас не слыхал, сэр, — сказал Питер. Хоть в этой жаркой комнате он буквально истекал потом в своей теплой летной форме, но он весь дрожал и ощущал мучительную потребность помочиться. — Я просто ничего не слышу через эти трубки.

— С трубками полный порядок! Я-то тебя слышу отлично! Только две недели назад ты проходил полное медицинское обследование, верно? Всех вас так и эдак долбанных кадетов проверяли, когда прислали сюда. Может, ты скажешь, что тебя пропустили?

Питер кивнул:

— Проходил, сэр. Как и вы, сэр.

У лейтенанта лицо побагровело, а глаза вылезли из орбит.

— Ты что хочешь этим сказать? Что я — так и эдак долбанный кадет?

— Нет, сэр, — бормотал Питер, чувствуя, как пот струйками бежит из-под мышек. — Я никогда бы не употребил слов «так и эдак долбанный» по отношению к вам, сэр.

— А какие бы ты употребил? — Лейтенант уже почти визжал.

Питер искоса посмотрел на других кадетов и инструкторов. Большинство либо не обращали внимания на происходящее, либо притворялись, что не обращают. Кое-кто ухмылялся потихоньку.

— Я бы вообще не стал упоминать о вас, — сказал Питер.

— Что?! Это потому, что я не стою даже упоминания, а? Фрайгейт, ты меня все-таки *достал*! Мне твоё поведение в воздухе так же противно, как и на земле! Но мы все же вернемся к тому вопросу, которого ты из всех сил пытаешься избежать! Какого черта ты не слышишь меня, когда я тебя отлично слышу? Наверняка потому, что ты меня не желаешь слышать!

Ну, так это очень опасно, Фрайгейт! Это ужасно опасно! Ты меня до смерти напугал! Ты знаешь, сколько этих короткокрылых «ВТ-12» ежедневно входит в штопор? В эти сволочные гробы просто встроена склонность входить в штопор, кадет. И если даже инструктор прикажет своему безмозглому ученику войти в штопор намеренно и при этом сам держит руку на рычаге управления, готовясь взять его на себя, эти долбанные машины иногда продолжат ввинчиваться в штопор, невзирая ни на что!

И будь я проклят, если хочу, чтоб, когда я приказываю «разворот вправо», ты вдруг решал, что получил приказ послать машину в штопор, и заставлял меня врасплох! Мы же окажемся в двадцати футах *под* землей, прежде чем я успею взять управление на себя! Ладно, так все-таки что там у тебя с ушами?

— Не знаю, — сказал несчастный Фрайгейт. — Может, там сера? У меня в ушах накапливается сера. Это такое наследственное свойство, сэр. Мне нужно делать продувание ушей каждые шесть месяцев.

— Я из тебя выдую еще кое-что и совсем из другого места, а не из ушей, мистер! Разве доктор не проверял твои уши? Наверняка проверял! А потому не вешай мне лапшу на уши насчет какой-то серы! Просто ты меня слышать не желаешь, вот что! А почему? Один Господь знает почему! А может, ты так меня ненавидишь, что готов сам подохнуть, лишь бы забрать меня с собой? Так, что ли?

Питер несколько не удивился бы, если б у лейтенанта пошла пена изо рта.

— Нет, сэр.

— «Нет, сэр» — что именно?

— Нет, сэр, на все то, что вы тут сказали.

— Хочешь сказать, что ты все отрицаешь? Повернул ты налево, когда я велел тебе делать разворот вправо, верно? Не смей мне говорить, что я вру!

— Нет, сэр.

Лейтенант помолчал и сказал:

— Чего ты ухмыляешься, Фрайгейт?

— Я не знал, что улыбаюсь, — ответил Питер. И это была чистая правда. Он находился в полном психическом и физическом раздрызге. В самом деле, чего уж тут улыбаться.

— Ты псих, Фрайгейт! — заорал лейтенант. Капитан, стоявший за его спиной, нахмурился. Но не сделал ни малейшей попытки вмешаться.

— Чтоб глаза мои тебя не видали, Фрайгейт! До тех пор, пока не принесешь письменного свидетельства от врача, что с твоими ушами все о'кей! Ты меня слышишь?

Питер кивнул:

— Да, сэр, я вас слышу.

— Отстраняешься от полетов, пока не получу справку. Но быстро, чтоб она у меня была к началу завтрашних полетов, когда я снова пойду с тобой в полет, Господь Всемогуший да помилует мою душу!

— Да, сэр, — сказал Питер и чуть было не отдал честь. Но это был бы еще один повод для инструктора, чтобы наподдать ему. Отдавать честь в комнате для занятий не полагалось.

Фрайгейт обернулся, когда проверял свой парашют. Капитан и лейтенант говорили о чем-то весьма серьезно. Что ж такое они о нем говорили? Что его надо отчислить?

Может, и в самом деле следовало? Он действительно не слышал инструктора. Только половина взволнованного карканья лейтенанта проходила сквозь трубки в более или менее понятном виде. И сера, конечно, тут была ни при чем. Равно как и большая высота над уровнем моря. Или любое другое физическое явление, связанное с его слухом.

Только многие годы спустя он понял, что действительно *не хотел* слышать своего инструктора.

— Он был прав! — громко сказал Питер.

— Кто был прав? — спросила Ева. Она сидела на постели, опираясь на руку и глядя на Фрайгейта сверху вниз. Ее тело было скрыто под толстыми полотнищами разноцветной ткани, скрепленные вместе, а лицо закрывал надвинутый капюшон.

Питер сел и потянулся. Внутри хижины царил полумрак; звуки барабанов и труб, доносившиеся с берега, звучали приглушенно. Где-то поблизости сосед лупил в свой барабан из бамбука так, будто хотел пробудить весь мир.

— А никто.

— Ты стонал и что-то бормотал.

— Земля никогда не покидает нас, — сказал он.

И ушел, предоставляя ей самой извлечь смысл из его слов. С собой он прихватил ночной горшок, чтобы отнести его в общественный сортир, находившийся в сотне шагов от хижины. Там он обменялся приветствиями с десятком мужчин и женщин, влекомых сюда той же целью. Все выливали содержимое горшков в большую телегу из бамбука. После завтрака ее увезет отсюда упряжка мужчин и доставит к холмам у подножия гор. Там экскременты будут переработаны в селитру, которая пойдет на изготовление черного пороха. Фрайгейт по два дня в месяц работал там, и по четыре — на сторожевой вышке.

Питающий камень находился по другую сторону холма, на котором стояла их хижина. Обычно он и Ева приносили свои граали сюда. Однако сегодня ему хотелось поговорить с командиром прибывшего ночью корабля. Ева не будет возражать, если он пойдет один, так как ей надо было закончить мастерить ожерелье из позвонков «рогатой рыбы», многоцветные кости которых ценились в качестве украшений. Она и Фрайгейт меняли их на табак, вино и кремни. Фрайгейт еще изготавливал бумеранги, а иногда — долбленки и каноз.

Фрайгейт нес свой грааль в левой руке, а в правой — тисовое копье с кремневым наконечником. На поясе из рыбьей кожи вокруг талии висел чехол с кремневым топором; колчан со стрелами с наконечниками из кремня и оперением, вырезанным из тонких рыбьих костей, висел на одном плече. Тисовый лук, завернутый в бамбуковую бумагу, чтоб предохранить от утренней влаги, был привязан к колчану.

Маленькое государство, гражданином которого состоял Фрайгейт, в это время не воевало и даже не готовилось к отражению нападения. Просто закон, требовавший, чтобы граждане имели оружие под рукой, был остатком далеких прежних боевых дней. Устаревшие законы умирали тут с не меньшим трудом, чем на Земле. Общественная инерция действовала повсюду, хотя ее сила варьировала от одного государства к другому.

Фрайгейт пробирался между хижинами, разбросанными по равнине. Сотни людей, так же как и он, укрытых с головы до ног от утренней холодной сырости, уже присоединились к нему. Через полчаса после восхода солнца они начали снимать свои одежды. За завтраком Фрайгейт выискивал незнакомые лица. Их оказалось пятнадцать, все с только что прибывшей шхуны «Пирушка». Они сидели отдельной группой, завтракали и болтали с теми местными обитателями, которых заинтересовали вновь прибывшие. Фрайгейт сел возле них, чтобы поглядеть и послушать.

Капитан Мартин Фаррингтон, известный также как Фриско Кид, был мускулистым человеком среднего роста. В его красивом лице проглядывало что-то ирландское. Волосы цвета красноватой бронзы, вьющиеся. Глаза большие темно-синие; подбородок сильный. Говорил он энергично, часто смеялся, нередко шутил. Свободно владел эсперанто, но пренебрегал грамматикой. Совершенно очевидно, что предпочитал он английский.

Первый помощник Том Райдер, известный под кличкой Текс, был на 5,08 сантиметра, или два дюйма, ниже Фрайгейта, имея рост 1,8 метра, или 6 футов.

Он был тем, кого дешевые научно-фантастические журнальчики времен фрайгейтовской юности называли «грубо красивым». Не такой мускулистый, как капитан, он двигался быстро и изящно, с уверенностью, которой Фрайгейт позавидовал. Длинные черные волосы были прямы, и, будь его обожженная кожа на два тона темнее, он вполне мог бы сойти за индейца племени онондага. Его

эсперанто был безупречен, но, подобно Фаррингтону, он радовался встрече с англоговорящими людьми, которых в толпе было немало.

Говорил Текс приятным баритоном, в котором свойственная юго-западу манера растягивать слова смешивалась со среднезападным скрипучим произношением.

Фрайгейт узнал об экипаже многое, прислушиваясь к их разговорам и незатейливым рассказам о себе. Это была обычная сборная солянка, которую можно встретить на больших кораблях, плавающих вверх и вниз по течению. Женщина капитана оказалась белокожей южноамериканкой из XIX века. Женщина первого помощника — жительницей римского города Афродита из второго века нашей эры. Фрайгейт помнил развалины этого города, открытого археологами в Турции в 1970-х годах.

Из двух матросов-арабов — один Нур эль-Музафир (Странник), а другой — жена капитана судна из Южной Аравии, который торговал с юго-западной африканской империей Мономотапа в XII веке нашей эры.

Моряк-китаец окончил свой земной путь, утонув, когда флот Хана Хубилая, готовый вторгнуться в Японию, погиб во время бури.

Были там еще двое из XVIII века. Эдмунд Трессильян — корнуэллец, потерявший ногу в 1759 году при захвате кораблем Гуда «Весталкой» французской «Беллоны» вблизи мыса Финистерре. Без пенсии, с женой и семью детьми он впал в полную нищету. Пойманный с поличным при краже кошелька, умер в тюрьме незадолго до суда. Второй — «Красный» Козенс был мичманом на «Закладе» — перестроенном индийском торговом судне, сопровождавшем флотилию адмирала Энсона в его кругосветном плавании. Корабль потерпел крушение у берегов Патагонии. После жутких мучений и тягот его команда добралась до цивилизованных мест, где испанские власти Чили посадили их в тюрьму. Бедняга же Козенс был застрелен капитаном Чипом спустя несколько дней после крушения; капитан ошибочно решил, что Козенс — мятежник.

Кстати, Джон Байрон (дедушка поэта) тоже был мичманом в те времена. Он обвинил Чипа в убийстве в своем «Повествовании Благородного Джона Байрона (Коммодора в Последней Экспедиции Вокруг Света), Содержащем Отчет о Величайших Испытаниях, Перенесенных Им Самим и Его Спутниками на Берегу Патагонии с 1740 года до их Прибытия в Англию в 1746-м, и так далее», Лондон, 1768.

У Фрайгейта было первое издание этой книги, в котором он особенно ценил описание животного, встретившегося Байрону которое, видимо, было ныне исчезнувшим гигантским ленивцем.

Ему очень хотелось бы встретиться с Байроном. Должно быть, этот невысокий человек был невероятно крутым, раз выжил в подобных переделках. Позже он стал адмиралом по кличке «Джек Дурной Ветер»; дали ему ее его собственные матросы. Почти

каждый раз, когда адмирал выходил в море, на его корабли обрушивались жестокие штормы.

Другими любопытными членами команды были миллионер и яхтсмен из Род-Айленда конца XX столетия; турок из XVIII века — помощник боцмана, умерший от сифилиса — обычной тогда болезнью моряков; Эбигейл Райс — на Земле жена первого помощника на китобойном судне из Нью-Бедфорда начала XIX столетия. Бинс — яхтсмен и турок Мустафа были явно влюблены друг в друга.

Как позже выяснил Фрайгейт, Козенс, Трессильян и Чанг делили меж собой прелести Эбигейл Райс. Это дало ему повод для размышлений по поводу того, чем она занималась, пока ее супруг проводил по два или три года в море, гоняясь за китами. Возможно, ничего плохого за ней тогда не числилось. Просто она так сексуально наголодалась на Земле, что тут — в Мире Реки — взяла да и взорвалась.

И еще был тут Умслопогаас, сокращенно — Погаас. Это был свази, сын короля южноафриканского племени, извечный враг великого зулусского народа. Он жил во времена территориальной экспансии англичан и буров, а также побед кровавого военного гения — Чаки. На Земле он укокошил на поединках двенадцать воинов, а здесь — по меньшей мере пятьдесят.

Умслопогаас не был замечен историками, несмотря на изумительное боевое искусство, но в свои поздние годы он оказался связанным с миссией сэра Теофиллуса Шепстоуна. У Шепстоуна служил молодой человек по имени Х. Райдер Хаггард, внимание которого привлекли мощная фигура и бойкие побасенки старого свази. Хаггард обессмертил Умслопогааса в трех романах: «Нада — Лилия», «Она» и «Аллан Квотермейн». Однако он переделал свази в зулуса, что, должно быть, очень не понравилось бы его модели.

Теперь Погаас торчал у корабля, опираясь на кремневый боевой топор с длинной рукояткой. Он был высок, строен и имел удивительно длинные ноги. Черты лица его были не негроидные, а скорее семитские — узкие губы, ястребиный нос и высокие скулы. Он казался довольно дружелюбным, но в его поведении и осанке было нечто, говорившее всем, кроме особо психованных, что с ним шутки плохи. Кроме того, он был единственным членом команды, который не участвовал в судовождении. Его специальностью был бой.

Фрайгейт даже вздрогнул, когда узнал, кто этот человек. Подумать только! Умслопогаас!

Поговорив со многими членами команды, Фрайгейт отправился обратно к тому месту, где сидели оба офицера. Из того, что он слышал, он понял, что они никуда не торопились и у них не было определенного места назначения. Капитан, однако, бросил реплику, что ему хотелось бы когда-нибудь дойти до верховьев Реки. На что потребуются лет сто или около того.

Фрайгейт наконец решился и спросил капитана и Райдера об их земном происхождении. Фаррингтон сказал, что родился в Кали-

форнии, но не назвал ни даты, ни места. Райдер же ответил, что родился в 1880 году в Пенсильвании. Да, он много времени, почти всю жизнь, прожил на Западе.

Фрайгейт тихонько выругался. Ему казалось, что он знает их обоих... Оба носили волосы длиннее, чем на Земле, а отсутствие европейской одежды полностью меняло их облик. Райдеру, например, явно не хватало большой белой этак галлонов на 10 емкостью ковбойской шляпы, броской, в псевдозападном стиле куртки и бриджей, а также пары расшитых ковбойских сапог. Да еще лошади, чтобы сидеть на ней.

Еще ребенком Фрайгейт видел его именно в такой одежде и на коне. Кажется, это было во время парада, предшествовавшего открытию цирка Селз и Флото? А, неважно... Фрайгейт стоял со своим отцом на Адамс-стрит — той, что к югу от здания суда, — и с нетерпением ждал, когда же мимо него проскачет его любимый герой кинофильмов о Диком Западе. И, конечно, герой появился, но по причине глубокого опьянения тут же свалился с лошади. Не понесая увечья, он вскочил и снова кинулся в седло, проскакав под смешанный хор насмешек и одобрительных возгласов толпы. Должно быть, потом он протрезвел, так как продемонстрировал отличную школу верховой езды и бросания лассо во время «Шоу Дикого Запада», которое последовало за главными номерами.

В то время Фрайгейт считал пьяниц чуть ли не нравственно прокаженными, и поэтому Райдер должен был его разочаровать. Но восхищение Райдером было столь сильным, что Фрайгейт почти готов был его простить. Каким же маленьким остолопом он был тогда!

С портретом же Фаррингтона Фрайгейт был отлично знаком, так как множество раз видел его в биографиях и на суперобложках книг. Фрайгейт начал читать его произведения в возрасте 10 лет, а когда ему исполнилось 57, то написал предисловие к тому фантастических и научно-фантастических новелл Фаррингтона.

По каким-то причинам оба героя путешествовали под псевдонимами. Он — Питер Фрайгейт — отнюдь не собирался их раскрывать, во всяком случае без особой необходимости. Нет, нет, он не сделал бы этого ни при каких условиях, но все же, если ему придется угрожать им разоблачением, что ж, на угрозу он еще может пойти. Он сделает все возможное, лишь бы попасть на борт «Пирушки».

Немного погодя Фриско Кид объявил, что он и Текс готовы поговорить с любым, кто захочет записаться к ним в качестве палубного матроса. Два складных стула были поставлены на причале, и очередь заинтересованных в этой работе выстроилась перед сидящими офицерами. Фрайгейт немедленно присоединился к очереди. Перед ним были еще три мужчины и женщина. Это дало ему возможность узнать характер задаваемых вопросов и решить, что он должен сказать своим возможным нанимателям.

ГЛАВА 30

Фриско Кид, сидя на складном бамбуковом стуле и покуривая сигарету, быстро ощупал глазами фигуру Фрайгейта.

— Питер Джейрус Фрайгейт, а? Американец. Со Среднего Запада? Верно? Выглядишь довольно сильным, но вот каков твой морской опыт?

— На Земле небольшой, — ответил Фрайгейт. — Я, бывало, плавал на маленькой парусной лодке по Иллинойсу. А вот здесь я плавал много. Я ходил на большом одномачтовом катамаране в течение трех лет, да еще два года на двухмачтовой шхуне, вроде вашей.

Это была ложь. На двухмачтовом он проболтался всего три месяца. Но этого было достаточно, чтобы знать, так сказать, за какие ниточки следует тянуть.

— Хм. Эти суда плавали на небольшие расстояния или уходили в дальнее плавание?

— В дальнее, — ответил Фрайгейт. Он радовался, что не назвал эти суда лодками. Некоторые моряки были очень чувствительны к границе, разделяющей «суда» и «лодки». Для Фрайгейта все, что плавает по Реке, — лодка. Но Фаррингтон был настоящим морским волком на Земле и остался таким и здесь, хотя морей тут не было.

— В этих местах, — добавил Фрайгейт, — ветер дует обычно в направлении верховий. Поэтому мы ходили большей частью с попутным ветром.

— Да, любой дурак может плавать по ветру, — сказал Фаррингтон.

— Почему ты хочешь записаться? — вмешался Райдер.

— Почему? Да надоело жить на одном месте. А особенно мне претит делать одно и то же день за днем. Я...

— Но ты знаешь, как оно бывает на кораблях, — сказал Фаррингтон, — судно набито до отказа, и большую часть времени ты проводишь на глазах у одних и тех же людей. И вообще, делаешь одно и то же день за днем.

— Это-то я знаю, — ответил Фрайгейт. — Ну а кроме того, мне бы тоже хотелось добраться до конца Реки. Катамаран, на котором я плыл, шел именно туда, но его сожгли при нападении рабовладельцев. Шхуну же потопил «речной дракон», когда мы помогали местным рыбакам ловить его. Вроде как повторение истории с Моби Диком и «Пекодом»*.

— Значит, ты был Измаилом? — спросил Райдер.

Фрайгейт взглянул на него. О Райдере говорили, что он может читать наизусть большие куски из Шекспира, и вообще он считался начитанным. Но все это могло быть и чистой рекламой Голливуда.

* «Пекод» — судно капитана Ахава из романа Мелвилла «Моби Дик»

— Вы хотите сказать, что я был единственным, кто выжил? Нет, до берега добралось шесть человек. Это было ужасно...

— Кто...

Фаррингтон остановился, прокашлялся и взглянул на Райдера. Райдер поднял густые темные брови. Фаррингтон явно обдумывал, как ему перефразировать свой вопрос.

— Кто были капитаны этих двух суденышек?

— Капитаном катамарана был француз, некий Де Грасси. А капитан шхуны — грубый сукин сын по фамилии Ларсен. То ли норвежец, то ли датчанин. Он был капитаном судна, промышлявшего тюленей, кажется.

Все сказанное о Ларсене было ложью. Но Питер не мог устоять перед искушением проверить реакцию Фаррингтона.

Глаза капитана сузились, но потом он улыбнулся и медленно произнес:

— А его, часом, не Волком звали?

Лицо Питера не дрогнуло. В такую ловушку он попасть не намерен. Фаррингтон полагает, что Питер дает ему осторожно понять, что узнал его. И тогда, возможно, Фаррингтон откажется его взять.

— Нет. Если у него и была кличка, то наверняка Подонок. Он имел около шести с половиной футов роста и шевелюру чересчур черную для скандинава. Да и глаза как у араба. Вы его не встречали?

Фаррингтон расслабился. Он погасил сигарету о пепельницу из обожженной глины и зажег другую.

— А каковы у тебя отношения с этим луком? — спросил Райдер.

— Практикуюсь уже тридцать лет. Конечно, я не Робин Гуд, но могу секунд за двадцать выпустить шесть стрел с довольно приличной меткостью. Боевые искусства я изучал двадцать лет. Я не ишу драк и стараюсь, насколько возможно, их избегать. Но все же участвовал более чем в сорока сражениях и еще большем числе мелких схваток. Четыре раза тяжело ранен.

— Когда родился? — спросил Райдер.

— В 1918 году.

Мартин Фаррингтон поглядел на Райдера и спросил:

— Думаю, ты видел множество фильмов, когда был малышом.

— Было дело.

— А какое у тебя образование?

— Я получил степень бакалавра по английской литературе, прошел курс философии, и, кроме того, я — заядлый читатель. Бог мой, как мне здесь не хватает книг!

— Мне тоже, — отозвался Фаррингтон.

Снова пауза.

— Что ж, наша память о Земле с каждым годом тускнеет, — сказал Райдер.

Что означало, что если Фрайгейт и видел Райдера в фильмах, а Фаррингтона — на суперобложках книг, то он их не узнал. Вопрос же капитана об образовании мог преследовать двоякую цель. Ему

хотелось иметь в своей команде человека, с которым можно поговорить о многом. На Земле сотоварищи Фаррингтона по плаванию были народом жестоким и невежественным и не обязательно братьями по духу. Впрочем, такими же были и большинство знакомых Фрайгейта до тех пор, пока он не поступил в колледж.

— Нам, кажется, придется опросить десять человек, — сказал Фаррингтон. — Сделаем выбор, когда поговорим со всеми. Свое решение мы сообщим после полудня.

Питер страстно желал, чтобы выбрали именно его, но боялся настаивать, так как это могло бы настроить их против него.

Поскольку оба моряка плавали под псевдонимами по каким-то причинам, они, возможно, опасаются тех, кто проявляет слишком большую настойчивость и в желании попасть к ним на корабль. А почему — откуда ему знать?

— Мы забыли кое о чем, — сказал Райдер. — У нас есть место только для одного человека. Так что взять свою женщину вы не сможете. Как это вам — о'кей?

— Нет проблем.

— Вы можете присоединиться к Эбигейл, — продолжал Райдер. — Если не возражаете, что будете делить ее с тремя другими. И, разумеется, если понравится ей. Однако она пока ни разу не выразила антипатии к кому-либо.

— Соблазнительная женщина, — сказал Питер, — но такого рода дела мне не слишком нравятся.

— Да вон Мустафа, по-моему, положил на тебя глаз, — сказал, ехидно усмехаясь, Фаррингтон. — Он тебя прямо ест глазами.

— А это мне подходит еще меньше.

— Тогда скажи ему это напрямую, и тебя не побеспокоят ни он, ни Бинс, — ответил Фаррингтон. — Я сам не гомик, но этих дел повидал будь здоров. Любой, кто служил палубным матросом, навидался такого достаточно. Каждый корабль еще со времен Ноя кишит содомитами. Оба они — мужики настоящие, если не считать потери интереса к прекрасному полу. И отличные матросы. Так что просто скажи им, пусть не липнут. Ну, разумеется, если мы тебя возьмем. Но я не потерплю сучьего визга насчет того, что тебе приходится особо тяжело. Можешь прихватить кой-чего, когда мы сходим на берег. Ну а если мы потеряем кого-то из команды, возьмешь партнершу по койке. Но она должна быть хорошим моряком и крутой бабой. Тут на корабле неженки не терпят.

— Ну, тогда Эбигейл по здравом размышлении кажется мне более приемлемым вариантом.

Фаррингтон и Райдер расхотались, и Фрайгейт отошел. Постоял возле причала. Бухточка была мелкая, ее пришлось углубить у берега, на что ушло немало труда. Камни вырезались у подножия гор и доставлялись сюда, чтобы выпрямить берег. Деревянные причалы были выдвинуты дальше в Реку, но возле них чалились преимущественно небольшие катамараны, люгеры, одномачтовые кэтботы. Два огромных плота с мачтами тоже стояли возле при-

чалов. Ими пользовались при охоте на «речных драконов». Несколько боевых каноэ, каждое из которых вмещало до сорока воинов, лежали на пляже возле плотов. Каноэ и гребные лодки готовились к рыбной ловле. К полудню Река будет кишеть мелкими и крупными судами.

«Пирушка» была слишком велика, чтобы встать у пирса. Она бросила якорь у входа в бухту, неподалеку от мола, сложенного из больших черных плит. Это был прелестный корабль — длинный, низкий, изготовленный из дуба и сосны. Гвозди, конечно, отсутствовали, а деревянные чеки вырезались кремневыми инструментами. Паруса — из обработанной кожи «речного дракона», такой тонкой, что она просвечивала. Деревянная фигура под бушпритом изображала полногрудую русалку с факелом в руке.

Корабль был на удивление хорош, но еще удивительнее было то, как команде удалось удержать его в своих руках. Убивали и за гораздо худшие посудины.

Тревога не отпускала Фрайгейта, и он снова подошел поближе к Фаррингтону и Райдеру. Разговоры с претендентами на место матросов еще были далеки от завершения. Слухи быстро разнеслись, и теперь в очереди стояло уже около двадцати мужчин и десятка женщин. Если дела и дальше пойдут так, опрос может затянуться на весь день. Поделаться Фрайгейт ничего не мог все равно, а потому, пожав плечами, отправился домой. Ева куда-то вышла, что можно было счесть за удачу. Смысла говорить с ней о своих намерениях не было, пока не станет точно известно, что он плывет на «Пирушке». А если не возьмут, он ей и говорить ничего не станет.

В обязанности Фрайгейта как гражданина Руритании входила работа по производству спирта. Пожалуй, с тем же успехом он может отработать сегодня полдня. Кстати, это позволит ему на время позабыть о своих тревогах. Фрайгейт направился по тропинке, бежавшей вдоль распадка между двумя холмами, и по ней добрался до того места, где тропа выходила на равнину. Дальше ему предстояло преодолеть четыре холма, один выше другого. Здесь росли могучие деревья, а хижины встречались реже. Наконец Питер поднялся на вершину самого высокого холма, примыкающего прямо к горной гряде. Гладкая черная стена вздымалась на высоту 1228 метров, или 6000 футов. В 92 метрах от тропинки (или 100 ярдах) ревел водопад, сбрасывая в озерко тысячи литров в секунду. Отсюда вода текла по широкому руслу, прорезая в своем беге к Реке гряды холмов.

Фрайгейт шел мимо костров и разнообразного инвентаря — деревянного, стеклянного и каменного. В воздухе стоял густой запах спирта. Питер вскарабкался по бамбуковой лестнице и оказался на платформе, тянувшейся вдоль гладкого вертикального склона гряды там, где покров лишайника еще сохранился.

Фрайгейт отметил у бригадира, который выдал ему скребок из кремнистого сланца. Из деревянной стойки бригадир взял сосновую палку, помеченную инициалами Фрайгейта. На палке

чередовались вертикальные и горизонтальные черточки; первые отмечали количество отработанных дней, вторые — месяцев.

— В следующий раз получишь вместо кремня простую доску, чтоб соскребать эту дрянь, — сказал бригадир. — Нам придется экономить сланец и кремень для оружия.

Питер молча кивнул и пошел работать.

Когда-нибудь месторождения кремня будут исчерпаны. Технология Мира Реки покатится назад. Вместо прогресса от деревянного века к каменному человечество пойдет вспять.

Фрайгейт подумал, удастся ли ему вывезти свое кремневое оружие за границы государства. Если он поплывет с Фаррингтоном, то, согласно закону, ему придется оставить свое драгоценное кремневое вооружение тут.

Время, которое Фрайгейт тратил на работу, учитывалось бригадиром. Если не считать солнца, других часов тут практически не было. Ничтожнейший запас стекла, которым располагала Руритания, использовался преимущественно в производстве спирта, так что даже на песочные часы его не хватало. Песок, необходимый для изготовления стекла, импортировался из страны, лежавшей в 800 километрах вниз по течению. За него Руритания расплачивалась несколькими лодками, груженными табаком, самогоном, связками кож и костей «речных драконов» и «рогатой рыбы». Табак и спиртное собирали с граждан, получавших эти товары из граалей. Фрайгейт бросал курить и пить на два месяца, чтоб сделать свой вклад в общую копилку. Когда два месяца кончались, он продолжал воздерживаться от курения, меняя сигареты и сигары на виски. Но, как это с ним бывало и на Земле, Фрайгейт опять оказывался в объятиях демона Никотина.

А пока Питер добросовестно трудился, соскребая толстый зеленовато-голубой покров лишайника с черной скалы и набивая им бамбуковые ведра. Другие рабочие опускали ведра вниз на веревках, где их содержимое вываливалось в котлы.

Незадолго до полудня Фрайгейт сделал перерыв на обед. Прежде чем спуститься по лестнице, он бросил взгляд на холмы. Далеко внизу на ярком солнце белел корпус «Пирушки». Каким угодно путем, но он должен оказаться на борту, когда она станет сниматься с якоря.

Питер вернулся в свою хижину, увидел, что Евы еще нет, и снова зашагал к берегу. Очередь желающих, по всей видимости, нисколько не уменьшилась. Он шел по краю равнины, там, где низкая трава резко обрывалась и начинались высокие травы холмов. Чем определялась эта граница? Может быть, в почве холмов содержались химические соединения, задерживающие наступление трав береговой равнины? Или наоборот? Или то и другое вместе? И зачем?

Стрельбище находилось в полукилометре к югу от портовой зоны. Фрайгейт минут тридцать практиковался в стрельбе в цель по бамбуковой мишени в виде треножника. Затем отправился в спортивный комплекс, побегал, сделал несколько прыжков в длину,

отработал приемы каратэ, дзюдо и боя на копьях — всего часа два. К концу он весь лоснился от пота и здорово устал. Но в нем бурлила радость. Так прекрасно обладать телом двадцатипятилетнего, из которого исчезли усталость зрелых лет, слабость старости; боли, болезни, жир, грыжи, расширение вен, головные боли, дальновзоркость — все это ушло. Зато появилась способность бегать быстро и далеко, а сексуальную потребность ощущать каждую ночь (и большую часть дня в придачу).

Худшим из всего, чем он занимался на Земле, была работа за письменным столом в качестве автора технических брошюр в тридцать восемь лет и потом в пятьдесят один год, когда он стал писателем-фантастом. Уж лучше было бы ему остаться на своем сталелитейном заводе. Работа, конечно, монотонная, но, пока тело занято изнурительным тяжелым трудом, ум рождает сюжеты самых фантастических историй. А ночами он читал и писал.

А вот когда он стал отсиживать задницу, тут-то он и начал пить. И чтение тоже пошло под уклон. Так просто после работы на машинке засесть на весь вечер перед телевизором, попивая бурбон или скотч. Телевизор — вот самое коварное из всего, что принес с собой XX век. После атомной бомбы, конечно. И перенаселенности.

Нет, сказал он себе, ты несправедлив. Не надо было сидеть как олух и паяться на этот ящик для идиотов. Просто требовалась та самодисциплина, которая раньше помогала писать, а теперь позволила бы выключать эту машину на все время, кроме некоторых специальных передач. Но синдром пожирателей лотоса все же победил. Ведь некоторые программы ТВ были действительно великолепны — как развлекательные, так и образовательные.

Этот новый мир был хорош тем, что здесь не было ни ТВ, ни атомных бомб, ни автомобилей, ни колоссального массового производства, ни платежных карточек, ни ипотек, ни чеков на оплату медицинских услуг. Не было и загрязнения атмосферы и вод. Не было пыли. И всем было решительно наплевать на коммунизм, социализм, капитализм, потому что их тут просто-напросто не существовало. Нет, не совсем так. В большинстве государств было нечто вроде примитивного коммунизма.

ГЛАВА 31

Фрайгейт подошел к Реке и нырнул в воду, смывая липкий пот. Затем пробежался по берегу до причалов (строительство хижин запрещалось в полосе тридцати метров от кромки воды). Он проболтался там до ужина, разговаривая с друзьями. Между делом все время наблюдал за теми двумя — с «Пирушки». Они разговаривали с претендентами, время от времени смачивая пересохшие глотки выпивкой. Неужели эта очередь никогда не кончится?

Незадолго до ужина Фаррингтон встал и во всю силу своих легких объявил, что больше никаких предложений они рассматривать

не будут. Стоявшие в очереди протестовали, но он сказал, что у него и без того есть хороший выбор.

К этому времени появился глава Руритании «Барон» Томас Буллит со своими советниками. Этот Буллит в свое время имел кое-какие претензии на славу. В 1775 году он исследовал пороги реки Огайо в районе, который впоследствии превратился в город Луисвилл в штате Кентукки. Нанятый Виргинским колледжем имени Вильяма и Мэри, он досконально исследовал эту область. А затем исчез из поля зрения историков. «Барона» сопровождал адъютант Паулюс Байс — голландец XVI века. Они пригласили команду «Пирушки» на вечеринку в честь прибытия корабля. Главной причиной приглашения было желание услышать о приключениях экипажа. Приречные жители любили сплетни и интересные рассказы, поскольку других развлечений тут почти не было.

Фаррингтон согласился, но сказал, что шестерым матросам придется оставаться на берегу для охраны судна. Фрайгейт последовал за толпой к большой площадке под тентом, растянутым на столбах — «Таун-Холлу». Факелы и костры разогнали тьму, играл оркестр, начались танцы — местная разновидность фестиваля на открытом воздухе. Фриско и Текс прохаживались, беседуя с главными лицами государства, с их женами и друзьями. Фрайгейт, как один из *hoi polloi**, не был допущен в этот блестящий круг. Правда, он знал, что немного спустя вечеринка станет куда менее чопорной. Пока он стоял в очереди, чтобы бесплатно получить литр чистого спирта, выдававшийся на каждого присутствующего в столь торжественных случаях, к нему присоединилась его подружка.

Ева Беллингтон помахала ему рукой и встала в очередь через двенадцать человек после него. Она была высокая, полная, черноволосая, голубоглазая — этакий персик из Джорджии. Родилась в 1850 году и умерла за два дня до своего сорокового дня рождения. Ее отцом был богатый плантатор с отличным послужным списком майора конфедератской кавалерии. Хлопковую плантацию Беллингтона сожгли во время марша Шермана** через Джорджию, и Беллингтоны остались без гроша. Потом отец Евы уехал в Калифорнию и добыл там достаточно золота, чтобы купить партнерство в торговой фирме.

Еве очень нравилось чувствовать себя снова богатой, но она никак не могла простить отцу то, что он бросил ее мать и заставил мучиться во времена Оккупации и первых лет Реконструкции Юга.

Пока отец отсутствовал, Ева и ее мать жили у его брата — красивого молодого человека всего лишь на 10 лет старше Евы. Он изнашивал ее в пятнадцать лет (правда, как признавалась сама Ева, без особого сопротивления с ее стороны). Когда мать узнала,

* Простонародье (*греч.*).

** Генерал федеральных войск во время Гражданской войны в США. Его вторжение в Джорджию практически привело к полному поражению южан.

что дочь беременна, она выстрелила дяде в ноги и в гениталии. Он прожил еще несколько лет калекой-евнухом в местной тюрьме.

Вскоре миссис Беллингтон переехала в Ричмонд, штат Виргиния, где к ним присоединился ее муж. Сын Евы от ее дяди рос высоким и красивым мальчиком, которого она безумно любила. После жуткой ссоры со своим дядей-дедом юноша уехал на Запад искать счастья. Письмо из Силвер-Сити в Колорадо было последним, что Ева получила от него. Согласно отчету нанятого сыщика, он исчез где-то в Скалистых горах.

Мать Евы умерла во время пожара, а отец — от сердечного приступа, когда он пытался вытащить ее из огня. Первый муж Евы умер от холеры вскоре после пожара. Потом до своего пятидесятилетия она потеряла еще двух мужей и шестерых из десяти детей.

Жизнь Евы была жизнью героини романа, который могли бы написать Маргарет Митчелл и Теннесси Уильямс, работая в соавторстве. Ей, однако, подобное предположение не показалось смешным, когда Питер как-то в шутку высказал его.

После 35 лет жизни в Мире Реки Ева наконец отделалась от своих предубеждений насчет «черномазых» и ненависти к «синемундирникам». Она даже влюбилась в одного янки. Питер так и не рассказал ей, что его прапрадед служил в полку, набранном в Индиане, и принимал участие в «постыдном» рейде Шермана. Фрайгейт не рискнул потерять привязанность Евы.

Очередь Питера наконец подошла, и ему налили порцию спирта в кружку из мыльного камня. Он тут же смешал одну часть спирта с тремя частями воды в бамбуковом ведре и вернулся, чтобы потолковать с Евой, которая все еще стояла в очереди. Фрайгейт спросил, где она пропадала весь день. Ева ответила, что прогуливалась то там, то сям и думала о разных вещах.

Питер не стал расспрашивать ее об этих мыслях. Они и так были ему хорошо знакомы. Она думала о том, как разорвать их отношения, не причинив ему лишней боли. Уже несколько месяцев, как они оба все больше и больше отдалялись друг от друга — их любовь внезапно и без всяких на то оснований остыла. Питер и сам немало размышлял по этому поводу. Каждый ждал, чтобы инициативу взял на себя другой.

Питер сказал, что увидится с ней попозже, и принялся проталкиваться сквозь шумную толпу к Фаррингтону. Райдер же был на танцевальной площадке, лихо отплясывая с женщиной Буллита.

Фрайгейт подождал, пока капитан не кончит рассказывать о своих приключениях в 1899 году во время юконской золотой лихорадки. История Фаррингтона, стоившая ему нескольких зубов, потерянных от цинги, в его рассказе выглядела ужасно забавной проделкой.

— Мистер Фаррингтон, вы еще не сделали свой выбор? — спросил Питер.

Фаррингтон помолчал, он собирался выдать очередную байку, его налитые кровью глаза часто-часто моргали.

— Ох да! Вы же... а... хм... ваше имя Фрайгейт, верно? Питер Фрайгейт. Тот, что прочел прорву книг? Да, Том и я решили. Мы объявим о нашем выборе во время этой вечеринки.

— Надеюсь, это буду я, — сказал Фрайгейт. — Мне очень хотелось бы плавать с вами.

— Энтузиазм, конечно, дело важное, — сказал Фаррингтон. — Но опыт ценится еще выше. Сложите одно с другим, и получите настоящего морского волка.

Питер вздохнул поглубже и рискнул пойти ва-банк:

— Эта неопределенность угнетает меня. Не могли бы вы хотя бы сказать — вы меня отклонили? Если да, я пойду топить свое горе в вине.

Фаррингтон ухмыльнулся:

— Неужели это действительно так много значит для вас? А почему?

— Ну хотя бы потому, что я и в самом деле хочу добраться до конца Реки.

Фаррингтон поднял брови:

— Эва! Вы что ж, ожидаете там найти ответы на все ваши вопросы?

— *«Мне не нужны миллионы, пусть лучше ответят на мои вопросы»*, — сказал Питер. — Эта цитата принадлежит одному из действующих лиц романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Лицо Фаррингтона озарилось ярким внутренним светом.

— Великолепно сказано! Я слышал о Достоевском, но у меня не было случая его прочесть. Не думаю, чтоб в мое время он переводился на английский. Во всяком случае, мне он не попадался.

— Ницше признавался, что он очень много узнал о психологии, читая русские романы.

— Ницше, а? А вы его хорошо знаете?

— Я читал его и на немецком, и на английском. Он был великим поэтом, единственным немецким философом, который мог писать языком получше обычной водянистой прозы. Нет, это несправедливо. Шопенгауэр тоже мог писать вещи, которые не погружали вас в сон и не вызывали нервного столбняка, пока вы дожидались, когда же наконец доберетесь до конца фразы. Хотя я, конечно, не согласен с концепцией Ницше насчет *Übermensch**: *«Человек — канат, протянутый над пропастью между животным и сверхчеловеком»*. Это не точная цитата — прошло чертовски много времени с тех пор, как я прочел «Так сказал Заратустра».

Но я действительно верю, что человек — это канат между животным и сверхчеловеком. Только сверхчеловек, о котором я думаю — мужчина ли, женщина ли, — это личность, которая освободилась от всех предрассудков, неврозов, психозов, которая полностью реализует свой потенциал человеческого существа, которая действует совершенно естественно на основе добра, сочувствия и

* Сверхчеловек (нем.).

любви, которая думает самостоятельно и отказывается следовать за стадом. Вот это и есть настоящий супермен без подмеса.

А теперь возьмите ницшеанскую концепцию супермена, воплощенную в романе Джека Лондона «Морской Волк».

Питер помолчал и спросил:

— Вы его читали?

Фаррингтон усмехнулся:

— Много раз. Так что же насчет Волка Ларсена?

— Я думаю, что это скорее джек-лондоновский супермен, чем ницшеанский. Это идея Лондона о том, каким должен быть супермен. Ницше наверняка испытал бы отвращение к жестокости Ларсена. Однако Лондон уничтожает Волка с помощью инсульта. Я предполагаю, что Лондон хотел этим показать, что в самом Ларсене, как в супермене, было заложено нечто изначально порочное. Возможно, он пытался внушить читателю именно эту мысль. Если это так, то такое намерение осталось совершенно непонятым большинством литературных критиков. Они так и не уяснили значение особенностей смерти Ларсена. Потом, я думаю, что Лондон хотел показать: у человека, будь он даже суперменом, корни уходят в глубь его природы животного. Он часть Природы, и, каковы бы ни были его умственные достижения, как бы он ни подчинял себе Природу, он не может игнорировать физический аспект. Он животное, и поэтому-то Лондон и делает его жертвой болезни — такой, как инсульт.

Могущие обречены на падение.

Но я думаю, что Волк Ларсен в каком-то аспекте — это то, чем Лондон хотел бы быть сам. Лондон жил в жестоком мире и думал, что ему самому следует стать супержестоким, чтоб выжить. Но одновременно Лондон обладал даром сочувствия; он знал, что значит быть одним из людей Бездны. Он считал, что народные массы должны получить помощь в своих страданиях и реализовать свой человеческий потенциал через социализм. Одновременно он был чистейшей воды индивидуалистом. Эта черта пришла в конфликт с социализмом, и, когда это случилось, он потерял веру в социализм. Он не был похож на Эмму Голдмен*.

Более того, его дочь Джоан резко критиковала отца в своей биографической книге о нем за разочарование в социализме.

— Я этого не знал, — сказал Фаррингтон. — Должно быть, она написала ее после того, как я умер. Вы что-нибудь знаете о ней, о том, что случилось с ней после смерти Лондона, и о том, как она умерла?

— Я был знаком с исследователем творчества Лондона, который хорошо ее знал, — ответил Питер.

(Фактически этот специалист только переписывался с ней, и то не часто, а встречался и вовсе от случая к случаю. Питера

* Эмма Голдмен — знакомая Джека Лондона, деятельница социалистического движения в США, анархистка.

нисколько не смущали кое-какие преувеличения, допущенные им в этом разговоре, если они обеспечат ему койку на борту «Пирушки».)

— Она стала очень активной социалисткой. Умерла, как мне кажется, в 1971 году. Ее книга об отце весьма объективна, в особенности учитывая то, что он развелся с ее матерью из-за более молодой женщины.

Я-то полагаю, в общем, что Лондон хотел быть Волком Ларсеном потому, что это сделало бы его нечувствительным к горестям мира. Человек, у которого не болит сердце за других, не может быть ранен никем и ничем. Во всяком случае, так думает этот человек; на самом же деле он только еще сильнее терзает себя.

Возможно, Лондон понимал это и пытался привить миру подобные идеи. Но одновременно он хотел быть и Ларсеном, даже если это означало внутреннее оледенение, то есть превращение в сверхживотное. Но писатели обнаруживают в этом физическом море те же встречные течения, что и простые люди. Вот почему большие писатели остаются загадкой, даже если критики объявляют, что они навсегда закрыли эту тему.

«Когда небеса нависнут, а океаны утонут, человек все еще пребудет загадкой».

— Мне это нравится! — вскричал Фаррингтон. — Кто это написал?

— э. э. каммингс*. Другая его строчка — моя самая любимая:

«Послушай, за углом — чертовски славный мир. Ей-ей, идем».

Питер подумал, не переборщил ли он. Однако Фаррингтон, казалось, пребывал в полном отпаде.

Если Фрайгейт окажется на корабле, он сможет затронуть проблемы, которые рискуют вызвать гнев или, во всяком случае, раздражение Фаррингтона. Ведь его знание Ницше, например, в основном получено из разговоров с приятелем — Строун-Гамильтоном. Он, видимо, пытался и сам читать этого философа в английском переводе, но был настолько захвачен поэтической фразеологией и лозунгами, что до самой философии не дотумкался. Он позаимствовал у Ницше то, что ему нравилось, а остальное проигнорировал, так же как Гитлер. Но это не значит, что Фаррингтон хоть в чем-то похож на Гитлера.

Как там выразилась его дочка? «Жизнерадостные оболдуи», «Супермен», «Живи рискуя!» — все это для него было сильнее вина.

Что касается знания Фаррингтоном основ социализма, то он не читал из Маркса ничего, кроме «Коммунистического манифеста». Но, как сказала его дочь, игнорировать Маркса тогда было общей практикой американских социалистов.

* Эдуард Этли Каммингс (1894—1962) — американский поэт, тяготевший к футуризму. Часто подписывался как э. э. каммингс.

Да и вообще, мало ли других вещей, которые можно осуждать и презирать. Лондон хотел социализма только для нордических народов. Он твердо верил, что мужчины выше женщин. Сила важнее права. И он не был, в общем смысле слова, настоящим художником. Писал он только ради денег, и, если бы их у него было много, он с радостью бросил бы писать. Во всяком случае, так он похвалялся. Фрайгейт же сомневался в этом. Раз пишешь, то это навсегда.

— Что ж, — сказал Питер, — против Лондона можно сказать немало, но, видимо, Фред Льюис Паттон сказал о нем самое веское слово. Он сказал, что Лондона легко критиковать, легко скорбеть о его заблуждениях, но мимо него пройти невозможно.

Фаррингтону это ужасно понравилось. Тем не менее он сказал:

— Ладно, хватит о Лондоне, хотя я бы с удовольствием с ним когда-нибудь встретился. Но вот что я вам скажу. Ваша мысль о супермене звучит очень сходно с представлениями Церкви Второго Шанса об идеальном человеке. И еще более она похожа на то, что говорит один из моих матросов, знаете, тот маленький араб, хотя по-настоящему он вовсе не араб. Он испанский мавр, родившийся в XII столетии нашей эры. И он вовсе не из шансеров.

Фаррингтон указал на человека, которого Фрайгейт еще раньше заметил среди команды «Пирушки». Тот стоял в центре круга руриланцев, держа в руках стакан с выпивкой и сигарету. Рассказывал он, должно быть, нечто забавное — люди вокруг громко смеялись. Роста он был 163 сантиметра, то есть чуть меньше 5 футов и 5 дюймов; худой, но при взгляде на него создавалось впечатление о некой пружинистой силе; смуглый и большеносый. Очень похож на Джимми Дюранте.

— Нурэддин эль-Музафир, — сказал Фаррингтон. — А если сокращенно — Нур.

— По-арабски это значит Свет Веры — Странник.

— Вы знаете арабский? — спросил Фаррингтон. — А мне так и не удалось ухватить хоть чуточку чужого языка, кроме эсперанто.

— Я позаимствовал немало арабских слов из бёртоновского перевода «Тысячи и одной ночи», — ответил Фрайгейт. Потом, помолчав: — Так что же, меня вычеркнули?

— И да и нет, — сказал Фаррингтон. Он засмеялся, увидя изумленное выражение лица Фрайгейта, и крепко хлопнул его по плечу. — Можете держать рот на замке?

— Как траппистский монах.

— Ладно, тогда я тебе скажу, Пит. Том и я выбрали вон того здоровенного канака, — он указал на Мауи — огромного туземца с Маркизских островов, очень похожего на полинезийца, в белой повязке вокруг талии и с крупным красивым цветком в густых черных волосах. — Он был матросом на китобое, а потом гарпунером в течение 30 лет. Выглядит он так, что, надо думать, в схватке будет как боевой кот. Том и я решили, что по классификации он куда выше остальных. Но зато о книжках он не знает ничего, а я

хочу видеть вокруг себя образованных людей. Может, я и похож на сноба, но дело обстоит именно так.

Ну, так я тебе скажу вот что. Я только что переменял свое мнение. Ты включен, насколько это зависит от меня. Нет, ты подожди минутку. Не надо, чтоб все видели, как ты счастлив! Мне еще следует поговорить с Томом. А ты постой тут. Вернусь через несколько минут.

Он нырнул в промежуток между танцующими, ухватил за руку Райдера и, несмотря на протесты последнего, оттащил его в сторону. Питер видел, как они разговаривают. Райдер несколько раз бросил взгляд в его сторону, но, по-видимому, спорить не стал.

Питер в душе был доволен, что ему не пришлось разыгрывать свою козырную карту. Если б его не выбрали, это вынудило бы его сказать этим обоим голубчикам, что он знает, кто они такие на самом деле. Что тогда бы произошло, сказать трудно. У обоих, видимо, была веская причина плавать под выдуманными именами. Так что, может быть, они поспешили бы убраться отсюда, оставив Фрайгейта с носом, раз он осмелился им угрожать. А может, взяли бы его с собой, чтоб заткнуть ему глотку, а затем вышвырнули бы за борт где-нибудь поближе к верховьям.

Вполне возможно, Фаррингтон понял его игру. Надо полагать, он задумывался над тем, почему это человек, так хорошо знакомый с творчеством Лондона, не узнал при встрече его самого. В этом случае Фаррингтон должен был решить, что Фрайгейт разыгрывает какую-нибудь комбинацию. Тогда он будет ему подыгрывать некоторое время, пока они не уйдут достаточно далеко вверх по Реке, а затем уж выяснит, какую тот преследовал цель.

Тем не менее Питер не считал, что ему может угрожать смерть. Ни Фаррингтон, ни Райдер не были убийцами. И все же, хотя некоторые люди в этом мире менялись к лучшему, другие становились хуже. Фрайгейт и понятия не имел, каковы были ставки в отчаянной игре, затеянной капитаном и его помощником.

Райдер подошел к нему, пожал руку и сказал, что рад видеть его на палубе. А через несколько минут Фаррингтон остановил оркестр и объявил о своем выборе нового матроса. К этому времени Питер вывел Еву наружу и рассказал ей о своих новостях.

Некоторое время Ева молчала. Потом сказала:

— Да, я знала, что ты пытаешься попасть на корабль. Здесь, Питер, секреты трудно хранить. Мне действительно было плохо, но главным образом потому, что ты скрывал от меня свое намерение бежать отсюда.

— Я пытался отыскать тебя, — ответил он, — но ты ушла куда-то и даже не сказала куда.

Ева заплакала. И у Питера глаза были на мокром месте. Она вытерла слезы, шмыгнула носом и шепнула:

— Я не говорю о том, что ты бросаешь меня, Пит. Но я скорблю о том, что умерла любовь. Когда-то я думала, что она будет длиться вечно. Не надо было быть такой дурой.

— Но я все еще очень привязан к тебе.

— И все же недостаточно сильно, не так ли? Я не виню тебя, Питер. Я и сама ощущаю то же. Это просто... как бы я хотела, чтоб у нас сохранились чувства, которые были в начале...

— Ты найдешь себе кого-нибудь другого. Во всяком случае, мы расстаемся без ненависти.

— Да, так лучше. Людям плохо, когда они любят друг друга, а вместе жить не могут. Но если любовь умирает совсем, превращаясь в холодный труп, то хуже не бывает. Не выношу безразличия.

— Ты вынесла гораздо больше, — сказал он. — Если бы мы были до сих пор влюблены друг в друга, я или остался бы тут, или попробовал бы уговорить капитана взять нас обоих.

— Но тогда ты возненавидел бы меня. Нет, сейчас, может, и плохо, но только так и нужно поступить.

Он притянул ее к себе, чтобы поцеловать, но она подставила ему щеку.

— Прощай, Питер.

— Я не забуду тебя.

— Из этого, как говорится, шубы не сошьешь, — сказала она и ушла.

Питер вернулся под тент. Люди толпились вокруг, спеша поздравить его. А он не чувствовал радости. Прощание с Евой было слишком печальным. Да и то, что он стал предметом всеобщего внимания, тоже как-то стесняло. Последним позжать ему руку подошел Буллит.

— Нам грустно расставаться с вами, Фрайгейт, — сказал он. — Вы были образцовым гражданином. Но есть еще кое-что. — Он повернулся к армейскому сержанту, стоявшему рядом, и распорядился: — Мистер Армстронг, будьте добры, конфискуйте оружие мистера Фрайгейта.

Питер не протестовал, поскольку принес клятву сдать оружие, если уедет из Руритании. Однако он не клялся, что не постарается украсть его обратно. И рано утром, когда было еще темно, Фрайгейт выполнил свое намерение.

Он утешал себя тем, что вложил слишком много труда в изготовление этого оружия, чтоб отдать его за здорово живешь. Кроме того, он был серьезно ранен на службе этого государства. Руритания задолжала ему оружие.

Но не успел еще корабль подняться на километр вверх по течению Реки, как Питер почувствовал острое желание вернуться и сдать оружие. Этот приступ честности длился целый день, и только к вечеру Фрайгейт почувствовал себя исцеленным.

Или подумал, что исцелился. Во всяком случае, преследовавший его сон вернулся опять. На этот раз он начался именно с того места, где Фрайгейт стоял голый перед своим домом. Он швырял гравий в окошко спальни, но удары камешков по стеклу так и не смогли разбудить Рузвельта. Фрайгейт обошел дом, проверяя двери и окна, и когда приблизился к парадной двери, то обнаружил, что она не заперта. Он тихонько прокрался через переднюю комнату в маленькую кухню и сделал пару шагов к двери, противоположной

входу в ванную. Она вела его к крутой лесенке на чердак — к той его части, которая была превращена в малюсенькую спальню. Вздвигаться приходилось медленно, наступая на концы ступенек. Они жутко скрипели, если нога ступала на середину доски.

Именно тогда он заметил, что двери в спальню родителей и в спальню младших детей открыты. Там было светло от луны. (Не имело значения, что, когда он открывал дверь, рассвет уже наступил. Это ж был сон.) При ярком лунном свете он увидел, что старинная большая кровать родителей пуста. И кровать маленькой сестренки — тоже. Он заглянул за угол и увидел, что койки Мунго и Джемса тоже опустели.

И Рузвельта не было в его постели.

В панике Питер выглянул из окна на задний двор.

В собачьей конуре тоже никого не было.

Все, даже собака, исчезли, не сказав ему ни слова. Какое же несказанное преступление он совершил?

ГЛАВА 32

— Тренировочный дирижабль будет готов через месяц, — сказал Фаербрасс. — Джилл Галбирра — пока наш самый опытный стратонавт, и она возьмет на себя обязанности начальника тренинга. Фактически она будет капитаном тренировочного дирижаблика. Как ты, Джилл? Если ты не можешь стать командиром большого корабля, ты станешь неоспоримым боссом маленького. Тогда уж не посмеешь говорить, что я ничего для тебя не делаю.

Все мужчины поздравили ее, хотя кое-кто с весьма кислой миной. Сирано казался в восторге по-настоящему, и, если бы он не знал, как она ненавидит, когда к ней прикасаются, он наверняка обнял бы ее и расцеловал. Импульсивно Джилл притянула его к себе и мимолетно прижала к груди. В конце концов, он так старался загладить свое оскорбительное поведение на берегу Реки.

Двадцатью минутами позже она, Фаербрасс, Мессне, Пискатор и десяток инженеров начали работу над «синьками» большого воздушного корабля. Спецификации явились результатом трехнедельного тяжелого труда, обычно по 12—14 часов в день. Вместо того чтобы чертить на бумаге, они изготавливали «синьки» на дисплее компьютера. Это было куда быстрее, ошибки исправлялись легче, а новые решения вносились немедленно; компьютер сам повторно оценивал правильность размеров. Конечно, компьютер сначала надо было соответственно запрограммировать, и Джилл приняла в этом активное участие. Такую работу она просто обожала. Работа была творческой и давала Джилл шанс побаловаться с математическими уравнениями.

Тем не менее нервное напряжение непрерывно нарастало. Чтобы ослабить его и сохранить хорошую физическую форму, Джилл часа по два почти каждый день занималась фехтованием. Здесь фехтование сильно отличалось от того, к которому она привыкла на Земле.

Легкие тонкие клинки были заменены жесткими тяжелыми рапирами. Кроме того, целью мог служить любой участок тела, а поэтому потребовались специальные чулки с подбивкой, которые защищали обычно голые ноги.

— Мы тут не в игрушки играем, — говорил Сирано. — Тебе придется учиться фехтовать не просто для того, чтобы набирать очки. Недалеко то время, когда ты из всех сил будешь сдерживать своего противника, стремящегося пронзить тебя насквозь, и в свою очередь будешь отыскивать возможность нанести ему такой удар, чтоб твоя рапира вышла у него из-под лопатки.

Джилл была отличной фехтовальщицей. Ее великий учитель — олимпийский чемпион — однажды сказал ей, что она могла бы занять первое место в международных соревнованиях, если бы уделяла тренировкам чуть побольше внимания. Но это было невозможно, так как работа не позволяла ей посещать фехтовальные залы регулярно. Когда же шансы пофехтовать появлялись, она тут же их ловила. Джилл любила фехтовать; в некоторых отношениях этот спорт напоминал ей шахматы, которыми она тоже страстно увлекалась.

Такая была радость — снова ощутить в руке клинок и заново повторить все так давно не употреблявшиеся, но все же не полностью забытые приемы! А еще большая радость — обнаружить, что она может победить всех своих соперников-мужчин. И хоть она, должно быть, в первый момент и выглядела неуклюжей, но, стоило ей ощутить в руке рукоять рапиры, она тут же обретала изящество и льющуюся быстроту движений.

И все же были двое, победить которых она не могла. Один из них — Раделли, итальянский маэстро, автор «Istruzione per la scherma di spada a di sciabola»*, опубликованной в 1885 году. Другой бесспорный чемпион — Савиньен Сирано де Бержерак.

Последний очень удивил Джилл. Дело в том, что фехтование во времена Сирано еще не достигло того уровня, когда его можно было назвать благородным искусством. Только в конце XVIII века оно стало приближаться к вершинам искусства. Сирано же умер в середине XVII века, то есть еще до изобретения фехтовальной рапиры, во времена, когда мужчины нередко дрались до смерти, когда техника боя была примитивной, хотя и впечатляющей. Правда, итальянцы разработали основы современного фехтования уже к началу XVII века, но эта школа получила всеобщее признание лишь к концу XIX столетия.

Таким образом, Сирано заработал репутацию величайшего бойца всех времен и народов, не посоревновавшись с мастерами более поздних веков, куда более изощренными. Джилл считала, что его репутация чрезмерно раздута; кто, в конце концов, знал наверняка, что знаменитый инцидент у Porte de Nesle** не выдумка? Никто, кроме самого француза! А он предпочитал об этом помалкивать.

* «Поучение, как сражаться шпагой и рапирой»

** Нельские ворота, находились на левом берегу Сены напротив Лувра. Там Сирано сражался с бандой наемных убийц и разогнал их.

Однако Сирано очень быстро научился всем последним тонкостям у Раделли и Барсоди. После четырех месяцев обучения он уже уверенно набирал больше очков, чем его учителя. А через пять — стал непобедим. Во всяком случае — до сих пор.

Сначала Джилл чувствовала себя скованной, но вскоре вернула прежний блеск и стала создавать для Сирано известную проблему. Но ей ни разу не удалось получить больше одного очка из пяти в шестиминутной схватке. Сирано всегда успевал заработать свои четыре раньше, чем она — одно. Это заставило ее думать, что и это очко он давал ей, только чтоб смягчить горечь поражения. Однажды после матча, во время которого она чуть не взбесилась из-за понесенного поражения, она обвинила Сирано в том, что он ее шадит.

— Даже если б я в вас влюбился и жаждал не нанести вам оскорбления каким бы то ни было способом, — сказал он, — *этого* я бы не сделал! Это было бы бесчестно, и хотя говорят, что в любви и на войне все дозволено, но мне такое не подошло бы. Нет, вы получаете свои очки честно, благодаря быстроте движений и мастерству.

— Если б мы дрались по-настоящему и острыми клинками, — воскликнула она, — вы бы убивали меня каждый раз! Вы ведь всегда наносите удар первым!

Он поднял маску и вытер лоб.

— Верно. Но смею надеяться, вы же не думаете вызывать меня на дуэль? Вы уже не сердитесь на меня больше?

— За тот случай на берегу? За него — нет.

— А за что же тогда, смею спросить?

Она ничего не ответила, а он поднял брови и пожал плечами в самой изысканной галльской манере.

Сирано был первым, это бесспорно. Как бы она ни практиковалась, как бы ни укрепляла свою решимость обогнать его, ибо он был мужчиной, а она не хотела проигрывать ни мужчинам, ни женщинам, все равно ему она *всегда* проигрывала. Однажды, когда она принялась высмеивать его невежество и склонность к суевериям и тем самым привела в бешенство (сделав это нарочно), он атаковал ее с такой яростью, что нанес ей пять ударов за полторы минуты. Вместо того чтобы потерять голову, он стал еще более похожим на холодное пламя, двигался с уверенностью и быстротой, не допуская ни тени ошибки, выставлял стопроцентную защиту против каждого ее выпада.

В результате униженной оказалась она сама.

И вполне заслуженно, сказала она себе. Джилл тут же извинилась, хотя это было еще одним унижением.

— Я была совершенно не права, издеваясь над вашей необразованностью и вашими предрассудками, — сказала она. — Вы не виноваты, что родились в 1619 году, и мне не следовало подшучивать над вами из-за этого. Я поступила так только потому, что хотела разозлить вас до такой степени, чтоб вы стали делать ошибки в фехтовании. Это была гнусная затея. Обещаю вам ни-

когда больше не повторять ее и приношу вам свои извинения. Ничего из того, что я говорила, не было сказано всерьез.

— Значит, все эти противности, которые вы мне наговорили, были просто шуткой? — спросил он. — Что-то вроде словесного приема, чтоб выиграть лишнее очко? И в этих, весьма болезненных для меня, словах не было ничего личного?

Она на мгновение заколебалась, а потом сказала:

— Я должна быть честной. Моя главная цель заключалась в том, чтоб вы потеряли голову. Но и мою собственную голову в этот момент тоже нельзя назвать холодной. В какое-то время мне и в самом деле показалось, что вы невежественный олух, ожившее ископаемое. Но во мне говорило лишь собственное мое раздражение.

А на самом деле вы далеко опередили свое время. Вы отвергли предрассудки и варварство своих дней настолько, насколько вообще можно отринуть культуру своего века. Вы были исключительным человеком, и я глубоко чту вас за это. И вы никогда больше не услышите от меня таких слов.

Она снова поколебалась немного, а потом спросила:

— Скажите, а это правда, что на смертном одре вы раскаялись?

Лицо француза побагровело. Он сделал гримасу и ответил:

— К сожалению, мисс Галбирра. Я и в самом деле заявил, что сожалею о своем богохульстве и неверии, и попросил прощения у доброго Бога. Я, который был отчаянным атеистом с тринадцати лет! Я, который ненавидел толстых, омерзительных, лоснящихся от жира, вонючих, невежественных ханжей и паразитов — попов! И их бесчувственного, беспощадного, жестокого Бога! Но вы не знаете, вы не ведаете ужасов адского пламени и вечного проклятия! Откуда вам знать, каково это — ощущать, как ужас перед адом пронизывает тебя до костей, захлестывает с головой! Он ведь был заложен в нас с детства, его вбили в нашу плоть, в наши кости, в самые потаенные глубины наших мозгов!

А поэтому, когда я узнал наверняка, что умираю от комбинации омерзительнейшего заболевания с буколическим именем сифилис и удара по голове балкой, то ли сброшенной мне на голову врагом, то ли упавшей на меня случайно, то я, который любил, повторяю, любил все человечество... и особенно женщин... На чем я остановился?

Ах да! Зная наверняка, что я скоро умру, и ослепленный страхом перед дьяволом и вечными пытками, ожидавшими меня, я поддался своей сестре, этой беззубой суке, иссохшей злобной монахине, а также моему доброму, даже слишком доброму другу Ле Бре, и сказал: да, я каюсь, я спасу свою душу, и вы можете возрадоваться, моя добрая сестра и мой добрый друг, что я, наверное, попаду в чистилище, но вы своими молитвами спасете меня из него, ведь правда?

А почему бы и нет? Я был напуган так, как никогда не бывал напуган в жизни, и все же я не был убежден, что и в самом деле достоин вечного проклятия. У меня были некоторые сомнения, поверьте мне. А кроме того, ну какой вред от покаяния? Если

Христос действительно готов спасти меня, причем совершенно бесплатно, заметьте, а рай и ад и в самом деле существуют, то я буду идиотом, если не попытаюсь спасти мою паршивую шкуру и бесценную душу.

С другой стороны, если после смерти человека все сущее превращается в пустоту, в ничто, то что я теряю? А свою сестру и этого суеверного, но добросердечного Ле Бре я могу осчастливить при жизни.

— Он написал пылкий панегирик после вашей смерти, — сказала Джилл. — И предисловие к «Путешествию на Луну», которое он издал через два года после вашей кончины.

— А! Я надеюсь, он не изобразил меня святым? — вскричал Сирано.

— Нет, он дал вам отличную характеристику благородного, но не так чтобы очень святого человека. Однако другие писатели... что ж, у вас наверняка было много врагов.

— И кто же попытался очернить мое имя и репутацию, когда я умер и уже не мог защитить себя? Кто эти свиньи, эти трусы?

— Не помню, — ответила Джилл. — Да и какое это сейчас имеет значение, верно? Кроме того, лишь немногочисленные ученые знают имена этих очернителей. К сожалению, для большинства людей вы лишь романтичный, хвастливый, остроумный, трогательный, немного донкихотовствующий герой пьесы одного француза, написанной в конце XIX века*.

Довольно долго существовала версия, что вы были безумны, когда писали «Путешествие на Луну» и «Путешествие к Солнцу». Это произошло потому, что ваши книги подверглись жестокой цензуре. Со временем церковные боссы так искромсали ваш текст, что многое вообще потеряло всякий смысл. Но затем текст был восстановлен, насколько это было возможно, и к тому времени, когда я родилась, на английском языке был опубликован очищенный и восстановленный вариант.

— Я счастлив это слышать! Я знал из того, что говорил Клеменс и другие, что я превратился в литературного олимпийца, уж если не в Зевса, то по меньшей мере в Ганимеда-чашеносителя в рядах небожителей. Но ваше насмешливое замечание, что я суеверен, очень больно меня ранило, мадемуазель! Вы верно заметили, что я верил, будто Луна на ущербе притягивает костный мозг животных. И сказали, что это дикая чушь. Отлично. Я принимаю это. Я ошибался вместе с миллионами других людей своего времени, и Бог знает с каким числом живших до меня.

Но это малюсенькая безобидная ошибка. Кому мешает, кому может навредить обладание столь глупым представлением? Суеверием и величайшей ошибкой, которая доставила многие несчастья миллионам человеческих существ, была чудовищная, варварская вера в колдовство, в способность некоторых людей творить зло с

* Имеется в виду пьеса Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1897 г.).

помощью заговоров, чар, черных котов и дьяволов, взятых в союзники. Я написал письмо против этого невежественного и жестокого предассудка, вернее будет сказать, против этого общественного института. Я доказал, что гротескные судебные приговоры, жуткие жесточайшие казни и пытки, обрушенные на безумных или невинных людей во имя Бога и войны со Злом, сами были квинт-эссенцией Зла.

Ну, верно, письмо, о котором я говорю, «Против колдунов», не было опубликовано при моей жизни. И по очень веской причине. Меня самого бы подвергли пыткам и сожгли заживо. Но письмо ходило среди моих друзей. Это показывает, что я вовсе не таков, каким вы меня выставили. Я опережал свое время, хотя, конечно, я не был единственным человеком, оказавшимся в столь тяжелой ситуации.

— Мне это известно, — сказала Джилл. — И я уже один раз извинилась. Хотите, чтоб я извинилась еще раз?

— Не обязательно, — ответил Сирано. Широкая улыбка сделала его лицо почти красивым. Или, во всяком случае, привлекательным, несмотря на огромный нос.

Джилл подхватила за ручку свой грааль и сказала:

— Как раз время ужинать.

Джилл знала кое-что о человеке по имени Одиссей, поскольку время от времени ей приходилось слышать о нем всякие рассказы. Говорили, что он появился здесь совершенно неожиданно, вроде бы из ниоткуда, когда объединенные силы Клеменса и короля Иоанна отбивали нападение интервентов, стремившихся овладеть метеоритным железом. Именно он убил меткой стрелой вождя нападавших, что вызвало панику среди прочих вражеских офицеров; благодаря этому оборонявшиеся получили преимущество, которое и привело к их победе.

Одиссей с Итаки хвалился, что он и есть исторический Одиссей, который послужил основой образа мифологического героя, созданного Гомером. Он был одним из тех греков, кто воевал под стенами Трои, хотя и уверял, будто реальная Троя находилась вовсе не там, где она располагалась по мнению ученых. Ее местонахождение было совсем другим — на берегу Малой Азии, но гораздо южнее.

Джилл, впервые услышав об этом, не знала, верить ли, что он действительно Одиссей, или нет. В Мире Реки было множество самозванцев. Но одна вещь заставила ее думать, что он и в самом деле мог быть тем самым историческим выходцем с Итаки. Почему он утверждал, что Троя-VII, которую даже археологи и эллинисты ее дней называли настоящим Илионом, не является истинной Троей? Почему он утверждал, что историческая Троя находилась где-то в другом месте?

Но каковы бы ни были его резоны, самого Одиссея тут больше не было. Он исчез так же таинственно, как и появился. Агентура, посланная на его розыски, не нашла нигде ни единого следа.

Фаербрасс продолжал его разыскивать и после того, как Клеменс уехал на «Марке Твене». Один из розыскников — Джим

Сорли — наконец обнаружил след Одиссея, но этот след свидетельствовал лишь об одном — Одиссей не был убит людьми Иоанна.

Джилл немало удивляло то, почему Одиссей добровольно решил драться на стороне Клеменса. Почему чужестранец, который, по видимому, совершенно случайно присутствовал при баталии, выбрал именно сторону Клеменса и рисковал ради него жизнью? Что он мог выиграть, особенно если он, как выяснилось, не знал ни одного участника битвы ни на той, ни на другой стороне? Однажды она спросила Фаербрасса об этом, и он сказал, что просто не имеет представления.

Сэм Клеменс, возможно, мог бы ее просветить, но он никогда на этот счет не высказывался.

Фаербрасс добавил, что Одиссей, возможно, появился тут по тем же причинам, что и Сирано или он сам. Все они хотели попасть на колесный пароход, чтобы добраться до Полярного моря.

Джилл подумала — как странно, что никто не предложил построить дирижабль до тех пор, пока не был построен второй пароход. Зачем тратить десятилетия на путешествие к арктическому району по воде, когда воздушный корабль может доставить туда за несколько дней?

— Просто еще одна тайна бытия, — ответил, улыбаясь, Фаербрасс. — Человек, извини, человечество иногда не может увидеть нос на собственном лице. А потом кто-то приходит и показывает ему зеркало.

— Если б у человечества был такой нос, как у меня, — откликнулся Сирано, — с ним бы никогда не могло произойти такое!

В данном случае человеком с зеркалом был Август фон Парсеваль. На Земле он был майором германской армии, но, кроме того, он конструировал дирижабли для одной немецкой фирмы. Дирижабли такого типа использовались британским и немецким правительствами между 1906 и 1914 годами.

Незадолго до того как «Марк Твен» был готов к отплытию из Пароландо, там появился фон Парсеваль. Он был чрезвычайно поражен, что никто до сих пор не сообразил, что *Lüftschiff** был бы лучшим средством транспорта, чем судно.

После того как Фаербрасс мысленно дал себе пинка за такой ляп, он тут же поспешил к Клеменсу, прихватив с собой и немца.

К их удивлению, Клеменс сказал, что он уже давно подумывал о возможности строительства дирижабля. В конце концов, не он ли написал «Том Сойер за границей»? И разве Том, Джим и Гекльберри Финн не летели от Миссури до Сахары на воздушном шаре?

Пораженный Фаербрасс спросил, почему же он об этом раньше даже не упомянул.

— Потому что знал, что какой-нибудь ушибленный полетами идиот захочет бросить работу над пароходом быстрее, чем взлом-

* Воздушный корабль (нем.).

щик бросает свои инструменты при виде полицейского! Он требует, чтоб о колесном судне забыли и все материалы и силы были отданы летающей машине!

Нет уж, мистеры! Этот корабль имеет приоритет перед всем остальным, как сказал Ной жене, пожелавшей бросить работу и танцевать под дождем.

И клянусь раскаленными яйцами быка Башана, дирижабля не будет! Это рискованная штука, опаснейшее изобретение. Господи! Да я там даже сигару закурить не посмею, а уж если этого нельзя, то стоит ли жить вообще?

Клеменс выдвинул и другие аргументы, большей частью куда более серьезные. Фаербрасс, однако, понял, что своего главного возражения Клеменс еще не огласил. Добраться до Башни было не главной приманкой для Клеменса. Гораздо важнее для него был сам процесс путешествия.

Построить самое огромное речное судно, каких никогда еще не бывало, стать его капитаном, его повелителем, совершить плавание протяженностью в миллион километров на дивном корабле — вот о чем мечтал Сэм Клеменс.

Более того, он жаждал мести. Он хотел выследить короля Иоанна и расквитаться с ним, уничтожить его за то, что тот отобрал у него первый корабль, первую любовь — «Внаем не сдается».

Может быть, на то, чтоб добраться из Пароландо до гор, окаймляющих Полярное море, уйдет сорок лет. Какое до этого дело Сэму! Он будет не только обожаемым владельцем и капитаном величайшего и прекраснейшего речного корабля, никем ранее невиданного; он еще отправится в самое долгое путешествие, совершенное кораблем или любым другим видом транспорта! Сорок лет! Мы еще утрем носы всем этим Колумбам и Магелланам!

А по пути он увидит сотни тысяч людей и будет разговаривать с ними. Эта перспектива приводила Сэма в восторг. Люди ему были интересны не менее, чем новые соседи какой-нибудь домашней хозяйке.

А если он полетит на дирижабле, то не увидит ни единого незнакомца, с кем можно было бы потолковать.

Хотя Фаербрасс был общителен, как стая уток, но такое отношение к делу ему было чуждо. Сам он был нацелен исключительно на раскрытие тайны Башни. Именно там мог находиться ключ к тайне, завораживающей все человечество.

Фаербрасс не стал указывать Клеменсу на то, что, как он считал, было главной причиной возражений последнего против дирижабля. Ни к чему хорошему это не привело бы. Сэм поглядел бы ему прямо в глаза и сказал, что все это чушь собачья.

Однако Сэм знал, что он действительно ошибался. И поэтому за сорок дней до отплытия «Марка Твена» он пригласил Фаербрасса к себе.

— После того как я уеду, ты можешь начинать строить свой самовозгорающийся драндулет, если продолжаешь стоять на своем.

Конечно, это значит, что тебе придется отказаться от поста главного инженера самого выдающегося дела рук человеческих — корабля. И дирижабль тебе придется использовать только для наблюдения, для разведки.

— Почему это?

— А как, во имя бронзовых яиц Ваала, он еще может быть использован? Он же не может опуститься на Башню или еще куда-нибудь, верно? Согласно Джо Миллеру, горы крутые, пляжей нет. И...

— Откуда Джо известно, что там нет пляжей? Море покрыто туманом. Все, что он видел, — это верхняя часть самой Башни!

Сэм так дымил сигарой, что стал похож на рассерженного дракона.

— Вполне логично предположить, что люди, которые сотворили море, не стали сотворять пляжи. Зачем им создавать такое место, где захватчики могут причалить к берегу? Да и незачем!

Но я все же хочу, чтобы вы исследовали тамошние края. Поискали бы, нет ли через горы прохода, кроме того, который описал Джо. Выяснили бы, можно ли проникнуть в Башню другим путем, кроме крыши.

Фаербрасс не стал спорить. Он будет действовать, как сочтет нужным, когда доберется до полюса. Уж там-то Клеменс не сможет контролировать его действия.

— Я вышел от него веселый как щенок, которому удалось избавиться от блох. Я рассказал фон Парсевалу о решении Сэма, и мы устроили большой кутеж по сему поводу. Но через два месяца бедного Августа слопал «речной дракон». А мне лишь чудом удалось избежать его судьбы и не отправиться в ту же глотку.

Достигнув этой точки в своем рассказе, Фаербрасс решил поделиться с Джилл большим секретом.

— Ты должна поклясться своей честью, что никому не расскажешь. Я не стал бы делиться с тобой, но пароход ушел уже давно, а передать информацию королю Иоанну ты не сможешь. Да и не захочешь, если б и могла.

— Я обещаю никому не говорить. Что бы это ни было.

— Ладно... Один из наших инженеров был ученым в Калифорнии. Он знал, как можно построить лазер с радиусом действия 404 метра. На таком расстоянии лазер может рассеять «Рекса» надвое. И у нас хватило материалов на то, чтобы лазер построить. Так что он у Сэма есть.

Это был в высшей степени засекреченный проект, такой засекреченный, что на борту «Марка Твена» лишь шесть человек знали о существовании лазера. Из них один, разумеется, Сэм. Даже его приятель Джо и тот не знает.

Когда «Марк Твен» настигнет «Рекса», лазер вынесут на палубу и поставят на треногу. Бой будет коротким и приятным. Приятным для Сэма, горьким для Иоанна. И на обоих кораблях потери будут сведены до минимума.

Я знаю об этом секрете потому, что был одним из инженеров проекта. Еще до того как дело завершилось, я спросил Сэма, не оставит ли он его здесь. Я хотел взять его на дирижабль и прожечь вход в Башню, если нам не удастся попасть туда другим путем.

Но Сэм отказал наотрез. Он сказал, что, если что-нибудь произойдет с дирижаблем, лазер будет потерян. И он не сможет вернуть его на пароход. Я спорил как сумасшедший, но ничего не вышло. И у Сэма были серьезные аргументы. Откуда знать, с какими опасностями нам предстоит столкнуться — с метеорологическими и прочими.

И все же жутко обидно!

ГЛАВА 33

Джилл как раз собиралась спросить у Фаербрасса, почему он не выслал разведчиков на поиски материалов для нового лазера, но в этот момент постучала в дверь секретарша Фаербрасса. Не примет ли мистер Фаербрасс Пискатора?

Фаербрасс ответил, что примет. Вошел японец и, осведомившись о здоровье шефа, сказал, что у него есть хорошие новости. Инженеры, работающие над синтетическим дизельным топливом, смогут выдать первую партию на неделю раньше срока.

— Замечательно! — воскликнул Фаербрасс. Он широко улыбнулся Джилл. — Это значит, что завтра ты сможешь поднять «Минерву». Начнешь тренировки на неделю раньше плана. Сказочно!

Джилл была в не меньшем восторге.

Фаербрасс предложил в честь такого события выпить. Однако не успели они разлить «черепной цвет» по стаканам, как секретарша возникла снова.

Улыбаясь во весь рот, она торжественно произнесла:

— Я не стала бы вас беспокоить, если б не важное дело. Я думаю, мы заполучили еще одного воздухоплателя, причем с очень большим стажем. Он прибыл всего лишь несколько минут назад.

Близкое к экстазу настроение Джилл тут же резко упало. Казалось, в груди у нее образовалась огромная полость, заполненная пустотой. До сих пор она считала, что должность первого помощника наверняка будет принадлежать ей. Но вот появился человек, который мог обладать таким же, как она, а может, и большим опытом. Он мог даже оказаться офицером с «Графа Цеппелина» или «Гинденбурга». Ветеран полетов на огромных цельнометаллических дирижаблях мог перевесить в мнении Фаербрасса ту, у которой был опыт полетов лишь на аппаратах с мягкой оболочкой.

Сердце Джилл скакало как бешеное, когда она увидела человека, вошедшего в кабинет следом за секретаршей. Она не узнала его, но это еще ничего не значило. Были десятки воздухоплателей

в ее дни и столько же в догинденбургскую эру, чьих фотографий она никогда не видела. Кроме того, то были изображения людей среднего возраста, одетых в штатское или военное платье. У многих была растительность на лице.

— Шеф Фаербрасс, — сказала Агата Ренник, — Барри Торн.

На вошедшем были сандалии из рыбьей кожи, яркий красно-бело-голубой полосатый килт и длинное черное полотнище, скелотое у подбородка. В одной руке он держал за ручку свой грааль, в другой — горловину большого мешка из рыбьей кожи.

В нем было около 1,7 метра роста, а плечи казались столь же широкими. Корпус был так массивен, что Джилл он напомнил изображения быков. Ноги Торна, хоть и мускулистые, были непропорционально длинны. Грудь и руки могли принадлежать горилле, хотя волосы на них почти отсутствовали.

Короткие выющиеся соломенно-желтые волосы обрамляли широкое лицо. Брови тоже соломенные, глаза темно-синие. Нос длинный и прямой. Губы полные. Улыбаясь, он обнажал очень белые зубы. Челюсти крепкие, подбородок закругленный, выдвинутый вперед, с глубокой ямочкой. Уши маленькие, прижатые к черепу.

По приглашению Фаербрасса он положил мешок и грааль прямо на пол. Несколько раз сжал и разжал пальцы, как будто они долго несли какую-то тяжесть. Возможно, впрочем, он просто вел свое каноэ издалика. Несмотря на широкие ладони, пальцы были длинные и тонкие.

Казалось, он чувствует себя здесь как дома, хотя кругом были люди незнакомые, а его самого ожидал допрос касательно квалификации и опыта. Более того, он прямо-таки излучал благополучие и магнетизм, который тут же напомнил Джилл о затасканном и часто неправильно употребляемом термине «харизма»*.

Позже она обнаружила, что у него была странная способность как бы «выключать» это очарование, словно свет лампы. И тогда, несмотря на свой физический облик, он как бы сливался со своим окружением. Психологический хамелеон.

Джилл, поглядев на Пискатора, поняла, что и тот заинтригован незнакомцем. Его черные глаза сузились, голова чуть-чуть склонилась набок, как будто он прислушивался к тихому и очень далекому звуку.

Фаербрасс и Торн пожали руки.

— Ого! Ну и хватка! Рад видеть вас на борту, сэр, если вы тот, о ком говорила Агата. Садитесь, в ногах правды нет. Вы прибыли издалика? Да? Сорок тысяч питающих камней? Не голодны? Кофе? Чай? Самогон или пиво?

Торн отказался от всего, кроме кресла. Говорил он приятным баритоном, без особых пауз, колебаний, незаконченных фраз, которые свойственны большинству людей.

* Милость, божественный дар.

Узнав, что Торн канадец, Фаербрасс с эсперанто перешел на английский. Через несколько минут основные моменты биографии Торна стали Фаербрассу уже известны.

Барри Торн родился в 1920 году на ферме родителей неподалеку от Регины, провинции Саскачеван. Получив степень по электротехническому машиностроению в 1938 году, он записался в Британский военно-морской флот, находясь в то время в Англии. Во время войны был командиром военно-морского дирижабля. Женился на американке и после войны отправился в Штаты, так как его жена происходила из Огайо, хотела жить поближе к родителям и настояла на своем. В то же время возможностей для воздухоплавателей там было больше.

Он приобрел лицензию на коммерческие полеты, намереваясь найти работу на американских авиалиниях. Но после развода с женой он покинул Гудиар и стал charterным пилотом на Аляске, затем вернулся в Гудиар и снова женился. После смерти второй жены нашел работу в только что созданной англо-западногерманской воздушной компании. В течение нескольких лет был капитаном большого аэростата-буксира, перегонявшего по воздуху контейнеры с природным газом с Ближнего Востока в Европу.

Джилл задала ему несколько вопросов в надежде, что ее память как-то отреагирует на полученную от него информацию. Она знала нескольких аэронавтов из компании Торна, и кто-то из них мог упомянуть в разговоре с ней кое-что связанное с ним. Тот сказал, что припоминает одного из них... или думает, что припоминает. Он не был уверен — ведь все это такие давние дела.

Умер он в 1983 году, находясь в отпуске в Фридрихсгафене. Причину смерти он не знал. Вероятно — инфаркт. Однажды он заснул, а когда проснулся, то лежал голым на берегу Реки вместе со многими другими.

С тех пор он бродил вверх и вниз по Реке. Однажды, услышав разговоры о гигантском дирижабле, строящемся в низовьях, он решил лично убедиться, правда ли это.

Фаербрасс, довольно ухмыльнувшись, сказал:

— Вот это удача! Вас тут более чем рады видеть, Барри! Агата, будь добра, займись устройством мистера Торна.

Торн пожал руки всем присутствующим и ушел. Фаербрасс почти приплясывал от радости.

— Дела идут шикарно!

— Это как-нибудь меняет мое положение? — спросила Джилл.

Фаербрасс казался удивленным.

— Нет. Я же сказал, что ты будешь главным инструктором и капитаном «Минервы». Фаербрасс всегда держит свои обещания. Ну, лучше сказать, почти всегда. Но я знаю, о чем ты думаешь. Я не давал никаких обещаний насчет того, кто будет первым помощником на «Парсевале». Ты занимаешь прочное место среди кандидатов, Джилл. Но пока об этом говорить рано. Все, что я могу сказать, — пусть победит наилучший. Мужчина или женщина — безразлично.

Пискатор похлопал Джилл по руке. В другой раз она бы отнеслась к этому с отвращением. В данный момент — почувствовала благодарность.

Позже, когда они вместе вышли из кабинета, Пискатор высказался так:

— Не уверен, что Торн говорит правду. Если и говорит, то, во всяком случае, не всю. В основном его история, может быть, и правдива. Но в его тоне слышится нечто фальшивое. Похоже, он что-то скрывает.

— Иногда вы меня прямо пугаете, — сказала она.

— Но я могу и ошибиться в нем.

У Джилл возникло твердое впечатление, что сам он не допускал даже мысли о такой возможности.

ГЛАВА 34

Ежедневно еще до рассвета «Минерва» поднималась в воздух для тренировочного полета. Иногда она оставалась там до часу после полудня. Иногда совершала полеты в течение всего дня, приземляясь лишь вечером. В первую неделю единственным пилотом была сама Джилл. Затем управлять стали по очереди все будущие пилоты и офицеры, обслуживающие рулевую гондолу.

Барри Торн не появлялся в аэропорте в течение первых четырех недель, после начала тренировочных полетов. Джилл потребовала, чтобы он сначала прошел курс обучения на земле. Хотя он и обладал опытом, но на воздушном корабле не бывал по меньшей мере 32 года, и нетрудно предположить, что многое позабыл. Торн не возражал.

Джилл не спускала с него глаз, пока он сидел в кресле пилота. Каковы бы ни были подозрения Пискатора, Торн вел корабль так, будто занимался этим делом многие годы и без всякого перерыва. Он был не менее компетентен и в навигации, и в ликвидации запрограммированных чрезвычайных ситуаций, что входило в программу обучения.

Джилл была определенно разочарована. Она так надеялась, что он вовсе не таков, каким представился. Но теперь она видела, что он из той самой муки, из которой пекут капитанов.

Торн, однако, оказался странным человеком. Он был на дружеской ноге со всеми и готов был посмеяться шуткам, как и всякий другой. Но сам он никогда не зубоскалил и вне службы держался особняком. Хотя ему дали хижину в двадцати метрах от хижины Джилл, он никогда не заходил к ней и не приглашал к себе. В известной степени для Джилл это было облегчением, поскольку не приходилось беспокоиться о том, как его отшить, если начнет приставать. Но раз он не делал и попыток уговорить какую-нибудь женщину поселиться с ним, он предположительно должен был быть гомосексуалистом. Однако он, по-видимому, совершенно не интересовался и лицами своего пола — ни сексуально, ни иначе.

Торн был типичный одиночка, хотя при желании умел раскрыться и быть просто очаровательным. А потом вдруг закрывался, как кулак, и становился никаким, серым — ну как живая статуя.

Вся потенциальная команда «Парсевалья» находилась под непрерывным наблюдением. Каждый проходил психологические тесты на стабильность. Торн выдержал и осмотр, и тесты так, будто сам их разработал.

— Только потому, что человек немного странно ведет себя в общественной жизни, — сказал Фаербрасс, — ему нельзя отказать в том, что он первоклассный аэронавт. В первую очередь ценить следует то, каков он в воздухе.

Фаербрасс и Сирано проявили себя природными пилотами-аэронавтами. В случае с американцем тут ничего особенного не было, поскольку он провел тысячи часов в ракетных самолетах, геликоптерах и космических кораблях. Француз же происходил из времен, когда даже воздушных шаров не существовало, хотя их изобретение уже было, так сказать, «на носу». Наиболее сложные технические устройства, с которыми ему довелось иметь дело, были фитильные и кремневые пистолеты, а также пистолеты с колесиком. Он был слишком беден, чтобы иметь часы, к тому же они требовали лишь одного умения — заводить их.

Тем не менее Сирано быстро усвоил все, чему учили в наземном классе и в полете; даже необходимые математические расчеты одолел без особого труда. Фаербрасс был очень хорош, но Бержерак оказался наилучшим пилотом из всех. Это Джилл должна была признать, хоть и без особого удовольствия. Реакция у француза и оценка обстановки были на уровне компьютерных расчетов.

Другим неожиданным кандидатом оказался Джон де Грейсток. Этот средневековый барон напросился в команду, которая будет управлять полужесткой «Минервой», когда она пойдет в атаку на «Рекс». Джилл скептически отнеслась к его возможности адаптироваться к пилотажу. Но после трех месяцев полетов он расценивался Фаербрассом и Галбиррой как человек, наиболее подходящий на пост капитана этого корабля. Барон был человеком военным, беспощадным и безудержно храбрым. И к тому же ненавидел короля Иоанна. Будучи ранен и сброшен с корабля Иоанном, когда «Внаем не сдается» был взят штурмом, барон жаждал отмщения.

Джилл прибыла в Пароландо в конце месяца Дектрия (по-английски — тринадцатый). Пароландо приняло тринадцатимесячный календарь, поскольку у этой планеты не было ни времен года, ни лун. Поэтому хотя и не было смысла (кроме сентиментальных воспоминаний) считать, что год состоит из 365 дней, но сами по себе эти воспоминания не были плохи. Каждый месяц состоял из четырех семидневных недель, то есть из 28 дней. Поскольку 12 месяцев давали только 336 дней, был добавлен тринадцатый месяц. Правда, один день оказался лишним, но его называли либо Новогодним днем, либо Последним днем, либо Днем-Когда-Напиваются

До-Бесчувствия. Джилл прибыла за три дня до наступления этого праздника в 31 году от Дня Воскрешения.

Теперь же был январь 33 года от Дня Воскрешения, и, хотя работа над большим дирижаблем уже началась, должен был пройти еще целый год, прежде чем он будет готов к полету на полюс. Это было связано с неизбежными непредвиденными оттяжками и отчасти с грандиозными идеями Фаербрасса. Из-за них приходилось пересматривать многое в первоначальных планах.

Но на сегодня команда была уже набрана, хотя назначение офицеров еще не состоялось. Насколько это касалось Джилл, список был вполне ясен — кроме постов первого и второго помощников. Один из них — Торну, другой — ей. Это не вызывало у нее особого беспокойства, разве что в снах, так как Торну, по-видимому, было безразлично, какое положение он займет.

В эту среду января, или Первого месяца, Джилл чувствовала себя счастливой. Работы на «Парсевале» шли так хорошо, что она решила кончить сегодня работу пораньше. Взяла свою удочку и отправилась за «голавлями» на озеро вблизи своего жилья. Когда взобралась на первый холм, то увидела Пискатора. Он тоже тащил свои рыболовные снасти и сплетенную из прутьев корзину.

Она окликнула его, он обернулся, но без привычной улыбки.

— Вы выглядите так, будто думаете о чем-то важном, — сказала она.

— Именно так, но проблема это не моя, она касается кого-то, о ком я привык думать как о своем друге.

— Вы не обязаны говорить со мной об этом, — откликнулась она.

— Думаю, должен. Это касается вас.

Она встала как вкопанная.

— Меня? В чем дело?

— Я только что узнал от Фаербрасса, что тесты психологической оценки еще не окончены. Будет еще один, и все члены корабельной команды должны его пройти.

— Там есть что-то, из-за чего мне стоит беспокоиться?

Он кивнул:

— Тест включает погружение в глубокий гипноз. Он должен выявить остаточные проявления психической нестабильности, которые предыдущие тесты выявить не смогли.

— Да, но я...

Она снова оставила фразу неоконченной.

— Я боюсь, что он может раскрыть эти... а... галлюцинации, которые время от времени бывают у вас.

Джилл ощутила приближение обморока. На мгновение мир перед глазами потемнел. Пискатор подхватил ее под локоть и за руку, чтоб поддержать.

— Мне очень жаль, но я думал, что вам лучше подготовиться.

— Со мной все в порядке, — сказала она, вырвав руку. А затем: — Боже милостивый! Я ни разу не прикасалась к мечтательной резинке с тех пор, как вы нашли меня в хижине, и я

уверена, что все остаточные явления исчезли. Более того, у меня никогда не было галлюцинаций, кроме как по ночам, когда я бываю дома одна. Уж не думаете ли вы, что Фаербрасс исключит меня, а? У него нет никаких оснований так поступить со мной!

— Не знаю, — ответил Пискатор. — Возможно, гипноз не в состоянии выявить эти приступы. Но в любом случае, вы уж извините мои попытки повлиять на вас, мне кажется, вам следует пойти к Фаербрассу и рассказать ему о своих проблемах. И сделать это надо до того, как будет проведено тестирование.

— И что хорошего это даст?

— Если он обнаружит, что вы что-то скрывали от него, он, вернее всего, уволит вас. Но если вы честно признаетесь, прежде чем получите официальное уведомление о тестировании, он, возможно, прислушается к вашим объяснениям. Я лично не думаю, что вы представляете какую-то опасность для корабля. Правда, мое мнение ничего не значит.

— Я не стану кланяться!

— Да это на него и не повлияло бы... разве что в противоположном направлении.

Джилл с трудом вобрала в легкие воздух и огляделась, будто ища путь, который спасет ее, перебросив в совсем другой мир.

— Что ж, ладно. И нет смысла откладывать в долгий ящик.

— Вы отважны, — сказал он, — и очень разумны. Я желаю вам удачи.

— Увидимся позже, — ответила она и зашагала, стиснув зубы.

Однако когда она взобралась по лестнице на второй этаж, где находился кабинет Фаербрасса, она уже почти задышалась: не от физической усталости, а от волнения.

Секретарша Фаербрасса сказала ей, что он ушел в свою квартиру. Джилл удивилась, но не стала спрашивать у Агаты, почему он так рано сегодня закончил работу. Возможно, ему тоже следовало отдохнуть.

Дверь в квартиру Фаербрасса открывалась из холла. Перед ней стоял телохранитель, обычно сопровождавший его повсюду. Два покушения на жизнь Фаербрасса за последние шесть месяцев сделали такую меру предосторожности необходимой. Потенциальные убийцы покончили самоубийством, так что никакой информации не выдали. Никто ничего не знал наверняка, но ходили слухи, что этих людей подослал правитель враждебного государства ниже по течению. Он не скрывал своих намерений завладеть минеральными ресурсами Пароландо и тамошними удивительными машинами и оружием. Возможно, он надеялся, устранив Фаербрасса, с легкостью завладеть Пароландо. Но все это были чистые догадки самого Фаербрасса.

Джилл подошла к лейтенанту, командовавшему четырьмя вооруженными до зубов солдатами:

— Я бы хотела поговорить с шефом.

Лейтенант по фамилии Смизерс ответил:

— Извините, но он распорядился, чтоб его не беспокоили:

— Почему это?

Смизерс с удивлением взглянул на нее:

— Не имею понятия, сэр.

Гнев, порожденный страхом, обуял ее.

— Думаю, у него там женщина?

— Нет. Хотя это и не ваше дело, сэр, — ответил лейтенант. — Потом злорадно улыбнулся и продолжил: — У него посетитель. Приезжий по имени Фриц Штерн. Он приехал только час назад. Он немец и, судя по тому, что я слышал, опытный специалист по цеппелинам. Я слышал, как он говорил капитану, будто был офицером в NDELAG, уж не знаю, что бы это значило. Но летного времени у него побольше, чем у вас.

Джилл с трудом удержалась, чтобы не врезать ему по зубам. Она знала, что Смизерс ее недолюбливает, и чувствовала, что он с наслаждением подпустил ей шпильку.

— NDELAG, — сказала она, ненавидя себя за дрогнувший голос, — это должно быть Neue Deutsche Lüftschiffahrts-Aktien-Gesellschaft*.

Теперь ее собственный голос доносился до ее ушей как бы издалека, будто говорил кто-то другой.

— Незадолго до первой мировой войны существовала линия, обслуживаемая цеппелинами, которая называлась DELAG. Она перевозила пассажиров и грузы внутри Германии. Но я никогда не слыхала о NDELAG.

— Вероятно, это потому, что она была образована уже после того, как вы умерли, — сказал Смизерс. Он снова ухмыльнулся, явно наслаждаясь столь откровенным отчаянием Джилл. — Я еще слышал, как он рассказывал капитану, будто окончил академию в Фридрихсгафене в 1984 году. Он сказал, что кончил службу в качестве капитана суперцеппелина «Виктория».

Джилл стало почти дурно. Сначала Торн, теперь Штерн. Нет смысла торчать тут на лестнице. Она расправила плечи и сказала твердым голосом:

— Зайду попозже.

— Да, сэр. Очень сожалею, сэр, — сказал Смизерс, продолжая ухмыляться.

Джилл направилась к лестнице, по которой ей надо было спуститься. И сразу же обернулась, услышав стук захлопнувшейся двери и крик. Какой-то мужчина выскочил из квартиры Фаербрасса и с треском захлопнул за собой дверь.

Несколько секунд он постоял ошеломленный, глядя прямо в глаза страже. Те вытаскивали из кобуры свои тяжелые пистолеты. Смизерс уже наполовину обнажил меч.

Мужчина был почти так же высок, как Джилл. Он обладал великолепной фигурой, широкими плечами, тонкой талией, длин-

* Новая Немецкая Акционерная Компания воздушных перевозок (нем.).

ными ногами. Лицо красивое, но грубоватое; волосы волнистые, пепельного оттенка; глаза большие, темно-синие. Однако кожа какая-то бледная, нездоровая, а из раны на плече течет кровь.

В левой руке он держал окровавленный кинжал. Затем дверь вновь отворилась и появился Фаербрасс с рапирой в руке. Его лицо подергивалось от боли, на лбу кровоточила рана.

Лейтенант крикнул:

— Штерн!

Штерн повернулся и помчался по холлу.

Лестницы в том конце холла не было — только очень высокое окно.

Смизерс снова закричал:

— Не стрелять, ребята! Ему все равно не уйти!

— Он уйдет, если выпрыгнет из окна! — вскричала Джилл.

В конце холла Штерн с криком прыгнул вперед, повернувшись так, чтобы удариться о пластик спиной, и прикрывая лицо от осколков.

Однако пластик в окне выдержал. Штерн тяжело ударился об него, и его тут же отбросило обратно так, что он рухнул на пол лицом вниз. Он все еще лежал, когда Фаербрасс, лейтенант и следом телохранители помчались к нему со всех ног.

Джилл следовала за ними по пятам с секундным отрывом.

Прежде чем эта компания успела добежать, Штерн поднялся на ноги. Он видел, как бегут к нему люди, потом взглянул на кинжал, который уронил, когда ударился об окно. Затем закрыл глаза и повалился на пол.

ГЛАВА 35

К тому времени как Джилл подбежала, Фаербрасс уже пытался нащупать у Штерна пульс.

— Он мертв!

— Что случилось, сэр? — спросил лейтенант.

Фаербрасс поднялся с колен.

— Хотел бы я знать, *почему* оно случилось. Все, что я могу сказать тебе, — это *что* произошло. Мы прекрасно ладили, сидели, курили, шутили, он во всех деталях излагал мне историю своей профессиональной карьеры. Все было о'кей. И вдруг ни с того ни с сего он вскакивает, выхватывает кинжал и пытается меня заколоть!

Может, он спятил, хотя до той минуты, когда он пошел на меня в атаку, он был совершенно нормален и разумен. *Что-то* с ним произошло. Иначе разве он умер бы от сердечного приступа?

— Сердечный приступ? Я еще не слышала никогда, чтоб тут кто-нибудь умирал от сердечных приступов. А вы? — спросила Джилл.

Фаербрасс пожал плечами и ответил:

— Что-то всегда происходит впервые. В конце концов, разве воскрешения не прекратились?

— Мне кажется, он скорее наглотался цианистого калия, чем умер от разрыва сердца, — сказала Джилл. — Может, он проглотил яд? Правда, я не видела, чтобы он что-нибудь клал в рот.

— Добыть цианид или прусскую кислоту, или какой-нибудь другой яд можно только в Пароландо, — проговорил Фаербрасс. — Но он пробыл здесь слишком недолго, чтоб достать их. — Он поглядел на Сميزерса. — Заверни во что-нибудь труп и отнеси в одну из моих спален. А после полуночи вынеси его оттуда и выброси в Реку. Пусть его сожрет «речной дракон».

— Хорошо, сэр, — ответил Сميزерс. — А как насчет пореза на лбу, сэр? Может, привести доктора?

— Не надо. Залеплю чем-нибудь. И никому ни слова об этом. Вы поняли, что я говорю? Это относится ко всем. И к тебе тоже, Джилл. Ни слова! Я не хочу волновать обывателей.

Все кивнули.

— Вы полагаете, что этого парня подослал этот подонок Барр? — спросил Сميزерс.

— Не знаю. И не хочу знать, — ответил Фаербрасс. — Я хочу одного — чтоб ты от него избавился, о'кей? — Он повернулся к Джилл: — А ты что тут делаешь?

— У меня есть важный вопрос, который следует обговорить, — ответила она, — но я зайду потом. Вы сейчас не в том состоянии, чтоб разговаривать.

— Ерунда, — сказал он, улыбаясь. — Еще как в том! Надеюсь, ты не думаешь, что такая мелочь может меня расстроить, а? Входи, Джилл, и мы поговорим, как только я замажу эту царапину.

Джилл опустилась в мягкое кресло в гостиной этой великолепной квартиры. Фаербрасс исчез в ванной и вернулся оттуда с белой полоской пластыря, пересекающей лоб наискосок.

Весело улыбаясь, будто это был самый обычный день, он сказал:

— Как насчет выпить? Это поможет укрепить твои нервишки.

— Мои нервишки?

— О'кей. Наши нервы. Должен признаться, я немного взволнован. Я же не супермен, что бы там обо мне ни болтали.

Он налил пурпурный «черепной цвет» в два высоких бокала, наполовину наполненных ледяными кубиками. Ни лед, ни стаканы, ни пластырь, насколько знала Джилл, нигде, кроме Пароландо, не производились.

С минуту они смаковали холодный, чуть пощипывающий язык напиток, глядя друг на друга и не говоря ни слова. Затем Фаербрасс сказал:

— Ладно. Хватит этих вежливых рассусоливаний. О чем ты хотела со мной поговорить?

Ей с трудом удалось выдавить из себя нужные слова. Они, казалось, застревали у нее в гортани, а затем вылетали изо рта, уже изломанные силой выталкивания.

Остановившись, чтобы сделать большой глоток, она продолжила свой рассказ уже медленней и спокойней. Фаербрасс не

прерывал ее, но сидел неподвижно, а его карие глаза, в которых иногда загорался зеленый отсвет, не отрывались от ее глаз.

— Вот, — сказала она. — Вот и все. Я должна была рассказать тебе об этом, но это самое трудное из всего, что я когда-либо делала.

— А почему ты все-таки решила выложить это? Потому, что услышала насчет гипноза?

На секунду она задумалась — не соврать ли? Пискатор ее не видит, а она будет смотреться куда лучше, если не признается, что сказала правду под давлением.

— Да. Я узнала об этом. Но уже довольно давно я начала думать, что должна признаться тебе во всем. Дело в том, что... что я просто не могла вынести мысль, что меня отстранят от полета. А я уверена, что не представляю опасности для корабля.

— Было бы очень плохо, если б у тебя начался приступ в какой-нибудь критической ситуации во время полета. Это ты, конечно, понимаешь. Но вот как я смотрю на это дело, Джилл. Если не говорить о Торне, то ты самый лучший аэронавт из всех, которыми мы располагаем. В отличие от Торна, который хоть и настоящий аэронавт, но не занимался этим делом всю свою жизнь, ты — истинный фанатик. Я абсолютно уверен, что за один час полета ты отдашь возможность потрахаться с парнем на копне сена. Я же лично стараюсь подобные занятия комбинировать.

Я не хотел бы тебя потерять, и, если я отстраню тебя, я наверняка буду бояться, как бы ты не покончила жизнь самоубийством. Нет, нет, не возражай. Я полностью убежден в этом. Что и делает тебя ненадежной в некотором отношении. Однако в первую очередь я должен считаться с необходимостью обеспечить безопасность корабля и команды, а потому и отстранил бы тебя, если б пришлось, невзирая на горе, которое мне причинило бы такое решение.

Поэтому я дам тебе испытательный срок. Если у тебя не будет новых приступов галлюцинаций до того времени, как корабль должен стартовать, ты полетишь на нем.

Единственное затруднение — мне придется полностью положиться на твое слово о том, что у тебя не было приступа. Нет, не совсем так. Я могу подвергнуть тебя гипнозу, чтоб выяснить, говоришь ли ты правду. Но я не хочу этого. Это означало бы, что я тебе не доверяю. А мне не нужен на корабле никто, кому я не верю на все сто процентов.

Джилл чувствовала, что она готова броситься ему на шею. Ее глаза затуманились, и она чуть не разрыдалась от счастья. И все же она усидела в кресле. Офицеры не обнимают своих капитанов. Кроме того, он мог не так понять ее поведение и попробовать увлечь ее в свою спальню.

Ей тут же стало стыдно за себя. Ведь Фаербрасс никогда не опустил бы до того, чтобы воспользоваться слабостью женщины. Он не стал бы в подобных целях использовать свое служебное положение. Во всяком случае, так ей казалось.

— Мне не все ясно с этим гипнозом, — сказала она. — Как сможете вы заставить всех пройти этот тест, а меня освободить от него? Это дискриминация, которую другие...

— Я просто изменил свои намерения.

Он встал и подошел к бюро с поднимающимся верхом, наклонился и написал что-то на клочке бумаги, который тут же отдал ей.

— Вот, отнеси это доктору Грейвзу. Он сделает тебе рентген.

Джилл прямо обалдела.

— Это еще с какой стати?

— Как твой капитан, я мог бы приказать тебе заткнуться и выполнять приказ. Я этого не делаю, только чтобы не раздражать тебя. Скажем так — это связано с открытием в области психологии, которое было сделано где-то около 2000 года. Но если бы я рассказал тебе о сути дела, это наверняка повлияло бы на результаты тестирования.

Все остальные тоже пройдут проверку рентгеновскими лучами. Тебе просто оказана честь быть первой.

— Не понимаю, — пробормотала она. — Но, конечно, сделаю, как приказано. — Она встала. — Спасибо вам за все.

— Благодарность не обязательна. А теперь давай двигай свою попку к доку Грейвзу.

Когда Джилл пришла в кабинет доктора, он разговаривал по телефону. Док хмурился и яростно жевал сигару.

— Ладно, Милт. Сделаю. Но мне не нравится, что ты перестал мне доверять... — Док повесил трубку и повернулся к Джилл. — Хелло, Джилл. Тебе придется подождать, пока сюда не явится лейтенант Смизерс. Он заберет негативы рентгеновских снимков и тут же отнесет их Фаербрассу.

— А он что — в темной комнате?

— Нет. Их не надо проявлять. Ты разве не знаешь? Они похожи на фотографии и обрабатываются электронно в момент съемки. Фаербрасс сам разработал этот тип оборудования. Процесс был открыт, кажется, в 1998 году, говорит Милт.

Грейвз ходил взад и вперед, вгрызаясь в свою сигару.

— Черт побери! Он даже не дает мне увидеть результаты рентгеноскопии! Почему?

— Он сказал, что не хочет, чтоб кто-нибудь, кроме него, их видел. Это часть психологического тестирования.

— Но какого черта рентгеноскопия головы может ему сказать о психике мужика? Это же чушь собачья!

— Думаю, Фаербрасс скажет вам об этом, когда просмотрит негативы. Между прочим, о психике человека. Я не мужик.

— Я говорил в абстрактном смысле.

Док перестал метаться по комнате и скривился еще сильнее.

— Я теперь спать не буду, все ночи стану волноваться из-за этих снимков. Господи, как жаль, что я не прожил немного подольше! Я откинул копыта в 1980 году, так что не знаю последних

научных открытий в медицинской науке. А может, оно и к лучшему! Мне бы все равно не справиться с этим потоком новинок при моем тогдашнем состоянии.

Повернувшись к Джилл и тыча в нее сигарой, он воскликнул:

— Что-то я хотел спросить у тебя, Джилл. Нечто уж давно беспокоит меня. Фаербрасс — единственный, кого я встречал из живших после 1983 года. Ты-то встречала кого-нибудь еще из таких или нет?

Она моргнула от неожиданности.

— Н-е-е-е-т. Нет, не встречала, если подумать. Фаербрасс — исключение.

В какой-то момент она чуть было не сказала ему о Штерне. Да, такое событие трудно будет удержать в секрете.

— Вот и я тоже. Чертовски странно.

— Ну не так уж! — сказала она. — Конечно, я не всю Реку проехала, но все же проплыла по ней несколько сот тысяч километров и разговаривала с тысячами людей. Люди из XX века вообще встречаются повсюду в очень малом проценте. А чтобы быть воскрешенными большими группами, как другие, так я о таком и не слыхала. Следовательно, в Долине их мало, большинство населения из других эпох.

Поэтому нет ничего удивительного, что люди, родившиеся после 1983 года, так редки.

— Да-а? Может, оно и так. Ага, вон и Смизерс и двое его громил. Иди-ка в мой рентгеновский кабинет, дорогая, как сказал паук мушке.

ГЛАВА 36

Извлечения из различных номеров «Ежедневной сплетницы»

Дмитрий («Митя») Иванович Никитин — *pro tempore** пилот и третий офицер «Парсевалья». Родился в 1885 году в Гомеле (Россия), в семье, принадлежавшей к среднему классу. Отец владел мастерской, производившей конскую сбрую; мать — учительница музыки. Квалификация Дмитрия для занятия должности основывается на том, что он занимал пост главного рулевого «России» — французского дирижабля, построенного компанией «Лебоди-Жуйо» в 1909 году для российского правительства.

Миз Джилл Галбирра — главный инструктор подготовки кадров корабля — говорит, что опыт Мити, с ее точки зрения, довольно ограничен, но что он проявил незаурядные способности. Однако, согласно слухам, он слишком увлекается «черепным цветом». Воспользуйся нашим намеком, Митя. Не налегай на самогонку.

...Издатель решил не подавать в суд на пилота Никитина. Во время краткого, по необходимости, интервью в больнице мистер

* Временный (лат.).

Багг сказал: «Меня бивали люди и получше этого огромного остолопа. В следующий раз, когда он со своими обидами явится в мой кабинет, я уже буду готов. Причина, по которой я не добивался его ареста, не просто в том, что у меня доброе сердце; мне хочется получить шанс лично вышибить ему мозги. Всегда соблюдайте мягкость в разговоре и имейте наготове хорошую палку.

...Этторе Ардуино — итальянец (а как же иначе!), но он блондинчик и голубоглазенький, так что может сойти за шведа, если не будет разевать рот и жрать чеснок. Как всем, кроме новичков в нашем городе, известно, он появился в Пароландо два месяца назад и немедленно был включен в число тренирующихся. Имеет славную, но трагическую историю, поскольку был главным инженером-мотористом на дирижабле «Норвегия», а затем на «Италии» под командованием Умберто Нобиле (см. с. 6 с биографией этого сына Рима). «Норвегия» выполнила свою главную цель — пролетела над Северным полюсом 12 мая 1926 года. Одновременно она установила отсутствие большой земли между Северным полюсом и Аляской, которая якобы была открыта великим исследователем Робертом Е. Пири (1856—1920), первым человеком, достигшим Северного полюса (1909 год). (Так как Пири сопровождали негр Мэтью Хенсен и четыре эскимоса, имена которых неизвестны, то фактически первым человеком, поставившим ногу на полюсе, был Хенсен.)

«Италия» после полета над Северным полюсом, возвращаясь в Кинг-Бей, попала в сильный воздушный поток. Ее приборы пострадали при обледенении; крушение казалось неизбежным. Однако лед начал таять, и дирижабль смог продолжать полет. Спустя некоторое время он стал медленно падать. Беспомощная команда ждала, когда Королева Небес ударится о паковый лед. Гондола управления оторвалась — счастливое обстоятельство для тех, кто был в ней. Им удалось выбраться и с ужасом наблюдать, как дирижабль, освобожденный от веса гондолы, взмыл вверх.

Этторе Ардуино видели последний раз стоящим на мостике, ведущем к правой моторной гондоле. По словам члена команды доктора Фрэнсиса Бехоунека из Института радиотехники, Прага, лицо Ардуино выражало невероятное изумление. «Италию» унесло ветром, и ни о ней, ни об оставшихся на ней членах команды больше ничего неизвестно. Если точно, то неизвестно на Земле.

Ардуино же рассказывает, что он погиб от холода после того, как «Италия» вторично (и в последний раз) рухнула на лед. Его полный отчет об этой ужасной истории будет напечатан в следующем четверговом выпуске. После того леденящего кровь события вряд ли какой-нибудь нормальный человек мог ожидать, что Этторе добровольно запишется в новый полет на дирижабле. Однако это оказалось не так, и он выразил горячее желание участвовать еще в одной полярной экспедиции. Нам плевать, что там люди говорят об итальянцах, и мы не испытываем ничего, кроме презрения, к взглядам, преобладающим в Томбстауне, где считалось за факт, что все итальянцы трусы. Нам по личному опыту известно,

что у них кишка не тонка, и уж, конечно, этих кишок у них больше, чем мозгов, а поэтому мы уверены, что Этторе будет блистательным дополнением команды.

...Последний раз Багга видели отчаянно выгребавшим к середине Реки, тогда как мистер Ардуино палил по нему из нового пистолета «Марк-4». Либо пистолет вовсе не таков, как его рекламируют, либо меткость мистера Ардуино была в тот день ниже обычной...

...Ваш новый издатель принимает к сведению мнение президента Фаербрасса, что нашей газете следует сочетать привилегию свободы слова со скромностью.

...Мистер Ардуино освобожден после обещания, что он больше не будет улаживать ссоры — справедливые или не очень — с помощью насильственных средств. Вновь образованный комитет по гражданским спорам будет отныне разбирать подобные дела с президентом Фаербрассом в качестве последней апелляционной инстанции. Хотя нам и будет не хватать С. К. Багга, но следует все же сознаться...

...Метцинг был начальником Военно-морского дивизиона дирижаблей в императорской Германии в 1913 году. Имел чин корвет-капитана, командовал цеппелином L-1, который потерпел крушение 9 сентября 1913 года во время маневров. Это был первый военноморской дирижабль, возглавивший список погибших. Крушение не было связано с какими-то неправильными действиями команды или неисправностью самого корабля, а лишь с недостаточным знанием метеорологических условий в верхних слоях атмосферы. Другими словами, метеорология в те времена находилась на примитивном уровне. Сильнейшее воздушное течение выбросило L-1 на высоту, где оболочка не могла выдержать давление газа, и дирижабль рухнул вниз. С пропеллерами, продолжавшими вращаться, и сброшенным балластом он упал в море вблизи Гельголанда. Метцинг погиб вместе с большинством команды... Мы приветствуем этого опытного офицера и приятного джентльмена в Пароландо, но надемся, что он не накличет беду на нашу экспедицию.

...Срочно! Только что прибыла! Еще один ветеран воздухоплавания — Анна Карловна Обренова прибыла с верховьев, проплыв более 40 тысяч километров. Из короткого интервью, которое согласилась дать миз Обренова, прежде чем явиться в штаб-квартиру президента Фаербрасса, мы узнали, что она была капитаном грузового дирижабля «СССР», насчитывает 8584 часа полетного времени на этом и других воздушных кораблях. Это больше чем 8342 часа у миз Галбирры и 8452 часа у мистера Торна. Более подробные сведения о миз Обреновой смотрите в завтрашнем номере. Все, что мы можем сказать, так это то, что она настоящий персик... Перво-статейная красotka!

ГЛАВА 37

Это забавно, хоть от смеха и не лопнешь!

Она все беспокоилась, что вот-вот появится мужик с большим налетом часов, чем у нее. Один все же появился, но он оказался не агрессивным. Его единственная амбиция — быть на корабле, а насчет того, какой пост он займет, он, видимо, не так уж волнуется.

Почему-то ей никогда в голову не приходило, что ее может «свергнуть» женщина. В ее время так мало было женщин-офицеров аэронавтов! И так мало появилось людей, живших после 1983 года (фактически только один), что дирижабли этого периода ее вообще не беспокоили. Из того, что рассказывал Фаербрасс, период после 1983 года был веком больших металлических воздушных кораблей, но шансы против появления аэронавтов той эры были очень высоки.

И все же случай бросил кости, и вот она тут — Обренова, женщина, имеющая 800 летных часов в качестве капитана громадного советского дирижабля.

Офицерские должности до сих пор еще не были официально распределены. Но не в этом дело. Джилл знала, что только что прибывшая маленькая блондиночка обязательно станет первым помощником. Если подходить реалистически, так *должно* быть. Если б Джилл была на месте Фаербрасса, ей пришлось бы назначить первым помощником Обренову.

С другой стороны, оставалось всего два месяца до отлета «Парсеваля» в полярный вояж. А русской может потребоваться больше времени для переподготовки. После тридцати четырех лет жизни без полетов она должна непременно утратить многие летные качества. По крайней мере месяц ей придется привыкать к газовым аэростатам, летая на «Минерве». А потом еще месяц тренировки со всей командой на большом корабле.

Справится ли она? Конечно, это не исключено. Джилл, во всяком случае, вполне могла бы управиться за такое время.

Джилл находилась в конференц-зале с офицерами-кандидатами, когда Агата ввела Обренову. Увидев ее, Джилл обомлела, ее сердце дало сбой, будто мотор вдруг заработал вхолостую. Еще до того как она услышала восторженное представление Агаты, она уже знала, что это означает.

Анна Обренова была невысокой, тоненькой, с длинными ногами и хорошо развитой грудью. У нее были распушенные по плечам сияющие золотистые волосы и большие темно-синие глаза. Лицо «сердечком», высокие скулы; рот изогнут как лук Купидона; темно-коричневый загар. «Красотка», если процитировать газетную статью.

Омерзительно нежная и женственная. Разве это справедливо?!

Тот самый тип, который мужчины стремятся немедленно взять под свое покровительство и в свою постель.

Фаербрасс тут же вскочил на ноги и подбежал к ней с сияющим лицом и глазами, казалось, источающими мужские гормоны.

Но что удивило Джилл, так это реакция Торна. Увидев входящую Обренову, он вскочил, открыл рот, закрыл, снова открыл и опять закрыл. Его красноватая кожа совсем побледнела.

— Вы ее знаете? — тихонько спросила Джилл.

Он опустил на стул и на мгновение прикрыл лицо руками. Затем отнял их и сказал:

— Нет! На одну секунду мне показалось, что я узнал ее! Она выглядит совсем как моя первая жена! Глазам своим не верю!

Торн все еще вздрагивал на своем стуле, тогда как остальные вились вокруг Обреновой. Лишь после того как все мужчины были представлены ей, он встал и пожал руку. Торн тут же сказал ей, что она поразительно похожа на его жену. Она улыбнулась — если воспользоваться расхожим клише, то «дразняще», но тут это слово подходит очень точно, — и сказала по-английски, хотя и с сильным акцентом:

— А вы очень любите свою жену?

Это прозвучало как-то странно. Торн отступил на шаг и ответил:

— Да, очень. Но она бросила меня.

— Мне очень жаль, — сказала Обренова, и больше за все время пребывания в комнате они не сказали друг другу ни слова.

Фаербрасс усадил Обренову, предложил ей еду, сигареты и выпивку. Она приняла первое и отказалась от остального.

— Значит ли это, что у вас нет никаких пороков? — спросил Фаербрасс. — Я-то надеялся, что у вас найдется хоть один.

Обренова пропустила сказанное мимо ушей. Фаербрасс пожал плечами и начал ее расспрашивать. Джилл еще больше помрачнела, когда выслушала отчет о жизни Обреновой. Она родилась в Смоленске в 1970 году, получила образование как инженер-аэронавт, а в 1994 году приступила к тренировочным полетам. В 2001 году ее сделали капитаном грузопассажирского дирижабля «Лермонтов».

Наконец Фаербрасс сказал, что она, должно быть, устала. Ей придется пойти с Агатой, которая найдет ей квартиру.

— Предпочтительно в этом здании, — закончил он.

Агата ответила, что сейчас здесь нет свободных комнат. Обреновой придется удовлетвориться хижинкой вблизи домов миз Галбирры и мистера Торна.

Фаербрасс был явно разочарован и пробормотал:

— Что ж, может быть, попозже нам удастся подыскать ей место здесь. А пока я пойду вместе с вами, Анна, и уверюсь, что вам не подсунули какую-нибудь развалюху.

Джилл почувствовала, что ее настроение упало еще сильнее. Как можно ждать от него объективности, если он буквально гоняется за этой русской?

Она даже позволила себе немного пофантазировать. А что, если похитить эту русскую козявку и продержать в каком-нибудь укромном месте, пока «Парсеваль» не взлетит? Не станет же Фаербрасс

откладывать полет, пока ее не отыщут? А тогда Джилл Галбирра стала бы первым помощником.

Но если так можно поступить с Обреновой, то почему бы и не с Фаербрассом? Тогда она стала бы капитаном!

Чудившиеся ей картины утешали, но ведь все равно она на такое не способна, даже под влиянием обуревавшей ее ревности. Нарушать человеческие права и достоинство было бы все равно что нарушать свои и уничтожить себя — Джилл Галбирру.

В течение всей следующей недели ей неоднократно приходилось стучать кулаком по столу или рыдать. А иногда — делать и то и другое сразу. Через неделю она обозвала себя дурехой. Надо принимать то, что неизбежно, и наслаждаться тем, что у тебя есть. Неужели же так важно, чтоб она стала капитаном дирижабля?

Для нее — да. Для всех остальных в мире — нет.

И она постаралась проглотить свои капризы и разочарование.

Пискатор, должно быть, понимал ее чувства. Нередко она ловила на себе его взгляды... Тогда он улыбался или отводил взгляд. Но он знал! Он знал!

Прошло шесть месяцев. Фаербрасс перестал надеяться, что ему удастся уговорить Обрену въехать в его апартаменты. Он не делал секрета из своего желания, но и из того факта, что Обренова его отвергла — тоже.

— Не знаешь, где выиграешь, где проиграешь, — говорил он Джилл с кривой усмешкой. — Может, ей мужчины не нужны. Я знаю не меньше дюжины таких, кто бегал за ней высунув язык, но она обращала на них так же мало внимания, как статуя Венеры Милосской.

— Я уверена, что она не лесбиянка, — ответила Джилл.

— Рыбак рыбака видит издалека, а? Ха-ха!

— Да пошел ты! Ты же знаешь, что я амбивалентна, — сказала она сердито и вышла вон.

— Неопределившаяся — вот правильный термин! — заорал он ей вслед.

В то время Джилл жила с Абелем Парксом — высоким, мускулистым, красивым и неглупым человеком. Он был сыном Реки — одним из миллионов детей, умерших на Земле в возрасте старше пяти лет. Абель не помнил, ни в какой стране он родился, ни каков был его родной язык. Хотя он воскрес в области, где большинство населения составляли средневековые индийцы, он был усыновлен супругами-шотландцами. Это были жители шотландских низин, выходцы из XVIII века, происходившие из крестьян. Однако, несмотря на бедность, его приемный отец умудрился стать врачом в Эдинбурге.

Абель покинул те места после того, как его родители были убиты, и странствовал вниз по Реке, пока не добрался до Пароландо. Джилл он очень понравился, и она предложила ему стать ее сожителем. Этот крупный мужчина охотно согласился въехать, и они провели друг с другом несколько идиллических месяцев. Он

был умен, но очень мало образован. Джилл обучила его всему, чему могла: истории, философии, поэзии, даже арифметике. Учился он с удовольствием, но вскоре обвинил Джилл в том, что она его угнетает.

Шокированная Джилл категорически отвергла это обвинение:

— Я только хочу дать тебе образование, дать знания, которых ты лишился потому, что умер так рано.

— Да, но ты раздражаешься. Ты забываешь, что у меня нет такого воспитания, какое было у тебя. Вещи, кажущиеся тебе простыми, так как ты росла среди них, для меня чужды и удивительны. У меня нет твоих воспоминаний. — Он помолчал, а потом добавил: — Ты училка-шовинистка. Короче, ты... как это называется? Сноб...

Джилл была шокирована еще сильнее. Она отвергла и это обвинение, хотя, обдумав, пришла к выводу, что он, может, и не так уж не прав. Но к этому времени уже было поздно менять отношения. Абель ушел от нее к другой женщине.

Джилл утешилась, сказав себе, что Абель слишком привык к мысли, что мужчина должен быть боссом, и ему с трудом удавалось считать ее равной себе.

Позднее она поняла, что в этом лишь часть правды. Фактически же в ней глубоко сидело презрение к нему, потому что он никогда не был и не будет равным ей по интеллекту. Это было подсознательное отношение, и теперь, когда она это поняла, то очень жалела о своем недостатке. Больше того, она стыдилась его.

После ухода Абеля она не стремилась ни к чему большему, чем случайные связи. Ее партнерами были как мужчины, так и женщины, которые, как и она, хотели лишь сексуального удовлетворения. Обычно как она, так и они получали его, но Джилл всегда потом ощущала неудовлетворенность. Ей были необходимы настоящая привязанность и настоящая дружба.

Обренова и Торн, как она заметила, должно быть, поступали так же, как и она. Во всяком случае, в их хижины никто не переселился. Впрочем, она вообще не замечала, чтоб они интересовались кем-нибудь, так сказать, с сексуальных позиций. Насколько она знала, они ни с кем не встречались даже на одну ночь.

Торну, однако, видимо, нравилась компания Обреновой. Джилл часто видела, как они серьезно разговаривали о чем-то. Возможно, Торн уговаривал ее стать его любовницей, и, возможно, русская отвергла его, так как понимала, что будет лишь дублершей его первой жены.

За три дня до отлета был объявлен выходной. Джилл покинула равнину, ибо та была переполнена шумным людом, собравшимся сюда из мест выше и ниже по течению. Она подсчитала, что в Пароландо съехались сотни тысяч людей, и это количество наверняка удвоится ко времени старта «Парсевалья». Джилл вернулась в свою хижину и не выходила из нее, разве что порыбачить. На второй

день, когда она сидела на берегу маленького озера, бесцельно поглядывая в воду, она услышала, как кто-то приближается к ней.

Ее раздражение неожиданным вторжением прошло, когда она увидела Пискатора. Он нес удочку и плетеную корзинку. Молча подсел к ней и предложил сигарету. Она отрицательно качнула головой. Некоторое время они любовались зеркалом воды, поверхность которого то покрывалась рябью от слабого ветра, то вдруг разбивалась вдребезги выпрыгивающими в воздух рыбинами.

Наконец Пискатор сказал:

— Совсем уж скоро я с сожалением скажу «прости» своим ученикам и своим рыболовным увлечениям.

— Это так много значит для вас?

— Вы имеете в виду, стоит ли отдать эту полную прелести жизнь ради экспедиции, которая может окончиться гибелью? Я не узнаю этого до тех пор, пока не наступит время, не так ли? — После недолгого молчания он спросил: — Как ваши дела? Никаких переживаний, подобных тем, что были в ту ночь?

— Нет. Я в полном порядке.

— Но в сердце у вас нож.

— Что вы хотите этим сказать? — резко повернулась к нему Джилл. Она очень надеялась, что ее удивление не покажется ему столь же фальшивым, как оно показалось ей самой.

— Я сказал бы, даже три ножа. Капитанство, русская, а главное — вы сами.

— Да, у меня есть проблемы. Так они есть у всех. Или вы — исключение? Или вы не человек?

— Еще как человек! — улыбаясь, сказал он. — Даже больше, чем другие, сказал бы я, если отбросить ложную скромность. Потому что я реализовал мой человеческий потенциал почти до конца. Я не могу ожидать, что вы поверите этому. Да вы и не захотите, разве что когда-нибудь... Но этот день может никогда не наступить.

Однако вернемся к вашему вопросу о моей человечности. Иногда я удивлялся — человечны ли люди, с которыми мы иногда встречаемся? Я хочу сказать, принадлежат ли они к роду homo sapiens?

Разве нельзя допустить и даже признать это в высшей степени вероятным, что те, кто ответствен за все, что нас окружает, имеют свою агентуру? Для какой цели, я не знаю. Но они могут быть катализаторами, вызывающими у нас определенные действия. Под словом «действия» я понимаю отнюдь не физическую деятельность, как, например, строительство судов или воздушных кораблей, которое может быть лишь частью более общей программы. Я говорю о психологических воздействиях. Чтобы, скажем, направлять развитие человечества. К чему? Возможно, к цели, примерно аналогичной тому, что постулирует Церковь Второго Шанса. Некая духовная цель, очищение человеческого духа. Или,

возможно, если использовать христианско-мусульманскую метафору, чтоб отделить агнцев от козлищ.

Пискатор замолчал и затянулся сигаретой.

— Продолжив эту христианскую метафору, возможно предположить, что тут работают две силы — одна ради Зла, другая ради Добра. Одна из них борется против той, что работает для указанной выше цели.

— Как? — вскричала Джилл. А затем: — И у вас есть какие-нибудь доказательства вашей правоты?

— Нет. Только размышления. Поймите меня правильно. Я не думаю, что Шайтан или, если хотите, Люцифер, в самом деле ведет холодную войну против Аллаха или Бога, которого мы — суфии — предпочитаем именовать Реальностью. Но временами я думаю, что, возможно, тут в определенном смысле имеет место параллель сказанному... Ладно, все это только спекуляция. Если агенты и есть, то выглядят они как люди.

— Вы знаете что-нибудь, чего не знаю я?

— Вероятно, я кое-что замечал. Вы — тоже, но разница между нами в том, что вы не пытались сложить то, что видели, в определенный узор. Довольно темный по замыслу. Хотя, вероятно, я смотрю на него под неправильным углом зрения. Если его вывернуть наизнанку, другая сторона может заблестать ярчайшими красками.

— Хотела бы я знать, о чем вы говорите. Не разрешите ли вы и мне взглянуть на этот узор?

Пискатор встал и бросил окурок в озеро. Какая-то рыба схватила его и, ударив хвостом, ушла в глубину.

— Разные виды деятельности скрываются под гладью зеркала воды, — сказал он, показав на озеро. — Мы не видим их, так как вода и воздух — очень разные элементы. Рыба знает, что там происходит, но нам от этого пользы мало. Все, что мы можем, — это опустить крючок в темноту и надеяться, что вытянем из воды нечто.

Я когда-то читал рассказ, где говорилось о рыбе, которая сидела на дне глубокого темного озера и закидывала удочку в воздух, на берег. И ловила людей на наживку.

— Это все, что вы имеете мне сказать?

Он кивнул и ответил:

— Я предполагаю, что вы посетите отвальную пирушку Фаербрасса сегодня вечером?

— Это наполовину приказ, наполовину приглашение. И мне очень не хочется идти. Будет просто пьянка.

— А вам вовсе нет необходимости пачкать себя, присоединяясь к свиньям в их свинстве. Будьте с ними, но не одной из них. Это поможет вам с гордостью думать, насколько вы морально выше, чем они.

— Вы — осел! — воскликнула Джилл и тут же быстро извинилась: — Извините меня, Пискатор. Это я осел. Конечно, вы всё, что во мне происходит, поняли правильно.

— Я думаю, Фаербрасс сегодня объявит распределение чинов среди офицеров и пилотов.

У нее перехватило дыхание.

— Я тоже так думаю, но не жду от этого события никакой радости.

— Вы придаете рангам слишком большое значение. И что еще хуже, вы это знаете сами и не пытаетесь даже бороться с собой. Во всяком случае, я думаю, у вас сегодня будет отличный шанс заняться этим.

— Надеюсь.

— А пока не хотите ли покататься со мной в лодке и половить вместе рыбу?

С некоторым трудом она поднялась и вытянула леску. Наживка и крючок исчезли.

— Думаю, схожу-ка я домой да потоскую в своем гнездышке.

— Только не вздумайте откладывать там яйца, — сказал он улыбаясь.

Джилл тихонько хмыкнула и пошла прочь. Не доходя до своей хижины, она миновала хижину Торна. Из нее неслись громкие злые голоса. Голоса Торна и Обреновой.

Так, значит, эти двое все же сошлись. Но, кажется, радости это им не доставило.

Джилл немного постояла, испытывая почти неодолимое желание подслушать. И сейчас же заставила себя продолжить путь, успев, однако, услышать громкий выкрик Торна на каком-то неизвестном языке. Значит... подслушивать не имело смысла. Но что это за язык? Во всяком случае, ей показалось, что на русский он не похож.

Обренова, уже гораздо тише, но достаточно громко, чтобы Джилл услышала, ответила что-то на том же языке. По-видимому, требовала, чтобы Торн понизил тон.

Голоса смолкли. Джилл пошла быстрее, надеясь, что ни Торн, ни Обренова не выглянут за дверь и не подумают, что она делала то, что чуть было не сделала на самом деле. Теперь у нее было о чем подумать. Торн говорил только по-английски, французски, немецки и на эсперанто. Конечно, он мог подобрать сколько-то слов еще из дюжины языков, путешествуя по Реке. Любой, даже самый неспособный к языкам человек наверняка бы поднахватался их.

И все же почему эти двое говорили на каком-то другом языке, а не на своих родных или на эсперанто? Неужели оба знали еще какой-то общий язык, которым пользовались во время ссоры, чтоб никто не мог понять сути их разговора?

Она обязательно расскажет об этом Пискатору. У него могут найтись интересные объяснения этой истории.

Но получилось так, что вечером ей не удалось поговорить с ним об этом, а к тому времени, когда «Парсеваль» стартовал, она и вовсе забыла о подслушанном разговоре.

ГЛАВА 38

*Дисгармоничные открытия в Дисе**

26 января от Д. В.
Питер Джейрус Фрайгейт
на борту «Пирушки», Южный
умеренный пояс, Мир Реки. Роберту Ф. Роригу
где-то в низовьях Реки (в надежде, что дойдет)

Дорогой Боб!

За тринадцать лет пребывания на этом кораблике я послал тебе двадцать одно послание. Лазурные весточки от Лазаря. Стоны от Харона. Стишата от Гекаты. Аллегии с Аль-Сирата**. Тирады из Тира. Триолеты из Леты. Писульки из Акапулько. И, наконец, блюз, что сочинил Иисус. Ну и так далее.

И прочее невежественное окололитературное бренчание.

Три года назад я опустил в воды Реки мои «Тары-Бары из Тартара». Там я описал все более или менее значительное, что случилось со мной со времени твоей смерти в Сан-Луисе от чрезмерного долголетия. Конечно, ни одного моего письма ты не получишь, разве что по диковинному стечению обстоятельств.

Вот и сегодня я сию безоблачным полуднем на палубе двухмачтовой шхуны, пишу пером из рыбьей кости и черными чернилами из древесного угля, на бамбуковой бумаге. Когда кончу, то скатаю страницы в трубочку, заверну ее в рыбью кожу и суну в бамбуковый цилиндрок. В его открытый конец забью бамбуковую же пробку. Помолюсь всем возможно сущим богам. И брошу этот контейнер за борт. Может, речная почта и доставит его в твои руки.

Капитан Мартин Фаррингтон, он же Фриско Кид, в данный момент находится тут же у румпеля. Его отливающие красным каштановые волосы сияют на солнце, и пряди их вьются по ветру. Выглядит он как полуполинезиец, полукельт, но он ни то ни другое. Он американец с предками из Англии и Уэльса, родился в Окленде, штат Калифорния, в 1876 году. Этого он сам мне не говорил, но я и так знаю, поскольку я знаю, кто он такой есть на самом деле. Я видел слишком много его портретов, чтоб не узнать. Не стану называть его, ибо он имеет какую-то причину, чтоб плавать под псевдонимом (который он, между прочим, составил из имен двух персонажей собственных произведений).

* Дис — то же, что Аверн, мир мертвых в представлении древних римлян.

** Аль-Сират — по мусульманской традиции, мост, по которому души мертвых попадают в рай.

Да, он был знаменитым писателем. Может, ты сам вычислишь его, хоть я в этом и сомневаюсь. Ты однажды сказал мне, что прочел только одну из его книг — «Рассказы рыбацкого патруля», и она тебе не понравилась. Я еще огорчился тогда, что ты не хочешь прочесть его главные труды, многие из которых чистейшей воды классика.

Он и его первый помощник Том Райдер, или Текс, а также араб по прозвищу Нур — единственные члены команды, которые остались с прежних времен. Прочие по тем или иным причинам исчезли — умерли, затосковали, не ужились и тому подобное. Текс и Кид — единственные люди из встреченных мной на Реке, которые могут считаться знаменитостями. Я, правда, чуть было не встретился с Георгом Симоном Омом (ты ведь слышал об «омах»?) и с Джеймсом Несмитом, изобретателем парового молота. И... внимание! Райдер и Фаррингтон находятся к тому же в самом начале списка из двадцати лиц, с которыми я особенно хотел бы познакомиться. Список не совсем обычный, но поскольку я — человек, то и я — необыкновенен.

Фамилия первого помощника вовсе не Райдер. Его лицо трудно позабыть, хотя отсутствие белой шляпы вместимостью в десяток галлонов несколько меняет его внешность. Он был знаменитым киногероем моего детства, где стоял рядом с героями моих любимых книжек — Тарзаном, Джоном Картером из Барсума, Шерлоком Холмсом, Дороти из страны Оз и Одиссеем. Его фильмы шли по второму или третьему разу во второразрядных киношках Пеории — «Гранд», «Принцесса», «Колумбия» и «Аполло» (все они исчезли, когда мне еще не исполнилось и пятидесяти). Его картинам я обязан самыми дивными минутами детства. Не помню деталей и сцен ни одного из них — все они слились в какой-то мелькающий монтажный фон с огромной фигурой Райдера в центре.

Когда мне исполнилось пятьдесят два года, я увлекся писанием биографий. Ты помнишь, что я много лет готовился написать обширную биографию сэра Ричарда Фрэнсиса Бёртона, популярного (и не слишком ценимого среди снобов и ханжей) исследователя, писателя, переводчика, фехтовальщика, антрополога и так далее.

Однако финансовые затруднения отвлекли меня от работы над «Крутым рыцарем королевы». А когда я наконец смог полностью отдаться «Рыцарю», Байрон Фарвелл опубликовал великолепную биографию Бёртона. Поэтому я решил подождать несколько лет, пока рынок не подготовится к принятию еще одной био Бёртона. И как раз когда я решил, что уже пора, вышла «Жизнь Бёртона» Фона Броуди — вероятно, лучшая из всех существующих.

И тогда я снова отложил свой проект на десять лет. А пока решил написать биографию любимого героя моего детства (хотя и ставлю старшего Дугласа Фербенкса на самый верх своих предпочтений в этом жанре).

Я прочел уйму статей о своем герое в «киношных» и «западных» журнальчиках, а также великое множество газетных вырезок. Все они описывали его как человека, который вел жизнь куда более насыщенную приключениями и более красочную и яркую, нежели жизнь тех героев, которых он сыграл в фильмах.

Но у меня все еще не хватало денег, чтоб бросить писать фантастику и начать ездить по стране, интервьюируя людей, которые были с ним знакомы (при условии, что их обнаружу). Были же те, кто мог рассказать мне о его службе в техасских рейнджерах, о его карьере в качестве маршала* США в Нью-Мексико, помощника шерифа в Территории Оклахома и «Крутого Райдера», дравшегося вместе с Рузвельтом у Сан-Хуан-Хилл, солдата во время войны на Филиппинах и во время боксерского восстания в Китае, объездчика лошадей для англичан, а возможно, и наемника у обеих сторон в Бурской войне, наемника в Мексике у Мадеро, организатора ковбойских шоу, а также самого высокооплачиваемого киноактера своего времени.

Статьям о нем верить было нельзя. Даже те люди, которые клялись, что знали его близко, давали весьма несхожие отчеты о его жизни. Мне известно доподлинно, что «Фокс и Универсал» опубликовали о нем множество рекламных материалов, большую часть которых было необходимо проверять под микроскопом из-за содержащихся в них преувеличений и явной лжи.

Женщина, которая думала, что является его первой женой, написала его биографию. Из нее нельзя было узнать, что он с ней развелся и женился еще дважды. И что имел двух дочерей от другой женщины. И что у него были «проблемы с алкоголем». Или что в Лондоне жил его незаконный сын, который работал там ювелиром.

Она думала, что она первая жена, а была второй или третьей. Никто точно не знал — которой.

То, что он все же, несмотря ни на что, остался для нее безупречным героем, вообще-то много говорит об этом человеке. А еще больше — о ней самой.

Мой давний друг Кориэл Варолл (помнишь его, он был цирковым акробатом, жонглером, канатоходцем, почитателем пива гаргантюанских масштабов и обожателем Тарзана) писал мне о нем. Думаю, году в 1964-м.

«Я помню, что в первый раз, когда я его увидел, мне показалось, будто я встретился с самим Господом Богом... Через несколько лет, которые мы провели вместе, делая одно и то же дело (он хочет сказать — в цирке), это преклонение исчезло, но все мы продолжали его любить, а детишки прямо-таки боготворили его, даже после того, как он перестал делать свои знаменитые киношные ленты... Могу утверждать, что в трезвом виде он был отличный

* Федеральный чиновник в судебных округах, выполняющий функции, сходные с функциями шерифа.

парень, но пьяным он вступал в драку по любому поводу и вытворял черт знает что (а мы разве не все поступаем так же?)... У меня есть несколько историй о нем, которые никогда не публиковались. При встрече я тебе их расскажу».

Но как-то получилось, что Кори ничего так и не рассказал. Даже дата рождения Тома, и то под сомнением. Киношные публикации и жена утверждают, что он родился в 1880 году. Памятник вблизи Флоренс в Аризоне (где он погиб, делая 80 км/час по скользкой дороге) тоже утверждает, что в 1880 году. Но есть другие свидетельства, указывающие на 1870 год. Но было ли ему 60 или 70 лет, он все равно выглядел моложе пятидесяти. И всегда старался быть в форме.

И еще. Был приятель, который видел его в день последней трагической поездки. Он говорит, что Райдер сидел за рулем желтого «форда». Жена же Райдера утверждает, что машина была белая. Такие вот очевидцы.

Рекламные отделы студий сообщают, что он родился и вырос в Техасе. Но я сам обнаружил, что это ложь. Он родился возле Микс-Ран в Пенсильвании и уехал оттуда лишь в восемнадцать лет, чтобы вступить в армию.

Как раз когда я собирался запросить у Военного министерства копию его послужного списка и точно выяснить, что он делал в армии, вышел роман Даррелла Пониксена. Меня снова опередили, опять оказалось, что я опоздал. Хотя книга являлась лишь отчасти фактологической, ее автор проделал всю ту исследовательскую работу, которую намеревался проделать я сам.

Итак, мой герой *не* был внуком вождя племени чероки. И родился он *не* в Эль-Пасо (Техас). И хотя в армии был, но вовсе *не* получал тяжелого ранения под Сан-Хуан-Хилл или на Филиппинах.

Фактически он вступил в армию на следующий день после начала Испано-американской войны*. Я уверен, равно как и Пониксен, что он надеялся с ходу попасть в бой. Нет никаких сомнений в его личной храбрости и в том, что он стремился быть там, где пули летят погуше.

Вместо этого он сидел в форту, а потом был с почетом уволен из армии. Затем он пошел в армию повторно, но в боях опять же не участвовал. Поэтому в 1902 году он из армии дезертировал.

Он не ездил в Южную Африку, как болтали рекламщики. Вместо этого он женился на юной школьной учительнице и с ней уехал в Территорию Оклахома. Но то ли ее отец добился признания брака недействительным, то ли она сама бросила его, не оформив расторжения брака. Наверняка никто этого не знает.

Работая барменом, незадолго до того как он нанялся на ранчо 101 в Оклахоме, он женился на другой женщине. Из этого брака

* Испано-американская война 1898 г. Началась с народных восстаний на Кубе и на Филиппинах, поддержанных США и завершившихся американской оккупацией этих островов.

ничего хорошего не вышло, но развода он тоже, по-видимому, не оформлял.

Большая часть того, что напридумывали рекламщики, и того, что Райдер сам наговорил, является чистой выдумкой. Эти сказочки имели цель приукрасить образ человека, который в приукрашивании совсем не нуждался. Райдер, однако, против этих басен не протестовал, более того, некоторые он сочинил сам по просьбе тех же рекламщиков. Прошло какое-то время, и он сам начал в них верить. Я хочу сказать — он в них действительно поверил. Я это точно знаю. Я ведь тут постоянно слышу, как он повторяет всю эту несусветную брехню, и мне совершенно ясно, что к этому времени выдумка стала для него несколько не менее достоверной, чем реальность.

Эта потеря способности отличать выдумку от факта ни в малейшей мере не сказывается на его компетентности в обычных жизненных ситуациях.

Тем не менее Райдер отверг желание Фокса выдать его за незаконного сына Буффало Билла*. Такая выдумка могла бы положить начало расследованиям, которые вытащили бы на свет Божий весьма малопримечательную истину.

Он ни разу не сказал мне, что был звездой кинематографа. Да, он рассказывает всякие случаи из своей киношной практики, но в них он всегда выступает в слегка гротескном виде.

Почему же сейчас он носит не свое имя, а псевдоним? Не знаю!

Его третья жена описывает его как высокого, стройного и смуглого. Думаю, что в начале 1900-х годов он мог считаться высоким, хотя он и ниже меня. Его стройное тело действительно обладает стальными мышцами. Фаррингтон ниже его ростом, но очень мускулист. Он всегда готов соревноваться с Томом в индейской борьбе, особенно когда напьется. Том соглашается с удовольствием. Они ставят локти на стол, сжимают пальцы рук и пытаются положить руку противника на столешницу. Борьба идет долго, но выигрывает обычно Том. Фаррингтон смеется, но я думаю, что он искренне переживает поражение.

Я соревновался с ними обоими, примерно с равным числом поражений и побед. Я могу наверняка их победить в прыжках в длину и в беге. Но когда дело доходит до бокса или до боя на палках, я обычно терплю поражение. У меня отсутствует «инстинкт убийцы», которым они оба обладают. Кроме того, подобные мужские забавы никогда не имели для меня большого значения. Хотя, может быть, это потому, что во мне живет подсознательный страх перед конкуренцией вообще.

* Билл Буффало — прозвище Уильяма Фредерика Коуди (1846—1917), американского охотника и предпринимателя, организатора первого шоу «Дикого Запада».

Однако для Фаррингтона это очень важно. Важно ли для Тома — не знаю, он своего истинного отношения никогда не демонстрирует.

Общение с этими двумя людьми доставляет мне бездну удовольствия. Даже сейчас, несмотря на то что тесное общение на корабле способно породить если не презрение, то фамильярность.

Том Райдер проплыл вниз и вверх по Реке сотни тысяч километров и трижды был убит. Однажды он воскрес чуть ли не у самого устья Реки. «Чуть ли» означает, что он был от него в двадцати тысячах километров. Это уже арктическая область. Конец Реки, как и ее начало, лежит вблизи Северного полюса. Однако они находятся диаметрально друг против друга; вода, родившаяся в горах одного полушария, втекает в горы другого.

Из того, что я слышал, следует, что вокруг Северного полюса находится море, которое окружено кольцом гор, в сравнении с которыми Эверест просто прыщик. Море выливается в дыру у основания гор и извивается в виде реки зигзагами по одному полушарию, наконец огибает Южный полюс и течет уже по другому полушарию. Там Река, подобно огромной змее, снова зигзагами струится от Антарктики к Арктике и обратно — и так тысячи раз — и наконец впадает в Полярное море через горы Северного полюса (фактически это одна гора — типа гигантского вулканического конуса).

Если сделать чертеж Реки, он будет похож на Змея Мидгарда из скандинавских мифов — сжимающая в своих кольцах мир змея, хвост которой исчезает в ее же пасти.

Том говорит, что районы вблизи устья населены преимущественно людьми эпох оледенения, древними сибиряками и эскимосами. Попадаются и уроженцы современной Аляски, Северной Канады и русские — их мало, и они разбросаны среди более древних племен. Есть и другие — из разных мест и разных времен.

Том, будучи искателем приключений, решил отправиться к самому устью. Он и шесть его спутников построили каяки и пошли на веслах вниз по течению из страны живых в пустыни, закрытые вечным туманом. К их удивлению, оказалось, что растительность существует и под пологом вечной туманной дымки и сумрака вплоть до самого устья Реки. Точно так же на тысячи километров в туман уходит и цепь питающих камней. Экспедиция съела свою последнюю трапезу из граалей у последнего из них, а затем, нагруженная сушеной рыбой и желудевым хлебом, а также тем, что они сэкономили из своих граалей, пошла на веслах дальше; непрерывно возрастающая быстрота течения несла их все ближе и ближе к цели.

Последнюю сотню километров их несло столь стремительно, что сила течения уже не позволила бы им повернуть назад. Они уже даже не могли рискнуть пристать к берегу — вертикальные стены поднимались прямо из воды. Путешественникам приходилось есть и спать сидя в своих каяках.

Было похоже, что им пришел конец — *finis*, — и так оно и было. Их затащило в огромную пещеру, потолок и стены которой отстояли от них так далеко, что свет факела Тома до них не достигал. Затем со страшным ревом Река вошла в туннель. Теперь уже потолок нависал так низко, что голова Тома в конце концов врезалась в него. Вот и все, что он помнит. Без сомнения, как при ударе о потолок разбился в щепу.

На следующий день Том проснулся где-то в южной полярной области.

ГЛАВА 39

(Продолжение письма Фрайгейта)

— В середине моря, окруженного Полярными горами, стоит Башня, — сказал Том.

— *Башня*? — воскликнул я. — А что ты хочешь этим сказать?

— А ты что — не слыхал? Я думал, о Башне все знают.

— Никто при мне даже не упоминал о ней!

— Ладно, — задумчиво сказал он, продолжая как-то странно поглядывать на меня. — Это чертовски длинная Река. Можно предположить, что на ней есть немало мест, где могли не слышать эту историю.

И он начал рассказывать мне то, что действительно можно было назвать историей или даже легендой. Доказательств никаких. Человек, который рассказывал ее Тому, мог быть лжецом, ибо Богу известно, что их тут ничуть не меньше, чем на Земле. Но все же это был не отчет, переданный человеком, который слышал его от другого, слышавшего его от кого-то еще, и так далее. Том *сам* разговаривал с человеком, утверждавшим, что он видел эту Башню.

Том был знаком с ним сравнительно долго, но тот никогда и словом не обмолвился об этом до тех пор, пока однажды ночью не надрался с Томом самогонки. Протрезвясь, он напрочь отказался говорить на эту тему. Слишком уж был напуган.

Это был древний египтянин, принадлежавший к отряду, который возглавлялся фараоном Эхнатом или Ахенатом, как проносили некоторые это имя. Ну, знаешь, тем самым, который пытался основать монотеистическую религию в Египте где-то около XIII века до нашей эры. По-видимому, Эхнатон был воскрешен в районе, населенном преимущественно людьми из его собственного времени. Рассказчик этой истории Пахери — знатный человек — был рекрутирован Эхнатом вместе с другими сорока египтянами. Они построили судно и отправились по Реке, даже не зная, как далеко им плыть. Или даже в чем заключается цель их плавания, разве что кроме исследования истоков Реки. Эхнатон верил, что Атон — Бог и Солнце — должен жить где-то там и что он примет любого пилигрима с великим почетом. Больше того, Атон поселит их в раю, в месте гораздо лучше, чем Мир Реки.

Пахери в отличие от фараона был консервативным многобожцем. Он верил в «истинных» богов — Ра, Гора, Изиду и во всю их остальную команду. Пахери отправился вместе с фараоном, думая, что тот приведет их к престолу богов, но самого фараона бросят в пустыню за то, что он предал старейшую религию на Земле. А он — Пахери — будет соответственно вознагражден за свою верность богам.

К счастью для их похода, район, в котором они были впервые воскрешены, находился в Северном полушарии, можно сказать, довольно близко к верховьям. Еще более удачно было то, что они проплывали мимо территорий, населенных преимущественно скандинавами конца XX века. Эта публика была относительно миролюбива, так что мореплавателей никто в рабство не обращал, а проблем с разрешением на использование питающих камней не возникало.

Когда они подплыли поближе к Полярным горам, то оказались в стране, населенной гигантскими недочеловеками. По-видимому, это был вид, ископаемые остатки которого на Земле так и не были найдены. Ростом они были 8—10 футов (2,45—3,048 метра), хочешь верь, хочешь не верь. А носы как у калимантанских носатых обезьян. Говорить они умели, хоть и на очень примитивном языке.

Любой из этих гигантов мог голыми руками уничтожить всю египетскую команду, но судно их очень испугало. Они решили, что это водяное чудовище, дракон. По-видимому, их страна, простиравшаяся на несколько тысяч километров, была отрезана от мест, лежавших ниже по течению, очень узким ущельем. Река там кипела и шла с огромным напором, так что никакое судно не смогло бы пройти против течения на веслах.

Египтян это не остановило. Им потребовалось шесть месяцев, но они преодолели это препятствие. Используя кремневые орудия, а также железные (в этой местности оказалось железо, которое они выменяли на спирт и табак из своих граалей), они вырубили узкий карниз примерно на три метра выше уреза воды. Потом разобрали судно и, неся его части на плечах, чуть ли не ползком прошли километр или около того, достигнув конца ущелья.

В стране гигантов египтяне завербовали одного из них, чье имя произнести так и не смогли. Они прозвали его Техути (греческая форма этого имени будет Тот) из-за длины его носа, которым он напоминал изображения этого Бога. Бог имел голову ибиса — птицы с очень длинным и острым клювом.

Лодка пошла дальше вверх по течению до мест, где питающие камни кончились. Эту страну окутывал вечный туман. Хотя Река и отдавала большую часть своего тепла, когда протекала через море, лежащее за Полярными горами, у нее оставалось его достаточно, чтобы образовывать облака при соприкосновении с более холодным воздухом.

Они подошли к порогам, которые были достаточно широки, чтобы по ним могла проплыть луна, как говорил Пахери. Лодку они бросили, и, насколько известно, она так и лежит там на платформе

в хорошо укрытой пещере. Сгнила, надо полагать, если там такая высокая влажность.

И вот теперь начинается одно из самых удивительных мест этой истории. Экспедиция подошла к обрыву, который казался совершенно непреодолимым. Но им удалось обнаружить туннель, который кто-то прорубил в стене. А потом, у подножия другого столь же неприступного утеса, они увидели свисающий вниз конец веревки, связанной из кусков прочной ткани. Они поднялись по ней наверх, и, хотя весь остаток дороги было трудно назвать удобным, египтяне вышли к Полярному морю, лежащему за горами.

Кто прорубил туннель, и кто оставил веревку? И почему? Мне кажется, что кто-то подготовил этот путь специально для нас — землян. Я сомневаюсь, что пробили туннель жители Мира Реки и что они же привязали веревку. Гора, сквозь которую пробит туннель, сложена очень твердым кварцитом. При прокладке туннеля износу подверглось бы невероятно большое количество стальных орудий, а таковых, да еще в таком количестве, тут попросту найти невозможно. Более того, Пахери сказал, что там не было никаких отвалов, обломков, каменной крошки, которые обязательно должны были бы лежать у входа. Даже со стальными орудиями никакой отряд не смог бы проложить туннель, учитывая время, которое нужно для такого строительства. Они никак не смогли бы принести с собой столько пищи, чтоб обеспечить себя продовольствием на такой срок.

Кроме того, как сумел бы кто-нибудь взобраться на описанную выше гору без веревки? Может быть, таинственный отряд, предшествовавший египтянам, выпустил на такую высоту ракету с привязанной к ней веревкой? Но там был лишь один выступ, за который могла бы зацепиться такая гипотетическая веревка своими гипотетическими крючьями: высокий и острый шпиль скалы. Шансы, что ракета его достигнет (особенно учитывая, что с подножия он не виден) и что крюки за него зацепятся — совершенно ничтожны. Да и никаких следов отработанного корпуса ракеты там не было. Тот, кто спустил веревку, должен был *обвязать* ее конец вокруг этого выступа. И Пахери говорил, что, похоже, этот тонкий шпиль был *вырублен* из более мощной скалы.

Так или иначе, но, проползая по карнизу и пройдя пещеру, где был ледяной ветер, египтяне вышли к морю.

Море окутывал туман от одного края непрерывного кольца гор до другого. Впрочем, полностью непрерывным кольцо не было. На другой стороне имелось ущелье между двумя горами. Техути увидел его первым. Он вышел из-за угла как раз, когда солнечные лучи на мгновение прорвались сквозь этот проход. Те, что шли за Техути, услышали его крик, затем рев, а потом долгий и постепенно стихающий вой. Когда они протиснулись за угол и доползли до края площадки, то успели увидеть, как тело Техути исчезает в волнах тумана далеко внизу.

Египтяне потом реконструировали происшествие. Техути обошел угол скалы и увидел перед собой всего лишь в нескольких

шагах чей-то грааль. Видимо, этот кто-то их опередил. Да, грааль! Похоже, солнечные лучи сверкнули в проходе между горами. Ослепленный и испуганный, Техути отступил назад и споткнулся о грааль.

Проходившие сквозь ущелье лучи солнца дали возможность увидеть в самом центре моря еще кое-что. Эта штука выглядела как верхушка колоссального грааля, торчащего из пелены облаков. Потом солнце ушло, миновав ущелье, туман нахлынул и скрыл этот огромный «грааль».

Ты наверняка спросишь, как египтяне могли видеть солнце? Даже если прорыв в горах доходил до линии горизонта, то разве облака не застлали бы его? Ответ: да, облака затянули бы его, но лишь при нормальных обстоятельствах. Но там сложилась особая ситуация: ветер отогнал облака в то самое мгновение, когда солнце проходило мимо ущелья. Очень неблагоприятное стечение обстоятельств для Техути, надо признаться...

Ветры в тех местах дуют страшные. Дважды они уносили облака так, что египтяне могли в течение нескольких мгновений видеть верхнюю часть Башни. В отсутствие прямых солнечных лучей, в тусклых сумерках, отраженных небом, они видели лишь какую-то темную громаду. Но этого было достаточно. Там находился некий объект, колоссальный объект. Не обязательно сделанный человеческими руками — ведь мы не знаем, люди ли те, кто владеет этой планетой или управляет ею. Но это явно было не природное образование. Объект имел слишком правильную цилиндрическую форму, чтоб считать иначе. Хотя на таком большом расстоянии, конечно, возможна и ошибка. Я думаю, это могла быть и скала.

Но вот и еще одно доказательство противоположного. Несколькими часами позже египтяне увидели, что какой-то предмет поднимается из облаков, кипящих вокруг Башни. Он был круглый и, насколько можно было судить, исходя из расстояния, огромный. Когда он поднялся высоко вверх, на нем отразились лучи никогда не заходящего здесь солнца. Потом он поднялся так высоко, что стал невидим.

Вот эта деталь взволновала меня больше всего.

— Эта Башня, должно быть, штаб или база тех, кто стоит за всем этим! — воскликнул я.

— Точно так же думаем и мы с Фриско.

Египтяне любили Техути. Несмотря на свой пугающий облик, он обладал добрым сердцем и любил шутки. Ему иногда даже удавалось сострить на египетском языке, что говорит о его незаурядных интеллектуальных способностях. В животном мире Земли человечество в известном смысле уникально — это единственный вид, который может острить. Может быть, так и следует определять понятие «человек»? Не знаю. Моя латынь со временем становится все хуже и хуже. Если встречу древнего римлянина или учителя латыни, то обязательно пройду у них курс обучения языку.

Но вернемся к рассказу Пахери. И к Техути. Если бы не его горилья сила, египтяне никогда бы не забрались так далеко, как им это удалось. Поэтому они вознесли молитвы за упокой его души и пошли вниз по тропе.

Узкий карниз тянулся наклонно, как правило, под углом 45 градусов, и надо было идти, прижимаясь одним боком к стене. Ширины карниза хватало только для одного человека, но в некоторых местах он так суживался, что им приходилось становиться лицом к стене и скользить вдоль нее, прижимаясь к ней грудью, тогда как пятки ног свисали над пропастью, а пальцы рук цеплялись за каждую, самую ничтожную неровность.

На пути вниз Эхнатон чуть не сорвался. Он споткнулся в тумане о скелет. Да, о скелет того, кому, безусловно, принадлежал тот грааль. Кости не были поломаны, поэтому египтяне решили, что человек просто умер от голода. Фараон произнес над костями молитву и столкнул их в море. Потом египтяне вышли к концу тропы. Она уходила в воду.

Египтяне пришли в отчаяние, но Эхнатон, ухватившись за выступ одной рукой, другой поднял факел и заглянул за уступ скалы.

На другой стороне уступа находилось отверстие — вход в пещеру. Эхнатон скользнул за угол скалы, вода достигала ему до колен, ноги ступали по подводному продолжению карниза. Факел фараона осветил гладкую поверхность пола пещеры, уходившего вверх под углом 30 градусов. Остальные немедленно последовали за ним. Эхнатон шел впереди всех по склону. Их сердца бились учащенно, кожа от холода покрылась мурашками, зубы выбивали громкую дробь. Один из них — наш Пахери — был так напуган, что у него на нервной почве начался понос.

Был ли это вход в жилище богов? Ожидал ли их там Анубис с шакальей головой, чтобы отвести к Великому Судье, который определит, что весит больше — их добрые или дурные дела?

И тогда Пахери стал вспоминать все бесчестные и несправедливые поступки, которые он совершил, свою мелочность, жестокость, свою жадность и неверность. Он даже решил было остаться на месте и не идти дальше. Все остальные продолжали шагать, а темнота наваливалась на плечи Пахери таким тяжким грузом, что он снова двинулся в путь, хотя и отставая от других.

Пещера превратилась в туннель, стены которого со всей очевидностью подверглись обработке металлическими орудиями. Туннель слегка изгибался, а затем метров через сто вышел в огромное круглое помещение. Этот зал освещался девятью черными металлическими лампами на высоких треножниках. Лампы имели форму шаров и горели холодным немигающим светом.

В зале было несколько вещей, которые всех сильно поразили. Сначала они наткнулись на другой скелет. Подобно первому он был одет. Правая рука выброшена вперед, будто пытается за что-то ухватиться. Рядом с рукой — грааль. Египтяне не сразу принялись

рассматривать кости, но я лучше опишу их в этом месте. Это был скелет женщины, и на черепе сохранились пряди еще не сгнивших волос, которые свидетельствовали, что она была негритянкой.

Вероятно, женщина умерла с голоду. Ирония судьбы, ибо умерла она всего лишь в нескольких шагах от пищи.

После того как ее спутник погиб, она продолжала идти; часть пути она, надо думать, проделала ползком, собирая последние силы, чтобы встать на ноги и скользить вдоль стены там, где карниз суживался. А затем, когда спасение было совсем рядом — умерла.

Хотел бы я знать, кто она такая? Что заставило ее предпринять это гибельное путешествие? Сколько людей из их отряда погибли или повернули назад, прежде чем им удалось пройти сквозь гигантскую пещеру, через которую воды Полярного моря вытекают наружу? Как удалось миновать страну волосатых и носатых колоссов? Как ее звали и почему она так яростно стремилась дойти до самого сердца Тьмы?

Возможно, она оставила весточку в своем граале. Однако крышка последнего была плотно закрыта, значит, открыть ее могла только сама женщина. Впрочем, в высшей степени маловероятно, чтоб египтяне смогли прочесть ее письма. Ведь это было еще до того, как приверженцы Церкви Второго Шанса распространили эсперанто по всему миру. Более того, миллиарды, говорящие на этом языке, не умеют на нем читать.

Египтяне прочли над костями молитвы, а затем молча отправились осматривать самые большие предметы из находившихся в зале — металлические лодки. Их было одиннадцать — одни большие, другие — маленькие, все на низких V-образных металлических же подставках, открытых с обоих концов.

Были там и запасы пищи. Сначала египтяне не догадались, что это еда, поскольку никогда не видели еды в пластиковых коробках и пакетах. Но рисунки на этой таре показывали, как ее следует открывать, что египтяне тут же и сделали. Внутри были хлеб, говядина, овощи. Они наелись до отвала, после чего долго спали, страшно измучившись за время странствий.

Но теперь египтяне знали, что боги (по вере Эхнатона — Бог) заботятся о них. Для них подготовлен путь, хоть он и не легок. Но разве бывает легкой дорога к бессмертию, и разве не одни лишь достойные и твердые духом могут ее преодолеть? Возможно, Тexus был все-таки в чем-то грешен, а поэтому боги и свергли его с карниза?

На лодках были чертежи и понятные знаки, показывающие, что и как надо делать. Египтяне изучили их, а затем протаскили одну из больших лодок сквозь туннель. Она могла вместить 30 человек, но четверо сильных спокойно могли нести ее на руках, а один мог бы тащить ее по полу. Лодку спустили по карнизу в море, которое не было таким уж бурным, и весь отряд взобрался в нее.

У руля находился пульт управления. Хоть Эхнатон и был фараоном, а потому не должен был опускаться до черной работы,

он, однако, взял управление лодкой на себя. Действуя согласно чертежам-инструкциям, он нажал кнопку на пульте... Экран засветился, на нем появилось яркое оранжевое изображение Башни. Эхнатон нажал на другую кнопку, и лодка сама собой двинулась в открытое море.

Все, конечно, были напуганы, хотя их лидер старался не показывать страха. И все же они понимали, что находятся в нужном месте и что тут их приветствуют — в известном смысле этого слова. Лодку они сочли за барку, в которой, согласно их религии, мертвых везут по водам Другого Мира — Аменти.

(Аменти происходит от имени Амент — богини, чье имя означает «Обительница Запада». Она носит в волосах перо, подобно ливийцам — народу, живущему к западу от Египта. Возможно, первоначально она была ливийской богиней, которую египтяне у них позаимствовали. Перо было также иероглифическим знаком для слова «западный». В более поздние времена «Запад» стал означать страну мертвых, а Амент стала богиней этой страны. Она встречала их у врат Другого Мира. Одаривала хлебом и водой, и если они съедали их, то становились «друзьями богов».)

Естественно, найденная ими пища напомнила египтянам об этом, точно так же как лодка стала для них аналогом барки, перевозящей мертвых в Другой Мир. Египтяне, подобно многим другим людям, были разочарованы, если не сказать потрясены, проснувшись после смерти в Мире Реки. Это было совсем не то, что по предсказаниям их жрецов должно было случиться с ними после смерти. А вот здесь вдруг оказались параллели, физические аналоги Земли Обетованной. Успокаивало и то, что тут была река. Они же были приречным народом, живя постоянно в долине Нила. А теперь божественное существо вело их к Судилищу Другого Мира.

Они размышляли, не совершили ли они ошибки, дав гигантскому недочеловеку имя Техути, а не Анубис. Анубис был тот бог с головой шакала, который провожал мертвых в подземный мир к Двойному Дворцу Озириса — Судии и Весовщика Душ. И все же Техути был вестником богов и хранителем их записей. Иногда он принимал вид обезьяны с собачьей головой. Учитывая личность их спутника и его волосистой покров, они вполне могли увидеть в нем воплощение настоящего Техути.

Примечание: эти два аспекта Тота (Техути) указывают, что в отдаленные времена произошло слияние двух богов в одного.

Этот мир для египтян действительно обладал чертами сходства с Другим Миром. Теперь, когда они оказались в обители Озириса, сходство стало еще более разительным. Мир Реки мог быть той промежуточной страной между миром живых и миром мертвых, которая жрецами описывалась весьма туманно. Жрецы давали противоречивые и даже смущающие описания. Впрочем, вся Истина известна только богам.

Какова эта Истина, им скоро предстоит узнать. Башня не была похожа на их представление о Двойном Дворце Справедливости, но, возможно, боги что-то изменили. Недаром Мир Реки был полем постоянных изменений, отражающих изменение настроений богов.

Эхнатон повернул руль так, чтоб оранжевое изображение Башни совместилось с вертикальной линией, пересекавшей экран. Временами, чтоб убедиться, что он контролирует скорость движения лодки, он нажимал грушу, подвешенную справа от штурвального колеса. В соответствии с силой нажима скорость лодки возрастала или убывала.

Лодка шла вперед по беспокойному, затянутому туманом морю, направляясь к Башне на скорости, приводившей пассажиров в ужас. Через два часа изображение Башни на экране сильно выросло. Затем оно вдруг оделось пламенем, которое охватило весь экран, и Эхнатон перевел лодку на меньшую скорость. Он нажал еще одну кнопку, и все вскрикнули в ужасе, когда два круглых предмета на носу лодки выбросили вперед два мощных световых луча.

Впереди виднелось нечто огромное — Башня.

Эхнатон нажал на какую-то другую кнопку, указанную на чертеже. Большая круглая дверь-люк медленно открылась там, где только что была гладкая цельная поверхность Башни. Зажегся свет. Внутри находился огромный холл, стены которого состояли из того же серого металла.

Эхнатон подвел лодку к самому входу в Башню. Его матросы ухватились за порог двери. Фараон отыскал еще одну кнопку, которая отключала невидимую силу, приводившую лодку в движение. Фараон подошел к борту, находившемуся чуть ниже порога двери. Выпрыгнув в холл, он взял канат, укрепленный внутри лодки, и привязал его к крюкам, ввинченным в стену холла. Медленно, нерешительно и молчаливо за ним последовали все остальные.

Вернее будет сказать — все, за исключением Пахери. Его ужас достиг непереносимого накала. Зубы, не повинаясь воле, громко лязгали. Колени тряслись. Сердце билось в обледенелой плоти, подобно крылышкам испуганной птицы. Мозг работал замедленно, будто он превратился в мерзлую грязь, оттаявшую под лучами солнца и медленно стекающую по склону холма.

Пахери слишком ослаб, чтоб встать со скамьи и вступить в коридор. Он был уверен, что если двинется, то тут же окажется перед очами Судии, который потребует его к ответу.

Должен, однако, сказать одно в защиту Пахери. Нет, даже два соображения. У него была совесть, и он не побоялся признаться Тому Райдеру, что действовал как трус. А для подобного признания нужна немалая смелость.

Эхнатон, будто ему нечего было опасаться своего Единого Бога, спокойно пошел в направлении дальнего конца коридора. Остальные двигались гурьбой, отставая от него на дюжину шагов. Один из

матросов оглянулся и страшно удивился, увидев, что Пахери все еще сидит в лодке. Он жестом позвал его следовать за ними. Пахери покачал головой и еще крепче ухватился за планшир.

Затем без единого крика те, что стояли в коридоре, рухнули на колени, потом упали на руки, сделали усилие, чтобы приподняться, но тут же пали лицом вниз. Они лежали так неподвижно и мертво, как лежат только брошенные тряпичные куклы.

Дверь медленно закрылась. Она двигалась бесшумно, не оставив после себя даже следа, что там было когда-то отверстие, не оставив даже тончайшего зазора, и Пахери остался в одиночестве среди беспросветного тумана и ледяного моря.

Пахери не терял ни минуты и попробовал развернуть лодку. Она пошла на своей прежней скорости, но теперь на экране не было ни сигнала, ни яркого изображения, чтоб проложить на него курс. Он не мог найти пещеру, а поэтому беспорядочно метался у основания скалистых стен до тех пор, пока окончательно не лишился надежды обнаружить пещеру. Наконец он предоставил лодке самой плыть вдоль берега, пока она не оказалась у каменных ворот, сквозь которые море прорывается через горы. Лодку понесло сквозь длинную огромную пещеру, но когда Пахери доплыл до больших порогов, то он не нашел места, где бы можно было пристать к берегу и вытащить лодку на сушу. Лодку закрутило на порогах. Пахери помнит рев воды, помнит, как его швыряло туда и сюда... а потом он потерял сознание.

Когда он проснулся после «пересылки», то лежал голым в густом тумане прямо под нависающей над ним «шляпкой» питающего камня. Его грааль — новый, конечно, и аккуратно сложенная стопка одежды лежали рядом. Появились темные фигуры людей, чтоб возложить свои граали на каменный гриб. Он был здоров и в безопасности; только память его хранила страшное воспоминание о Башне Богов.

Том Райдер попал в район, где жил Пахери, тоже в результате «пересылки» после того, как его убили фанатичные средневековые христиане. Он стал солдатом, встретился с Пахери, который служил в том же взводе, и услышал его историю. Райдер дослужился до капитана и был снова убит. Очнулся он утром в тех местах, где жил Фаррингтон.

Через несколько месяцев после этого они вместе отправились вверх по Реке в долбленом челноке. Затем нашли себе пристанище и принялись строить «Пирушку».

Ты хочешь знать мою реакцию на эту историю? Что ж, рассказ Пахери заставляет меня принять решение увидеть все собственными глазами, чтоб узнать, верна эта история или нет. Если он не выдумал все от начала до конца (а Том уверяет, что Пахери так же лишен воображения и так же толстолюб, как деревянный рекламный индеец, выставленный у входа в табачную лавку), то этот мир, в отличие от Земли, может дать нам ответы на Великие Вопросы и как в зеркале показать Конечную Реальность Бытия.

Так вперед же к Башне!

ГЛАВА 40

(Продолжение письма Фрайгейта)

Однако история, которую мне рассказал Райдер, на этом не кончается. Несколько дней спустя я случайно услышал разговор между Фриско и Тексом. Они сидели в главной каюте, а люк был открыт. Я же расположился на палубе, прислонившись к палубной надстройке, и как раз собирался разжечь сигару. (Да, к этому времени я снова попал в лапы этого старого черта — Никотина.) Я не обращал внимания на их голоса, поскольку голова была занята мыслями, возникшими после разговора с Нур эль-Музафиром.

И вдруг я услышал, как капитан, обладатель весьма громкого голоса, говорит:

— Да, но откуда мы знаем, что он не пользуется нами для каких-то личных целей? Целей, возможно, очень даже распрекрасных для него, но отнюдь не столь полезных для нас? И откуда нам знать, что мы сумеем добраться до Башни? Египтяне же не смогли. Может, есть другой вход? Если есть, то почему он нам о нем не сообщил? Он обещал рассказать нам еще кое-что о Башне попозже. Но ведь это было шестнадцать лет назад! Шестнадцать! И с тех пор мы о нем и слыхом не слыхали!

Я хочу сказать, что ты его с тех пор не видал. Я-то с ним вообще никогда не виделся. Может, с ним что-то стряслось? Может, его изловили? А может, он больше в нас вообще не нуждается?

Райдер ответил ему что-то, чего я не расслышал. Фаррингтон же в ответ:

— Разумеется, но знаешь, о чем я думаю? Я думаю, что у него нет ни малейшего представления, что те египтяне все же добрались до Башни. Или о том, что одному из них удалось вырваться оттуда. Во всяком случае тогда, когда он с тобой говорил, он ничего этого не знал.

Райдер опять сказал что-то, чего я не разобрал. Фаррингтон же ответил:

— Туннель и веревка, лодка и тропа, возможно, были приготовлены для нас. Только вот другие добрались до них раньше.

Ветер завыл громче, и я минуту-другую вообще ничего не слышал. Тогда я пододвинулся поближе к трапу, ведущему в кают-компанию.

— Ты действительно думаешь, — говорил Фаррингтон, — что некоторые из них, а уж во всяком случае один, могут оказаться у нас на корабле? Что ж, это возможно, Текс, но что из этого вытекает? Почему нам не сказали, кто эти другие, чтоб мы могли их опознать и объединиться с ними? Когда же нам об этом сообщат? Где мы встретимся? В конце Реки? А что, если мы туда заберемся, а там никого не окажется? Ждать еще сотню лет или вроде того? Что, если...

Райдер снова что-то проговорил. Должно быть, говорил он довольно долго. Я чуть ли не на ушах стоял, настолько переполненный

любопытством, что чуть ли не светился наподобие огня святого Эльма. Мустафа, стоявший у руля, поглядывал на меня со странным выражением лица. Должно быть, знал или подозревал, что я подслушиваю. Это меня никак не радовало. Мне отчаянно хотелось подслушать и остальное. Но если Турка расскажет тем двоим, что я прислушивался к их разговору, меня могут прогнать с корабля. С другой стороны, он мог и не знать, что они обсуждают нечто такое, что для моих ушей вовсе не предназначено. Поэтому я затаился сигарой, а когда она догорела, притворился, что сплю.

Ситуация напомнила мне ту, в которую попал Джон Хокинс из «Острова сокровищ», который, сидя в бочонке с яблоками, подслушал разговор Длинного Джона Сильвера, затеявшего со своими друзьями-пиратами заговор с целью захвата «Эспаньолы», когда сокровища будут найдены. Только в этом случае ни Фаррингтон, ни Райдер не планировали ничего плохого против кого-либо. Мне показалось, что скорее уж существовал заговор против них самих.

— А вот что мне хотелось бы понять, — говорил между тем Фаррингтон, — так это почему он в нас нуждается? Перед нами человек, обладающий большим могуществом, чем дюжина богов, и если он пошел против своих же корешей, то какую помощь ему могут оказать простые смертные вроде нас? И если мы так уж нужны ему в Башне, почему он нас туда не перенесет?

Последовал новый перерыв в разговоре, закончившийся звяканьем чашек и граалей друг о друга. Затем Райдер громко сказал:

— ...должно быть, имеет весьма вескую причину. Во всяком случае, мы всё это узнаем. Да и что нам еще остается делать?

Фаррингтон громко заржал, а потом ответил:

— Вот это верно! Что еще? Можем как угодно распоряжаться своим временем до самого конца — хорошего или плохого! Но я все равно продолжаю чувствовать себя так, будто меня кто-то употребляет, а мне это вот как осточертело! Меня употребляли и богатый класс, и средний класс, когда я был молод, меня употребляли редакторы и издатели, а потом мои родичи и друзья. И я не собираюсь позволить употреблять себя в этом долбаном мире, будто я — тупая скотина и не гожусь ни для чего большего, нежели грузить уголь или готовить мясные консервы!

— Но ведь ты и сам себя эксплуатировал, — ответил ему Райдер, — да и все мы так. Я заработал кучу денег, и ты тоже. А что из этого вышло? Мы тратили больше, чем имели, на огромные дома и бешеные автомобили, на дурацкие проекты и на водку, на шлюх и на то, чтобы выпендриваться перед публикой. Мы не умели играть рискованно, прижимая свои карты к груди, не сумели удерживать свои денежки, не сумели легко относиться к потерям, не смогли дожить до преклонных лет в покое и изобилии. Но...

Фаррингтон снова взорвался смехом:

— А у нас с тобой так все равно бы не получилось, верно? Это было бы против нашей природы, Текс. Живи, жги свечу с обоих концов, крути огонь и красоту, как ярмарочное колесо святой

Екатерины, а не плетись как мерин, что вертит жернов на мельнице! И вертит его только ради того, чтоб кастрированной скотиной отправиться на сочное пастбище, а не на фабрику, где из тебя сварят клей. А ради чего? О чем он будет размышлять, этот мерин, пережевывая траву? О долгой серьезной жизни и коротеньком сереньком же будущем?

Звякнули чаши. Затем Фаррингтон начал рассказывать Райдеру о своей поездке из Сан-Франциско в Чикаго. Он представился в поезде очаровательной женщине, которая ехала в сопровождении горничной и ребенка. После часового знакомства женщина пошла с ним в его купе, где они трахались как бешеные норки три дня и три ночи.

Тогда я решил, что сейчас самое время сматываться. Встал и пошел к передней мачте, где болтали Эбигейл Райс и Нур. Мустафа, видимо, все же не заподозрил меня в подслушивании.

С тех пор я все время бьюсь над загадками. Кто такой этот «он», которого так часто упоминали Фаррингтон и Райдер? Очевидно, он должен быть одним из тех, кто создал для нас этот мир, а затем воскресил нас из мертвых. Возможно ли это? Идея кажется столь необъятной и столь не поддающейся пониманию! И все же — кто-то ведь должен был сделать это? Только вместо единственного числа лучше употреблять множественное. Да, во многих отношениях это действительно настоящие боги.

Если Райдер говорит правду, то в Полярном море стоит некая Башня. По логике вещей это должна быть база тех, кто сотворил этот мир, база наших таинственных владык. Да, я знаю, это звучит как фантазия параноика. Или научно-фантастическая повесть; большая часть которых, по правде говоря, пишется параноиками. За исключением очень немногих, которые разбогатели, все писатели-фантасты убеждены, что их тайные (и не очень тайные) властители — издатели. Даже богатые писатели и те не слишком-то доверяют отчетам об отчислении потиражных гонораров. Может, эта Башня обитаема кабалой каких-нибудь супериздателей? (Это я так шучу, Боб. Шутка помогает моим размышлениям.)

А может, Райдер врет? Или врал его информатор Пахери? Я в это не верю. Совершенно очевидно, что к Райдеру и Фаррингтону обращался один из этих всемогущих. Не придумали же они эту историю специально для подслушивавшего?

А может, придумали?

Трудно определить предел, до которого могут дойти те, у кого крыша поехала.

Нет, они обсуждали событие, имевшее место в действительности. Если они были столь небрежны, что оставили люк открытым и не говорили шепотом, то все это вполне естественно. После всех этих лет почему бы и не забыть об осторожности?

И уж если на то пошло, то почему бы и не рассказать об этом всему свету?

Кто-то за нами следит. Кто? Зачем?

Мой мозг рыщет, как лодка без руля, бросается из стороны в сторону, ныряет вверх и вниз. Так много предположений, так много возможностей! И я думаю — ну и ну! Какой рассказ мог бы получиться! Как жаль, что я не набрел на такой сюжет, когда сам писал научную фантастику. Но концепция планеты, состоящей из извилов многомиллионкилометровой Реки, вдоль которой живет все человечество, когда-либо жившее на Земле и теперь воскрешенное (ну не все, так большая часть), показалась бы слишком грандиозной, чтоб сунуть ее в один томик. На это дело понадобилось бы по меньшей мере томов двенадцать, чтоб воплотить идею близко к тому, чего она заслуживает. Нет, я рад, что до такого не додумался!

В свете всех последних событий что мне следует предпринять? Посылать это письмо или разорвать? Оно все равно, конечно, в твои руки не попадет, на это нет ни единого шанса. А в чьи попадет?

Вполне возможно, оно будет подобрано кем-то, кто даже читать по-английски и то не умеет.

Но почему я боюсь, что оно попадет в плохие руки? Не знаю. Но где-то под поверхностью каждодневной жизни этой Долины идет мрачная тайная борьба. Я намерен выяснить, что она собой представляет. Но дальше следует продвигаться с большой осторожностью. Какой-то внутренний голос твердит мне, что для меня было бы куда лучше не знать обо всем этом ни шиша.

Но кому, собственно говоря, я тогда пишу все эти послания? Возможно, самому себе, ибо надеюсь (без всякой надежды на успех), что случится чудо и одно из них приплывет в руки кого-то, кого я знал и любил или, во всяком случае, с кем был хорошо знаком.

И все же в этот самый момент, когда я смотрю на множество людей, сгрудившихся на берегу Реки, возможно, что мой взгляд останавливается на фигуре человека, которому я адресовал хоть одно из этих писем. К сожалению, корабль плывет по самой середине Реки, и я нахожусь слишком далеко, чтоб узнать того, с кем я так жажду встретиться.

Боже Всемогущий! Сколько людей я перевидал за эти двадцать лет! Миллионы, куда больше, чем я видел на Земле. Некоторые из этих людей существовали триста тысяч лет назад или даже больше. Бесспорно, среди них должны быть и представители моих предков, в том числе и неандертальцев. Некоторое число гомо неандерталис благодаря смешанным бракам было поглощено гомо сапиенсами, как тебе хорошо известно. И благодаря перемещениям больших человеческих масс в доисторические и исторические времена, миграциям, вторжениям, работорговле и отдельным путешествиям некоторые, а может, и многие монголоидные, американоидные, австралоидные и негроидные особи, которых я видел, — это мои предки.

Подумай об этом! Каждое поколение наших предков, уходя в бесконечную даль веков, удваивает свою численность. Вы родились в 1925 году. У вас было двое родителей, родившихся в 1900 году (да знаю я, что ты родился в 1923 году, а твоей матери было 40 лет, когда она тебя родила. Но я беру идеальный усредненный случай)

Родители ваших родителей родились в 1875 году. Их четверо. Удваивайте число ваших предков каждые 25 лет. К 1800 году их у вас уже 32. Большинство их друг друга и в глаза не видало, но судьба предназначала их быть вашими прапрапрадедами.

В 1700 году н. э. у вас уже 512 предков, в 1600-м — 8192, в 1500-м — 131 072, в 1400-м — 2 097 152, в 1300-м — 33 554 432. А к 1200 году у вас имеется 536 870 912 предков.

И у меня то же самое. И у каждого так. Если мировое население в 1925 году составляло, скажем, два миллиарда (не помню, сколько на самом деле), то умножьте это на число ваших предков в 1200 году и получите больше одного квадрильона. Невозможно? Верно, невозможно!

Я только что вспомнил, что в 1600 году все население мира исчислялось всего лишь в 500 миллионов! А в I веке н. э. оно оценивалось в 138 миллионов. Так что вывод ясен. Существует невероятное число кровосмешений — близких и далеких — совершенных в давние времена. Не говоря уж о настоящем. Возможно, они начались еще на заре человечества. Так что я и ты — родственники. А фактически — мы все родственники, да еще по многим линиям. Сколько китайцев и черных африканцев, родившихся в 1925 году, являются твоими и моими дальними кузенами? Я бы сказал — очень много.

Так что лица, которые я вижу на обоих берегах, когда плыву по Реке, — это лица моих кузенов. Хелло, Ханг-Чу, Яйяа, Булабула! Как делишки, Гайавата? Хайль, Ог сын Огня! Но если б они даже знали об этом, они бы ничуть не стали относиться ко мне дружелюбнее. И *vice versa*. Самые свирепые свары и самые обильные кровопускания имели место среди родственников. Гражданские войны — самые жестокие. Но раз мы все кузены, то все войны — гражданские. Ужасно не по-граждански это, надо признаться. Парадокс человеческих отношений. Вот возьму да и отстрелю у тебя задницу, братишка!

Марк Твен был прав. Ты когда-нибудь читал его «Рассказ капитана Стромфилда о его путешествии на Небеса»? Старина Стромфилд был здорово шокирован, когда, пройдя сквозь Жемчужные врата, обнаружил там такое огромное количество черненьких. Подобно всем нам — бледнокожим арийцам — он представлял Небеса битком набитыми белыми лицами, с отдельными вкраплениями желтых, коричневых и черных. Только все оказалось не так. Он забыл, что темнокожие люди численно всегда превосходили белокожих. Поэтому на каждое белое лицо капитан видел два темных. Ну, и тут у нас то же самое. Снимаю перед вами шляпу, мистер Твен. Вы точно предсказали, как это будет на самом деле.

Итак, мы тут все собрались в Мире Реки, не зная, почему и зачем. Точно как на Земле. Конечно, есть немало людей, которые уверяют, что им все известно. Есть две главные церкви — шансеры и нихирениты, а также тысячи сект реформированных христиан, мусульман, иудеев, буддистов, индуистов и Бог еще знает кого. Бывшие диасы и конфуцианцы говорят, что им все до лампочки: эта

жизнь в целом лучше, чем прежняя. Тотемистам тут хуже, поскольку зверей на планете нет. Но это, правда, не означает, что духи тотемов здесь отсутствуют. Многие дикари, с которыми я встречался, видят свои тотемы во сне, или они являются им в видениях. В большинстве же случаев они обратились к каким-нибудь «высшим» религиям.

Есть тут еще Нур эль-Музафир. Он суфий. Когда он проснулся тут, то испытал такой же шок, как и другие. Но он не пришел в отчаяние, а просто пересмотрел свои взгляды *tout de suite**. Он говорит, что те существа, которые сотворили этот мир, сделали это, имея в виду лишь наше благо. Иначе зачем бы все эти затраты и труды? (Говоря так, он чем-то напоминает мне зазывалу в цирке. Но он искренен. Что отнюдь не означает, что он знает, о чем говорит.)

Нам не следует занимать свои умы вопросами «кто?» или «как?», утверждает Нур. Следует думать лишь о «зачем?». В этом отношении он сходит с шансерами. Но я вижу, что моим запасам бумаги пришел конец. А потому адью, адио, селá, амен, шолом и пока (английское «пока» — «so long» идет от «селанг» — мусульмано-малайского произношения арабского слова «салам» — привет). Дружески и нравоучительно твой пребывающий в самом чреве Непонятно чего Питер Джейрус Фрайгейт.

P.S. Все еще не знаю, отправлю ли я это послание *in toto***, отцензурирую ли его или использую в качестве туалетной бумаги.

ГЛАВА 41

В середине Река имеет в ширину 2,4135 километра, или полторы мили. Иногда она суживается, превращаясь в канал, зажатый между уступами высоких холмов. Как бы ни менялась ширина, глубина Реки остается постоянно одной и той же — около 305 метров, или немногим более 1000 футов.

Нигде на протяжении всей Реки не наблюдается береговой эрозии. Трава низменности сменяется водяными растениями прямо у уреза воды, и водяная растительность буйно покрывает склоны и дно русла. Корни водяных растений и растений суши переплетаются, образуя плотную органическую массу. Травяной покров представлен не отдельными травинками — это единый растительный организм.

Водяные растения поедаются многообразным миром рыб как на подводных склонах, так и на самом дне. Многие виды рыб обитают только в верхних слоях воды, куда проникает солнечный свет. Другие — бледные существа, но ничуть не менее прожорливые — кочуют на средних глубинах. Во тьме придонных слоев ползает,

* Целиком, полностью (фр.).

** Целиком (лат.).

карабкается, извивается, плавает, перемещается с помощью ракетного выброса воды множество удивительных жизненных форм.

Некоторые пожирают мучнисто-белых, будто пораженных проказой, укоренившихся особей, которые напоминают видом цветы, другие же сами захватываются и поедаются этими донными существами. Третьи — большие и маленькие — медленно ползут по песку с широко разинутой пастью, собирая микроскопических обитателей, которые живут и в более высоких водных горизонтах.

Самыми огромными, куда большими, чем голубые киты Земли, являются хищные рыбы, именуемые «речными драконами». Вместе с другими, более мелкими видами они обладают способностью то разбойничать на дне, то грабить верхние горизонты, не испытывая ни малейших неудобств от смены давления.

Другая рыба имеет много названий, но по-английски ее зовут «квакуна». Величиной она с немецкую овчарку, ползает медленно, как слизняк, и ненасытна, как свинья. Это главный ассенизатор Реки, и она пожирает все, что не оказывает сопротивления этому процессу. Большая часть диеты квакуна — это человеческие экскременты.

Будучи двоякодышащей, эта рыба по ночам питается также и на суше. Немало людей пугалось до полусмерти, встретив в тумане ее огромные выпученные глаза или наступив на покрытое слизью тело, когда она ползает по берегу, отыскивая объедки и всякий съедобный мусор.

Пожалуй, не меньше, чем внешний вид, пугает издаваемый этой рыбой громкий квакающий звук, который невольно приводит на память истории о чудовищах и привидениях.

В этот день года двадцать пятого от Д. В. один из этих омерзительно воняющих поедателей падали находился возле самого берега. Течение тут было слабее, чем на середине Реки. Однако и тут ноги-плавники рыбы работали на предельной скорости, изо всех сил стараясь удержать ее на месте и не дать течению снести ее назад. И вдруг нос квакуна учуял аромат дохлой рыбы, которую течение несло прямо к нему. Квакун разинул пасть и слегка изменил свое положение, с таким расчетом, чтоб труп попал ему прямо в раскрытый рот.

Вслед за дохлой рыбой плыл еще один предмет. И трупик, и этот предмет попали в пасть квакуна; рыба легко проскочила в глотку, больший же предмет сначала было застрял, но в конце концов конвульсивные глотательные движения отправили его вслед за дохлятиной.

Почти пять лет водонепроницаемый бамбуковый контейнер с письмом Фрайгейта Роригу плыл вниз по Реке. Учитывая большое число рыбаков и путешественников, можно было ожидать, что его подобрали и вскрыли уже давно. Однако все живые существа его проигнорировали, кроме того квакуна, главной целью которого был деликатесный кусок тухлятины.

За пять дней до того, как путешествию контейнера пришел конец, он проплыл мимо того места, где проживал его предполагаемый

адресат. Но Рориг в это время находился в своей хижине, в окружении каменных и деревянных скульптур, которые он вырезал, дабы обменять на самогонку и сигареты. Рориг пытался отоспаться после плачевных последствий совершенно потрясной пьянки.

Возможно, это было совпадение, а может, ответственность ложилась на некий психологический феномен, состоящий в сверхчувственной связи между адресатом и автором письма. Но какова бы ни была причина, Роригу (именно в то утро) снился Фрайгейт. Он снова оказался в 1950 году, когда был студентом выпускного курса, материально поддерживаемым законом о льготах бывшим военным служащим и работающей женой.

Это был теплый денек в конце мая (Майский день! Майский дены!)*. Рориг сидел в маленькой комнате перед очами трех д. ф.** Это был день сведения счетов. После пяти лет трудов и стрессов в святилище науки он должен был получить или потерять свой приз — степень магистра искусств по английской литературе. Если он проскочит устную защиту своей диссертации, то его выпустят в мир в качестве преподавателя английского языка в старших классах средней школы. Если провалится, ему придется учиться еще шесть месяцев, а затем защищаться во второй и в последний раз.

Теперь три преподавателя, хотя и улыбались, палили по нему вопросами, будто они были стрелками, а он — мишенью; впрочем, так оно и было. Рориг не очень нервничал, ибо его диссертация посвящалась средневековой поэзии Уэльса — вопросу, который он выбрал потому, что считал, будто профессора мало чего петрят в такой узкой проблеме.

Он был прав. Но Элла Резерфорд — очаровательная дама со срока шести лет, хотя и преждевременно поседевшая, готова была на все, чтобы достать Рорига. Какое-то время они были любовниками и трахались два раза в неделю у нее на квартире. Затем в один прекрасный день они затеяли бешеный пьяный скандал по поводу вопроса о достоинствах Байрона как поэта. Рориг не слишком обожал его стихи, но был в восторге от байроновского стиля жизни, каковой и почитал за настоящую поэзию. Во всяком случае, в споре он занял сторону, прямо противоположную взглядам Эллы.

В результате он вылетел из квартиры, успев высказать ей несколько весьма горьких истин. И еще он проорал ей, что никогда в жизни не встретится с ней больше наедине.

Резерфордиha решила, что он влез к ней в постель только для того, чтоб получить по ее курсу наивысшие оценки, и что спор о Байроне он использовал, лишь чтобы перестать заниматься любовью с женщиной средних лет. Тут она ошибалась. Рорига неотразимо влекли к себе пожилые женщины. Однако он находил ее

* Международный сигнал бедствия «Помогите!» на морском жаргоне.

** Доктор философии.

претензии и требования слишком обременительными. Он уже не мог удовлетворять ее аппетиты, аппетиты двух жен первокурсников, двух супругов приятелей, барменши, обеспечивающей ему даровую выпивку, да еще смотрительницы того многоквартирного дома, где он жил.

Пятерых — еще куда ни шло. Восьмерых — нет. У него не хватало на них ни времени, ни энергии, ни спермы, и он засыпал прямо в классной комнате. Поэтому он весьма искусно затеял спор со своей профессоршей, с женой первокурсника (поговаривали, что у нее триппер) и женой приятеля (она была уж очень эмоционально ненасытна).

И вот сейчас Резерфорд, сузив свои водянистые голубенькие глазки, говорила:

— Вы прекрасно защищались, мистер Рориг. Пока.

Она сделала паузу, а он окончил. Ему свело анус. Пот лился по лицу и из-под мышек. У него мелькнуло видение — вот она сидит целыми ночами и обдумывает, как бы половчее достать его, найдя для этого особо жуткий и невероятно унижительный способ.

Доктора Дарем и Пар прекратили барабанить пальцами. Тут явно наклеивалось нечто интересное. Их коллега вся светилась, как светятся глаза тигра, готового прыгнуть на дрожащего ягненка. Молния готовилась ударить, а несчастный кандидат явно не имел никакого громозвуда, разве что он был спрятан у него в заднице.

Рориг покрепче ухватился за подлокотники кресла. Пот крупными каплями выступил на его лбу, как у мыши, испугавшейся головки швейцарского сыру. Ледяной пот стекал из-под мышек прямо в рукава рубашки... Что-то будет, какая-то чертовщина готовится, думал Рориг.

— Похоже, вы тщательно изучили свой предмет. Вы предоставили нам поразительную демонстрацию знаний в весьма малоизвестном разделе поэзии. Уверена, мы все гордимся вами. С вами мы не теряли даром времени в аудитории.

Поганая сучка хочет сказать, что она даром теряла время со мной *вне* аудитории! Но это был просто обманный выпад, реплика, которая ранит, но не убивает. Она придумала для него настоящий большой провал. Редко, почти никогда, профессор поздравляет кандидата на степень во время пытки. После — да, когда комиссия уже проголосовала и защита зачтена.

— А теперь... скажите мне... — тянула резину Резерфордиha.

Она снова сделала паузу. Еще один поворот зажимного винта...

— Скажите мне, мистер Рориг, а где *находится* этот Уэльс?

Что-то оборвалось и с грохотом покатилося на самое дно его желудка. Рориг прижал ладони к вискам и застонал.

— Пресвятая Дева! Попался! Божья моча!

Доктор Пар — декан женского отделения — побелела. Впервые в жизни она услышала подобную похабелю.

Доктор Дарем, который нередко пускал слезу, читая поэзию своим студентам, выглядел так, будто сейчас грохнется в обморок.

Доктор Резерфорд, обрушив свой громовой удар, улыбалась, без жалости и снисхождения оглядывая останки своей жертвы.

Но Рориг все еще сопротивлялся. Он отказывался идти на дно со спущенными флагами и без оркестра, играющего «В руцѣ твоѣ, о Господи». Он улыбнулся так, будто горшок с золотом на конце радуги еще не превратился в мгновение ока в горшок с дерьмом.

— Я не знаю, как вы это сделали, но вы меня *достали*. О'кей, я никогда и не представлялся человеком без изъянов. Что же будет дальше?

Вердикт: не защитил. Приговор: шесть месяцев испытательного срока и новая попытка в конце его.

Позднее, когда они с Резерфорд оказались одни в холле, она сказала:

— Я предлагаю тебе, Роберт, подучиться еще и географии. Я даже намекну тебе: Уэльс недалеко от Англии. Но я сомневаюсь, что мой совет пойдет тебе на пользу. Ты ж и собственную задницу не узнаешь, даже если ее преподнести тебе на серебряном подносе.

Его друг Питер Фрайгейт ждал в дальнем конце холла. Пит учился в группе более пожилых студентов, которых назвала бородачами одна первокурсница, обожавшая крутиться возле них. Все это были ветераны, чье обучение в колледже было прервано войной. Они, их жены и любовницы вели жизнь, которую называли богемной. Это были неизвестные предвестники битников и хиппи.

Когда Рориг подошел поближе, Фрайгейт вопросительно глянул на него. И хотя Рориг был близок к истерике, он все же натянул на лицо улыбочку пошире и начал ржать во все горло:

— Ты не поверишь, Пит!

Фрайгейт действительно с трудом мог поверить, чтобы кто-то, окончивший хотя бы шесть классов грамматической школы, не знал, где находится Уэльс. Когда он наконец в этом убедился, то тоже стал хохотать.

— Но как эта облезлая лиса обнаружила мое слабое место? — вопил Рориг.

— Понятия не имею, но она великолепна, — ответил Фрайгейт. — Слушай, Боб! Не надо так огорчаться. Я знаю одного отличного хирурга, который не помнит, ходит ли Солнце вокруг Земли или она вращается вокруг него. Он говорит, что такие знания ни к чему тому, кто копается в человеческих кишках.

Но для специалиста по английскому языку... уж он-то должен знать! Ох! Ха-ха!

А затем, как это бывает в полных непоследовательности снах, которые столь часто создает Великий Сценарист Снов, Рориг оказался совсем в другом месте.

В густом тумане он гнался за бабочкой. Она была очаровательна, и особенно ценной ее делало то обстоятельство, что она была единственной в своем роде, и только Рориг знал о ее существовании. Ее тело горело лазурью и золотом, усики — киноварью, а вместо глаз сверкали зеленые сапфиры. Король гномов сковал ее в Черных горах, а Волшебник из страны Оз искупал в живой воде.

Порхая на расстоянии какого-то дюйма от вытянутой руки Рорига, бабочка вела его сквозь туман.

— Постой же ты, сукина дочь, подожди!

Он рванулся через пространство, которое, казалось, измерялось целыми милями. Смутно, краем глаза он видел в клубах тумана какие-то формы, застывшие в таком спокойствии и в такой неподвижности, будто их вырезали из кости. Дважды он различил странные фигуры — одна носила корону, у другой была голова лошади.

Внезапно один из этих темных объектов загородил ему дорогу. Рориг остановился — по непонятным причинам ему казалось, что обойти этот объект невозможно. Бабочка повисла над вершиной этой фигуры, а затем опустилась на нее. Ее зеленые глаза горели, а две передние лапки как бы в насмешку поглаживали усики.

Медленно продвигаясь вперед, Рориг увидел, что дорогу ему загораживает не кто иной, как Фрайгейт.

— Не вздумай ее тронуть! — свирепо прошипел Рориг. — Она моя!

Лицо Фрайгейта было не более выразительно, чем рыцарское забрало. Оно всегда казалось Роригу лицом каменного истукана, особенно когда на Фрайгейта находили приступы ярости и он набрасывался на любого человека, попавшегося ему на глаза. Это всегда злило Рорига, а сейчас довело чуть ли не до умопомрачения.

— Прочь с дороги, Фрайгейт! Отойди в сторону, иначе я тебе все кости переломлю!

Испуганная этим взрывом эмоций, бабочка скрылась в тумане.

— Не могу, — ответил Фрайгейт.

— Почему это? — взревел Рориг, подпрыгивая на месте от разочарования.

Фрайгейт ткнул пальцем вниз. Он стоял на большом красном квадрате. К нему прилегали другие квадраты — одни белые, другие — красные.

— Меня не так поставили. И не знаю, что из-за этого может случиться в дальнейшем. По правилам меня нельзя ставить на красный квадрат. Но кто считается с правилами, я тебя спрашиваю! Кроме пешек, разумеется?

— Может, я могу тебе помочь? — спросил Рориг.

— А как ты это сделаешь? Ты и себе-то помочь не можешь!

Фрайгейт ткнул рукой куда-то за спину Рорига:

— Сейчас оно тебя схватит. Пока ты тут гонялся за бабочкой, оно охотилось за тобой.

Рориг вдруг сильно испугался. Что-то преследует его, нечто такое, что собирается обойтись с ним без всякой жалости.

В отчаянии он попытался рвануться вперед, перепрыгнуть через Фрайгейта или обойти его. Но красный квадрат держал его не менее крепко, чем самого Фрайгейта.

— Пойман!

Он все еще видел ту бабочку — точку, пылинку, быстро исчезавшую в тумане. Навсегда.

Туман сгушался. Фрайгейт уже смотрелся как расплывчатое темное пятно.

— Я сам буду устанавливать правила! — завопил Рориг.

Из тумана, откуда-то спереди донесся шепот:

— Тихо ты! Оно тебя услышит!

Рориг внезапно проснулся. Его сожительница зашевелилась.

— Тебе плохо, Боб?

— Я тону в прибое непрерывности...

— Чего, чего?

— Ну... тогда прерывности...

И он опять погрузился в доисторический первобытный океан, в те глубины, где утонувшие боги торчали из вязкой тины под самыми сумасшедшими углами и глядели прямо перед собой холодными рыбьими глазами под обросшими ракушками коронами...

Ни он, ни Фрайгейт не знали, что Рориг мог бы ответить на один из вопросов, содержащихся в письме Фрайгейта. Рориг пробудился в День Воскрешения на далеком севере. Его соседями оказались доисторические скандинавы, индейцы из Патагонии, монголоиды эпохи оледенения и сибиряки из конца XX века.

Рориг быстро овладел новыми языками и вскоре уже болтал на десятке, хотя ему так и не удалось добиться правильного произношения, а синтаксис он вообще угробил без всякой пощады. Как и всегда, он вскоре уже чувствовал себя там как дома и быстро приобрел новых друзей. На какое-то время за ним установилась репутация чего-то вроде шамана. Шаманы, однако, если они хотят добиться успеха, должны относиться к делу серьезно, а Рориг относился серьезно только к занятиям скульптурой. А кроме того, ему здорово поднадоел холод. Сам-то он был солнцепоклонником; свои самые счастливые дни он провел в Мексике, где был первым помощником на маленьком каботажном суденышке, перевозившем замороженных креветок из Юкатана в Браунсвилл (Техас). Непродолгое время он даже занимался нелегальной торговлей оружием, но бросил это дело после нескольких дней, проведенных в мексиканской каталожке. Из Мексики пришлось смотаться. Властям не удалось доказать его вину, но они прозрачно намекнули, что ему лучше бы покинуть страну.

Только-только он собрался уплыть в долбленом челноке вниз по Реке в поисках более теплого климата, как в их места прибыла Агата Крумз. Агата была чернокожая, родилась в 1713 году, умерла в 1783-м. Она была освобожденной рабыней, принадлежала к какой-то захудалой баптистской секте, где произносила проповеди, немного кликушествовала; четыре раза выходила замуж, родила десятерых детей и курила трубку.

Она воскресла в сотне тысяч питающих камней отсюда и вот теперь оказалась тут. Ей было видение, в котором Бог повелел ей идти к Его обители на Северном полюсе, где Он вручит Агате ключ к грядущему царству, к славе и вечному спасению, к проникновению в смысл Времени, Вечности, Пространства и Бесконечности,

Созидания и Разрушения, Смерти и Жизни. Она станет одной из тех, кто сбросит Дьявола в геенну огненную, запрет его там и выбросит прочь ключи.

Рориг решил, что она безумна, но заинтересовался ею. Кроме того, у него тоже были кое-какие соображения, что разгадка тайн этого мира, возможно, находится где-то в истоках Реки.

Он знал, что еще никто не осмеливался проникнуть в покрытые туманом земли, лежащие к северу. Если он присоединится к отряду Агаты из одиннадцати человек, он окажется в числе первопроходцев, покоривших Северный полюс. А если удастся, то сможет оказаться и самым первым человеком, вступившим на него. Когда цель будет уже совсем близка, он собирался рвануть вперед и установить в точке Северного полюса каменную статуютку, изображающую его самого и с его же инициалами, вырезанными на пьедестале.

И с этой поры каждый, кто забредет в те края, будет знать, что его рекорд уже побит Робертом Ф. Роригом. Агата, однако, не соглашалась брать его с собой, если он не обратится душой к Богу и Священному Писанию. Рориг ненавидел ложь, но постарался доказать себе, что он вовсе не обманывает Агату. Вера в Бога ютилась в нем где-то глубоко-глубоко, хоть он не знал его имени — то ли Иегова, то ли Рориг. Что же до Библии, то это была книга, а все книги говорили истину в том смысле, что их авторы верили, будто пишут нечто вроде истины.

Еще прежде чем экспедиция добралась до последнего питающего камня, пять человек повернули обратно. Когда остальные добрались до колоссальной пещеры, откуда вырывалась Река, еще четверо решили, что умрут с голоду, если будут продолжать идти вперед. Рориг пошел с Агатой Крумз и Уинглетом — выходцем из индейского племени, которое еще в раннем каменном веке переселилось из Сибири на Аляску. Рориг с радостью повернул бы обратно, но он даже себе не собирался признаваться, что у него меньше храбрости, чем у безумной негритянки и дикаря из палеолита.

Кроме того, проповеди Агаты почти убедили его, что у нее действительно было видение. Может, Всемогущий Бог и Сладостный *Иисус* ждут его! Значит, следует придерживаться выработанного распорядка действий.

После того как они проползли по карнизу внутри пещеры и Уинглет сорвался и упал в Реку, Рориг признался себе, что он такой же псих, как Агата. И все же пошел дальше.

Когда они дошли до места, откуда карниз круто пошел вниз — в туман, в тот туман, что накрывал все море и заглушал рокот прибоя, слабо доносившийся до них, они оба уже совсем ослабели от голода. Назад пути не было. Если через день они не добудут пищи, они умрут. Агата сказала, что так необходимая им пища уже совсем близко. Она знает это, ибо ей было видение, пока они спали на карнизе в пещере.

Рориг смотрел, как она уползала от него. Потом пополз за ней. Но он бросил позади свой грааль, так как был слишком слаб, чтоб тащить его за собой. Черт с ним, подумал он, и пополз дальше по тропе.

До конца он не дополз. Слабость победила его; ноги и руки уже не желали повиноваться приказам воли.

Убила его жажда еще до того, как голод всерьез принялся за дело.

Казалось иронией — Река бежит под ним, а напиться нельзя — нет веревки, чтоб опустить грааль и зачерпнуть бесценную влагу. Море билось о камни у подножия утесов, а Рориг не мог до них добраться.

Кольриджу это понравилось бы, подумал он, жаль, что я не таков. Потом он пробормотал: теперь я уж никогда не получу ответов на свои вопросы. Впрочем, может, это не так уж и плохо — очень возможно, они не пришли бы мне по вкусу.

А вот теперь Рориг беспокойным сном спал в хижине у Реки в экваториальной зоне. Фрайгейт же стоял на вахте на палубе судна и посмеивался. Он вспоминал историю, случившуюся с Роригом на защите диссертации.

Возможно, причиной одновременного пробуждения в их памяти воспоминаний об этом инциденте была телепатия. Однако предпочтительнее в данном случае использовать бритву Оккама, которая остра, но используется так редко. Поэтому назовем этот случай совпадением.

Квакун устроился прямо на пути плывущей в его направлении дохлой рыбы. Труп ее свободно вошел в широко раскрытую пасть амфибии. Письмо Фрайгейта вместе со своим контейнером, следовавшим в сантиметре от дохлой рыбы, тоже было проглочено. Они друг за другом прошли по пищеводу, чтоб спокойно улечься в брюхе квакуна.

Его желудок мог легко расправиться с мусором и экскрементами, с гниющей плотью — тоже. Но целлюлозное волокно бамбука было слишком жестким, чтоб превратить его в приемлемую для пищеварения форму. Не выдержав длительной и острой боли, квакун издох, пытаясь безуспешно освободиться от контейнера.

Письма частенько убивают наш дух; иногда же это может сделать и конверт.

ГЛАВА 42

Все кругом орали и поздравляли счастливичиков. Люди сгрудились вокруг Джилл, тискали ее, целовали, против чего она на этот раз нисколько не возражала. Конечно, большая часть выражений приязни была порождена выпивкой, это Джилл прекрасно понимала, но все же она ощущала, как в ней самой растут и крепнут теплые чувства к окружающим. Если б они были недовольны, то их отношение скорее уж нашло бы выражение в открытой враждебности. В конце концов, возможно, к ней относились совсем не так плохо, как она думала. Вот и Давид Шварц, который, как она

когда-то подслушала, называл ее «замороженной старой девой», сейчас хлопает ее по спине и поздравляет.

Анна Обренова стояла рядом с Барри Торном, хотя за весь вечер они вряд ли обменялись несколькими словами. Анна улыбалась, будто даже радовалась, что ей предпочли Джилл Галбирру. Может, ей действительно все равно? Джилл предпочитала думать, что маленькая блондика просто кипит от ненависти, но, конечно, не исключена и ошибка. Могла же Анна относиться к Джилл, исходя из соображений здравого смысла? В конце концов, она пришла в Проект к шапочному разбору, а Джилл отдала тысячи часов строительству корабля и подготовке экипажа.

Фаербрасс орал, требуя тишины. Громкие разговоры и пение наконец стихли. Затем он выкрикнул, что сейчас объявит офицерские назначения, и ухмыльнулся ей исподтишка. Она чувствовала, что сейчас упадет в обморок. Его улыбка была издевательской, уж в этом-то она была уверена. Он намеревался отплатить ей за все колючие замечания, которые она ему отпускала. Шпильки эти были вполне оправданными, ибо она не собиралась никому позволить обскакать себя только потому, что она женщина! Но в нынешней ситуации он вполне в состоянии отплатить ей...

И все же он поступил правильно и сейчас, по всей видимости, радовался, что поступил так, как надо было поступить.

Джилл, расплываясь в счастливой улыбке, поднялась к нему сквозь толпу, обняла за шею и разрыдалась. Он вложил ей глубоко в рот свой язык и похлопал по задку, но на этот раз ей нисколько не были противны эти непрощенные любезности. Фаербрасс вовсе не собирался воспользоваться ее эмоциями, и в его поведении не было ни малейшего намека на самодовольную снисходительность. Она, в конце концов, могла ему просто нравиться, а может быть, и сексуально привлекала его.

Анна, все еще улыбаясь, протянула ей руку и сказала:

— Мои искренние поздравления, Джилл.

Джилл пожала ее нежную и прохладную руку и ощутила иррациональное, почти непобедимое желание вырвать эту руку из сустава, но ответила:

— Очень признательна вам, Анна.

Торн помахал ей рукой и что-то крикнул, надо думать, поздравительное. Однако подойти к ней поближе не пытался.

Через минуту она, еще в слезах, выскочила из бального зала. Но еще до того как Джилл добралась до дома, она успела возненавидеть себя за то, что выдала всем свои чувства. Она никогда не плакала на людях, не проронила и слезинки даже на похоронах родителей.

Слезы высохли, стоило ей подумать об отце с матерью. Где они сейчас? Что делают? Как было бы здорово повидать их снова! Именно так — здорово. Она не хотела бы жить рядом с ними. Они уже не были ее стариками — седыми, морщинистыми и толстыми, у которых один свет в окошке — внуки. Они должны выглядеть такими же юными, как и она, и имели бы с ней мало общего, за

исключением каких-то общих воспоминаний. Они быстро надоели бы ей и *vice versa*. Было бы невозможно притворяться, что отношения ребенок—родители все еще существуют.

Кроме того, она думала о своей матери как о ничтожестве, как о тени отца, который был крикливым, бешеным и стремящимся к господству человеком. Она его не так уж и любила, хотя и погоревала немного, когда он умер. Но это потому, что она грустила о том, что могло бы быть, а не о том, что было.

А вообще-то вполне возможно, что они опять умерли.

Впрочем, разве сейчас это имело бы какое-нибудь значение?

Нет, не имело бы. Но тогда откуда же этот, уже второй за вечер, поток слез?

ГЛАВА 43

— Ладно, ребята, вот мы и снова собрались вместе! На этот раз повод — будь здоров! Мы стартуем! Вперед к Великому Граалю, к Туманной Башне, к владениям Санта-Клауса на Северном полюсе, к святому Нику, раздающему нам дары воскрешения, вечной юности, даровой жратвы, выпивки и табака!

Сейчас тут собралось не меньше миллиона народу. Трибуны полны, холмы облеплены людьми, люди валяются с деревьев. У полиции дьявольская работа по поддержанию порядка. Отличный день — не правда ли, лучше, чем всегда? Поорать — это прекрасно, но я не думаю, что вы услышите хоть одно слово из того, что я говорю вам, даже через систему усилителей. Поэтому, ребята, пью за вас!

Ага, кто-то из вас все-таки расслышал! Шучу, ребята, просто стараюсь привлечь ваше внимание. Давайте-ка я расскажу вам опять о «Парсевале». Я знаю, у вас у всех есть проспекты, описывающие этот колоссальный воздушный корабль, но большинство из вас не умеет читать. Это, конечно, не ваша вина! Вы говорите на эсперанто, но у вас не было возможности научиться читать на нем. Ну и что ж, пусть! Только помолчите немного, и я смочу свою пересохшую глотку доброй порцией «черепного цвета»...

Ах-ах! Вот это ш-ш-шикарно! Плохо только, что я сегодня утоляю жажду с самого рассвета, а потому мне несколько затруднительно глядеть на белый свет. Даже думать противно о завтрашнем утре, но черт с ним! В этом мире приходится платить за все хорошее... не говоря уж о других мирах.

Вот он стоит, ребята, хотя вряд ли есть необходимость указывать вам на него. Тот самый «Парсеваль». Назван так Фаерброссом в честь человека, впервые в этом мире предложившего построить дирижабль, хотя после этого было немало споров о том, какое имя должно быть написано на этих серебристых боках.

Третий помощник Метцинг хотел назвать его «Граф Цеппелин-III» по имени человека, который первым создал дирижабль для перевозки грузов на регулярных линиях и особенно прославился военными цеппелинами.

Первый помощник Галбирра считала, что дирижабль следует назвать «Адам и Ева» в честь всей человеческой расы, поскольку дирижабль является нашим общим детищем. Она предложила еще названия «Королева небес» и «Титания»; последнее неизбежно приводит нас на память «Титаник», а вы знаете, что случилось с этим кораблем.

Ах нет, не знаете! Я позабыл, что большинство из вас о нем и не слыхивали.

Один из инженеров, сейчас не могу вспомнить, кто именно, был членом команды несчастной «Шенандоа» и хотел назвать наш корабль «Серебряным облаком». Так назывался аэростат в книге под названием «Том Свифт и его большой дирижабль».

Другой предлагал назвать его «Анри Жиффор» по имени француза, который летал на первом управляемом аэростате. Очень жаль, что Анри нет с нами и он не может видеть кульминации дирижаблестроения, высшей точки искусства воздухоплавания, последнего, лучшего и величайшего из всех воздушных кораблей. И очень жаль, что все человечество не может собраться здесь и увидеть этот вызов Богам, эту Летающую Боевую Перчатку, брошенную в лицо силам там — наверху!!!

Извините меня на минутку, ребята. Время для нового возлияния в честь богов, которое прольется в эту пересохшую глотку, вместо того чтобы оросить сухую землю.

Ах-х-х! Отлично, ребяташки. Пейте со мной! Спиртяга даровой, за счет заведения, которое именуется государством Пароландо!

Итак, ребятки, наш уважаемый экс-президент Милтон Фаербрасс, он же экс-американец и экс-астронавт, решил назвать этого колосса «Парсеваль». А поскольку он тут главный босс, главный энчилада* и хозяин, поэтому корабль так и поименовали.

Поэтому... о да, я начал было выдавать вам статистику... Капитан Фаербрасс хотел построить величайший дирижабль всех времен и народов, и он этого добился. Большого корабля никогда не будет построено, поскольку быть того не может никогда! Может, ему следовало назвать корабль «Последний и наилучший»?

Итак, «Парсеваль» имеет 2680 футов, или 820 метров, в длину. Его самый большой диаметр 1112 футов, или 328 метров. Он берет 120 000 000 кубических футов, или 6 360 000 кубических метров, газа.

Оболочка состоит из специально обработанного дюрала и содержит 8 больших отсеков для газа и еще два малых — на носу и на корме. Первоначально предполагалось придать дирижаблю 13 наружных гондол — рулевую гондолу и 12 моторных, в каждой из которых установлено по два мотора. Помещение гондол снаружи диктуется опасностью возгорания со стороны легковоспламеняющегося водорода. Но испытания материала, из коего должны были быть сделаны перегородки между газовыми отсеками, показали, что этот

* Мексиканские блинчики с мясом и перцем.

материал — внутренности «речного дракона» — испускает газ... Шутка, ребята! А потому Фаербрасс приказал своим ученым создать пластик, который, так сказать, не пускал бы ветры!

Так они и сделали — ведь когда Фаербрасс говорит «прыгай!», то все тут же мчатся устанавливать новый рекорд — и... Что? Мой помощник — Рэнди — говорит, что все не могут одновременно устанавливать один рекорд. Ну и что? Важно, что протечки водорода сведены к нулю.

Поэтому гондола управления и моторные гондолы находятся *внутри* корпуса, за исключением носовой и кормовой гондол.

Водород, между прочим, чистый на все 99,999 процента!

В дополнение к команде из 98 мужчин и женщин «Парсеваль» несет два вертолета, каждый на 32 человека, и глайдер на двух человек.

А вот парашютов нет. Сотня парашютов — большой груз, а потому было решено не брать их вообще. Вот пример настоящей уверенности в качестве! Кстати, у них ее куда больше, чем у меня!

Взгляните же на него, ребята! Ничего себе штучка получилась! Солнце сияет на его боках, вроде как он и есть слава Божия! Прекрасен, великолепен, потрясающ!

Великий день для человечества! А вот и оркестр, он играет увертюру к «Одинокому рейнджеру». Ха-ха! Просто такая шуточка, объяснение которой вам потребовало бы слишком много времени, ребята! На самом деле это увертюра к «Вильгельму Теллю», музыка Россини, кажется. Выбрана Фаербрассом, чтоб сопровождать старт, поскольку он помешан на этом бешеном отрывке. Да и другие почитатели есть, некоторых из которых я вижу в толпе в эту самую минуту.

Дай-ка мне еще стаканчик амброзии, Рэнди! Рэнди — это мой помощник и магистр наук, ребята, автор научно-фантастических книг на Земле, а теперь главный контролер качества на всех спиртовых заводах Пароландо! Что можно приравнять к назначению волка сторожем при бифштексе.

А-ах! Роскошная штука! А вот и «Парсеваль» выводят из ангара! Его нос прикреплен к единственной в мире передвижной якорной мачте. Старт начнется буквально через несколько минут. Мне хорошо видно через лобовое стекло, что происходит внутри рулевой гондолы, или «мостика».

Человек в середине, сидящий за пультом управления — уверен, и вы можете видеть его голову, — главный пилот Сирано де Бержерак. В свое время он был еще и писателем, писал романы о путешествиях на Луну и Солнце. Теперь он сидит в гондоле воздушного корабля, подобного которому он и во сне увидеть не мог, как не мог представить и себя отправляющимся в такое путешествие. Полет к Северному полюсу планеты, о которой никто, ни единая душа на Земле, насколько мне известно, даже в самых диких фэнтези не читывала! И он будет парить там в голубой выси в величайшем из когда-либо построенных цепепелинов, в самом великом из всех, которые могут быть построены в будущем!

Направляющийся к легендарной Башне в холодном мгlistом море! Воздушный рыцарь, постземной сэр Галахад в поисках Великого Грааля!

Сирано командует всей операцией один. Корабль полностью автоматизирован, его моторы, и рули направления, и рули подъема — все они управляются с пульта управления всякими электротехническими штучками-дрючками. Нет нужды иметь рулевых направления или рулевых подъема, нет нужды в телеграфных сигналах инженерам-мотористам, как то бывало в старинных дирижаблях. Всего лишь один человек может пилотировать корабль все время полета к полюсу, если, конечно, он способен не дрыхнуть трое с половиной суток, то есть все предполагаемое полетное время. Более того, теоретически корабль может лететь и сам, без единой живой души на борту!

А справа от Сирано сидит капитан, наш дорогой Милтон Фаербрасс. В данный момент он приветствует того, кто сменил его на посту президента — нашего популярнейшего Иуду П. Бенджамена, некогда жителя Луизианы и бывшего генерального прокурора бывших, но не обязательно ныне оплакиваемых Конфедеративных Штатов Америки.

Что такое? А ну-ка, убери лапы, приятель! Я ведь не намеревался оскорблять каких-нибудь граждан покойной Конфедерации. Заберите этого пьяного остолапа, полицейский!

А вон там — крайний слева — стоит пилот и третий офицер «Митя» Никитин. Он дал слово не пить во время полета и не прятать самогон за баллонами с газом, ха-ха!

Справа от Никитина — первый помощник Джилл Галбирра. Вы доставили нам немало неприятностей, миз Галбирра, но мы восхищаемся...

А вот и снова трубы. Какой рев! Вон капитан Фаербрасс машет нам рукой. Пока, *mon capitaine, bon voyage!** Держите нас в курсе по радио!

А вот отдают концы на корме. Дирижабль слегка колышется, но нет — он уже успокоился. Я вижу, что балансировка проводилась часа два назад. Корабль столь хорошо ура... уро... вновешен, что один человек, стоя под его колоссальной массой, мог бы поднять эту махину одной рукой.

А сейчас отсоединяют от мобильной якорной мачты нос корабля. Сбрасывают немного водяного балласта. Извините, ребята! Мы ж говорили вам, что надо отойти подальше, хотя кое-кто из вас наверняка нуждается в хорошем душе.

Вот он слегка приподнимается! Ветер сносит его назад, к югу. Но пропеллеры уже начали вращаться под углом, направляя дирижабль вверх и к северу.

Пошел! Больше гор, легче перышка! К Северному полюсу и к Темной Башне!

* До свидания, капитан, счастливого пути! (фр.)

Боже, кажется, я плачу! Должно быть, хватил лишку из чаши прощальной!

ГЛАВА 44

А высоко-высоко над миром поблескивала громада воздушного корабля, ниточкой втягиваясь в игольное ушко голубизны.

С высоты 6,1 километра, или немного больше 20 000 футов, команде «Парсеваля» открывался обширный вид на Мир Реки. Джилл, стоя у передней обзорной панели, видела извивающиеся параллели долин, бегущих к северу и югу прямо под ней, но делающих крутой изгиб к востоку, примерно в двадцати километрах от нее. Затем эти линии изгибались, как узкие малайские крисы, и тянулись на 100 километров волнистыми клинками одна за другой, пока не поворачивали на северо-восток.

То и дело Река отражала стрелы солнечных лучей. Миллионы людей на ее берегах и на самой Реке с такой высоты не были различимы, и даже самые крупные суда походили на плавники плывущего у самой поверхности воды «речного дракона». Мир Реки выглядел так, как, вероятно, выглядел перед Днем Воскрешения.

Фотограф в носовом куполе вел первую аэрофотосъемку планеты. И последнюю. Фотоснимки будут сравниваться с данными о меандрировании Реки, сообщенными по радио «Марком Твенном». Но все равно на карте, которую составляет картограф «Парсеваля», будут большие «белые пятна». Колесный корабль плавал далеко на юге — где-то у границы южной полярной области, где побывал уже несколько раз. Поэтому картограф дирижабля мог лишь сравнивать его описания с картами, изготовленными на основе данных парусных кораблей, плавающих в Северном полушарии.

Зато картографу было по силам с помощью своей камеры и ее широкоугольного объектива разом покрыть те области, где «Марк Твен» окажется только в будущем.

Одновременно с фотосъемкой шли радарные измерения высоты горных стен между долинами. Пока наибольшая высота их достигала 4564 метров, или 15 тысяч футов. В большинстве же случаев она равнялась 3048 метрам, или 10 тысячам футов. Местами же стены поднимались лишь до 1524 метра — 5 тысяч футов.

До прибытия в Пароландо Джилл, как и многие другие, с кем она разговаривала, считала, что горы имеют высоту от 4564 до 6096 метров. Это были глазомерные прикидки, и, насколько ей было известно, вести инструментальные измерения тут никто и не пытался. И только когда она приехала в Пароландо, где уже имелись инструменты конца XX века, она узнала более точные данные.

Возможно, эффект близости горных стен создавал столь ошибочное представление. Они поднимались круто вверх, отвесные и такие гладкие после первых 305 метров, что взобраться по ним было просто немыслимо. Часто горы были наверху «толще», чем у основания, так что нависали карнизом над подножием и были

недостигаемы даже для альпинистов, вооруженных стальными крюками, а такие, насколько знала Джилл, были только в Пароландо.

На вершинах ширина гор составляла 403 метра, или чуть больше четверти мили. И тем не менее и эти сравнительно мало-мощные пласты горной породы были непреодолимы без стальных буров и динамита. Конечно, можно было представить себе, что ты плывешь по Реке на север против течения, пока она не загибается и не начинает опять течь к югу. Там, при наличии бурового оборудования и взрывчатки, ты буришь дыру сквозь горную стену. Но кто скажет, сколько непреодолимых горных гряд тянется за этой побежденной тобой грядой?

«Парсеваль» преодолел северо-восточные, приземные воздушные течения экваториальной зоны. Пройдя штилевые широты, он воспользовался попутным ветром умеренной зоны. За 24 часа дирижабль пролетел расстояние, равное расстоянию от Мехикосити до южного берега Гудзонова залива в Канаде. Прежде чем истекут вторые сутки, он должен был бы войти в область встречных ветров арктической зоны. О том, насколько они сильны, не знал никто. Ведь циркуляция атмосферы на этой планете должна была сильно отличаться от земной, благодаря отсутствию разницы в атмосферном давлении между континентами и океанами.

Различия в высоте гор и ширине долин экваториальной зоны и умеренной бросались в глаза. Горы в жарких широтах обычно были выше, а долины уже.

Сочетание узких долин с высокими горами создавало здесь условия, сходные с теми, что существуют в шотландских гленах*. В умеренных зонах дожди выпадали ежесуточно, начинаясь около 15 часов (или 3 часов дня), а в экваториальных грозы, сопровождаемые ливнями, зарождались обычно примерно в 3 часа утра. В тропиках же подобные явления наблюдались реже или, во всяком случае, их считали тут более редкими. Ученые Пароландо подозревали, что в горах спрятаны своего рода дождевальные машины, которые и обуславливают столь точное расписание дождей. Конечно, энергетические затраты в этом случае должны быть непомерны, просто непредставимо колоссальны. Но существа, которые могут обеспечить 36 миллиардов человек тремя ежедневными трапезами с помощью преобразователей энергии в материю, могли, разумеется, сконструировать и суточные изменения климата.

Каковы были источники этой энергии? Этого не знал никто, но наиболее вероятным ответом было использование тепла раскаленного ядра планеты.

Существовало мнение, что между корой планеты и ее глубинными зонами лежит своего рода металлический щит. Отсутствие вулканической деятельности и землетрясений в какой-то мере подкрепляло эту дикую гипотезу.

* Узкие долины в горах Шотландии.

Поскольку на планете не было ни ледяных шапок, ни больших водных масс, которые могли бы создавать температурный градиент, сравнимый с земным, режим ветров тут должен был быть совсем другой. Но пока их общий характер мало чем отличался от земного.

Фаербрасс решил опустить корабль до высоты 3600 метров — немного выше 12 000 футов. Возможно, тут ветер будет послабее. Вершины гор теперь находились лишь в 610 метрах, или 2000 футах, ниже корабля, и эффект восходящих и нисходящих потоков воздуха в это время суток был достаточно сильным. Способность изменять наклон пропеллеров быстро скомпенсировала эти чередующиеся прыжки вверх и вниз. Зато скорость движения существенно возросла.

Около 15 часов Фаербрасс приказал поднять дирижабль над дождевыми облаками. В 16 он снова спустил его ниже, и «Парсеваль» величественно плыл над долинами. Когда солнце зайдет, горизонтальные и вертикальные воздушные потоки должны ослабнуть, и корабль пойдет ровнее.

Когда пришла ночь, водород в отсеках охладился, и кораблю пришлось задрать нос еще выше, чтобы придать ему динамический подъем, компенсирующий некоторое снижение плавучести.

Герметизированная рубка управления отапливалась с помощью электрообогревателей. И все же ее обитатели сидели в теплой одежде. Фаербрасс и Пискатор курили сигары, большинство остальных — сигареты. Вентиляторы всасывали дым, но недостаточно быстро, чтобы полностью удалить сигарный запах, который Джилл ненавидела.

Детекторы, улавливающие содержание водорода в воздухе и помещенные вблизи газовых отсеков, должны были подать сигнал тревоги в случае утечки. Тем не менее курить разрешалось только в пяти местах — в рулевой гондоле (или на «мостике»), в каюте, находившейся примерно на середине продольной оси дирижабля, во вспомогательной рубке управления в нижнем хвостовом «плавнике» и каютах, прилегающих к помещениям команды на носу и корме.

Барри Торн — первый офицер хвостовой секции — отрапортовал о показаниях магнитометра. Согласно этим показаниям, Северный полюс Мира Реки совпадал с северным магнитным полюсом. Магнитное поле было гораздо слабее земного. Более того, оно было столь слабым, что его было бы невозможно засечь и измерить без помощи приборов, изобретенных лишь в конце 1970-х годов.

— Что означает, — расхохотался Фаербрасс, — что в одной и той же точке находится целых три полюса — планетный, магнитный и Башня. Ну а если б в нашем экипаже был хоть один поляк, то их стало бы у нас четыре!*

* Игра слов, основанная на том, что по-английски полюс (pole) и поляк (Pole) пишутся и произносятся одинаково.

Радио сегодня работало замечательно. Корабль летел высоко над горами, а передатчик «Марка Твена» находился на привязном аэростате, запущенном с корабля.

— Можете говорить, сэр, — сказал Окузо.

Фаербрасс сел рядом с самоанцем и заговорил:

— Сэм, говорит Фаербрасс. Мы только что получили известие от Грейстока. Он в пути, идет на северо-запад, готов изменить курс в ту же минуту, как получит сведения о местонахождении «Рекса».

— В некотором смысле я надеюсь, что вы не обнаружите Дерьмового Иоанна, — ответил Сэм. — Я с наслаждением схватился бы с ним и лично утопил его. Может, это было бы и не слишком практично, зато здорово согрело бы душу. Я же по натуре не мстительный человек, Милт, но эта гиена заставит и самого святого Франциска сгорать от желания пинком сбросить его с утеса к чертовой матери!

— «Минерва» несет четыре сорокашестикилограммовые бомбы и шесть ракет с девятикилограммовыми боеголовками, — сказал Фаербрасс. — Если будут хоть два прямых попадания бомбами, корабль вероятней всего пойдет ко дну.

— И даже тогда этот коронованный ворюга может спокойно и в добром здравии добраться до берега, — возразил Клеменс. — Ему везет, как и всем прохиндеем. И как я его тогда разыщу? Нет, мне нужен его труп. А если он будет взят живьем, я желаю лично свернуть ему шею.

— Клеменс говорит слишком уж жестко для человека, ненавидящего насилие, — шепнул де Бержерак Джилл. — Впрочем, это вполне естественно, если учесть, что враг находится по меньшей мере в 60 000 тысячах километров от Клеменса.

Фаербрасс рассмеялся и сказал:

— Ладно, если ты сам не сможешь открутить ему башку, Сэм, то твой Джо как раз подходящая личность для такой работенки.

Нечеловечески глубокий бас пророкотал:

— Нет, я оторву к чертям его ручки и ножки. А затем Зэм может крутить ему башку, чтоб тот понял, куда попал. Ему может не понравится то мезто, куда он отсюда отправится...

— Оторви ему одно ухо за меня, — сказал Фаербрасс. — Старина Иоанн почти достал меня, когда начал пулять в мою сторону. Джилл решила, что разговор шел о битве за «Внаем не сдается», когда король Иоанн украл его.

Фаербрасс продолжал:

— Согласно расчетам, «Рекс» должен быть где-то в часе лета от нас. Вы тоже должны быть где-то в тех же местах, примерно в ста сорока километрах к западу от «Рекса» по прямой. Конечно, наши расчеты могут оказаться и ошибочными. Ведь «Рекс» мог идти с гораздо меньшей скоростью, чем мы предположили, или король Иоанн мог поставить его на ремонт в док, или вообще решил дать команде длительный отпуск на берегу.

Разговор продолжался еще около часа. Клеменс захотел поговорить со многими членами экипажа, преимущественно с теми, кого

он знал еще до отплытия из Пароландо. Джилл заметила, что с де Бержеракон он общаться не стал.

Как раз когда Сэм уже был готов отключиться, радист объявил, что «Рекс грандиссимус» уже виден.

ГЛАВА 45

Оставаясь на высоте 452 метра, «Парсеваль» кружил над кораблем. С этой высоты корабль смотрелся как игрушка, но быстро увеличенные фотографии показывали, что это действительно судно короля Иоанна. Корабль был великолепен. Джилл подумала, что разрушать такое прекрасное судно просто позор, но вслух этого не высказала. Фаербрасс и де Бержерак питали слишком сильные чувства к человеку, который когда-то захватил их любимый легендарный речной пароход.

Окузо передал координаты Грейстоку, который сказал, что «Минерва» может прибыть к «Рексу» уже на следующий день. Он затребовал также и местонахождение «Марка Твена».

— Я хотел бы пролететь над ним, чтоб Сэм мог полюбоваться на воздушный корабль, который собирается потопить «Рекса», — пояснил Грейсток.

— Тебе для этого не придется сильно удлинять свой маршрут, — ответил Фаербрасс, — а Сэму доставит колоссальное удовольствие.

Окончив разговор с Клеменсом, Фаербрасс сказал:

— Я полагаю, что Грейсток совершает чистое самоубийство. «Рекс» набит ракетами и несет два аэроплана, вооруженных ракетами и пулеметами. Все зависит от того, сможет ли Грейсток захватить «Рекса» врасплох или нет. На это шансов мало, если радар засечет «Минерву». Конечно, радар может быть выключен. Зачем им его включать? Для навигации в дневное время вполне достаточно и сонара.

— Да, — отозвался Пискатор, — но люди на «Рексе», должно быть, видели нас. Они начнут прикидывать, кто мы такие, и вполне вероятно, что воспользуются радаром, ибо насторожатся.

— Я тоже так думаю, — сказала Джилл. — Они быстро сообразят, что только Пароландо способно строить дирижабли.

— Что ж, посмотрим. К тому времени когда «Минерва» доберется до «Рекса», мы уже перелетим через Полярные горы. Не думаю, что в тех местах хороший радиоприем. Нам придется подождать новостей до возвращения оттуда.

Говоря это, Фаербрасс сохранял на лице весьма мрачное выражение, будто совсем не был уверен, вернется ли «Парсеваль» из своего полета.

Солнце скрылось за горизонтом планеты, хотя на этой высоте небо еще долго оставалось освещенным. Наконец пришла ночь со своими сверкающими звездами, туманностями и грозowymi облаками. Джилл еще несколько минут поговорила с Анной Обреновой, прежде чем отправиться в свою каюту. Маленькая русская казалась

довольно дружелюбной, но было в ее манерах нечто, говорившее о внутреннем напряжении. Неужели она и в самом деле оскорблена тем, что не получила места старшего помощника?

Прежде чем уйти к себе, Джилл предприняла прогулку по коридору с пониженным давлением, дойдя до кормовой секции. Здесь она выпила кофе и поболтала с офицерами. Был тут и Барри Торн, но он тоже почему-то нервничал и даже куда больше, чем обычно. Может быть, подумала Джилл, он все еще страдает от того, что Обренова его отвергла? Если причина их ссоры была именно такова?

И тут она вспомнила, что эти двое говорили на неизвестном ей языке. Сейчас было не время спрашивать об этом Торна. Вполне возможно, что у нее вообще никогда не будет удобного повода выяснить этот вопрос. Ведь начать такой разговор — значит признать, что она тогда подслушивала.

С другой стороны, ей было ужасно любопытно. Нет, когда-нибудь, когда не будет более важных дел, требующих неотложного внимания, она все же спросит Торна. Она скажет, что случайно проходила мимо — что чистая правда — и услышала несколько слов их диалога. В конце концов, раз она не поняла ни слова, значит, она не подслушивала, так ведь?

Джилл ушла в свою каюту, забралась в койку и почти сразу же уснула. В 04.00 свист интеркома разбудил ее. Она отправилась в рулевую рубку, чтобы сменить Метцинга — третьего помощника. Он еще немного побыл с ней, рассказывая о всевозможных случаях в бытность его капитаном L-1, а потом ушел. Джилл было почти нечего делать. Пискатор очень компетентный пилот, а атмосферные условия вполне нормальны. Более того, японец включил автопилот, хотя сам частенько поглядывает на приборную консоль.

В рубке присутствовали еще двое — радист и радарщик.

— Мы должны увидеть горы около 23.00, — сказала Джилл.

Пискатор вслух подумал, так ли они высоки, как определил Джо Миллер. Титантроп говорил, что их высота около 20 000 футов, или 6096 метров. Джо, однако, довольно плохо оценивал расстояния и уж, во всяком случае, плохо умел переводить их в метрические или английские меры.

— Узнаем, когда доберемся, — ответила Джилл.

— Не знаю, позволят ли нам таинственные обитатели Башни вернуться назад? — сказал Пискатор. — Или хотя бы войти в Башню?

На этот вопрос ответ был тот же, что и на первый — Джилл просто промолчала.

— Впрочем, может быть, — продолжал Пискатор, — они все же разрешат осмотреть Башню.

Джилл закурила сигарету. Она была спокойна, но знала, что когда они подлетят к горам, то она как минимум ощутит страх. Они ведь окажутся на пороге входа в Запретное, в Табу, в Замок-Откуда-Нет-Возврата.

Пискатор, улыбаясь и посверкивая глазами, сказал:

— Вам когда-нибудь приходила в голову мысль, что некоторые из *них* могут оказаться на нашем корабле?

Джилл чуть не задохнулась — так глубоко втянула она в легкие табачный дым. Когда она прокашлялась, то с трудом прохрипела:

— Какого черта вы имеете в виду?

— У *них* могут быть агенты среди нас.

— Какие у вас основания так думать?

— Просто подумалось, — ответил он. — В конце концов, разве не резонно предположить, что *они* следят за нами?

— Полагаю, что вы видите гораздо больше, чем признаетесь. Что заставляет вас так думать? Почему бы вам не поделиться со мной?

— Потому что пока это лишь рассуждения праздного ума.

— Если это рассуждения праздного ума, как вы их называете, тогда нет ли среди нас кого-то, кого вы подозреваете, что он один из *них*?

— Было бы преждевременно говорить об этом, даже если б такой человек и был. Я не хотел бы указывать пальцем на ни в чем не повинных людей.

— Уж не *меня* ли вы подозреваете?

— Ну разве я не был бы круглым дураком, если б сказал, что да? Нет, все это пока лишь мысли вслух. Очень прискорбная привычка, от которой я бы охотно отделался.

— Что-то я не помню, чтоб вы когда-нибудь думали вслух.

Джилл не стала настаивать на продолжении разговора, поскольку Пискатор ясно дал понять, что не собирается ничего добавлять к сказанному. Остальное время вахты она продолжала обдумывать — что такое мог он заметить, а потом сложить вместе, чтоб получить имеющий смысл узор? Эти усилия наградили ее лишь головной болью, и она пошла спать, чувствуя себя совершенно разбитой. А что, если он просто подначивал ее?

Во второй половине дня, всего лишь двумя минутами раньше предсказанного ею времени, на горизонте возникли вершины Полярных гор. Они выглядели как облака, но радар нарисовал истинную картину. Это были горы. Вернее, это была сплошная горная стена, окружающая море. Фаербрасс прочел данные о ее высоте и застонал:

— Их высота 9753 метра! То есть выше Эвереста!

У него была вполне основательная причина стонать, да и другие тоже встревожились. Дирижабль не мог подняться выше 9144 метров, и Фаербрасс заколебался бы даже в том случае, если б им пришлось подниматься до этого предела. Теоретически это было то предельное давление, которое могли выдержать газовые отсеки. Идти выше означало, что автоматические вентили в верхней части отсеков начнут выпускать водород в атмосферу. Если они этого не сделают, отсеки взорвутся, так как будет достигнут их лимит расширения объема.

Фаербрасс не хотел подводить корабль к предельной черте. Случайно попавший теплый слой наружного воздуха мог привести

к еще большему расширению отсеков, и плавучесть корабля стала бы столь высокой, что нарушила бы требования безопасности. При этих условиях корабль быстро взмыл бы вверх.

Тогда пришлось бы немедленно вмешаться пилоту — опустить нос корабля и наклонить пропеллеры так, чтобы он круто пошел к земле. Если же этот маневр почему-либо не удался бы, газ, расширяясь при снизившемся атмосферном давлении, так стал бы давить на стенки отсеков, что они могли бы не выдержать и лопнуть.

Но даже если б дирижабль вышел благополучно из этой переделки, потеря газа, выпущенного через автоматические вентили, означала бы, что он стал тяжелее. Единственный же способ облегчить его — сбросить балласт. Но если балласта будет сброшено много, «Парсеваль» снова станет слишком легким...

— Если горное кольцо имеет всюду одинаковую высоту, значит, нас поймали. Но Джо говорил... — начал Фаербрасс.

Он долго стоял в глубокой задумчивости, наблюдая, как темная враждебная масса гор все ближе надвигается на них. Под ними змеей извивалась Долина, покрытая вечным туманом — владыкой этих мест. Они уже миновали последние питающие камни из двойной цепочки, тянувшейся по обоим берегам Реки. Радар и инфракрасные визоры подтверждали, что холмы и здесь по-прежнему покрыты густой и высокой растительностью. Еще одна загадка! Как могут существовать деревья в этом холодном тумане?

— Спусти дирижабль до 3050 метров, Сирано. Я хочу лучше рассмотреть самые верховья Реки.

Говоря «рассмотреть», Фаербрасс имел в виду радарное изображение. Увидеть что-либо через слой мощных бурлящих облаков, скрывающий громадную пещеру у основания гор, не смог бы никто. Радар же показал колоссальный выход Реки — разрыв в горах шириной в 4,9 километра, или чуть больше 3 миль. Самая высокая точка этой арки лежала на высоте 3,5 километра.

Мощная Река текла примерно три километра по прямой, а затем срывалась с уступа и отвесно падала 915 метров, то есть более 3000 футов.

— Джо преувеличивал, конечно, говоря, что вся луна могла бы сплыть по Реке там, где она выходит из гор, — сказал Фаербрасс, — но вид все равно впечатляющий.

— Да, — отозвался Сирано, — действительно грандиозно. Однако ветры тут дуют невероятно мощные.

Фаербрасс распорядился поднять «Парсеваль» на большую высоту и проложить курс параллельно горам на расстоянии 12 километров от них. Сирано пришлось придать кораблю крен и сильно изменить угол расположения пропеллеров, чтобы не дать ветру снести их на юг; он повел дирижабль вдоль громаздящейся над ними горной цепи.

Между тем радист пытался наладить контакт с «Марком Твенном».

— Продолжай попытки, — приказал ему Фаербрасс. — Сэм хочет знать, как наши дела. А меня интересует, как там поживает «Минерва».

Всем остальным Фаербрасс объяснил:

— Я ищу прорыв в этих горах. Он обязательно должен быть. Джо сказал, что солнце на мгновение сверкнуло сквозь дыру или то, что он посчитал дырой. Самого ущелья он не видел, но, поскольку солнце тут никогда не поднимается над горизонтом выше чем наполовину, оно не могло осветить море иначе как через прорыв, начинающийся почти прямо на уровне подножия.

Джилл задумалась над тем, почему *те*, кто построил этот могучий барьер, зачем-то оставили в нем дыру?

В 15.00 радар показал, что в вертикальной стене действительно есть разрыв. Теперь дирижабль уже плыл выше гор, тянувшихся перед главной стеной. Эти горы не такие, как сплошное кольцо, окружающее море; это были отдельные пики, некоторые из которых достигали лишь 3040 метров. Когда дирижабль приблизился к прорыву в кольце, все увидели, что между более низкими горами и стеной кольца лежит громадная долина.

— Настоящий Большой Каньон, точно такой, как ты его мне описывал, — сказал Сирано. — Колоссальный разлом. Никто не сможет спуститься по его склонам, разве что воспользуется веревкой длиной 610 метров. Да и по другой стене вверх тоже не влезешь. Высота тут одинаковая, а стены гладенькие, как задница моей любовницы.

От противоположной стороны более низких гор отходила гряда, тянувшаяся вдоль русла Реки. Если бы нашелся человек, который сумел бы преодолеть ближайшие высоты и выбрался из одной долины, ему пришлось бы тащиться по крутым и пересеченным склонам хребта шириной в 81 километр, или более 50 миль. После этого перед ним возникла бы новая и совершенно непроходимая долина.

— Гиннунгагап! — сказала Джилл.

— Что такое? — переспросил Фаербрасс.

— Это из скандинавской мифологии. Бездонная пропасть, в которой зародился Имир — предок и родоначальник расы свирепых великанов.

Фаербрасс фыркнул и бросил ей:

— А потом ты начнешь уверять меня, что здешнее море заселено демонами!

Фаербрасс выглядел совершенно спокойным и уверенным, но Джилл знала, что это всего лишь внешность. Если только нервы у него не сверхчеловеческой крепости, он переживает стресс, железы выделяют адреналин, кровяное давление лезет вверх. Думает ли он, как думает сейчас она, что у пульта управления должен был бы сидеть более опытный пилот? Рефлексы у француза и способности оценивать ситуацию, возможно, лучше, чем у всех остальных. Их всех проверяли десятки раз во время обучения и тренировок, ставя в искусственно созданные чрезвычайные ситуации.

Но... у Сирано все же нет тысяч часов полета на аэростатах в земных, то есть быстро меняющихся, природных условиях. До сих пор полет проходил без особых помех. Но дальнейшие полетные условия были неизвестны, а перелет над горами мог превратить дирижабль в игрушку неведомых сил. Не только мог. Должен был!

Здесь, на вершине мира, солнечные лучи были слабее, а потому и климат холоднее. Река, впадающая в Полярное море на другой стороне горного кольца, отдавала свое тепло, еще сохранившееся в ней после тысяч километров странствования по арктической области. Контакт холодного воздуха и теплых вод содействовал формированию густого тумана, о котором говорил Джо Миллер. И все равно воздух был там холоднее, чем в предгорьях. Тяжелый холодный воздух, копившийся внутри кольца, должен был стекать наружу. Джо описывал ветер, с ревом вырывающийся через туннель.

Джилл уповала, что Фаербрасс заменит Сирано ею. Или Анной, или Барри Торном — единственными людьми, обладающими большим опытом полетов. Оба последних, объективно говоря, были не хуже ее. Но она мечтала сама сесть за пульт управления. Только тогда она почувствовала бы облегчение. Вернее, столько облегчения, сколько позволит данная ситуация.

Возможно, Фаербрасс тоже думает об этом. Если так, то он не примет подобного решения, точно так же, как она никогда не рискнет высказать ему свое мнение. Неписанный, вернее, не сформулированный вслух кодекс чести не позволит им этого. Эта вахта — вахта Сирано. Приказать ему сдать вахту более квалифицированному пилоту — значит унижить его. Подобный поступок обнаружил бы недостаток доверия и представил бы Сирано в роли человека, недостойного звания мужчины.

Чудовищно! Абсолютно чудовищно! Ведь на кону судьба всей экспедиции и жизнь почти сотни людей!

И, несмотря на это, Джилл не проронила бы ни слова, даже будучи абсолютно уверенной, что сейчас на месте пилота нужна именно она. Подобно всем остальным, она по рукам и ногам связана кодексом чести. И неважно, что сейчас он угрожает их жизням. Она *не может* унижить Сирано. И выскажи она предложение сменить Сирано, униженной в первую очередь оказалась бы она сама.

Теперь они находились как раз напротив прорыва в горах. Это не было V-образное ущелье, как они предполагали. Это был точный круг, вырезанный в стене гор — дыра в 3 километра диаметром, примерно в тысяче метров над основанием стены. Сквозь дыру неслись облака, гонимые ветром, который, если б они могли слышать, наверняка оглушительно выл. Сирано предстояло направить дирижабль прямо в эту дыру и не позволить ветру снести его к югу. Даже с мотором, работающим на полную мощность, «Парсеваль» мог продвигаться сейчас лишь со скоростью 16 километров в час (меньше 10 миль в час).

— Ну и ветрюга! — сказал Фаербрасс. Он колебался. Воздух, стекающий с горных вершин, будет еще увеличивать силу ветра, дующего сквозь круглую дыру. А пилоту придется надеяться лишь на радар, оценивая близость стен этого гигантского отверстия.

— Если горы тут не шире, чем те, что тянутся вдоль Реки, — продолжал Фаербрасс, — то мы проскочим сквозь дыру быстрее собаки, прыгающей сквозь обруч. Однако...

Он стиснул зубами сигару и процедил, почти не разжимая губ:

— Что ж, води его прямо в эти адовы ворота!

ГЛАВА 46

Случайные совпадения событий всегда завораживали Фрайгейта.

Чистая случайность перевела его самого из *potentio* в *essems**.

Его отец родился и вырос в Терре-Хоте в Индиане, его мать — в Галене (Канзас). Практически у них не было ни малейшего шанса встретиться и зачать Питера Джейруса Фрайгейта, не правда ли? Особенно в 1918 году, когда люди, в общем, мало переезжали с места на место. Но его дед — красивый, богатый, картежник, любитель женщин и спиртного — Уильям Фрайгейт был вынужден предпринять деловую поездку в Канзас-Сити, что в Миссури. Он решил, что его старшему сыну Джеймсу было бы неплохо узнать кое-какие детали управления предприятиями отца, разбросанными по всему Среднему Западу. Поэтому он взял с собой этого двадцатилетнего юношу. Вместо того чтобы поехать на своем новом «паккарде», они воспользовались поездом.

Мать Питера в это время находилась в Канзас-Сити, где жила у своих родственников-немцев, пока обучалась в коммерческой школе. Хужер и Джейхок** никогда не слыхали друг о друге. У них не было ничего общего, кроме того, что они были люди-человеки и жили на Среднем Западе, то есть в районе куда более обширном, чем многие европейские страны.

И вот в один жаркий полдень будущая мамаша Фрайгейта зашла в аптеку, чтоб купить сэндвич и стакан взбитого молока. А его будущий отец, сидевший на деловом совещании между отцом и заводчиком, продающим сельскохозяйственные машины, от скуки пришел в состояние полного обалдения. Когда пришел час ленча, оба пожилых мужчины отправились в салун. Джеймс, не пожелавший напиваться так рано, отправился в аптеку. Там его ждали приятный аромат мороженого, экстракта ванили, шоколада, поскрипывание двух больших вентиляторов, укрепленных на потолке, вид длинной мраморной стойки, журналов, выставленных на специальном стенде, и трех очаровательных девушек, сидящих на

* Здесь: из возможности в действительность (*лат.*).

** Hoosier — шутовское прозвище жителей Индианы — мужлан, грубиян. Jayhawk — шутовское прозвище канзасцев — простак, болтун, деревенщина.

тонконогих металлических стульях вокруг маленького столика с мраморной столешницей. Он поглядел на них, как это сделал бы любой мужчина — старый или молодой. Потом сел, заказал шоколадную содовую и сандвич с ветчиной и захотел перелистать журналы, выставленные на стенде. Сначала он просмотрел их, а потом фантастический роман о путешествии во времени (в бумажной обложке). Подобная литература его не привлекала. В свое время он попробовал почитать Герберта Уэллса, Жюль Верна, Г. Райдера Хаггарда и Фрэнка Рида-младшего, но его твердая хужерская башка начисто отвергла подобную белиберду.

На пути назад, как раз когда он проходил мимо столика, за которым сидели три хихикающие девицы, ему пришлось сделать прыжок в сторону, чтоб избежать столкновения с полным стаканом кока-колы. Одна из девушек, рассказывая что-то и размахивая при этом рукой, сшибла его со стола. Если б отец не был настороже, его брюки промокли бы наверняка. Да и сейчас кое-что попало на башмаки.

Девушка извинилась. Джеймс ответил, что тут не о чем и говорить. Он представился и спросил, нельзя ли ему присесть за их столик. Девочки были рады поболтать с красивым юношей, приехавшим из далекого штата Индиана. Дальше — больше. Прежде чем девушки отправились в свою расположенную поблизости школу, он назначил свидание Тедди Гриффитс. Она была самой тихой и вовсе не самой хорошенькой, но что-то в этой тоненькой девушке с тевтонскими чертами лица, но с индейскими прямыми черными волосами и большими темно-карими глазами привлекло внимание Джеймса.

«Избирательное притяжение», назвал это Питер Фрайгейт, не устыдившись стащить это определение у Гете.

Процесс ухаживания в те дни был совсем не так прост и легок, как во времена Питера. Джеймсу пришлось отправиться в резиденцию Кайзеров на Саранчовую улицу — долгое путешествие на трамвае, после которого его представили дяде и тетке. Затем они сидели на крылечке в компании с этими родственниками, вкушая домашнее печенье и мороженое. Около восьми часов он и Тедди отправились погулять вокруг квартала, болтая о том о сем. Вернувшись, Джеймс поблагодарил ее родственников за гостеприимство и попрощался с Тедди, даже не поцеловав ее. Но они переписывались, и через два месяца Джеймс совершил вторую поездку, на этот раз в одной из отцовских машин. В этот его приезд они с Тедди немножко понежничали, преимущественно в заднем ряду местного кинотеатра.

В третий приезд он женился на Тедди. Они выехали сразу же после венчания, чтобы успеть на поезд в Терре-Хоту. Джеймс любил говорить своему старшему сыну, что того следовало бы назвать Пульманом. «Тебя зачали в поезде, Пит, поэтому мне хотелось, чтоб твое имя напоминало об этом событии, но твоя мать с этим не согласилась».

Питер не знал, верить отцу или нет. Тот был большой выдумщик. Кроме того, он не мог представить себе мать спорящей с отцом. Джеймс был невысок ростом, но настоящий бантамский петушок, домашний Наполеон.

Такова была последовательность случайных событий, которые повлекли за собой переход Питера Джейруса Фрайгейта из состояния возможности в состояние реального существования. Если бы старый Уильям не решил взять старшего сына в Канзас-Сити, если бы содовая не привлекла Джеймса сильнее пива, если бы девушка случайно не опрокинула стакан с кокой, то Питера Джейруса Фрайгейта попросту не существовало бы. Во всяком случае, не было бы той индивидуальности, которая сейчас носит это имя. А если бы его отцу ночью приснился сон, вызвавший у него семяизвержение, или он воспользовался бы презервативом брачной ночью, то он — Питер — тоже не родился бы. Или если той ночью родители не совершили бы полового акта, отложив это дело по каким-нибудь причинам, яйцо ушло бы или утонуло в менструальном тампоне.

А что сказать о том сперматозоиде — одном из 300 000 000, которому удалось обогнать всех остальных в погоне за яйцом?

Пусть побеждает тот, кто извивается быстрее других! Так оно и вышло. Но если подумать, то дело было очень близко к тому, чтоб Питера не возникло.

А за ним следовала орда его братьев и сестер *in potentio*, из которых далеко не всем было суждено осуществиться. Они умерли, либо опоздав, либо не появившись вообще. Какая безумная трата плоти и духа! Многие ли сперматозоиды несли в себе зачатки его воображения и писательского таланта? Или эти зачатки были заложены в яйце? Или они возникли при слиянии спермы и яйца, создав комбинацию генов, возможную лишь в сочетании данного сперматозоида с данным яйцом? Три его брата не обладали творческим воображением и почти начисто были лишены обычного. Его сестра имела пассивное воображение, она любила фэнтези и научную фантастику, но склонности писать не имела. Что вызвало эти различия?

Окружение вряд ли может это объяснить. Ведь прочие испытывали те же влияния, что и он. Отец купил ту библиотеку маленьких красивых книжек в обложках из искусственной кожи... как, черт побери, было имя ее издателя?.. Это была одна из популярнейших домашних библиотек поры его детства. Но остальных его кровных эти истории не увлекали. Они не влюблялись в Шерлока Холмса и Ирену Адлер в «Скандале в Богемии», они не жалели монстра из «Франкенштейна», не дрались под стенами Трои с Ахиллом, не спускались в ледяные глубины, чтоб искать Беовульфа и Гренделя, не переносили вместе с Одиссеем невзгод его странствий, не сопровождали Путешественника во времени Уэллса, не посещали странные дикие звезды Олив Шнейдер, не убегали от ирокезов вместе с Натти Бумпо. Не интересовали их и другие книги, которые покупали ему родители: «Странствия

пилигримов», «Том Соьер» и «Гекльберри Финн», «Остров сокровищ», «Арабские ночи», «Путешествия Гулливера». Они не рылись в небольшой местной библиотеке, где он впервые раскопал золото Фрэнка Баума, Ханса Андерсена, Эндрю Ланга, Джека Лондона, А. Конан Дойля, Эдгара Райса Берроуза, Редьярда Киплинга и Г. Райдера Хаггарда. Но не забыть бы и менее драгоценную серебряную руду: Ирвинга Крампа, А. Г. Хенти, Роя Роквуда, Оливера Кэрвуда, Джеффри Фарнолла, Роберта Сервиса, Энтони Хоупа и А. Хайят Верилл. Ведь в его личном пантеоне Неандерталец Ог и Рудольф Рассендил стояли почти вровень с Тарзаном, Джоном Картером Барсумским, Дороти Гейл из страны Оз, Одиссеем, Холмсом и Челленджером, Джимом Хокинсом, Аэшей, Алланом Квотермейном и Умслопогаасом.

В эту минуту самолюбие Питера приятно щекотала мысль, что он плыл на одном судне с человеком, послужившим моделью для легендарного Умслопогааса. А сам он работал палубным матросом для человека, породившего Бэка и Белого Клыка, Волка Ларсена, безымянного рассказчика из «До Адама», «Смока Беллью». Его безмерно радовало, что он ежедневно разговаривает с великим Томом Миксом, у которого не было равных в излюбленных приключенческих лентах Питера, если не считать Дугласа Фербенкса-старшего. Ах, если бы Фербенксы были тоже на борту! Но с тем же успехом можно было желать присутствия здесь и Дойля, и Твена, и Сервантеса, и Бёртона... Особенно Бёртона. И еще... но, пожалуй, на судне уже становится тесновато. Будь доволен тем, что есть. Впрочем, он никогда не бывал удовлетворен имеющимся.

Куда ж его так занесло? Ах да! Случайность — другое название Судьбы. Фрайгейт не верил, как верил Марк Твен, что все события, все черты характера человека твердо детерминированы.

«Со времени, когда первый атом великого Лаврентийского моря ударился о второй атом, наши судьбы предрежены». Что-то в этом духе сказал Марк Твен, вполне возможно, в своем пессимистичном эссе «Что есть человек?». Эта философия была спасением для тех, кто хочет укрыться от ответственности.

Не верил Фрайгейт и в то, во что верил Воннегут, этот Марк Твен XX века — что наши действия определяются исключительно химическим составом наших тел. Бог — это не Механик Великого Гаража на Небеси и не Божественный Нажиматель Кнопок. Если, конечно, он вообще существует. Фрайгейт не знал, что такое Бог, и часто сомневался, что Он есть.

Бог мог и не существовать, но Свободная Воля безусловно имела место. Правда, это была сила ограниченная, подавленная или испытывающая воздействие среды обитания, химикатов, мозговых травм, нервных заболеваний, лоботомий. Но человеческие существа не были простыми белковыми роботами. Ни один робот не мог менять настрой мозга и сам решать, как перепрограммировать себя, как вытащить себя наверх за ментальные шнурки от ботинок.

И все же мы рождаемся с различными генными комбинациями, и они до известной степени определяют наш интеллект, склонности, отношения, реакции — короче, наши характеры. Характер определяет судьбу, согласно одному древнему греку — Гераклиту. Но человек может изменить его/ее характер. Где-то там существует сила или сущность, которая говорит: «Я этого делать не буду», или «Никто не запретит мне делать то, что я хочу делать», или «Я был трусом, но сейчас я лев рыкающий!».

Иногда нам нужен внешний стимул или стимулятор, какой был у Железного Дровосека, у Страшилы и у Трусливого Льва. Ведь Волшебник дал им только то, чем они владели изначально. Мозги из смеси опилок, отрубей, булавок, иголок; шелковые сердца, набитые опилками; жидкость из квадратной зеленой бутылки с этикеткой «Смелость» — все это лишь безобидные возбуждающие лекарства.

С помощью мысли можно изменить свои эмоциональные реакции. Фрайгейт верил в это, хотя и не находил подтверждений в собственной практике.

Сам он был воспитан в семье приверженцев Христианской науки. Но когда ему исполнилось одиннадцать, родители послали его в пресвитерианскую школу, поскольку у них в это время наметился приступ религиозной апатии. Его мать в воскресные утра приводила в порядок кухню и ухаживала за детьми, а отец читал в это время «Чикаго трибун». Хочешь — не хочешь, а Фрайгейт ходил в воскресную школу, а потом слушал церковную службу.

Таким образом, он получил два противоположных религиозных воспитания.

Одно верило в свободную волю, в то, что зло и материя — иллюзия, и в Дух как единственную реальность.

Другое верило в предопределение. Бог выбирал там и здесь мизерное число избранных для спасения, а остальным предоставлял свободу катиться в ад. И без всяких объяснений, почему это так. Что бы вы ни делали, изменить ничего нельзя. Раз Божественный Выбор сделан, все кончено. Вы можете жить чистой жизнью, молиться до изнеможения и надеяться. Но когда наступит конец вашего земного существования, вы попадете в изначально предназначенное вам место. Овны — те, кого Господь по необъяснимым причинам отметил своей милостью, — будут сидеть справа от Него. А козлища, отвергнутые по тем же таинственным мотивам, сбрасываются через специально приготовленный люк — в огонь; и святые, и грешники — все равно.

Когда Фрайгейту было двенадцать, у него начались кошмары по ночам, в которых Мэри Бейкер-Эдди и Жан Кальвин* сражались за его душу.

* Мэри Эдди — основательница религиозной секты «Христианская наука»; Жан Кальвин — один из столпов Реформации, отличавшийся крайней религиозной нетерпимостью.

И не удивительно, что, когда ему исполнилось четырнадцать, он решил послать обе религии ко всем чертям. Со всеми их верованиями. И все же с ним осталась выжимка правил истового пуританизма. Его уста не произносили грязных слов; он вспыхивал, когда слышал похабный анекдот; не выносил запаха пива и виски; даже если б он любил их, он все равно отверг бы их с отвращением и с наслаждением купался бы в чувстве морального превосходства, сделав это.

Его отрочество было пыткой. В седьмом классе, когда его вызывали и просили повторить задание, его лицо краснело, а пенис рвался наружу из гультфика, восстав по зову огромных буферов учительницы. Вроде бы этого никто не замечал, но каждый раз, когда он поднимался, он был уверен, что тут же опозорится. И когда он сопровождал своих родителей в кино, где героиня появлялась в декольте или демонстрировала кусочек подвязки, он прикрывал ладонью местечко на штанах, чтоб скрыть мерещившееся ему шевеление плоти.

Яркий мигающий свет экрана обнаруживал его грех. Если б его родители знали, какие чувства булревают сына, они пришли бы в ужас. И он никогда бы не осмелился взглянуть им в лицо.

Дважды отец говорил с ним о сексе. Один раз, когда ему было двенадцать лет. Видимо, мать заметила кровь на банном полотенце и сказала об этом отцу. Джеймс Фрайгейт, сопровождая речь многочисленными «э-э...», «гм-гм...» и смущенной улыбкой, спросил сына, не мастурбирует ли он. Питер одновременно и испугался, и возмутился. Он отклонил обвинение, хотя его отец действовал так, будто он не очень-то поверил сыну.

Однако последующее расследование показало, что, принимая ванну, Питер просто не оттягивал крайнюю плоть, чтоб хорошенько промыть то, что находится под ней. Он не хотел дотрагиваться до пениса. В результате под кожей накапливалась смегма*. Каким образом это обстоятельство могло привести к кровотечениям, ни Питер, ни его отец не знали. Но Питеру посоветовали мыться более тщательно, когда он купается. Кроме того, ему сообщили, что от рукоблудия загнивает мозг, и в качестве примера привели местного деревенского дурачка — мальчика, который мастурбировал прилюдно. С серьезным лицом отец сказал Питеру, что всякий, кто грешит рукоблудием, обязательно превращается в слюнявого идиота. Возможно, отец искренне верил в это. Во всяком случае, многие люди его поколения верили. А может, он просто выдал эту леденящую дух басню, пережившую один Бог знает сколько столетий или даже тысячелетий, чтоб хорошенько напугать сына.

Питер и сам мог бы выяснить, что все это не более чем предрассудок, что это рассуждение путает причину со следствием и вообще никуда не годится. Оно относилось к той же группе, что

* Вид жировых отложений.

и уверенность, будто если вы будете есть сандвич с арахисовым маслом и желе в отхожем месте, то вас тут же заберет дьявол.

Питер не лгал. Он не впадал в грех Онана. Хотя почему этот грех именуется онанизмом, Питер не знал, поскольку Онан вовсе не занимался мастурбацией. Онан просто пользовался практикой, которую, как узнал, случайно подслушав, Питер, его отец называл «железнодорожным методом» — вынимать до наступления оргазма.

Кое-кто из приятелей Питера по младшим классам средней школы — «живчики», как их прозвали, бахвалились тем, что «дрочат». Один из них — дикий парнишка по имени Вернон (умер в 1942 году при падении самолета, на котором он тренировался, чтобы стать бомбардиром), мастурбировал даже на заднем сиденье трамвая по дороге домой с баскетбольного матча. Питер, который видел это, наблюдал за Верноном с отвращением и интересом одновременно; другие ребята хихикали.

Однажды Питер и его друг Боб Олвуд — такой же пуританин, как и Питер, — ехали на трамвае домой после позднего киносеанса. В вагоне никого не было, кроме весьма подержанной пергидрольной блондинки, сидевшей на первом сиденье. Когда трамвай пришел на конечную остановку на Элизабет-стрит, вожатый задернул занавес, отделив себя и блондинку от остальной части вагона, и погасил потолочные огни. Боб и Пит наблюдали за ними из дальнего конца вагона и увидели, как ноги женщины вдруг исчезли из виду. Только через несколько минут Питер понял, что там происходит. Женщине пришлось устроиться на каком-то узеньком карнизике перед вожатым, а может, даже и на самом моторе, лицом к вожатому, пока он трахал ее. Питер не сказал Бобу ни слова до тех пор, пока они не сошли с трамвая. Но Боб ему все равно не поверил.

Чему Питер поразился, так это собственной реакции. Ему было почему-то смешно. А может, он и завидовал... пожалуй, это вернее. «Правильная» реакция пришла позднее. Этот парень и его шлюха наверняка попадут в ад.

ГЛАВА 47

Все это было давно, очень давно. И вот пришло время, когда Питер трахался с женщиной прямо перед алтарем пустой церкви; правда, в эти минуты он был здорово пьян. Это был римско-католический собор в Сиракузах*, а девушка — еврейка. Сама блестящая идея принадлежала ей. Она ненавидела эту религию потому, что крутые мальчишки-католики из средней школы в Бостоне, где училась и она, несколько раз беспощадно избивали ее из-за того, что она еврейка. Идея осквернить церковь показалась ему в тот вечер ужасно привлекательной, хотя на следующее утро он обливался холодным потом, думая о том, что могло бы случиться с

* Город в штате Канзас.

ними, излови их полиция. Если б речь шла об осквернении протестантской церкви, это вряд ли произвело бы на него такое сильное впечатление. Протестантские церкви всегда казались Питеру какими-то пустыми и голыми. В них трудно было заставить Бога, но зато он наверняка болтался поблизости от католических храмов. Питер всегда склонялся в сторону католицизма и один раз даже чуть не обратился в католичество. А богохульство, как известно, возможно лишь в присутствии Господа.

Странное соображение. Если ты не веришь в Бога вообще, то какой смысл в богохульстве?

И как будто происшествие в храме было недостаточно плохо само по себе, он и Сара потом заходили в несколько многоквартирных домов на улице, название которой давно забылось. Когда-то это был весьма фешенебельный район, где богатеи строили себе огромные, вычурные, украшенные куполами дома. Потом они отсюда повыехали, а дома были переделаны в многоквартирные. Жили в них преимущественно пожилые люди с достатком, вдовы, пожилые супружеские пары. Питер и Сара бродили по холлам трех таких домов, где все двери были наглухо заперты, так что из-за них не доносилось ничего, кроме приглушенных голосов включенных телевизоров. Они были уже на третьем этаже четвертого дома, и Сара уже встала перед Фрайгейтом на колени, когда дверь вдруг открылась. Какая-то старуха высунула голову в холл, завопила и со стуком захлопнула дверь. С громким смехом Фрайгейт и Сара выскочили на улицу и помчались к собственной квартире Сары.

Позднее Питер весь обливался потом, думая о том, что было бы с ними, задержали их полицейские. Тюрьма, публичный позор, потеря работы в «Дженерал электрик», стыд перед собственными детьми, праведный гнев жены. А вдруг старуху хватил кондрашка? Фрайгейт тщательно просмотрел колонку с некрологами и с облегчением узнал, что на той улице никто ночью не умер. Это была чистая случайность, так как Сара уверяла, что каждый раз как она выглядывает из своего окна, то обязательно видит похоронную процессию, шествующую по этой улице.

На всякий случай Питер поискал в газете, нет ли там сообщения об этом инциденте. Но если старая леди и вызывала полицию, то в газетах об этом ничего не сообщалось.

Тридцативосьмилетний мужик не должен откалывать такие колена, годящиеся лишь для подростков, сказал Питер себе. Особенно если из-за них могут пострадать ни в чем не повинные люди. Никогда больше!

Но проходили годы, и он стал посмеиваться, вспоминая этот случай.

Хотя в пятнадцать лет Фрайгейт был уже атеистом, он все же так и не сумел отделаться от сомнений. Когда ему было девятнадцать, он посетил собрание секты Новообращенных вместе с Бобом Олвудом. Олвуд воспитывался в религиозной фундаменталистской семье. Он тоже стал атеистом, но это продолжалось лишь год. За

это время родители Боба умерли от рака. Испытанный шок заставил его задуматься о бессмертии. Не в силах вынести мысль, что его отец и мать умерли навсегда и что он никогда их больше не увидит, Боб начал посещать собрания секты Новообращенных. Он присоединился к ним в восемнадцать лет.

Питер и Боб одно время часто встречались, поскольку сдружились еще в первом классе начальной школы, а потом пошли в одну и ту же среднюю. Они много спорили о религии и аутентичности Библии. Наконец Питер согласился пойти с Бобом на многолюдное собрание, где выступал с проповедью знаменитый достопочтенный Роберт Рэнсом.

К великому изумлению Питера, проповедь произвела на него глубокое впечатление, хотя он пришел, чтобы вдоволь поиздеваться над ней. Он был удивлен еще больше, когда вдруг обнаружил себя на коленях перед достопочтенным, обещая ему принять Иисуса Христа в качестве своего Господа.

Это обещание было нарушено уже через месяц. Питер просто не сумел так быстро укрепиться в своих новых убеждениях. Если использовать словарь Олвуда, Питер «лишился милости Господней», он «поскользнулся».

Питер сказал Бобу, что его детское религиозное воспитание и восторженное поведение новообращенных содействовали тому, что он впал в своеобразное религиозное помешательство.

Олвуд продолжал спорить с ним, уговаривая «бороться за собственную душу». Но Питер оставался твердым как камень.

Питер достиг шестидесяти лет. Его школьные приятели и друзья повымерли; сам он тоже был не в лучшей физической форме. Смерть была уже не за горами. Когда он был молод, то много думал о миллиардах людей, которые ему предшествовали, рождались, страдали, смеялись, любили, рыдали и умирали. А еще он думал о тех миллиардах людей, которые придут за ним, чтобы страдать, быть ненавидимыми, быть любимыми и уйти в пустоту. К моменту гибели Земли все они — от пещерного человека до астронавта — превратятся в прах. Даже в нечто меньшее, чем прах.

Что же все это означает? Без бессмертия это не значит ничего.

Были люди, говорившие, что жизнь нужна лишь для продолжения жизни. И в этом будто бы ее единственный смысл.

Это были дураки, занимавшиеся самообманом, и, независимо от того, насколько они были умны в других областях, в этой они были настоящими остолопами. Эмоциональные идиоты в добровольно напаянных шорах.

С другой стороны, чем заслужили человеки еще один шанс в жизни после смерти? Эти жалкие, жуликоватые, готовые на любой самообман, ханжествующие мизерабли? Даже самые лучшие из них таковы. Он не был знаком со святыми, хотя и признавал, что таковые в прошлом были или могли быть. Ему казалось, что только святые достойны бессмертия. Но если даже и так, то он сомневался в достоинстве тех, кто все-таки получил сияние над головой.

Взять хотя бы святого Августина... «Дырка в заднице» — вот единственное определение, которое ему подходит. Чудовищное самодовольство и самолюбование.

Святой Франциск — тот, пожалуй, наиболее близок к святости. Но он был, без сомнения, псих. Целовать струпья прокажённого, чтоб доказать свое смирение? Это ж надо!

Видимо, как утверждает жена Питера, совершенства вообще не существует.

Был еще Иисус, хотя доказательств, что он святой, не существует. Более того, из Нового Завета явствует, что право на спасение он ограничивал одними евреями. А они его отвергли. И святой Павел, обнаружив, что евреи не собираются отпадать от религии, за которую они так жестоко сражались и так много страдали, повернулся лицом к иноверцам. Он пошел на ряд компромиссов, и христианство, которое лучше бы называть паулизмом, пошло гулять по свету. Но святой Павел был сексуальным извращенцем, поскольку полное половое воздержание тоже есть извращение.

Однако в таком смысле и Иисус тоже извращенец.

Надо, правда, помнить, что у некоторых людей половое чувство просто отсутствует. Возможно, и Павел, и Иисус были именно таковы. Или они сублимировали половое побуждение в нечто более важное, например в свое стремление дать людям увидеть Истину.

Вот Будда, возможно, был настоящим святым. Наследник престола, богатств и могущества, женатый на прелестной принцессе, родившей ему детей, он отказался от всего. Несчастья и страдания бедных, чудовищная неотвратимость смерти толкнули его в странствия по Индии в поисках Истины. И тогда он основал буддизм, в конце концов отвергнутый теми самыми людьми — индусами, — которым он старался помочь. Его ученики, однако, разнесли буддизм по другим странам, и в них его учение процвело. Почти так же и святой Павел вынес учение Иисуса из родной страны и посеял его семена среди иностранцев.

Религии Иисуса, Павла, Будды начали дегенерировать еще до того, как тела их основателей остыли в могилах. Точно так же, как коррумпирование ордена францисканцев началось раньше, чем сгнило тело его основателя.

ГЛАВА 48

Во второй половине дня, когда «Пирушка» скользила по воде, подгоняемая попутным ветром, Фрайгейт высказал Нур эль-Музафиру приведенные выше размышления. Они сидели, прислонясь к переборке на баке, покуривая сигары и лениво разглядывая людей на берегу. Фриско Кид стоял у штурвала, остальные болтали или играли в шахматы.

— Беда с тобой, Питер, точнее, одна из твоих бед заключается в том, что тебя слишком занимает поведение других людей. И ты

ставишь перед ними идеальные цели, хотя сам ни в малейшей степени не собираешься жить согласно этим идеалам.

— Я знаю, что не могу им следовать, а потому и не притворяюсь, что на это способен, — ответил Фрайгейт, — но меня беспокоит, что есть люди, заявляющие, что у них подобные идеалы есть и что они живут согласно им. Когда я указываю на то, что это далеко не так, они начинают приходить в раж.

— Естественно, — хмыкнул маленький мавр. — Твоя критика угрожает разрушить их представление о себе. А если оно будет разрушено, то уничтожатся и они сами. Во всяком случае, им так кажется.

— Это я тоже знаю, — отозвался Фрайгейт. — Вот почему я перестал заниматься такими делами уже давно. Еще на Земле я научился держаться подальше от критики ближних. Кроме того, эти люди так злились, что угрожали мне даже физическим насилием. А я не переношу ни злобы, ни насилия.

— Но ты сам очень яростный человек. И я думаю, твое отвращение к насилию проистекает из того, что ты опасаясь проявить свой яростный нрав. Ты был... ты боишься причинить боль другим людям. Вот почему ты подавляешь в себе стремление к насилию.

Но как писатель, ты можешь выразить это словами. Вот почему описания насилия у тебя получаются весьма впечатляющими. Когда же ты встречаешься с людьми лицом к лицу, ты от насилия воздерживаешься.

— Это все я и сам знаю.

— Но тогда почему ты не пытаешься исправиться?

— Я пытался. Я прибегал к разным лечением, учениям и религиям. Психиоанализ, дианетика, сайентология, дзен-буддизм, трансцендентальная медитация, нихеренизм, групповая терапия, Христианская наука и фундаменталистское христианство. У меня было даже искушение стать католиком.

— Почти обо всех этих вещах я даже не слыхивал, — сказал Нур, — да и, откровенно говоря, не желаю знать, что они собой представляют. Беда-то в тебе самом, невзирая на то, действительны эти средства или нет. По твоему собственному признанию, каждое из этих средств ты применял очень недолго. Ты не давал им шанса сработать.

— Это получалось потому, — ответил Фрайгейт, — что, начав в них разбираться, я тут же обнаруживал их слабые места. А кроме того, у меня была возможность увидеть, что происходило с людьми, которые пробовали применить эти средства на практике. Большинство этих религий и учений оказывали какое-то благотворное действие на тех, кто ими увлекался. Но это было очень далеко от того, что они обещали. А те, кто пробовал их на себе, дурачили себя, воображая, будто результаты куда как велики.

— Ну а я полагаю, у тебя на самом деле не было такой уж острой нужды в них, — задумчиво сказал Нур. — Я думаю, это происходило от того, что ты сам в глубине души очень боялся

измениться. Ты жаждал изменения, и ты же его опасался. И страх брал верх.

— Это я тоже знаю сам, — сказал Фрайгейт.

— И тем не менее не сделал ничего, чтоб побороть страх.

— Ну, не так уж совсем ничего. Но мало.

— И недостаточно.

— Да. Однако по мере того как я мужал, я стал делать больше успехов. А здесь я приобрел еще больше.

— И все же недостаточно?

— Нет.

— Но что хорошего в самопознании, если нет воли к действию?

— Немного, — отозвался Фрайгейт.

— Тогда тебе надо найти дорогу, чтоб заставить свою волю преодолеть ее нежелание действовать.

Нур помолчал, улыбаясь, его маленькие черные глазки ярко блестели.

— Конечно, ты скажешь мне, что все это тебе известно. И тут же спросишь, не смогу ли я указать тебе такой путь. А я отвечу, что сначала ты должен *разрешить* мне показать его тебе. А пока ты еще не готов, хоть и думаешь, что уже. А может, ты и никогда не будешь готов, что достойно сожаления. У тебя есть возможности.

— У всех есть возможности.

— В одном смысле это так, в другом — нет.

— Может, разъяснишь?

Нур почесал свой огромный нос тонкой рукой, а затем швырнул окурок через всю палубу за борт. Потом взял свою бамбуковую флейту, поглядел на нее и положил рядом.

— Когда придет время, если оно, конечно, придет.

Он искоса поглядел на Фрайгейта:

— Ты чувствуешь себя отверженным? Да, я знаю, что ты особенно остро реагируешь на отказ. И это одна из причин, по которым ты всегда стараешься избегать ситуаций, в которых можешь оказаться отвергнутым. Вот почему для меня полная тайна, почему ты решил стать писателем-фантастом. Впрочем, так ли это? Ты решил продолжать трудиться в избранной тобой области, не зная на то, что тебя отвергли. Хотя, согласно твоим же собственным рассказам, ты делал длительные перерывы перед тем, как предпринять следующую попытку. И все же ты стоял на своем.

Впрочем, как бы там ни было, это ты сам должен решать, потерять ли тебе мужество из-за того, что я отказал тебе сейчас, или нет. Попытайся попозже еще раз. Когда будешь сам уверен, что ты — подходящий кандидат.

Фрайгейт надолго замолк. Нур поднес флейту к губам, и из нее поплыл странный стон, то затухающий, то усиливающийся. Нур никогда не расставался со своим инструментом, когда бывал свободен от вахты. Иногда он довольствовался коротенькими темами, вероятно лирическими. В другое время он садился, скрестив ноги, на баке и сидел так часами, закрыв глаза и держа в руках безмолвную флейту. В такие часы все уважали его просьбу не мешать ему.

Фрайгейт знал, что в это время он погружался в нечто вроде транса. Но пока, за все время плавания, Фрайгейт спросил его об этом только один раз.

— Тебя это не касается. Пока, во всяком случае, — ответил Нур.

Нурэддин ибн Али эль-Халлак (Свет Веры сын Али Брадобрея) очень интриговал Фрайгейта. Нур родился в 1164 году н. э. в Кордове, захваченной мусульманами в 711 году н. э. Мавританская Иберия была почти что апофеозом сарацинской цивилизации, которую Нур застал во всем ее блеске. Христианская Европа, в сравнении с блистательной культурой мусульманского мира, все еще пребывала в Темных Веках. Искусство, наука, философия, медицина, литература, поэзия процветали в крупных центрах исламских государств. Города Запада — иберийская Кордова, Севилья, Гранада и города Востока — Багдад и Александрия не имели себе соперников. За исключением далекого Китая.

Богатые христиане посылали своих сыновей в университеты Иберии получать образование, недоступное в Лондоне, Париже или Риме. Сыновья бедняков отправлялись туда же и ради учения просили милостыню. Из этих школ христиане возвращались домой, чтоб сложить то, что они приобрели, к ногам одетых в мантии господ.

Мавританская Иберия была удивительной и великолепной страной, управляемой людьми, сильно различавшимися между собой по характеру религиозных и догматических взглядов. Некоторые из них были нетерпимы и свирепы. Другие мыслили широко и были настолько веротерпимы, что делали христиан и евреев своими визирями, покровительствовали искусствам и наукам, приветствовали чужестранцев, надеясь почерпнуть у них знания, и были мягки в религиозных вопросах.

Отец Нура занимался своим ремеслом в большом дворце вне Кордовы, неподалеку от города Медина-аз-Захра. Во времена Нура город этот славился по всему миру, но в дни Фрайгейта от него не осталось и следа. Нур там родился и научился ремеслу отца. Однако он мечтал стать чем-то большим, а поскольку был умен, его отец использовал свои связи со всеми знакомыми богатыми клиентами, чтобы продвинуть сына, обнаружившего склонность к литературе, музыке, математике, алхимии и теологии. Нур был отправлен в лучшую школу Кордовы. Там он и жил, общаясь с богатыми и бедными, с малыми и могущественными, с христианами с севера и черными нубийцами.

Именно там он встретил Мухидэддина ибн эль-Араби. Этот молодой человек стал величайшим поэтом своего времени, певцом любовной лирики, и эхо его стихов позже можно было обнаружить в песнях Прованса и франкских трубадуров. Богатому и красивому юноше понравился бедный и невзрачный сын брадобрея, и он в 1202 году пригласил Нура сопровождать его в паломничество в Мекку. Во время путешествия через Северную Африку они встретились с группой персидских иммигрантов — суфиев. Нур уже был

знаком с их учением, но разговор с персами решил его судьбу — он стал изучать суфизм. Однако тогда он еще не нашел ученого, который согласился бы рассмотреть его просьбу и взять его на испытание. Нур продолжил путешествие с эль-Араби в Египет, где фанатики обвинили обоих в ереси, и они чудом спаслись от гибели.

После завершения хаджа в Мекку они отправились в Палестину, Персию и Индию. На это ушло целых четыре года, после чего они вернулись в свой родной город, проведя в пути еще год, чтоб достичь его. В Кордове оба некоторое время пробыли учениками у женщины-суфии Фатимы бинт-Валийя. Суфии считали мужчин и женщин равными, что скандализировало ортодоксов. Те были уверены, что мужчины и женщины встречаются только ради сексуальных целей.

Фатима отослала Нура в Багдад учиться у знаменитого ученого, жившего в тех краях. Спустя несколько месяцев учитель отправил его обратно в Кордову к другому, еще более знаменитому ученому. Но когда христиане после жестокой битвы взяли Кордову, Нур вместе со своим учителем уехал в Гранаду.

Проведя там несколько лет, Нур предпринял целую серию путешествий, чем заработал свой *лакаб*, то есть свое прозвище эль-Музафир — Странник. Побывав в Риме, куда ему дали право свободного въезда рекомендательные письма Фатимы и эль-Араби, он затем попал в Грецию, Турцию, Персию, Афганистан, еще раз в Индию, Индонезию, Китай и Японию.

Поселившись в священном Дамаске, он зарабатывал на жизнь как музыкант и как *tasawwuf*, то есть суфий-учитель, имевший несколько учеников. Пробыв там несколько лет, Нур снова отправился в путь. Он поднялся вверх по Волге, пересек Финляндию и Швецию, потом Балтийское море и добрался до страны идолопоклонников — диких пруссов. Отсюда, еле избежав участи быть принесенным в жертву деревянному идолу, он отправился на запад через Германию. Северная Франция, Англия и Ирландия стали частью его пути.

Во время пребывания Нура в Лондоне королем был Ричард Первый по прозвищу Львиное Сердце. Ричарда тогда в Англии не было, он был занят осадой замка Шалю в Лимузене, Франция. Через месяц Ричард был убит стрелой, пущенной из замка, а в мае короновали его брата Иоанна. Нур был свидетелем этой церемонии в Лондоне. Спустя какое-то время Нура удостоили приема у короля Иоанна. Он нашел того обаятельным и остроумным, интересующимся культурой ислама и суфизмом. Особенно короля Иоанна заинтересовали рассказы Нура о далеких странах.

— Путешествие в те дни было по меньшей мере тяжелым и опасным делом, — сказал Фрайгейт. — Даже так называемые цивилизованные страны и то вряд ли можно было назвать гостеприимными. Преобладала религиозная ненависть к инаковерующим. Как мог ты — мусульманин — один, без защиты и без денег путешествовать по христианским странам, не опасаясь за жизнь?

Особенно во времена крестовых походов, когда религиозная ненависть повсюду торжествовала?

Нур пожал плечами:

— Обычно я отдавался под покровительство религиозных властей этих стран. А те уж добывали мне защиту со стороны властей гражданских. Церковные лидеры больше интересовались еретиками среди своих единоверцев, чем просто неверными. Во всяком случае, в пределах своих провинций.

В других случаях защитой мне служила бедность. Грабители мной пренебрегали. Когда я странствовал по сельским местностям, я зарабатывал себе на еду и доставлял людям развлечение, играя на флейте, а также искусством жонглера, акробата и фокусника. Кроме того, я отличный лингвист и мог быстро овладеть языком или диалектом тех мест, где оказывался. И еще рассказывал им всякие истории и анекдоты. Видишь ли, люди повсюду хотят слышать новости, им нужны развлечения. Поэтому меня почти всегда встречали приветливо, хотя, конечно, иногда попадались и такие, что были настроены враждебно. И вообще, что им было до того, что я мусульманин? Я же никому не делал вреда, а скорее служил забавой. И еще — я излучал дружелюбие. Это *мы* все умеем.

Вернувшись в Гранаду и обнаружив, что обстановка там изменилась к худшему и что к суфиям там стали относиться недоброжелательно, Нур уехал в Хоросан. Там он несколько лет учительствовал, а затем совершил второе путешествие в Мекку. Из Южной Аравии он на торговом корабле добрался до берегов Занзибара, а оттуда в Юго-Восточную Африку. После Африки Нур вернулся в Багдад и жил там, пока смерть не настигла его в возрасте девяноста четырех лет.

Монголы под предводительством Улагая — внука Чингиз-хана штурмом взяли Багдад, убивая и насилая. За сорок дней были убиты сотни тысяч жителей. Нур оказался в их числе. Он сидел в своей каморке, играя на флейте, когда коренастый косоглазый монгол в пропитанной кровью одежде ворвался к нему. Нур продолжал играть, пока монгол не обрушил меч на его шею.

— Монголы опустошили Средний Восток, — сказал Фрайгейт. — Никогда еще в истории опустошения таких масштабов не производились за столь короткий срок. Прежде чем уйти, монголы уничтожили там около половины населения и разрушили все — от домов до каналов. В мое время, шесть столетий спустя, Средний Восток так еще и не возродился.

— Воистину они были бичом Аллаха, — отозвался Нур. — И все же даже среди них попадались добрые мужчины и добрые женщины.

Сейчас, сидя возле этого маленького человека и наблюдая за темнокожими любителями бетеля на берегу, Фрайгейт снова подумал о роли случая. Какая судьба свела пути человека, родившегося на Среднем Западе США в 1918 году, и другого, родившегося в мусульманской Испании в 1164 году? Неужели судьба —

это всего лишь случай? Возможно. Но шансы, что такая встреча произойдет на Земле, были один к бесконечности. Мир Реки изменил соотношение шансов, и вот они встретились.

Этим вечером, после разговора с Нуром, они все сидели в капитанской каюте. Корабль стоял на якорь вблизи берега; лампы на рыбьем жире освещали игру в покер. После того как Том Райдер сорвал последний крупный выигрыш (ставками служили сигареты), пошел обычный мужской треп. Нур рассказал парочку анекдотов о мулле Насреддине. Наср-эд-дин (Орел Веры) был знаменитым героем мусульманских народных баек, а также дервишем и простаком, чьи приключения в определенной мере могли быть поводом для извлечения уроков жизненной мудрости.

Нур отпил глоток шотландского виски — он никогда не пил больше двух унций в день — и сказал:

— Капитан, вы рассказали историю про Пата, Майка, священника, рабби и проповедника. Это очень смешная история, но она дает представление об образе мышления человека. Пат и Майк — герои западного фольклора. Разрешите мне предложить вам нечто восточное.

Однажды какой-то человек пришел в дом муллы Насреддина и увидел, что тот ходит вокруг дома, разбрасывая по земле крошки хлеба.

— Ради всего святого, мулла, зачем ты делаешь это? — спросил человек.

— Отпугиваю тигров.

— Но, — воскликнул человек, — тут же нет тигров!

— Именно. Значит, средство срабатывает, верно?

Все засмеялись, а Фрайгейт спросил:

— Нур, а сколько лет этой истории?

— Ей уже было по меньшей мере тысячи две лет, когда я родился. Она зародилась у суфиев как поучение. А почему ты спросил?

— Потому что, — ответил Фрайгейт, — я слышал ту же историю, но в несколько ином виде в 1950-м или около того. Речь в ней шла об англичанине, стоявшем на коленях на улице и рисовавшем мелом черточки на тротуаре. Проходивший мимо приятель спросил его:

— Зачем ты это делаешь?

— Отпугиваю львов.

— Но в Англии нет львов!

— Вот видишь!

— Клянусь Богом, такую же историю я слышал во Фриско, когда был мальчишкой, — взревел Фаррингтон. — Только в ней фигурировал ирландец.

— Многие из поучительных историй о Насреддине стали просто анекдотами, — сказал Нур. — Люди рассказывают их, чтоб повеселиться, хотя первоначально они должны были восприниматься как поучения. Вот еще одна такая.

Насреддин много раз пересекал границу между Персией и Индией на своем ослике. Каждый раз ослик нес на спине большие связки соломы. Когда же Насреддин возвращался, ослик уже не нес никакого груза. Каждый раз таможенники обыскивали Насреддина, но не могли обнаружить никакой контрабанды.

Страж всегда спрашивал Насреддина, что он везет. Мулла отвечал одно и то же: «контрабанду», и страж смеялся.

Прошло много лет, и Насреддин решил уехать в Египет. Таможенник подошел к нему и сказал:

— Ладно, Насреддин, теперь тебе ничто не угрожает, так скажи мне, что ты перевозил контрабандой?

— Ослов.

Все снова расхохотались, и Фрайгейт сказал:

— Я слышал эту историю в Аризоне. Только контрабандистом там был Панчо, и он пересекал границу между Мексикой и Соединенными Штатами.

— Думаю, все анекдоты древние, — протяжно сказал Райдер. — Возможно, все началось еще с пещерных жителей.

— Вполне возможно, — отозвался Нур, — но традиционно считается, что они слагались суфиями задолго до того, как родился Магомет. Они предназначены учить людей, в каком направлении следует изменять образ мышления. Но сами истории очень забавны. Конечно, учителя пользовались ими только на первой, самой простой стадии обучения.

С тех времен эти рассказы разошлись по всему Востоку и Западу. Мне было интересно обнаружить некоторые из них, рассказываемые в измененном виде в Ирландии на гэльском языке. Передаваемый из уст в уста за тысячи лиг и тысячелетия времен. Насреддин прошагал из Персии в Ирландию.

— Если суфии придумали их еще до Магомета, — сказал Фрайгейт, — значит, они были зороастрийцами.

— Суфизм не является монополией ислама, — ответил Нур. — Он, конечно, достиг своих высот среди мусульман, но каждый, кто верит в Бога, может стать кандидатом в суфии. Суфии постоянно модифицируют свои методы обучения, чтобы они согласовывались с местными культурами. То, что срабатывает среди персидских мусульман в Хорасане, не обязательно даст результат у черных мусульман в Судане. А для парижских христиан разница в эффективности будет еще больше. Место и время определяют форму учения.

Позже Нур и Фрайгейт разминали ноги на берегу, гуляя вокруг огромного костра и с трудом пробиваясь сквозь толпу оживленно болтающих дравидов.

— Как можно приспособить средневековый иберийско-мавританский метод обучения к этому миру? — спросил Фрайгейт. — Народы тут перемешаны — отовсюду и из всех времен. Нет монолитных культур. А те, что существуют, непрерывно изменяются.

— Над этим я и тружусь, — ответил Нур.

— Тогда одна из причин, по которой ты не хочешь взять меня в ученики, состоит в том, что ты сам еще не готов для роли учителя?

— Можешь утешать себя этим, — сказал Нур со смехом. — Но — да, это одна из причин. Видишь ли, учитель всегда сам должен учиться.

ГЛАВА 49

Сизые облака тумана расползались по всему кораблю, заглядывая в каждую каюту.

Сэм Клеменс выкрикнул:

— Ох нет! Только не опять! — хотя вряд ли сумел бы объяснить, почему он выбрал именно эти слова.

А туман не только наваливался на все перегородки, не только просачивался в каждую щелку, пропитывая своей влагой все, что могло принять ее в себя, он клубами катился вниз по глотке Сэма, достигая сердца и обволакивая его. Сырость проникала в поры тела, ее капли стекали по коже, они катились по животу, пропитывали чресла Сэма, стекали по ним и лились по ногам, разжижая плоть и превращая ступни в липкую болотную грязь.

Ужас, объяснения которому он не знал, хотя и испытывал его давно не впервые, заполнял все естество Сэма.

Он был один-одинешенек в рулевой рубке. Один на всем корабле. Стоя у пульта управления, он неотрывно всматривался в окно. Его застилал плотный туман. Сэм ничего не видел через пластик окна уже на расстоянии вытянутой руки. Не видел, но знал откуда-то, что берега Реки абсолютно безжизненны. На них не было ни единой души. И здесь, на этом гигантском корабле, тоже был только один он. Единственный человек на борту. Впрочем, корабль не нуждался и в нем, так как работал автопилот.

Но, несмотря на свое одиночество, он знал, что оно не сможет быть помехой его плаванию к верховьям Реки. Ведь теперь во всем мире нет ни единой души, которая могла бы помешать ему в этом.

Он отвернулся от окна и стал ходить взад и вперед от одной стены рулевой рубки к другой. Сколько же времени уйдет на эти странствия? Когда же поднимется пелена тумана, когда же ярко засияет солнце, и когда он увидит наконец горы, кольцом окружающие Полярное море? И когда он услышит другой человеческий голос и увидит другое человеческое лицо?

— Сейчас! — проревел чей-то голос.

Сэм подпрыгнул, будто в ногах у него распрямились тугие пружины. Сердце расширилось и сжималось с быстротой, с которой трепещут крылья колибри. Он даже не заметил, как развернулся на сто восемьдесят градусов и оказался лицом к лицу с обладателем голоса. Бесформенная темная фигура смутно виднелась в кипящих клубах тумана, заполнявшего всю рубку. Фигура надвигалась на Сэма, потом остановилась и простерла вперед еле различимый

контур руки. Этот бесформенный придаток нащупал переключатель на пульте управления и щелкнул им.

Сэм пробовал было крикнуть «Нет! Нет!», но слова толпились в его глотке и бились друг о друга со звоном, будто были сделаны из тонкого стекла.

Хотя в рубке было темно и разобрать, до какого переключателя дотянулась та рука, было невозможно, Сэм отлично понимал, что корабль лег на курс, который неминуемо приведет его к столкновению на полном ходу с левым берегом.

Наконец слова выдавились с визгом наружу:

— Не смей этого делать!

Бесшумная темная масса снова пришла в движение. Теперь Сэм уже видел, что это мужчина. Он был того же роста, что и Сэм, но плечи имел куда более широкие. На одном плече он держал длинную рукоять. На ее конце поблескивал усеченный треугольник стали.

— Эрик Кровавый Топор! — закричал Сэм.

И началась кошмарная погоня. Сэм мчался по всему кораблю, ныряя в каждую каюту трехэтажного капитанского мостика, потом пересек взлетную площадку, слетел по трапу на палубу, где сейчас стояли самолеты, и опять нырял в каждую каюту этой палубы, и снова вниз по трапу и через каюты крытой от ветра прогулочной палубы, и снова по трапу вниз и через все помещения главной палубы, и опять по трапу на котельную палубу.

Здесь, ощущая всю силу давления Реки на борта корабля, кожей чувствуя, что он находится ниже ватерлинии, он снова мчался через бесконечные закоулки и каморки. Он пробежал мимо гигантских электрических моторов, вращавших колеса и толкавших судно к неминуемой гибели. В отчаянии он попытался прорваться в отделение, где стояли два моторных бота. Сейчас он вырвет провода из мотора одного из них, а второй спустит на воду и оставит своего зловещего преследователя за спиной. Но кто-то запер дверь в этот отсек.

Тогда Сэм метнулся в крошечный закуток, стараясь унять рвущее легкие хриплое дыхание. И тут дверь закутка распахнулась. Фигура Эрика Кровавого Топора нависла над ним в серой дымке, плотно окутывающей их обоих. Фигура медленно надвигалась на него. Обеими руками она сжимала рукоять страшного топора.

— Я ж тебя предупреждал! — прорычал Эрик и взметнул топор. Сэм был бессилён, не мог ни шелохнуться, ни вскрикнуть. Да, это была его ошибка. Он свое заслужил.

ГЛАВА 50

Сэма разбудил его же собственный стон. Свет в каюте был включен, и над ним склонялось очаровательное лицо Гвенафры с ее длинными медового цвета волосами.

— Сэм! Проснись! У тебя опять кошмары!

— На этот раз он меня чуть было не поймал, — проворчал он.

Сел. На палубе слышались свистки. Минутой позже визгливо прогундосил интерком. Корабль должен был поворачивать к берегу ради зарядки у питающего камня и завтрака. Капитану полагалось вставать вместе со всеми. Сэм вышел из постели и прошлепал в туалет. Принял душ, почистил зубы и вернулся обратно в каюту. Гвенафра уже успела одеться в свое утреннее платье. И выглядела при этом как эскимоска, променявшая меха на полотенца. Сэм оделся примерно так же, но капюшон надвинул на свою капитанскую фуражку. Он закурил «корону» и, шагая взад и вперед по каюте, окутывал себя клубами дыма.

— У тебя опять был кошмар с Кровавым Топором? — спросила Гвенафра.

— Да, — ответил он. — Дай-ка мне кофейку, ладно?

Гвенафра опустила чайную ложку темных кристалликов в серую металлическую чашку. Вода вскипела, как только кристаллики начали выделять тепло и кофеин. Сэм взял чашку, поблагодарив Гвен.

Она тоже отпила глоток кофе и сказала:

— У тебя нет никаких оснований чувствовать себя виноватым перед ним.

— Именно это я говорил себе тысячи раз, — ответил Сэм. — Страх иррационален, но разве понимание этого факта когда-нибудь облегчало положение человека? Именно иррациональное движет нами. У Повелителя Снов мозгов не больше, чем у ежа. Но это не мешает ему быть величайшим художником из всех известных мне. Возможно, включая в их число и вашего покорного слугу.

— Нет ни малейшего шанса, что Кровавый Топор отыщет тебя.

— Я знаю. Но ты попробуй убедить в этом Великого Мастера.

Зажегся свет. Небольшая панель на перегородке свистнула. Сэм щелкнул переключателем.

— Капитан? Говорит Детвейлер. Прибытие к намеченному питающему камню состоится через пять минут.

— О'кей, Хэнк, — ответил Сэм. — Я приду.

В сопровождении Гвенафры он вышел из гостиной. Они прошли по узкому коридору и через дверь вошли в собственно рулевую рубку, или «мостик». Это была самая верхняя палуба рулевой рубки: остальные старшие офицеры корабля были расквартированы в каютах на второй и третьей палубах.

В рубке находилось три человека: Детвейлер, который когда-то был речным лоцманом, потом капитаном, а затем собственником Иллинойско-Миссурийской пароходной компании; старший офицер Джон Байрон, экс-адмирал королевского флота; бригадир морских пехотинцев корабля Жан Батист Антуан Марселин де Марбо — экс-генерал Наполеона.

Последний был маленький, тоненький, веселый с виду человек, с темно-каштановыми волосами и блестящими голубыми глазами. Он отдал честь капитану и отрапортовал на эсперанто:

— Все на посту, мой капитан.

— Отлично, Марсель. Можете приступать, — ответил Сэм.

Маленький француз отдал честь и покинул рубку, соскользнув по шесту, ведущему прямо на взлетную палубу. Ее тут же залило светом, в котором стали видны морские пехотинцы в боевом снаряжении, выстроенные шеренгами вдоль палубы. Знаменосец держал древко с развевающимся на нем флагом корабля — светло-голубой квадрат с изображением малиновой птицы феникс.

Бок о бок с морскими пехотинцами стояли ряды пистолетчиков — мужчины и женщины в серых дюралевых, похожих на угольные ведра шлемах, украшенных плюмажами из человеческих волос, густо покрытых жиром, в пластиковых кирасах и кожаных сапогах до колен; талии были перетянуты широкими поясами, на которых висели кобуры с пистолетами «Марк-4».

Позади красовались копьеносцы; за ними лучники; на одном фланге находилась группа солдат с базуками.

Несколько отступив от рядов, на фланге отряда стоял колосс, одетый в сталь, держа в руках тяжеленную дубину, которую Сэм мог приподнять лишь обеими руками, да и то с большим трудом. Официально Джо Миллер был телохранителем Сэма, но он всегда сопровождал морских пехотинцев в подобных торжествах. Главная его функция заключалась в том, чтобы наводить страх на местных жителей.

— Но как всегда, — говаривал Сэм, — Джо перебарщивает. Он ведь и без того приводит их в ужас одним фактом своего присутствия.

Этот день начинался так же, как и все другие дни, но его ждала совсем другая судьба. В этот день «Минерва» должна была атаковать «Рекс грандиссимус». Казалось, Сэм должен был по этому поводу ликовать. А он не ликовал. Ему была ненавистна мысль, что прекрасный корабль подвергнется уничтожению — тот самый корабль, который он проектировал и строил с такой любовью. Более того, его еще лишали счастья лично отомстить королю Иоанну.

С другой стороны, так оно было куда безопасней.

На правом берегу Реки, примерно в полукилометре от них горел костер. Он освещал похожий на гриб питающий камень и бросал кровавые отблески на белые одежды толпившихся там людей. Туман над Рекой был сегодня тоньше и стоял ниже, чем это бывает обычно в здешних широтах. Он должен был исчезнуть сразу же, как только солнце покажется из-за гор. Небо уже светлело, восход стирал сверкающие гигантские звезды и газовые облака.

Согласно обычной процедуре, появление «Огненного дракона-3» — бронированного катера-амфибии — должно было предшествовать спуску второго моторного бота. Когда катер подошел к месту, где корабль должен был перезарядить свой батацитор, командир амфибии приступил к переговорам с местными властями о пользовании двумя питающими камнями. В большинстве случаев такое дело власти только приветствовали; вознаграждением им служила возможность насладиться видом колоссального корабля на столь близком расстоянии.

А те местные жители, которые протестовали, обнаруживали, что их питающие камни временно конфискуются. Сделать с этим они, конечно, ничего не могли, так как корабль обладал несравненным преимуществом в огневой силе, хотя Клеменс применял ее лишь в исключительных случаях. Когда, например, ему пришлось отражать нападение, Клеменс старался по мере сил избегать массовых избиений. Как правило, нескольких очередей, выпущенных в воздух из крупнокалиберных пулеметов, стрелявших пластиковыми пулями 80-го калибра и приводимых в действие паровой паровой машиной, вполне хватало, тем более что пулеметчиков поддерживала бронированная паровая амфибия, курсировавшая вдоль берега. В подавляющем большинстве случаев убивать вообще никого не приходилось.

В конце концов, что теряли аборигены от того, что два питающих камня использовались еще кем-то, да еще и временно? Никто ведь не обязан был лишаться своего завтрака — на ближайших камнях всегда оказывались свободные лунки, которые могли принять граали небольшого числа дополнительных потребителей. Большая часть тех, кто оставался без завтрака, даже не беспокоили себя прогулкой к другим грибам, а довольствовались охами и ахами, рассматривая вблизи этот потрясающий воображение корабль.

Четыре огромных электромотора корабля потребляли невероятное количество энергии. Раз в день большая металлическая «шапка» должна была надеваться на какой-нибудь питающий камень, возле которого останавливался корабль. Пока моторный бот отвозил граали экипажа корабля к другому камню, лебедка, укрепленная на втором катере, поднимала «шапку» и надевала ее на верхнюю часть питающего камня. Когда тот разряжался, энергия по толстому кабелю передавалась в батацитор. Последний представлял собой громадную металлическую коробку, занимавшую место между котельной и главной палубами. Исполняя функцию конденсатора, батацитор запасал энергию впрок. Когда нужно, он отдавал ее, теперь уже играя роль батарей.

Сэм Клеменс сошел на берег и поговорил с местным вождем, который понимал эсперанто. Этот универсальный язык деградировал тут до формы, которую Сэму было трудно, а иногда и просто невозможно понять. Он важно поблагодарил вождя за его любезность и вернулся на корабль на своей личной небольшой моторке. Через десять минут «Огненный дракон-4» вернулся с грузом наполненных граалей.

Чтобы доставить туземцам максимум удовольствия, засвистели свистки, зазвенели звонки, и корабль медленно пошел вверх по Реке. В столовой на главной палубе Сэм и Гвенафра восседали во главе большого стола, по длинной стороне которого помещались девять человек. Старшие офицеры, за исключением того, который был на вахте, уже занимали свои обычные места. Отдав несколько распоряжений, касающихся сегодняшнего дня, Сэм отошел к бил-

лиарду, чтобы сыграть пару партий со своим титантропом. Джо не очень ловко обращался с кием и с картами из-за своих огромных лапищ, и Сэм почти всегда обыгрывал его. Победив Джо, он затем с удовольствием сражался с более опытными противниками.

В 07.00 Сэм должен был заняться инспектированием корабля. Он ненавидел ходьбу, но настаивал на ней, ибо хорошо понимал пользу физических упражнений. Кроме того, инспекции помогали поддерживать на корабле военную дисциплину. Без муштры и инспекционных проверок команда быстро превратилась бы в толпу грязных шпак. А они обнаглели бы и принялись фамиллярничать с начальством даже во время вахт.

— Я команду строптивым кораблем, — хвастался Сэм. — Во всяком случае, команда у меня строптивая, хотя еще ни разу никто не был пойман на вахте в пьяном виде.

В это утро инспекция, однако, не состоялась. Сэма вызвали на мостик, так как радист получил сообщение от «Минервы». И прежде чем Сэм вышел из лифта, радар засек некий объект, приближающийся от гор по левому борту.

ГЛАВА 51

Управляемый аэростат возник из солнечного сияния, будто серебряное яйцо, только что снесенное солнцем. Для ошеломленных людей на берегах, которые в большинстве своем не только не видели, но даже не слышали о воздушных кораблях, он казался жутким чудовищем. Без сомнения, кое-кто из них считал, что это корабль, на котором прибыли те могущественные и таинственные существа, которые возродили их из мертвых. Возможно, кто-то из таких приветствовал его появление со смешанным чувством восторга и ужаса, надеясь, что до объяснения всего случившегося с ними теперь — рукой подать.

Как удалось «Минерве» так быстро отыскать «Марка Твена»?

Огромный речной корабль тащил за собой большой, похожий на воздушного змея аэростат, поднимавшийся выше гор и несший на себе передатчик, который посылал мощные разряды в виде точек и тире. Харди — штурман «Минервы» — знал примерное местоположение судна из карты, лежавшей на его столе. За годы плавания «Марк Твен» послал множество сообщений, позволивших ученым Пароландо следить за его маршрутом. Кроме того, «Парсеваль», обнаружив корабль визуально, тут же послал радиogramму, которая дала «Минерве» возможность более точно определить местонахождение «Марка Твена».

Получив почти одновременно данные о местоположении «Рекса», капитан «Минервы» выяснил, что судно Иоанна Безземельного находится почти на одной прямой с кораблем Сэма, лишь немного западнее последнего. «Рекс» плыл всего лишь в 140 километрах, если следовать по этой прямой, как спина прусского офицера, линии. Если же путешествовать по Реке, то кораблю Сэма пришлось бы

пройти не менее 571 195 километров, или 355 000 миль, прежде чем он добрался бы до того места, где сейчас был «Рекс».

Грейсток, пользуясь передатчиком в гондоле управления, попросил у Сэма разрешения пройти над самым «Марком Твенем». Голос Сэма по радио звучал на редкость глухо и невыразительно.

— Зачем?

— Чтобы салютовать вам, — ответил англичанин. — А кроме того, я полагаю, что вы и ваш экипаж захотите бросить взгляд на воздушный корабль, который летит, чтоб уничтожить короля Иоанна. По правде говоря, моим ребятам, да и мне тоже очень хотелось бы поглядеть на ваше великолепное судно с близкого расстояния. — Грейсток помолчал и добавил: — Не исключено ведь, что это наш последний шанс.

На этот раз паузу пришлось сделать Сэму. Затем голосом, в котором звучали подавляемые слезы, он ответил:

— О'кей, Грейсток. Разрешаю полет по нашему курсу, но не над нами. Хотите, считайте меня параноиком, но мне как-то не по себе, когда воздушный корабль с четырьмя бомбами висит прямо над моей головой. А вдруг они случайно сорвутся?

Грейсток закатил глаза к небу, что явно означало недовольство, и жестко улыбнулся другим офицерам, находившимся с ним в гондоле.

— Да нет, такого в жизни быть не может, — сказал он.

— Вона! То же самое сказал капитан «Мэна»* как раз перед тем, как отправиться спать! Нет уж, Грейсток, делайте так, как я сказал.

Грейсток, явно недовольный, ответил, что повинуется.

— Мы облетим вас один раз, а потом пойдем делать свою работу.

— Что же, удачи вам, — сказал Сэм. — Я знаю, что ваши отличные ребята могут не...

Казалось, он никак не может найти слова, которые завершили бы эту фразу.

— Мы знаем, что можем не вернуться, — ответил Грейсток, — но я думаю, что у нас большие шансы застать «Рекса» врасплох.

— Я тоже надеюсь на это. Но помните, что у «Рекса» есть два аэроплана. Вам надо ударить по взлетной палубе так, чтобы они не смогли взлететь.

— Мне советы не нужны, — холодно ответил Грейсток.

Последовала еще одна пауза, более продолжительная, чем предыдущие.

Теперь голос Сэма звучал громче.

— Лотар фон Рихтхофен направляется, чтобы приветствовать вас. Он пролетит рядом и даст вам свое личное благословение. Это самое малое, что я могу сделать для него. Пришлось потратить

* Со взрыва американского крейсера «Мэн», стоявшего на рейде Гаваны, началась Испано-американская война.

уйму времени, чтобы отговорить его от намерения сопровождать вас всю дорогу. Он хотел тоже принять участие в атаке.

Но у наших аэропланов потолок всего лишь 3660 метров. Это делает их слишком чувствительными к нисходящим воздушным потокам над горами. А кроме того, пришлось бы брать дополнительные баки топлива для возвращения домой.

— Я говорил Сэму, что вы могли бы уделить нам топливо из ваших запасов, Грейсток. И тогда мы могли бы вернуться, — раздался в эфире голос Лотара.

— Ничего не поделаешь.

Грейсток глянул вниз через переднюю прозрачную панель гондолы. Привязной аэростат уже опускался, но пройдет еще минут двадцать, пока его пришвартуют к палубе.

Гигантский корабль был прекрасен. По длине он превосходил «Рекса» на четверть и был гораздо выше того. Джилл Галбирра доказывала, что «Парсеваль» — самое крупное и самое прекрасное произведение человеческих рук в Море Реки. Да и на Земле не видано ничего равного ему. Однако Грейсток подумал, что вон то судно, если воспользоваться словами самого Клеменса, «могло бы в борьбе за голубую ленту на мило обставить всех претендентов».

Пока Грейсток любовался «Марком», аэроплан подняли на лифте на взлетную палубу, а команда принялась готовить катапульту.

Высокий мужчина бежал холодными как Арктика глазами рулевую гондолу. Пилот Ньютон — авиатор времен второй мировой войны — сидел на своем посту. Харди — штурман и ирландец Самрад — первый помощник, стояли у правой бортовой прозрачной панели. Остальные шесть членов экипажа находились в трех моторных гондолах.

Грейсток прошел к оружейной кладовке, открыл ее и достал два тяжелых пистолета «Марк-4». Это были стальные четырехзарядные пистолеты с дюралевыми патронами, заряженными пластиковыми пулями 69-го калибра. Один из них Грейсток взял за рукоятку левой рукой, а второй держал в правой за ствол.

Поглядывая краем глаза на тех двоих, что стояли у бортовой панели, Грейсток бесшумно зашел Ньютону за спину. Рукояткой пистолета он нанес сильнейший удар по голове пилота. Тот безжизненной массой вывалился из кресла на пол.

Потом Грейсток быстро протянул левую руку и большим пальцем нажал на переключатель передатчика. Оба мужчины обернулись, услышав удар металла по черепной кости. Они замерли, глядя на совершенно неожиданную для них картину.

— Не двигаться... — сказал Грейсток. — А теперь... руки за голову!

Харди, у которого глаза вылезали из орбит, спросил:

— Ты что, парень?

— Стой спокойно, и все тут.

Грейсток пистолетным стволом указал на шкаф:

— Наденьте парашюты и не пытайтесь напасть на меня. Обоих уложу в момент.

Самрад заикался, его лицо то краснело, то бледнело.

— Т... т-ты... подонок! Предатель!

— Нет, — сказал Грейсток. — Всего лишь верный подданный короля Иоанна Английского. — Он улыбнулся. — Хотя мне и было обещано, что я стану вторым по рангу человеком на «Рексе», если приведу этот дирижабль к его величеству. Это, разумеется, укрепило мою преданность.

Самрад глянул в кормовой иллюминатор. То, что произошло в гондоле управления, можно было хорошо наблюдать из моторной гондолы.

— Я же выходил отсюда полчаса назад, чтоб проверить работу инженеров, помнишь? Теперь они связаны, а потому помощи вам ждать не приходится, — сказал Грейсток.

Оба мужчины пересекли гондолу, подошли к шкафу, открыли его и стали надевать парашюты.

— Можете надеть парашют и на Ньютона; выбросите его наружу, прежде чем выпрыгнете сами.

— А с инженерами что?

— Им придется рискнуть жизнью.

— Они же погибнут, если тебя собьют! — воскликнул Самрад.

— Что ж, будет жаль, конечно.

Когда оба надели свои ранцы, они оттащили Ньютона на середину гондолы. Грейсток, направив пистолеты на них, попятился к стене, пока они занимались этим. Затем он нажал кнопку, опускавшую правую бортовую панель. Стонавший и наполовину еще не пришедший в себя Ньютон был сброшен через борт гондолы. Самрад успел рвануть строп его парашюта, когда тело Ньютона переваливалось через борт. Минуту спустя прыгнул и ирландец. Харди задержался; одна его нога была уже перекинута через борт.

— Если когда-нибудь встретимся, Грейсток, убью тебя на месте.

— Не убьешь, — отозвался Грейсток. — Давай прыгай, пока я не решил подстраховаться, чтоб такого шанса у тебя никогда не оказалось.

И он повернулся к радиопередатчику.

— Какого черта у вас там стряслось? — ревел голос Клеменса.

— Три человека из моего экипажа тащили жребий, кому покиннуть дирижабль, — спокойно произнес Грейсток. — Мы решили, что его следует облегчить. Так лучше; нам нужна вся скорость, которую можно выжать из моторов.

— А какого дьявола вы меня не предупредили? — негодовал Клеменс. — Теперь мне придется спускать шлюпку и выуживать их из воды!

— Я знаю, — буркнул Грейсток себе под нос. Он выглянул в носовую панель. «Минерва» уже оставила «Марка Твена» за собой. Палубы корабля были полны народа, любующегося дирижаблем. Аэроплан — одноместный моноплан с низко посаженными крыльями — был уже поставлен на катапульту, которую развернули так, чтобы ветер дул ей навстречу. Аэростат все еще подтягивали к кораблю.

Грейсток сел перед пультом управления. За несколько минут он спустил дирижабль до высоты 91 метр, или 300 футов, от поверхности воды. Затем сделал разворот и повел машину прямо на корабль.

Огромное белое судно стояло неподвижно, его четыре колеса вращались медленно, лишь компенсируя снос течением, чтобы удержать его на месте. С кормы уже спустили большой катер, который должен был обойти «Марка», чтоб подобрать парашютистов, бултыхавшихся в воде.

Оба берега тоже кишели зрителями, и по меньшей мере сотня суденышек спешила на парусах и на веслах на помощь парашютистам.

Из катапульты вырвался пар, и моноплан взмыл с палубы в воздух. Его серебристый фюзеляж и крылья тускло сверкнули, когда он стал набирать высоту, направляясь к дирижаблю.

Из приемника неслись вопли Клеменса:

— Какого-то-этого-так-тебя-и-растак ты вытворяешь, Джон?!

— Возвращаюсь, чтоб посмотреть, все ли благополучно с моими ребятами, — ответил Грейсток.

— Неслыханный идиотизм! — кричал Клеменс. — Да если твои мозги разбухнут по объему в десять раз, то и тогда они будут болтаться и дребезжать даже в заднице комара! Вот что получается, когда пытаются сделать норковую шапку из свиной гузки! Я ж говорил Фаербрассу, что он не должен и близко подпускать средневековых баронов к дирижаблю!

Грейсток происходит из самого тупого, самого наглого и самого ненадежного класса, который только можно отыскать! — сказал я ему. — Средневековый аристократ! Легче вообразить себе Иисуса Христа, прыгающего с шестом! Так нет, он уверял, что у тебя огромные возможности и что это будет любопытнейший эксперимент, если тебе удастся адаптироваться к индустриальному обществу!

— Полегче, Зэм! Езди ты разозлишь его, он откажется атаковать зудно Иоанна! — загремел голос Джо Миллера.

— Зунь его в звою задницу! — передразнил его Клеменс. — Когда мне понадобится совет от палеонтропа, я его обязательно попрошу.

— Не надо оскорблять других, ездил ты зам зходишь з ума, Зэм, — уговаривал Миллер. — Злушай! А не пришло ли твоей милости в башку, что, может, Грейсток задумал что-то гнузное? Может, он договорился з этой задницей королем Иоанном?

Грейсток грязно выругался. Эта волосатая комичная гигантская обезьяна оказалась куда умнее, чем выглядит. Однако Клеменс, пылающий огнем негодования, может проигнорировать слова Джо.

К этому времени дирижабль, наклонив нос под углом десять градусов к горизонту, шел прямо на судно. Его высота над водой была около 31 метра и все время уменьшалась.

Самолет фон Рихтхофена прожужжал всего лишь в 15 метрах. Летчик покачал крыльями, но лицо у него было недоумевающее. Он, конечно, слышал весь разговор по радио.

Грейсток нажал кнопку. Ракета выскользнула из пусковой установки в носовой части передней моторной gondoly. Дирижабль, став легче, тут же немного набрал высоту. Выплывавая пламя из дюз, длинная тонкая трубка свернула к серебристому аэроплану — тепловой локатор в ее носовой части «принюхивался» к выхлопным газам этой машины. Лицо Рихтхофена было неразличимо, но Грейсток отлично представлял выражение ужаса, появившееся на нем. У Лотара было всего шесть секунд, чтобы выбраться из кокпита и схватить парашют. Но если он даже спасется от ракеты, то вряд ли ему повезет — на такой малой высоте парашют все равно не успеет раскрыться.

Нет, Лотар не собирался прыгать. Вместо этого он положил аэроплан на крыло и послал его к воде. И тут же выровнял почти у самой поверхности. Блеснула ракета. И сразу же и снаряд, и аэроплан исчезли в одном огненном шаре.

Но в это время взлетная команда с бешеной скоростью уже тащила второй самолет. Те моряки, что спускали аэростат, отвлеченные от работы ревом сирен и гудков, беспечно суетились и почему-то перестали подтягивать его к кораблю. Грейсток очень надеялся, что у них не хватит сообразительности, чтоб обрубить стропы. Огромный аэростат будет действовать как якорь, мешая судну маневрировать.

Через динамик до слуха Грейстока не слишком разборчиво долетал вой пароходных сирен и голос Клеменса почти такой же высокий, как пронзительный звон сигналов тревоги.

Пароход, разворачиваясь, одновременно набирал скорость. Грейсток ухмыльнулся. Он так и надеялся, что «Марк Твен» подставит ему свой борт. Он снова нажал кнопку, и дирижабль, освобожденный от веса двух тяжелых торпед, взмыл вверх. Грейсток с помощью руля высоты опустил нос корабля еще ниже и привел дроссели в положение, обеспечивающее максимальную скорость.

Торпеды ушли в воду с громким всплеском. За ними тянулись пенистые струи. Приемник донес до Грейстока тревожный крик Клеменса. Гигантский корабль прервал разворот и рванулся вперед под углом к берегу. С его палуб сорвались ракеты. Часть их свернула в направлении торпед и взорвалась сразу же, едва коснувшись воды. Другие были нацелены на дирижабль.

Грейсток выругался на нормано-французском. Он действовал недостаточно быстро. Но торпеды обязательно попадут в корабль, и когда попадут, приказ короля Иоанна можно будет считать выполненным.

А вот умирать не хотелось.

Возможно, ему следовало сбросить бомбы, еще когда он проходил над судном. Оно отвернуло в сторону, когда он пытался пройти прямо над ним, а он не захотел слишком круто менять курс.

Ему следовало вывести из строя всю свою команду немного пораньше, а потом уж сказать Клеменсу, что хочет подвести дирижабль как можно ближе к кораблю, чтоб все могли его хорошенько рассмотреть.

Думая об этом, он автоматически жал на кнопку, которая должна была освободить все его остальные ракеты. Они ринулись навстречу ракетам с корабля, их детекторы замкнулись на хвостовых дюзах противников, точно так же, как детекторы корабельных ракет уже вцепились в их собственные.

Взрывы столкнувшихся ракет сотрясли дирижабль. Перед ним возникло дымовое облако, закрывшее корабль. А когда он вырвался из этого черного облака, то оказался прямо над «Марком Твеном»!

Раны Господни! Одна торпеда прошла мимо правого борта у кормы, но вторая должна была поразить его! Нет! Не вышло! Она чуть было не задела корму, но кораблю удалось отклониться и чудом избежать их обеих. Визгливый голос Клеменса донес до ушей Грейстока информацию, что больше ракет не будет. Клеменс опасался, что дирижабль взорвется и ветер отнесет горящие обломки к кораблю, на который они могут обрушиться.

Корабельный аэростат, волоча за собой пластиковый канат, плыл над Рекой, медленно поднимаясь вверх.

Клеменс, однако, видимо, позабыл, что бомбы с дирижабля еще не сброшены.

Второй аэроплан — двухместная амфибия — пронесся прямо под «Минервой». Его пилот с отчаянием взглянул вверх. Они слишком сблизилась, а скорость дирижабля была слишком высока, чтобы можно было свернуть вправо и воспользоваться носовым пулеметом. Но стрелок, сидевший в кокпите, уже разворачивал свой сдвоенный пулемет. Каждая десятая пуля у него — трассирующая, в фосфорной оболочке. И даже одной из них достаточно, чтобы, попав в газовый отсек, поджечь дирижабль. «Минерва» находилась в 152 метрах от «Марка Твена» и быстро сближалась с ним. Ее моторы работали на предельной мощности. Это обстоятельство плюс попутный ветер, дующий со скоростью 16 км/час, означали, что кораблю никак не уйти от своей судьбы. Только бы успеть сбросить бомбы до того, как трассирующая пуля попадет в оболочку! Впрочем, может, пулеметчик и промахнется. К тому времени как он развернет свои пулеметы, аэроплан уже промчится мимо дирижабля.

Борт корабля уже громоздился перед глазами Грейстока. Теперь, даже если в дирижабль и не попадет трассирующая пуля, то все равно он так близок к кораблю, что его бомбы неминуемо уничтожат их обоих — и «Твена», и «Минерву».

Рассчитав время, когда «Минерва» окажется над колесным кораблем, Грейсток рывком привел в действие механизм, открывающий бомбовые люки. Затем вскочил с кресла и вперед головой нырнул сквозь поднятую панель. Надеть парашют времени не было. Кроме того, он был почти у самой воды, так что парашют все равно

не успел бы раскрыться. Падая, Грейсток попал под взрывную волну, почувствовав удар, будто по голове его с размахахватила лопасть огромного вентилятора. Он кувыркался в воздухе, уже теряя сознание, и даже не успел подумать, что не быть ему теперь вторым по рангу под началом Иоанна Безземельного. Не успел он подумать и о своих планах отделаться от Иоанна и самому стать капитаном «Рекса грандиссимуса».

ГЛАВА 52

Питер Фрайгейт впервые взошел на борт «Пирушки» спустя неделю после наступления Нового года — седьмого от Д. В. Через двадцать шесть лет он все еще продолжал жить на этой шхуне. От бесконечного плавания он устал, оно ему изрядно осточертело. Доберется ли шхуна хоть когда-нибудь до верховьев Реки?

С тех пор как он оказался на шхуне, он проплыл мимо 810 000 питающих камней. Значит, проделал путь в 1 303 390 километров, или 810 000 миль.

Он начал этот путь в экваториальной зоне, и ему потребовалось полтора года, чтоб добраться до арктической области, путешествуя не так, как летит ворона — по прямой, а скорее так, как ползет змея.

Если бы Река была прямо как линейка, корабль проделал бы этот маршрут за шесть, может, за пять месяцев, но плыть пришлось зигзагами, все время меняя направление, как меняет политикан свою политику сразу после выборов.

В первый же раз, когда корабль оказался в Арктике, а Река решительно повернула на юг, Фрайгейт предложил пуститься на север пешком. Полярных гор еще не было видно, но они должны были находиться относительно близко. Словом, дела обстояли почти так же, как у Тантала.

— И как, во имя всех чертей, мы переберемся через них? — спросил тогда Фаррингтон.

И он ткнул пальцем в направлении непрерывной горной гряды, вертикально вздымавшейся на севере. Здесь она, по их оценке, поднималась всего лишь на высоту 3650 метров, или чуть меньше 12 тысяч футов.

— На воздушном шаре.

— Ты что, спятил? Здесь ветры дуют к югу. Они унесут нас прочь от Полярных гор.

— Приземные ветры — да. Но метеорологические условия тут в общем сходны с земными, и полярные ветры в верхних слоях атмосферы должны дуть в северо-восточном направлении. Если воздушный шар поднимется достаточно высоко, чтобы попасть в эти воздушные потоки, идущие в обратном направлении в сравнении с приземными, его понесет к полюсу.

А затем, когда мы полетим к горам, которые, как считается, окружают море, мы снизимся. Перелететь через те горы на воздушном

шаре у нас шансов нет. Если, конечно, эти горы так высоки, как говорят о них.

Фаррингтон буквально побелел, услышав предложение Фрайгейта.

Райдер же, ухмыляясь, сказал:

— Разве ты не знаешь, что Фриско Кид не выносит даже мысли о воздушных полетах?

— Да не в этом дело! — закричал, закипая, Мартин. — Если воздушный шар *смог бы* доставить нас туда, я бы первым полез в корзину! Но он не может! И как, во имя повелителя всея говна, мы построим такой шар, если даже допустить, что на нем действительно можно путешествовать?!

Фрайгейт вынужден был признать, что сделать это невозможно. Во всяком случае, в этом районе. Невозможно ни изготовить оболочку, ни наполнить ее водородом. Здесь для этого нет нужных материалов. И насколько он знал — в других районах тоже.

— Однако есть еще одна возможность, которую следовало бы обсудить. Как насчет воздушного шара, наполненного теплым воздухом, который доставил бы на вершину гор канат?

Еще не закончив эту фразу, Фрайгейт сам расхохотался. Откуда взять веревку длиной 3650 метров, достаточно прочную, чтоб она не лопнула под собственным весом? Какой величины шар потребовался бы, чтоб поднять такую огромную тяжесть? Такой же большой, как «Гинденбург»? И как бы они закорили канат на вершине горы?

Фаррингтон, ухмыляясь во весь рот, предложил послать в шареканатоносителе еще и человека. Он мог бы вылезти на вершине и привязать канат.

— Так что лучше забудь об этом, — сказал он Фрайгейту.

Что тот с радостью и исполнил.

«Пирушка» продолжала плыть к югу, а команда была в восторге от того, что покинула наконец эти мрачные холодные места. Там жило немногочисленное племя людей из раннего каменного века, но они и в прошлой жизни обитали в арктических районах Земли. Лучшего они не ведали.

С тех пор шхуна девять раз пересекала экватор и бывала в полярной области Южного полушария. Сейчас же они снова плавали в экваториальных водах.

Питер Фрайгейт по уши наглотался корабельной жизни, да и не он один. Остановки для отдыха на берегу с каждым разом становились все длиннее.

Однажды, ужиная на берегу Реки, Фрайгейт испытал два потрясения подряд. Первым из них было содержимое его грааля. Многие годы он тщетно надеялся, что грааль выдаст ему одновременно арахисовое масло и бананы. А теперь он открыл крышку и вдруг увидел свою осуществленную мечту.

Серая металлическая чашка на полочке была заполнена толстым слоем прекрасно пахнущего арахисового масла. А на другой подставочке лежал желто-коричневый банан.

Улыбаясь во весь рот, пуская от удовольствия слюни и причмокивая, Фрайгейт ободрал кожуру банана и намазал один его конец арахисовым маслом. Чуть ли не мурлыкая от восторга, он откусил кончик этого волшебного сочетания.

Нет, поистине стоило воскресать, хотя бы ради такой пищи!

А мгновение спустя он увидел проходившую мимо женщину. Она была весьма привлекательна, но от того, что она носила на своей руке, у него глаза вылезли из орбит.

Фрайгейт вскочил на ноги и подошел к ней, обращаясь на эсперанто:

— Pardon min, sinjorino*. Я случайно увидел ваш необыкновенный браслет. Он похож на бронзовый.

Она бросила взгляд на свою руку, улыбнулась и ответила:

— Estas braso**.

Приняв предложенную сигарету, она пробормотала:

— Dankon***.

Женщина была очень дружелюбна. Пожалуй, даже слишком, как могло показаться непредубежденному наблюдателю. Какой-то хмурый высокий мужчина уже начал приближаться к ним медленными, но решительными шагами.

Питер поспешил заверить его, что интересуется его вовсе не женщина, а ее браслет. Мужчина тут же повеселел; женщина же, наоборот, выглядела слегка разочарованной. Однако она пожалала плечами и постаралась сделать хорошую мину при плохой игре.

— Эта штука с верховьев, — сказала она. — И обошлась мне в сотню сигарет и пару рыбных рогов.

— Не говоря уж о кое-каких личных услугах, оказанных ею, — дополнил мужчина.

— Ох, Эмиль, это ж было до того, как я переехала к тебе, — обиделась женщина.

— А вы знаете, откуда он? — спросил Фрайгейт. — Я хочу знать, где их делают.

— Парень, который продал его, приехал из Новой Богемии.

Фрайгейт дал мужчине сигарету, и это, видимо, полностью сняло остатки напряженности. Эмиль охотно рассказал, что Новая Богемия — сравнительно крупное государство в девятистах питающих камнях от них выше по течению. Большинство населения составляют чехи из XX века. А меньшинство — народ из какого-то древнего галльского племени. Ну и, конечно, один-два процента, как и всегда, приходится на лиц отовсюду и из всех времен.

Всего лишь три года назад Новая Богемия была маленьким государственным образованием со смешанным славяно-галльским населением, каких тут пруд пруди.

* Извините меня, синьора.

** Он и в самом деле бронзовый.

*** Спасибо.

— Их вождь — человек по имени Ладислав Подебрад — лет шесть назад начал осуществлять один проект. Он решил, что там могут оказаться кое-какие минералы, особенно железо, погребенные глубоко под почвой. Его люди принялись копать возле самого подножия гор и пробили там здоровенную и глубокую шахту. Они потратили на это уйму кремневых и костяных орудий. Ты же знаешь, какая там крепкая трава.

Фрайгейт кивнул. Видимо, трава на этой планете предназначалась для защиты от эрозии. Ее корни уходили в глубину и там переплетались между собой. Он считал даже, что все это может быть одним растением, единым растительным организмом, простирающимся по обоим берегам Реки, а возможно, и под ней. Корни этого растения были необычайно крепки из-за высокого содержания кремния.

— Потребовалось немало труда, чтоб пробиться сквозь слой корней, а когда это было сделано, внизу не оказалось ничего, кроме грязи. Однако они продолжали врубаться и на глубине шестидесяти метров дошли до материнской горной породы. Кажется, это был известняк. Люди уже готовы были все бросить, но Подебрад, который, по слухам, что-то вроде ясновидящего, сказал им, что видел сон и что там — ниже известняка — имеются огромные залежи железа.

— Ясное дело, — сказала женщина. — А вот чего я не могу себе представить, так это тебя, занятого такой работой.

— Будто ты сама уж так трудолюбива!

Фрайгейт невольно подумал, что эти двое вряд ли долго останутся вместе, но вмешиваться в перепалку не стал. Он знал на Земле пары вроде этой, которые грызли и изводили друг друга со дня женитьбы и до дня смерти. По какой-то причине, смахивающей на извращение, они все-таки нуждались друг в друге.

Три года назад мечта Подебрада сбылась и тяжкие труды его народа полностью окупились. Они наткнулись на мощную залежь минералов — железной руды, сернистого цинка, песка, угля, соли, свинца, серы и даже платины и ванадия.

Фрайгейт от неожиданности мигнул и спросил:

— Ты хочешь сказать — слоями, пластами? Так в природе не бывает!

— Верно, — ответил Эмиль. — Во всяком случае, тот парень сказал Мари, что такого быть не должно. Но то, что он рассказывал, я слышал и от других приезжих из Новой Богемии; по их словам, было похоже, что какой-то гигантский грузовик свалил эти руды в одну кучу.

Тот, кто конструировал этот мир, вроде бы сгреб эти руды в одно место колоссальным бульдозером. Затем навалил на них горную породу, потом почву, а потом посадил траву.

Так или иначе, Подебрад вытащил металлы наружу, вернее, до сих пор добывает их оттуда. Люди его теперь все вооружены стальным оружием. А Новая Богемия расширила свою двенадцати-

километровую границу и теперь тянется на шестьдесят километров по обоим берегам Реки.

Но это не было результатом завоевания. Прилегающие государства сами просили о присоединении, а Подебрад только приветствовал это дело. Богатств у него хватает с лихвой.

А тем временем другие страны поблизости тоже запустили свои буровые проекты. Работы идут уже три года, но результаты пока — только пот, поломанные орудия и разочарование.

Видимо, место, на которое наткнулся Подебрад, — единственное, богатое минералами. Или этим, как называл их Эмиль, болванам следовало рыть еще глубже.

Эмиль ткнул пальцем в сторону холмов:

— Наше правительство пробило шахту глубиной в шестьдесят метров. Но сейчас ее засыпают. Верхний слой — доломиты. Подебраду повезло. У него был всего лишь мягкий известняк.

Фрайгейт поблагодарил Эмиля и, возбужденный, поспешил на корабль. В результате «Пирушка» спустя одиннадцать дней бросила якорь у берега столицы Подебрада.

Уже за полдня до прибытия к южным границам страны экипаж «Пирушки» ощутил близость Новой Богемии по запаху. Сернистые и угольные дымы провоняли все окрестности.

Вдоль берегов тянулись высокие земляные стены. Повсюду в глаза бросалось обилие стального оружия, включая кремневые ружья. Реку патрулировали большие колесные паровые суда, каждое из которых несло по две пушки; сновали многочисленные мелкие суденышки, вооруженные пулеметами.

Экипаж «Пирушки» был поражен этим зрелищем. И в то же время ощущал острую боль. Дивная долина была жестоко изуродована. Они так привыкли к чистейшему воздуху и безоблачным голубым небесам, к зеленым холмам и равнинам, что смотрели на это как на вечный и неизменный дар.

Нур спросил у аборигена, а была ли необходимость так поганить землю и производить такое количество оружия.

— Пришлось, — ответил спрошенный. — Если б мы этого не сделали, другие страны попытались бы отобрать у нас наши руды. Для этого они пустили бы в ход вооруженную силу. Мы делали оружие для самообороны.

Конечно, мы кое-что производим и сверх того. Излишки мы продаем и получаем больше табака, спирта, пищи и украшений, это нам на пользу.

И мужчина довольно похлопал себя по толстому брюху.

— Но ведь граали удовлетворяют все естественные потребности человека и даже снабжают его кое-какими предметами роскоши. Так надо ли срывать почвенный покров и разводить вонь на всю страну, чтобы получить больше того, в чем нуждается человек? — улыбаясь, спросил Нур.

— Так я же объяснил вам зачем!

— А не лучше ли завалить шахту, — продолжал Нур, — или даже не закладывать ее вовсе?

Человек пожал плечами. Потом, как будто чем-то ошеломленный, подбежал к Райдеру:

— Послушайте, а вы, часом, не кинозвезда Том Микс?

Том ухмыльнулся и ответил:

— Только не я, *амико*. Хотя мне часто говорили, что я на него смахиваю.

— Я видел вас... его... когда он приезжал в Париж во время своего турне по Европе. Я тогда был там по делам, стоял в толпе и приветствовал вас... его... когда он гарцевал на своем Тони. На меня это произвело громадное впечатление. Он был моим любимым актером вестернов.

— И моим тоже, — ответил Том и отвернулся.

Фрайгейт отозвал капитана и первого помощника в сторону.

— Ты чем-то взволнован, Пит, — сказал Мартин Фаррингтон. — Должно быть, думал о том же, о чем мы разговаривали пару минут назад.

— Вряд ли такое возможно, — ответил Фрайгейт. — А о чем вы говорили?

Мартин искоса взглянул на Тома и усмехнулся:

— А о чем же еще можно сейчас говорить? Мы говорили, вернее, мечтали о том, как было бы славно разжиться одним из этих пароходиков.

Фрайгейт удивился:

— Мне это и в голову не приходило. Ты что имеешь в виду — украсть его, что ли?

— Да вроде бы, — сказал Том своим тягучим южным говором. — Они же запросто построят себе новый. Мы тут прикинули, насколько быстрее мы пошли бы вверх по Реке на этой нарядной посудине.

— Если оставить в стороне этическую сторону вопроса, — возразил Фрайгейт, — то дело это опасное. Я сильно подозреваю, что по ночам их сторожат.

— Нет, ты глянь, кто тут рассуждает об этике! — воскликнул Мартин. — Разве не ты спер свое копьё, стрелы и лук? Не вспомнишь?

Фрайгейт покраснел:

— Не совсем так. Я сделал их сам. Они мои по праву.

— Это было воровство, — спорил Мартин. Он выдал одну из своих чарующих улыбок и ударил Фрайгейта по плечу. — И нечего ершиться. Твоя потребность была острее, чем потребность государства, и ты взял то, что могло быть легко заменено. Мы находимся в такой же ситуации. Мы должны подниматься по Реке гораздо быстрее, чем раньше.

— Не говоря уж о том, что и с большими удобствами, — заметил Том.

— И вы хотите, чтоб мы пошли на риск быть убитыми?

— А ты пойдешь добровольцем? Я никому не стану приказывать. Но если тебе неохота идти, то, надеюсь, ты ведь не побежишь доносить на нас, а?

— Конечно, нет! — воскликнул Фрайгейт, краснея как рак. — Я не потому возражаю, что сдрейфил. Слушайте, я пойду с вами, если это будет необходимо. Но на уме у меня совсем другое. Благодаря этому мы сможем добраться до севера куда быстрее, чем на пароходе.

— Ты полагаешь, этот Подебрад построит для нас гоночную лодку? — спросил Мартин. — Или паровую яхту?

— Нет, ничего подобного! Я имею в виду нечто, что по Реке не плавает, а пойдет над ней!

— Чтoб мне седлом протерло дырку в заднице! — воскликнул Том. — Ты говоришь об аэроплане?

В голосе Тома звучало волнение. Мартин же побледнел.

— Нет. Такое дело у нас не пройдет. Я хочу сказать, что аэроплан, конечно, доставил бы нас туда быстрее, но нам пришлось бы несколько раз садиться, приготавливать топливо, а этого мы сделать не можем. Нет. Я думаю о другом средстве передвижения.

— Неужели о воздушном шаре?

— А почему бы и нет? О шаре, а еще лучше об управляемом аэростате.

ГЛАВА 53

Тому Райдеру такое предложение явно импонировало.

— Нет! — воскликнул Фаррингтон. — Эта идея слишком опасна. Я не доверяю этим хлипким мешкам с газом. Кроме того, придется воспользоваться водородом, верно ведь? А водород горит, как Бог знает что! — И он прищелкнул пальцами. — Кроме того, это легкая добыча для сильного ветра и бурь. И еще, где это ты найдешь пилота для аэростата? Это тебе не летчики — их много, хотя лично я за все время набрел лишь на двоих. Дальше, нам придется стать его экипажем, а это значит, что нам нужна тренировка. А что, если у нас ничего не получится? Есть и другие доводы...

— Дрейфишь? — спросил Том, улыбаясь.

Мартин побагровел и сжал кулаки:

— Нарываешься на неприятности? И не жаль зубов?

— Мне их терять не впервой, — отозвался Райдер. — Но не зарывайся, Фриско. Я просто пытался подыскать еще причины, чтоб не лететь. Вроде помогал тебе, что ли.

Фрайгейт знал, что Джек Лондон никогда не проявлял интереса к воздухоплаванию. Хотя, по его мнению, человек, который вел жизнь, полную приключений, который всегда выказывал напористую смелость и был невероятно любознателен, просто обязан был стремиться к полету на новомодной машине.

Неужели он просто боится высоты?

Вполне возможно. Многие люди, которые ни черта не боялись на Земле, приходили в ужас от перспективы оторваться от нее. Это

был один из тех закидонов человеческой природы, которого не следовало стыдиться.

Тем не менее Мартин, должно быть, считал позором обнаружить свой страх.

Фрайгейт готов был признаться себе в том, что и сам обладает чувством стыда. Значительную часть его он успел порастерять, но какие-то остатки все же сохранились. Он, например, был готов сознаться в своем страхе, если для него существовала рациональная причина. А вот обнаружить страх перед чем-то иррациональным он наверняка бы постыдился.

Обсудить новую идею Фрайгейта были приглашены и Нур с Погаасом. Фрайгейт постарался затронуть и все опасности, связанные с ее осуществлением.

— Тем не менее, учитывая выигрыш во времени, лететь на аэростате и более эффективно, и более экономично. Фактически, если сравнить затраты времени на полет с затратами, которых требует путешествие по Реке, можно сказать, что во время последнего нам может встретиться несравненно больше опасностей.

— Черт побери, я не опасностей боюсь! И ты это должен понимать не хуже других. Я только...

Голос Мартина прервался.

Том улыбнулся.

— Чего ты лыбишься все время? Ты похож на вонючку, что нашла кучу дерьма и наслаждается его запахом!

Погаас тоже ухмыльнулся.

— Нет смысла нам всем перестрелять друг друга на столь ранней стадии, — сказал Том. — Давайте сначала узнаем, что эта сырная голова Подебрад может для нас сделать. Более чем вероятно, что он не захочет строить нам аэростат. За каким чертом ему это делать? Давайте прошвырнемся до его дома и поглядим, чего он нам провякает по сему поводу.

У Нура и Погааса нашлись дела поважнее, а потому капитан, его первый помощник и палубный матрос направились одни к тому дому из известняка, на который им указал какой-то прохожий.

— Неужели вы серьезно подумываете спереть один из пароходов? — спросил Фрайгейт.

— Это как посмотреть, — ответил Том.

— Нур никогда на такое не пойдет, — продолжал Фрайгейт, — да и из прочих — никто.

— Обошлись бы и без них, — парировал Том.

Они остановились у дома Подебрада, который стоял на холме, а его высокая крыша из бамбука почти касалась нижних ветвей высокой сосны. Телохранители провели их в приемную. Секретарь выслушал пришедших и на минуту исчез. Вернувшись, он сообщил, что Подебрад их примет через два дня сразу же после ленча.

Весь остаток дня они решили рыбачить. Райдер и Фаррингтон поймали несколько полосатых «окуней», но большую часть времени они обсуждали вопрос, каким способом лучше украсть пароход.

Ладислав Подебрад оказался рыжим, среднего роста, широкоплечим и мускулистым, с бычьей шеей, тонкими губами и тяжелым подбородком. Хотя личность была явно неприятная, а поведение холодное, но принимал он их дольше, чем они могли рассчитывать. Беседа шла хорошо, однако не совсем так, как они ожидали.

— А почему вам так не терпится добраться до Северного полюса? Я слышал о тамошней Башне, которая, как полагают, находится в центре моря за непроходимыми горами. Не могу сказать, что я верю этой сказочке. Впрочем, здесь все невероятное возможно и даже вероятно.

Этот мир, возможно, первоначально был создан Богом. Но совершенно очевидно, что какие-то люди или кто-то похожий на них полностью переделали поверхность планеты. И мне — ученому — очевидно, что само наше воскрешение произведено физическими средствами, наукой, а вовсе не сверхъестественным вмешательством.

Вот почему это было сделано — не знаю. Но Церковь Второго Шанса предлагает объяснение, которое звучит довольно логично. Хотя у этих церковников явно недостает многих фактов, а еще уверенности в своей правоте.

Если говорить по правде, то Церковь, как мне кажется, знает об этих делах больше кого-либо другого, если мне будет позволено так выразиться.

Он постучал длинными тонкими пальцами по столу, и все замолкли. Фрайгейт, глядя на его руки, подумал, как мало пальцы гармонируют с его крепкой фигурой и широкими мускулистыми ручищами.

Подебрад встал, подошел к шкафу, открыл его и вынул что-то. Оказалось, что в руке у него спиралевидная кость — часть скелета «рогатой рыбы».

— Вы все знаете, что это такое. Шансеры почитают ее за символ своей веры, хотя я пожелал бы им иметь побольше знаний. Впрочем, если бы у них было больше знаний, то отпала бы нужда в вере, не так ли? В этом отношении они ничуть не отличаются от других религий — как земных, так и Мира Реки.

И тем не менее мы все знаем, что жизнь после смерти существует.

Или, вернее, я должен был бы сказать *существовала*. Теперь воскрешений после смерти больше не бывает, и мы не знаем, чего еще нам ожидать. Даже у Церкви нет ответа на вопрос, почему внезапно прекратились «пересылки». Она воображает, будто бы людям было дано достаточно времени, чтобы спасти себя, и что поэтому нет необходимости продолжать воскрешения.

Либо вы уже спасены, либо нет.

Не знаю, где и в чем истина.

Джентльмены, я на Земле был атеистом, членом Чехословацкой коммунистической партии. Но здесь я встретился с человеком, который убедил меня, что религия никак не связана с рационализмом. Во всяком случае, ее фундамент в таковом не нуждается.

После акта веры, разумеется, приходит пора рационализации веры, ее идеологического оправдания. Однако Иисус, Маркс, Будда, Магомет, иудаизм, христианство, конфуцианство, даосизм — все они ошибались в вопросе о том, что последует после смерти. В отношении этого мира они ошибались еще больше, чем в оценке того, в котором мы с вами родились.

Он подошел к письменному столу, сел на него и положил перед собой рыбку спираль.

— Sinjogoj, сегодня я собирался объявить о своем обращении в веру Церкви Второго Шанса. А также о своем отречении от звания главы государства Новая Богемия. Спустя несколько дней я намеревался отправиться вверх по Реке для поисков Вироландо, которое, как меня уверили, существует в действительности. Я хочу задать главе и основателю этой Церкви Ла Виро несколько вопросов.

Если он на них ответит удовлетворительно или если сознается, что ответов на них не знает, я отдамся под его покровительство и пойду, куда он укажет, и сделаю то, что он повелит сделать.

Если моя информация верна, а у меня нет оснований считать моих информаторов лжецами, то Вироландо находится отсюда в миллионах километров. Мне потребуется половина земной жизни человека, чтобы добраться туда.

И вот неожиданно появляется вы и приходите ко мне с неким предложением. Предложением, о котором я, к своему удивлению, не думал. Возможно, потому, что меня больше увлекало само путешествие, чем его конечный результат.

Странствия ценны в первую очередь самооткрытиями, а не чем-то иным, не правда ли? Может, поэтому очевидное и не бросилось мне в глаза. Да, джентльмены, я могу построить вам аэропорт.

Но есть одно условие. Вам придется взять меня с собой.

ГЛАВА 54

Помолчав, Фаррингтон ответил:

— Не вижу, как бы мы могли вам в этом отказать, sinjogo Пюдебрад. Думаю, что я выражаю наше общее мнение.

Фрайгейт и Райдер наклонили головы в знак согласия.

— Надо сказать, что вы застали нас врасплох. Это, конечно, не значит, что я имею что-нибудь против вашей компании. Скажу прямо — я ей очень рад. Но... сможем ли мы найти тут у вас опытных дирижаблестроителей и пилотов? Ведь надо быть сумасшедшим, чтоб отправляться в такую даль, не умея управлять этим аппаратом или же не зная, с чем нам предстоит там столкнуться.

— Разумеется. Но на постройку корабля у нас уйдет много времени. Если мы не отыщем инженеров, которые сумеют разработать

проект дирижабля или, по меньшей мере, рассчитать спецификации, нам придется начинать прямо с нуля.

А пока будем искать пилота. Хотя они и очень редки, но где-нибудь на Реке, на протяжении двух тысяч километров вниз и столько же вверх по течению, наверняка найдется человек, который нам нужен.

Или лучше сказать, он может там оказаться. Впрочем, если быть совсем откровенным, то шансы, что его там не будет, весьма высоки.

— Я летал на воздушных шарах, — сказал Фрайгейт. — И много читал об аппаратах легче воздуха. Сам проделал два коротких полета на дирижабле. Что, конечно, ни в малейшей степени не превращает меня в эксперта.

— Вполне возможно, нам придется самим тренировать себя, сijnого Фрайгейт. А в этом случае нам пригодятся любые крупницы знаний.

— К тому же все это было так давно... Я многое успел позабыть.

— Надо прямо сказать, что особого доверия ты к себе не вызываешь, — с тихой яростью бросил ему Фриско Кид.

— Уверенность приходит с опытом, — вмешался Подебрад. — Что ж, джентльмены, я хотел бы начать немедленно. Объявление о моем обращении в веру я отложу до времени, когда наш воздушный корабль будет готов. Ни один член Церкви Второго Шанса или проповедник пассивного сопротивления не может быть главой этого государства.

Фрайгейт тут же усомнился, так ли уж глубока вера этого человека. Ему казалось, что, если кто-то по-настоящему убежден в верности принципов Церкви, он просто обязан говорить об этом во всеуслышание. И вне зависимости от грядущих последствий.

— Как только мы закончим наш разговор, я тут же начну работать над созданием установки по производству водорода. Думаю, что наилучшей методикой будет реакция между цинком и серной кислотой, если учесть характер наших ресурсов. Завод по производству серной кислоты уже некоторое время работает весьма успешно. Нам повезло — у нас есть в небольших количествах и платина, и ванадий.

Хотел бы я, чтоб мы смогли получить алюминий, но...

— Дирижабли Шютте-Ланца делались из дерева, — сказал Фрайгейт. — Дирижабль с мягкой оболочкой дерева потребует совсем мало.

— Дерево! Ты что же, хочешь заставить меня летать на деревянном дирижабле! — возопил Фаррингтон.

— Да нет, дерево пойдет только на киль и гондолу, — ответил Фрайгейт, — оболочка же будет сделана из внутренних тканей «речных драконов».

— Что потребует расширения рыболовной базы, — сказал Подебрад. Он встал. — У меня много работы сегодня. Но мы, джентльмены, встретимся завтра за ленчем. Тогда и обсудим все детали. А пока до свидания.

Фаррингтон, выглядевший весьма мрачно, когда они выходили из дома Подебрада, сказал Райдеру:

— Если хочешь знать мое мнение, то все это чистое безумие.

— А мне показалось — здорово! — отозвался Том. — По правде говоря, мне жутко осточертело плавать по Реке.

— Ага. Но зато мы можем подохнуть, пока будем кувиркаться в воздухе, пытаясь научиться летать на этой сволочной штуковине!

А что, если мы обнаружим, что у нас ни хрена не получается? Мы ж сколько времени упустим!

— Такие рассуждения вряд ли делают честь человеку, который перевозил людей через пороги Белая Лошадь на Аляске взад и вперед всего лишь ради нескольких несчастных баксов. Или человеку, пиратствовавшему на устричных отмелях... — вмешался Фрайгейт.

Он сам побледнел от сказанного. Райдер и Фаррингтон остановились как вкопанные. Их лица окаменели.

— Я рассказывал уйму бакс на счет Юкона, но никогда ничего не говорил о порогах Белая Лошадь. Во всяком случае, тебе. Ты что — подслушивал? — медленно начал Фаррингтон.

Фрайгейт глубоко вздохнул и ответил:

— Черт побери, да зачем мне было подслушивать?! Я вас обоих узнал в первый же раз, как увидел.

Внезапно Райдер оказался у него за спиной, а Фаррингтон положил руку на рукоять своего кремневого ножа.

Райдер сказал тихо и невыразительно:

— О'кей, кто бы ты ни был, давай шагай вперед. Прямохонько на корабль. И чтоб никаких штучек, понял?

— Так ведь не я путешествую инкогнито, — сказал Фрайгейт, — а вы!

— Делай, как сказано!

Фрайгейт пожал плечами и попытался выдавить из себя улыбку.

— Видно, вы оба замешаны в куда более серьезных делах, чем проживание под фальшивыми именами. Ладно, иду. Но убивать-то вы меня не будете, верно?

— Там поглядим, — ответил Райдер.

Они миновали холмы, пересекли равнину. У причала торчал лишь один член экипажа — Нур, болтавший с какой-то женщиной.

— Ни слова, Пит, — приказал Райдер.

Фрайгейт, глядя прямо в глаза маленькому мавру, поморщился. Он надеялся, что Нур заметит что-то неладное. Тот чутко реагировал на выражение лиц, но сейчас лишь помахал ему рукой.

Когда они вошли в капитанскую кабину, Фриско захлопнул дверь и заставил Фрайгейта сесть на край койки.

— Я плаваю с вами уже двадцать шесть лет. Двадцать шесть! И ни разу никому не назвал ваши настоящие имена, — сказал Фрайгейт.

— Такое противно человеческой натуре. Как это ты мог столько времени держать пасть на замке? И почему?

— Особенно почему? — спросил Райдер. Он стоял у двери, поигрывая стилетом из рыбьего рога.

— Так было ж очевидно, что вы не хотите, чтоб вас узнали; это во-первых. А потому, будучи вашим другом, я и молчал. Хотя, должен признаться, меня удивляло, почему вы играете в таинственность.

Фаррингтон поглядел на Райдера:

— Как думаешь, Том?

Райдер пожал плечами и сказал:

— Мы допустили ошибку. Надо было просто посмеяться. Признаться, кто мы такие, и придумать что-нибудь насчет причин.

Фаррингтон положил свой нож и закурил сигарету.

— Ага. Но это в прошлом. Что будем делать?

— После всех этих таинственных прыжков и ужимок Пит явно унюхал, что мы скрываем нечто серьезное.

— Так он уже это высказал!

Райдер вложил нож в ножны и закурил. Фрайгейт подумал, не воспользоваться ли ему моментом и не рвануть ли из каюты. Его шансы на успех были не так уж хороши... Хотя оба противника были меньше его ростом, но оба отличались силой и быстротой реакции. Кроме того, попытка к бегству только подтвердила бы его виновность.

Виновность в чем?

— Так-то лучше. О бегстве забудь. Расслабься, — сказал Том.

— Это с вами-то двумя, гадающими, не прикончить ли меня?

Том рассмеялся и сказал:

— После стольких лет знакомства ты должен был бы знать, что мы не способны на хладнокровное убийство. Даже чужака. А ты нам вроде бы приятель, Пит.

— Ну а если б я и в самом деле был тем, кем, как вы думаете, я являюсь, то что бы вы сделали?

— Полагаю, я довел бы себя до состояния бешенства, чтоб не убивать тебя хладнокровно.

— А за что?

— Если ты не настоящий Пит Фрайгейт, то сам должен знать.

— А каким же еще чертом я могу быть?

Последовало длительное молчание. Наконец Фаррингтон загасил окурочек своей сигареты в приклеенной к столу пепельнице.

— Вот в чем дело, Том, — сказал он. — Пит пробыл с нами дольше, чем любая из наших женщин. Если б он был одним из *тех*, зачем ему торчать с нами так долго? Особенно если, как он утверждает, он нас узнал в первый же день? Ведь нас могли бы схватить уже в первую же ночь, если б он был одним из *них*.

— Возможно, — ответил Том. — Мы же не знаем и четверти того, что вокруг нас творится. Разве что одну восьмую. Да и то, что мы знаем, вполне может обернуться чистой брехней. Может, нас вообще обводят вокруг пальца?

— Они? Схватили бы? — с недоумением повторил Фрайгейт.

Мартин Фаррингтон поглядел на Тома, а потом задумчиво сказал:

— Что ж нам теперь делать? Способа их идентифицировать у нас нет. Мы с тобой круглые дураки, Том. Выдать ему классную ложь теперь мы уже не сможем. Придется пойти на риск.

— Если он один из *них*, то он уже все равно знает все, — продолжил мысль Мартина Том, — поэтому мы вряд ли сообщим ему что-то новенькое. Разве что об этике. А если Фрайгейт агент, то его не стали бы сажать нам на хвост, если б не подозревали, что мы контактировали с этиком.

— Точно. Вроде бы мы поторопились. А торопиться не следовало. Знаешь, если Пит агент, то на черта бы он стал предлагать нам строить дирижабль? Разве агент захотел бы, чтоб мы добрались до Башни?

— Это верно. Разве что...

— Ну, давай, жми...

— Разве что у *них* произошла какая-нибудь здоровенная накладка, и он сейчас блуждает в темноте так же, как и мы.

— Что ты имеешь в виду?

— Слушай, Том, последнее время я много думал... когда ты дрыхнул и не валялся с бабами. Я думал о том, что тут сейчас творится что-то загадочное. Я говорю не о том, что нам сообщил этик. Я имею в виду то, что все новые воскрешения внезапно прекратились.

Тебе не приходила мысль, что, может быть, эта штука вовсе не входила в их первоначальный план... каков бы он там ни был?

— Хочешь сказать, кто-нибудь запустил шкворнем в их машинерию? Пережег пробку и оставил всех в темноте?

— Да. И агенты знают о том, что происходит, не больше нас с тобой.

— А это значит, что Пит может быть агентом. Просто он старается попасть домой.

— Думаешь, значит, что Фрайгейт нас обнаружил, а что дальше делать, не знает? И отправился с нами в путь? И выдвинул идею насчет дирижабля потому, что она поможет ему добраться куда надо побыстрее?

— Ну, вроде того.

— Тогда, значит, мы опять там же, откуда было ушли. Пит может быть одним из *них*!

— Если он агент, то ситуация такова, как я говорил. И мы ничего нового ему не сообщим.

— Ага, но зато он нам может много чего порассказать!

— И мы будем это выбивать из него? А что, если он действительно Фрайгейт?

— Да не стану я этого делать вообще! Разве уж если ставки будут больно высоки. О черт, даже и тогда не стану!

— Мы можем уплыть, его бросим тут, — сказал Фаррингтон.

Том криво улыбнулся и буркнул:

— Эвон как! И тебе сразу полегчало бы, верно? Не пришлось бы доверить трепетную плоть и трусливое сердчишко воздушному шару, а?

— Ей-Богу, ты меня все-таки достанешь когда-нибудь, Том!

— О'кей! Никогда в жизни больше и словечка не пророню на сей счет. Кроме того, я знаю, что у тебя в организме и одной косточки, чтоб дрогнула, не отыщешь.

Итак, что ж нам делать? И помни, что если мы будем продолжать плыть под парусами, то к тому времени, когда мы доберемся до Северного полюса (если допустить, что мы до него доберемся вообще), Пит, оставшись здесь, все наши загадки уже решит.

— О черт! — простонал Фаррингтон. — Да как он вообще может оказаться одним из *них*? Они же в сравнении с людьми — супермены, верно? А этот Фрайгейт уж точно никакой не супер! Только ты уж не обижайся, Пит.

Том, прищурившись, поглядел на Фрайгейта:

— Так он же мог и притвориться человеком... Впрочем, не думаю, что кому-нибудь удалось бы носить такую маскировку двадцать шесть лет.

— Мастак ты болтать, приятель.

— Еще поглядим, кто больше болтает-то! Истинный вождь Открой-Рот-Пошире!

Фаррингтон зажег еще одну сигарету. Райдер последовал его примеру, а потом спросил:

— Хочешь подымить, Пит?

— Значит, порешили меня дымом удушить? — улыбнулся Фрайгейт. Он вытащил сигару из своей висевшей через плечо сумочки. — А еще я не отказался бы от выпить чего покрепче.

— Этого нам всем недостает. Том, позаботься насчет выпивки. А потом мы все ему расскажем. Господи, как полегчало-то!

ГЛАВА 55

— Это была темная бурная ночь, — начал Том. Он усмехнулся, показывая, что умышленно пародирует классические вступления к рассказам о привидениях. — Джек и я...

— Пусть будет — Мартин, Том. Помнишь наш уговор? Даже если мы наедине...

— Конечно, помню, но тогда ты был еще Джеком. Разумеется, в те дни я уже был знаком с Кидом, но близкими друзьями мы еще не стали. Наши хижины стояли близко одна от другой, и мы оба служили моряками на патрульной шлюпке местного диктатора.

Однажды, когда я был свободен от дежурства и мирно спал в своей хижине, я вдруг проснулся. Разбудили меня не молнии и не гром. Просто кто-то тряс меня за плечо.

Сначала я подумал, что это Говардина — моя женщина. Ты помнишь ее, Кид?

— Красотка была, — пояснил Мартин Фрайгейту. — Рыжая как огонь шотландка.

Фрайгейт заерзал на скамейке, а потом сказал:

— Знаете, мне бы очень хотелось поскорее добраться до сути дела.

— О'кей, тогда обойдемся без литературного украшения. Тем более что это была не Говардина — та крепко спала. Затем вспышка молнии высветила темную фигуру, которая склонилась надо мной. Я хотел вскочить, а рука уже готовилась скользнуть под подушку, за лежавшим под ней томагавком. Но двинуться я не мог.

Думаю, меня либо усыпили, либо я был под каким-то особым психическим воздействием. Я подумал — *ой, ой, этот парень меня достал, он каким-то образом парализовал меня и сейчас искренне ваш получит свое!*

Конечно, возможно, я просто проснулся в каком-то совсем другом месте, но ведь я не чувствовал, что меня волокут из хижины!

Еще две вспышки молний позволили мне рассмотреть этого парня чуть подетальнее. И вот тут меня просто оглушило. Заметьте, мне не стало страшно, я просто удивился. Его фигура была закутана в большой черный плащ. А голова! Да ее просто не было! Я хочу сказать, она была накрыта большим сосудом, вроде круглого аквариума для рыб. И эта штука была тоже черной, так что черты лица рассмотреть не удавалось. А он каким-то образом видел меня отлично.

Но если двигаться я не мог, то уж говорить-то — извольте! Я спросил: «Кто ты такой?» Сказал это нарочито громко, чтоб разбудить Говардину, но она даже не пошевелинулась за все время нашего с ним разговора. Я решил, что ее тоже одурманили, только еще сильнее, чем меня.

Чужак заговорил басом, ответив мне по-английски:

— У меня мало времени, и я не могу отвлекаться на мелочи. Мое имя значения не имеет. Да к тому же я бы тебе его все равно не назвал, ибо тебя могут обнаружить и развернуть твою память.

Я не знал, что это значит «развернуть память». Все происходящее и без того выглядело сплошным безумием. Я знал, что не сплю, и очень об этом сожалел.

— А если бы они это сделали, то узнали бы обо всем, что говорилось и делалось в этой хижине, — продолжал этот *homme**. — Это все равно что снять кинофильм с того, что заключено в твоей памяти. А из него они могут вырезать все, что сочтут нужным, чтоб ты позабыл, и ты это действительно забудешь. Но даже если они это сделают, я все равно явлюсь к тебе еще раз и мы поговорим о многом.

— А кто такие эти *они*? — спросил я.

* Мужчина, парень (*исп.*).

— Это те люди, которые восстановили эту планету и воскресили вас, — ответил он. — А теперь слушай и не перебивай, пока я не кончу.

Ты ведь знаешь меня, Кид. Я же ни от кого не потерплю панибратства. Но этот тип говорил со мной так, будто весь мир — это его ранчо, а я — слуга при нем. А впрочем, я все равно ни черта сделать не мог!

— «Они», — сказал незнакомец, — живут в Башне, что стоит в самом центре Полярного моря на севере. Может быть, ты слышал какие-нибудь разговоры об этом? Ведь кое-кому из людей и в самом деле довелось пройти через горы, окружающие это море.

В этом месте его рассказа я мог бы спросить его, не он ли тот, кто оставил висеть длинную веревку, чтоб люди могли подняться с ее помощью на скалу, и не он ли пробил туннель, но тогда я еще не слышал этой истории.

— Но им не удалось проникнуть в Башню, — продолжал он. — Один из их отряда умер, упав в море со скалы. Ему было дозволено снова воскреснуть где-то в Долине.

Том помолчал.

— Должно быть, у упавшего все же сохранились какие-то воспоминания.

А незнакомец меж тем продолжал:

— Другим же это не было дано. Они... впрочем, неважно...

— Значит, — ухмыльнулся Том, — ему не все было известно про этих египтян. Он явно не знал, что одному из них удалось все же бежать. А если и знал, то по какой-то причине решил от меня это утаить. Но не думаю, что этот факт был ему известен. Иначе он вряд ли позволил бы тому египтянину уйти... А может, и позволил бы?..

Во всяком случае, незнакомец продолжал:

— Быстрота, с которой слухи распространяются по Долине, поразительна. Кажется, вы это явление называете «сарафанным радио»? Человек, упавший со скалы, рассказал свою историю после своего воскрешения, и она разошлась по всей Долине. Скажи, ты-то слышал про тот поход?

— В первый раз слышу, — ответил я.

— Ладно, наверняка в будущем ты ее услышишь. Ты отправишься вверх по Реке, и тебе обязательно расскажут ее либо в одном сильно переработанном варианте, либо в другом. Но в своей основе она правдива.

Без сомнения, ты думал над тем, зачем вас воскресили и поместили здесь?

Я кивнул, а он продолжал:

— Мой народ — этики — совершил это в качестве научного эксперимента. Они перенесли вас сюда, смешали все расы и народности из разных времен лишь для того, чтобы изучать ваши реакции. А потом их записывать и классифицировать.

А затем (тут в его голосе появились нотки возмущения), после того как они подвергли вас этому эксперименту, после того как

возбудили в вас надежду на вечную жизнь, они *прикроют* этот проект! И вы умрете, но уже навсегда. Не будет вам больше воскрешений! Вы превратитесь в прах и прахом пребудете во веки веков!

— Мне все это кажется возмутительной жестокостью, — сказал я, позабыв, что еще не получил разрешения высказывать свои мысли.

— Нечеловеческая жестокость, — подтвердил он. — А ведь в их силах дать вам жизнь вечную! Во всяком случае, столь же долгую, как жизнь вашего солнца! Даже большую, так как вас всегда можно перевезти на другую планету, где солнце еще молодо.

Но нет! Этого они не сделают! Они считают, что вы не заслуживаете бессмертия!

— В высшей степени неэтично, — отозвался я. — А еще именуют себя этиками! Чистейшей воды нахальство!

Это его остановило, и он сказал:

— А это потому, что они считают неэтичным разрешать жить вечно таким жалким и никудышным созданиям, как вы!

— Надо признаться, их мнение о нас не слишком-то лестно, — заметил я.

— Как и мое, — ответил незнакомец. — Но высоко ли, низко ли представление о человечестве, основанное на мнении *ep masse**, оно не имеет ничего общего с этическим аспектом проблемы, о которой идет речь.

— Но как можно любить то, что презираешь? — спросил я.

— Это нелегко, — ответил он, — но ведь все, что истинно этично, дается с большим трудом. Однако пока все разговоры с тобой — зряшная трата моего дорогого времени.

Тут откуда-то возник довольно яркий голубоватый свет, и я увидел, как он выпростал руку из-под плаща. На ее запястье было укреплено некое приспособление, по размерам чуть больше карманных часов. Оно-то и испускало голубоватое сияние. Я не сумел разобрать, что там было на циферблате, но заметил, что приборчик к тому же еще что-то говорит — тихо, ну как приглушенное радио.

Слов я не разбирал, но мне показалось, что это какой-то иностранный язык, которого я никогда не слыхивал. А голубой свет зато показал мне шар, что был надет на голову незнакомца — черный и блестящий. Рука была крупная, ладонь широкая, но с длинными тонкими пальцами.

— Мое время истекает, — сказал незнакомец и спрятал руку под плащ. В хижине стало сразу темно, если не считать вспышек молний, время от времени озарявших стены. — Я не могу сейчас сказать, почему избрал именно тебя, — продолжал он, — но твоя аура показывает, что ты являешься хорошим кандидатом для этой работы.

* Большинство (фр.).

(Что такое аура? — подумал я. Мне приходилось видеть объяснение этого термина в словаре, но я интуитивно чувствовал, что мы с ним вкладываем в это слово разное понимание. И что это за работа?)

Неожиданно, будто он прочел мои мысли, его рука снова выскользнула из-под плаща. Голубое свечение было теперь столь ярким, что я с трудом видел контуры фигуры незнакомца. Зато я хорошо видел обе его руки и то, как они приподнимают тот черный шар, который закрывает его голову. Я подумал, что, может быть, теперь мне удастся разглядеть хотя бы общий абрис его лица или какую-нибудь черту последнего, если я изо всех сил скошу глаза. Но все, что я увидел, была черная сфера, возникшая над его головой. Это был не тот черный круглый стеклянный предмет — его он продолжал держать в руках, как бы сдвинув в сторону. Та же штука, которая была у него над головой, вращалась, выбрасывая снопы разноцветных искр, и светилась так ярко, что кроме нее я уж ничего другого различить не смог. Иногда из нее вылезали какие-то отростки вроде щупальцев, но они тут же втягивались обратно в эту вращающуюся штуковину.

Не побоюсь признаться, что перепугался я до полусмерти. Нет, пожалуй, не то что испугался, а ощутил благоговейный ужас. Ну, все равно как ангела увидел лицом к лицу; а в том, чтобы ангела испугаться, стыда ведь нет.

— Люцифер тоже был ангелом, — напомнил Фрайгейт.

— Ага, знаю. Читывал Библию. И Шекспира тоже. Может, грамматических школ мы не кончали, а уж самообразования хлебнули до ушей.

— А я и не думал намекать на твое невежество.

Мартин хмыкнул и сказал:

— Уж не хотите ли вы оба сказать, что верите в ангелов?

— Я-то нет, — ответил Том, — но он уж точно смотрелся ангелом. Не думаю, чтоб эта аура у него была видна постоянно. Я полагаю, что он показал мне ее с помощью той самой штуковины, что у него была прикреплена к запястью. Кстати, она тут же исчезла, а вместе с ней пропало и голубое свечение. Все произошло слишком быстро, чтоб я мог различить лицо незнакомца. Еще одна молния высветила его силуэт, и я увидел, что черный стеклянный шар снова скрывает его голову.

Вот теперь я точно знал, что он подразумевает под словом «аура». Я понял это, ибо он сказал, что и у меня есть аура. И она тоже невидима.

— Не хватает только, чтоб ты тоже вообразил себя ангелом, — хмыкнул Мартин.

— Ты можешь и ты должен мне помочь, — сказал незнакомец. — Я хочу, чтоб ты отправился вверх по Реке, к Башне. Но сначала тебе придется рассказать этому Джеку Лондону о том, что произошло сегодня ночью. Ты должен убедить его, что все сказанное тобой — истина. И заставить отправиться в поход вместе с тобой.

Но ни при каких обстоятельствах ты не должен рассказывать никому другому, что я встречался с тобой. Ни единой душе! Нас — этиков — очень мало, и мы покидаем Башню только в случае крайней необходимости. Мои противники имеют среди вас свою агентуру. Агентов не очень много, если сравнивать с вашей численностью, но они прекрасно маскируются под воскрешенных и давно ищут меня.

Когда-нибудь они, безусловно, придут к выводу, что я вербую себе помощников среди обитателей Мира Реки. И начнут вынюхивать таких. Если тебя обнаружат, то заберут в Башню, «развернут» твою память, прочтут ее и исключат из нее те места, которые важны для меня. А потом опять вернут тебя в Долину.

Лондон тоже обладает тигриной аурой. А потому сделай все возможное, чтобы он последовал за тобой. Передай ему, что я еще увижусь с вами обоими, и тогда он тебе поверит. А вам предстоит узнать еще многое о том, что здесь происходит.

Тут он внезапно поднялся и сказал:

— Итак, до встречи.

Я видел, как новая вспышка молнии обрисовала его фигуру, плащ, черный шлем. Я было подумал, а не поехала ли у меня крыша? Попробовал встать, но не смог. Только через полчаса мой паралич прошел и я выбрался наружу. Буря к тому времени уже стихла, облака стали расходиться. Никаких следов незнакомца обнаружить не удалось.

Тут Мартин перехватил рассказ в свои руки. Том пришел к нему следующим вечером и заставил поклясться, что тот будет молчать о вещах, о которых Том собирается ему сообщить. Мартин не знал, верить ли этой дикой истории или нет. Что убедило его, что Том не лжет, так это изображение, что Райдеру не было смысла выдумывать столь фантастическую бредятину.

Событие, безусловно, имело место, но, надо думать, было просто чьим-то розыгрышем.

Том пораскинул мозгами и решил, что роль незнакомца мог разыграть сам Лондон. Но потом они оба поняли, что ни один из них, да и никто со стороны, не мог бы разжиться ни стеклянным шаром, ни наручным приборчиком. И вообще — кому здесь под силу соорудить сверкающую ауру?

А Фриско Киду уже не сиделось на месте. Ему пришлось по душе идея построить парусник и уплыть на нем в далекие края. Чем бы ни была услышанная история — ложью или правдой, — она давала ему новый жизненный стимул, а значит — Жизнь! Том разделял с ним эти чувства. Башня стала для них чем-то вроде Святого Грааля.

— Я чувствовал, что совершаю подлость, покидая Говардину без какого-либо объяснения. Кид-то со своей бабой не слишком ладил — такой длинный бабец с шилом в заднице — не знаю уж, что он в ней нашел; так что у него особых сожалений не было.

Мы прошли вдоль Реки этак пару сотен питающих камней и там принялись строить эту вот шхуну. К нам присоединился Нур и

помог нам ее закончить. Он единственный из первоначального состава экипажа, который с нами до сих пор.

Вдруг Том, приложив палец к губам, стал бесшумно красться к двери. Приложив ухо к филенке, он прислушался, а затем рывком распахнул дверь.

В дверном проеме стоял маленький мавр Нур эль-Музафир.

ГЛАВА 56

Нур не казался ни смущенным, ни испуганным. Он сказал по-английски:

— Можно войти?

— Еще бы нельзя, черт бы тебя побрал! — проревел Том. Однако он не сделал попытки силой втащить Нура в каюту. Что-то в этом смуглом низеньком человечке предвещало серьезные неприятности для всякого, кто его тронет.

Нур вошел. Фаррингтон, сверкая глазами, вскочил на ноги.

— Подслушивал?

— Очевидно.

— Зачем? — спросил Том.

— Потому, что вы прошли на корабль втроем. И по выражению ваших лиц можно было понять, что что-то неладно. Питер явно был в опасности.

— Спасибо, Нур, — поблагодарил Питер.

Райдер закрыл дверь. Мартин задумчиво сказал:

— Без выпивки не обойтись.

Нур присел на шкафчик. Мартин одним глотком расправился с двойной порцией виски. А Том спросил:

— Ты все слышал?

Нур кивнул.

— Мы с равным успехом могли бы встать на палубе и через мегафон поведать обо всем всему свету, — гневно заорал Мартин.

— Господи Боже! — поддержал его Том. — Теперь у нас на руках новая проблема!

— Убивать меня не стоит так же, как не стоило убивать Питера, — сказал Нур. Он достал сигару из своей сумочки и раскурил ее. — Я слышал, как ваши женщины говорили, что скоро вернутся на борт. Так что времени у нас мало.

— Хладнокровный паршивец, а? — бросил Том Мартину.

— Как и всякий опытный шпион.

Нур расхохотался и ответил:

— Нет. Скорее уж как кто-то, *кто был избран этиком!* — И тут же продолжил: — Разглядывайте меня сколько угодно. Но вам следовало бы уже давно поинтересоваться, почему я присоединился к вам в самом начале и оставался с вами как пришитый все это долгое и утомительное плавание.

Мартин и Том в буквальном смысле застыли с открытыми ртами.

— Да, — продолжал Нур, — я знаю, о чем вы думаете. Если я шпион, то обязательно должен притвориться, что являюсь одним из рекрутов этика. Поверьте мне, это не так — я не шпион.

— А откуда нам знать, что ты не врешь? Чем ты можешь доказать нам это?

— А откуда мне знать, что вы оба сами не агенты? Как *вы* сумеете доказать *мне*, что это не так?

Капитан и старший помощник явно обалдели.

— А когда этот Таинственный Незнакомец говорил с тобой? И почему он не известил Тома, что ты тоже участвуешь в этой затее? — спросил Фрайгейт.

Нур только плечами пожал:

— Он появился у меня вскоре после того, как посетил Тома. Точно не знаю когда. Что же до второго вопроса, то ответ на него мне неизвестен.

Я подозреваю, что этик, возможно, не говорил всей правды. Он вполне мог уклоняться от истины, сообщая нам лишь часть информации о реальном положении вещей. Почему — не знаю. Но очень хотел бы знать.

— Может, нам следует их обоих бросить здесь? — спросил Мартин.

— Если вы это сделаете, — ответил Нур, — мы с Питером пойдем верхней дорогой и будем у Башни пораньше вас.

— Это он перефразирует песенку Бобби Бёрнса, которую ты так любишь напевать, — кивнул Том Мартину.

Мартин буркнул нечто неразборчивое, а потом сказал:

— Оба они не могут быть шпионами недругов твоего посетителя, Том. Иначе нас схватили бы уже давно. Поэтому придется им довериться. И все же я не понимаю, почему этик не предупредил тебя о Нуре?

Том провозгласил здравицу в честь новообетенного товарища, и все выпили. В это время на палубе послышались голоса вернувшихся женщин. Когда женщины вошли в каюту, мужчины покатывались со смеху, слушая одну из очередных баек Мартина, но они все же успели договориться о будущей встрече в холмах.

На следующий день они встретились с Подебрадом, познакомившим их со своими инженерами. И тут же началась работа над спецификациями будущего дирижабля с мягкой оболочкой.

Фрайгейт обратил их внимание на то, что в основу спецификаций должна быть заложена целевая установка полета. Если они хотят лишь как можно ближе подобраться к верховьям Реки, им нужен воздушный корабль — достаточно большой, чтоб нести на себе значительный запас топлива, дабы туда долететь. Но ему не надо иметь потолок полета выше 4572 метров, или 15 000 футов. Если же они намерены лететь через горы, окружающие Полярное море, им следует строить аппарат, способный подняться до 9144 метров.

Это в том случае, если рассказы о высоте гор верны. Никто ведь точно ничего не знает.

Для того чтобы разработать проект и построить дирижабль с твердой оболочкой для более длительного и высотного полета, потребуется значительно больше времени. В этом случае нужен и гораздо более многочисленный экипаж, а отсюда и большее время для его обучения. На больших высотах моторам необходимы компрессоры повышенной мощности. Кроме того, ветры там наверняка сильнее, чем в приземных слоях атмосферы. Возможно, они носят ураганный характер. Цеппелину придется нести запас кислорода для обеспечения экипажа и работы машин. Таким образом, грузоподъемность должна быть очень большой. Существует еще и проблема обледенения.

Было бы, конечно, неплохо использовать реактивные двигатели. Однако они на малых высотах и низких скоростях недостаточно эффективны. На дирижаблях их можно было бы применить лишь на очень больших высотах. Да и металлы, которые нужны для постройки реактивных двигателей, тут, к сожалению, отсутствуют.

На все эти соображения Подебрад холодно ответил, что вопрос о дирижабле с твердой оболочкой вообще не стоит в повестке дня. Его интересуют лишь небольшие корабли с мягкой оболочкой. Надо, чтоб он мог пролетать над горами, держась на высоте 3962,4 метра, или 13 000 футов. Он понимает, что горы местами достигают 6096 метров и даже больше. В этом случае дирижаблю придется двигаться параллельно горной гряде, пока он не обнаружит, что цепь гор снижается.

— На это понадобится дополнительное топливо, так как путь заметно удлинится, — заспорил Фрайгейт.

— Что даже кошке ясно, — ответил Подебрад. — Корабль придется сделать достаточно большим, чтобы скомпенсировать эти объезды.

Было ясно одно: синього Подебрад — босс.

На следующий день проект «Воздушный корабль» заложили. Завершили же его через восемь месяцев, то есть на четыре месяца раньше, чем предполагалось. Подебрад был классный руководитель.

Нур спросил Подебрада, как он найдет Виrolандо без карт.

Чех ответил, что разговаривал с несколькими миссионерами, которые там воскресли. Согласно их данным, Виrolандо находится на берегах очень большого озера, имеющего форму песочных часов; по озеру разбросано ровно сто высоких острых скал, так что спутать его с другими озерами просто невозможно.

Разумеется, если где-нибудь на планете нет точного дубля.

После этого разговора Фрайгейт заметил:

— Очень я сомневаюсь, что Подебрад настоящий шансер. Те шансеры, с которыми я встречался, были милые и общительные люди. А этот типчик вполне способен давать уроки холодильникам, как следует замораживать продукты.

— Вполне возможно, что он агент, — ответил Нур.

Остальные были просто ошарашены таким предположением.

— Хотя если б он был шпионом, — продолжал размышлять Нур, — то зачем ему вздумалось отказываться от постройки высотного дирижабля, который смог бы перелететь через Полярные горы?

— Не думаю, чтоб дирижабль мог в действительности подняться на такую высоту, — засомневался Фрайгейт.

Кем бы ни был этот Подебрад, энтузиазма у него хватало с избытком. Хотя ему так и не удалось найти ни одного пилота, зато инженеров ему хватило бы на два десятка воздушных кораблей. И Подебрад решил, что пилоты должны самообучаться.

Были набраны три экипажа с таким расчетом, что если кто-то из их состава по непредвиденным причинам выбудет из списка, то проблемы с заменой не возникнет. Именно во время наземных тренировок у Фрайгейта, Нура, Фаррингтона, Райдера и Погааса стали возникать пока еще неясные подозрения. Никто из них не разбирался в моторах, и им пришлось усиленно тренироваться в работе с ними. Но зачем Подебраду использовать их, если у него в избытке искусных техников и инженеров?

Подебрад решил, что экипаж будет состоять из восьми человек. И согласно договору, все пятеро плававших на «Пирушке» были занесены в список номер первый. Подебрад же вылетал в каждый полет, но исключительно в роли наблюдателя.

Фрайгейт ужасно нервничал, когда поднялся в воздух впервые, но земной опыт полетов на воздушных шарах помог ему быстро превозмочь первоначальную робость.

Экипажи тренировались поочередно. Затем огромный полужесткий аэростат сделал несколько тренировочных круговых полетов протяженностью до 600 километров. Он пролетел над четырьмя горными грядками, что позволило экипажу увидеть долины, которых они никогда в жизни не видали, хотя практически были почти соседями.

В ночь перед окончательным стартом экипажи собрались на многолюдный торжественный прием, данный в их честь. Команда «Пирушки», но без женщин капитана, старшего помощника и Фрайгейта, тоже, разумеется, присутствовала. Женщины, конечно, здорово обозлились, ибо считали себя брошенными. Хотя у них всех уже были новые любовники, они тем не менее вовсе не собирались прощать своих бывших однокаютников.

Нур прибыл в Новую Богемию без женщины, так что ему не о чем было беспокоиться.

Незадолго до полуночи Подебрад отправил всех по домам. Старт должен был состояться перед самым рассветом, так что экипажу предстояло встать еще раньше. Группа Фаррингтона ночевала в хижине вблизи огромного бамбукового ангара и, поболтав немного, уснула. Они ожидали, что Подебрад объявит о своей отставке и грядущем отбытии прямо на приеме. Теперь стало очевидным, что он намерен отложить эти формальности до тех пор, пока не окажется на корабле.

— Боятся, что ли, что его линчуют? — высказал предположение Фаррингтон.

Фрайгейт заснул последним; во всяком случае, так ему казалось. Мартин вполне мог притвориться спящим — страха он, правда, не показывал, но подниматься в воздух явно не любил.

Фрайгейт долго вертелся и копошился; он был слишком взволнован, чтобы расслабиться. Сон всегда медлил снизойти на него, когда предстояли важные события — будь то ночь перед футбольным матчем или гонкой на велосипедном треке. Очень часто бессонница на следующий день вызывала у него такую усталость, что он не мог показать даже те результаты, которых вполне мог ожидать от себя. Опасения, что он недостаточно хорошо, приводили к тому, что он таким и оказывался.

Кроме того, летая в молодости на аэропланах в армейской авиации, а на воздушных шарах в более зрелые годы, он лучше других понимал, какие опасности могут их подстергать в полете.

Фрайгейт очнулся от дремоты, услышав рев двигателей и вой крутящихся пропеллеров.

Он вылетел из постели, распахнул настежь дверь и выглянул наружу. Увидел он только густой туман, но тут же решил, что у всего этого шума может быть лишь одно объяснение.

На то, чтоб разбудить остальных, потребовались считанные минуты. Одетые в одни килты, накинув на плечи длинные полотенца из плотной ткани, они опрометью помчались к ангару. Не раз наталкивались они на хижины, не раз спотыкались и падали на землю. Наконец, когда они выскочили на пологий скат береговой равнины, их головы оказались выше пелены плотного тумана.

При ярком свете звезд они увидели то, что больше всего боялись увидеть.

Вокруг них толпилось множество женщин и мужчин, из глоток которых неслись хриплые спросонья вопли восторга. Именно эти люди и вытащили из ангара колоссальный дирижабль, ведя его за стропы. Теперь, когда их работа завершилась, они, беснуясь, смотрели, как он величественно и медленно поднимался над землей. Как раз в эту минуту сверху сбросили часть водяного балласта, основательно промолив тех, кто стоял внизу. Теперь огромное сигарообразное тело поднималось заметно быстрее; его нос был поднят и нацелен туда, где лежали верховья Реки. Огни кабины, укрепленной на треугольном в сечении киле, проходящем под всем дирижаблем, ярко светились. Через иллюминатор можно было видеть четкий профиль Подебрада.

С дикими воплями и проклятиями пятерка неслась к дирижаблю, отлично сознавая, что не в их силах хоть на одно мгновение задержать старт.

Фаррингтон схватил копьё, прислоненное кем-то к стене ангара, и с силой швырнул его вверх. Оно упало назад, даже не долетев до дирижабля, но чуть не поранив какую-то женщину. Мартин бросился на землю и в бешенстве стал колотить по траве руками.

Микс прыгал, орал и потрясал кулаками.

Нур грустно качал головой.

Погаас рычал ругательства на своем родном языке.

Фрайгейт рыдал. Это по его вине остальные потеряли целых восемь месяцев! Если б он не вспомнил о дирижабле, они к этому времени уже проплыли бы пятьдесят или больше тысяч миль, приблизившись таким образом к своей цели!

А что хуже всего — «Пирушку» уже продали. И нельзя сказать, чтоб задаром. За пятьсот сигарет, много виски и еще кое-какие услуги.

Позже они в мрачном молчании стояли у питающего камня, ожидая, когда же из него вырвется энергия и наполнит их граали едой.

Жители Новой Богемии, сидевшие рядом, были народом шумливым — они обсуждали и проклинали своего бывшего властелина. Экипаж «Пирушки» мрачно помалкивал. Наконец Фаррингтон сказал:

— Что ж, мы всегда можем украсть свой корабль.

— Это было бы бесчестно, — отозвался Нур.

— Что ты тут болтаешь — бесчестно! Я ж не предлагаю украсть его бесплатно. Мы отдадим им все, что мы получили за шхуну.

— Да ни в жизнь они не согласятся на такое дело, — сказал Том.

— Интересно, а что они смогут поделаться?

Началась обычная суета, заставившая их временно прекратить разговоры. Какой-то мужчина объявил, что Совет только что назначил нового главу государства. Им стал бывший заместитель Подебрада — Карел Новак. Раздались приветственные возгласы, но в своем большинстве люди были слишком обозлены, чтоб выработать в себе столь положительные эмоции.

— Как вы полагаете, почему он нас надул? — спросил Мартин. — Мы были пилотами ничуть не хуже других. А кроме того, он же нам обещал!

Ответил ему Фрайгейт голосом, срывающимся от волнения:

— Если говорить по правде, то я пилот похуже, нежели Хронов или Желязны. Подебрад знал, что если он отсеет меня, то вы поднимете галдеж. Поэтому он решил просто отчалить без нашей компании.

— Грязная вонючка! — воскликнул Том. — Нет! Дело не в этом! А кроме того, ты вполне приличный пилот.

— Никогда нам этого не узнать, — уныло сказал Мартин. — Послушайте, а вы не думаете, что Подебрад мог быть агентом? Что он каким-нибудь образом разнюхал насчет нас и поэтому бросил всех тут ковырять большим пальцем в носу?

— Сомневаюсь, — возразил Нур. — Конечно, агентом он *мог* быть. И вы же помните, сначала он хотел построить быстроходный пароход и пойти на нем вверх по Реке. А потом появились мы и выдали ему эту первосортную идею, которая его захватила, — дирижабль. Но мы же за это и поплатились.

— А если он все же агент? Тогда как он узнал про нас?

Фрайгейт поднял голову:

— Вот оно! Наверняка это одна из наших женщин, от которых мы отделались. Она подслушала, как ты разговаривал с Томом. Вы ведь совсем не следите за собой, когда треплетесь в каюте. А может, либо Элоиза, либо Надя подслушала, как вы говорите во сне. Чтоб отомстить, они все выложили Подебраду, а уж он решил, что мы для него лишние.

— Ни одна из них не смогла бы так долго удерживать язык за зубами, — решительно возразил Том. — Они бы уж давно выложили все нам самим.

— Никогда нам теперь этого не узнать, — грустно приговаривал Мартин, покачивая головой.

— Похоже, что так, — сказал Том, — но, если я когда-нибудь встречу Подебрада, я ему шею сверну!

— Но только после того, как я ему ноги вырву! — вторил ему Мартин.

— Нет, лично я собираюсь построить шестиэтажный дом, — мечтательно сказал Фрайгейт, — и в нем будет только одно окно — на шестом этаже! А потом мы казним Подебрада тем способом, который изобретен самими чехами. Называется он «изоконирование»*.

— Чего, чего? — не понял Том.

— Вышвырнем его из окна.

— Воображаемая месть, — серьезно сказал Нур, — прекрасный способ успокоения нервов. Однако еще лучше — вообще не испытывать потребности в мести. Нам надо дело делать, а не пары выпускать.

Фрайгейт резво вскочил на ноги.

— У меня есть идея! Нур, ты не присмотришь за моим граалем? Я хочу повидаться с Новаком.

— У меня твои идеи вон где сидят! — заорал Фаррингтон. — Мало разве от них неприятностей было? Сейчас же вернись!

Но Фрайгейт продолжал шагать, будто ничего и не слышал.

ГЛАВА 57

Медленно и величественно плыл «Парсеваль» над горной щелью. Нос задран вверх, пропеллеры работают под тем же углом. Ветер, с гулом вырывающийся из дыры, круто заворачивал вниз, отражаясь от верхней кромки стены каньона, и дирижаблю приходилось напрыгать всю силу моторов, чтоб не быть подхваченным этим могучим воздушным водопадом. Сирано точно рассчитал необходимые усилия и, держа воздушный корабль на неизменной высоте, вел его прямо в центр похожего на арку прохода. Малей-

* Намек на события 1947—1948 гг. в Чехословакии, когда ряд бывших членов правительства, в том числе премьер-министр Масарик, погибли, якобы выбросившись из окон.

шая ошибка — и огромный корабль будет брошен на стену каньона и переломится надвое.

Джилл думала, что если б капитаном была она, то, весьма возможно, не рискнула бы войти в этот горный прорыв. Было бы лучше обойти горы кругом и поискать другой вход. Конечно, это повлекло бы огромный перерасход топлива. Преодолевая столь сильные воздушные потоки, моторы так пожирали бы горючее, что его не хватило бы на возвращение в Пароландо. Возможно, что кораблю не удалось бы даже дотянуть до «Марка Твена».

Сирано был весь в поту, но глаза горели, а выражение лица говорило о напряженном внимании. Если в глубине души он и испытывал страх, то это никак не сказывалось на том, как он держался. Джилл пришлось скрепя сердце признать, что в конечном счете он оказался самым подходящим человеком для данной ситуации. Его рефлексы действовали стремительно, он никогда бы не смог, например, окаменеть, поддавшись внезапной панике. Для него все происходившее скорей всего походило на дуэль на шпагах. Ветер делает выпад; Сирано парирует; ветер отвечает рипостом; Сирано — контррипостом.

И вот они уже входят в толстое одеяло облаков, затыкающее зияющую дыру в цепи гор.

Еще мгновение — и дыра уже позади.

Все еще бредущие ошупью в тумане, они все же могли ориентироваться по радарному экрану. Перед ними, где-то на километр ниже, лежало море. Его кольцом окружали горы. А впереди, в самом центре моря, в 48,5 километра от дирижабля (или в 30 милях) из морских волн поднимался некий объект; в сравнении с горами он казался совсем маленьким. Сирано, глядя на экран радара, помещавшийся перед ним на консоли управления, воскликнул:

— Внимание! Башня!

Оператор радара, сидевший у собственного экрана с правого борта, подтвердил догадку пилота.

Фаербрасс отдал распоряжение вывести корабль на высоту 3050 метров, или 10 тысяч футов. Поставить пропеллеры в горизонтальную позицию, чтоб поскорее поднять корабль, было нельзя, так как ему приходилось преодолевать мощное сопротивление ветра.

Поднимаясь вверх, они обнаружили, что здесь скорость ветра существенно ниже. К тому времени когда корабль достиг заданной высоты, он уже свободно мог идти прямо к цели. Теперь его скорость составляла 80,5 километра, или 50 миль в час. Приближаясь к Башне, он набирал все большую скорость.

Небо было куда более ярким, чем это обычно бывает в сумерках, — его освещали и слабенькие лучи солнца, и блистающая густая россыпь созвездий.

Теперь радары могли прошупывать все пространство моря, добираясь даже до вершин самых дальних гор. Море, имевшее форму почти правильного круга, достигало в диаметре 97 километров, или

чуть большее 60 миль. Горы на противоположном берегу обладали той же высотой, что и ближайшие к ним.

— Башня! — вдруг заорал Фаербрасс. — Она же имеет 1,7 километра в высоту! И шестнадцать километров в диаметре!

По старинным мерам длины это равнялось почти миле в высоту и 10 милям в диаметре.

Тут Фаербрасса прервали. Главный инженер Хакконен доложил, что корпус корабля начинает обледеневать. На лобовой панели рубки лед еще не появился, так как она была изготовлена из пластика, предупреждающего образование льда.

— Спусти корабль до 1530 метров, Сирано. Там воздух теплее, — приказал Фаербрасс.

Река, впадая в море, несла в своих водах еще много тепла, несмотря на то что довольно долго петляла в арктической зоне. Попав в эту холодную глубокую чашу, Река начинала быстро отдавать тепло, да еще в таком количестве, что температура воздуха даже на высоте 1524 метра, или 5000 футов, была на два градуса выше нуля по Цельсию. Но еще выше перенасыщенный влагой воздух превращался в настоящую ледовую ловушку.

Пока корабль спускался, оператор радара доложил, что внутренние склоны гор отнюдь не так гладки, как внешние. Их бороздили многочисленные пещеры и уступы, будто создатели этих гор решили бросить на полпути отделку невидимой снаружи стороны гор.

Узкий карниз, описанный Джо Миллером, тоже был нащупан радаром. Он вел с вершины гор до самого моря. Был и еще один карниз, тянувшийся вдоль уреза воды и заканчивающийся у отверстия около трех метров в ширину и двух — в высоту.

Никаких комментариев по поводу этих открытий не последовало. Только Джилл довольно громко выразила удивление по поводу того огромного круглого отверстия, через которое их дирижабль проник сюда.

— Возможно, оно предназначено для воздушного транспорта, если у *них* есть такой, — ответил ей Фаербрасс. — Его функцией может быть вот что — избавить аэропланы от необходимости каждый раз перелетать через такие высокие горы.

Это объяснение показалось всем достаточно резонным.

— Вполне вероятно, — сказал Пискатор. — Однако тот луч света, который так поразил Джо Миллера, никак не мог быть солнечным лучом, прошедшим сквозь эту дыру. Во-первых, само отверстие закрывается плотной завесой облаков. Во-вторых, даже если б солнечные лучи и прошли сквозь дыру, они никак не смогли бы осветить верхушку Башни. Джо, правда, говорил, что ветер на мгновение сдул туман. Но даже при этом условии лучи не могли бы упасть на вершину Башни. Да и если бы они достигли ее, Джо нужно было бы находиться на прямой линии: отверстие — Башня, чтобы увидеть все это. Однако карниз, на котором он стоял, кончается гораздо раньше, чем нужно, чтоб Джо оказался в этой точке.

— Вполне возможно, что луч исходит от воздушного корабля, который был замечен Джо через несколько минут, — ответил Фаербрасс. — Он снижался, и, может быть, его машинам надо было сбросить избыток энергии, чтоб обеспечить нужную скорость спуска. А Джо решил, что это луч солнца.

— Весьма вероятно, — согласился Сирано. — Впрочем, могло быть и так, что свет был сигналом, поданным с Башни. Башня столь высока, что Джо ее хорошо видел. Сам он стоял на карнизе, что увеличивало дальность обзора до сорока восьми с половиной километра. Остается, правда, вопрос — как он мог на таком расстоянии разглядеть такой небольшой объект, как летательная машина?

— Можно допустить, что она была вовсе не такой уж маленькой!

Помолчали. Джилл попробовала рассчитать, какие размеры должен был бы иметь воздушный корабль, чтоб Джо мог увидеть его с такого большого расстояния. Точно высчитать ей не удалось, но по прикидке получалось, что длина аппарата достигала примерно километра.

— О таком монстре даже слушать страшно, — задумчиво сказал Сирано.

Фаербрасс приказал ему вести корабль вдоль береговой стены Полярного моря. Радар показал, что стены Башни совершенно гладки и не имеют никаких отверстий, кроме ряда амбразур, расположенных в 243 метрах, или 800 футах, от верхнего края ее стены.

Отмечено было и то, что вершина Башни как бы полая — там стены высотой 243 метра окружали ровное посадочное поле, имевшее в диаметре почти 16 километров.

— Амбразуры почти у самого основания этих стен расположены на чуть меньшей высоте, нежели центр поля, — заметил Фаербрасс. — Должно быть, они предназначены для стока дождевой воды, накапливающейся на крыше.

Более всего их, однако, заинтересовало нечто вроде выступа на посадочном поле. Эта структура находилась ближе к южной окраине поля и представляла собой купол диаметром в шестнадцать и высотой в восемь метров.

— Если это не вход, я готов съесть собственную набедренную повязку! — воскликнул Фаербрасс, качая головой. — Сэм будет разочарован, услышав об этом. Попасть внутрь Башни нет никакой возможности, кроме как сверху.

— Ну, мы пока еще тоже внутрь не пробрались, — пробормотал Пискатор.

— Вот оно что! Ладно, согласен! Но мы, черт побери, все же попробуем. Слушайте все! Сэм приказал, чтоб мы совершили только разведывательный полет. Я, однако, полагаю, что высадка и попытка проникнуть в Башню тоже входят в понятие разведки.

Фаербрасс постоянно, можно сказать, находился в состоянии кипения, но сейчас он прямо-таки дрожал от возбуждения, лицо его

освещалось каким-то внутренним огнем, будто каждый нерв капитана превратился в световод. Даже голос и тот дрожал от волнения.

— Там — внизу — могут находиться оборонительные механизмы, управляемые людьми или автоматические. Но единственный способ выяснить все — высадка. Но я ни в коем случае не хочу подвергать корабль опасности большей, чем того требует обстановка.

Джилл, я собираюсь высадиться на крыше Башни с помощью вертолета, взяв с собой немногочисленный отряд людей. Ты останешься за начальника и таким образом становишься капитаном, хотя и не надолго. Не знаю, что будет с нами дальше, но пока, считай, твои амбиции удовлетворены.

Держи корабль на высоте в тысячу метров над вершиной Башни и примерно на тысячу метров в стороне от нее. Если с нами что-нибудь случится, уводи корабль к Сэму. Это приказ!

Если я увижу что-то подозрительное, то дам знать. Тогда улетай, а мне предоставь заботу о том, как оттуда выбираться. Поняла?

— Да, сэр.

— Если тот купол — вход, там, должно быть, понадобится какой-нибудь электронный или механический «сезам, откройся», чтоб войти внутрь. А может, и не потребуются. Они ведь могли не допустить и мысли, что у нас когда-либо появится шанс забраться сюда. Я вообще не уверен, что сейчас кто-то из них дома.

А если и есть, то они небось будут выжидать, чтоб выяснить наши намерения, прежде чем приступить к делу самим. Будем, однако, надеяться, что я ошибаюсь.

— Я хотел бы пойти с тобой, мой капитан, — сказал Сирано.

— Нет, ты останешься здесь. Ты ведь наш лучший пилот. Я возьму с собой тебя, Анна, Холдерссона — он к тому же отлично водит вертолет, — Метцинга, Ордуино, Чона и Сингха. Разумеется, в том случае, если они пойдут добровольцами.

Обренова тут же позвонила остальным, кого назвал Фаербрасс, на их рабочие места и доложила, что все они в восторге от идеи пойти волонтерами в десантный отряд.

Фаербрасс по общей системе оповещения проинформировал экипаж об открытиях, сделанных радаром. Он поставил их также в известность о предполагаемой высадке десантной группы.

Едва он закончил свое сообщение, как по интеркому позвонил Торн. Фаербрасс слушал его почти минуту, а потом решительно сказал:

— Нет, Барри. Волонтеров у нас вполне достаточно.

Отвернувшись от аппарата, он сообщил:

— Торн прямо рвется идти с нами. И жутко огорчился, когда я отказал. Вот уж не думал, что он с такой страстью относится к нашему делу.

Джилл позвонила в ангар и приказала Сентешу — главному сержанту ангара — приготовить к вылету вертолет.

Фаербрасс пожал руки всем, кто был в рубке, кроме Джилл. Ее он обнял и крепко стиснул. Нельзя сказать, что она пришла от этого в большой восторг. С одной стороны, это выглядело не так чтобы очень по-офицерски, а с другой — слишком уж отдавало последним прощанием. Неужели у самого Фаербрасса есть сомнение в возможности возвращения? Или она просто проецирует на него собственную тревогу?

Но какова бы ни была причина, а Джилл раздирали противоречивые чувства. Ей не понравилось, что Фаербрасс обошелся с ней иначе, чем с другими, и в то же время на душе у нее потеплело, так как стало ясно, что она ему нравится. Просто удивительно, что она до сих пор не нажила язву желудка — ведь сколько мучений пришлось ей вынести из-за совершенно противоположного отношения к своей персоне. Впрочем, ей еще никогда не приходилось слышать, чтоб кто-нибудь в этом мире болел язвой желудка. Физические и нервные стрессы здесь, по-видимому, имели чисто психические последствия. Вот как у нее — галлюцинации.

Но прошла лишь минута, и Джилл перестала быть приятным исключением. Сирано попросил Пискатора сменить его на секунду в пилотском кресле. Он вскочил с места и заключил своего капитана в объятия, причем по лицу у него градом бежали крупные слезы.

— Мой любезный друг, не печалься так! Конечно, там внизу вас могут подстергать опасности, но не надо их бояться! Я, Савиньен Сирано де Бержерак, всегда буду стоять рядом с тобой!

Фаербрасс не без труда выбрался из объятий и похлопал француза по плечу, а потом весело рассмеялся:

— Ей-ей! Я вовсе не хотел, чтоб кто-нибудь из вас подумал, будто наши дела могут пойти наперекосяк! Я, если хотите знать, говорю вам вовсе не «прощайте», а всего лишь — «пока»! Какого черта в самом деле! Уж мне нельзя и... А, да ладно! Нет, нет, Сирано, возвращайся на свой пост! — Он снова улыбнулся, белые зубы ослепительно блеснули на темном лице; он махнул рукой всем: — Пока, ребята!

Анна Обренова последовала за ним в глубокой задумчивости. Метцинг — угрюмый, настоящий тевтон — вышел следом за ней.

Джилл немедленно распорядилась, чтоб «Парсеваль» занял позицию, указанную Фаербрассом. Дирижабль начал кругами спускаться вниз. Когда он нырнул в туман, включились прожектора. Несмотря на свою мощность, они проникали в толщу тумана всего лишь метров на 150, то есть меньше чем на 500 футов. Дирижабль занял назначенную ему позицию, зависнув на одном месте, носом против ветра, держа скорость, точно уравнивающую скорость ветра. Четыре световых туннеля вспарывали туман, но они не высвечивали ничего, кроме клубящихся темно-серых облаков. Башня громоздилась где-то дальше и ниже, невидимая, но излучающая неотвратимую угрозу, будто выбрасывая вперед щупальца, прочно удерживающие в своих объятиях «Парсеваль».

Никто не проронил ни слова. Сирано молча курил сигару. Пискатор занял место позади радистки, наблюдая, как передвигается стрелка по шкале. Радистка, отдавая все внимание приборам, прощупывала эфир на всех возможных диапазонах. Джилл мельком подумала: а что она, собственно, надеется там поймать?

Казалось, прошел целый час, хотя на самом деле минуло вряд ли больше пятнадцати минут. Сентеш вызвал капитана *pro tempore**. Люк в брюхе корабля открыт, моторы вертолета разогреты, старт через минуту.

В голосе Сентеша слышалась какая-то непривычная напряженность.

— Тут у нас небольшая проблема, миз Галбирра, почему я вас и вызываю до старта. Здесь появился Торн и попытался уговорить капитана взять его с собой. Капитан приказал ему вернуться на свой пост.

— И он вернулся?

— Да, сэр. Капитан велел мне позвонить вам, чтоб вы проверили. Только Торн, думаю, еще не успел добраться до хвостового отсека, сэр.

— Хорошо, Сентеш. Я займусь этим делом.

Джилл отключилась и тихо выругалась себе под нос. Вот она сидит тут — всего лишь четверть часа как капитан, а у нее на руках уже имеется дисциплинарная проблема. И что это нашло на Торна?

А сделать-то можно только одно! Если спустить Торну его проступок, она потеряет контроль над кораблем и уважение команды.

Джилл позвонила во вспомогательную рулевую рубку, расположенную в нижней части хвостовой структуры. Ответил Саломо Коппенейм — суринонец и второй помощник командира хвостовой секции.

— Арестуйте мистера Торна. Отведите в его собственную каюту под караулом и проследите, чтоб у дверей был поставлен часовой.

Коппенейм наверняка удивился подобному развороту событий, но любопытствовать не стал.

— И известие меня сразу же, как только он появится.

— Слушаюсь, сэр.

Красный огонек, горевший на панели, перестал мигать. Нижний люк только что закрылся. Радар засек вертолет, идущий вниз — к Башне.

Неожиданно радио донесло голос:

— Говорит Фаербрасс.

— Слышим вас громко и отчетливо, — ответила радистка.

— Отлично. Вас тоже слышно г. и о. Собираюсь садиться в полусотне метров от купола. Радар работает вполне о'кей, и

* Исполняющий обязанности, временный (лат.).

поэтому никаких проблем быть не должно. Я полагаю, что стена почти полностью заблокирует ветер, когда мы будем садиться. Джилл, ты тут?

— Здесь, капитан.

— Что собираешься делать с Торном?

Джилл доложила ему, и Фаербрасс ответил:

— Я бы тоже так поступил. Я расспрошу его, когда вернусь, какого дьявола он так рвался лететь с нами. Если... если я не вернусь по какой-либо причине, ты допроси его сама. Но держи его под арестом, пока не кончатся все делишки с Башней.

Джилл приказала Окузо включить общую систему оповещения. Не было никаких оснований оставлять кого-либо в неведении о происходящем.

— Я иду на посадку. Ветер слабеет. Джилл, я...

— Люк в брюхе снова открывается! — закричал Сирано.

Он указал на мигающий красный огонек на панели управления.

— *Mordieux!**

Сирано в ужасе тыкал пальцем в лобовую прозрачную панель.

Никакой необходимости в этом не было. Все бывшие сейчас в рубке увидели огненный шар, который внезапно возник в темном чреве серого тумана.

Джилл застонала.

Окузо громко крикнула:

— Капитан! Возвращайтесь, капитан!

Ответа не было.

ГЛАВА 58

Сигнал интеркома.

Двигаясь медленно, будто сам воздух рубки превратился в вязкие нити сладкого пахтанья, Джилл передвинула рычажок на прием.

Голос Сентеша произнес:

— Сэр, офицер Торн только что угнал второй вертолет. Но думаю, я этого сукиного сына все-таки поймел! Я в него всю обойму выпустил.

— Он виден на экране, — буркнул Сирано.

Джилл изо всех сил старалась выплыть из вязкой тугой медлительности, которая сковывала ее движения. Ей надо было стряхнуть с себя это окончение, вернуть былую быстроту мысли и принятия решений.

— Офицер Торн ушел из ангара сразу же после того, как получил приказ капитана. Однако он вернулся сюда после вылета вертолета, и в руках у него был пистолет. Он заставил нас войти в помещение склада и выстрелом вывел из строя аппарат интеркома. Затем запер нас. Только он позабыл, что на складе хранится и

* Проклятье! (фр.)

оружие. А может, подумал, что успеет бежать, прежде чем мы сумеем раздобыть его.

Как бы там ни было, мы выстрелом выбили замок и выбежали в ангар. Но к этому времени он уже сидел в вертушке и поднимал ее с посадочной платформы. Я выстрелил в него, когда вертолет уже покидал гнездо. Другие тоже стреляли.

Сэр, что же это происходит?

— Я извещу экипаж, как только сама буду что-то знать, — сказала Джилл.

— Сэр?

— Да?

— Еще одна странность. Все время, пока Торн загонял нас на склад, и даже когда угрожал перестрелять нас до единого, если мы попытаемся помешать ему, он плакал.

— Отключаюсь, — сказала Джилл и выключила интерком.

Оператор инфракрасной аппаратуры воскликнул:

— Пламя все еще пылает, сэр.

Оператор радара, чья смуглая кожа почти побелела от переживаний, сказала:

— Это вертолет горит, сэр. Он находится на посадочной площадке Башни.

Джилл вглядывалась в туман. И не видела ничего, кроме крутящихся облаков.

— Я засекала второй вертолет, — сказала оператор радара. — Он идет круто вниз. Направление — основание Башни.

— Окузо, вызывай Торна.

Ощущение скованности постепенно уходило. Джилл все еще чувствовала себя сбитой с толку, но сейчас она уже обрела способность находить в этом хаосе какое-то подобие упорядоченности.

Через минуту Окузо сказала:

— Не отвечает.

Согласно данным радара, вертолет-амфибия сейчас плавал на волнах метрах в тридцати от подножия Башни.

— Попытайся еще раз, Окузо.

Скорее всего Фаербрасс погиб. Теперь она капитан, ее давнишняя мечта исполнилась.

— Господи, да разве я хотела, чтоб это произошло *так*!

Ее голос звучал совсем глухо, когда она вызывала Коппенейма и приказывала ему явиться в рулевую рубку, чтобы принять обязанности первого помощника. Старшим же офицером кормового отсека будет теперь Александрос.

— Сирано, Торном мы займемся позже. А сейчас нам надо выяснить, что случилось с Фаербрассом... и с другими... — Она помолчала и добавила: — Нам придется садиться прямо на Башню.

— Конечно. А почему бы и нет? — ответил Сирано.

Он был бледен, челюсти сжаты до зубовного скрежета, однако он полностью владел собой.

«Парсеваль» шел сквозь облака, его радары прошупывали и туман прямо перед носом корабля, и то, что лежало внизу. Вокруг

Башни вихрились воздушные потоки, круто взмывающие вверх; но когда корабль оказался над Башней, они почти потеряли свою силу.

Прожектора, размещенные на килевой части «Парсевалья», швыряли вниз копыя света, скользившие по тусклому металлу огромной площади крыши. Люди в рубке видели пламя, но разобрать очертания вертолета не могли.

Воздушный корабль медленно скользнул мимо огня. Его пропеллеры стояли горизонтально, направляя движения колосса, шедшего на посадку.

Осторожными, нарочито неспешными движениями пилот вел дирижабль к выбранному месту посадки. При идеальных условиях тут ветра вообще не должно было быть. Однако тысячи дренажных амбразур у подножия стены создавали благоприятные условия для образования сквозняков со скоростью движения воздуха до 8 км/час. По шкале Бофорта это считается слабым ветром. Такой ветерок ощущается кожей лица, он колышет листья (если таковые имеют место) и заставляет медленно вращаться флюгер.

Обыватель счел бы такой ветерок абсолютно безвредным. Однако огромная площадь поверхности корабля легче воздуха под напором даже слабого ветра начинает быстро скользить, если работа моторов не уравнивает силы ветра. Удар о стену мог принести кораблю немало вреда, если не будут приняты предупредительные меры.

К сожалению, на площадке не было якорной мачты, а непосредственный контакт дирижабля с посадочным полем был невозможен. В отличие от «Графа Цеппелина» или «Гинденбурга», «Парсеваль» не имел под килем гондолы управления, снабженной колесами, которая может при посадке удерживать хвост дирижабля на весу и тем самым предохранять его от трения о землю. Поскольку рулевая рубка «Парсевалья» находилась внутри носовой части корпуса, корабль не мог приземляться без угрозы повредить свой хвостовой «плавник».

Но на борту имелся большой запас канатов. Их взяли с собой на тот случай, если садиться придется на приречной равнине. Предполагалось, что канаты будут сбрасываться людям, находящимся на земле, а уж те, надо думать, охотно исполнят роль швартовочной команды.

Джилл быстро отдала несколько распоряжений. Сирано развернул дирижабль боком к ветру. Несколько километров он позволил ветру, чья сила все время падала, медленно относить корабль к стене Башни. Вскоре выяснилось, что теперь ветер, дующий из ближайших к ним амбразур, начинает отгонять дирижабль обратно.

Когда радар показал, что нос корабля находится примерно на расстоянии полукилометра от стены, Сирано перевел моторы на самую малую скорость. Аэростат остановился; тут же распахнулся нижний люк.

Концы канатов полетели на площадку, и пятьдесят человек по четверо соскользнули по ним на крышу Башни. Как только человек

спрыгивал на крышу, вес корабля уменьшался, а плавучесть соответственно возрастала. С большой неохотой Джилл распорядилась выпустить из газовых отсеков небольшое количество водорода. Но только так и можно было сбалансировать подъемную силу дирижабля, хотя ей страшно как не хотелось уменьшать невосполнимые запасы газа. Позже для повышения плавучести корабля придется прибегнуть к сбросу части балласта.

С носа и с кормы сбросили новые канаты. Люди, уже находившиеся на поле, схватили их и повисли на швартовах, используя собственный вес в качестве якорей.

Теперь Сирано позволил ветру отнести аэростат к самой стене с неподвижными пропеллерами. Едва нос чуть ли не уткнулся в стену, пропеллеры снова заработали, и дирижабль застыл на месте.

Два человека подбежали к амбразуре и замерили в ней силу ветра. С помощью «уоки-токи» они подтвердили, что ветер, проходящий через отверстия, достаточно силен, чтобы не дать кораблю развернуться и удариться боком о стену.

Еще несколько человек спустились вниз по канатам, и снова какое-то количество водорода было выпущено в воздух. Суммарный вес тех, кто «держал» корабль за стропы, возрос.

Вновь спустившиеся побежали помогать людям, суевившимся у носа дирижабля. Осторожно подведя «Парсеваль» так, чтоб он носом упирался в стену, они протаскивали канаты через три амбразуры, используя для этого длинные багры, которыми цепляли повисшие снаружи веревки, втягивая их сквозь следующую амбразуру. Канаты связали прочными узлами, после чего стали медленно заводить хвостовую часть, пока корабль не стал параллельно стене. Тем же способом были укреплены и кормовые швартовы.

Теперь корабль плывал примерно в двадцати метрах от стены.

Джилл не ожидала каких-либо изменений в направлении или силе ветра. Если бы они все же произошли, последствия могли быть исключительно серьезными. Один-единственный удар корабля о стену мог бы сорвать трансмиссии и пропеллеры с правой стороны.

Из нижнего люка спустили веревочный трап. Джилл и Пискатор поспешно вышли из рубки и, быстрыми шагами пройдя коридор, спустились по трапу на поле. Там уже их ожидал доктор Грейвз, держа в руке свой непременный чемоданчик.

Вертолет разбился примерно в тридцати от купола. Пользуясь заревом как маяком, они зашагали туда сквозь плотный туман. Сердце Джилл, казалось, готово было выскочить наружу в тот момент, когда они вышли к обломкам. Непостижимо, как мог уйти из жизни такой жизнелюбивый и страстный человек, каким был Фаербрасс!

Он лежал всего лишь в нескольких метрах от пылающей груды обломков — там, куда отшвырнул его взрыв. Остальные остались в машине; там виднелось обугленное тело одного из них, все еще сидящее на обгорелом остове сиденья.

Грейвз отдал свой фонарик Пискатору и склонился над трупом. Дым, смешавшийся с туманом, доносил до них тошнотворный запах горящего газаolina и тлеющей плоти. Джилл чувствовала, что ее сейчас вырвет.

— Держи фонарь как следует! — рявкнул на нее Грейвз.

Джилл повиновалась, заставив себя бросить взгляд на тело. Одежда была сорвана взрывом, кожа обгорела сверху донизу. Несмотря на страшные ожоги, черты лица все же еще можно было разобрать. Должно быть, тело пробыло в огне не так уж долго. Вероятно, его выбросила взрывная волна еще до того, как машина рухнула на площадку с высоты. Этот же удар о металл крыши был, видимо, причиной снесенной начисто черепной крышки.

Джилл не понимала, зачем доктору понадобилось так тщательно исследовать тело. Она уже хотела сказать ему это, когда он вдруг поднялся с колен. Он протянул ей открытую ладонь.

— Погляди-ка на это.

Джилл поднесла фонарь поближе к ладони доктора. То, что лежало на ней, было крошечным шариком, размером со спичечную головку.

— Эта штука находилась у него в лобной части мозга. Не знаю, что это за чертовщина такая.

Потом доктор отер руки от крови и сказал:

— А он черный! — Грейвз завернул шарик в тряпочку и спрятал в чемоданчик. — Что ты думаешь делать с телами?

Джилл поглядела на искореженную грудку светящегося раскаленного металла.

— Нет смысла расходовать пену, чтоб погасить пламя, — ответила она. Потом обвела взглядом лица стоявших рядом с ней членов экипажа. — Петерсон, отнесите тело на корабль. Заверните его во что-нибудь. Остальные, за мной.

Через несколько минут они уже стояли у купола. На него были нацелены прожектора дирижабля, и в их свете купол выглядел как призрак эскимосского иглу.

С помощью своего фонарика Джилл убедилась, что купол сделан из того же серого металла, что и сама Башня. Больше того, казалось, он составлял с Башней единое целое. Во всяком случае, не было заметно никаких следов сварки, никакого подобия швов. Словно на поверхности крыши вспух большой пузырь, вот и все...

Все держались немного в стороне от входа, имевшего форму арки, ожидая, что же решит их капитан. Фонари высвечивали отверстие, похожее на вход в пещеру. Метрах в десяти вглубь стены сближались, образуя коридор около трех метров в ширину и двух с половиной — в высоту. Стены холла и коридора казались сделанными из того же самого серого металла. Дальше — метрах в тридцати — коридор круто поворачивал. Если и был вход в самую Башню, то он должен находиться где-то за поворотом.

Над входом в пещеру были видны два символа, выполненные в технике горельефа. Верхний имел вид полукруга, состоящего из концентрических полукружий семи основных цветов. Пониже на-

ходилась второй символ — окружность со вписанным в нее крестом — египетским «анхом».

— Радуга — эмблема жизни и воскрешения, — задумчиво сказала Джилл.

— Извините, — отозвался Пискатор, — крест внутри круга — это астрологический и астрономический символ Земли. Однако в том символе крест обычный, а не египетский.

— Радуга — это еще и символ надежды. Если вы помните Ветхий Завет, это знак договора между Богом и его народом. Ну а кроме того, невольно вспоминаются сказки о горшке золота в конце радуги, об Изумрудном городе страны Оз и многое другое.

Пискатор с удивлением воззрился на Джилл.

Она помолчала, испытывая одновременно чувства благоговения и страха и надеясь, что они не помешают ей проявить здравый смысл.

— Я пойду. А вы ждите тут, Пискатор. Когда я дойду до конца холла, то просигналю, чтоб вы присоединились ко мне. Разумеется, в том случае, если ничего не произойдет.

Если же со мной что-то случится, а мало ли что тут может быть, то вы и все остальные должны немедленно вернуться на корабль. И стартуйте. Это приказ.

Вы будете капитаном. Коппенейм — отличный парень, но у него нет вашего опыта, а кроме того — вы самый надежный человек из всех, кого я знаю.

Пискатор улыбнулся:

— Фаербрасс приказал вам не приземляться в том случае, если с ним что-нибудь произойдет. А вы все же приземлились. Неужели же я смогу позволить себе бросить вас, когда вы окажетесь в опасности?

— Но я не хочу подвергать риску корабль. И жизни почти сотни людей!

— Там будет видно. Я буду действовать по обстоятельствам. Вы поступили бы так же. А кроме того, существует еще проблема Торна.

— Все в свое время, — ответила Джилл.

Она повернулась к ним спиной и пошла ко входу. Когда она подошла к нему вплотную, у нее перехватило дыхание.

Внезапно тусклый свет залил весь холл.

Поколебавшись несколько секунд, Джилл сделала шаг вперед. Когда она прошла под аркой, свет стал ослепительным.

ГЛАВА 59

Джилл остановилась.

— Откуда исходит свет? — громко спросил Пискатор.

Джилл обернулась к нему и ответила:

— Не знаю. Источников света не видно. Послушайте, я не отбрасываю тени!

Она снова повернулась спиной ко входу и пошла дальше. Опять остановилась.

— В чем дело? Вы...

— Хотела бы я знать, что тут за чертовщина! Я чувствую себя так, будто превращаюсь в какое-то желе! Не могу вздохнуть, и каждый новый шаг дается с огромным усилием.

Преодолевая почти осязаемый, но невидимый барьер, согнувшись, будто шла против ураганного ветра, Джилл с огромным трудом сделала еще три шага. Затем, задыхаясь, остановилась.

— Должно быть, какое-то силовое поле. Ничего материального нет, но чувствуешь себя мухой, попавшей в паутину.

— А не реагирует ли это поле на магнитные скрепки вашей одежды? — крикнул ей Пискатор.

— Не думаю. Если б было так, скрепки прорвали бы материю, а этого не случилось. Впрочем, можно попробовать...

Ощушая глубокий стыд от того, что она раздевается на виду у пятидесяти мужчин, Джилл расстегнула скрепки платья. Температура воздуха была близка к нулю. Дрожа и клацая зубами, она попробовала пробиться сквозь прозрачную преграду. Ни единого сантиметра по сравнению с прежним ей выгадать не удалось.

Джилл наклонилась за своей одеждой и при этом заметила, что такое движение ей далось без всякого труда. Сила действовала лишь по горизонтали. Она отступила еще на несколько шагов, чувствуя, что сила сопротивления падает, и натянула на себя платье.

— Теперь попробуйте вы, Пискатор, — сказала она, очутившись у входа.

— Думаете, я добьюсь успеха там, где вам не повезло? Что ж, попробуем поэкспериментировать.

Раздевшись догола, он двинулся вперед. С удивлением Джилл увидела, что поле на Пискатора вроде бы не действует. Во всяком случае до тех пор, пока он не оказался в нескольких метрах от поворота. Отсюда он крикнул, что трудности все же возникли.

Теперь он двигался куда медленнее, с усилием, дыхание стало таким тяжелым, что даже Джилл слышала его.

И все же он дошел до поворота, где остановился и с трудом перевел дух.

— Там в конце открытый лифт! По-моему, это единственный путь вниз, — громко крикнул Пискатор.

— Вы можете дойти до него? — прокричала в ответ Джилл.

— Попытаюсь...

Двигаясь подобно актеру в фильме с замедленной съемкой, он сделал с трудом несколько шагов. И исчез за поворотом.

Прошла минута. Две. Джилл снова вошла в коридор и добралась до того места, куда допускала ее сила поля.

— Пискатор! Пискатор!

Голос Джилл звучал странно, будто коридор обладал особыми акустическими свойствами. Ответа не было, хотя, если бы Пискатор стоял сразу за поворотом, он ее наверняка бы услышал.

Вновь и вновь кричала она. И ответом ей было только молчание. Джилл ничего не оставалось делать, как вернуться ко входу и дать остальным возможность попробовать свои силы.

Для экономии времени мужчины входили в коридор по двое. Некоторые из них проходили чуть дальше Джилл, другие же останавливались раньше ее. Все снимали одежду, но это ничуть не помогало.

Джилл, воспользовавшись «уоки-токи», приказала и всем остальным членам экипажа принять участие в этих попытках. Ведь если один из пятидесяти двух все же добился успеха, то почему бы не добиться того же еще одному из сорока одного, оставшихся на борту.

Но сначала всем членам первой группы, кроме нее, следовало вернуться на корабль. Они ушли — призрачные фигуры в еле проникаемом для света тумане. Еще никогда за всю свою жизнь Джилл не чувствовала себя столь одинокой, а уж ей-то пришлось вынести немало часов самого черного одиночества. Туман тянул свои влажные пальцы к ее лицу, которое, как ей казалось, при его прикосновении превращается в маску из звонкого, как стекло, льда. Погребальный костер Обреновой, Метцинга и других все еще яростно пылал. А тут еще Пискатор — где-то там — за углом... В какое положение он попал? Возможно, он сейчас не в состоянии ни двинуться вперед, ни вернуться назад. Для нее возвращение не сопровождалось никакими трудностями, для других — тоже. Тогда почему же ему не удалось отступить?

Но ведь она не имеет ни малейшего представления о препятствиях, что подстерегают их за тем мрачным серым холлом...

Джилл повторила про себя строчку из Вергилия: «Facilis descensus Averno...» — «Спуск в ад совсем не труден...»

А как там дальше? Прошедшие годы глушили память — она никак не могла вспомнить продолжения. Ах, почему в этом мире нет книг! И справочников! И вдруг ожившая память донесла до нее:

Не труден доступ к Аверну —
Ночью раскрыты и днем ворота черного Дита.
Но шаги обратить и на вышний выбраться воздух —
Это есть труд, это — подвиг*.

Но в данном-то случае трудность заключалась в том, что цитата была вполне уместна. Трудно было добраться до врат; даже невозможно — для всех, кроме одного. А вот вскарабкаться назад оказалось очень даже легко — опять-таки для всех, кроме одного.

Джилл включила «уоки-токи».

— Сирано? Говорит капитан?

— Да, в чем дело, мой капитан?

— Вы что... плачете?

* Вергилий. Энеиды, VI, 126—129. Пер. В. Брюсова.

— Да конечно же! Разве я не любил Фаербрасса горячо? И я не стыжусь этого! Я вам не ледышка какая-нибудь англосаксонская!

— Ладно, оставим это. Возьмите себя в руки. Нам предстоит работа.

Сирано шмыгнул носом, а потом ответил:

— Я понимаю. И я могу и хочу работать. Вы найдете во мне настоящего мужчину. Какие будут приказания?

— Как вам известно, вас сменяет Никитин. Я же хочу, чтоб вы доставили сюда двадцать пять килограммов взрывчатки.

— Да. Я слышу. Но неужели вы задумали взорвать Башню?

— Нет. Только вход в нее.

Прошло еще полчаса. Нужно было время, чтоб люди, находившиеся в корабле, вышли наружу, а те, что были снаружи, — вернулись бы внутрь. Дело было затяжное, поскольку за каждым выходившим должен был немедленно последовать входивший. Такая строгая очередность, конечно, затягивала процедуру, но она была совершенно необходима. Одновременный выход сорока человек мог сделать корабль чересчур легким. Он поднялся бы вверх, и нижние ступеньки трапа повисли бы в недостижимости для тех, кто стоял на посадочной площадке.

Наконец Джилл увидела фонари и услышала голоса. Она сказала пришедшим о том, что тут произошло (они уже почти все знали об этом), а затем познакомила их с тем, что предстоит сделать (но они и об этом уже сами догадались).

Результат проб был таков — никому из вновь пришедших не удалось продвинуться так далеко, как это удалось Пискатору.

— Хорошо же! — воскликнула Джилл.

Пластиковую взрывчатку приложили к внешней поверхности купола в месте, соответствующем примерно половине длины коридора. Джилл хотела бы поместить заряд в точке, где задняя стенка купола прилегает к стене самой Башни; однако она побоялась, что взрыв может пробить дыру в куполе, а в этом случае вероятность гибели Пискатора резко возрастала. Все отошли подальше — к дирижаблю, — и эксперт-подрывник нажал на кнопку радиопередатчика. Взрыв был оглушителен, хотя взрывчатка лежала за куполом, на той стороне, что была дальше от них. Все бросились к месту взрыва, но остановились, задыхаясь от кашля, вызванного пороховыми газами. Когда воздух очистился, Джилл приступила к осмотру купола.

Он не получил ни малейшего повреждения!

— Так я и думала, — пробурчала она себе под нос.

Перед взрывом Джилл на всякий случай крикнула Пискатору, чтоб он подождал выходить. Ответом ей было молчание. Впрочем, у Джилл было предчувствие, что Пискатора рядом нет, но ведь предчувствие — еще не уверенность.

Джилл вернулась в купол и прошла так далеко, как только смогла. Никакого давления поля на длинный багор, который она держала, выставив перед собой, она не ощутила. Кроме того, выяснилось, что она беспрепятственно может бросить в самый

конец коридора тряпку с завернутым в нее куском железа. Итак, на неодушевленные предметы поле воздействия не оказывает.

Если бы у них был достаточно длинный перископ, чтобы дотянуться до конца коридора, они легко заглянули бы за угол. Однако перископы, да еще длинные, не входили в число инструментов, имеющихся на складе дирижабля.

И все-таки Джилл еще не считала себя побитой. На «Парсевале» имелась маленькая механическая мастерская. В ней можно было изготовить небольшую тележку на колесиках, которая докатилась бы до поворота. На тележку можно водрузить фотокамеру, приводящуюся в действие радиосигналом.

Помощник главного механика считал, что сумеет сконструировать подобную «штуковину» за час. Джилл предложила ему тут же заняться этой работой, а затем распорядилась выставить у купола караул из трех вооруженных человек.

— Если Пискатор появится, немедленно радируйте мне.

Вернувшись на корабль, она первым делом позвонила в механическую мастерскую.

— Вы сумеете завершить работу, пока мы будем в полете? Может быть болтанка.

— Никаких проблем, сэр. Ну разве что совсем чутошные.

Время, потребовавшееся на то, чтобы отпустить швартовы и взлететь, составило всего лишь четверть часа. Никитин поднял «Парсеваль» над Башней, а затем послал его вниз — к самому ее основанию. Радар показывал, что вертолет отнесен волнами прямо к самому основанию Башни. Хотя море и не было таким уж бурным, но существовала вероятность, что невысокие, но все же достаточно сильные волны могли разбить машину об отвесную металлическую стену.

Окузо непрерывно вызывала Торна по радио, но безуспешно.

Так как по стенам Башни шли мощные восходящие потоки воздуха, подвести дирижабль прямо к вертолету оказалось невозможным. Никитин опустил его совсем низко, чуть ли не до самой поверхности моря, и держал там против ветра. Открыли нижний люк и из него в надувной лодке с подвесным мотором спустили трех человек. Лодка пошла к Башне, ориентируемая с корабля оператором радара.

Бойнтон — офицер, командовавший лодкой, — держал с кораблем связь по радио.

— Мы уже подошли к вертушке. Ее бьет о Башню, но понтоны мешают лопастям сломаться. Сами понтоны вроде бы целы. Нам тут с этим долбаным морем забот полон рот. Выйду на связь через пару минут.

Через минуту его голос снова прорезался в динамике:

— Пропп и я влезли в вертушку. Торн тут! Весь в кровище, похоже, получил пулю в левую сторону груди, да какие-то осколки рикошетом попали ему в лицо. Но жив, несмотря на.

— В Башне нет отверстия, или входа, или чего-то в этом роде?

— Минутку! Сейчас зажгу огонь. Эти фонари — изрядное дерьмо... Нет, ничего такого, один гладкий металл.

— Не понимаю, зачем он там сиделся? — сказала Джилл Сирано.

Тот пожал плечами и ответил:

— Можно предположить, что ему было необходимо сесть побыстрее, пока не потерял сознания.

— И все же, куда он направлялся?

— Ну, мало ли тут всяких тайн! Мы могли бы кое-что прояснить, применив к Торну специальные методы убеждения.

— Пытка?

Длинное костлявое лицо Сирано было серьезно.

— Это было бы, конечно, негуманно. Результаты ведь никогда не оправдывают примененных средств. Или такое утверждение для вас всего лишь праздное философствование?

— Я никогда никого не пытала сама и никому не позволила бы делать это за меня.

— А может быть, Торн добровольно выдаст нам информацию, когда поймет, что не получит свободы, пока этого не сделает? Я-то, естественно, так не думаю. Он, знаете ли, крепкий орешек.

Снова послышался голос Бойнтон:

— С вашего позволения, миз Галбирра, я попробую взлететь отсюда на вертушке. С ней вроде все о'кей. Мои ребята могут доставить Торна на лодке.

— Разрешение дано, — сказала Джилл. — Если машина в порядке, сажайте ее на Башню. Мы подойдем туда чуть позже.

Через десять минут оператор радара сообщил, что вертолет взлетел. Бойнтон добавил, что механизмы работают отлично.

Оставив Коппенейма командовать, Джилл поспешила в ангар. Она пришла туда как раз вовремя, в тот момент когда завернутое в ткань тело Торна поднимали с надувной лодки на корабль. Он все еще был без сознания. Джилл пошла вслед за носилками в больницу, где доктор Грейвз немедленно принялся за дело.

— Он сейчас в шоке, но я думаю, вытащить его все же удастся. Конечно, о допросе сейчас и речи быть не может.

Джилл поставила двух вооруженных людей у двери и вернулась в рубку. К этому времени корабль уже поднялся и шел к Башне. Через полчаса «Парсеваль» уже снова завис над посадочным полем. На этот раз его установили в двухстах метрах от купола. Нос корабля был направлен против маленького ветерка, а его винты крутились как бы с лентой.

Немного спустя маленькая тележка, изготовленная механиками, была выгружена на крышу Башни. После того как ее доставили ко входу в купол, двое мужчин принялись толкать ее до того места, куда пропустило их силовое поле. Затем с помощью длинных шестов, тоже изготовленных механиками, тележку пропихнули еще дальше. Потом к шестам приделали удлинители, и вскоре передний конец тележки уткнулся в дальнюю стену коридора.

После того как сделали шесть снимков, тележку втянули обратно при помощи длинной веревки. Джилл с жадностью схватилась за большие пластины, которые были проявлены практически одновременно с моментом съемки.

Джилл бросила взгляд на первый снимок.

— Его там нет!

Она передала снимок Сирано. Он спросил:

— Что это? Короткий коридор, а в его конце проход? Похоже, что там шахта с лифтом, да? Но... ни кабины, ни кабелей не видно...

— Не думаю, чтоб *они* пользовались таким примитивным устройством, как кабели, — ответила Джилл. — Очевидно одно — Пискатор все же прошел сквозь поле и спустился на лифте.

— Но почему он не вернулся? Он же знал, что мы будем с ума сходить?!

Сирано помолчал немного и добавил:

— А еще он знал, что оставаться здесь долго мы никак не сможем.

Теперь у них больше не было выбора.

ГЛАВА 60

Джилл приказала снова закрепить дирижабль на швартовах. Когда приказ был выполнен, весь экипаж собрался в помещении ангара. По рукам пошли фотографии, а Джилл со всеми подробностями рассказала о событиях этого дня.

— Мы пробудем тут неделю, если сможем. Но после этого придется улетать. Пискатор вряд ли так долго останется внизу по своей воле. И если он не вернется в течение ближайших двенадцати часов, мы можем предположить, что он удерживается... *теми*. Или, может быть, с ним произошел несчастный случай, и он либо убит, либо тяжело ранен. Где правда — нам неизвестно. И вообще мы тут бессильны что-либо предпринять, кроме одного — подождать тут какое-то время; в разумных пределах, разумеется.

Никому и в голову не пришло бросить Пискатора в такой ситуации. И в то же время было совершенно очевидно, что идея оставаться неделю в этом ледяном, холодном, сыром и враждебно настроившемся месте никому не импонирует. Слишком уж это походило на пикничок в преддверии ада.

К этому времени первый вертолет уже успел выгореть дотла. Рабочая группа вышла наружу, чтоб собрать останки погибших и выяснить причину взрыва. Механики между тем осматривали в поисках повреждений поплавки второго вертолета, а также заменяли разбитые пулями лобовое стекло и боковую дверцу.

В самом начале входа в купол поставили караул из трех вооруженных человек.

Джилл еще не успела войти в столовую, как ее вызвал по интеркому доктор Грейвз.

— Торн все еще без сознания, но ему уже лучше. Я исследовал то, что осталось от мозга Фаербрасса. Сделать удалось очень немного, так как у меня нет даже микроскопа. Тем не менее я готов поклясться, что тот маленький черный шарик был подсоединен к нейронной системе лобной доли мозга. Я предположил возможность, что шарик имеет экзогенное происхождение и впечатан в мозг силой взрыва. Но механики утверждают, что такого рода деталей в оснащении вертолета нет.

— Вы хотите сказать, что шарик был имплантирован в мозг Фаербрасса? Хирургическим путем?

— Слишком мало чего осталось от лобной части мозга, — ответил Грейвз, — чтобы утверждать это с уверенностью. Но я собираюсь вскрыть черепа остальных погибших. Больше того, я хочу произвести полное и детальнейшее исследование тел всех жертв аварии. На это уйдет время, ибо мне предстоит еще приглядывать за Торном.

Стараясь удержать голос от дрожи, Джилл спросила:

— А вы понимаете все значение этого шарика?

— Я тут на сей счет пораскинул мозгами. Не знаю, что это такое, кроме одного — эта вещь исключительно важна. Знаете, Джилл, я многие годы занимаюсь вскрытиями, и не потому, что того требовало дело, а для того, чтобы сохранить себя в форме. И за все это время я не обнаружил ничего непонятного во всех этих тысячах трупов.

Но я могу сказать вам вот что: думаю, я теперь знаю, почему Фаербрасс настаивал на рентгенографии мозга всего экипажа. Он искал людей с черными шариками в передней части мозга.

И еще я кое-что скажу вам. Я думаю, что Фаербрасс поспешил выбросить труп Штерна в Реку именно потому, что *знал* — у Штерна такой шарик был!

Все это приводит на память слова Алисы — «Все странче и странче», не правда ли?

Сердце Джилл колотилось, рука дрожала. Она выключила интерком.

Итак, Фаербрасс был одним из *них*!

Через минуту она сама позвонила доку Грейвзу.

— Фаербрасс обещал, что расскажет, зачем он затеял эту рентгенографию. Но так и не выполнил своего обещания. Мне, во всяком случае. А вам он что-нибудь рассказал?

— Нет. Я спросил его, но он просто велел мне заниматься своими делами.

— Тогда вы не знаете, был ли шарик в мозгу у Торна. Если он все равно умирает, вскройте ему череп, док.

— Обязательно. Конечно, я бы и так вскрыл ему мозг. Но не сейчас. Сначала ему предстоит поправиться.

— А операция его не убьет? Я слышала, что при операциях снимают черепную крышку, но можно ли безнаказанно обнажать лобные доли?

— Для меня это не составит ни малейшего труда.

Прошло еще двадцать четыре часа. Джилл старалась найти экипажу побольше дела, но дел было маловато, разве что никому не нужная чистка помещений и полировка металлических деталей. Она очень жалела, что не захватила в полет те несколько фильмов, что были сняты в Пароландо. Кроме чесания языков, игры в кости, шахматы и карты да кидания стрел в мишень, на дирижабле не было ничего, чем можно было бы занять людей. Правда, она распорядилась проводить суровые физические тренировки, чтоб утомить экипаж, но долго заниматься этим делом было невозможно, да к тому же это было еще скучнее, чем ничегонеделание.

А пока тьма и холод, казалось, начинали вить гнезда в самых потайных уголочках костного мозга. Мысль о том, что внутри Башни могут скрываться те таинственные существа, которые сотворили для них весь этот мир, держала нервы экипажа в непрерывном напряжении. Что делают *они*? Почему *они* не вышли навстречу людям?

А главное — что случилось с Пискатором?

Казалось, все это действует особенно сильно на Сирано де Бержерака. Конечно, его непривычная молчаливость и явно дурное настроение могли быть вызваны смертью Фаербрасса. Однако Джилл казалось, что Сирано тревожит нечто иное.

Доктор Грейвз попросил Джилл зайти к нему в кабинет. Войдя, она нашла дока сидящим на краю собственного письменного стола. Молча он протянул ей ладонь. На ладони лежал маленький черный шарик.

— Все тела страшно обгорели, так что я не мог бы определить даже пол, исходя из одних лишь внешних признаков. Обренова была самой миниатюрной, и я исследовал маленький труп первым. И сразу же обнаружил вот *это*. Я не говорил вам ничего, так как сначала хотел произвести вскрытие всех тел. Обренова оказалась единственной, у кого было *это*!

— Уже двое!

— Ага. И это заставляет задуматься насчет Торна.

Джилл села и дрожащими пальцами зажгла сигарету.

— Послушайте, — сказал Грейвз, — весь спирт на борту корабля хранится у меня в шкафчике. Предназначен он исключительно для медицинских целей, но мне кажется, что вам сейчас необходимо лекарство. Да и мне оно тоже не повредит.

Пока доктор искал бутылку, Джилл рассказала ему о подслушанной ею ссоре между Торном и Обреновой.

Грейвз подал ей чашку рубинового напитка и задумчиво произнес:

— Значит, они не были случайными знакомыми?

— Не думаю. Но я не понимаю, что все это может означать?

— А кто понимает? Может быть, один лишь Торн. Ну-ка, поехали!

Джилл отхлебнула глоток освежающего, пахнущего фруктами напитка и сказала:

— Мы не нашли ничего подозрительного в их каютах — Фаербрасса, Обреновой и Торна.

Помолчала и добавила:

— Была там одна вещь, важная не столько своим присутствием, сколько отсутствием. Вроде той собаки из рассказа о Шерлоке Холмсе, которая не лаяла. Ни в вертолете, ни в каюте Торна не оказалось его грааля. Я приказала произвести более тщательный обыск в вертолете. Несколько часов назад вы сказали мне, что Торн пришел в себя. Его можно допросить?

— Только недолго. А вообще-то я посоветовал бы подождать, пока он немножко не окрепнет. А то сейчас, если он не захочет отвечать, он всегда может притвориться, что уснул.

Зазвонил интерком. Грейвз щелкнул переключателем.

— Доктор? Говорит старший сержант Кочевел. Мне нужно кое-что доложить капитану.

— Капитан слушает, — вмешалась Джилл.

— Капитан, мы только что обнаружили в вертолете номер два бомбу. Пластиковая взрывчатка. На первый взгляд весит килограмма два; таймер настроен на радиосигнал. Подложена под шкафчик с оружием в хвостовой части вертушки.

— Ничего не делайте, пока я не приду. Хочу осмотреть бомбу, пока ее не удалили.

Джилл поднялась.

— Думаю, бомба в вертолете Фаербрасса — это, безусловно, работа Торна. Группа механиков не смогла точно установить причину аварии, но их начальник говорит, что он склонен предположить вероятность взрыва бомбы.

— Н-нда, — отозвался Грейвз. — Вопрос в том, зачем это Торну понадобилось.

Джилл пошла было к дверям, но вдруг остановилась.

— Боже! Если Торн подложил бомбы в оба вертолета, он мог спрятать несколько штук и в самом дирижабле!

— Но ведь вы не нашли передатчика, когда обыскивали его каюту, — сказал доктор. — Правда, он мог спрятать их в любом количестве по всему кораблю.

Джилл немедленно подняла по тревоге весь экипаж. Отдав приказ Коппенейму организовать поисковые группы, она помчалась в ангар. Бомба была там, где ее обнаружил старший механик. Джилл опустилась на колени и осмотрела ее с помощью электрического фонарика. Затем вылезла из машины.

— Удалите взрывчатку и таймер. Взрывчатку — на склад боеприпасов. Вызовите офицера-электронщика и скажите ему, что мне нужно знать частоту волны, на которую настроен таймер.

Нет, подождите, я позвоню ему сама!

Джилл хотелось убедиться, что эксперименты с таймером будут вестись в месте, защищенном от проникновения радиосигналов. Бомбы — если таковые на корабле имелись — могли быть установлены одновременно с этой, но Торн, надо полагать, настроил их

приемные устройства на различные частоты. И все же следовало соблюдать величайшую осмотрительность.

Уверившись, что Дерайк — офицер-электронщик — понял, зачем нужна защищенная комната, Джилл отправилась в рулевую рубку. Коппенейм разговаривал по интеркому, выслушивая рапорты поисковых групп.

В кресле пилота сидел Сирано, уставясь на пульт управления так, будто корабль и сейчас был в полете. Когда вошла Джилл, он поднял на нее глаза.

— Позволительно ли будет спросить, что обнаружил доктор Грейвз?

До сих пор Джилл ничего не скрывала от экипажа. Считала, что все имеют право знать столько же, сколько знает она сама.

После того как Джилл окончила свой рассказ, Сирано некоторое время молчал. Его тонкие длинные пальцы барабанили по панели, а глаза смотрели вверх, будто на потолке было что-то написано. Наконец он встал.

— Я полагаю, нам следует поговорить. С глазу на глаз. И если возможно, то сейчас же.

— Сейчас, когда тут такая каша?

— Мы можем перейти в картохранилище.

Он пропустил Джилл вперед и запер дверь. Она села и закурила новую сигарету. Сирано ходил взад и вперед, заложив руки за спину.

— Совершенно очевидно, что Фаербрасс, Обренова и Торн были *их* агентами. Мне почти невозможно поверить, что Фаербрасс... он же был таким человечным! Впрочем, нельзя исключить, что *они* — тоже люди.

И все же существо, называвшее себя этиком, говорило, что ни оно, ни его агенты не прибегают к насилию. Оно им отвратительно, и они его тщательно избегают. Однако, как мы знаем, Фаербрасс легко приходил в бешенство, уж у него с пацифизмом ничего общего не было. И еще тот эпизод с погибшим Штерном! Из того, что вы мне рассказывали, пожалуй, можно сделать вывод, что это Фаербрасс напал на него, а вовсе не тот пытался зарезать Фаербрасса.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказала Джилл. — Может, лучше все-таки начать с самого начала?

— Отлично. Я расскажу вам то, что обещал хранить как самую сокровенную тайну. Я не легко нарушаю данное мной слово; фактически я делаю это в первый раз в жизни. Но может оказаться так, что это слово я давал тому, кто является моим врагом; моим тайным недругом.

Это случилось семнадцать лет назад. И хотя прошло столько времени, кажется, будто было это совсем недавно! В те времена я жил в районе, населенном преимущественно людьми из моей страны и моего времени. Мы жили на правом берегу, понимаете? А левый берег населяли темнокожие дикари — индейцы с острова Куба, жившие еще до открытия его Колумбом. Хотя, как я понимаю,

жители острова даже и не подозревали, что когда-либо теряли эту самую Кубу. Вообще-то говоря, народ этот был довольно мирным и после нескольких стычек и некоторого периода напряженности отношения между нами стали приходить в норму.

Мое собственное государство возглавлялось великим Конти*, под началом которого я имел честь служить при осаде Арраса. Там я получил удар шпагой в горло — второе из моих серьезных ранений, которые вместе с прочими ужасами, виденными мной на войне, убедили меня, что Марс — самый большой дебил из всех богов. Кроме того, я был в упоении, вновь обретая моего доброго друга и учителя Гассенди**. Он, как вы, безусловно, слышали, возражал этому омерзительному Декарту*** и восхвалял Эпикура, чью физику и мораль он столь блистательно разъяснил. Не говоря уж о его влиянии на Мольера и Шапелье**** — все они, между прочим, мои добрые друзья. Он уговорил их переводить Лукреция — потрясающего римского...

— Ближе к теме, Сирано! Мне нужна правда, но без всяких финтифлюшек!

— Что касается правды, то, если слегка перефразировать другого римского...

— Сирано!

ГЛАВА 61

— Ну хорошо. К делу. Была глухая ночь. Я спал глубоким сном рядом с моей прелестной Ливи, когда неожиданно меня разбудили. Единственным освещением служил свет звезд, сочившийся сквозь деревянные жалюзи нашего окна. Надо мной высилась огромная фигура — черная масса с колоссальной круглой головой, похожей на погасшую луну. Я сел на постели, но, прежде чем успел схватить свое доброе копьё, лежавшее, как всегда, рядом, фигура заговорила.

— На каком языке?

— А? На единственном, на котором я тогда свободно говорил, на моем родном языке, на прекраснейшем из всех языков Земли! Конечно, это существо говорило не на самом правильном французском, но все-таки я его понимал.

— Савиньен Сирано-Второй де Бержерак, — сказал он, называя меня полным титулом.

— У вас преимущество передо мной, сир, — ответил я. Хотя мое сердце и билось учащенно и я чувствовал немалую потребность

* Принц Конти — французский полководец XVII в.

** Пьер Гассенди (1592—1655) — знаменитый французский философ, математик, физик.

*** Шарль Рене Декарт (1596—1650) — великий французский философ, писатель, физик, математик.

**** Шапелье — друг де Бержерака, в доме которого Сирано слушал лекции Гассенди.

помочь, я старался вести себя как можно благороднее. К тому времени даже в этой тьме, лишь слегка смягченной звездным светом, я видел, что он настроен не так уж воинственно. Если у него и было оружие, то оно скрывалось под огромным плащом. Хотя я и чувствовал себя ошеломленным, но все же успел подумать, почему это Ливи, сон которой всегда был так чуток, до сих пор не проснулась? Она продолжала спать, посапывая нежно и изящно.

— Можете именовать меня, как вам заблагорассудится, — сказал он. — Сейчас мое имя не имеет значения. И если вы удивляетесь, что ваша женщина даже не проснулась, так это потому, что я позаботился, чтоб она не пробудилась. Нет! — воскликнул он с пылом, когда я попытался вскочить. — Нет! Она ни в малейшей степени не пострадала. Ее просто усыпили, и завтра она проснется даже без головной боли.

— К тому времени я открыл, что сам, вернее, часть меня тоже усыплена. Мои ноги категорически отказывались мне повиноваться. Странно, но я не чувствовал, чтоб они отекали или отяжелели. Просто не работали, и все тут! Естественно, я пришел в бешенство от такой наглости в обращении с моей персоной, но если говорить по правде, то сделать я мог мало чего.

Незнакомец придвинул к себе стул и сел возле меня.

— Выслушайте меня, а потом уж решайте, стоило ли это делать, — произнес он.

И тут, Джилл, он рассказал мне совершенно удивительную историю, подобной которой вам слышать еще не приходилось. Он сказал, что принадлежит к существам, которые нас воскресили. Сами себя они называют этиками. Он не собирался вдаваться в историю этиков или в то, откуда они взялись, или во что-либо подобное. Для этого у него времени не было. К тому же если его поймут — собственные соплеменники, заметьте — для него все закончится весьма и весьма печально.

У меня, разумеется, было множество вопросов, но не успел я еще открыть рот, как он приказал мне молчать и слушать. Потом он навестит меня еще раз, а может, и несколько. Вот тогда-то он и ответит на большинство моих вопросов, а пока я должен усвоить только вот что: нам вовсе не дарована вечная жизнь. Мы просто подверглись научному экспериментированию, а когда эксперимент кончится, то прикончат и нас. И мы умрем в последний раз, только теперь уже навсегда.

— А что за эксперимент?

— Ну, это нечто существенно большее, чем просто эксперимент. Одновременно это проект исторического плана. Его народ пожелал собрать сведения по истории, антропологии и тому подобному. Им любопытно узнать, какие общественные структуры мы — люди — создадим, если нас перемешать между собой. И как станут люди меняться, будучи поставлены в определенные условия.

А еще он сказал, что большинству групп будет разрешено развиваться без всякого вмешательства его соплеменников. На другие же группы влияние будет оказываться — иногда слабое, а

иногда — весьма действенное. Проект займет долгое время, возможно, несколько сот лет. Затем для проекта придет finit*, и finit для всех нас. И обратимся мы в прах... уже навсегда.

— Это мне не кажется особо этичным, — сказал я. — Почему они отказывают нас в том, чем владеют сами — в вечной жизни?

— А это потому, — ответил он, — что они не истинные этики. Несмотря на их колоссальное самомнение, они жестоки, как жесток ученый, подвергающий мучениям животное, дабы продвинуть вперед научное знание. Ведь у этого ученого есть свои соображения, свои оправдания.

Видите ли, ученый делает в известном смысле доброе дело, а поэтому в определенных пределах он этичен. К тому же в ходе этого эксперимента кое-кто из вас обретет бессмертие. Правда, не многие.

— Как это? — спросил я.

И тогда незнакомец рассказал мне о сущности, которую Церковь Второго Шанса называет «ка». Вам приходилось об этом слышать, Джилл?

— Я ходила на их проповеди, — ответила Джилл.

— Ну, тогда вы знаете и о «ка», и об «акхе», и о всяких прочих дурацких штуковинах. Этот парень сказал мне, что теология шансеров отчасти верна. Главным образом потому, что один из этиков посетил человека по имени Ла Виро и тем подвинул его на создание Церкви.

— Я думала, что это просто одна из дичайших выдумок, которую эти визионеры выдумали и пустили гулять по свету, — сказала Джилл. — Я верила этому не больше, чем верила на Земле в бредятину земных пророков. Моисея, Иисуса, Зороастра, Магомета, Будды, Смита, Эдди — всей этой тошнотворной братии.

— Ну и я тоже, — отозвался Сирано. — Хотя, когда я помирал, я все же покался. Преимущественно чтоб утешить мою несчастную сестру и моего доброго друга Ле Бре. Кроме того, вреда от моего обращения на смертном одре никому не было. А уж если говорить совсем по правде, так я убоился пламени адского. В конце концов...

— Последствия воспитания, полученного в детстве.

— Точно. Но теперь передо мной стояло существо, утверждавшее, будто такая штука, как душа, действительно существует. А у меня самого имелось неоспоримое доказательство существования жизни после смерти. И все же я не мог отделаться от сомнений, от чувства, что надо мной кто-то издевается. Что, если этот человек на самом деле всего лишь кто-то из моих соседей, прикинувшийся вестником богов? Я поверю ему, а завтра превращусь во всеобщее посмешище? Как! Де Бержерак — преклоняющийся перед Разумом, атеист, и так дешево купился на фантастическую выдумку?

* Конец (лат.).

Но... кто мог сыграть со мной подобную шутку? Я не знал никого, у кого могли быть причины и средства для подобного розыгрыша. А как быть с наркотиком, который заставил Ливи спать, а у меня парализовал ноги. Я лично что-то о таком наркотике не слыхивал. А где мог взять шутник этот шар, охватывающий голову незнакомца? В хижине все же хватало света, чтоб разоб-
раться, что шар черный и почти не прозрачный. И все же...

И тогда, будто уловив, что моя вера пока колеблется, незна-
комец вручил мне нечто вроде очков, сделанных из незнакомого
мне материала.

— Поднесите это к глазам, — сказал он, — и взгляните на
Ливи.

Я так и сделал и чуть было не задохнулся от изумления. Прямо
над головой Ливи висел многоцветный шар. Шар светился — он
излучал яркий свет. Он вращался и то сокращался в объеме, то
расширялся, а время от времени выпускал из себя нечто вроде
рук — такие шестигранные придатки. Они вдруг скрывались в
шаре, но на их месте сразу же появлялись другие.

Незнакомец протянул руку и позволил положить ему на ладонь
очки. Он ничего не сказал, но было видно, что ему не хочется, чтоб
я к нему прикасался. Я, ясное дело, повиновался...

Незнакомец спрятал очки где-то в глубинах плаща и произнес:

— То, что вы только что видели, — *ватан*. Это и есть бес-
смертная часть души каждого из вас. — После паузы он про-
должил: — Я избрал нескольких из вас, чтоб помочь мне сразиться
с тем чудовищным злом, которое творят мои соплеменники в
отношении вас. Я выбрал людей в соответствии с их *ватанами*.
Видите ли, мы можем читать в *ватанах* так же просто, как вы
читаете детские книжки. Характер человека отражен в его *ватане*.
Может быть, слово «отражает» тут не совсем точно, так как *ватан*
и есть характер. Но у меня нет времени, чтоб объяснять подобные
детали. Главное в том, что лишь ничтожная часть человечества
достигнет желанной окончательной стадии — бессмертия души,
если человечеству не будет даровано гораздо большее время на
завершение этого процесса.

А затем он опять кратко коснулся того, о чем шансеры пове-
ствуют с такими подробностями. Что не получивший завершения
ватан умершего человека вечно странствует в просторах космоса,
продолжая хранить в себе все человеческое, но не обретая со-
знания. Только полностью развившийся *ватан* обретает сознание.
И такой стадии удастаиваются лишь те, кто достигает морального
совершенства еще при жизни. Или кто хотя бы подходит к такому
состоянию достаточно близко.

— Как?! — вскричал я. — Значит, результатом достижения
морального совершенства явится странствование несчастного при-
зрака сквозь глубины космоса, где он будет вечно биться и отлетать
туда-сюда от стен Вселенной наподобие космического мячика,
сохраняя при этом сознание ужаса своего положения и не имея

возможности общаться с кем-нибудь, кроме себя самого?! И это состояние, которого все жаждут?

— Не следовало бы вам меня прерывать, — ответил незнакомец, — но я все же отвечу вам вот что: существо, которое достигает состояния совершенства *ватана*, или иначе *акха*, уходит за пределы. Оно не остается в этом мире. Оно уходит за пределы.

— И что же там — за этими пределами? — спросил я.

— Уйти за пределы означает стать частью *сверхватана*. Стать частицей Реальности. Или Бога, если вам угодно так называть Реальность. Стать одной из клеток Бога и испытывать вечный и бесконечный экстаз Божественного Бытия.

Я уже почти убедил себя, что имею дело с обезумевшим пантеистом. И все же спросил:

— Однако это слияние означает потерю человеческой индивидуальности?

— Да, — ответил он, — но вы становитесь частичкой *суперватана*, то есть Бога. Вы обмениваете свою индивидуальность, свое самосознание на то же самое, но принадлежите сверхсуществу, так что это вряд ли можно рассматривать как потерю. Это самый большой выигрыш, какой только можно себе представить, это *Результат*!

— Да это просто ужас какой-то! — обозлился я. — Это что же за идиотские игры ведет Бог со своими созданиями? Разве после этого можно утверждать, будто жизнь после смерти, будто бессмертие хоть чем-нибудь лучше небытия?

Нет! Все это какая-то бессмыслица! Если подходить логически, то зачем душа, или *ватан*, вообще появляется на сцене? Какой смысл создавать их, если подавляющее большинство *ватанов* теряется впустую, будто это мошки, которые рождаются на свет лишь для того, чтоб быть съеденными птичками или прихлопнутыми мухобойками? А те *ватаны*, которым чудом удастся выжить, хоть и сомневаюсь, что это можно назвать удачей? Что происходит с теми, что почти добились совершенства, святости, если угодно, и все это только ради того, чтоб их под самый занавес надули? Ибо потеря вашего самосознания, вашей индивидуальности, вашей человеческой сущности — это чистейшей воды жульничество!

Нет, я хочу остаться собой — Савиньеном Сирано де Бержераком — уж если стану бессмертным! Не желаю я вашего поддельного бессмертия, вашего прозябания в виде ничего не помнящей, безмозглой клетки Господа Бога! Безымянной и безмозглой!

— Как и все представители вашего рода, вы ужасно болтливы, — поморщился незнакомец. — Однако... — Он выдержал паузу, а затем продолжил: — Есть и третья альтернатива, та, которая вам будет больше по душе. Я не хотел о ней говорить... не хочу и теперь. Нет у меня времени, а то, которое есть, — далеко не самое подходящее. Быть может, в следующий раз... Мне скоро уходить...

Только сначала нам надо договориться о вашей лояльности и помощи мне. Вы на моей стороне?

— Как я могу поклясться в том, что буду вам верен, если не знаю, стоите ли вы того, чтоб вас поддерживать? Насколько я знаю, вы можете оказаться самым Сатаной!

Незнакомец гулко хмыкнул и ответил:

— Вы единственный, кто одинаково отрицает и Бога, и Дьявола. Но я не дьявол и даже не его аналог. Больше того, я нахожусь на вашей стороне, на стороне обделенного и страдающего человечества. Только доказать это не могу. Вернее — пока не могу. Но вам не мешало бы подумать вот о чем. Разве мои коллеги обращались к вам? Разве они сделали хоть что-то, кроме того, что воскресили вас из мертвых, ради целей, о которых они даже не осмеливаются вам сказать? А разве я не избрал вас из многих миллиардов других людей, дабы вы помогли мне в этой тайной войне? Вас и еще одиннадцать других? Так почему же я оказал вам эту великую честь? Я скажу вам это — вы один из немногих, способных мне такую помощь оказать. Ибо ваш *ватан* подсказал мне — вы будете на моей стороне!

— Значит ли это, что все предопределено? — спросил я. — Я ведь в предопределение тоже не верю.

— Нет. Такой вещи не существует, если не употребляешь этот термин в том смысле, которого вы понять не в состоянии. Впрочем, если б вы его и поняли, то все равно вряд ли с ним согласились бы.

Все, что я могу вам сказать в данную минуту, — это то, что я на вашей стороне. Без моей помощи вы и большинство таких, как вы, — обречены. Вы обязаны мне верить...

— Но, — вскричал я, — что может совершить эта жалкая горсточка людей? Брошенная против суперменов, обладающих сверхъестественными способностями и средствами?

На это он ответил, что сами по себе эти двенадцать, конечно, ничего сделать не смогут, если у них не будет друга на той стороне. А он и есть такой друг. Мы — все двенадцать — должны собраться вместе и отправиться к Северному полюсу, к Башне, стоящей в центре моря. Но добираться туда нам придется самим. Он туда нас перенести не может. А в данный момент не может даже объяснить, почему сделать это не в его силах.

— Я должен действовать неспешно и осторожно, — твердил он. — А вы дайте мне обещание никому не рассказывать о нашем разговоре. Никому, кроме одного из этих двенадцати, которых я избрал.

Если вы нарушите эту клятву, вас могут обнаружить агенты противника. Это будет означать, что у вас удалят из памяти всякие следы воспоминаний о нашей встрече. А мне станет грозить еще большая опасность.

— А как я узнаю остальных? — спросил я. — Как я попаду туда, где они находятся, или как они попадут ко мне? Где они?

Задавая эти вопросы, я одновременно был преисполнен чувствами благоговейного страха и экстатического восторга. Вот передо

мною стоит одно из тех существ, которые воскресили нас из мертвых и сотворили весь этот мир, и оно просит меня о помощи! Я, Савиньен Сирано де Бержерак, всего лишь обыкновенный человек, как бы я сам ни был убежден в огромности моих талантов! И он выбрал меня из многих миллиардов человеческих существ!

Но он знал, что делает, знал, что я не смогу противостоять его призыву. Если б я сейчас стоял на ногах, я бы скрестил свою шпагу с его мечом (если бы шпаги с мечами тут нашлись) и скрепил бы принесенную клятву верности бокалом вина (если б, разумеется, вино оказалось под рукой).

— Вы сделаете так, как велю вам?

— Ну еще бы! — ответил я. — Я дал вам слово, а от него я еще никогда не отступал!

Джилл, я не стану сейчас входить в детали того, о чем он мне рассказал дальше. Кроме... Он сказал, что я должен передать Сэму Клеменсу, чтоб тот искал человека по имени Ричард Фрэнсис Бёртон. Он тоже из Избранных. И мы должны год прожить в Вироландо, чтобы собраться там всем вместе. Если кто-то не явится туда, то остальные все равно должны выступить в поход. И мы получим от него — от незнакомца — известие в самом недалеком будущем...

Он дал мне указания, как найти Клеменса, который живет примерно в десяти тысячах лиг вниз по течению. Клеменс построит огромный корабль из металла, выплавленного из метеорита. Я знал, кто такой Клеменс, хотя умер за сто восемьдесят один год до его рождения. В конце концов, разве не его земная жена спала со мной в этой самой постели! Я сказал незнакомцу об этом, он хмыкнул и ответил: «Я знаю».

— Но не может ли это поставить меня в затруднительное положение? — спросил я. — И особенно Ливи? Может быть, великий Клеменс в такой ситуации не позволит мне даже взойти на борт своего великолепного корабля?

— А что вам важнее, — спросил он, вкладывая в свои слова изрядную порцию раздражения, — женщина или спасение мира?

— Это зависит от моих чувств к женщине, — ответил я. — Если подходить объективно и по-человечески, то двух мнений быть не может. Но я — человек, а потому — не объективен.

— Отправляйтесь и посмотрите, что у вас получится, — предložил он. — Возможно, эта женщина предпочтет именно вас.

— Когда Сирано сгорает от любви, — ответил я, — он не может остывать по команде.

Тут он встал и произнес:

— Еще увидимся.

И исчез.

Я на руках пополз к двери; мои ноги безжизненно тащились за мной следом. Распахнул дверь, но незнакомца там не обнаружил. Наутро я объявил Ливи, что устал от этих мест, что хочу путешествовать, хочу познавать новый и сверкающий мир. Она

возразила, что очень устала от странствий, но, если я уйду, она пойдет со мной. Ну, мы и ушли. Остальное вам известно.

Джилл казалось, что она теряет ощущение реальности происходящего. Она верила рассказу Сирано, но тем не менее он заставлял ее ощутить себя чем-то вроде актера на сцене, в декорациях которой прячется нечто неведомое и пугающее. А она к тому же актер, который не получил заранее текста своей роли.

— Нет, остального я тоже не знаю. Как получилось у вас с Клеменсом? Что он знал такого, чего вы не знали раньше? И существуют ли еще другие этики, которые должны появиться среди вас?

— Клеменса этик посещал дважды. Клеменс зовет его «Иксом», или «Таинственным Незнакомцем».

— Клеменс когда-то написал книгу под названием «Таинственный незнакомец», — сказала Джилл. — Очень печальная и горькая повесть, глубоко пессимистичная. Незнакомец оказался Люцифером.

— Он мне говорил об этом. А насчет остального — он, пожалуй, не знал ничего, что было бы мне неизвестно. За исключением того, что Икс каким-то образом повлиял на траекторию падения метеорита, заставив его упасть там, где Клеменс мог его легко отыскать.

— Да понимаете ли вы, сколько энергии надо было затратить на такое дело?!

— Сэм мне это объяснил. Между прочим, он нарушил данное незнакомцу слово. Поведал о нем Джо Миллеру и Лотару фон Рихтхофену. Сказал мне, что никак не мог удержаться.

Кстати, там были еще двое... Огромный рыжий дикарь по имени Джон Джонсон и... Фаербрасс!

Джилл чуть сигарету не уронила.

— Фаербрасс? Так он же...

— Точно, — кивнул головой Сирано. — Должно быть, он был одним из тех агентов, о которых упомянул этик, но более подробных объяснений не дал. Я же больше никаких этиков не видал, а потому и разъяснений по великому множеству своих вопросов не получил. Но я думаю, что незнакомец сильно удивился бы, узнав, что Фаербрасс выдает себя за одного из двенадцати. Вполне возможно, что Фаербрасс был просто провокатором. Впрочем, эта мысль ничуть не объясняет ни Торна, ни Обреновой.

— А добавили ли Джонсон или Фаербрасс хоть крупинку к тому, что вы уже знали?

— Это насчет этика? Нет. Джонсона он посетил всего один раз. Фаербрасс, конечно, не был одним из двенадцати избранных. Я сомневаюсь, что этик знал насчет того, что Фаербрасс — агент. Да и как он мог это узнать? Разве если он сам, замаскированный под человека, жил среди нас? Что, впрочем, не исключено. Если бы он знал, что Фаербрасс агент, то, надо полагать, у незнакомца были очень веские причины не сообщать нам об этом.

Но особенно меня беспокоит то, что этик не посетил нас вторично.

Джилл вдруг чуть ли не подскочила на своем стуле.

— А не мог ли Пискатор тоже быть агентом?

Сирано промолчал, вздернул вверх брови и плечи и, взмахнув руками, протянул Джилл пустые ладони.

— Если он не вернется, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос.

— Цели, контрцели, контр-контрцели... Колеса внутри колес, в свою очередь вращающиеся внутри еще больших колес... — произнесла задумчиво Джилл. — Майя опустила семь завес иллюзии между нами и *ими*.

— Что? А, вы имеете в виду индуистскую концепцию Иллюзии...

— Нет, я не думаю, чтоб Пискатор был агентом. Если б это было так, он не рассказал бы мне о своих подозрениях, что вокруг нас плетутся странные тайные дела.

Стук в дверь заставил их вздрогнуть.

— Капитан, докладывает Гриссон — руководитель третьей поисковой группы. Всё, кроме помещения картохранилища, обыскано. Но мы можем зайти сюда и попозже.

— Входите, — разрешила Джилл. И, обращаясь к Сирано, добавила: — Мы договорим потом. Во всем этом так много странного, что возникает множество вопросов.

— Очень сомневаюсь, что у меня найдутся на них ответы.

ГЛАВА 62

Прошло двадцать четыре часа.

Мертвые были погребены в море. Их завернутые в белые полотнища тела в те считанные секунды, когда их сбрасывали в волны сквозь амбразуры в стене, удивительно походили на египетские мумии. Пока Джилл стояла в пронизанном мощными прожекторами тумане и наблюдала, как трупы один за другим соскальзывают через арочное отверстие в стене, она невольно высчитывала время, которое им предстоит падать вниз. Заставляла ее искать прибежище в математических подсчетах отнюдь не сердечная черствость. Скорее уж это была привычка, а также своеобразный барьер, воздвигнутый перед страхом смерти.

Теперь смерть снова стала стопроцентной реальностью; всякие надежды на возможность повторного воскрешения в этом мире пропали. Смерть казалась еще более вездесущей и угрожающей в этом месте — таком холодном, с таким влажным и липким ветром и с такими нависающими густыми и взвихренными облаками. Сделай она лишь несколько шагов в плотном тумане, и тут же исчезнет из глаз товарищей, ее не услышит ни единое живое существо и даже рукотворные приборы не засекут ее движений. Джилл не видела даже собственных ног, даже металла, по которому ступала ими.

Она подошла к самой амбразуре и высунула голову наружу, но так и не смогла уловить хотя бы легкого шума мертвого ледяного

моря, где-то далеко-далеко внизу с ревом кидавшегося на стены Башни. Слишком далеко оно от нее. Вообще все было неимоверно далеко; даже то, что лежало всего лишь в нескольких шагах.

Поистине пустыня. И как же ей хотелось покинуть ее как можно скорее!

Пискатор до сих пор не вернулся. Она уже и не думала, что он вернется. Ни при каких условиях не остался бы он добровольно так долго в этой Башне. Либо он умер, либо тяжело ранен, либо стал пленником. Во всяком случае, никто из тех, кто остался снаружи, не мог ему помочь. Обещанное семисуточное бдение представлялось теперь Джилл непомерно долгим и бессмысленным. Поэтому Джилл объявила экипажу, что дирижабль стартует после пяти суток ожидания.

Новость была воспринята всеми с явным облегчением. Как и у Джилл, нервы команды были предельно напряжены и даже, пожалуй, перенапряжены. Настолько, что Джилл была вынуждена заменить четырехчасовые вахты у купола двухчасовыми. У некоторых караульных стали возникать галлюцинации, им мерещились странные фигуры, движущиеся в тумане, они слышали голоса, раздающиеся в коридоре. Один из часовых даже выстрелил в то, что он принял за нечто огромное, бросившееся на него из тумана.

Первый обыск на корабле не выявил ни бомб, ни радиопередатчиков. Опасаясь, что экипаж все же мог оставить без внимания какие-нибудь жалкие квадратные сантиметры площади, Джилл отдала приказ о новом обыске. Теперь он охватил даже верхнюю поверхность дирижабля. Люди взобрались на его спину и на четвереньках обошли ее всю, освещая дорогу электрическими фонариками. Другие члены экипажа при свете ярких прожекторов внимательно осмотрели наружную поверхность хвостовой структуры.

Бомб не было нигде.

И все же желанного облегчения Джилл не обрела. Если Торн с самого начала планировал где-то спрятать взрывчатку, он мог заложить ее даже в газовые отсеки. А если он прибег к такой хитрости, то, значит, уменьшил в них давление газа, ибо попасть в газовый отсек невозможно, не выпустив в воздух какое-то количество невосполнимого водорода. Правда, не стоило забывать, что речь идет о передатчике, а это вещь маленькая. Кроме того, он мог быть замаскирован под что-нибудь другое.

Эта мысль послужила основанием для третьего обыска, когда досмотру подвергли все, даже самые небольшие механические и электронные приборы с целью установить, действительно ли это то, на что они похожи с виду. Все оказалось в порядке, но само предположение, что передатчик может быть замаскирован под нечто иное, отнюдь не способствовало снижению напряженности.

Конечно, пока Торна держат в больничке, он никак не сумеет добраться до спрятанного где-то передатчика. На дверь больнички поставили новый замок; а еще там всегда находились вооруженные часовые — двое снаружи и двое — внутри.

Джилл обсудила с Сирано еще одну беспокоившую ее проблему.

— Сэм, надо думать, дико разозлится, когда узнает, что ровным счетом ничего не сможет сделать, если даже доберется до этих краев. Возможности подняться на самый верх Башни с поверхности моря у него нет никакой. А если б он это невозможное и совершил, то все равно внутрь Башни ему не пробиться.

Вполне вероятно, что одному-двум членам его экипажа удалось бы пройти по проходу, если только допустить, что они попадут на крышу. Но где гарантия, что с ними не случится того же, что случилось с Пискатором?

— Да кто знает, что там есть, в этом проходе! — мрачно отозвался Сирано. Маленького японца он любил почти так же нежно, как и самого Фаербрасса.

— А не говорил ли вам Фаербрасс о лазере, спрятанном на борту «Марка Твена»?

Сирано так и подпрыгнул.

— Ага! Какой же я глупец! Лазер! Да, конечно же, Фаербрасс говорил мне о нем! Неужели же он сказал бы об этом вам, а от меня утаил бы! Да я свинью готов поцеловать в гузку, если он на такое способен!

— Что ж, возможно, металл Башни способен противостоять даже лазерному лучу, но узнать об этом можно лишь попробовав, не так ли?

Но француз уже успел снова погрузиться в пучины печали.

— А как мы решим проблему топлива? Мы же не сможем долететь до корабля Сэма, взять у него лазер, вернуться сюда, а потом лететь в Пароландо или к Сэму. Для этого нам горючего никак не хватит!

— Лучше нам забрать у Сэма лазер, потом отправиться в Пароландо, изготовить там побольше горючего, а уж потом вернуться сюда.

— На это уйдет уйма времени. Но другого, похоже, нам ничего не остается. А что, если этот упрямец Клеменс не позволит нам воспользоваться лазером?

— Не вижу, как он сможет отказать нам в этом, — задумчиво сказала Джилл. — Другой-то возможности проникнуть в Башню все равно нет!

— Ах да, верно. Но не следует исходить из предпосылки, что логика может поколебать Клеменса. Он ведь человек, а следовательно, далеко не всегда может действовать логично. Но пожием — увидим.

Новая идея так захватила Джилл, что она уже не видела никакого смысла так долго ожидать возвращения Пискатора. Если он ранен или в плену — не имеет значения, захватили ли его живые существа или механические устройства — освободить его без лазера все равно невозможно.

Но сначала следовало допросить Торна. Приказав Коппенейму дожидаться ее возвращения, она вместе с Сирано пошла в больницу. Торн полусидел на кровати. Его правую ногу охватывало

кандальное кольцо, прикованное к цепи, другой конец которой был приварен к кровати раме.

Торн, когда они вошли, не сказал ни слова. Джилл тоже долго молчала, внимательно вглядываясь в его лицо. Мощные челюсти Торна крепко сжаты; подбородок агрессивно выдвинут вперед; темно-синие глаза почти скрыты за опущенными веками. Выглядел он таким непоколебимым Люцифером.

— Не желаете ли вы сообщить нам о том, что случилось? — спросила Джилл.

Торн даже не счел нужным ответить.

Джилл распорядилась держать его в неведении о гибели вертолета, пока она сама не сочтет нужным сказать ему об этом.

— Мы знаем, что это вы взорвали бомбу. Вы убили Фаербрасса, Обренову и всех остальных, бывших в вертолете.

Глаза Торна широко раскрылись, но лицо несколько не изменилось. Возможно, Джилл только померещилась едва заметная улыбка, скользнувшая по его губам?

— Вы виновны в предумышленном убийстве. У меня есть право расстрелять вас, и я не премину это сделать. Если, конечно, вы не расскажете мне обо всем.

Джилл ждала ответа. Торн молча глядел на нее злыми глазами.

— Мы знаем о маленьких шариках в лобных долях мозга у Фаербрасса и Обреновой.

Вот этим она его достала, этим задела некую чувствительную струну. Лицо Торна побледнело и сморщилось как от боли.

— У вас тоже есть такой шарик?

Торн застонал и ответил:

— Меня ведь подвергли рентгеноскопии. Как вы думаете, Фаербрасс взял бы меня с собой, будь у меня такой шарик?

— Не знаю, — ответила Джилл. — Взял же он Обренову. Почему бы ему брать ее с собой, а вас отчислять из экипажа?

Торн лишь отрицательно повел головой.

— Послушайте, если будет нужно, я прикажу Грейвзу вскрыть вашу черепную коробку и исследовать, как там у вас с мозгом.

— Зряшная трата времени, — сказал Торн. — У меня такой штуки нет.

— Думаю, вы лжете. Каково назначение этих шариков?

Молчание.

— Вам ведь это известно, не правда ли?

— А куда ты направлялся, когда украл вертушку? — спросил Сирано.

Торн покусал губу, а потом тоже задал вопрос:

— Из этого я заключаю, что в Башню вам все-таки попасть не удалось?

Джилл колебалась. Надо ли говорить ему о Пискаторе? Не даст ли знание этого факта ему каких-либо преимуществ перед ней? Никто не представляет себе, чем это может обернуться, но ведь все равно она не имеет ни малейшего представления о том, куда следует положить хоть один кусочек этой окаянной головоломки!

— Один человек прошел, — ответила она.

Торн вздрогнул и еще сильнее побледнел.

— Один? И кто же это?

— Я скажу вам после того, как вы расскажете, что все это значит.

Торн медленно набрал полные легкие воздуха и так же медленно выпустил его.

— Обо всем этом я больше не скажу ни слова, пока мы не вернемся на «Марка Твена». И там я стану говорить только с Сэмом Клеменсом. А до этого — ни слова! Можете, если угодно, вскрывать мне череп. Но это было бы жестоко, возможно, даже убило бы меня, а уж последнее — дело совершенно бесполезное.

Джилл сделала Сирано знак, чтоб он вышел с ней в соседнюю комнату. Там Торн не мог слышать их разговор, и Джилл спросила: — На борту «Марка Твена» есть рентгеновский аппарат?

Сирано пожал плечами:

— Не помню. Мы можем это выяснить при первом же радио-контакте.

Оба снова вернулись к кровати Торна. Он долго молча смотрел на них. Явно в нем происходила какая-то сильная внутренняя борьба. Наконец, с таким выражением лица, будто он ненавидел себя за то, что все же вынужден задать этот вопрос, Торн спросил:

— А вернулся ли ваш человек назад?

— А вам-то какая разница?

Торн, похоже, что-то собирался добавить еще, но вместо этого просто улыбнулся.

— Ладно, — сказала Джилл. — Мы летим к кораблю. Я еще зайду поговорить с вами, когда мы туда доберемся... но, возможно, вы передумаете еще до того.

Проверка готовности к полету потребовала около часа. Канаты сброшены и убраны на склад. Караул у купола и люди, державшие швартовы, подняты на борт. Сирано сидел в кресле пилота, когда корабль начал набирать высоту. Его винты, направленные вверх, создавали дополнительную подъемную силу. Был сброшен водяной балласт, чтобы компенсировать потерю выпущенного в атмосферу водорода. Восходящие по стенам Башни воздушные потоки подняли корабль выше, чем надо, а поэтому Сирано послал его немного вниз, одновременно направив нос дирижабля туда, где находился огромный проход в горах, через который они сюда проникли.

Джилл стояла у лобовой панели и безотрывно смотрела в туман.

— До свидания, Пискатор, — шепнула она. — Мы еще вернемся.

Ветер швырнул «Парсеваля» сквозь дыру, выплюнув его, как сказал Сирано, будто это был кусок тухлого мяса, поданный на завтрак какому-то гиганту. Или — добавил он — будто это был ребенок, который никак не мог родиться и наконец выскочил из чрева матери, истомившейся от желания отделаться от своего девятимесячного груза.

Француз явно злоупотреблял своими метафорами, да и юмором тоже.

Чистый воздух, яркое солнце и зеленая растительность действовали на всех так, что, казалось, они вот-вот хором исполнят эту такую торжественную кантату. Сирано, широко улыбаясь, выразил это чувство так:

— Не был бы я на вахте, сплясал бы, ей-Богу! Признаться, никак не могу думать о перспективе возвращения в это омерзительное место о чем-то хоть отдаленно похожем на удовольствие!

Окузо начала передавать позывные дирижабля сразу же, как только они поднялись на значительную высоту. Однако прошел целый час, пока она доложила, что контакт с «Марком Твеном» состоялся.

Джилл начала было рапортовать Сэму Клеменсу, но он перебил ее на полуслове возмущенным описанием предательской атаки Грейстока. Джилл была поражена этим известием, но затем ее терпение подверглось сильнейшему испытанию — пришлось выслушать длиннейший и перегруженный ненужными деталями рассказ Сэма об этом событии. Кстати, сам корабль от этого нападения пострадал не так уж и сильно. Джилл считала, что ее отчет куда важнее.

Наконец Сэм кончил.

— Ладно, пожалуй, на данный момент я израсходовал весь наличный запас желчи. Слушайте, а почему именно вы разговариваете со мной? Где Фаербрасс?

— Вы не дали мне возможности вставить хотя бы пару слов, — ледяным тоном произнесла Джилл. И тут же подробно описала события с того времени, как дирижабль прошел сквозь дыру в горах.

Теперь настала очередь Сэма ужасаться. Однако, за исключением нескольких особо крепких проклятий, он воздержался от комментариев почти до самого конца рапорта.

— Итак, Фаербрасс мертв, и вы полагаете, что он был одним из *них*? А может, он и не был, Джилл? Не приходило ли вам в голову, что подобные черные шарики могли быть имплантированы с чисто научными целями небольшому числу людей? И, скажем, их имеет только один на тысячу или один на десять тысяч? Я не знаю, каково их назначение. Может, они передают мозговые волны, которые *они* записывают в каких-то целях этого эксперимента? А может, так собираются сведения о поведении некоторых, заранее отобранных по каким-то признакам личностей?

— Я об этом не подумала, — призналась Джилл. — Хотелось бы думать, что вы правы, так как мне тошнотворно представлять себе Фаербрасса как одного из *них*!

— Мне тоже. Однако сейчас самое важное заключается в том, что экспедиция по суше совершенно бесполезна. Я построил два судна, и все это ни к чему! Ладно, не совсем так уж ни к чему! Жизнь на корабле сама кой-чего стоит! Она позволяет пользоваться роскошью, которой вам нигде больше не найти — разве что на

«Рексе». И еще — это самый быстрый способ путешествия по Реке, хотя, надо признаться, теперь у меня больше нет определенной точки, куда бы я хотел добраться. Впрочем, я совсем забыл о короле Иоанне... Я еще надеюсь схватиться с ним и прикончить его за все сделанные мне пакости!

— Вы ошибаетесь в одном, Сэм, — ответила ему Джилл. — Я думаю, мы все же можем попасть в Башню. Все, что мне для этого нужно, — это ваш лазер.

Ей показалось, что Клеменс чем-то подавился.

— Вы хотите сказать, что... что Фаербрасс рассказал вам о нем? Но это глупо, это неблагородно по отношению к... это беспринципно... а-а-а... Я же велел ему никому не говорить об этом ни слова! Он же знал, как важно хранить это дело в тайне! А теперь об этом будут болтать все, кому не лень! Даже в этой рубке! Они же слышали каждое сказанное вами слово! Мне придется приводить их к присяге и обязать молчать, но где гарантия, что у них случайно не сорвется с языка... Если бы Фаербрасс был жив, я б его придушил одной рукой, а другой засунул бы ему сигару в задний проход!

Кроме того, — продолжал бушевать Сэм, — вам следовало бы подождать до тех пор, пока вы доберетесь сюда, а не начинать этот разговор по радио! Насколько я знаю, радисты короля Иоанна уже годы как слушают нас. Они уже давным-давно могли разобраться в том, как работают наши скрамблеры, и сейчас ловят каждое наше с вами слово, облизываясь как свинья, которая только что нашла свежую коровью лепешку!

— Я очень сожалею, — промолвила Джилл, — но было просто необходимо упомянуть этот предмет. Нам придется сделать кое-какие приготовления к тому, чтобы перенести лазер на дирижабль, не совершая посадки.

Мне лазер совершенно необходим, — добавила она. — Это единственная возможность попасть в Башню. Без этого все наши труды и смерть многих людей будут впустую.

— А мне он нужен, чтобы раскромсать на куски короля Иоанна и его судно! Это сильнейшая штуковина! Она в квадрате гарантирует мгновенную победу!

Всячески стараясь не выдать свой гнев, Джилл сказала:

— Поразмыслите, Сэм. Что важнее — отомстить королю Иоанну или узнать тайну этого мира, выяснить, зачем мы тут находимся и кто это сделал? К тому же нет никаких причин, чтобы не решить обе эти проблемы одновременно. Мы же вернемся к вам вместе с лазером!

— Да будь они долбаны так и разэтак, эти проблемы! Откуда мне знать, что вы вернетесь? В следующий раз эти типы могут вас захватить! Они могут сидеть там внутри, довольные как мыши, что хихикают над котом, который не может к ним подобраться. Но неужели вы думаете, что, когда вы начнете потрошить Башню лазером, они будут сидеть сложа руки и позволят вам водить ваши хороводы?

Они схватят вас, как схватили Пискатора! А что потом? И, наконец, у вас же нет уверенности, что металл Башни поддается лазерному лучу!

— Вот это, к сожалению, верно. Нам придется действовать методом тыка. Это единственный способ выяснить вопрос.

— Ладно! Ладно! Логика и право на вашей стороне, хотя они никогда еще не приносили победы в спорах. Однако я человек здравомыслящий. А потому можете забирать свой лазер.

Но... и это здоровущее «но», как сказала королева Испании Дэну Серпом-По-Яйцам; вы должны мне первым делом добыть Вонючку Иоанна.

— Не понимаю, о чем вы?

— Я имею в виду, что сначала вы произведете рейд на «Рекса». Пошлете ночью десантную группу на вертушке и возьмете Иоанна в полон. Мне бы, конечно, хотелось поглядеть на него тут — живьем, но, если живым его взять не удастся, убейте его, и вся недолга!

— Это глупо и жестоко! — воскликнула Джилл. — Мы можем потерять вертушку и всю десантную группу в бессмысленной и бесславной операции. Не говоря уж о риске для жизни людей, мы никак не можем позволить себе терять вертушку. У нас вертолет только один.

Сэм уже дышал с трудом, но все-таки он выждал, пока не овладел собой. Теперь он говорил холодно и ровно.

— Это вы говорите чушь. Если с Иоанном будет покончено, у меня не останется причин для сражения с «Рексом». Подумайте только, как много будет спасено жизней! Мне нет дела, если командование этим судном перейдет в руки заместителя Иоанна, я даже пожелаю ему всяческого счастья!

Все, чего я хочу, — это чтоб Иоанн заплатил за все совершенные им преступления и чтоб он больше не стал поганить дивный корабль, над которым я трудился до седьмого пота, который задумал и ради которого терпел непереносимые тяготы! И не забывайте, что он пытался потопить и этот мой корабль!

Я хочу, чтоб этот мерзейший позор рода человеческого был поставлен передо мной, и я объяснил бы ему, кто таков он есть! Вот и все. Обещаю не убивать его и не пытаться, раз уж это вам не по душе. Гром и молния! Да какое вам до этого дело вообще?!

И когда я кончу снимать с него стружку и завершу самое блистательное обличение со времен Сотворения Мира (а оно посрамит даже Иеремию и выставит его пошлым заикой), тогда я высажу Иоанна на берег и уплыву. Конечно, лучше бы бросить его среди каннибалов или рабовладельцев, но...

Я обещаю вам это, Джилл.

— А что, если его все же убьют?

— Что ж, мне придется поднапрячься и как-нибудь проглотить свое разочарование.

— Но поймите, я не могу приказывать своим людям идти на такое опасное дело...

— А я вас об этом и не прошу. Вызовите добровольцев. Если их наберется мало, что ж, значит, плохи дела. Тогда лазера вы не получите. Однако я не предвижу нехватки в героях. Если и есть в мире нечто, о чем я имею представление, Джилл, так это человеческая натура.

— Я буду считать за честь, Сэм, записаться в волонтеры, — выкрикнул Сирано.

— Это вы, Сирано? Что ж, должен признаться, вы никогда не принадлежали к числу моих близких друзей. Но если вы пойдете, я пожелаю вам удачи от всего сердца. Говорю это совершенно искренне.

Джилл была так поражена, что на мгновение лишилась дара речи.

— Зачем вам это понадобилось, Сирано?

— Зачем? Вы, видно, забыли, что я тоже был на борту «Внаем не сдается», когда Иоанн и его пираты захватили судно. Меня тогда чуть до смерти не убили. Мне бы очень хотелось отомстить и взглянуть на выражение физиономии Иоанна, когда он поймет, что охотник наконец сам попал в капкан, а пирата захватили пираты!

Заметьте, это совершенно не похоже на вашу колоссальную безликую войну, развязанную жадными, ополумевшими от жажды славы крестинами, которым плевать, сколько будет убитых, изуродованных, сошедших с ума, замерзших, подохших от голодухи и болезней; сколько детей и женщин будут разорваны на куски, скольких женщин изнасилуют, оставят без мужей и сыновей!

Нет, тут дело чисто личное! Я в лицо знаю человека, против которого веду малую и вполне справедливую войну. И Клеменс рассуждает точно так же, хотя войну ненавидит не меньше, чем я.

Джилл даже не стала с ним спорить. В какую-то минуту ей показалось, что она разговаривает с малым дитем, с ребенком-дебилем. Он все еще развлекается игрой в солдатики, хотя в совершенстве знаком с ужасом и гноем войны.

Джилл ничего не оставалось, как согласиться на предложение Сэма. Повиноваться ему она, конечно, была не обязана, поскольку у него нет возможности заставить ее выполнять его приказы. Но если она хочет получить лазер, а она этого хочет, то получит его ценой рейда.

Ее последняя надежда, что рейд не состоится, так как не найдется нужного числа добровольцев, умерла сразу же, как только она объявила о наборе волонтеров. Желающих оказалось столько, что, будь у нее три вертолета, их экипажи были бы полностью укомплектованы.

Возможно (думала Джилл), они такого натерпелись в Башне, что сейчас им просто необходима разрядка, они рвутся в схватку с врагом, которого можно видеть глаза в глаза, который готов к яростному отпору. Впрочем, она и сама не слишком верила в такое объяснение.

Клеменс был прав. Он знал человеческую природу. Во всяком случае — мужскую. Нет, не так! Это несправедливо! Скажем так: природу мужчин определенного сорта.

Потом было часовое обсуждение деталей рейда. На нем Сирано объявил, что может набросать довольно точные кроки «Рекса». Клеменс в конце концов отключился, но не раньше, чем добился обещания, что его поставят в известность о результатах рейда в ту же минуту, как их вертолет вернется.

— Если он вернется, — бросила ему в ответ Джилл.

ГЛАВА 63

Торпеды, казалось, шли прямо на цель, но Сэм приказал сделать крутой разворот на полном ходу. Минутой позже наблюдатель на корабле сообщил, что обе торпеды «ушли в молоко», едва не задев судно. Дирижабль же продолжал идти прямо на него, он двигался прямо и неуклонно и по всем признакам должен был столкнуться с капитанским мостиком. Сэм завопил, чтоб по дирижаблю немедленно вторично ударили ракетами. Но, прежде чем приказ был выполнен, дирижабль взорвался.

Четыре одновременно взорвавшиеся бомбы должны были бы выбить все стекла в иллюминаторах палубных надстроек и, пробив в корпусе большие пробоины, уйти в глубь корабля. Действительно, иллюминаторы были разбиты или вообще высажены вместе с рамами, поранив многих из экипажа судна.

Корабль, хоть он был огромен и тяжел, содрогнулся. Сэма швырнуло на палубу вместе со всеми другими, бывшими в рубке; один лишь рулевой остался на месте — он был пристегнут к своему креслу. Байрон потерял сознание, когда лобовая панель ударила его прямо в лицо.

Сэм вскочил на ноги, когда рубка уже наполнилась клубами дыма, который слепил ему глаза и заставлял задыхаться от кашля. Омерзительная едкая вонь проникла в глотку и ноздри. Сэм ничего не слышал — на какое-то время он полностью оглох. Ощупью пробираясь сквозь дым, он наконец наткнулся на пульт управления. Зная расположение каждого циферблата, каждой кнопки, каждой клавиши, Сэм убедился, что корабль все еще следует заданному курсу — если, конечно, рулевой механизм еще действует. Затем он отстегнул ремни, удерживавшие безжизненное окровавленное тело Детвейлера в кресле, и опустил его на пол.

Дирижабль или, вернее, то, что от него осталось, упал в Реку. Обломки были разбросаны на сотнях квадратных метрах водной поверхности и горели. Дым, заполнявший рубку, исходил именно от них, но теперь корабль уже вышел из дымного облака. Сэм выровнял судно и направил его вверх по течению. Включив автопилот и убедившись, что тот совершенно исправен, Сэм помчался на правый борт, чтоб оценить нанесенный кораблю ущерб.

Джо что-то кричал ему, его рот был широко открыт, а губы работали в непривычно быстром темпе. Сэм показал пальцем на свое ухо, давая понять, что он ничего не слышит. Джо продолжал вопить. Его шкура кровоточила во многих местах.

Позже, когда все успокоилось, Сэм пришел к выводу, что из четырех бомб взорвалась только одна. Сила взрыва должна была бы вызвать детонацию и остальных трех, но этого, ко всеобщему удивлению, не произошло.

Убитых не было, но десятки человек получили ранения. Счастье еще, что взрыв не привел к детонации ракет, имевшихся на борту.

Больше всех досталось Детвейлеру, но и он встал на третий день с постели и начал ходить. Корабль пока стоял на якоре у берега поблизости от питающего камня, обеспечивающего завтраком весь экипаж. Широкие сходы соединяли «Марка Твена» с берегом, чтоб команда могла отдохнуть на берегу. Повреждения уже были почти полностью ликвидированы, и команду повахтенно отпускали на берег. Сэм решил, что сейчас самое время заготовить побольше пороху и спирта. С местными властями договорились насчет обмена табака и части вина и виски, поставляемых граалями экипажа, на древесину и лишайник, добываемые туземцами.

Фон Рихтхофен погиб. Из команды «Минервы» выжили только Самрад и Харди. Ньютон утонул, так, видимо, и не придя в сознание. Сэм плакал, когда тело немца положили в мешок с грузом и опустили в глубины Реки. Он очень любил этого кипучего и беззаботного парня.

— Я знаю, почему Грейсток совершил предательство, — говорил Сэм. — Иоанн Безземельный сделал ему предложение столь соблазнительное, что отвергнуть его Грейсток просто был не в силах. И эта коварная скотина почти выполнила работу, на которую подрядилась. Я всегда знал, что Грейсток жестокий человек, подобно всем людям своего круга, но не подозревал, что он сможет так легко стать предателем. А ведь если бы мы учили историю как следует — это и к тебе относится, Марсель, зато тебя не касается, Джо, — то наверняка помнили бы, что все средневековые аристократы славилась своей способностью предавать. Их богом была Удача, что отнюдь не мешало им возводить церкви и соборы во славу Господа и Его Святой Церкви. У всех у них был моральный уровень гниены.

— Не у всех, — отозвался де Марбо. — Был такой Уильям — маршал Англии. Так вот, он никогда не перебежал с одной стороны на другую.

— Должно быть, он никогда не служил у короля Иоанна, — возразил Сэм. — Чтоб делать дела с этим подонком, надо обладать необычайно крепким желудком. Так или иначе, Иоанн сделал попытку, и она ему почти удалась. И сейчас меня очень тревожит вопрос — сколько еще саботажников он насадил среди нас? Теперь вы, надо думать, поняли, почему я распорядился удвоить караулы возле каждой жизненно важной точки корабля, а возле арсенала и склада боеприпасов так даже учетверить их?

По этой же причине я приказал всем мужикам и всем девкам на борту докладывать мне обо всех сколько-нибудь из ряда вон выходящих случаях. Я знаю, это многим не нравится, но мне приходится быть реалистом.

— Неудивительно, что тебе злятся кошмары по ночам. А я вот о таких вещах не беспокоюсь! — буркнул Джо Миллер.

— И именно поэтому я — капитан, а ты — всего лишь мой телохранитель. Скажи, а разве тебе не приходится волноваться из-за моей охраны?

— А я прозто делаю зное дело, а волнуясь только, когда обедать долго не дают.

Через несколько минут появился главный радист и доложил, что «Парсеваль» на связи. К тому времени когда Сэм кончил говорить с Галбиррой, он уже чувствовал себя так, будто прошвырнулся по минному полю. Предательство, ложь, разочарование, ощущение непрочности сущего, стыда и полной потери ориентации, — все это, казалось, притаилось у самых ног Сэма и готово было взорваться ему в лицо в любой подходящий момент.

Дымя как дракон, хотя вкус сигары казался ему непривычно горьким, Сэм шагал взад и вперед по своей каюте. До сих пор на корабле были лишь двое, знавших секрет Икса и историю его контакта с Сэмом: Джо Миллер и Джон Джонсон. Всего же есть (или было) восемь известных ему поименно человек, располагавших сведениями о Таинственном Незнакомце, — Миллер, Джонсон, он сам, Фаербрасс (умер), де Бержерак, Одиссей (давно пропал куда-то), фон Рихтхофен (погиб) и Ричард Фрэнсис Бёртон. То существо, которое Сэм звал Иксом, или Таинственным Незнакомцем (если допустить, что тот не был ни сукиным сыном, ни подонком), в свое время сообщило ему, что всего им избрано двенадцать человек, которые должны добраться до Полярной Башни. Предполагалось, что Икс вернется через несколько лет и даст Сэму дополнительную информацию. Однако пока Икс что-то уж очень подзадержался.

Можно допустить, что другие этики в конце концов схватили Икса и теперь он... где?

Сэм рассказал о знакомце Миллеру, а также фон Рихтхофену. Значит, есть еще шесть человек, знающих об Иксе, но неизвестных Сэму. Конечно, нельзя исключить возможность, что все они уже собрались на его корабле. И почему Икс не дал им знака или пароля, по которому они могли бы узнать друг друга? Может, он собирался это сделать, но его отвлекли? Расписание действий Икса было столь же непредсказуемо, как расписание поездов в Мексике.

Сирано говорил ему о Бёртоне. Где сейчас Бёртон, Сэм не знал, зато ему хорошо известно, кто он такой. Газеты во времена Сэма прямо-таки кишели сообщениями о путешествиях Бёртона. Кроме того, Сэм читал и «Личное сообщение о странствии пилигрима в Эль-Медину», и «Первое путешествие в Восточную Африку», и «Озерную область Центральной Африки», а также бёртоновский перевод «Тысячи и одной ночи».

Кроме того, Гвенафра знала Бёртона лично, и она рассказывала Сэму все, что могла вспомнить о нем. Ей было лет семь или около того, когда она воскресла впервые в Мире Реки. Ричард Бёртон взял ее под свое покровительство, и она с год путешествовала с ним на лодке вверх по Реке. Потом она утонула, но уже никогда не могла забыть этого яростного смуглого человека.

Между прочим, с ними был еще и Грейсток; но ни он, ни Гвен ничего не знали о Незнакомце. А не был ли Грейсток тоже агентом?

Этот парень Бёртон... На Земле он возглавлял экспедицию, которая должна была открыть истоки Нила. Здесь он с той же страстью стремился достичь верховьев местного Нила, но уже, видимо, по другим побуждениям.

Де Бержерак передавал со слов этика, что, если Сэм отыщет Бёртона, тот скорее всего притворится, будто потерял память обо всем так или иначе связанном с этиками. Клеменс должен будет сказать ему, что все это туфта, и тогда Бёртон объяснит ему причину, по которой ему пришлось симулировать амнезию. Весьма любопытно.

А еще были эти Штерн, Обренова и Торн. И Фаербрасс. Их роли столь же таинственны, как и роли самого Икса и его коллег. Чью сторону они держали?

Сэм чувствовал, что ему нужна помощь, чтоб разобраться в особенностях основы и узора этой загадочной завесы. Значит, настало время для конференции.

Через пять минут он уже заперся в своей каюте с Джо и Джоном Джонсоном. Джон был огромный парняга, с мощным костяком и мускулатурой. Лицо имел красивое, но грубое. Глаза голубовато-стальные. Волосы ярко-рыжие. Хотя он и возвышался над прочими людьми наподобие горы, но в сравнении с титантропом казался миниатюрным.

Сэм Клеменс выложил им новости. Джон молчал, что вовсе не удивительно — горцы не начинают разговор, пока для этого не наступит настоятельная необходимость. Джо же пробурчал:

— Что все это означает? Я имею в виду вход, куда мог пройти только Пизкатор?

— Это мы узнаем от Торна, — ответил Сэм, — а сейчас меня больше всего интересует именно он и другие члены его вонючей компашки.

— А вы, часом, не думаете, что Грейсток мог быть агентом этих этиков, а? Я-то полагаю, что этот хореk был просто наемником короля Иоанна.

— Он мог быть одновременно и тем и другим, — ответил Джону Сэм.

— Как это? — прогремел Джо Миллер.

— Откуда мне знать! А вообще-то ты ведь хочешь спросить другое — «почему?» Именно этот вопрос задал когда-то разбойник Иисусу, когда того прибивали к кресту. Почему? Именно этот вопрос должны и мы задавать себе. *Почему?* Да, я думаю, Грейсток мог быть агентом. Он мог сойтись с королем Иоанном по той

простой причине, что цели одного в какой-то степени совпадали с целями другого.

— Но ведь агенты не прибегают к насилию, — напомнил Джонсон. — Во всяком случае, так говорили вы сами со слов Икса. Они не только ненавидят насилие, но даже к людям избегают прикасаться.

— Нет, так я не говорил. Я сказал, что насилие для этиков не этично. Во всяком случае — по словам Икса. Но откуда мне знать — возможно, он лгал. По мне, так он вполне может быть самым Князем Тьмы, который, если ты помнишь Библию, есть еще и Князь Лжи.

— Тогда что же нам делать? — забеспокоился Джонсон. — Зачем нам в таком случае выполнять его распоряжения?

— Потому, что я все же не уверен, что он нас обманывает. А его коллеги не почли за долг вежливости или порядочности побеседовать со мной. Он — это все, от чего я могу танцевать. А еще я говорил, что Икс, как мне показалось, не испытывал желания подходить ко мне вплотную. Вроде как аболиционист*, что проветривает свой дом после того, как в нем побывал негр, которого он пригласил к себе попить чайку. Но я не утверждал, что агенты сплошь брамины. Торн и Фаербрасс определенно таковыми не были. Не знаю. Во всяком случае, Джо может унюхать Икса. Он зашел в мою хижину сразу после того, как Икс ее покинул. И Джо сказал, что там пахнет не по-человечески.

— От него воняло иначе, чем от Зэма, — ухмыльнулся Джо. — Только я не могу сказать, что Зэм вонял хоть чуточку лучше.

— А от тебя, значит, разит лучше, да? — поморщился Сэм. — Как бы там ни было, Джо никогда не нюхал ничего подобного. Вот почему я полагаю, что агенты — люди.

— Зэм непрерывно курит свои сигары, — объяснил Джо. — Из-за этой дряни я бы и зкунза не унюхал.

— Хватит, Джо! — рявкнул Сэм. — Иначе я снова загоню тебя на твое банановое дерево!

— В жизни не видал бананов! Во всяком случае до тех пор, пока не оказался тут и мой грааль не выдал мне бананчик на завтрак. Но и тогда я не был уверен, что это не отрава.

— Держись! — сказал Джон.

Брови Сэма изогнулись, напоминая ошестинившихся гусениц.

— Чего это я должен держаться?! Надеюсь...

— Темы разговора.

— Ах да! В любом случае я уверен, что агенты у нас на корабле есть. Корабль, возможно, просто кишмя кишит ими. Вопрос в том — чьи они? Икса или тех — других? Или есть и такие, и такие?

— Вроде бы они пока под ногами не валяются, — прокричал Джонсон. — И посудина наша пока цела. А вот когда мы доберемся до верховий...

* Странник освобождения негров перед Гражданской войной в США.

— Насчет того, что под ноги не суются, не знаю. Хотя Икс и не говорил этого, но мы вправе предположить, что именно Икс пробурил тот туннель и оставил веревку для Джо и его египетских дружков. И у нас нет доказательств, что другие агенты настроены против нас только потому, что не хотят, чтоб простые земляне добрались до Башни. А может, они просто хотят создать определенные затруднения на пути туда, чтоб мы трудом заслужили право на вход? А почему бы и нет?

И еще... насчет Одиссея... Появился он внезапно и спас нас всех, когда мы дрались с фон Радовицем. Сказал мне, что он один из двенадцати избранных Иксом. Я решил, что он и послан к нам Иксом, но Одиссей возразил — нет, его послала этик-женщина. Я стал расспрашивать Одиссея о ней, а он взял да и расхохотался. В общем, не захотел разговаривать.

Значит, в этом деле замешаны *двое* этиков. Еще один ренегат, являющийся союзником нашего Икса, что ли? А может, эта женщина вовсе и не подружка Икса? Может быть, она всего лишь этик, пронюхавшая о происходящем? И она послала Одиссея, который вполне мог быть агентом, принявшим обличье исторического Одиссея?

Я говорю так потому, что случайно повстречал двух микенцев, дравшихся под стенами Трои. Так они по крайней мере утверждали. Тут на Реке самозванцев — хоть пруд пруди, знаете ли! Так вот, Одиссей мне как-то сказал, что Троя находилась на самом деле гораздо южнее, чем считают археологи. А оба грека утверждали, что Троя была именно там, где ее помещают все исследователи — вблизи Гиссарлыка, в Турции. Ну конечно, они так не называли ни город, ни страну. Ни того ни другого в их времена еще не существовало.

Микенцы рассказывали, что Троя расположена вблизи Геллеспонта, то есть там, где потом был основан город Гиссарлык. Ну и как вам такая путаница?

— Если этот греческий парень был агентом, — прогудел Джонсон, — то зачем ему понадобилась эта брехня?

— Возможно, затем, чтоб убедить меня в том, что он не самозванец. Что он и есть самый-разсамый всамделишный Одиссей. Надо полагать, ему вряд ли угрожала опасность встретиться с кем-нибудь, кто мог бы назвать его отъявленным вралем. Да и к тому же он пробыл у нас совсем недолго, так что шансы на подобную встречу были практически нулевые.

И еще одно. Ученые моего времени утверждали, что деревянный Троянский конь — чистейшей воды выдумка. Что правды в этой истории не больше, чем в предвыборных обещаниях политика. А Одиссей сказал, будто деревянный конь был и что он сам выдвинул эту идею — в точности так, как об этом поведал Гомер, и что именно таким образом греки вошли в город.

Однако вполне можно предположить, что это была ложь с двойным дном. Сказав мне, что все ученые ошибались, Одиссей как бы доказывал, что он действительно сражался у стен Трои. Любой,

кто может встать в позицию и, глядя вам прямо в глаза, заявить, что все учнейшие мужи — просто набитые опилками и мышинным дерьмом чучела, ибо он там был, а их там не было, вас, безусловно, убедит в своей правоте. Это потому, что ученых всегда заносит, так как они склонны искать сказочный Северо-западный проход, используя в пургу секстант и не зная, где находится бушприт — на носу или на корме.

— Что ж, они хоть стараются, — вздохнул Джонсон.

— Так ведь и внук в гареме у шейха тоже очень старался. Как бы я хотел иметь хоть слабенькое представление о том, что тут происходит в действительности! Мы блуждаем в тесных водах, как любил говаривать доктору Ватсону Шерлок Холмс.

— А кто такие эти парни? — с любопытством спросил Джо.

Гигант горько снова нахмурился:

— О'кей, Джон, извини меня. Я надеялся, что нам удастся проследить хоть одну нить в этом безумном узоре. Черт меня поberi, если нам удалось ухватиться за ее кончик!

— А не может ли нам помочь в этом деле Гвенафра? — проворчал Джо. — Она такая женщина, что мимо нее не пройдешь. Ты говорил, будто женщина может понимать вещи, которые мужчинам недоступны, потому как у нее женская интуиция. А кроме того, женщины жуть как не любят, когда з ними не советуются. Они же не куклы! Гвенафра знает, что тут давно что-то происходит и что ты от нее это старательно прячешь. Как раз зейчас она грузит в главной гозтиной. Она приходит в бешенство каждый раз, когда ты ее выгоняешь, чтоб побезедовать з нами по этому вопрозу.

— Я вовсе не верю в женскую интуицию, — ответил раздраженно Сэм. — Они просто так воспитаны обществом, что видят наши действия под другим углом зрения; подмечают особенности речи, жестов, интонаций, которые мужчины пропускают мимо ушей. Они очень чувствительны к разным мелочам именно в силу своего воспитания.

— Ну в общем-то это одно и то же получается, — отмел возражение Джо. — Какая тебе разница, как называются эти качества. Злушай, мы же уже мозги на бок звернули на этом деле! Замое время зменить здающего в нашей покерной партии.

— Все скво жуть как болтливы, — гудел свое Джонсон.

— Если зять тебя за точку отсчета, так выяснится, что все кругом болтуны, — отозвался Сэм. — В любом случае Гвен ловка и умна не меньше других, а может, и больше.

— А кончится все тем, что вскоре о наших делах узнает весь мир, — стоял на своем Джонсон.

— Что ж, если хорошенько подумать, — ответил Сэм, — то почему бы об этом не знать и другим. Разве их это не касается?

— У Незнакомца, должно быть, были причины желать, чтоб мы держали рты на запоре.

— Но хороши ли эти причины? — задал вопрос Сэм. — Правда, если мы действительно начнем болтать, то тут вскоре соберется такая толпища желающих попасть на Северный полюс! Золотая

лихорадка 1849 года* ни в какое сравнение с этой не пойдет. Сотни тысяч захотят залезть на Башню. А еще миллионы будут тереться вокруг, разнюхивая, какую бы прибыль извлечь из этого дела.

— А взе-таки давайте проголозуем начет Гвен.

— А ты слыхал когда-нибудь о женщине — члене военного совета? Не успеешь и глазом моргнуть, как она уже оседлает тебя и начнет руководить. Эти нижние юбки отхватят тут же целую милю, как только ты им протянешь один дюйм!

— Теперь женщины больше нижних юбок не носят, — задумчиво сказал Сэм. — Больше того, они теперь вообще мало чего носят, как ты мог бы заметить.

Голосование состоялось — два против одного.

— О'кей. Только пусть она скрещивает колени, когда садится против меня, Сэм.

— Знаешь, как мне трудно было добиться от нее, чтоб она хоть грудь прикрывала, — простонал Сэм. — Вообще-то она старается. Но это не ее вина. Кругом же все купаются голышом. Так что какая разница, даже если она забудется и не вспомнит о том, сколько квадратных дюймов кожи она оставила обнаженными?

— Тут речь не о коже идет, а о волосах, — гнул свое Джонсон. — Неужели тебя это не беспокоит, Вэс?

— Одно время беспокоило. В конце концов, я и сам жил на Земле примерно в то же время, что и ты. Правда, я все же провел жизнь не среди индейцев Скалистых гор. Да и тут мы живем уже тридцать четыре года, Джон, на планете, где даже королева Виктория шкандыбает в одежке, которая вызвала бы у нее сердечный приступ плюс понос, если б она увидела такое в своем Букингемском дворце. Здесь обнаженность кажется столь же естественной, как сон во время проповеди.

ГЛАВА 64

Предупрежденная Сэмом Гвенафра надела под свой килт еще и набедренную повязку. Она уселась в кресло и с широко открытыми глазами слушала Сэма, выложившего перед ней причины, которые привели к ее приглашению на совет.

Выслушав его, она долго сидела молча, медленно и задумчиво отпивая глоток за глотком из своей чайной чашки. Затем сказала:

— Мне известно гораздо больше, чем ты думаешь. Ты же чертовски много болтаешь во сне, Сэм. И я давно поняла, что ты скрываешь от меня что-то важное. Признаюсь, это больно ранило меня. Я все время хотела сказать тебе, что ты просто обязан посвятить меня в то, что тут творится. Если б ты этого не сделал, я бы, наверно, ушла от тебя.

— Так чего же ты молчала? Я же не подозревал, что ты принимаешь это так близко к сердцу!

* Имеется в виду золотая лихорадка в Калифорнии.

— Только потому, что предполагала, будто у тебя есть очень серьезная причина таиться от меня. Но я уже подошла к черте, где мое терпение готово было лопнуть. Разве ты не видел, какой раздраженной я была в последние дни?

— Видел. Но думал, ты просто хандришь. Способность дуться из-за пустяков — одна из загадок женского характера. Впрочем, тут не место для обсуждения наших семейных дел.

— А где же место для этого? Я прекрасно знаю, что стоит мне что-то сказать, как ты тут же начинаешь злиться. А что касается женской загадочности, то мы таинственны не больше, чем какой-нибудь оловянный рудник. А там все, что нужно, — это взять хороший фонарь, чтоб освещать темные углы; и тогда ты увидишь все, что надо. Но мужчинам нравится думать, что женщины загадочны. Это дает им повод воздерживаться от расспросов, экономя таким образом время и силы.

— Но уж вечной болтливостью они обладают — это точно, — парировал Сэм. — Тебе добраться до дела так же трудно, как сломанному карандашу поставить точку.

— Оба вы болтаете слишком много, — скривился Джонсон.

— Ну, есть и другие крайности, — ответила Гвен, сердито глядя на Джона. — Но вы правы. Вполне возможно, что у нас все же есть нечто и оно может оказаться ключом к тайне Башни. Вот, например, что вы думаете о Пискаторе?

— Э-э... Хм-м... — начал Сэм, — я понимаю, к чему ты клонишь. Почему он смог войти в Башню, а другие — нет. Ну, во-первых, он мог быть агентом. Но если агенты способны проходить через барьер, то почему этого не сделал Торн?

И еще — почему Торну пришлось воспользоваться «Парсевалем», чтоб добраться до Башни? Ведь у этиков и их агентов есть собственные средства передвижения — что-то вроде летательной машины.

— Этого я не знаю, — ответила Гвенафра. — Давайте все же остановимся на Пискаторе. Чем он отличается от всех прочих? Вряд ли как ключ для входа в Башню имел значение какой-нибудь физический элемент — например одежда. Все пробовали войти обнаженными, но войти удалось только Пискатору.

Кроме того, существуют различия в том, как далеко удавалось пройти по коридору остальным. Какие особенности характеров были у тех, кому удалось пройти дальше, чем другим?

— Чтобы выяснить это, нужен компьютер, — сказал Сэм. — Галбирра знает членов своего экипажа. Она сможет описать их нам, когда дирижабль прилетит сюда. Однако, чтоб подход был по-настоящему научным, необходимо иметь точные данные о состоянии, пройденном каждым человеком. А это уже можно как-то увязать с особенностями характеров. Однако, поскольку таких замеров никто не делал, вопрос отпадает.

— Тогда давайте рассмотрим Пискатора.

— Он был одним из этих самурашек, — сказал Джонсон.

— Не думаю, чтоб тут имела значение раса, — ответил ему Сэм. — До сих пор нам не удалось раскрыть ни одного агента с монголоидными чертами, хотя я думаю, они должны быть обязательно. Давайте вот что учтем. Торн не хотел, чтобы Фаербрасс и Обренова отправились в Башню. И он хладнокровно взрывает их обоих, не говоря уж об остальных, которые к ним отношения не имели. Хотя, может быть, Торн не знал, что Фаербрасс — агент. Если так, то он просто получил двоих, заплатив цену за одного.

— А может, их было больше чем двое, — задумчиво сказала Гвен. — Впрочем, нет — ведь только двое имели в головах черные шарики.

— Черт побери! Не надо проблему, и без того сложную, усложнять еще больше.

— Если бы эти двое тоже входили в Башню, мы могли бы сравнить их характеры с характером Пискатора, — продолжала Гвен.

— Я много общался с Фаербразом и скажу, что от него пахло так же, как и от всех остальных человек. А эти оставил после себя запах зовсем другой, чем у Зэма. Пискатор тоже был человеком, хотя от него и воняло рыбой. Я могу определять разные виды человеков, в завизимости от того, что они едят.

— Но ты еще никогда не встречал никого, от кого пахло бы не как от человека, — сказал Сэм. — Поэтому у нас нет оснований считать агентов нелюдью. А уж выглядят они стопроцентно как люди.

— Не встречал, хотя, должно быть, их тут было немало, — ответил Джо. — И поскольку я никогда не встречал кого-то, кто вонял бы не как люди (хотя им озобенно хвалитья в этом змысле и нечего), значит, агенты *должны* быть людьми.

— Может, оно и так, — включился Джонсон, — этому недомку кажется, что если неземляне выглядят как земляне, то и пахнуть они должны так же.

Джо хихикнул:

— А почему бы тебе не вывезить объявление в главной гозтиной: «Взем этикам и ихним агентам немедленно явитья к капитану»?

Гвенафра казалась чем-то очень обеспокоенной и явно все больше хмурилась. Наконец она не выдержала:

— Почему вы все время уходите от вопроса, который я поставила? Насчет Пискатора?

— А может, мы вроде того карлика из цирка, что нашел под кроватью своей жены туфли великана, — ответил Сэм, — просто боимся задавать лишние вопросы.

Ну ладно. Я был довольно плохо знаком с этим джентльменом из Чипанго*. Он появился у нас месяца за два до отплытия «Марка Твена». Согласно докладам, он был очень спокойным и славным

* Так во времена Марко Поло называлась Япония.

человеком. Не то чтобы нелюдим или заносчив, а просто неагрессивен. Казалось, он со всеми быстро находит общий язык. Что, с моей точки зрения, автоматически делает его подозрительной личностью. При этом он отнюдь не был соглашателем. Я помню, как он вступил в спор с Фаербрассом насчет размеров будущего дирижабля. Он считал, что лучше построить сравнительно небольшой корабль. Спор кончился тем, что Пискатор заявил, что все равно считает себя в данном вопросе правым. Но, поскольку Фаербрасс — босс, он будет делать как приказано.

— А были у него странности? — спросила Гвенафра.

— Он свихнулся на почве рыбной ловли, но мне это не кажется особо эксцентричным. Слушай, а почему ты меня спрашиваешь? Ты же и сама его знала!

— Хотела услышать чужую точку зрения, — ответила она. — Когда Галбирра доберется сюда, мы ее спросим о Пискаторе. Она знала его лучше, чем мы.

— И не забудь про Зирано, — подсказал Джо. — Он его тоже знал хорошо.

— Джо любит Сирано, — заметил Сэм. — У француза нос еще больше, чем у него. С ним Джо чувствует себя вроде бы среди родственников.

— Чушь зобачья! А у ваз — жалких пигмеешек — ни единого приличного ноза не найдешь! Я люблю его, несмотря на то что ты з ним ладил, как один заец гиены з другим в разгар брачного зезона!

— Не смешно, — холодно ответил Сэм. — Ну а что же все-таки ты думаешь о Пискаторе, Гвен?

— От него вроде бы исходили волны... Ну, как бы это лучше выразиться... Не животного магнетизма, поскольку сексом там и не пахло... Просто теплое благорасположение. Вы знали, что нравитесь ему. Хотя з дураками он старался дел не иметь. Но он не был с ними груб, невзирая на всю их тупость. Просто старался побыстрее и поделикатнее от них отделаться.

Не думаю, чтоб он был... как сказать? Фундаменталистом или мусульманским фанатиком. Говорил, что Коран следует воспринимать как аллегорию. И еще, что Библию нельзя толковать буквально. Знаете, он мог читать наизусть большие отрывки из обеих книг. Я разговаривала с ним несколько раз и очень удивилась, когда он сказал, что Иисус был величайшим пророком после Магомета. И еще, что мусульмане верят, будто первым человеком, который взойдет на небо, будет Мария — мать Иисуса. А ты мне рассказывал, что мусульмане ненавидят Христа.

— Нет, я говорил, что они ненавидят христиан. И vice versa.

— Нет, ты вовсе не так говорил. Но это не важно. Если все суммировать, то Пискатор произвел на меня впечатление мудрого и доброго человека. Но было в нем нечто большее. Я только не знаю, как это выразить... Может быть, то, что он, казалось, живет в этом мире, но все же к нему не принадлежит?

— Я думаю, ты верно сказала, — произнес Сэм. — Он морально или, лучше сказать, духовно был выше нас всех.

— Он никогда не действовал и не говорил так, будто считал себя таким, как ты говоришь. Но вполне вероятно, да... так могло быть...

— Жаль, я не успел узнать его получше.

— Для этого ты был слишком увлечен постройкой своего корабля, Сэм.

ГЛАВА 65

Фрайгейт вернулся в хижину только за час до ужина. Когда Нур спросил его, где он был, Фрайгейт ответил, что целый день прождал приема у Новака. Наконец секретарша Новака сказала Фрайгейту, что ему следует прийти завтра. Новак освободит минутую другую с утра для разговора с ним.

Фрайгейт казался явно разочарованным. Ожидание в очереди, видимо, не доставило ему большого удовольствия. Но сам факт, что он простоял в очереди так долго, говорил о необычном для Фрайгейта упорстве. Рассказывать своим друзьям о причинах такого упорства Фрайгейт решительно отказался до тех пор, пока не поговорит с Новаком.

— Если он скажет «да», я вам все расскажу.

Фаррингтон, Райдер и Погаас на приход Фрайгейта почти не обратили внимания. Они были заняты обсуждением вопроса о том, как вернуть обратно «Пирушку». Фрайгейт заявил, что у него по этому поводу пока предложений нет. Нур же только улыбнулся и изрек, что подождет, пока они сами не решат вопрос о том, насколько их планы соответствуют требованиям морали.

Нур, как всегда, был прекрасно осведомлен обо всем происходящем вокруг, причем гораздо лучше остальных. Именно он и сообщил им перед тем, как они вышли из хижины, чтобы позавтракать, что их дискуссия имеет теперь лишь чисто теоретический интерес. Новые владельцы уже нагроулили «Пирушку» всякими товарами для обмена, и она отплывает вниз по Реке сразу же после завтрака.

Мартин чуть не взорвался.

— Почему же ты раньше нам об этом не сказал?!

— Побоялся, что вы втроем задумаете какое-нибудь дурацкое дело, вроде захвата судна среди бела дня, да еще перед глазами нескольких сот свидетелей. В таком случае вам вряд ли удалось бы легко отделаться.

— Неужели мы, по-твоему, такие дураки?

— Нет, но вы слишком импульсивны. А это уж точно форма глупости.

— Огромное тебе спасибо за доброе мнение, — воскликнул Том. — Ладно, может, это и к лучшему. Я все равно предпочитаю захватить один из этих патрульных пароходиков. А с «Пирушкой» нам пришлось бы собирать прежнюю команду, искать новых

женщин, чтоб заменить ушедших, а на это нужно не только много времени, но его еще надо тщательно распланировать.

Начались всякого рода неприятности и подковырки. Явился чиновник из правительственной канцелярии и предложил им или немедленно выходить на работу, или убираться вон из страны. Фрайгейта в это время не было. Вернулся он, сияя улыбкой, и казался несколько не огорченным их новостями.

— Я все же уломал Новака!

— В каком смысле? — спросил Фаррингтон.

Фрайгейт развалился на бамбуковом стуле и закурил сигарету.

— Ну... для начала я спросил, не хочет ли он построить нам второй дирижабль. Я и не ожидал, что он пойдет навстречу, а он и в самом деле не изъявил такого желания. Он сказал, что будет строить еще два дирижабля, но отнюдь не для нас. Они предназначаются для патрульной службы и военных действий, если таковые начнутся.

— Ты что же, хочешь, чтоб мы сперли у них дирижабль? — закричал Фаррингтон. Он хоть и разозлился, когда Подебрад так нагло их надул, но теперь испытывал от этого явное облегчение. Он, разумеется, это отрицал, но все видели, как он радуется тому, что полет на воздушном корабле не состоится.

— Нет. Ни Нур, ни я никогда не поверим, что вы можете стащить чью-то собственность, даже если вы часами с удовольствием будете обсуждать такую возможность. Оба вы жуткие фантазеры. А кроме того, ни я, ни Нур в воровстве участия принимать не станем.

После того как мое первое предложение было отвергнуто, я выдвинул второе. Новак сначала долго мекал и бекал, но затем согласился с моим предложением. Это дело потребует гораздо меньше времени и меньших материальных затрат, чем дирижабль. Новак чувствует себя перед нами весьма неуютно из-за того обмана, а потому счел, что, оказав нам помощь, он как бы скомпенсирует часть нанесенного ущерба.

А еще Новак сам интересуется воздушными шарами. Его сын профессионально летал на них.

— Воздушные шары! — возопил Мартин. — Ты все еще собираешься навязать нам эту идиотскую идейку?

Том казался куда более заинтересованным, но все же сказал:

— Мы ведь ничего не знаем о ветрах, дующих над горами. Нас ведь может и на юг унести!

— Это так. Но сейчас мы находимся несколько севернее экватора. Если только воздушные течения в верхних слоях атмосферы тут сходны с земными, то нас должно относить на северо-восток. Вот когда мы минуем штилевые широты, там дело другое. Но я имею в виду шар, который одним махом перенесет нас в арктическую зону.

— Чушь! Безумие! — воскликнул Мартин, качая головой.

— Ты отказываешься в этом участвовать?

— Этого я не сказал. Я, знаешь ли, тоже всегда отличался наличием лишних дырок в голове. Да, я действительно не уверен, что ветры будут постоянно дуть туда, куда нам надо. Лучше уж нам заняться верным делом и построить себе новый корабль.

Фаррингтон был не прав и, вероятно, сам понимал, что все, что он сейчас говорит, — чистейшее сотрясение воздуха. Ветры на той высоте, на которую им предстояло подняться, и в самом деле дуют на северо-восток.

Однако, когда вся компания услышала о типе шара, который Фрайгейт имел в виду, они все принялись яростно возражать ему.

— Да, я знаю, что это изобретение никогда не испытывалось и существует только на бумаге, — отбивался Фрайгейт, — но тем больше будет наша заслуга, если мы воспользуемся столь уникальным шансом.

— Да, — ответил Мартин, — только ведь ты говорил, что Жюль Верн выдвинул эту идею еще в 1862 году. Если это была такая уж блистательная мысль, то почему ее никто не попытался осуществить?

— Не знаю. Я бы обязательно попробовал это сделать еще на Земле, будь у меня деньги. Послушайте! Это единственный путь, следуя которому мы сможем преодолеть большие расстояния. Ведь если мы воспользуемся обычным воздушным шаром, нам предстоит считать себя счастливыми, ежели мы одолеем за один раз километров четыреста семьдесят. Конечно, мы тем самым сократим водный путь до этой точки почти на миллион километров. А вот с «Жюлем Верном» мы легко проделаем весь путь до самых Полярных гор.

После долгих споров все наконец решили испытать план Фрайгейта. Но, когда работа над этим проектом пошла полным ходом, Фрайгейта охватила тревога. Во сне его все чаще посещали кошмары — картины страшной гибели воздушных шаров, что достаточно ясно говорило о глубине его беспокойства. Тем не менее в разговорах с другими он всячески демонстрировал свою полную уверенность в успехе.

Жюль Верн в своем романе «Пять недель на воздушном шаре» предложил идею, которая выглядела весьма внушительной, хотя и опасной. В романе эта идея сработала прекрасно, но Фрайгейт знал, что реальность нередко отказывается делать дипломатические реверансы перед художественной литературой.

Шар был изготовлен, и экипаж проделал на нем двенадцать испытательных полетов. Они, ко всеобщему удивлению, и особенно к удивлению Фрайгейта, выявили лишь ряд сравнительно незначительных недоделок. Правда, все тренировочные полеты проходили на небольшой высоте, ибо аэростат должен был держаться ниже уровня горных вершин, окаймляющих долину. Подняться выше значило подвергнуть себя опасности быть унесенными слишком далеко от Новой Богемии и потерять всякую надежду на возвращение туда; к окончательному же старту они еще не были готовы.

Экипажу предстояло провести еще одно важное испытание оборудования, но его можно было осуществить лишь во время первого подъема в стратосферу, который по необходимости должен был совпасть с отлетом в дальний путь.

Доктор Фергюссон — герой романа Верна — сконструировал шар, в основу конструкции которого был положен тот принцип, что водород при нагревании расширяется. Правда, этот принцип был опробован еще в 1785 и 1810 годах, причем оба раза с самыми катастрофическими последствиями. Фантастический нагреватель Верна был гораздо лучше обоснован с научных позиций, отличался большей мощностью и эффективностью, нежели те, что использовались в действительности. Все эти преимущества, естественно, существовали только на страницах романа. У Фрайгейта технология, разумеется, была еще выше, чем у Верна, и он ввел ряд модификаций, во многом менявших всю техническую систему. Когда строительство шара было завершено, Фрайгейт с полным основанием заявил, что это первое в мире практическое воплощение идеи Верна. Они стали творцами истории воздухоплавания.

Фриско ядовито возразил, что никто не спешил воспользоваться идеей Верна потому, что подобных психов просто не нашлось. И хотя Фрайгейт в душе был с ним совершенно согласен, но вслух этого признавать не спешил. Все равно это был единственный тип аэростата, который мог пролететь огромные расстояния в намеченном ими направлении. Так что Фрайгейт отнюдь не собирался идти на попятный. Слишком часто в обоих мирах он что-то начинал, а потом бросал не окончив. Даже если эта штукавина убьет его, он все равно пойдет избранным путем до самого конца.

Правда, убить она может не только его, но и других, и эта мысль несколько беспокоила Фрайгейта. Впрочем, о грядущих опасностях всем им было известно. А лететь их никто не заставлял.

Окончательный старт состоялся согласно расписанию — еще до восхода солнца. Дуговые фонари и смоляные факелы освещали огромную толпу, собравшуюся на равнине. Оболочка шара, окрашенная в цвет алюминия, плавала в воздухе наподобие сморщенной сосисочной шкурки, свисающей с невидимого крюка.

На этой стадии полета «Жюль Верн» отнюдь не соответствовал обывательским представлениям о воздушном шаре как о правильной сфере, до отказа наполненной газом. По мере того как шар станет подниматься, «мешок» будет заполняться газом под влиянием нагревания последнего солнечными лучами и понижения давления окружающей атмосферы на оболочку. Произносились речи, провозглашались тосты. Том Райдер заметил, что Фриско пользуется стаканом, по объему втрое более вместительным, чем у остальных. Том пробормотал что-то насчет «голландской смелости», но постарался, чтоб его голос звучал потише, дабы Фриско не услышал оскорбительного намека. К тому времени когда Мартин влезал в гондолу, он уже весело улыбался и «делал ручкой» остающимся.

Питер Фрайгейт заканчивал балансировку. В прежних конструкциях этот процесс сводился к тому, чтобы общий вес оболочки, газа, сетки, грузового отсека, кольца, гондолы, балласта, продовольствия и самого экипажа был несколько меньше подъемной силы газа. «Жюль Верн» был первым аэростатом, у которого сейчас вес был слегка больше, нежели подъемная сила.

Гондола, висевшая под «мешком», формой напоминала тыкву; ее корпус имел двойные стенки, изготовленные из сплава магния. В центре палубы гондолы находилось сооружение в виде латинской буквы «L», названное в честь Верна вернилкой. Из верхней части этой странной штуковины выходили две тонкие пластмассовые трубки; отверстия, через которые эти трубки выходили наружу, были загерметизированы, дабы предотвратить утечку воздуха из гондолы.

Далее пластиковые трубки шли вверх и уходили в герметически закрытую горловину оболочки. Там их концы подсоединялись к двум трубкам из легкого сплава, поднимавшимся *внутри* оболочки на разную высоту. Одна из них была значительно длиннее другой. Верхние концы этих трубок были открыты.

Если перед стартом экипаж шара отличался повышенной разговорчивостью, то сейчас все молча следили за действиями Фрайгейта.

— Закрыть главный люк! — приказал он, и ритуал подъема начался.

Сначала Питер проверил манометр и два стоп-крана вернилки. Открыл небольшую заслонку в верхней части этого L-образного сооружения и повернул третий стоп-кран, ожидая, пока раздастся слабое шипение. Этот звук исходил из тонкого штуцера на конце стальной трубки, находившегося в верхнем отделении вернилки.

Затем Фрайгейт ввел в печь электрическую зажигалку, укрепленную на алюминиевом пруте. На конце штуцера появился небольшой язычок пламени. Он еще немножко подкрутил тот же кран, чтоб увеличить пламя, и с помощью двух остальных отрегулировал подачу кислородно-водородной смеси, питающей этот факел. Теперь пламя горелки нагревало днище большого платинового конуса, расположенного как раз над ней.

Нижний конец самой длинной трубки, уходящей в оболочку, был вделан в вершину конуса. По мере нагревания конуса находившийся в нем водород поднимался вверх, поступал в оболочку и заставлял ее расширяться. Более холодный водород из нижней части оболочки, согласно принципу сообщающихся сосудов, тут же начинал «вливаться» в открытый конец более короткой трубки. По ней он поступал в вернилку и в конус. Там снова нагревался и опять поднимался вверх; таким образом осуществлялся своеобразный кругооборот водорода в этой системе.

Одно из отделений нижней части вернилки представляло собой электрическую батарею. Она была куда легче и мощнее, нежели батарея, использованная Фергюссоном в романе Верна. Батарея разлагала воду на ее составные элементы — водород и кислород.

Они распределялись по разным отделениям, а затем поступали в смеситель, откуда горючая смесь шла к факелу горелки.

Одной из важных модификаций, внесенных Фрайгейтом в систему Верна, была пластиковая трубка, что вела из камеры, содержащей запас водорода, к более короткой металлической трубке внутри шара. Открыв оба стоп-крана, пилот мог выпустить водород из камеры прямо в шар. Это была дополнительная мера предосторожности на случай аварийной ситуации, используемая только для того, чтоб быстро пополнить запас водорода в оболочке, если перед этим он был выпущен в атмосферу через специальные ниппели. Когда к такой мере прибегали, факел, конечно, выключался, поскольку водород легко воспламеняется.

Прошло пятнадцать минут. Затем гондола почти незаметно для сидящих в ней оторвалась от земли. Почти сразу же вслед за этим Фрайгейт выключил горелку.

Крики провожающих быстро стихали, а потом и полностью смолкли. Огромный ангар теперь казался маленькой игрушкой. К этому времени солнце уже вылезло из-за гор, а из питающих камней, тянувшихся цепочками по обоим берегам Реки, грянули раскаты, похожие на залповую стрельбу артиллерии.

— А вот и наш тысячефутовый салют! — сказал Фрайгейт.

Летели минуты, а никому из экипажа и в голову не пришло заговорить или даже пошевелиться. Царило такое молчание, которое можно встретить лишь где-нибудь на дне огромной пещеры. А ведь двойные металлические стенки гондолы отнюдь не обладали звукоизоляционными качествами! Когда у Фрайгейта забурчало в животе, звук был похож на отдаленное гроыхание грома.

Появился слабый ветерок, уносивший шар к югу, то есть дальше от цели путешествия. Погаас высунул голову в открытый иллюминатор. У него даже не возникло ощущения движения, ибо аэростат шел с той же скоростью, которой обладал ветер. Воздух вокруг шара был совершенно неподвижен, как в комнате с закрытыми окнами. Пламя свечи, если б ее поставить на верх верилки, наверняка горело бы вертикально, не отклоняясь в сторону.

Хотя Фрайгейт много раз поднимался на аэростатах, он всегда как бы впадал в экстаз в минуты подъема. Ни один из других видов спорта — даже планеризм — не приводил его в возбуждение, близкое к восторгу. Он ощущал себя как бы бестелесным духом, свободным от пут силы тяжести, от забот и тревог плоти и ума.

Конечно, то была иллюзия, поскольку сила тяжести продолжала держать шар в своих лапах, она играла с ним и в любой момент могла начать швырять его из стороны в сторону. Да и от забот и тревог отрыв был тоже лишь плодом воображения — для тела и ума дел находилось немало.

Фрайгейт встряхнулся, будто пес, вылезающий из воды, и принялся за работу, которая занимала у пилота значительную часть полетного времени. Проверил альтиметр. Тысяча восемьсот двадцать девять метров. Чуть побольше 6000 футов. Вериметр, или статоскоп, показывал, что скорость подъема возрастает по мере

того, как солнце нагревает водород, заполняющий аэростат. Проверив запасы водорода и кислорода, Фрайгейт отсоединил подачу воды к батарее. Сейчас все внимание следовало сосредоточить на вериметре и альтиметре.

Долина суживалась. Сине-черные горы, испещренные большими серо-зелеными и сине-зелеными пятнами лишайников, уходили вниз. Туманная дымка, повисшая над лентой Реки и равниной, исчезала из виду с такой быстротой, с какой исчезает мышь, получив известие, что кошка уже рядом.

Их сносило к югу все быстрее и быстрее.

— Не туда летим, — пробормотал Фриско. Однако сказал он это только затем, чтоб снять растущее нервное напряжение. Запуск шаров-пилотов показал, что в стратосфере ветры и в самом деле понесут их на северо-восток.

— Последний шанс выкурить сигарету, — откликнулся Фрайгейт.

Все, кроме Нура, закурили. Курение запрещалось на всех водородных шарах, существовавших до «Жюля Верна»; тут оно было разрешено, но лишь на малых высотах.

Да и какой смысл беспокоиться из-за тлеющего табака, если под конусом горит факел?

Теперь, когда шар высоко поднялся над Долиной, все были заморожены открывшимся перед их глазами зрелищем — они видели не одну долину, а множество — они тянулись друг за другом параллельными рядами. Слева от них лежали долины, а точнее — глубокие и узкие каньоны, по которым они еще совсем недавно плыли на своей «Пирушке». По мере подъема горизонт убежал от них будто в панике. Фрайгейт и Райдер были знакомы с этим эффектом еще по Земле, но другие воспринимали его чуть ли не с чувством благоговения. Погаас что-то бормотал на связи, а Нур сказал:

— Похоже, будто Господь расстилает перед нами мир как скатерть.

Фрайгейт закрыл все иллюминаторы, включил подачу кислорода и небольшой вентилятор, всасывающий углекислый газ в специальный абсорбирующий материал. На высоте шестнадцати километров, или почти десяти миль, «Жюль Верн» вошел в тропопазу — пограничный слой между тропосферой и стратосферой. Температура воздуха снаружи составляла -73° по Цельсию.

Теперь стратостат захватило противоположное по направлению воздушное течение, что вызвало явление покачивания и кружения шара вокруг своей оси. Теперь, до тех пор пока они случайно не натолкнутся на течение с другим направлением, они будут видеть мир, как видит его ребенок, катающийся на карусели.

На дежурство заступил Нур. Следующий за ним — Погаас, третья вахта — Райдер. Когда место пилота занял Фаррингтон, он вроде совсем расстался со своей былой нервозностью. Теперь он отвечал за полет, а это уж было совсем другое дело. Фрайгейту вспомнилось, как Фаррингтон описывал в одной из своих книг то

яростное упоение, которое он испытывал в семнадцать лет, когда ему доверили вести шхуну охотников на тюленей в штормовую погоду. Понаблюдав немного за Фриско, стоявшим у штурвала, капитан шхуны спокойно ушел в каюту. Фаррингтон остался один на палубе, держа в руках судьбу корабля и жизнь его экипажа. Это было экстатическое наслаждение, которого ему не смогли потом дать никакие события его насыщенной опасными приключениями жизни.

Однако как только Фрайгейт сменил Фаррингтона, у того с губ тут же сошла улыбка, и на лицо вернулось прежнее потерянное выражение.

Солнце продолжало взбираться по небосводу, а вместе с ним поднимался и «Жюль Верн». Оболочка уже почти достигла порога допустимого давления, а это означало, что радостям подъема — конец. Поскольку горловина «мешка» была герметически запечатана, а не открыта, как у большинства шаров с теплым воздухом, необходимо было удерживать определенную высоту, чтоб избежать чрезмерного давления на оболочку. Иначе оболочка могла бы лопнуть, а они все очень быстро полетели бы вниз — прямо на стол патологоанатому. Против развития событий в столь нежелательном направлении принимались специальные меры.

Фрайгейт взглянул на альтиметр и тут же принялся крутить металлический барабан, укрепленный на потолке. Барабан с помощью каната соединялся с деревянным клапаном в горловине «мешка». Тот приоткрылся, выпустив в атмосферу некоторое количество газа. Шар стал снижаться. Вскоре он опять начнет подниматься, что приведет к необходимости выпустить еще сколько-то газа с помощью того же клапана. А это в свою очередь потребует ввести в действие горелку, а потом отключить ее, введя в оболочку дополнительное количество водорода.

Вся процедура требовала от пилота хладнокровия и точного расчета — сколько газа сбросить через клапан и сколько его ввести потом для пополнения. Выпустишь много — последует быстрая и слишком большая потеря высоты; дашь слишком много нового газа — аэростат перейдет порог допустимого давления на оболочку. Еще один клапан на верхушке аэростата в таком случае может автоматически сбросить газ, чтобы предотвратить разрыв оболочки — если клапан не замерз — но после этого шар станет, возможно, слишком тяжелым для дальнейшего полета.

Кроме того, пилоту приходится опасаться встречи с непредвиденно теплыми слоями воздуха. Такие слои могли бы слишком быстро поднять «Жюль Верна» вверх и опять-таки вывести его за пороговый уровень давления. И наоборот, внезапное охлаждение окружающей атмосферы может погнать аэростат вниз.

В последней ситуации пилоту не оставалось бы ничего другого, как сбросить часть балласта, что способно было вызвать появление вращательного эффекта. К тому же, если б шар потерял весь свой балласт, его подстерегали бы еще более крупные неприятности. А быстро снизить высоту можно было, только выбросив в воздух

газ, помня при этом, что быстро снова увеличить объем газа в оболочке горелка не может.

«Никто не знает, какие тяготы я перенес» — вот какова может быть лебедина песнь пилота!

Однако день подошел к концу без каких-либо омрачающих душу происшествий. Солнце село, и «Жюль Верн» по причине охлаждения водорода тоже стал спускаться. Пилот пустил в ход горелку, чтобы удержаться над тропопаузой. Ну а те, что пока были свободны от вахты, забились под кучу теплой ткани и похрапывали с громкостью, соответствовавшей темпераменту каждого.

Быть единственным, кто бодрствует ночью, — тревожно. Света мало. Конечно, в иллюминаторы проникает свет звезд, но он, вкуче с огоньками приборов и циферблатов, недостаточен для поддержания хорошего настроения. Металлический корпус гондолы усиливает каждый случайный звук — удар ладони по палубе, когда кто-то из спящих поворачивается и выбрасывает руку вперед; бормотание на связи Погааса; тихое, чуть похожее на лошадиное ржание, хихиканье Райдера; скрип вентилятора.

Когда Фрайгейт зажег горелку, то громкое фыркание вспыхнувшего газа, а затем гул огня разбудили весь экипаж. Теперь пришла очередь Фрайгейта лезть под полотно мате́рии, чтоб заснуть и почти тут же проснуться от шума горелки и привидевшегося ему кошмарного падения с высоты.

Снова пришел восход. Члены экипажа просыпались в разное время, пользовались химическим туалетом, пили горячий растворимый кофе, ели пищу, запасенную с помощью граблей и дополненную желудевым хлебом и сушеной рыбой. Содержимое туалета за борт не выбрасывалось. На такой высоте открыть люк — значило создать условия, при которых экипаж мог погибнуть от внезапного падения давления в гондоле. Кроме того, любая потеря веса была чревата увеличением подъемной силы шара.

Фриско Кид, чьи глаза лучше оценивали скорость движения, определил ее в пятьдесят узлов.

К полудню шар был подхвачен ветром, который несколько часов нес их обратно, пока наконец не переменялся и не увлек их в нужном северо-восточном направлении. Однако часа через три их снова потащило на юг.

— Если так будет продолжаться и дальше, — мрачно сказал Фрайгейт, — мы тут будем крутиться вечно. Не могу понять, что за чертовщина!

Во второй половине дня они снова легли на нужный курс. Фрайгейт предложил спуститься до зоны приземных ветров и попробовать там — не придет ли удача. Они уже довольно основательно проникли в северные широты и вполне могли оказаться в тех местах, где ветры дуют преимущественно на северо-восток.

Отключили горелку. Газ стал медленно остывать. Сначала «Жюль Верн» спускался крайне неспешно, затем падение убыстрилось. Нур на несколько минут запустил горелку — чтоб замедлить спуск. На высоте тринадцати километров ветер стих. Потом он подхватил

их опять и понес в направлении, обратном желаемому. Кроме того, шар снова приобрел вращательное движение, но тоже противоположное прежнему. Нур дал шару спуститься до 2000 метров над вершинами гор. Теперь они под углом пересекали долины, которые в этих местах шли точно с юга на север.

— Мы снова летим на северо-восток! — радостно крикнул Фрайгейт..

К полудню третьего дня они все еще летели на скорости 25 км/час, или более 15 миль/час. Только «Жюль Верн» мог залететь так далеко. Любой другой тип неуправляемых аэростатов не смог бы подняться в стратосферу или спуститься к приземным слоям без потери газа, а без этого дальний полет был невозможен.

Они открыли иллюминаторы, впустив внутрь гондолы хоть и разреженный, но все же свежий воздух. Восходящие и нисходящие воздушные потоки причиняли им немалые неудобства, преимущественно из-за частой и резкой смены атмосферного давления. Приходилось непрерывно сглатывать слюну или зевать, чтоб облегчить давление на барабанные перепонки. Близились сумерки, вертикальные потоки слабели.

На следующий день примерно в полдень их настигла гроза. Пилотом был Фаррингтон, когда черная туча под аэростатом вдруг вспучилась и рванулась вверх. Еще только секунду назад буря их нисколько не тревожила — она неслась далеко под ними. А сейчас ее щупальца тянулись вверх, подобно щупальцам осьминога. Еще секунда, и тело осьминога метнулось им навстречу и они оказались во тьме, пронизанной нитями молний. И тут же шар закрутился, как сперматозоид на сковородке.

— Мы падаем как кирпич, — спокойно проговорил Фриско. Он приказал сбросить часть балласта, но аэростат продолжал терять высоту. Молния с треском прошла тьму совсем рядом и затопила гондолу светом, в котором лица людей казались ярко-зелеными. Грохот грома, отражаемый металлическими стенками гондолы, оглушал. В открытые иллюминаторы рвался ливень, заливая палубу и увеличивая вес гондолы.

— Закройте иллюминаторы! Том и Нур, выкиньте за борт мешок балласта номер три!

Оба бросились выполнять приказ Фриско. Они почти не ощущали собственный вес — гондола падала так быстро, что, казалось, они вот-вот повиснут в невесомости.

Еще одна молния ударила совсем рядом, разбрызгивая свет и ужас.

И тут все увидели внизу огромную черную скалу, которая со страшной скоростью мчалась им наперерез.

— Два мешка номера первого!

Нур, выглянув из иллюминатора, сказал громко и спокойно:

— Мешки падают не намного быстрее нас.

— Еще два мешка номера первого!

И еще одна ослепительная стрела взорвалась у них под боком.

— Ничего не выходит! — орал Фриско. — Еще два номера первого! Всему экипажу встать на сброс балласта! Выбрасывайте все до крошки!

Край гондолы врезался в край горной вершины. Гондола подпрыгнула, аэронавты покатались по палубе. На мгновение обвисшие канаты сетки снова напряглись, и экипаж, еще не успевший вскочить с пола, снова повалился в кучу. Счастье еще, что страшный рывок не оборвал стропы.

Не обращая внимания на ушибы, они вскочили и кинулись к иллюминатору, вделанному в палубу. Тьма и тусклая россыпь козявочек-огоньков. И снова разряд молнии. Шар находился еще слишком близко к склону горы, и нисходящий поток воздуха крепко держал его в лапах. Острые вершины колоссальных «железных» деревьев летели в них, точно брошенные с огромной силой дротики.

Горелку зажигать было уже поздно. Ее эффект будет ничтожно мал за те секунды, через которые им предстояло столкнуться. Да к тому же удар о скалу мог ослабить герметичность трубок. А если так, то одна искра превратит внутренность гондолы в пылающую печь.

— ВЕСЬ БАЛЛАСТ! — вопил Фриско.

И тут внезапно они оказались вне густой облачной массы, и вместо прежней тьмы их окружило нечто неопределенно серого цвета. Видеть в этой серой пелене было все-таки можно, и они различили острую верхушку дерева, бешено крутящуюся прямо под их ногами.

Фриско бросил свой пост, чтобы помочь остальным освободиться от мешков и контейнеров с водой. Но еще не успели они хоть что-то отправить за борт, не успел еще Нур нажать на кнопку, высвобождающую стальные балластные болванки, как гондола врезалась в верхние ветви «железного» дерева. Все опять были сбиты с ног. С ужасом и бессилием прислушивались они к треску и грохоту крушения. Но гибкие ветви спружинили, распрямились и с силой швырнули гондолу вверх — прямо в оболочку.

И снова гондола обрушилась вниз, чтобы вновь быть подхваченной неодолимо сильными руками ветвей. Аэронавтов швыряло по палубе наподобие игральных костей в стаканчике.

Фрайгейт был избит, изранен и оглушен. Но даже в таком состоянии у него хватило соображения, чтоб вспомнить, чем им грозят пластиковые трубки. Как раз в это мгновение они подвергались сильнейшему сжатию между шаром и гондолой.

Если... о Боже, не допусти этого... если трубку вырвет из оболочки... если острые концы ветвей пробьют оболочку... гондола рухнет на землю... разве что чудом застрянет она среди ветвей... или сетка запутается в них...

Нет, гондола поднималась!

Но сможет ли подняться сам шар? Или его поволочет к Реке? Или шваркнет о склон горы, и оболочка лопнет на острых выступах скал?

Дирижабль, шедший с севера, перевалил через горы, как раз когда ливень был в полном разгаре. Молнии — единственное сейчас освещение — рвали черное небо на куски. Радар прошупывал долину, пробегал по вершинам деревьев, по острым вершинам скал, скользнул по Реке и замер на огромном корабле. Радарный детектор дирижабля установил, что собственные радары речного судна сейчас не работают. В конце-то концов судно стоит на якоре у берега, так зачем же пользоваться радаром, особенно ежели никаких врагов в гости не ждут?

Гигантский люк в брюхе дирижабля распахнулся. Пилот водруженного на платформу вертолета запустил винты. В чреве вертушки сидел тридцать один человек. Кресло пилота занимал Бойнтон, а рядом с ним расположился де Бержерак. Оружие и коробки с пластиковой взрывчаткой были уложены сзади.

Как только моторы разогрелись, Бойнтон посигналил сиреной. Сентеш — главный сержант, ответственный за обеспечение вылета — подошел к телефону, укрепленному на переборке, и получил последние данные о ветровой обстановке. Затем дал сигнал флажком, подняв его вверх, а затем резко опустив. Пошел!

Вертушка боком соскользнула с платформы и прямо в своем гигантском ангаре зависла над открытым люком, отбрасывая лобовой панелью и полированными лопастями вращающегося винта «зайчики» от ангарных ламп. Затем вертолет камнем пошел вниз, и де Бержерак, глядя сквозь лобовое стекло, увидел, как колоссальный воздушный корабль сливается с облаками и исчезает из виду.

Сирано знал, что через несколько секунд оттуда вылетит еще двухместный глайдер. Пилотировать его будет Боб Винкельмайер, а пассажиром с ним летит Джеймс Макфарлан. Винкельмайер окончил Вест-Пойнт, он летчик, сбитый во время разведывательного полета над островком недалеко от Австралии. Макфарлан пользовался большой известностью в семидесятые годы девятнадцатого века. Детектив, работавший у Пинкертона, он проник в тайную террористическую организацию «Молли Мейгерт», объединявшую ирландских шахтеров-углекопов в Пенсильвании. Под именем Джеймса Маккела он глубоко внедрился в банду и несколько раз еле-еле избежал разоблачения и смерти. В результате его действий все члены «Молли Мейгерт» были арестованы, девятнадцать из них повешены, а шахтовладельцы получили возможность продолжать с комфортом эксплуатировать своих рабочих.

Винкельмайер должен был посадить глайдер на Реку и там же его затопить. Позже, если удастся, они попробуют записаться в команду «Рекса». Там наверняка должны были возникнуть вакансии, ибо сомнительно, чтобы десантный отряд проделал свою работу, не уничтожив кой-кого из экипажа «Рекса».

Этим двоим Сэм Клеменс сказал так:

— Иоанн-Вонючка не может сохранять монополию на агентов-двойников. Прилипните к нему, ребята, и войдите в доверие. Конечно, все это в том случае, если наш рейд провалится. А может, вам и вообще не придется действовать... Впрочем, я этого прохвоста хорошо знаю. Он все равно что обмананный салом столб, по которому даже обезьяна наверх не влезет.

Поэтому, если он спасется, вы присоединитесь к его экипажу. А затем, когда наступит Армагеддон, взорвете его корабль. В общем, пусть будет так, как если б архангел Гавриил послал в ад двух ангелов, переодетых чертями.

Вертолет окунулся в облака. Зигзаги молний освещали мир, сверкая подобно пламенным мечам, скрещенным между небом и землей. Тяжело ухал гром. Ливень заливал стекло лобовой панели, резко ограничивая видимость. Радар, однако, хорошо видел корабль, а уже через пять минут и огни судна слабо засветились сквозь туман и дождь.

Бойнтон вел вертушку по прямой, снижающейся под углом 45°, а затем круто опустил аппарат прямо к поверхности Реки. На полной скорости, пока молнии с треском рвали в куски плотную ткань неба, вертолет мчался в метре от воды. Огни рубки и фонари на палубах судна становились ярче и крупнее.

Вертолет круто взмыл вверх, пересек край взлетной палубы, завис в воздухе, прицелился и сел. Колеса ударились о настил, вертушка подпрыгнула. Потом замерла, винты со слабым скрипом замедлили вращение, а все дверцы бесшумно открылись. К тому времени как де Бержерак выскочил на палубу, моторы уже были заглушены. Бойнтон помогал десантникам вылезать из машины. Сирано приказал одному из них вытащить ящик с бомбами.

Сирано бросил взгляд на верхнюю палубу капитанской рубки. Пока никто еще не выглянул из окна, выходившего на корму, сигналы тревоги тоже молчали. Им повезло куда больше, чем можно было надеяться. Невероятно, но, похоже, на судне не было часовых. Или если они и были, то на свою беду ничего не заметили. Вполне возможно, что в этих местах экипаж чувствовал себя в полной безопасности. Значительная часть его вообще могла быть в береговом увольнении. А часовые могли ковырять в носу, спать, пить или даже заниматься любовью.

Де Бержерак вытащил из кобуры пистолет «Марк-4» и проврал, на месте ли эфес рапиры.

— За мной, ребята!

Пять человек последовали за ним, остальные два отряда отправились выполнять свои собственные задачи. Бойнтон остался в вертушке, готовый запустить моторы в назначенное время.

Взлетная палуба была продолжением потолка «техаса»*. Француз промчался по ней до рулевой рубки; шаги следовавших за ним

* Техас — палубная надстройка на американских речных пассажирских судах, где размещаются кают-компания, каюты офицеров и рулевая рубка

десантников глухо стучали по дубовой палубе. Оказавшись у входа на вторую палубу рубки, он остановился. Кто-то кричал ему нечто неразборчивое из открытого иллюминатора прямо над его головой. Сирано, не обращая внимания на крик, ринулся в дверь. Не успел еще последний десантник проскользнуть по лестнице, как грянул выстрел.

Сирано обернулся:

— Кто-нибудь ранен?

Десантник, стоявший непосредственно за ним, — Когсвелл — ответил:

— Он промазал, стреляя в меня.

Наверху уже безумствовали тревожные звонки, откуда-то изда-лека донесся тяжелый рев сирены. Еще секунда — и к ней присоединились другие.

Вторая палуба представляла собой залитый ярким светом коридор, вдоль которого шли двери кают, где должны были размещаться старшие офицеры и их женщины. Надеялись, что Иоанн Безземельный расположился в каюте слева, непосредственно около лестницы, ведущей на капитанский мостик или в собственно рулевую рубку. Клеменс намеревался сам занять эту каюту, ибо она была самая большая; было крайне маловероятно, что Иоанн выберет себе меньшую.

В каждой из стен коридора было по четыре двери. Одна из них распахнулась, когда де Бержерак ударил в нее плечом. Наружу высунулась голова какого-то мужчины. Де Бержерак навел на него свой пистолет, и мужчина тут же исчез, захлопнув дверь.

Быстро, работая по заранее выработанному плану, каждый из шести десантников отцепил от пояса специальное приспособление. Эти штуки были изготовлены в механической мастерской дирижабля только час назад. Еще два человека из группы имели пару запасных. Это были короткие прутья из дюраля с длинными стальными гвоздями на обоих концах. Их уложили поперек дверей и тяжелыми молотками вогнали гвозди в дубовую обшивку. Решительный человек, конечно, мог бы сбить такую планку, но к тому времени, если все пойдет по плану, Иоанн и его похитители должны уже покинуть корабль.

Из кают раздавались шум и вопли. Кто-то из мужчин попытался было открыть дверь, когда Когсвелл орудовал своим молотком. Тот бросил молоток и выстрелил в узкую щель, не особенно стараясь повредить мужчине. Дверь тут же захлопнулась, и Когсвелл окончил начатую работу.

Теперь Иоанн, без сомнения, был уже извещен по интеркому, что корабль атакован. Одного шума в коридоре было достаточно, чтобы дать ему понять — захватчики уже здесь. Он даже не нуждался в громких пистолетных выстрелах, чтобы усвоить эту простую истину.

Еще трое десантников должны были к этому времени окружить рулевую рубку и подняться по ее наружной лестнице. Однако... ах да — вот как раз показался один из вахтенных, видимо, из рубки.

Он высунул бледное как мел лицо из-за угла двери в верхнем конце лестницы, ведущей в коридор. И сейчас же выскочил оттуда, держа обеими руками тяжелый пистолет 69-го калибра. На вахтенном были надеты металлические доспехи.

— Peste!*

Хотя Сирано вовсе не хотел убивать человека, которого он и в глаза не видал раньше, он все же прицелился и выстрелил.

— Quelle merde!**

Сирано промазал, и пластиковая пуля разлетелась в куски, ударив в переборку рядом с головой вахтенного. Должно быть, осколки задели его, так как он вскрикнул, отшатнулся, выронил пистолет и закрыл лицо руками.

Сирано был неважным стрелком. Ну что ж, не так уж плохо, сказал он себе. Если пуля вывела из строя человека, не убив его, а лишь слегка ранив, такой результат можно только приветствовать!

Из рулевой рубки неслись крики и выстрелы. Они, по-видимому, означали, что те трое поднялись по наружной лестнице и теперь давали дрозда вахтенным.

Сирано метнулся к двери каюты, в которой должен был находиться король Иоанн. Смысла окликать ее хозяина и предлагать ему выйти с поднятыми руками не было. Каков бы ни был этот экс-король, но трусом его еще никто не называл.

Конечно, вполне могло случиться, что этой ночью его вообще на борту нет. Шастает где-нибудь на берегу, пьянствуя и гоняясь за юбками.

Сирано улыбнулся и, прячась за перегородкой, протянул руку к дверной ручке. Дверь была заперта. Итак, капитан «Рекса» был дома, но посетителей не принимал.

Мужской голос крикнул на эсперанто:

— Что у вас там стряслось?

Сирано оскалил зубы в злой ухмылке. Он узнал баритон короля Иоанна.

— Капитан, нас атакуют! — завопил Сирано изо всех сил.

Он немного подождал. Может, Иоанн попадет в эту ловушку, решив, что это голос одного из его людей, и откроет дверь?

Грянул выстрел, за которым последовала и пуля, каковая непременно попала бы в Сирано, стой он прямо перед дверью. Это была вовсе не одна из этих дурацких пластиковых пуль, которые разлетаются в кусочки, попав в деревянную доску. Эта была изготовлена из драгоценного свинца и дыру в двери проделала солидную.

Сирано подал знак одному из своих людей, и тот достал из небольшой коробки пакет пластиковой взрывчатки. Сирано отошел в сторонку, пока его соратник — Шихан — низко пригнувшись, прилаживал взрывчатку вокруг замка и петель двери.

* Чума на вас! (фр.)

** Экое дерьмо! (фр.)

Опытный в таких делах Иоанн послал еще одну пулю, которая с треском пробила филенку. Король целился ниже, и пуля попала Шихану прямо в череп чуть повыше глаз. Он рухнул на спину и лежал с открытыми глазами, уставившимися в потолок, и с разинутым ртом.

— *Quel dommage!*

Шихан был отличным парнем. Обидно, что вся церемония его похорон сведется всего лишь к восклицанию «какая жалость!».

Но, с другой стороны — сам виноват, нельзя же быть таким лопухом, чтоб подставлять лоб под пули!

Когсвелл подбежал к труп, проверил проводку и батарейку и быстро вернулся назад, разматывая шнур. К счастью, Шихан уже успел вставить детонатор в пластик и тем самым сэкономил им несколько драгоценных секунд. Ведь сейчас все зависело от быстроты действий, и каждая лишняя секунда могла превратить победу в поражение.

Сирано отбежал за угол и, прижавшись к переборке, отвернулся, зажал пальцами уши и открыл рот.

Хотя сам он и не видел происходящего, но отлично представлял, как Когсвелл присоединяет конец шнура к контакту батарейки, а затем касается второго контакта другой провололочкой.

Взрыв прогремел и наполовину оглушил Сирано. Клубы едкого дыма заполнили коридор. Заходясь от кашля, Сирано нащупывал дорогу вдоль стены, пока наконец не коснулся дверного проема. Теперь сквозь дым он смутно видел расщепленную дверь, упавшую на труп Шихана. И вдруг оказался в каюте.

Он нырнул в нее головой и тут же откатился вбок — маневр, проделанный весьма неуклюже из-за рапиры, висевшей у него на поясе.

Теперь перед ним было нечто, ощущавшееся как ножка кровати. А прямо над ним жутко вопила какая-то женщина... Но где же Иоанн Безземельный?

Еще один пистолетный выстрел. Сирано сквозь дым увидел вспышку огня, но он уже успел вскочить на ноги и прыжком перелететь через королевское ложе. Его руки обхватили весьма плотную обнаженную мужскую талию, и схваченный им мужчина рухнул на пол. Раздалось кряхтение, мелькнула чья-то рука, ударившая Сирано по голове, но не нанеся ему существенного ущерба, а затем лежавший под ним человек обмяк.

Сирано же успел обнажить кинжал и приставить его к горлу противника.

— Одно движение, и я перережу тебе глотку!

Ответа не последовало. Что, этот тип обмер со страху или просто притворяется?

Другая рука Сирано нащупала сначала плечо, потом шею лежавшего и наконец коснулась его головы. Никакого движения... А! Вот оно что — обморок! Иоанн (если это действительно Иоанн) здорово брякнулся головой и теперь потерял сознание.

Сирано встал. Шаря рукой по стене, добрался до двери и ошупью нашел выключатель. Свет явил его взору большую комнату, великолепно по стандартам Мира Реки убранную и обставленную. Дым уже вытягивался в коридор, выставляя на обозрение Сирано очень хорошенькую и абсолютно голую женщину, которая стояла на коленях на середине королевского ложа. Внезапно она перестала кричать и уставилась на Сирано огромными голубыми глазами.

— Накройтесь простыней и лежите тихо. Никто вас не тронет, мадемуазель. Де Бержерак не воюет с дамами. Разумеется, если они сами не пытаются убить его.

Человек, лежавший на полу, был невысок, очень мускулист и обладал рыжевато-каштановой шевелюрой. Его голубые глаза были широко раскрыты, а сам он что-то невнятно бормотал. Через несколько секунд, надо думать, он придет в себя.

Сирано повернул голову и только тогда понял, куда Иоанн только что стрелял из пистолета. На полу лицом вверх лежал Ходжес, в его груди зияла огромная рана.

— Mordieux!

Должно быть, Ходжес ворвался в каюту сразу же, как только увидел, что Сирано прыгнул в дверь. А Иоанн, увидев его силуэт на фоне хорошо освещенного коридора, застрелил Ходжеса. Без сомнения, сам Сирано не попал под пулю лишь потому, что дым был еще слишком густ и Иоанн не смог различить его фигуру в серых клубах.

Итак, двое из его людей уже убиты. Наверняка они сейчас гибнут и в других местах. Их придется бросить здесь, поскольку было решено, что забота о трупах может помешать отходу.

Но где же его десантники? Почему они не последовали за ним?

Ах, вот, наконец, и Когсвелл с Проппом!

Что-то могучее ухватило Сирано, подняло ввысь и одновременно назад и с невероятной силой швырнуло на переборку. Он упал лицом вниз; в ушах звенело, а голова, казалось, растягивается и сжимается, растягивается и сжимается подобно аккордеону. Клубы дыма снова наполнили комнату, выжимая из глаз слезы и заставляя захлебываться в кашле.

Прошло какое-то время, прежде чем Сирано встал на колени, и еще больше, прежде чем он поднялся на ноги. К этому времени он уже успел сообразить, что в коридоре взорвалась еще одна бомба. Неужели ее швырнули сверху — из рулевой рубки?

Тот, кто это сделал, убил и Когсвелла, и Проппа. И чуть было не прикончил Савиньена Сирано де Бержерака!

Король Иоанн уже стоял на коленях, покачиваясь из стороны в сторону и захлебываясь кашлем. Неподалеку от него валялся на полу пистолет, но он, по-видимому, о нем и не думал.

Ага! Этот распросукин сын протягивает руку, чтоб ухватиться за рукоятку!

Потеряв свой пистолет и кинжал, Сирано взялся за эфес рапиры. Он сделал шаг вперед и опустил тяжелый трехгранный клинок

на затылок короля Иоанна как боевую дубину. Иоанн рухнул лицом вниз и застыл без движения.

Женщина в постели прятала лицо в подушку, а руками прикрывала уши. Ее плечи мелко вздрагивали.

Сирано с трудом пробрался сквозь дым и чуть не упал, запнувшись о тело Проппа. Добравшись до двери, Сирано остановился. Слух возвращался к нему, но стрельба в коридоре доносилась до него как через вату. Сирано опустился на колени и осмелился выставить голову наружу. У подножия лестницы валялся труп. Очевидно, это был кто-то из рулевой рубки; возможно, тот самый, кто бросил бомбу. В дальнем конце коридора скорчились два человека, ведя стрельбу по входу в коридор. Это были десантники Стуртевант и Велкас.

Еще двое десантников, покрытых копотью, спускались по лестнице. Риган и Сингх. Должно быть, они очистили рубку и теперь спустились, чтоб помочь группе похитителей. Помощь была более чем к месту.

Сирано с трудом поднялся на ноги и жестом подозвал их к себе. Они что-то крикнули ему, но он не разобрал, что именно. Та бомба, видать, была не из маленьких. В коридоре она наделала немало бед.

Риган и Сингх вбежали в каюту и подняли обмякшее тело короля Иоанна. Сирано следовал за ними, сунув рапиру в ножны и перезаряжая пистолет. Женщина все еще прятала лицо в подушках и закрывала уши руками. Не видеть зла, не слышать зла...

Выйдя из каюты, Сирано увидел, что Стуртевант и Велкас уже ушли. Значит, те, в кого они стреляли, уничтожены. Риган и огромный Сингх, тащившие Иоанна, голова которого болталась на весу, а ноги волочились по палубе, уже почти добрались до двери.

Снова возник Велкас, за которым бежали еще трое; он им что-то кричал. Трое побежали дальше, а Велкас подскочил к Сирано. Приложив губы к самому уху Сирано, Велкас проорал слова, смысл которых с трудом наконец дошел до француза. Несколько человек из экипажа Иоанна добрались до парового пулемета. Их спины открыты для огня из каюты Иоанна.

Оба помчались в каюту и выглянули из иллюминатора. Справа виднелась платформа, которая чуть выдавалась над краем посадочной палубы. На платформе торчал толстый ствол парового пулемета. Два человека, укрывшись за его щитком, разворачивали свое оружие в сторону вертолета.

Слева и чуть ниже были Стуртевант и двое других десантников, тащивших Иоанна. Они тоже должны были оказаться на линии пулеметного огня.

Сирано открыл большой квадратный иллюминатор, положил ствол пистолета на подоконник и выстрелил. Секундой позже в его ушах прогремел выстрел Велкаса, снова оглушив француза.

Оба опустошили обоймы своих пистолетов. На таком расстоянии вопрос о меткости вообще отпадал. Пистолеты «Марк-4» стреляли драгоценными свинцовыми пулями, но заряды, необходимые для стрельбы пулями 69-го калибра, давали слишком сильную

отдачу. Более того, обязательно следовало учитывать влияние даже самого слабого ветерка.

Первые две пули прошли мимо цели. Затем один из пулеметчиков упал набок, второй, занявший его место, рухнул минутой позже. Ни тот ни другой не получили смертельных прицельных ранений — просто пули рикошетировали от щитка. Но нужный результат все равно был достигнут.

К этому времени Стуртевант и другие десантники, тащившие Иоанна, уже пробежали почти половину палубы. Лопасты винта вертолета вращались, но их шума Сирано слышать не мог. Даже если б его слух вернулся, сирены тревоги все равно заглушили бы рев мотора.

Сирано схватил Велкаса за руку и притянул к себе. Крича изо всех сил, он приказал ему захватить пулемет и сдерживать тех, кто может пойти в атаку. Сирано жестом указал на отряд, только что вынырнувший из палубного люка в дальнем конце палубы.

Велкас бросился к двери.

Сирано снова прилип к иллюминатору. Группы десантников, имевших задание взорвать моторы и арсенал, нигде не было видно. Или они все еще занимались своим делом, или их зажали где-нибудь, и они с боем прорывались наружу.

Сирано взбежал по лестнице, ведущей в рубку. На полу валялись тела убитых. Один из них был из числа его людей, двое — из ребят Иоанна. Свет скользил по голубовато-серым лицам, по мигающим глазам, по разинутым ртам.

Сирано отключил сирены тревоги и выглянул сквозь переднюю панель. На носовых палубах не было видно ничего, кроме трупов у лестницы, ведущей вниз из носовой части рулевой рубки, и нескольких тел у самого носа корабля.

«Рекс» стоял в хорошо освещенном доке — гораздо более длинном и массивном, чем те, которые обычно встречаются на Реке. Возможно, его построила сама команда корабля, если капитан решил дать своим людям долгий отдых на берегу. А может, кораблю потребовался большой ремонт.

Впрочем, это было неважно. А что важно, так это то, что десанту крупно повезло — он высадился на корабле, когда там была лишь охрана да несколько офицеров. Иоанн же решил провести эту ночь на борту — еще одна удача, хотя уж никак не для него.

Однако шум на корабле разбудил спавших на берегу. Они выбегали из своих хижин на равнине и из окруженной частоколом крепостцы. Свет фонарей падал на первые ряды толпы, стремительно катившейся к доку. Среди бегущих было много матросов, судя по тому, что в руках они держали металлическое оружие.

При разработке плана рейда возможность вывода корабля из дока не рассматривалась, но сейчас такая идея представлялась Сирано весьма здоровой. Сирано, зная, что корабль в любую минуту может быть захвачен превосходящими силами противника, решил действовать немедленно. Он устроился в пилотском кресле, нажал

кнопку, приводящую в действие моторы, и усмехнулся, увидев, как вспыхнула надпись «включено». До сих пор у него не было уверенности, что ток к моторам пойдет. Вообще-то говоря, чтоб обезопасить себя от попыток украсть судно, король мог полностью обесточить моторы.

Сирано молился, чтоб моторы не взлетели на воздух именно в эти минуты. Если такое случится, судно потеряет подвижность, а он и его товарищи, вполне возможно, не сумеют вовремя добраться до вертушки.

Времени обрубить швартовочные концы не было. Это плохо, но сила огромных моторов колоссальна.

Сирано потянул на себя длинные толстые металлические рычаги, торчавшие по обе стороны кресла. И тут же боковые колеса начали вращаться в обратную сторону. Сначала они двигались натужно, слишком медленно, чтоб оборвать канаты. Он отвел рычаги до предела, заставив колеса вращаться на полной скорости.

Толстые якорные канаты напряглись. Но, вместо того чтобы лопнуть, они наклонили вертикальные бревна вдоль кромки дока и стали тянуть их за собой. Некоторое время крепления этих бревен удерживали судно на месте. Люди в доке или кидались в воду, или пробовали перепрыгнуть зазор, отделяющий судно от стенки дока. С душераздирающим треском, перекрывшим вопли толпы и стрельбу на корме, бревна выскочили из пазов.

Лишившись опор, ближняя часть дока наклонилась, сбросив в воду множество толпившихся там людей. Только одному человеку удалось перепрыгнуть на борт корабля и не свалиться вниз.

«Рекс» быстро уходил от берега, таща за собой бревна, волочившиеся на концах крепких длинных канатов. Сирано, громко хохоча, наконец отыскал на панели нужную кнопку, и паровые свистки пронзительно завопили, будто издеваясь над теми, кто остался на берегу или барахтался в воде.

— Ну и как тебе это нравится, Иоанн? — выкрикивал в восторге Сирано. — Украли не только тебя, но и весь твой корабль! Справедливость все-таки торжествует!

Теперь он сдвинул носовой рычаг от себя, и огромный корабль стал разворачиваться по течению Реки. Сирано вывел его на середину и включил автопилот. Корабельные сонары измеряли глубину Реки и расстояние от берегов, и корабль должен был держать курс точно посередине, за исключением случаев, когда впереди возникала опасность столкновения с каким-нибудь крупным объектом. Тогда судно отклонялось от курса, дабы избежать аварии.

Человек, прыгнувший на борт, перебежал палубу и скрылся из виду. Через полминуты он взбежал по лестнице на другую палубу. Человек явно стремился попасть в рулевую рубку.

И в этот момент дождь кончился.

Сирано высунулся из двери и выпустил всю обойму в то мгновение, когда мужчина пересекал палубу. Тот укрылся за свесом, потом выставил голову и выстрелил в Сирано. Единственная пуля,

которая пролетела рядом с де Бержераком, разлетелась, ударившись о ступеньку трапа, где-то на середине последнего.

Сирано глянул через кормовую панель рубки. Вертолет еще стоял на платформе взлетной палубы. Иоанн и трое его телохранителей уже сидели в кабине. Четыре человека бегом бежали через палубу к техасу. Сирано опустил панель и высунулся, показывая жестами, что судном командует именно он. Десантники остановились, помахали ему, улыбнулись, а затем повернулись и помчались обратно к вертушке.

В дальнем конце палубы несколько человек еще вели из люка огонь по вертолету. Их крупнокалиберные пластиковые пули летели против ветра, и большая часть их просто падала на палубу; остальные перелетали через борт в воду. Сирано не мог определить точное число стрелявших, но решил, что их там не больше двух-трех.

Конечно, могут быть и другие защитники корабля, например, на котельной палубе, где они дерутся с диверсионной группой.

И тут судно вздрогнуло. Огромный клуб дыма вырвался изнутри корабля слева от рубки.

Сразу же за первым взрывом грянул второй. Он произошел у правого борта и был несравненно сильнее первого. Обломки взлетной палубы летели сквозь дым, обрушиваясь вниз. Некоторые из них падали почти рядом с вертолетом. Дым быстро рассеивался, обнажая громадную дыру рядом с правым колесом.

Погас свет. Затем он вспыхнул опять, когда включилась аварийная система. Моторы встали, и корабль стал медленно разворачиваться под воздействием течения. Его нос теперь указывал на правый берег Реки. Так теперь он и будет дрейфовать и, возможно, проплывет еще немало километров, а может быть, совсем скоро врежется в берег.

Стуртевант выскочил из вертушки и махал Сирано рукой, требуя, чтоб тот поторопился.

Еще четыре десантника появились на правой стороне взлетной палубы. Потом еще двое взбежали по трапу с левого борта.

Сирано крепко выругался. Неужели это все, что осталось от группы подрывников?

Тонкие струйки дыма стали подниматься из люка, где засели защитники корабля, стрелявшие по вертолету. Один из отряда Сирано упал; остальные открыли ответный огонь, под прикрытием которого двое подхватили упавшего и, поддерживая его с обеих сторон, потащили к вертушке. Один из них тоже упал и подняться уже не смог. Его тоже подхватили двое других. Еще одного раненого на своих плечах вынес товарищ и потащил его к вертолету, сгибаясь под непомерной тяжестью.

Сирано кинулся к противоположной стороне рубки. Этот проклятый парень, который взобрался на борт, снова мелькнул в поле зрения, когда перебежал палубу. Теперь у него не было пистолета, что означало, что, опустошив обойму, он отшвырнул его прочь. В правой руке он держал рапиру.

Краем глаза Сирано заметил какое-то движение у основания трапа, ведущего из рубки на палубу ниже этажом. Один из его десантников, которого он принял за мертвого, был все же жив. Теперь он жестами звал Сирано на помощь. Должно быть, увидел лицо своего начальника за стеклом рубки.

Сирано не колебался. Приказ требовал оставлять убитых, а насчет раненых такого распоряжения не было. Да и в любом случае на такой приказ Сирано бы наплевал. Вертушке сейчас непосредственная опасность вроде бы не угрожала. Несколько оставшихся боеспособными защитников корабля не могли перебежать взлетную палубу, не подставив себя под огонь десантников, сидевших в вертолете. Конечно, они могли выбрать другой путь и подняться наверх по трапу возле машинного отделения. Но он — Сирано — обязан доставить несчастного раненого к вертушке, раньше чем туда доберутся люди короля Иоанна.

Со всей возможной для него быстротой Сирано скатился с лестницы, перепрыгивая через ступеньки и скользя по перилам. Цоукас уже умудрился встать на четвереньки. Его голова почти касалась пола, и время от времени он пытался поднять ее.

Сирано упал на колени рядом с десантником.

— Не волнуйтесь, мой друг! Я с вами!

Цоукас что-то простонал и повалился в лужу собственной крови.

— Mordieux!

Парень был мертв.

— Merde!*

Но, может быть, живы остальные?

Беглый осмотр развеял его надежды.

Сирано вскочил и стремительно обернулся. Одновременно рука его рванулась к рукоятке пистолета, лежавшего в кобуре. Вон он — тот одиночка, тот храбрец и, к сожалению, тот надоеда! И почему, черт побери, он не свалился в воду и не избавил Сирано от необходимости убивать его, а себя — от последствий непоправимой ошибки быть убитым?

— Эй-й-й!

Пистолет оказался разряженным. К сожалению, Сирано забыл его перезарядить.

А времени, чтоб подобрать с палубы другой из тех, что выростили из рук мертвецы, уже не оставалось. Нет, если честно, то у него едва хватило времени, чтоб выхватить из ножен рапиру и помешать этому наглецу проткнуть его насквозь.

Бойнтону придется подождать его несколько лишних секунд. Их хватит, чтоб удалить с дороги это неожиданное препятствие!

— En garde!

Парень был чуть пониже Сирано, но, в то время как Сирано сложением напоминал рапиру, этот дурачок скорее походил на

* Дерьмо! (фр.)

здоровенное топорщище боевого топора. Плечи незнакомца поражали шириной, мощным грудным мышцам соответствовали столь же мощные руки. Он обладал смуглым лицом арабского типа, черты которого врезались в память, несмотря на толстоватые губы. Сверкающие глаза и ослепительно белые зубы придавали ему какой-то пиратский вид. Кроме набедренной повязки, на нем не было ничего.

С такими запястьями, подумал Сирано, из его противника мог получиться непревзойденный боец на саблях, если, понятное дело, его искусство соответствовало бы его мышцам.

Но с рапирой, где важна не сила, а быстрота, ах, это совсем другое дело!

После первых же нескольких секунд Сирано понял, что, каковы бы ни были у этого парня отношения с саблей, ему лично еще никогда не приходилось скрещивать клинок своей рапиры с таким умельцем.

Все виды защиты, атаки, наступлений, отступлений, выпадов и их парирования, примененные Сирано, были встречены с таким же искусством. Счастье еще, что этот дьявол не обладал преимуществом в быстроте! Если б у него было хоть малейшее преимущество в этом, он уже успел бы пропороть своего противника.

Однако должен же был этот парень понимать, что он нарвался на истинного мастера! И хотя он все еще продолжал ухмыляться, сохраняя невозмутимо отважный вид, но где-то там, за этой дикарской маской, уже должно было зреть понимание того, что он погибнет, если хоть на секунду окажется медлительнее противника в рефlekсах или в расчетах.

Время, к несчастью, было на стороне смуглого незнакомца. Ему некуда было спешить и делать было нечего, кроме как сражаться, тогда как Сирано должен был как можно скорее добраться до вертушки. Бойнтон, конечно, знал, что Сирано жив, поскольку Стуртевант только что видел его в рулевой рубке. Но он, должно быть, здорово волнуется сейчас, раз Сирано так сильно задерживается.

Отложит ли он вылет еще на несколько минут? Не подумает ли, видя, что командира так долго нет, что тот погиб! Решит ли он тогда стартовать? Или пошлет кого-нибудь выяснить причину задержки?

Обдумывать свои дела подробно Сирано не мог. Этот дьявол парировал любой маневр Сирано точно так же, как тот парировал его маневры. Ситуация была явно патовая, но застойной ее назвать было никак нельзя, ибо атакующие и парирующие клинки сверкали в согласном и стремительном ритме.

Ах! Поняв это, парень решил поломать сложившийся ритм. Ведь когда складывается подобная ритмичность, рапирист обретает тенденцию придерживаться установившейся очередности движений. И вот этот блистательный боец на мгновение вдруг как бы замешкался, надеясь, что Сирано будет следовать прежнему ритму и тем самым обрекает себя на гибель.

Однако незнакомец недооценил своего противника. Сирано учел обстановку за ту долю секунды, которая была необходима, и тем самым избежал тяжелой раны. И все же острие клинка зацепило верхнюю часть его правой руки.

Сирано вышел из обороны с выпадом, который был отражен. Правда, не совсем успешно. Теперь и на руке противника тоже была легкая рана.

— Вам принадлежит честь пролития первой крови, — сказал Сирано на эсперанто. — А это действительно честь. До вас еще никому не удавалось достичь этого.

Было, конечно, глупо тратить драгоценное дыхание на разговоры. Сирано, однако, был любопытен, как боевой кот на крыше, которого внешне он очень напоминал.

— Как ваше имя?

Смуглый боец ничего не ответил, хотя, можно сказать, что за него ответил его клинок. Кончик клинка этого парня работал быстрее, чем язык базарной торговли рыбой.

— А я тот, чье имя вы, возможно, слышали. Савиньен Сирано де Бержерак.

Смуглый мужчина усмехнулся и еще более яростно нажал на Сирано. Этого типа явно нельзя было вывести из себя именем, каким бы громким оно ни было. И терять свою энергию в пустой болтовне он тоже не собирался. Конечно, была и ничтожно малая вероятность того, что он вообще не слышал такого имени — де Бержерак.

Кто-то крикнул. Может быть, этот крик отвлек внимание бойца, а может, все же он испытал шок, узнав, против кого ему пришлось сражаться. Какова бы ни была причина, но реакция мужчины была не та, которой требовала ситуация. Воспользовавшись выпадом, изобретенным Жарнаком, Сирано всадил свой клинок в бедро противника.

Но даже и тогда острие клинка смуглолицего успело пронзить правую руку Сирано. Его рапира со звоном упала на палубу.

Смуглый незнакомец тоже упал, но все же попытался встать на колени, чтоб продолжать защищаться. Кровь ручьем бежала по его ноге.

Сирано, услышав топот ног, обернулся. Это прибежали Стуртевант и Габель, держа в руках пистолеты.

— Не убивайте его! — крикнул Сирано.

Оба остановились, держа незнакомца под прицелом.

Сирано поднял шпагу левой рукой. Правая нестерпимо болела; кровь по ней текла, как вино из только что початого бочонка.

— Пожалуй, наша схватка могла бы окончиться совсем иначе, если б нас не прервали, — сказал Сирано.

У незнакомца, надо думать, рана тоже болела сильно, но он и глазом не повел. Его черные глаза горели, будто принадлежали самому Сатане.

— Бросьте шпагу, сэр, и я перевяжу ваши раны.

— А пошел ты к черту!

— Отлично, сэр. Но я желаю вам скорейшего выздоровления.

— Пошли же, Сирано! — крикнул Габель.

И тут Сирано впервые услышал стрельбу. Она доносилась справа — это значило, что противнику удалось занять позиции ближе к вертолету.

— В вертушку несколько раз вдепили, — продолжал Габель, — а нам придется бежать до нее под их огнем.

— Ладно, Ричард, — ответил Сирано. Он показал пальцем на «уоки-токи», висевший на поясе Стуртеванта. — Дружище, а почему бы вам не предложить Бойнтону перелететь на эту сторону палубы? Тогда мы попадем в кабину, не подвергаясь столь серьезной опасности.

— Ух ты! Мог бы и сам до этого додуматься!

Габель куском одежды, сорванным с одного из мертвецов, обмотал рану на руке француза. Кожа смуглого бойца приобрела серый оттенок, а огонь в его глазах еле тлел. Когда вертолет сел возле них, Сирано сделал шаг вперед и ударом своей рапиры выбил клинок из руки противника. Тот не промолвил ни слова; не стал он сопротивляться и тогда, когда Сирано перевязал тряпкой рану на его бедре.

— Ваши друзья окажут вам лучшую помощь, когда доберутся сюда, — сказал Сирано.

Он помчался к машине и вскарабкался в нее. Бойнтон тут же взлетел, не ожидая, пока закроется дверца, и послал вертолет под углом вверх и к Реке. Иоанн, все еще совершенно голый, согнулся на сиденье во втором ряду. Сирано, поглядев на него, распорядился:

— Дайте ему одежонку. А потом свяжите ему руки.

Он поглядел вниз. На взлетной палубе было человек двадцать. И откуда их столько взялось? Все палили в воздух, их пистолеты извергали огонь, будто выпускали вверх стаи сошедших с ума от любви огнемошек. Поразить свою цель у них не было ни малейшего шанса. Знали ли они, что их капитан находится на борту вертолета и что они могут попасть в него? Вероятней всего — нет.

Что-то шваркнуло его по затылку. И Сирано поплыл в какой-то густо-серой жиже, в то время как далеко-далеко от него слышались смутные голоса, произносящие странные полупонятные слова. Безобразная образина его школьного учителя — деревенского кюре — склонялась над ним. Эта подлая скотина нередко избивала своего ученика, лупя палкой по чему попало, в том числе и по голове. В двенадцать лет Сирано, пришедший в отчаяние и обезумевший от гнева, набросился на своего учителя, сбил его с ног, бил сапогами и отлупил его же собственной тростью.

Теперь это обезьянье лицо, все более разрастаясь в размерах, пронеслось сквозь его сознание, и Сирано начал обретать потерянные было чувства.

— Я не верю собственным глазам! Он сбежал! — кричал Бойнтон.

— Он саданул меня локтем под дых и ударил Сирано по башке! — вторил ему Габель.

Вертушка накренилась так, что Сирано мог видеть сквозь до сих пор не закрытую дверцу. Прожекторный луч корабля высветил летящее вниз обнаженное тело короля. Его руки бешено работали, пытаюсь придать телу в воздухе вертикальное положение. Потом Иоанн исчез во тьме.

— Все равно ему не спастись, — сказал Бойнтон. — Падать-то пришлось с тридцати одного метра!

Вернуться обратно, чтоб убедиться в верности предположения Бойнтон, они не могли. И не только потому, что по вертолету все еще велась пальба из пистолетов. Кто-то на палубе уже мчался к ракетной батарее. И хотя не было никаких шансов, что пистолетная пуля долетит до вертушки, самонаводящаяся на выхлопы мотора ракета — штука, которую обмануть невозможно. Бойнтону оставалось лишь увести от них машину подальше.

Однако Бойнтон был не тем человеком, которого можно легко напугать. И к тому же он впал в бешенство из-за бегства своего пленника.

Сейчас он повел вертушку не прочь от корабля, а к нему. Вот он уже в точке, находящейся примерно в девяноста метрах от ракетной батареи. И четыре ракеты, которые несла его собственная машина, рванулись вниз, плюясь пламенем из своих сопел.

Батарея превратилась в огромный пылающий шар, в дымное облако, взметнувшееся к небу; по палубе покатались искалеченные тела и осколки металла.

— Надеюсь, это их успокоит, — сказал Бойнтон.

— А может, польем их? — спросил Стуртевант.

— Как это? — не понял Сирано. — Ах, обрабатываем пулеметами? Нет, давайте уходить на максимальной скорости. Ежели там кто-то выжил, он может добраться до второй ракетной батареи, и тогда нам будет хана. Мы провалили задание и потеряли слишком много храбрецов, чтоб рисковать жизнями других.

— Не вижу, как это мы провалили что-то! — воскликнул Бойнтон. — Мы, действительно, не привезем с собой Иоанна, но он *помер*! И пройдет много-много времени, пока его корабль снова сможет выйти в плавание.

— Так ты думаешь, Иоанн помер? — с сомнением спросил Сирано. — Хотелось бы мне думать так же. Я-то назову его мертвецом только тогда, когда лично увижу его труп.

ГЛАВА 67

Продолжая стелать от бесчисленных ушибов, экипаж «Жюля Верна» принялся осматривать друг друга на предмет уяснения масштабов бедствия. У троих ребра болели так сильно, что вполне можно было предположить, что они дали трещину или даже были сломаны. Фрайгейт считал, что у него порваны или серьезно

растянуты шейные мышцы; Текс и Фриско разбили в кровь носы, а у последнего еще сильно болело ушибленное колено. У Погааса на лбу сорвана кожа и из ссадины сочится кровь. И только Нур нисколько не пострадал.

Так что насчет себя им особо тревожиться не приходилось. Шар поднимался вверх, но его уносило от гор. Штормовые тучи исчезли так же быстро, как исчезают воры, услышав полицейскую сирену. К счастью, осветительная система работала. Фриско вполне мог разобрать показания приборов. Нур взял электрический фонарик, и они с Фриско принялись с помощью клейкой жидкостной пленки проверять места сочленений трубок. Нур, осмотрев их через увеличительное стекло, пришел к выводу, что воздушных пузырьков нигде не видно. Видимо, утечки водорода все же не произошло.

Нур открыл верхний люк гондолы, и они с Погаасом взобрались на грузовое кольцо. Пока свази светил фонариком, Нур, подобно обезьяне, стал карабкаться по веревкам сетки. Ему не удалось добраться до горловины шара, чтоб промазать ее герметизирующим материалом, но он объявил, что оболочка, по-видимому, никак не пострадала и трубы держатся прочно.

Фриско выслушал этот отчет весьма скептически.

— Ага, это они кажутся о'кей. Но сказать это наверняка можно, только спустившись вниз и выпустив газ из оболочки.

— Поскольку у нас сохранилась положительная плавучесть, нам следует остаться на плаву. Я не думаю, что следует приземляться, пока мы не достигнем зоны северных ветров, — отозвался Фрайгейт. — А это может случиться даже завтра, если мы верно оцениваем общую дальность своего полета. Если мы спустимся, мы можем потерять свой шар. Кроме того, откуда нам знать, как к нам отнесутся туземцы? В первые годы истории воздухоплавания на Земле много шаров было уничтожено невежественными и суеверными крестьянами в тех случаях, когда аэронавты садились в сельских местностях. Крестьяне считали шары порождением дьявола или колесницами злых колдунов. Мы вполне можем нарваться на таких же.

Кроме того, сказал Фрайгейт, его сильно тревожит отсутствие у них балласта. Конечно, если придется, то всегда можно отвинтить от палубы химический туалет и выбросить его за борт. Но следует учитывать, что может сложиться и такая ситуация, что у них на это просто не будет времени.

«Жюль Верн» летел над долиной, ветер нес его на северо-восток. Спустя час сила ветра уменьшилась, но аэростат все еще летел в нужном направлении; однако шар постепенно спускался все ниже.

Фрайгейт заступил на вахту при высоте 4877 метров, или чуть больше 16 000 футов. Чтобы прекратить снижение, он мелкими порциями подал в оболочку немного водорода, а когда шар все же опять пошел вниз, включил горелку. С этой минуты ему пришлось непрерывно стараться удерживать аэростат на высоте 2000 метров, теряя при этом как можно меньше газа и как можно реже прибегая к помощи горелки.

Шея и плечи Фрайгейта по-прежнему сильно болели. А поэтому он очень обрадовался, когда его сменили и он смог зарыться в ворох тряпья и вытянуться. Сейчас ему не помешал бы добрый глоток самогона, который заодно снял бы и часть боли.

До сих пор их странствие было преимущественно тяжелой работой, которую к тому же приходилось проделывать в условиях постоянной спешки, опасности, вызывающей желудочные спазмы, и... скуки. Он будет счастлив, когда они окончательно приземлятся. И тогда события ушедшего в прошлое полета начнут покрываться патиной времени, придающей всему слегка юмористический оттенок. А пройдет еще немного времени, и память о полете воссияет золотом и он предстанет удивительным и прекрасным. Рассказы экипажа о нем будут приобретать эпические масштабы, а перенесенные испытания станут выглядеть куда более кошмарными, нежели были на самом деле.

Воображение — вот лучший лакировщик прошлого!

Стоя у вернилки при свете звезд и приборных лампочек, пока вся остальная компания спала, Фрайгейт чувствовал себя ужасно одиноким. Одиночество лишь отчасти умерялось гордостью. «Жюль Верн» побил все рекорды беспосадочных полетов воздушных шаров. Со времени старта он проплыл приблизительно 3000 миль, или 4824 километра. И мог бы лететь еще и еще — если все пойдет хорошо — прежде чем будет вынужден сесть.

И все это достигнуто пятью обыкновенными дилетантами. За исключением его самого, никто из них даже близко не подходил к воздушным шарам. Но и его собственные сорок часов полета на аэростате с теплым воздухом и тридцать — на газовых отнюдь не делали его ветераном аэронавтики. В этом полете он пробыл куда дольше, чем те часы, которыми исчислялось время, проведенное им в воздухе на Земле.

Экипаж совершил полет, который вошел бы в историю, будь он совершен на их родной планете. Их лица не сходили бы с экранов телевизоров по всему миру. В их честь устраивались бы празднества и банкеты, о них писались бы книги, а гонорары осыпали бы их золотым дождем.

А здесь о их подвиге узнают лишь несколько человек. Да и из этого ничтожного числа многие не поверят услышанному. И вообще никто и ничего не узнает, если полет закончится гибелью экипажа.

Фрайгейт выглянул из иллюминатора. Мир был полон света созвездий и почти непроницаемо черных теней; долина внизу извивалась змеей... нет, скорее, целой армией змей, тщательно соблюдающей порядок движения. Молчали звезды, хранила безмолвие долина. Мир безмолвствовал, как уста мертвеца.

Фрайгейт мрачно усмехнулся.

Ветерок слабый — будто бабочка шевелит крылышками. Невольно на память приходят летние дни на Земле в пору его детства и юности... ковер цветов на заднем дворе... подсолнечники, ах, эти высокие золотые подсолнечники... и трели птичьего многоголосия,

и умильные запахи маминой стряпни, медленно плывущие по воздуху прямо к его носу — запахи ростбифа и вишневых пирогов; звуки пианино, на котором играет отец.

Он вспомнил и одну из любимейших песенок отца, да, пожалуй, и его самого... Он частенько напевал ее тихо-тихо, отставив вахты на палубе шхуны. И когда пел, то умственным взором видел маленький-маленький огонек где-то впереди, огонек, сверкающий, как путеводная звездочка, казалось, бегущая перед ним, уводящая его к еще не названной, но тем не менее желанной цели.

Сияй, сияй, мой светлячок,
Гори, гори, мой светлячок,
Веди меня в тот дивный край,
Где мир душе, где сердцу рай.
Сияй, сияй, мой светлячок,
Гори, гори, мой светлячок,
Веди туда, где у окна
Моя любовь грустит одна.

Внезапно он разрыдался. Слезы бежали в поминание тех добрых дел, которые были или могли бы быть, а также тех плохих, которые были, но не должны были случиться.

Смахивая слезы, Фрайгейт еще раз проверил показания приборов, а потом разбудил маленького мавра, которому предстояло выйти на вахту. А еще потом Фрайгейт долго лежал без сна под кучей тряпья. Сон гнали прочь боли в спине и шее. После бесплодных попыток впасть в блаженное забытие Фрайгейт встал, чтоб поболтать с Нуром. Они продолжили тот бесконечный разговор, который вели то ночью, то днем вот уже многие годы.

ГЛАВА 68

— В некоторых отношениях, — сказал Нур, — Церковь Второго Шанса и учение суфиев сходятся. Шансеры, однако, используют другие технические термины, что может дать тебе основание думать, будто речь идет о совершенно различных вещах.

Конечная цель у шансеров и суфиев одинакова. Если отвлечься от различий в терминологии, оба учения гласят, что личность индивидуума в будущем сольется с личностной Универсальностью. То есть с Аллахом, с Богом, с Творцом, с Реальностью — можешь именовать ее как угодно.

— И это означает, что индивидуальная сущность аннигилируется?

— Нет, она сливается. Аннигиляция — разрушение. В слиянии индивидуальная душа, или «ка», или «брахман», становится частью Вселенского «Я».

— А это значит, что индивидуум теряет свое самосознание, свою индивидуальность. Он что же — больше себя не ощущает?

— Да, но он становится частицей Великого «Я»! Что такое потеря самосознания у индивидуального существа в сравнении с обретением самосознания Бога?

— Это наполняет меня ужасом. С тем же успехом можно просто помереть. Раз ты уж больше не осознаешь себя как индивидуальность, значит, ты *умер*. Нет, не понимаю, почему буддисты, шансеры, индуисты, суфии считают такое положение вождеденным. Без самосознания индивидуальность воистину мертва.

— Если бы ты испытал тот экстаз, который суфии испытывают на одной из стадий своего духовного развития — стадии *отключения*, — ты бы понял. Разве может человек, слепой от рождения, преисполниться экстазом, который испытывают зрячие, глядя на великолепный закат?

— Вот в том-то и дело, — отозвался Фрайгейт, — что у меня были подобные мистические состояния. Даже трижды.

Одно из них имело место, когда мне было двадцать шесть лет. Я тогда работал на металлургическом заводе. В томильном колодце, где краны поднимают огромные отливки из изложниц, куда льется жидкий металл из открытых плавильных печей. После очистки остывающие отливки опускаются в нагретые газом томильные колодцы, где их снова нагревают докрасна. Отсюда они идут на прокатные станы.

Так вот, когда я работал в колодцах, мне привиделось, будто отливки — это души. Погибшие души в пламени чистилища. Их отправляют туда, где под страшным давлением им придается форма, приемлемая для Небес. Точно так же гигантские прокатные станы обминают отливки, придавая им различные формы, оставляя на концах болванок плохо очищенные места, которые и отсекаются напрочь, так и души формируются и очищаются.

Однако все это к теме нашего разговора имеет весьма отдаленное отношение. Или все-таки имеет?

Так или иначе, но однажды я стоял возле огромных ворот томильного цеха, стоял просто так, чтоб немного перевести дух. Глаза мои глядели туда, где напротив помещались томильные печи. Не помню, о чем я думал тогда. Возможно, о том, как я устал от работы в этой ужасающей жаре, от тяжелого труда за ничтожную заработную плату. Весьма вероятно, что меня волновал вопрос, стану ли я известным писателем.

Все мои рассказы возвращались ко мне, хотя от редакторов я время от времени получал одобрительные и даже ободряющие отзывы. Уитт Барнет — соредатор очень престижного, но известного своими скудными гонорарами журнальчика «Истории» — дважды чуть было не купил мои опусы, но, так как его жена была против, он перекинул их мне обратно.

Так вот, я стоял, глядя на отвратительное безобразие заводской площадки, вовсе не располагающее к приятным мыслям и мистическим озарениям. Я был в дурном настроении, в очень дурном.

А железнодорожные пути, серая металлическая пыль, покрывающая и грязь под ногами, и каждый предмет во дворе, огромное безобразное здание, где стояли плавильные печи, дым, который ветер гонял по всему пространству площадки, кислый запах этого дыма, — все это весьма содействовало углублению ощущения безнадёжности.

А затем все изменилось внезапно и необъяснимо. Изменилось в одно мгновение. Я не хочу сказать, что безобразие окружающего мира исчезло, уступив место красоте. Картина была столь же серая и мерзкая, как и раньше.

Но я как-то вдруг ощутил, что Вселенная устроена *правильно*. И что все будет *хорошо*. В перспективе произошёл какой-то незначительный сдвиг. Ну, я бы сказал вот так: мне показалось, что Вселенная состоит из бесконечного числа хрустальных кирпичиков. Они были почти невидимы, но все же не совсем. Я увидел их грани, хотя как-то призрачно.

Эти кирпичики были уложены так, что образованная ими поверхность не была абсолютно ровной. Как будто их укладывал не Бог, а пьяный каменщик. Однако сейчас, при том крошечном сдвиге перспективы, я обнаружил, что кирпичики двигаются, что они сами выравнивают поверхность стены. Порядок был восстановлен. Дивный порядок и дивная красота. Космическое здание больше не было плохо спроектированным строением, которое годилось лишь на то, чтоб местные инспектора по планировке территории обрекли его на снос.

Я почувствовал экзальтацию. На какое-то мгновение мне приоткрылся вид на базовую структуру мироздания. Без известки, назначение которой — выравнивать и скрывать неровности, чтоб стена *казалась* гладкой и ровной.

Я знал, *знал*, что Вселенная устроена справедливо. То есть что мое место в ней правильно и что я тоже правильный. Я *гожусь*. Знал, что хотя я и живое существо, но тем не менее я положен в то место, которое мне подходит и для меня предназначено.

Более того, я внезапно понял, что я всегда *годился*. Просто до этого момента я думал, что мне нет места, что я по каким-то параметрам слишком отличаюсь от остальных кирпичиков. Но этого быть не могло. Все кусочки мозаики, все кирпичики, они все не выровнены, но все годятся.

Вот в чем была моя ошибка! Нет, каждый занимал свое место. Это просто мое видение, мое понимание вещей были не верны. Если угодно, можно назвать это аберрацией.

— И сколько же продолжалось это состояние? — спросил Нур.

— Несколько секунд. Но потом я долго чувствовал себя отлично, чувствовал себя счастливым. На следующий день я снова вспомнил об этом... откровении... но его благотворительный эффект уже прошел. А Вселенная опять стала структурой, построенной неким постоянно пьяным каменщиком. А может, хитрым и подлым подрядчиком.

И все же были моменты...

— А другие откровения?

— Ну, второе можно не считать. Оно было результатом марихуаны и зависело не от меня. Видишь ли, за всю свою жизнь я выкурил с полдюжины сигарет с травкой. Это случилось на протяжении одного 1955 года, еще до того как молодежь всерьез принялась за наркотики. В те времена марихуану и гашиш курили преимущественно в богемных группах в больших городах. И черные и мексиканцы в их гетто.

Как ни странно, этот случай произошел в Пеории, в Иллинойсе. Мы с женой познакомились с супружеской парой из Нью-Йорка. Этакие типичные обитатели Гринвич-Виллидж... Я тебе потом объясню, что это значит... И они уговорили нас попробовать марихуану. Я себя почувствовал как-то дискомфортно, мне было жутко неприятно, что в моем доме хранится такая дрянь. Мне мерещилось, как к нам врываются агенты, как они арестовывают нас, кидают в каталажку, мерещился суд и заключение в исправительную тюрьму, позор. А что будет с нашими детьми?

Но алкоголь рассеял мои сомнения и я, наряду с прочими развлечениями, выкурил сигарету с травкой — «косячок», как они это называли.

Только мне никак не удавалось втянуть дым в легкие и задержать его там. Я ведь и табака не курил, несмотря на свои тридцать девять лет. Наконец мне это удалось, но ничего особенного не произошло.

Позднее, в тот же вечер, я взял то, что осталось от выкуренной сигареты, и прикончил «косячок». И вдруг явственно ощутил, что вся Вселенная состоит из кристаллов, находящихся в растворе.

И в этот раз я тоже почувствовал слабый сдвиг перспективы. Кристаллы в перенасыщенном растворе начали выпадать в осадок. И это происходило в дивном порядке, ряд за рядом, будто взводы ангелов, марширующие на параде.

Но на этот раз то чувство, которое сопровождало первое видение насчет того, что Вселенная устроена разумно и у меня в ней есть свое место, начисто отсутствовало.

— А в третий раз? — спросил Нур.

— Мне тогда было пятьдесят семь, и я был единственным пассажиром в гондоле воздушного шара, наполненного теплым воздухом; шар летел над кукурузными полями Эврики, что в штате Иллинойс. Пилот только что выключил горелку, и поэтому шум исчез, если не считать шума от крыльев стаи фазанов, вспугнутых с полей ревом горелки.

Солнце садилось. Яркий летний дневной свет уступил место серым сумеркам. Я плыл, будто на волшебном ковре-самолете в легком ветерке, который никак не ощущался. В открытой гондоле, как ты знаешь, даже в сильный ветер можно зажечь свечку, и ее пламя будет гореть так же спокойно, как в комнате с наглухо закрытыми окнами.

И внезапно, без всякого предупреждения, пришло ощущение, будто солнце вылезло обратно из-за горизонта. Все вокруг меня

купалось в слепящем свете, и, чтоб видеть в нем яснее, мне следовало бы прищурить глаза.

Впрочем, я этого делать не стал. Свет исходил от меня самого. Это я был пламенем, это я отдавал Вселенной свет и тепло своего тела.

Через секунду, а может, и меньше, свет исчез. Он не ослабевал постепенно. Он прочно исчез. Но еще какое-то время держалось ощущение, что мир справедлив и что что бы там ни случилось со мной или с кем-нибудь другим, или со всей Вселенной, все это прекрасно... Это ощущение тоже, должно быть, длилось около секунды.

Пилот ничего такого не заметил. Явно я ничем внешне не проявил своих чувств. Вот это и был тот последний раз, когда я испытал нечто совершенно необыкновенное.

— Видимо, все же эти состояния духа не оказали большого влияния ни на твое поведение, ни на твои взгляды? — спросил Нур.

— Иначе говоря, не стал ли я после них лучше? Нет, не стал.

— Состояния, которые ты описал, — продолжал Нур, — мы называем *таджали*. Но твои *таджали* — подделка. Если бы они дали устойчивый результат, путем саморазвития личности в правильном направлении, то это были бы настоящие *таджали*. Есть несколько видов ложных или бесполезных *таджали*. Ты встретился с одним из них.

— Значит ли это, — спросил Фрайгейт, — что я не способен к восприятию истинной формы?

— Нет. Во всяком случае, ты оказался способным воспринять хоть какую-то форму этого явления.

Помолчали. Фриско, лежавший под кучей одеял, что-то бормотал во сне.

Внезапно Фрайгейт спросил:

— Нур, уже довольно давно я думаю о том, возьмешь ли ты меня в ученики.

— И почему же ты меня не спрашиваешь об этом?

— Боялся, что ты откажешь.

Снова помолчали. Нур проверил показания альтиметра и на минуту включил вернилку. Погаас стряхнул с себя одеяло и встал. Зажег сигарету, и мигающий свет зажигалки вызвал странную игру света и тени на его лице. Оно было похоже на голову священного ястреба, высеченного из черного диорита древними египтянами.

— И что же? — спросил Фрайгейт.

— Ты всегда думал о себе как об искателе Истины, не так ли? — задал вопрос Нур.

— Ну, не очень-то упорном. Меня бросало из стороны в сторону, носило как воздушный шар по воле ветра. Большую часть жизни я воспринимал ее такой, какой она была или хотя бы казалась. Иногда я предпринимал сознательные усилия, чтобы изучить или даже действовать согласно той или иной философии, учению или религии. Но мой энтузиазм вскоре угасал, и я просто-

напросто забывал о них. Ну, не совсем, но все-таки... Иногда он снова как бы вспыхивал во мне, и я снова направлял шаги к заветной цели. В большинстве же случаев я, как бы сказать, плавал, гонимый ветрами лени и безразличия.

— Но ты был независим?

— Я старался быть интеллектуально непредубежденным, даже когда мои эмоции толкали меня куда-то.

— Чтоб достигнуть истинной непредубежденности, тебе следует освободиться и от эмоций, и от интеллекта. Совершенно очевидно, что, хотя ты и гордишься отсутствием предубежденности, ты все же обладаешь ею в полной мере. Если б я взял тебя в ученики, тебе бы пришлось полностью отдаться под мой контроль. Совершенно безотносительно к тому, чего я потребую. Причем ты должен будешь повиноваться мгновенно. Беззаветно. — Нур промолчал. — Если б я приказал тебе выпрыгнуть из гондолы, ты бы это сделал?

— Черт побери! Нет, конечно!

— Ну и я тоже. Но что, если я потребую от тебя чего-то такого, что является интеллектуальным или эмоциональным эквивалентом самоубийства, ты бы это сделал?

— Не знаю. Будет видно, когда ты попросишь меня об этом.

— А я не попрошу до тех пор, пока не буду знать, что ты готов. Если, конечно, ты когда-нибудь вообще будешь готов.

Погаас смотрел в иллюминатор:

— Там виден огонь. И он движется.

Фрайгейт и эль-Музафир бросились к нему. Текс и Фриско, разбуженные их взволнованными голосами, вскочили и сонными глазами впились в ночную тьму сквозь другой иллюминатор.

Длинный предмет, летящий почти на той же высоте, что и их шар, четко обрисовывался на фоне яркого звездного скопления.

— Это дирижабль! — воскликнул Фрайгейт.

Из всего, что они до сих пор видели в Мире Реки, это зрелище было самым странным и самым неожиданным.

— В его носовой части горят огни, — заметил Райдер.

— А ведь он не из Новой Богемии, — вставил Фрайгейт.

— Значит, есть здесь и еще места, где имеются залежи металлов, — сказал Нур.

— Если только он не принадлежит *тем*, — напомнил Фаррингтон. — Это ведь может быть вовсе не дирижабль, а нечто совсем другое, но имеющее его форму.

Один из огней в носовой части воздушного корабля замигал. Погладев на него с минуту, Фрайгейт удивленно воскликнул:

— Это азбука Морзе!

— И что он говорит? — спросил Райдер.

— Я не знаю азбуки Морзе.

— Тогда откуда ты знаешь, что это она?

— Разница в продолжительности пульсаций. Долгие и короткие.

Нур отошел от иллюминатора и вернулся к вернилке. Он выключил ее, и теперь были слышны лишь звуки взволнованного дыхания экипажа. Они видели, как огромное страшное тело повернулось и двинулось прямо к ним. Свет продолжал мигать. Нур включил горелку на двадцать секунд. Погасил ее и тут же подбежал к иллюминатору, резко бросив:

— Только не вздумайте подать им сигнал!

Все обернулись на его голос и с удивлением поглядели на Нура. Тот шагнул вперед и выключил вентилятор, втягивающий углекислоту.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фриско.

Нур скользнул к вернилке, шепнув:

— Мне показалось, что я слышу шипение! — Он поглядел на Погааса. — Сейчас же брось сигарету!

Нур нагнулся и приложил ухо к месту соединения трубки и платинового конуса.

Погаас уронил сигарету и поднял ногу, чтоб придавить окуроч подшвой.

ГЛАВА 69

Галбирре содержание рапорта Сирано о результатах рейда стало известно еще до того, как вертолет вернулся в ангар. Она скорбела о потерях и была в бешенстве от того, что рейд был ей навязан чуть ли не силой. В значительной степени ее негодование относилось к ней самой — почему она оказалась столь уступчивой в споре с Сэмом Клеменсом?

И все же... что она могла поделать? Лазер был единственным средством, которое могло дать им возможность войти в Башню. А Клеменс ни за что не дал бы ей его, если б она не согласилась на рейд.

После того как вертушка села, Галбирра приказала вывести дирижабль из Долины. Он развернулся носом на юго-запад — в ту сторону, где сейчас находился «Марк Твен». Сирано отправился в больницу, где ему перевязали раны, а затем явился в рулевую рубку. Джилл выслушала более подробный отчет, после чего связалась с судном.

Клеменс отнюдь не испытывал той радости, встретить которую ожидала Джилл.

— Значит, вы думаете, что прохвост Джон все же умер? Но стопроцентной уверенности у вас в этом нет?

— Да, боюсь, что так. Но мы выполнили все, о чем вы просили, а поэтому надеемся, что вы отдадите нам БЛ.

БЛ было кодовое название лазера.

— Можете забирать свой БЛ. Вертушка заберет его со взлетной палубы.

— Напротив нас НЛО, сэр. Приблизительно на той же высоте, — сказал офицер, сидевший за пультом радара.

Должно быть, Клеменс услышал радарщика, так как тут же спросил:

— Что это за штука такая — НЛО?

Джилл даже не ответила ему. На мгновение ей показалось, что на экране два изображения. Но она тут же поняла, в чем тут дело.

— Это воздушный шар!

— Воздушный шар? — воскликнул Никитин. — А это не *они*?

— Вполне возможно, что это еще одна экспедиция к Башне, — тихо сказал Сирано. — Какие-нибудь неизвестные нам союзники.

Джилл приказала направить в сторону шара прожектор и использовать его для передачи азбукой Морзе фразы «Это дирижабль "Парсеваль"». Это дирижабль "Парсеваль". Кто вы такие? Кто вы такие?».

Она велела и радисту передавать ту же фразу. Однако ответа не было ни по радио, ни светом. Джилл обратилась к Никитину:

— Идите прямо к шару. Попробуем рассмотреть их поближе.

— Есть, капитан.

Во взгляде русского вдруг возникла какая-то напряженность, и он указал на мигающий красный огонек на приборной доске консоли.

— Ангарный люк! Он открывается!

Первый офицер бросился к интеркому.

— Ангар! Ангар! Говорит Коппенейм! Почему открыли люк?

Ответа не было.

Джилл нажала клавишу общей тревоги. По всему кораблю завывли сирены.

— Говорит капитан. Говорит капитан. Вызываю главный кубрик. Вызываю главный кубрик.

Ответил голос Катамуры — офицера-электронщика:

— Да, капитан. Слушаю вас.

— Немедленно пошлите людей в ангар. Я думаю, бежал офицер Торн.

— Ты и в самом деле думаешь, что это Торн? — спросил Сирано.

— Не знаю, но похоже на то. Разве что... кто-то другой...

Джилл позвонила в больничку. Молчание.

— Это Торн! Будь он проклят! И почему только я не установила переключатель контроля над ангарным люком!

Она тут же послала две группы в ангар и одну в больничку.

— Но, Джилл, — убеждал ее Сирано, — как он мог бежать? Он же еще не оправился от ран, его караулят четыре человека, он прикован к постели, а те, что сидят с ним, не имеют ключей к его оковам.

— Он не обыкновенный человек! Мне следовало сковать ему и руки! Но тогда мне это казалось неоправданной жестокостью.

— Но, возможно, вертолет еще не успели заправить?

— Если это так, значит, Сентеш непростительно манкирует своими обязанностями. А такого попросту быть не может.

— Люк раскрылся уже наполовину, — сказал Никитин.

По интеркому донесся голос Грейвза:

— Джилл! Торн...

— Как он выбрался? — рывкнула Джилл.

— Детали мне неизвестны. Я сидел в своем кабинете, проверяя качество медицинского спирта. Внезапно раздался дикий гвалт. Крики, удары чем-то по чему-то... Я вскочил, но Торн уже был в дверях. С его колена свисал обрывок цепи от наручников; он тащился за Торном по полу. Должно быть, тот порвал звенья голыми руками.

Он ринулся на меня. Отшвырнул в сторону с такой яростью, что я ударился об стену. С минуту я был оглушен, не мог даже встать. Он вырвал из переборки аппарат интеркома прямо руками! Голыми руками! Я попытался встать, но не мог. Он связал мне руки за спиной и притянул к ним связанные с помощью ремней, снятых с часовых, ноги. Он мог бы и убить меня, запросто переломив мне шейные позвонки. Говорю тебе, у меня до сих пор на теле живого места нет! Но он оставил меня в живых, за что я ему весьма признателен.

Потом мне удалось развязаться, и я заковылял в палату. Все четверо часовых валялись на полу. Двое из них еще живы, но сильно покалечены. Все аппараты интеркома разбиты. Дверь заперта, пистолеты и ножи часовых, стоявших снаружи, исчезли. Я бы и сейчас еще торчал там, кабы не был так ловок по части открывания замков, а сам замок не был бы так прост. Потом я помчался к ближайшему телефону...

— Сколько времени прошло с тех пор, как он вырвался?

— Минут двадцать пять.

— Двадцать пять?!

Джилл была в полном недоумении. Что же делал Торн все это время?

— Займитесь этими людьми, — сказала она и отключилась.

— Значит, у него все же где-то спрятан передатчик, — сказала Джилл Сирано.

— Откуда вы это взяли?

— Я не уверена. Но на что же он потратил такую уйму времени? Никитин! Опускайте дирижабль до уровня земли! И как можно быстрее!

Снова по интеркому зазвучал голос Катамуры:

— Капитан, вертушка исчезла!

Сирано ругнулся по-французски.

Никитин включил сеть общего оповещения и объявил команде, что корабль производит опасный маневр. Всему экипажу принять меры личной безопасности.

— Наклон сорок пять градусов, Никитин! — крикнула Джилл. — Полная скорость!

Оператор радара сообщил, что вертолет виден на радаре. Он идет на юг на максимальной скорости под углом сорок пять градусов к горизонту.

К этому времени палуба рулевой рубки уже сильно наклонилась. Все поспешили пристегнуться к креслам, которые были привинчены к полу. Джилл села рядом с Никитиным. Ей очень хотелось пересест в кресло пилота, но даже сейчас Протокол воспрещал подобные действия. Впрочем, то, что сейчас управляла кораблем не она, особого значения не имело. Бешеный русский приведет его к земле так же быстро, как привела бы она сама. Ее работа — смотреть, чтоб он не перехватил через край.

— Если у Торна есть передатчик, — сказал Сирано, — он уже мог бы пустить его в ход. И мы не успели бы выполнить свой маневр.

Хотя Сирано побледнел, а зрачки его расширились, но он делал весело улыбался ей.

Джилл перевела взгляд с Сирано на приборную консоль. Корабль летел над Долиной, так что проблема преодоления горных вершин отсутствовала. Долина казалась очень узкой, но сейчас она расширялась прямо на глазах. Внизу виднелись огоньки — костры возле питающих камней, вокруг которых сидели либо часовые, либо ночные гуляки. Дождевые облака быстро рассеивались, как это всегда бывало после ночных бурь. Обильно усыпанное звездами небо роняло бледный свет на Долину, замкнутую двумя горными кряжами. Есть ли там внизу кто-нибудь, кто смотрит на них в эту минуту? А если есть, то, должно быть, он дивится тому, что эта гигантская штуковина несется к земле с такой скоростью.

И все же эта скорость куда ниже той, которая нужна сейчас.

Сирано прав. Если Торн собирается взорвать бомбу, он сделает это сейчас. Если только... если только он не захочет подождать, чтоб корабль сначала приземлился. Пощадил же он в конце концов Грейвза; мог убить, но не убил двух часовых...

Не отрывая глаз от экрана радара, Джилл вызвала ангар. Ответил Сентеш.

— Мы все находились у себя, — начал он. — Ведь у люка не было даже часового.

— Знаю, — отозвалась она. — Вы только скажите мне... и побыстрее... как это было?

— Торн заглянул в дверь. Направил на нас пистолет. Затем сорвал с переборки интерком и сказал, что сейчас он дверь закроет. Он еще сказал, что у него настроена бомба, которая взорвется тотчас, как только кто-нибудь дотронется до двери. И захлопнул ее. Мы не знали, верить ли ему, но проверять, не врет ли он, желающих не нашлось. Уж потом офицер Катамура открыл дверь. Бомбы не было. Торн соврал. Очень сожалею, капитан.

— Вы сделали все, что можно было сделать.

Джилл приказала радисту послать сообщение о том, что у них происходит, на «Марка Твена».

На высоте 915 метров, или 3000 футов, она приказала Никитину изменить положение пропеллеров с расчетом увеличить подъемную силу и одновременно поднять нос корабля примерно на три градуса. Инерция все равно будет вести их вниз, несмотря на тормозящий эффект винтов. Еще через минуту она распорядилась задрать нос

еще на десять градусов. Это должно было содействовать более пологому спуску.

И что же делать дальше, когда корабль выровняется на высоте около 3000 футов? Если допустить, что он все же выровняется на этом уровне? Она и так подошла чуть ли не к пределу допустимого, но ведь она знала возможности «Парсеваля» не хуже, чем свои собственные.

Приземляться? Заякорить корабль невозможно, а выпустить водорода, когда команда покинет его, придется столько, что во второй раз машина в воздух уже не поднимется. Если этого не сделать, кто-то из экипажа вылезти не успеет, и их унесет прочь.

А что, если у Торна все же нет передатчика, что, если бомбы не существует в природе? Тогда дирижабль будет потерян зря.

— Слишком быстро! Слишком быстро! — кричал Никитин.

Но в эту секунду Джилл уже наклонялась вперед, чтобы включить механизм сброса примерно тысячи литров воды. Она нажала кнопку, и корабль тут же прыгнул вверх.

— Извините, Никитин, — пробормотала она, — времени терять было нельзя.

Радар показывал, что вертолет парит к северу от них на высоте 300 метров. Что же Торн? Ждет, чтоб выяснить их план действий? Если да, то не взорвет ли он бомбу сразу после того, как они ударятся о землю и покинут корабль?

Что же ей делать? При необходимости сделать выбор Джилл заскрежетала зубами. Она даже подумать не могла, что такая красота будет утеряна или изуродована. Последний дирижабль в мире!

И все же... приоритет принадлежит безопасности команды.

— Высота сто пятьдесят два метра, — сказал Никитин.

Теперь винты были задраны вверх, они перемалывали воздух на предельной скорости. Горы громоздились с обеих сторон; справа Река поблескивала отражением звезд; под ними скользила плоская поверхность береговой равнины.

Прямо под ними лежали дома, хлипкие бамбуковые хижины, набитые крепко спящими человеческими телами. Если дирижабль упадет на равнину, будут сотни убитых. Если же он загорится, народу погибнет во много раз больше.

И Джилл приказала Никитину рулить к Реке.

А что ей еще оставалось делать?

Среди людей на берегу Реки, тех, кому надо было не спать по обязанности, или кому спать просто не хотелось, несколько человек случайно подняли глаза к небу, испешренному черными и беловатыми пятнами. И там они вдруг заметили два силуэта, причем один был гораздо крупнее другого. Тот, что был больше, имел вытянутую форму большой толстой сигары.

Оба двигались навстречу друг другу; у маленького слабый свет исходил из нижней сферы, а большой посылал вперед столбы очень

яркого света. Один из лучей вдруг стал включаться и выключаться через неравные промежутки времени.

Внезапно более крупное небесное тело опустило один конец вниз и круто пошло в направлении долины. Приближаясь к земле, оно издавало странные звуки.

Многим наблюдателям формы обоих предметов не показались знакомыми. Они никогда не видели ни воздушных шаров, ни дирижаблей. Кое-кто жил во времени, когда аэростаты уже существовали, но видел их только на фотографиях и иллюстрациях в книгах. А были и такие, кто о дирижаблях и не слышал, а разглядывал лишь картинки, на которых изображалось то, что может появиться в отдаленном будущем.

Лишь очень немногие признали в большом, быстро падающем теле дирижабль.

Безотносительно к тому, узнали они или не узнали, что это за штукавина, множество народу помчалось будить своих подруг или поднимать тревогу.

Раздался рокот барабанов, послышались людские крики. Проснулись почти все, жилища опустели. Все смотрели вверх и гадали, что же там такое происходит.

Эти восклицания и крики слились в единый вопль ужаса, когда один из летящих объектов взорвался. Люди орали, а он несся вниз, обвальный оранжевым пламенем, подобным оперению павшего ангела.

ГЛАВА 70

На Тай-пене были лишь юбочка из листьев «железного» дерева да гирлянда, сплетенная из цветов. Держа в левой руке чашу с вином, он прохаживался взад и вперед, импровизируя стихи с той легкостью, с какой вода стекает вниз по склону холма. Эта поэма должна была бы вызвать фурор, прозвучи она на придворном диалекте Танской династии*, но для неkitайца она была бы подобна стуку игральных костей в стаканчике. Поэтому ему приходилось переводить ее на местный вариант эсперанто.

При переводе, конечно, терялась большая часть изысканности и изящества оригинала, но кое-что все же оставалось — достаточно, чтобы вызвать у слушателей смех и слезы.

Женщина Тай-пена — Вен-чун — чуть слышно наигрывала на бамбуковой флейте... И хотя обычно голос Тай-пена был громок, а иногда и визглив, но сейчас он тоже звучал приглушенно. Стихи на эсперанто были не менее мелодичны, чем пение флейты. Одежда Тай-пена была изготовлена специально для данного случая — полосатые листья — зелено-красные, и цветы в сине-бело-красную полоску. Они чуть слышно шелестели, когда он метался по сцене, подобный большой, посаженной в клетку дикой кошке.

Для мужчины своей расы и своего времени (VIII столетие н. э.) он был высок, гибок, широкоплеч и обладал отлично развитой

* Танская династия правила в Китае с 618 по 907 г. н. э.

мускулатурой. Его длинные волосы сверкали под послеполуденным солнцем; они отсвечивали подобно темному нефритовому зеркалу. Глаза большие, светлые, зеленые, горящие — глаза голодного раненого тигра.

Хотя он и был потомком императора от наложницы, но отстоял от предка на целых десять поколений. Его собственной семьей были воры и убийцы. Кое-кто из его дедов и прадедов происходил из горских племен, а горцы народ дикий, они-то и наделили его этими яростными зелеными глазами.

И он, и его аудитория находились сейчас на высоком холме, с которого открывался вид и на равнину, и на Реку, и на земли, прилегающие к горам, и на самые горы. Слушатели, еще более пьяные, чем он, хотя ни один из них не мог выпить больше Тай-пена, расселись полумесяцем. Это позволяло ему входить в полукруг и выходить из него. Тай-пен не терпел никаких преград. В стенах он ощущал беспокойство; тюремные решетки его убивали.

Примерно половину аудитории составляли китайцы XVI века н.э., вторая половина была, так сказать, с бору по сосенке — оттуда и отсюда, из того времени и из этого.

Тай-пен перестал импровизировать и начал декламировать Чен Цюаня. Но сначала он объяснил слушателям, что Чен умер за несколько сот лет до его — Тай-пена — рождения. Чен был богат, но умер в тюрьме. Его туда засадил какой-то чиновник, чтобы лишить завещанного его родителем имущества.

Мужи, что делают дело, гордятся умением и знанием,
но что они знают о Дао?

Что знают о Дао люди, погрязшие в мелких заботах,
которым на ум не приходит

Подумать о том, что станет с их бранным и рыхлым телом
в уже недалеком Завтра?

Им надо б идти учиться к Хранителю Темных Истин,
что видит весь Мир в сосуде,

В сосуде из дивной яшмы. Он светлой душой
не связан ни с грубой Землей,

Ни с Небом, он жаждет одной свободы и гонит туда
без оглядки коня своего — Измененье.

Тай-пен остановился, чтоб осушить чашу и протянуть ее, дабы она наполнилась снова.

Один из слушателей — негр по имени Том Тёрпин — сказал:

— А вино кончилось. Как насчет сивухи?

— Нет больше напитка богов? Не желаю я вашего варварского попойки! Оно притупляет ум, тогда как вино оживляет его!

Он оглядел сидящих, ухмыльнулся подобно тигру в брачный сезон, схватил на руки Вен-чун и стремительно зашагал к своей хижине, продолжая сжимать женщину в объятиях.

— Где вино кончается, там начинается женщина!

Ярко окрашенные цветы и листья осыпались с одежды Тай-пена на землю, когда Вен-чун притворно отбивалась от него. А он

казался каким-то мифологическим существом — полурастением-полуживотным, уносящим вдаль прекрасную женщину.

Все хохотали. Слушатели стали расходиться еще до того, как Тай-пен захлопнул дверь своей хижины. Один из них обошел холм, направляясь туда, где стояло его собственное жилье. Войдя, он закрыл дверь на засов и опустил шторы, сделанные из бамбука и рыбьей кожи. В сумеречном свете, падавшем из окна сквозь шторы, он уселся за стол. Открыл крышку своего грааля и некоторое время сидел молча, пристально глядя на серый цилиндр.

Мимо его хижины прошли двое — мужчина и женщина. Они громко обсуждали таинственное происшествие, имевшее место меньше месяца назад немного ниже по Реке. Огромное ревущее чудовище прилетело ночью из-за западных гор и упало в Реку. Туземцы — те, что похрабрее и поглупее, — сели в лодки и поплыли к нему. Но чудовище утонуло, прежде чем они успели приблизиться, и больше не всплыло.

Был ли это дракон? Кое-кто уверяет, что драконов вообще нет в природе. Все они, как правило, скептики из дегенеративных столетий — двадцатого и девятнадцатого. Всем, разве что кроме последних дураков, известно, что драконы существовали. Но, с другой стороны, это могла быть и летательная машина тех существ, которые сотворили этот мир.

Говорят, будто кто-то видел человеческую фигуру, уплывавшую от того места, где утонул дракон.

Человек в хижине улыбнулся.

Он думал о Тай-пене. Это не было его настоящим именем. Только сам Тай-пен да еще горсточка других людей знали настоящее. А сам псевдоним означал «Великий феникс», кстати, ключ к настоящему имени, поскольку в своей земной жизни Тай нередко бахвалился, что он именно таков и есть.

Человек в хижине произнес кодовое слово. И тут же внешняя поверхность грааля начала светиться. Но свет охватывал не всю поверхность: на сером металле проступили два больших круга — по одному с каждой стороны цилиндра. Внутри кругов, представлявших оба полушария планеты, были видны тысячи очень тонких ярко-голубых извивающихся линий. Они пересекали множество мелких пылающих кружочков. Все кружки внутри были пусты, кроме одного. В нем окружность охватывала пентаграмму — пятиконечную звезду.

Каждый кружок (кроме того, что со звездой) испускал из себя светящиеся точки и тире.

Дисплей был картой, но безмасштабной. Линии изображали долины, кружочки — мужчин и женщин. Пульсирующая цифра над каждым из них была кодом идентификации.

Клеменсу и Бёртону, среди прочего, было сказано Иксом, что тот выбрал в качестве помощников всего лишь двенадцать человек. Но на речных изгибах карты таких кружочков, не считая того, что со звездочкой, было двенадцать раз по двенадцать. Всего сто сорок четыре.

Кое-где пульсирующие кружочки сбивались в группы. Мужчина вздохнул и произнес другую кодовую фразу. Немедленно значки, испускавшие тире-тире-тире-точки, исчезли.

Еще одна кодовая фраза. У верхней кромки грааля появились два пылающих символа.

В живых остались лишь семьдесят первоначальных рекрутов. Меньше половины избранных.

А сколько их останется через сорок лет от сегодняшнего дня?

Правда, теперь появилось немало таких, кто не входил в число первоначальных рекрутов, но зато теперь знал о Башне. Кое-кто из последних был известен лично тому, кого Клеменс называл Тайнственным Незнакомцем, или Иксом. Секрет уже перестал быть секретом, и некоторые из тех, кто узнал о нем из вторых рук, были движимы столь же великой страстью, что и рекруты.

При изменившейся ситуации неизбежно, что все новые и новые люди включатся в походы на север. И вполне возможно, что ни один из рекрутов до Башни не дойдет, тогда как кто-то из добровольцев — доберется.

Человек произнес еще одну кодовую фразу. Теперь возле кружочков возникли другие символы. Треугольнички, пентаграммы (не вписанные в окружность) и даже одна гексаграмма — шестиконечная звездочка. Треугольники, испускавшие из себя целые кодовые группы, были символами, обозначающими этиков второго порядка — агентов.

Что касается гексаграммы, то это был символ Оператора.

В центре того полушария, которое было обращено к мужчине, появился световой квадрат. Затем дисплей вне квадрата потемнел. И сразу же квадрат разросся. Это было увеличенное изображение района, в котором находились три звездочки и несколько кружков.

Еще одна фраза вызвала появление над квадратом каких-то огненных значков. Итак, шестиконечная звезда находится в низовьях Реки во многих тысячах километрах отсюда. Оператору не удалось попасть на борт «Рекса», но второе колесное судно должно было там обязательно появиться, хотя и много позднее.

В ближайшей долине к востоку находился Ричард Фрэнсис Бёртон. Так близко и одновременно так далеко! Только один день пути, если бы плоть могла проходить сквозь камень, наподобие привидений!

Бёртон, без сомнения, находится на борту «Рекса грандисимуса». Его кружок передвигается вдоль линии Реки слишком быстро, чтоб это могло быть парусное судно.

Оператор... Какие бы действия предпринял Оператор, попади он на «Марка Твена»? Приоткрыл бы он хоть часть правды Клеменсу? А может, даже всю? Или промолчал бы?

Нет, предсказать, что может случиться, — невозможно. Ситуация менялась слишком кардинально и слишком неожиданно. Даже компьютер в Штабе и тот смог бы определить лишь малую часть вероятности.

Пока на борту «Рекса» есть только один агент. И еще по меньшей мере десяток их может быть подобран «Марком Твенем», хотя вряд ли можно рассчитывать, что в действительности туда попадет больше одного. Даже и это под вопросом.

А всего на линии между «Рексом» и Вироландо их около пятидесяти.

Из общей цифры — шестидесяти агентов — он мог идентифицировать около десяти. Это был верхний эшелон — главы секций.

Есть шанс, что он вообще не встретится ни с одним из этих шестидесяти:

Но... что случится, если он сам не попадет ни на одно из этих двух колесных судов?

От одной мысли о такой возможности ему стало дурно.

Ничего, как-нибудь. Он *должен* туда попасть!

А ведь если быть реалистом, то следует признать, что провал все еще возможен.

Было время, когда он был уверен, что может совершить все, что находится в пределах сил человеческих, и даже то, что находится за их пределами. Теперь же его вера в себя заметно пошатнулась.

Может, это потому, что он слишком долго прожил среди людей Реки?

Сколько странников, плывущих сейчас вверх по Реке, ведомы великой страстью? Теперь большая часть их уже слышана об истории Джо Миллера, хотя эти слухи и дошли до них через сотые руки. И все они думают, что обнаружат тот канат, связанный из полотенец, по которому они взберутся по отвесному обрыву. Ожидают они найти и туннель, что поможет им обойти непроходимые горы. Ожидают натолкнуться на тропу, вырубленную в горах.

А ведь всего этого больше нет.

Нет и туннеля в конце тропы у самого подножия горы. Он расплавлен и превратился в текучую лаву.

Мужчина снова поглядел на звездочку, что не была обведена окружностью. Близко. Даже слишком близко. И в нынешней ситуации такая близость таит в себе величайшую опасность.

Но кто бы мог подумать, что ситуация сможет так измениться?

В хижину прорвался громкий голос Тай-пена. Он уже вышел из хижины, уже наверняка успел насладиться своей женщиной и теперь орал на весь мир нечто невразумительное. Ну и орово же он поднял! Чистейшее воплощение энергии, да и только!

«Не смогу потрясти богов в небесах, то хоть шум подниму на берегах Ахерона!»

Тай-пен приближался, и с каждой секундой речь его становилась разборчивей.

— Я жру как тигр! Испражняюсь как слон! Я способен выпить сотню кубков вина за одно застолье! Я был трижды женат и познал тысячу женщин! Я сочиняю тысячами бессмертные поэмы, но швыряю их в канавы сразу же после завершения и люблюсь водой, ветром и духами, уносящими их вдаль в объятия разрушения!

Вода и цветы! Вода и цветы! Вот кого я воистину обожаю!

Перемены и непостоянство! Вот что ранит меня, вот что причиняет мне жгучую боль, вот что терзает меня!

И все же именно перемены и эфемерность делают жизнь прекрасной. Разве красота может существовать без угасания, без смерти? Разве может быть совершенство?

Красота прекрасна именно потому, что она обречена на умирание!

Что, разве не так?

Я, Тай-пен, однажды в своем воображении стал быстротекучей водой. И расцветающим бутоном! И драконом тоже!

Цветы и драконы! Дракон — это цветок плоти! Они живут в красоте, тогда как многие поколения цветов расцветают, чтобы тут же умереть! Расцветают и превращаются в прах! Но даже драконы и тедохнут! Они расцветают и тоже превращаются в прах! Белый человек, бледный как призрак, голубоглазый как демон, однажды сказал мне, что драконы живут тысячами. Тысячами, говорю я вам! Так долго, что ум выворачивается наизнанку, стоит только подумать о таком! И все же... все они подошли миллионы лет назад, задолго до того, как Ньюкуа сотворил мужей и жен из желтого ила!

При всей своей гордости и прелести, они сдохли!

Вода! Цветы! Драконы!

Теперь голос Тай-пена затихал по мере того, как тот спускался с холма. Но человек в хижине успел разобрать еще один особенно красноречивый пассаж:

— И какая сволочь вернула нас к жизни, а теперь хочет, чтобы мы опять подошли, но уж навсегда?!

Человек в хижине сказал:

— Ха!

Хотя поэмы Тай-пена повествовали преимущественно о скоротечности жизни мужчин и женщин и цветов, в них никогда не упоминалось о смерти. И он до сих пор никогда даже в обычных разговорах не употреблял такого слова. А вот сейчас он говорил о смерти грубо, почти издеваясь над ней.

До сих пор он казался таким счастливым, каким только дано быть человеку. Он жил в этом крошечном государстве уже шесть лет и, по-видимому, не имел намерения покинуть его.

А может, сейчас он готов к этому?

Такой человек, как Тай-пен, будет неплохим спутником в путешествии вверх по Реке. Он агрессивен, быстро схватывает суть дела, прекрасно дерется на мечах. Если б его можно было незаметно подвинуть на тот путь, с которого он временно сошел...

Все, что он мог предсказать — ибо сейчас он был лишь одной из ниточек в темном узоре, а уже не Ткачом, — так это то, что кое-кому удастся добраться до Вироландо, а кому-то — нет.

Наиболее ловких и проникательных ждет Послание. Кто-то сумеет его расшифровать. Среди них будут и рекруты, и агенты.

Но кто доберется до Башни первым?

Он-то *обязан* быть среди тех, кто дойдет.

Он должен выжить, несмотря на все тяготы странствий. Возможно, самым большим бедствием будет неотвратимая битва между двумя огромными речными судами. Клеменс намерен схватиться с королем Иоанном и или прикончить его, или пленить. Возможно, даже очень возможно, что оба судна и их команды погибнут.

Дикость! Безумие тигров!

А все из-за сумасшедшего желания отомстить, бушевающего Клеменса. Клеменса, который во всех других отношениях является самым миролюбивым человеком.

Неужели Клеменса нельзя убедить отказаться от этой детской страсти — мстить?

Иногда он соглашался с тем, что когда-то сказал Оператор, будучи в подавленном настроении:

— Человечество — оно как кость в глотке Господа Бога!

Но... *И зло будет благословлено, и льды запыхают огнем!*

И Хранитель Темных Истин скачет на непредставимом Изменении...

Что такое?..

Горящие линии и символы на граале вдруг исчезли.

Несколько секунд человек сидел, уставясь в грааль, не в силах даже закрыть открытый в удивлении рот. Затем он выкрикнул целую серию кодовых слов. Но поверхность грааля осталась серой.

Он сжал кулаки. Стиснул зубы.

Итак... то, чего он так боялся, все же свершилось.

Какой-то крошечный элемент в сложнейшей технике спутника внезапно отказал. Что вовсе не удивительно. После почти тысячи лет работы цепи следовало бы уже давно проверить, но ни у кого до этого не доходили руки.

С этого времени он уже не будет знать точно, где находятся остальные женщины и мужчины, участвующие в этой игре. Теперь он тоже оказался в Обители Ночи, окутанный плотным туманом. То, что свет на граале погас, делало тьму еще более густой. Он почувствовал себя бесконечно усталым и бесконечно одиноким пилигримом на пустом берегу — тень среди теней.

Что же теперь еще пойдет наперекосяк? Что является *наиболее вероятным*? Нет, вот это вряд ли... но если оно случится, то он сможет получить так необходимое ему *время*...

Человек встал и распрямил плечи.

Время идти.

Тень среди теней, а время мчится так стремительно.

Подобно рекрутам и агентам, подобно всем прочим обитателям Мира Реки, подобно всем существам, умеющим мыслить, ему придется разжечь свой собственный огонек!

Что ж, да будет так!

Содержание

От издательства	5
МИР РЕКИ	
Темные замыслы, роман, <i>перевод В. Ковалевский, Н Штуцер</i>	7

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том седьмой

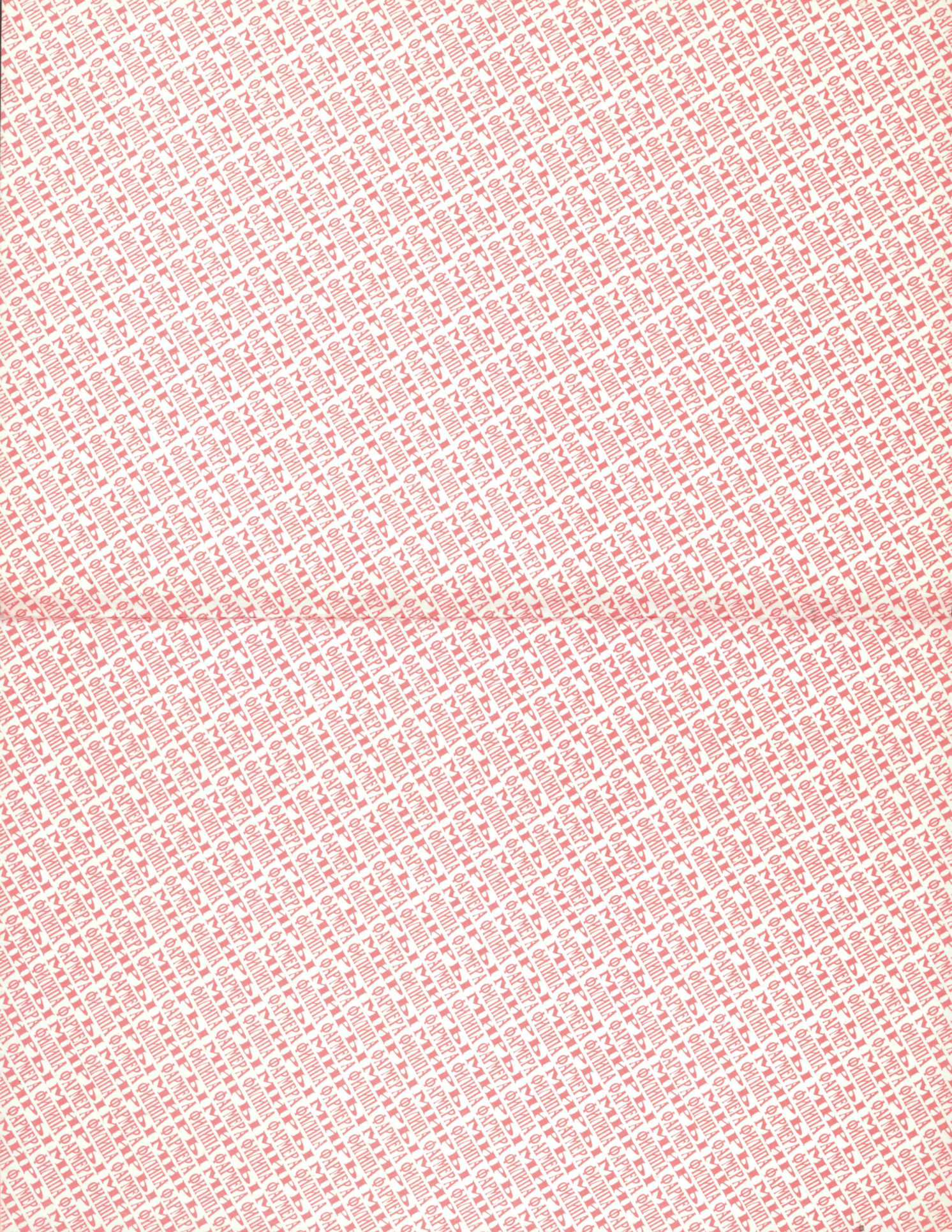
Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, Ж. Голубева*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитилов: *М. Ермаков*

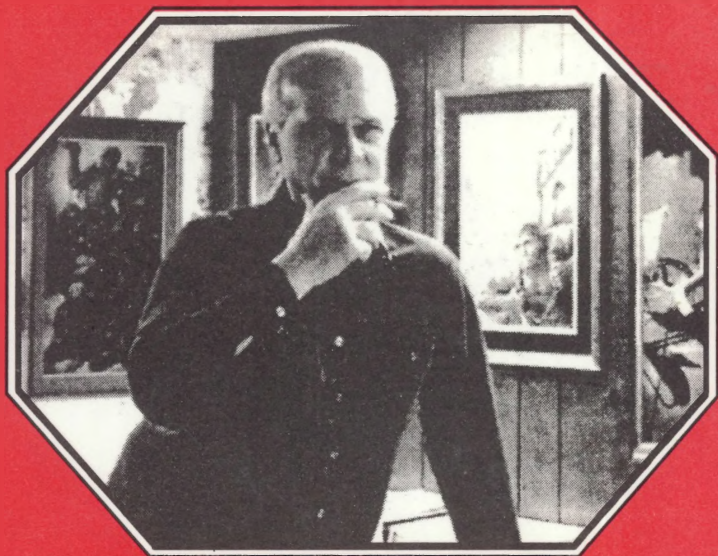
ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 16.07.96. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 2255. С 156.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Темные замыслы

Возвышающаяся посреди Полярного моря загадочная Темная Башня как магнит притягивает к себе искателей истины, желающих получить ответы на вопросы, которые ставит перед человечеством удивительный мир воскрешенных. На парусниках и пароходах, на дирижаблях и воздушных шарах совершают свой путь по извилистой долине Реки избранные Таинственного Незнакомца, повинувшись его темным замыслам, — жители разных веков, личности исторические и почти забытые историей. Но каждый из них остается тем, кем являлся в земной жизни, будь то духовный учитель Нур эль-Музафир или предатель и убийца Иоанн Английский. Самый важный путь героям предстоит пройти в своих сердцах... но кто из пророков говорит правду, кто заблуждается, а кто — просто марионетка в руках недостижимых и жестоких экспериментаторов?